ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Наследие исполинов

—

Никто, кроме нас

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Наследие исполинов. Никто, кроме нас

ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

Наследие исполинов

Никто, кроме нас

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРАНЗИТКНИГА
МОСКВА
2006

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия «Звездный лабиринт: коллекция»
основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн А.С. Сергеева

Подписано в печать 26.02.06. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 36,96. Тираж 5000 экз. Заказ № 580.

Васильев, В.Н.

В19 Наследие исполинов. Никто, кроме нас : из цикла «Война за мобильность» : [фантаст. романы] / Владимир Васильев. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. — 701, [3] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-036177-7 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9713-2234-6 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)
ISBN 5-9578-3906-X (ООО «Транзиткнига»)

В эту книгу вошли знаменитые фантастико-приключенческие романы известного отечественного фантаста В. Васильева.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 2002, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2006

Наследие исполинов

Внимание! В процессе написания этой книги не пострадал ни один Юрий Семецкий!

ЗАДОЛГО ДО ПРОЛОГА

Вселенная чудовищно пуста. Галактики, звезды и планеты теряются в этой явленной бесконечности, и проложить путь от звезды к звезде далеко не просто.

Но разумные сумели сделать это. Причем научились перемещаться от одного светила к другому быстрее света. Смешно — на финише, глядя на звезду, от которой стартовали (если ее возможно было разглядеть из финишной сферы), они могли полюбоваться светом, излученным сотни и тысячи циклов назад. И могли вернуться обратно, потратив всего лишь несколько суток, самое большее — недель. Правда, пока разумные путешествовали только в пределах одной галактики — рыхлого спирального облака, повисшего посреди наблюдаемой бесконечности.

Финишная сфера скомкала и изорвала пространство в непосредственной близости от безымянной звезды, лишенной планет, но за миллионы циклов терпеливого ожидания захватившей несколько бродячих астероидов, осколков былых космических катастроф. Из-за барьера, разом прорвав ткань мироздания, вывалился межзвездный корабль: не совсем правильный объемный эллипсоид, плоский и обтекаемый, будто морской моллюск с плотно сомкнутыми створками. Некоторое время потревоженное пространство продолжало искривляться и бушевать, но кораблю это буйство было нипочем. И самому кораблю, и тем, кто кораблем управлял.

Не повлияли побочные эффекты прыжка и на близкую звезду — что ей, раскаленной термоядерной топке, какие-то жалкие возмущения пространства на дистанции нескольких тысяч диаметров хромосферы? Даже астероидам, обломкам былых катастроф, это вовсе не глянулось катастрофой. Мгновенное и исчезающе слабое изменение гравитационного поля, не способное сдвинуть с места даже пылинку (а сколько весит пылинка на поверхности астероида?) — какая уж тут катастрофа... Излучения? Тоже несерьезно.

Будь окрестности этой звездной системы так же пусты, как и тысячи других систем в галактике, ничего бы не произошло.

Однако вокруг этой звезды довольно давно даже по космическим меркам обращалась совсем уж крохотуля рядом с теми же астероидами — стержень-цилиндр из темного материала, сравнимый по размерам разве что с существами, которые управляли вынырнувшим из-за барьера кораблем. Здесь возмущения пространства нашли отклик — под их воздействием микроструктура стержня стала меняться. Возникали области молекулярных сжатий и разрежений, текла и изменялась кристаллическая решетка. Менялись субъядерные связи. Поглощалась и выделялась энергия. Возмущения пространства, порожденные прыжком корабля сквозь сотни световых циклов, пробудили стержень, а он, в свою очередь, повлиял на пространство. Точнее, на свойства пространства, свойства чрезвычайно глубинные. Правда, это было воздействие совершенно иного рода, нежели побочные эффекты межзвездного прыжка. Теперь стержень очень напоминал ручной фонарик, утерянный кем-то в невесомости: с одного из его торцов срывался конический луч, только луч этот был невидим и неощутим для приборов корабля. На некотором расстоянии от стержня луч обрывался, образовывая окружность диаметром... ну, скажем так, вполне достаточным, чтобы вышеозначенный корабль проскочил в нее, словно дрессированный зверь в обруч дрессировщика, нигде не задев границ этого обруча.

Пространство в финишной сфере успокаивалось, приходя в давно устоявшуюся форму. Пространство внутри луча и окружности и не думало волноваться: оно просто изменило свойства и застыло в таком виде.

Тем временем корабль принялся маневрировать на планетарной тяге. Ориентировался, подгонял скорость и искал нужный вектор дрейфа для подготовки нового прыжка.

За долгое-долгое время, пока стержень невозмутимо ожидал у безымянной звезды, корабли вблизи него появлялись трижды. Первый раз — в незапамятные времена, причем это был точно такой же корабль, какой доставил и подвесил на теперешней орбите сам стержень. Этот корабль грамотно сманеврировал, дождался, пока стержень создаст луч и окружность, прошел самый центр окружности и навсегда исчез из галактики.

Второй и третий корабли появились неизмеримо позже, когда все, кто устанавливал стержни у некоторых звезд, уже угасли как раса и начисто потеряли интерес к межзвездным путешествиям. Оба корабля пробыли в окрестностях по-прежнему безымянной звезды недолго, к стержню не приближались и покинули эту часть космоса по-своему, без помощи транспортера забытой расы.

Сегодня звезды успели забыть расу пилотов, которые вели второй и третий корабли. Так же как и древних исполинов знания, установивших стержень-транспортер. Время неумолимо. Оно не щадит ни тех, кто изобретает способы межзвездных путешествий, ни приспособления, при помощи которых эти путешествия осуществляются. Но продолговатый темный цилиндр с соотношением диаметр/длина как один к семи словно не знал прикосновения времени.

В определенном смысле так оно и было. Давно забытая раса исполинов больше никаких обладающих подобными свойствами устройств после себя не оставила, поэтому цилиндр можно было считать одним из самых старых объектов галактики. А второго такого в этой галактике попросту не имелось.

Четвертый корабль после очередного маневра волею судеб лег на быстро вычисленную траекторию, и траектория эта проходила как раз через условную окружность, которая усекала конический луч древнего «фонарика», стержня-транспортера. Но траектория прокалывала окружность не вблизи центра, а у самого края, у границы, да так, что корабль боль-

шею частью проваливался в пятно измененных физических свойств, а меньшею проходил мимо пятна, там, где пространство обладало самыми обычными свойствами.

Та часть, которая угодила в зону действия транспортера, исчезла. Остаток, словно вскрытая консервная банка, исторг содержащийся внутри воздух, жиденький и быстро редеющий рой предметов самых разнообразных форм и размеров да десятка два мгновенно закоченевших до стеклянной твердости трупов. Один из космонавтов-путешественников, на свою беду, в момент катастрофы был облачен в защитный спецкостюм — его ждала смерть медленная и куда более мучительная. Но столь же, увы, неотвратимая. Еще четверо бедолаг находились в герметично закрытом отсеке. Их агония длилась дольше, поскольку отсек имел определенный резерв автономности, но совершенно не имел средств связи, способных оповестить сородичей на таком чудовищном расстоянии от обжитых миров.

Когда стержень погасил транспортный «луч», космонавт в спецкостюме и четверо его коллег в отсеке не успели еще даже сообразить — что же произошло?

Ожидание — естественное состояние древнего транспортера. Он снова погрузился в ожидание.

Правда, транспортер не знал, что ждет. Он просто срабатывал на каждое возмущение пространства вблизи себя — только его «вблизи» подразумевало сферу, в которую свободно умещалась безымянная звезда и вся ее карликовая планетная система в придачу.

Автоматы умеют ждать.

ОЧЕНЬ ДОЛГИЙ ПРОЛОГ

— Приехали, — нейтрально сообщил Веселов.

Он всегда говорил так, словно делал собеседнику одолжение. Или был чем-то страшно недоволен.

— Спасибо, — с некоторой ехидцей отозвался Плужник.

Плужник Веселова часто раздражал — наверное, именно этой подчеркнутой серьезностью.

Но на бригадира не очень-то поорешь. И не очень-то пообижаешься. Точнее, обижаться-то можно сколько угодно, да только ни к чему ровным счетом это не приведет. А обидишься открыто — еще и по служебной линии огрести можно.

В общем, Саня Веселов страдал молча.

Плужник, чаще именуемый в команде «Тимурычем», величаво кивнул и исчез из призрачного столбика связи над пультом.

Веселов сморщил нос и показал в пустоту язык.

Рейдер действительно прибыл на место назначения — стандартный малый поисковик класса «Шустер-эпсилон». Экипаж семь человек, дальность пульсации — до восьмисот светолет. В исключительных случаях — до тысячи двухсот. Дальше сигать не рекомендовалось, икс-привод начинал сбиваться при наведении на финишную сферу. Бригада искателей на рейдере была укомплектована лишь частично — вместо семерых всего пятеро. Людей, как обычно, не хватало. Поэтому функции бригадира и капитана рейдера (а по совместительству и врача) выполнял один и тот же человек — Тахир

Тимурович Плужник, он же Тэ-Тэ-Пэ, что большинство женщин на земной Базе с обидой в голосе расшифровывали как «тяпнул-трахнул-послал». Потому что в нетрезвом виде Тимурыч и впрямь был падок до женского полу и почему-то мистически неотразим, а наутро, протрезвев, вечно впадал в меланхолию и становился ужасно циничным, недобрым и невыносимым.

Помбриг (он же штурман-астрогатор и, как ни странно, вечный кок) Вася Шулейко, человек редкостно мягкого характера, выглядел гораздо моложе своих пятидесяти трех локальных. Румяные щечки, нежный пушок на скулах — он скорее походил на кадета или даже на малька-первокурсника, а отнюдь не на матерого волка-искателя, испрыгавшего каждый спиральный рукав вдоль и поперек. Вася давным-давно осознал, что в галактике неизмеримо больше мест, где он доселе не бывал и никогда не побывает, нежели мест, куда его заносила прихотливая судьба искателя. Главное, что отличало малька от ветерана, — осознание безграничности вселенной в целом и исполинских размеров галактики в частности. Но для всех, не исключая тех же мальков, Вася оставался просто Васей, хотя успел налетать даже больше Тимурыча.

Мальком, а также исполняющим все прочие обязанности, вынужденно оставался Саня Веселов, невзирая на свои двенадцать рейдов и особый спецкурс в академии. По той простой причине, что двоих штатных искателей в команде не хватало, а научников в рейд никогда не посылали меньше пары.

Научники в этот рейд выпали — хуже не придумаешь. Сухопарые матроны с Офелии, родные сестры. Регина и Виола. Тетки изрядно зловредные и склочные, но в космосе отнюдь не новички, этого не отнять.

В общем, экипаж подобрался чудовищный; ничего подобного ему даже в суммарной памяти Тимурыча и Васи за долгие годы полетов не отложилось. Матронам что, у них каждый рейд выглядит чудовищным с точки зрения остальных членов экипажа, эти две дамочки привыкли...

Поисковики старались мириться. И уступать.

Задачей искателей было шастать по малообжитым районам космоса в поисках следов, оставленных реликтовыми

цивилизациями. Кто и когда учредил Поисковую Базу и кто ее финансировал — оставалось сокрыто под туманной завесой догадок и кривотолков. С одной стороны, эта информация не считалась сколько-нибудь секретной. С другой стороны, сведения всплывали настолько противоречивые, что составить правдоподобную картину никак не удавалось.

Плужник считал, что Базу содержат военные. Точнее, то, что осталось от регулярных военно-космических сил доминанты Земли, — разрозненные штабы флотов и отдельные соединения кораблей, расползшиеся по наиболее важным звездным системам людей. Единое управление они давно утратили ввиду отсутствия осмысленной угрозы со стороны союзников или откуда-нибудь извне, но с успехом продолжали поддерживать вполне приличную боеготовность. Основной задачей и единственным источником средств для военных стала борьба с расплодившимися после вступления людей в союз пиратами и контрабандистами. Местными режимами помощь военных весьма поощрялась, поскольку полицейские части с легионом пиратов явно не справлялись ввиду вопиющей малочисленности и плохой оснащенности. А зачем плодить полицейских и оснащать их, когда под боком прекрасно обученные и оснащенные военно-космические силы? Снаряжение и технику военные заказывали, распределяли и транспортировали сами, являя почти идеальный симбиоз с субъектами доминанты Земли.

Розовощекий Вася мнения по этому поводу никогда не высказывал, но втайне считал, будто База финансируется Фондом единого знания, общесоюзной организацией с положением и возможностями серого кардинала. Не имея власти формальной, Фонд имел практически неограниченные энергетические и финансовые ресурсы. Иными словами, бабок у Фонда было до хрена, поскольку львиную долю научных изысканий курировал именно он, права на действующие технологические патенты держал он, регистрировал (у себя же) новые патенты почти исключительно он, а с патентов регулярно состригались даже не миллиарды — триллионы пангала. Деньги давно стали в обжитой части галактики основной и чуть ли не единственной движущей силой. Серьезным доводом в

пользу Васиного мнения служил тот факт, что остальные шесть высших рас союза и шесть претендентов в высшие имели собственные Поисковые Базы, сконструированные по единому образцу и оснащенные в точности той же техникой, что и земная. Отсутствие самостоятельных искателей у новоразумных рас, вроде хлонк или беура, по убеждению Васи, объяснялось лишь формальным запретом главенствующей шестерки пользоваться межзвездными технологиями без надзора. А среди наемников по чужим Базам тех же хлонк и беура очень даже хватало.

Саня Веселов был еще слишком молод и беззаботен, чтобы иметь на этот счет сформировавшуюся концепцию, а для проформы полагал, будто Базами командуют частные промышленные синдикаты; кое-кто из старичков придерживался схожего мнения.

Истина скорее всего лежала где-то в промежуточном объеме, приблизительно на равном удалении от всех точек зрения. Базы вполне могли быть и автономными, на равных сотрудничая со всеми понемногу.

Девяносто девять целых и девятьсот девяносто девять тысячных процента от общего числа поисковых вылетов заканчивались ничем. Вообще ничем. Искатели, впустую проболтавшись пару локальных лет по космосу, возвращались на Базу, сдавали стандартный отчет и отправлялись в положенные по контрактам отпуска. Но оставшаяся одна тысячная процента удачных вылетов с лихвой окупала все затраты.

Искатели-цоофт сто сорок лет назад в одном из дымовых колец Ф'Ладг-Энрике наткнулись на законсервированный маяк неизвестной расы; возраст маяка был оценен приблизительно в двенадцать-тринадцать миллиардов локальных лет. Стало быть, маяк сигналил неведомым кораблям древних задолго до царствования легендарных Ушедших.

Поисковики доминанты Земли три с половиной десятилетия целенаправленно утюжили ближние окрестности бывшей системы Волга, где некогда случайно вынырнул из небытия целый крейсер Ушедших; благодаря тем событиям люди и пробились в высшие расы. Ничего имеющего отношение к Ушедшим поисковик не обнаружил, зато в недрах давно за-

брошенного планетоида-рудника в Поясе Ванадия был найден предмет, позже нареченный «оранжереей». «Оранжерея» уже была создана кем-то, когда первые а'йеши и первые матки Роя едва начали постигать простейшие арифметические действия. Назначение «оранжереи» ученые Земли так и не смогли внятно объяснить, но благодаря ее изучению совместными усилиями а'йешей и цоофт наконец-то были частично истолкованы принципы действия мгновенной связи. После таинственного исхода Роя из галактики это открытие имело поистине судьбоносное значение, ведь больше некому было поставлять «черные ящики». Физику процесса мгновенной связи ученым уловить не посчастливилось, но зато союзники после долгих мытарств научились копировать работающие «черные ящики» Роя, что заставило вздохнуть свободно миллиарды разумных существ.

Искатели булингов, совсем недавно принятых в шестерку высших рас, первыми додумались сопоставить общие свойства двух гравитационных аномалий: первой вблизи собственной столичной системы, в районе, известном как скопление Пста, второй — на периферии бывших владений Роя. В результате ничего материального найти не удалось, однако удалось записать закодированное послание неизвестной расы Рою и ключ-дескриптор к нему. Послание содержало массу сенсационной информации, в том числе и научно-технологической.

Случались и не столь громкие находки; но важнее было то, что любой разумный обитатель любой из планет союза твердо усвоил: галактика полна рукотворными артефактами и их нужно неустанно искать. Удивительно, но некоторые пиратские флотилии добровольно отказались от нападений на поисковики да еще объявляли вне своего флибустьерского закона всех, кто подобным принципом пренебрегал.

Бригадира Плужника в свое время пираты потрошили дважды, потому что какая-то обиженная дама из обслуги земной Базы запускала слух: Тимурыч, мол, на что-то *необычное* наткнулся и везет *это* на Базу. За «Шустером» любвеобильного бригадира устраивались оглушительные лихие погони-сафари, но оба раза все заканчивалось появлением несколь-

ких линейных крейсеров военно-космических сил. Пираты, понятно, немедленно разбегались, а Плужник возвращался восвояси с неимоверной помпой и внушительным эскортом. К сожалению, оба раза порожняком, поскольку *находка* существовала лишь в воображении обиженной дамы.

Первые годы после академии и стажировок любой, завербовавшийся в искатели, всерьез надеялся что-нибудь найти. Потом приходили первые сомнения. Потом разочарование пополам с грустью. А потом неизбежное понимание умудренного сединами ветерана: везет лишь единицам из сотен тысяч. И шанс, что повезет именно тебе, ничтожно мал...

Поэтому ни бригадир Плужник, ни Вася Шулейко ничуть не спешили приступать к работе после рапорта Сани Веселова о прибытии в район сканирования. На рейдере заканчивалась локальная ночь, до подъема по распорядку оставалось почти два часа. Веселов мог и не блюсти формальную букву устава. Вполне мог доложить о финише в начале рабочего дня, при сдаче вахты. Ни бригадир, ни (упаси боже!) душка-помбриг Вася Шулейко даже не нахмурились бы на подобное мелкое, но вполне оправданное здравым смыслом нарушение, а мнением научных дам на марше смело (а главное — без последствий) можно было пренебречь.

Но Веселов доложил, невзирая на локальную ночь.

Согласно тому же уставу поисковой службы Тимурыч обязан был явиться в рубку и собственноручно запустить аппаратуру сканирования. Но Тимурыч еще не рехнулся на старости лет, чтобы за такой мелочью вылезать из теплой постели за два часа до подъема и тащиться через полкорабля в рубку, поэтому сонно велел Веселову начать сканирование самостоятельно либо подождать до утра, когда все встанут и позавтракают. После чего с чистым сердцем задремал снова.

Веселов и не надеялся, что «старики» немедленно примчатся после его рапорта. Если начистоту — сидеть без дела было невыносимо скучно, спать предательски не хотелось, а за не санкционированное бригадиром включение дорогостоящей аппаратуры и неуклюжую попытку ее настройки малька могли и ощутимо взгреть с ущемлением в выплатах.

Получив вожделенную санкцию, Саня повеселел и бодро разблокировал куб управления сканерами. Мудреный агрегат работы чешуйчатых свайгов был даже не адаптирован для доминанты Земли — дизайн панели управления и сенсорные пульты под четырехпалые руки сразу выдавали изделие союзников.

Когда-то всех инопланетян называли просто «чужие». Но постепенно, по мере вхождения людей в галактический союз, это неприятное словечко стало выпадать из обихода и забываться. Так уж получилось, что союз перенял от людей не меньше, чем люди от союза. И увы, среди человеческих даров иным расам оказалось куда больше пороков, нежели добродетелей. Доминанта Земли, напротив, впитывала почти исключительно знания и технологии.

Например, вот этот новейший сканер. По дальности и точности анализа он не имел равных в галактике. Разрабатывали его совместно а'йеши и азанни, испытания проводили свайги и цоофт, производили свайги и поставляли всем без исключениям расам, имеющим Поисковые Базы. Собственно, поэтому за самоличную его активацию малька могли и взгреть — люди таких приборов пока еще не делали.

Но вопреки всему Саня Веселов умел с ним обращаться, и умел неплохо. Да и мальком считался только в силу того, что угодил в команду к паре признанных корифеев и паре мегер.

Расшторив наружные датчики и прогнав положенные тесты, Саня даже немного воодушевился.

«Сейчас, — подумал он, оживляясь все сильнее и сильнее, — как обнаружу, блин, что-нибудь эдакое... от Ушедших! Или еще каких исполинов потерянного знания! Тимурыч небось в одних портках примчится...»

Однако Саня уже вплотную подошел к тому барьеру, когда в глубине души становится вполне очевидно: ни сегодня, ни завтра, ни через неделю, ни через год мудреный сканер работы свайгов не заверещит, не соизволит просигнализировать об обнаружении объекта «предположительно техногенного происхождения»...

Сканер заверещал на второй минуте работы.

Саня вздрогнул и обмер. Потом его взяла оторопь. Потом обдало болезненной испариной.

Руки дрожали и плохо попадали на сенсоры, сработанные под лапы рептилий-свайгов. Слишком контрастные строки интера в непривычно сером объеме экрана плясали и расплывались перед глазами.

Саня внимал резюме.

«Объект: предположительно фрагмент летательного аппарата...»

Приблизительная масса покоя равнялась двадцати трем земным килотоннам. Расстояние до объекта составляло около двенадцати десятичных мегаун, что приблизительно равнялось шести мегаметрам. Впритирку, черт возьми... Энергетическая активность — ноль. Тазионарная активность — ноль целых шесть десятых. Барионная активность — выше нуля, но можно пренебречь. Время пассивного дрейфа (в первом приближении) — более полутора тысяч локальных лет.

Саня хмелел от неверия.

Но вскоре, слегка порассуждав, начал успокаиваться.

В самом деле — полторы тысячи лет разве срок? Никакой это не артефакт исчезнувших исполинов. Просто обломок корабля одной из ныне здравствующих рас-союзников. Полторы тысячи лет назад союз тогда еще пяти рас, включая ныне сгинувший Рой, вовсю рубился с нетленными и их сателлитами из Ядра — оре и дашт. Кораблей тогда пожгли и покорежили без счета. Правда, немногочисленные останки космической техники быстро повыловили и немедленно пустили в дело, еще во время войны. А уж после войны подчистили пространство на зависть тщательно. Только по окольным медвежьим углам, где не случались массовые побоища и могли еще сохраниться битые корабли. Только в местах случайных незарегистрированных стычек, когда выживших не остается и некому рассказать о скоротечном звездном бое.

Итак.

Саня втянул объемно-структурный образ находки в куб программы-распознавателя и дал команду на идентификацию типа летательного аппарата. Втайне Саня надеялся, что, поразмыслив и перебрав все возможные варианты, программа

озадаченно мигнет желтым индикатором и бесстрастно сообщит, что «тип летательного аппарата не опознан».

Разумеется, надежда не оправдалась. Программа довольно быстро разобралась и сказала, что найденный обломок «идентичен левой мидель-носовой части модульного разведывательно-десантного крейсера производства а'йешей времен войны с нетленными. Применялся а'йешами активно и повсеместно, ныне устарел и не производится с такого-то года».

Год программа выдала по исчислению свайгов. Переводить в земную дату Сане было лень: и так понятно, что модульные крейсеры разумные кристаллики-а'йеши давно не производят и что со временем дрейфа вышеозначенного «фрагмента летательного аппарата» сие вполне коррелирует.

Потом Саня задумался — а где, собственно, недостающая часть крейсера? Война с нетленными — не древние поединки на планетах. В космосе применялось оружие, от которого редко остаются обломки. Да еще сравнительно целые. Аннигиляция, деструктурирование вещества, силовые поля, тазионарные поля... Впрочем, специалистом по оружию, тем более по древнему, Саня не являлся.

Он исследовал обломок крейсера вдоль и поперек, выяснил (с помощью программы, разумеется), что «видимых повреждений помимо рассечения фрагмент летательного аппарата не имеет». Тут и застал его свежий и розоволицый с утра помбриг Вася Шулейко.

— Что это еще за каракатица? — весело спросил Вася, склонившись над плечом Веселова.

Саня Веселов вздрогнул от неожиданности и зыркнул на часы — вахта его уже четверть часа как закончилась.

— Это крейсер а'йешей, — собрался и ответил Саня. Довольно внятно ответил: чему внутренне порадовался. — Модульный. Точнее, кусок крейсера. Болтается тут полторы тысячи лет. Больше пока ничего не выяснил...

— Когда засек?

— Часа два назад как финишировали. Я Тимурычу доложился, он велел посканировать до подъема...

— Так-так. — Вася жестом велел Веселову уступить место и плюхнулся в кресло сам. Руки запорхали над чужим пуль-

том. Рассчитанным под четырехпалую руку с пальцами, длиннее чем у людей...

Помбриг сноровисто выводил в объем экрана столбцы данных, вызывал таблицы и справочники, запустил библиотеку и сводарий. Постепенно пространство перед ним заполнилось призрачными изображениями текстов, трехмерных макетов, ссылок на документы и архивные массивы.

— Вахту принял, — не оборачиваясь, буркнул Вася Веселову. — Ступай, отсыпайся...

Спать Сане по-прежнему не хотелось, поскольку первую половину дежурства он бесцеремонно продинамил со смеженными веками, ибо подготовка к прыжку и сам прыжок совершенно не требовали человеческого вмешательства. Автоматы все делали сами. А вот перекусить чего-нибудь явно не мешало.

— А слопать чего-нибудь имеется? — осторожно поинтересовался он.

Дело в том, что Вася Шулейко обыкновенно наведывался в рубку перед тем, как отправляться готовить завтрак. Сегодня он явно вознамерился в рубке застрять, поэтому завтрак искателей мог свестись к личной импровизации каждого члена экипажа. Большею частью из консервантов и сухпая.

— Я повара навострил вчера... Загрузи чего попросит и стартуй первое меню. Потом свистнешь.

— Понял, — повеселел Саня.

Если Шулейко с вечера написал рационную программу, значит, никаких сухпаев. А набросать в кухонный комбайн продуктов по списку даже мегеры-научницы не гнушались.

— Я пошел! — Великовозрастный малек лихо отсалютовал и выскользнул из рубки, едва не столкнувшись за перепонкой с бригадиром.

— Доброе утро, Тимурыч! Вахту взял Вася.

— Ага, — принял к сведению бригадир и протяжно зевнул. — Гуляй...

Он еще ничего не знал.

Спустя час Саня, успешно совладав с кухонной автоматикой и вежливо раскланявшись с мегерами в твиндеке, снова просочился в рубку. Тимурыч и Вася, погрязнув носами в ме-

шанине объемных экранов, разбирались с неожиданной находкой. Они что-то беспрерывно бормотали и изредка шипели друг на друга. Веселов притих на рабочем месте штурмана-астрогатора, во все глаза наблюдая за работой корифеев.

— Скол проверил? — осведомился Тимурыч, лихорадочно листая в одном из видеокубов некий безразмерный реестр.

— Ага. Как зеркало, — отозвался Вася. — Шлифовали его, что ли?

— Шлифовали, — едко подтвердил Тимурыч. — Думаю, непосредственно при срезе.

— Да не было у нетленных такого оружия, тебе ж сказано!

— А у союзников? Кто сказал, что это нетленные?

Саня Веселов тихо внимал.

— Полагаешь, союзники могли сцепиться между собой?

— А ты полагаешь, такое невозможно?

Вася Шулейко с сомнением пожал плечами:

— Не знаю... А давай запросим центр статистики. Лучше с А-Йеши, со столицы.

— Давай... Что там с неводом?

— Ловит!

Тут Вася заметил безмолвствующего Веселова.

— О! А ты почему не спишь?

— Неохота что-то...

— Тогда помогай!

Саня с готовностью вскинулся.

— Гляди на сканер, он мелкие объекты выискивает. Не могло же от крейсера отрезать единственный кусок! Да и изнутри наверняка что-нибудь выплыло.

— Да брось, полторы тысячи лет! Прикинь, куда оно все улетело за это время! — усомнился Тимурыч.

— Улетело так улетело, — не стал возражать Вася. — А проверить стоит! Давай за пульт, кадет!

— Я не кадет, — в который раз уныло и недовольно поправил Саня, прекрасно сознавая, сколь мала с высоты помбриговского опыта разница между ним и действительно кадетом.

— Отставить, — неожиданно вмешался Плужник. — Лучше пойди проверь скафандры. Сделаем вылазку, поглядим поближе, я так думаю... Давай, наводись впритирочку.

Шулейко послушно отогнал Саню от штурманского места и принялся просчитывать мини-прыжок.

Проверка скафандров — обязанность техника или замбрига по оборудованию. Но поскольку Саня Веселов исполнял все маршевые функции, кроме бригадирских и штурманских, скафандры, естественно, тоже входили в его сферу ответственности. Впрочем, проверять там особо было нечего, техника простая, как молоток, надежная, как молоток, и проверенная годами успешного применения, как все тот же верный человечеству молоток. Поэтому уже через десять минут Саня вызвал по внутренней связи рубку и доложил, что три скафандра к эксплуатации готовы, аминь. Тимурыч ворчливо осведомился, почему три. Веселов смутился и неуверенно предположил, что, мол, для выхода за пределы рейдера бригадиру, помбригу и ему, стало быть Сане Веселову, понадобится аккурат три скафандра, ни больше ни меньше. На что Тимурыч холодно возразил, что, во-первых, бригадир никуда выходить не собирается, поскольку хоть один разумный человек обязан оставаться в рубке. Во-вторых, в экспедиции к находке априори (Тимурыч так и выразился — априори) обязан принять участие представитель научников, стало быть, одна из мегер пойдет к обломку крейсера а'йешей, а вторая будет на подхвате у библиотечного терминала в рубке. С первой мегерой отправится Вася, а искателю Веселову надлежит дежурить у шлюзов, если он не пожелал отдыхать после ночной вахты.

Саня попытался вяло и безнадежно протестовать; понятное дело, ни к чему путному сие не привело.

В общем, когда Регина величественно вплыла в рубку и села за свой терминал, а Виола и Вася облачились в скафандры, Саня уже почти смирился со своей тоскливой участью.

Первый раз довелось принимать участие в чем-то похожем на настоящий поиск, и, естественно, в качестве сугубого статиста! Кто б сомневался...

Нет в мире справедливости! И это при том, что злосчастный обломок крейсера обнаружил именно он, Александр Веселов, искатель земной Базы. А вся слава достанется Плужнику и мегерам, как пить дать им, а вовсе не Сане Веселову.

Нет в мире справедливости... Ни миллиграмма.

Следующие полчаса Саня в одиночестве проторчал у шлюза. Вася и Виола в совершенно будничном настроении дождались, пока рейдер прыгнет поближе к находке, и вышли наружу. Навелись и отсинхронизировали вектор дрейфа просто изумительно: когда пространство за бортом пришло в норму и Плужник разрешил выход в открытый космос, поисковый рейдер и обломок древнего крейсера а'йешей разделяли жалкие двенадцать километров.

Скафандры у искателей были модерновые: не на архаичной реактивной тяге, а с гравидвижителем. Эдакий икс-привод в миниатюре, разве что без возможности барьерного перехода. Движитель фиксировал массивную цель и подтягивал человека в скафандре к ней, словно на страховочном фале. Если же цель по массе уступала человеку, в качестве опорной точки использовался рейдер. В этом случае скафандр не подтягивал, а выталкивал своего владельца к цели.

Сгорая от неутоленного любопытства, Саня слушал маловнятные переговоры Васи с Плужником.

А потом произошло чудо.

— Тимурыч? — запросил Шулейко с некоторой озадаченностью в голосе. — Тут осматривать немерено... Шли-ка сюда Саньку на подмогу, а то и за неделю не управимся.

Саня чуть не умер от внезапно вернувшейся надежды; грудь сдавило, словно началась тренировка на перегрузки; дыхание само собой остановилось. Боже, как отчаянно хотелось, чтобы шеф согласился с предложением штурмана! Пусть это и не совсем регламентный шаг — выслать с рейдера более половины экипажа, но ведь и отправлять рейдер в поиск при некомплекте экипажа тоже как-то мало согласуется с регламентом. С комплектацией последнее время вообще беда, искателей на Базе в лучшем случае процентов семьдесят от необходимого количества. Пахать приходится за себя и за того парня, какой уж тут регламент!

— Думаешь, надо? — с сомнением переспросил Плужник.

Саня тихо проклял все на свете.

— Надо, Тимурыч. Это ж крейсер, не песчинка, даром что обломок. Даже так раз в десять больше нашего рейдера.

Саня возблагодарил космические глубины и создателя космических глубин — если он все-таки есть. А заодно и создателей модульных крейсеров а'йешей — за то, что создали свои крейсеры достаточно большими.

Бригадир тяжко вздохнул:

— Там хоть тихо все, а? Излучение там, еще какие пакости? Виола, ау!

— Пока никаких пакостей, — проскрипела Виола. — Эта жестянка, по-моему, не опаснее заброшенной шахты.

— Веселов! — окликнул Саню бригадир суровым до театральности тоном. — Облачайся и давай к ним! Если без Васиного слова шаг ступишь — сгною в мехзоне!

— Есть, шеф! — с трудом пряча ликование, отозвался Саня и, не мешкая, разодрал перепонку перед нишей со своим скафандром.

Удача все-таки снизошла и улыбнулась ему.

Даже не веря в улыбки удачи, каждый искатель втайне мечтает стать первопроходцем. Саня по крайней мере мечтал. Сильно. Очень сильно.

Облачился он за рекордное время. Внутренние тесты быстрее прогнать было просто невозможно. Шлюз прокачивался, казалось, целую вечность. Но так или иначе — спустя четверть часа Саня выпорхнул из внешней камеры в усеянную похожими на россыпь гемм звездами пустоту.

Саня Веселов никогда не робел перед пустотой. Здесь трудно было держать горизонт — горизонта не существовало вовсе. Здесь трудно было понять, где верх, где низ — низа и верха не существовало тоже. Саня умел главное: привязаться к паретройке ориентиров и держать в голове всю трехмерную картину в целом. Рейдер — безусловно, оставался «сзади»; далекий красный глазок сигнального феера Васи Шулейко виднелся «впереди»; а во-он то смутное пятнышко, ближайшая звезда, пусть будет «низом». Все, теперь главное — не терять ориентиры, и тогда ни за что не померещится, будто ты висишь в пустоте совсем один на многие световые годы, брошенный и забытый, не будет болезненно сдавливать грудь, и воздуха всегда останется достаточно, чтобы не задохнуться. Все страхи и неудачи проистекают в первую очередь из головы, из

подсознания обитателя поверхности планеты или замкнутых помещений на искусственных станциях, а уж только потом от сбоев в оборудовании и непредвиденных обстоятельств.

Теперь — заарканить массивный обломок крейсера невидимым гравитационным поводком и подтянуться, словно на лебедке... Сколько раз Саня проделывал подобное на тренировках! Начиная с третьего курса. Потом на ежемесячной сдаче нормативов, уже на Базе. А вот в рейде — впервые довелось выйти в открытый космос. Предыдущие рейды неизменно заканчивались ничем. Вообще ничем — даже для завалящего ремонта ни разу не пришлось напяливать толстый жилет скафандра и цепенеть в тесном шлюзе.

«Все когда-нибудь происходит впервые, — философски подумал Саня. — А потом это назовут приобретенным опытом. Опытом искателя! Приобретается в сей знаменательный миг вовсе не тупая цифра в графе совершенных пустых рейдов у великовозрастного малька-дубинушки, а опыт, настоящий опыт молодого, но уже повидавшего пространство спеца! И в баре можно будет небрежно бросить приятелям: «А вот когда мы старый крейсер подцепили у этой, как ее... Ну, есть такая звездочка у черта на рогах, в периферийном секторе...»

Рабочий выход ничем — ну совершенно ничем не отличался от тренировочного. Разве что квалификаторы не пялятся с открытой преподавательской платформы да прожекторов поменьше — всего-навсего два. Один у шлюза, другой — над выпуклой, похожей на бегемотий лоб кабиной рейдера.

Вскоре красная точка Васиного маячка перестала выглядеть просто точкой. Точнее, маячок-то как раз точкой и остался, только поярче стал. Просто фоном для странной рубиновой звездочки служила теперь не чернота с вкраплением звезд настоящих, а смутно видневшееся черно-серое пятно, которое настоящие звезды наоборот заслоняло. По мере того как Саня подлетал, пятно росло, расползалось и скоро закрыло собою чуть не полнеба.

А рейдер съежился до размеров двойного прожекторного огонька где-то далеко-далеко позади; потом огоньки слились в один.

Оглянулся Саня Веселов всего лишь раз.

Обломок крейсера был действительно здоровенным. Куда больше поискового рейдера. И ведь это только обломок! Процентов тридцать — тридцать пять от целого корабля! Саня невольно вообразил, что эти милые кораблики когда-то насмерть рубились тысячами, и сам себе позавидовал. В том смысле, что родился в мирное и достаточно сонное время, а стало быть, не приходится гореть заживо или аннигилировать в жерле какой-нибудь межзвездной заварушки.

Не то чтобы искатель Веселов полагал свои времена безмятежными и сладенько-розовыми. Вовсе нет. И пиратов по космосу шатается не счесть, и темных делишек проворачивается — разрядов на калькуляторе не хватит пересчитать, и мафия орудует везде и всюду, и жизнь разумного существа стоит не так чтобы очень уж дорого... Но и не сущий грош, как во время войны, когда солдаты гибнут едва ли не миллионами, когда гибнут не только солдаты, а и планеты, а порою и целые планетные системы.

И ведь это еще далеко не самый крупный крейсер из применявшихся за сотни лет космической войны!

Следующие несколько часов Саня вовсю впитывал пресловутый опыт. Под руководством тертого пространством Васи Шулейко и сморщенной мымры Виолы, тоже прекрасно сознающей, что ей здесь делать, Санины функции свелись в основном к блужданиям по уцелевшим отсекам и подробным докладам Васе и Тимурычу. «Дуй отсюда направо. Что видишь? Твиндек? А там есть такая низкая дверца со значком сбоку? Похожим на створовый знак «Умерь тягу!»? Есть? Так, жди, сейчас подойдем». После чего в твиндек из какого-нибудь бокового лаза вплывал Вася, некоторое время возился у дверцы и неизменно открывал несложный магнитный запорчик. «Давай полезай...»

Саня полезал.

«Что видишь? Пульт? Твою мать, поверить не могу! А сколько перед ним кресслож, две или четыре? Что? Семь? Так, стой, ничего не трогай, сейчас буду! Виола, давай в сектор привода, кажется, у нас нетронутый боевой пульт нарисовался!»

Прилетала Виола со своим напичканным разнообразными приборами чемоданчиком, и следующие час-полтора Сане Веселову в лучшем случае доводилось что-либо подать-подержать, не более.

В общем, на объекте проторчали четырнадцать часов кряду, прервавшись только несколько раз. На обед и физиологические нужды. Когда вернулись на рейдер, Саня чувствовал приятную усталость в теле и не менее приятную удовлетворенность в душе. Пока тащились на гравитационном аркане назад, удалось послушать переговоры Васи с Плужником и мегер между собой.

Сверхсенсационного их группа ничего не обнаружила. Всего лишь обломок достаточно древнего крейсера чужой союзной расы.

Но! Судя по всему, этот крейсер подвергся атаке; весь экипаж погиб, не успев даже сообщить о своей судьбе командованию и метрополии. Стало быть, этот корабль числится пропавшим без вести. Именно поэтому среди аппаратуры и снаряжения сохранилось несколько устройств, содержащих и поныне засекреченные узлы и детали. Как тот же боевой пульт из отсека со знаком, похожим на «Умерь тягу!». Если поисковик доминанты Земли обнаруживает и доставляет на Базу подобные засекреченные блоки, как правило, это заканчивается тем, что хозяева технологических секретов предоставляют доминанте Земли кое-какую ценную информацию. Чаще всего — именно по найденным блокам. Иногда — другую, но тоже ценную.

Обнаружение пропавшего без вести корабля само по себе тоже является ценной информацией. Хотя бы потому, что, невзирая на скверные времена, союз продолжает чтить погибших в давней войне. Поэтому землянам от а'йешей также наверняка перепадет что-либо полезное.

И последнее. Самые бурные споры мегеры-научницы вели о причинах гибели старого крейсера. По их словам, корабль а'йешей будто бы рассекла на две неравные части некая неведомая сила, причем таким образом, что произошла практически полная разгерметизация найденной меньшей части.

А'йеши — кристаллическая форма жизни, привычная к низким для землян температурам. Но и для них вакуум убийственен. Поэтому экипаж погиб. Что за смертоносная сила разрезала крейсер? Именно этот вопрос, как показалось Сане, более всего занимал старших коллег-поисковиков. Доступная часть архива-сводария была тщательно перетряхнута. Обращение по мгновенке в ближайший сводарий а'йешей также принесло некоторые плоды: упоминание о пропавшем без вести крейсере там имелось.

А чуть позже бригадир Плужник вторично отдал Сане Веселову приказ просканировать окрестности, и тому снова повезло, правда, не на второй минуте, а в этот раз на четырнадцатой.

Засеченный предмет был ничтожных по космическим меркам размеров — цилиндр полутораметровой длины и сорокасантиметрового диаметра. Плюс-минус, разумеется: на таком расстоянии даже суперсканер свайгов давал некоторую погрешность.

Плужник озадаченно поскреб в затылке. Идентифицировать находку сканер не сподобился — сообщил просто, что зарегистрированных технологических аналогов не имеется. Радар эту штуковину вообще не брал, показывал пустоту. Скорее всего цилиндр просто поглощал луч.

После недель вынужденного безделья искатели всегда с удовольствием пашут сутками. Поэтому Вася Шулейко немедленно был посажен за бригадирский терминал, Виола — за библиотечный, Сане велели снова подежурить у шлюзов, на подхвате, а сам Плужник с Регионой облачились в скафандры и отправились в рейд ко второй находке.

Сканер оставили включенным.

Никто не знал, что запущенный древними исполинами телепортационный «фонарик» пробудился в тот самый момент, когда поисковый рейдер вышел из-за барьера. И что до входа рейдера в пятно портала осталось ничтожно мало времени.

Плужник и Вася переговаривались, Саня их слушал. Мегеры, похоже, переметнулись на другой канал и совещались о

чем-то своем, специфическом. Слушать мегер было неинтересно: Саня воспринимал только местоимения да наречия, все остальное — сплошная наука уровнем куда выше университетского. А старших коллег-искателей, наоборот, интересно. Саня и слушал, затаив дыхание и даже слегка приоткрыв рот, — создавалась иллюзия, что так легче понимать сказанное.

Голоса мегер поплыли по тембру и утихли; переговорник настроился на бригадирский канал.

— ...а'йеши уже знают — мы ведь запросили их сводарий. Так что на твоем месте я бы дал знать ближайшей военной флотилии, — советовал Вася.

Плужник молчал; Саня Веселов тем временем напряг память, пытаясь вспомнить, какое ближайшее человеческое поселение достаточно велико, чтобы к нему прибился хоть небольшой осколок бывших военно-космических сил. Не то Калиновка-III, не то Вермелинья...

— Пожалуй, ты прав, Вася, — согласился бригадир. Согласие стоило ему определенных усилий, это чувствовалось. Но Тимурыч был из тех людей, которых возможно убедить словесно, если слова, разумеется, не пусты. — Пожалуй, ты прав. Хрен с нею, со славой первооткрывателя, а премии все равно никуда от нас не денутся. Когда невдалеке маячит человеческий крейсер — как-то спокойней в области задницы...

У Веселова на этот счет имелось два совершенно противоречивых мнения: честолюбие молодого искателя боролось с врожденной осторожностью. Даже трусоватостью — Саня не любил неоправданного риска. Будучи курсантом, он умудрился ни разу за четыре года не подраться. Постоянно норовил сгладить острые углы в отношениях со сверстниками. Примитивная дипломатия Сане давалась как никому; его даже прочили в контактеры с новоразумными расами. Но не сложилось. В итоге Саню направили в поисковую группу.

— Что там у нас ближе всего? Калиновка? — спросил Плужник.

— Фалькау, — уверенно и без запинки ответил Шулейко. — Сто тридцать шесть световых.

«Точно. — Веселов мысленно хлопнул себя по лбу. — Как я забыл о Фалькау?»

— Так я вызываю, Тимурыч?

— Вы...

Именно в этот момент Тахир Плужник влип в измененное пространство пятна. Не в самый центр, ближе к краю. Секундой позже в портал провалилась научница Регина.

Два пятнышка просто исчезли с рабочего радара. Очередной импульс отразился от их тел; следующие несколько нашли только Регину, а потом радар очистился.

— Тимурыч? — неуверенно переспросил Вася и непонимающе вперился в шарик радара. Еще секунду назад две точки ясно отображались в сфере слежения. Теперь там не отображалось ничего.

— Не понял! — озадачился Вася и вызвал контроль гравизахвата.

Контроль давал нули по всему горизонту. Никто не использовал рейдер как точку опоры для движителей скафандра.

О броузере мгновенной почты штурман временно позабыл, хотя еще минуту назад намеревался спешно связаться с правительством Фалькау.

— Куда они делись? — непонятно у кого вопросила из-за библиотечного терминала Виола.

— Вы у меня спрашиваете? Или риторически?

Научница метнула на Васю уничтожающий взгляд, но, к удивлению искателей, промолчала.

Рейдер продолжал неумолимо дрейфовать в сторону поставленного цилиндром пятна. Собственно, цилиндр всегда так ориентировал портал, чтобы вышедший из-за барьера корабль неизбежно угодил в самый центр, и если корабль не начинал активно маневрировать, портала ему было не миновать.

Последний маневр поисковик «Шустер-эпсилон» совершил как раз перед выходом Плужника и Регины из шлюза.

— Вася, что будем делать? — срывающимся от волнения голосом справился Веселов. — Мне выходить?

По правде сказать, выходить наружу Сане решительно расхотелось. Он не видел ни радара, ни гравиконтроля; он понял только, что с бригадиром и его спутницей произошло что-то на редкость нехорошее. Подспудное опасение, что найденный

артефакт может оказаться небезопасным, переросло в твердую уверенность.

— Веселов! — скомандовал Вася. У него голос звучал твердо, но все же не как обычно. — Шлюзуйся! Выйдешь за борт — сразу заякорись! От борта — ни декаметра! Фонарь не забудь, будешь сигналить.

— Есть, — повиновался Саня. Приказ есть приказ...

Само собой, ему показалось, что теперь шлюз отработал цикл куда быстрее, чем в прошлый раз, когда Саня страстно стремился наружу. Хотя абсолютное время совпадало до миллисекунды.

Гравизахват Саня активировал еще внутри шлюза, что хоть и не поощрялось инструкциями, но в явном виде и не возбранялось.

Выпорхнув из шлюза, Саня зафиксировался, потом без суеты переместился вдоль борта.

— Ну что, видишь их? — Штурману явно не терпелось убедиться, что на рейдере просто забарахлило оборудование.

— Нет, — мрачно ответил Саня. Он и вправду не видел красных сигнальных габаритов, близнец которых сейчас мирно рдел у него над правой лопаткой.

— Прошвырнись вдоль борта, может, их звезда какая затмевает, — посоветовал Вася без особой надежды.

— Там нет ярких звезд, — хмуро ответил Веселов, но послушно сместился метров на двадцать к левому обтекателю.

— И сигналь, сигналь, — напомнил Вася.

Мегера, как ни странно, молчала. Видно, стервозность сбоит в неспаренном варианте.

Саня зажег белый фонарь и пошарил лучом перед рейдером. Потом принялся мигать стандартным кодом «Ответьте мне!», «Ответьте мне!».

Тщетно.

Шулейко без устали вызывал голосом.

Напрасно.

А минуты истекали.

Внутри рейдера переход был почти незаметен, только на миг сбросились показатели всех без исключения приборов. А

Сане за бортом на секунду померещилось, что он на какой-нибудь землеподобной планете очутился где-то в дикой степи, грозовой ночью, и что темноту неожиданно расколола вспышка молнии. Почему-то беззвучная.

Он не сразу понял, что изменился рисунок звезд — к местным созвездиям никто не успел привыкнуть. Не сразу сообразил, что пропал из виду избранный ориентир «низа» — тусклый шарик ближайшего светила. Зато далеко впереди Саня явственно разглядел крохотные красные габаритные огоньки. Два огонька.

— Вижу их! — радостно завопил Саня. — Вижу! Прямо по курсу, в нескольких километрах!

Следующая фраза заставила его внутренне напрячься.

— Где это мы? — совсем уж непривычным голосом спросил Вася Шулейко.

Штурман «Шустера-эпсилон», поискового рейдера земной Базы, тупо глядел, как астрогационные приборы икс-привода, еще полминуты назад твердо и уверенно показывавшие местонахождение в пространстве, пытаются привязаться к стандартным гравитационным ориентирам и все время безрезультатно.

— Черти вас раздери, что происходит? — нервно проорал бригадир. — Вас не было четверть часа!

— Тимурыч! — Вася не менее нервно сглотнул — это было понятно даже на слух. — Давайте-ка назад! У нас тут вся аппаратура с ума сошла. Веселов, ты тоже дуй на борт.

— Вам подсветить, бригадир? — предложил Саня, хотя ему больше всего хотелось шмыгнуть внутрь рейдера, как мелкой рыбешке при приближении хищника.

— Не нужно, вижу габариты, — буркнул Плужник.

— А находочка-то наша тоже пропала, — неожиданно возникла на бригадирской волне Регина.

— Я заметил, — тем же тоном буркнул Плужник. — Давайте побыстрее...

Когда створки шлюза сомкнулись и отделили Саню от усеянной глазками звезд пустоты — стало легче.

Но ненамного.

В рубке они собрались минут через двадцать — двадцать пять.

Вася уже успел просмотреть логи приборов ориентировки и сейчас мрачно листал их в объеме светящегося столбика.

— Что у нас? — с порога вопросил бригадир, в сердцах швырнув куртку прямо на пол.

Саня Веселов потихоньку отошел в сторону и притих на свободном кресле; Регина присоединилась к сестре.

— У нас — бред собачий, — зло пояснил Вася. — Вот, сам погляди. Последние привязки... все как положено. Система вполне стабильна. Потом исчезаете вы...

Вася переключился на другой столбик, с показаниями радара.

— Потом — обнуление всех данных, неизбежные всплески, вход в рабочий режим... и белиберда. Нет обозначенных очагов. Точнее, очаги есть, но это не обозначенные очаги.

— Другими словами, — проскрипела от библиотечного терминала Виола, — мы в другой галактике.

Саня от неожиданности икнул.

— Хм... — Вася на глазах оживился. — Между прочим, это бы все объяснило. Понятно, что в другой галактике очаги расположены совершенно... иначе. Да и параметры у них другие. Вот приборы и шизанулись.

— Побойся бога, Вася, — фыркнул Тимурыч. — Какая еще другая галактика? Межгалактические прыжки невозможны. Ты это лучше меня знаешь.

— Знаю, — вздохнул Вася. — С удовольствием выслушаю иное объяснение. Валяй, я весь внимание.

— Сбой в стандартных данных, например, — пожал плечами бригадир. — Твои железяки после обнуления забыли истинное расположение этих самых очагов и считают их непривычными.

— Обижаешь, Тимурыч. — Вася действительно обиделся. — Семнадцать основных я выучил еще кадетом. На хрен мне стандартная база не нужна, грубо я тебе и на глазок скажу, где мы находимся. Я вижу очаги — они расположены совершенно иначе, Тимурыч. Это другой сад камней, понимаешь?

— Хорошо, — неожиданно легко согласился бригадир. — Как мы сюда попали?

— Тут где-то тоннель, — снова подала голос Виола. — И мы в него угодили. Сначала вы с Региной, потом весь рейдер.

Вася мгновенно схватился за клавиатуру:

— Сейчас посчитаем... Скорость дрейфа, вектор, время между вашим исчезновением и обнулением приборов...

Повисла тягостная пауза.

— Сходится, — с гробовой интонацией подытожил штурман. — И время, и вектор... До третьего знака. Стало быть...

— А логи обнулились или сохранились? — забеспокоился бригадир.

— Сохранились, Тимурыч. С провалом, но старые данные есть. Обнулились только текущие показания.

— Разворот на сто восемьдесят! — скомандовал бригадир. — Скорость та же! Вектор — тот же! Посчитай время до предполагаемого... хм... перехода!

Уговаривать Васю не нужно было. Разворот он обсчитал моментально, Тимурыч едва успел взять управление рейдером.

Около минуты маневрирования, потом Вася глубоко вдохнул и сообщил:

— Вектор взят, скорость та же. Предполагаемый переход — через сорок семь минут. Плюс-минус секунд тридцать.

— Ничего не трогай, — попросил бригадир.

— Вот уж не собираюсь! — заверил Вася. — Хотя опишука я местные привязки... Авось пригодится. База гравитационных очагов соседней галактики — это ж золотое дно!

— А кто тебе сказал, что она соседняя? — ехидно осведомились мегеры. Хором.

— Что? — не понял Вася.

— Я подогнала сферу видимых объектов под данные сводария. Ни единого совпадения, даже по квазарам. Я боюсь представить, где мы находимся... если, конечно, у нас не коллективная галлюцинация.

— Эй, — не смог сдержать возгласа Саня Веселов.

Все невольно обернулись к нему.

По-прежнему работающий сканер свайгов засек очередной «объект предположительно техногенного происхожде-

ния». Опознать его сканер снова-таки не сумел, но особо отметил полную идентичность с предыдущим обнаруженным и неопознанным объектом.

— Такой же цилиндр! — восхищенно проорал Вася. — И на радаре — ни фига! Как там! И ориентировка относительно нашего вектора такая же! Гляди, Тимурыч, мы идем почти тютелька в тютельку в направлении, куда указывает его торец! И первый раз так было! Тимурыч, это портал! Портал перехода, дыра в галактику, которая находится черт знает где!!!

— Подожди радоваться, — процедил бригадир. — Как бы он односторонним не оказался.

— Не накаркайте, бригадир, — смиренно попросила одна из мегер.

Видать, даже мегерам не улыбалось сгинуть вдали от дома, в невообразимой бездне, где даже привычного эха квазаров не уловишь...

— Сорок минут до перехода, — объявил Вася. — Ждем...

Некоторое время все беспокойно ерзали в креслах. Потом Вася неожиданно вскочил:

— Я не могу, жрать охота. Пойду бутербродов настрогаю...

— А я кофе приготовлю, — вызвалась Регина. — Никто не возражает?

Никто не возразил. Никто ничуть не изумился из ряда вон выходящему альтруизму сухопарой научной дамы, у которой даже спросить: «Сколько времени?» — было как-то неловко.

Кофе и бутерброды смели минут за пять, втрое быстрее, чем приготовили. Осталась четверть часа, долгая, как жизнь. Последние минуты перед намеченным мгновением вообще растянулись на целую вечность.

А потом показания приборов вторично за сегодня сползли на ноль, секундой позже выправились, а астрогатор, умиротворенно пискнув, дал знать, что привязался к привычным ориентирам.

И сразу нахлынуло чувство безграничного облегчения, и усталость после суток напряженной работы и почти часа нервного ожидания, и пробудилось снова неутолимое любопытство, встрепенулась жажда разгадать секрет неведомо чьих артефактов в форме цилиндра, защекотала воображение реаль-

ная возможность своими глазами взглянуть на миры чужой галактики, далекой-предалекой...

Экипажу «Шустера-эпсилон» с земной Базы вопреки вероятностям улыбнулось счастье. Они наткнулись на бесценный осколок прошлого, способный в корне изменить настоящее и будущее.

Но никто из пятерых искателей еще не знал, насколько сильно их находка — наследие неведомых исполинов знания — изменит и то, и другое.

— Всем отдыхать, — скомандовал бригадир Плужник.

И потянулся к терминалу мгновенной связи.

Столбик броузера послушно возник над пультом; в адресном поле услужливо рдел адрес ближайшего населенного мира доминанты Земли.

Фалькау.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

1

В сущности, туризм — это глупость со стороны клиента и надувательство со стороны турфирмы. Все это прекрасно знают — и клиенты, и турагенты. И тем не менее ежедневно миллионы разумных в галактике отправляются в путешествия. Потому что разуму свойственно тянуться к неизведанному, разуму свойственно сознательно обманываться, чтобы убежать от постылого будничного расклада, когда ты просыпаешься, наскоро поглощаешь какую-нибудь безвкусную синтетическую дрянь, а потом до вечера занимаешься работой. Хорошо еще, если любимой или не очень любимой. А если осточертевшей до последнего, самого завалящего и неприхотливого фибра души? Поневоле позволишь себя обмануть во время отпуска.

Звездная система Пронг-30 состояла из желтоватой, похожей на земное Солнце звезды — разве что чуть побольше размерами да погорячее — и семи планет. Ближняя к Пронгу — выжженный дотла морщинистый шарик, по сравнению с которым Меркурий или Сковородка покажутся раем. Вторая — вполне землеподобная, расположенная к светилу ближе Земли, но дальше, чем Венера. Все как положено: кислородная атмосфера, океаны, суша, органическая жизнь. Третья — холодный мирок, также имеющий кислородную атмос-

феру, сплошь засыпанный снегом и закованный во льды. Жить можно, но не хочется. Четвертая, пятая и шестая — классические газовые гиганты. Седьмая — вероятно, случайный гость, каменная глыба, с орбитой слегка вытянутой и не совпадающей с плоскостью эклиптики. Словом, зауряднейшая система, каких в галактике миллионы.

Вторая и третья планеты имели собственные имена. Табаска и Ухта. Остальные звались просто «Пронг—тридцать первая» или «Пронг—тридцать пятая».

Ни Табаску, ни Ухту нельзя было назвать обитаемыми, хотя на Табаске имелось постоянное население. Две горнорудные заимки в приполярных районах, научная станция университета Фалькау, несколько рыбацко-планктонодобывающих поселков с простенькими космодромами, парочка животноводческих ферм и сеть туристских заповедников на всех четырнадцати материках.

Материков на Табаске действительно было аж четырнадцать; и все мелкие, не чета земным. Самый большой — чуть меньше Австралии. Самый миниатюрный — в полтора раза крупнее Мадагаскара. Собственно, литосферных плит имелось всего три, поэтому материки группировались в неравные скопления, изобилующие внутренними морями. Наиболее многочисленное скопление состояло из восьми крупных участков суши и нескольких архипелагов; среднее — из четырех плюс опять же несколько архипелагов, а малое по иронии судьбы включало самый крупный и самый мелкий континенты да три одиноких островка между ними. Восьмерка располагалась в южном полушарии, четверка и двойка — в северном. Могучее экваториальное течение, фабрика погоды Табаски, опоясывало планету, словно ремень солдатскую талию. Единые конвекционные воздушные потоки от экватора к полюсам равномерно распределяли тепло в атмосфере, поэтому температура на экваторе и на полюсах разнилась всего лишь на пятнадцать — двадцать градусов по старому доброму Цельсию, и, понятно, ни о каких полярных шапках речи быть не могло. Табаска не знала снега даже в Заполярье полугодовой ночью. Зато океаны были куда более холодными, чем на Земле, — вне

зоны теплых течений температура даже недалеко от экватора редко достигала пятнадцати градусов.

Скотч все равнял с Землей, потому что родился на Земле. Тридцать один земной год назад. Точнее, тридцать один локальный, равный стандартному земному, потому что частые полеты на кораблях с икс-приводом нарушили четкое соответствие с размеренным хронопотоком на прародине человечества.

Старший брат Скотча в шестнадцать лет завербовался на торговый транспорт и отсутствовал, по его словам, двадцать два года. Когда он вернулся, на Земле прошло девятнадцать с небольшим. Скотч тогда еще редко выбирался из родного дома. Космос увеличил разницу между братьями почти на три года. Потом Скотч в свою очередь подался на заработки и за семь лет облетел прорву планет, пока не осел на Табаске гидом-инструктором «Экзотик-тура», а заодно и директором одной из турбаз.

«Экзотик-тур», развлечение для скучающих обитателей индустриальных планет. Головокружительные приключения в девственных джунглях Шарговера, Табаски и Овулоо! Стопроцентный адреналин! Почувствуйте себя мужественными!

Чушь в стакане. Обычная реклама. Все приключения организовывались коллегами Скотча или самим Скотчем, поблизости всегда дежурили спасатели на случай, если чего-нибудь пойдет не так. Но алчущий адреналина турист честно и в удовольствие сражался с рукотворными трудностями (под чутким руководством гида, разумеется), получал честные, вполне настоящие синяки и ссадины и, понятное дело, знать не знал, что трудности, которые он героически преодолевал, сплошь рукотворные. За несколько лет Скотч так навострился водить группы, что к нему валом валил алчущий экзотики и подвигов народ. Причем народ не подозревал, что валит не только к нему, гиду Вадиму Шутикову по прозвищу Скотч, а еще и к напарнику, Валентину Ваулину по прозвищу Валти и троим спасателям — Солянке, Жбану и Хиддену, соответственно Олегу Саксину, Анатолию Джановичу и Валерию Мандрыкину. Пятерка настолько спелась и сыгралась, что позволяла себе даже рискованные импровизации на маршруте, а это, в свою

очередь, задирало их рейтинг на совсем уж недосягаемую высоту.

Во всяком случае, тур на Табаску в головной заповедник стоил вчетверо дороже тура к лучшей команде Овулоо. Скотч со товарищи верно и терпеливо заколачивали деньгу на маршрутах и попивали пивко во время коротких промежутков. Все были довольны.

Как раз заканчивался долгожданный промежуток: вовсю развернулось утро прилета очередной группы туристов. Скотч хлебнул пивка и покосился на хронометр. До расчетной посадки транспорта оставалось два местных часа. Двести минут.

Скотч, прилетев сюда, неожиданно быстро привык к десятичному времени Табаски. Теперь земная манера отмеривать время иногда казалась ему немного странной.

В день прилета туристов Скотч еще мог позволить себе пиво, потому что в этот день, естественно, никто никуда не дергался. Группа оседала на турбазе, люди приглядывались друг к другу, знакомились с походным оборудованием и снаряжением, настраивались на приключения и, как правило, к ночи упивались вдрызг. Поэтому во второй день тоже никто никуда не совался, Скотч «лечил» пострадавших и не позволял никому к вечеру надраться вторично. Практически весь второй день уходил на сборы и тренировки, а часа за два до сумерек, если ничего плохого не случалось, Скотч уводил группу в лес. К первому лагерю в полутора часах ходьбы от турбазы. Здесь окончательно складывалось мнение о каждом туристе, его запросах и умениях.

Больше всего Скотч не любил понтарей. Умения — ноль, зато понты шире горизонта. Такие, как правило, приезжают со своим фирменным снаряжением, никуда, разумеется, не годным. Непременно вооруженные какой-нибудь офигительной винтовищей или тяжелым бластом. Мороки с этими заносчивыми и самовлюбленными типами вечно выше крыши. Поэтому первый глоток Скотч, как всегда, употребил за то, чтобы понтарей в ожидаемой группе не оказалось.

Остальные категории туристов в общем устраивали Скотча как гида. Даже экстремалы, таскающиеся от планеты к планете, — эти хоть внятно соображают, что умение

выжить на одной планете может и не выручить на другой. А новички — горожане или станционщики... Господь с ними. Эти всего лишь честно пытаются учиться и из кожи вон лезут, дабы исполнить любой приказ. Пусть они ничего не умеют и не знают — где им, в конце концов, научиться секретам выживания в джунглях Табаски? На Офелии, сплошняком покрытой мегаполисами в двести метров над грунтом и на сто вглубь? В общем, Скотч мечтал только об одном: в этот раз без понтарей!

Из резерва, душераздирающе зевая, выполз Солянка. Чернявый, длинный, словно жердь, и флегматичный. Взгляд мутноват, видимо, спросонья. Впрочем, Скотч неоднократно наблюдал, как Солянка, не изменив мутноватого взгляда, небрежно сшибает на лету птицу-пилу или вытаскивает зазевавшегося туриста из конической воронки сольпугоида.

— Привет.

— Привет, — отозвался Скотч, критически разглядывая спасателя. — Что так рано?

— Да не спится что-то. — Солянка задумчиво почесал левой рукой правый бок. — Задержек не предвидится?

— Вроде нет. Транспорт уже на подходе, маневрируют.

— Сколько рыл?

— Одиннадцать.

— Эт' хорошо! — расплылся в улыбке Солянка. — Не люблю, когда много. Не уследишь за всеми. А списки есть?

— Есть. — Скотч лениво вынул из-под банки глянцевый лист с распечаткой и подал спасателю. Тот принял и сразу же прикипел к списку взглядом.

— Ха! — фыркнул он. — Инопланетянин! А кто, известно?

— Подданство Оа, — пожал плечами Скотч. — Значит, перевертыш. Я думаю, от человека мы его не вдруг отличим.

Солянка задумчиво кивнул и вернулся к списку.

— Имена вроде обычные... хрен чего разберешь, — пожаловался он. — Откуда хоть? Ага, вижу... Пламмер, Фелиция, Лазурный Шепот, Вануата... Вануата это где?

— А чтоб я знал. — Скотч снова взялся за пиво. — На Земле есть Вануату. Кажется, острова.

Солянка отпустил лист — и тот мягко спланировал на столешницу. Словно мелкий платочник на лакомый цветок.

— Твои дрыхнут? — справился Скотч. — Ты бы их разбудил, что ли.

— Жбан дрыхнет, а Хиддена я не видел.

— Конечно, — фыркнул Скотч. — Он же Хидден!

Солянка слабо улыбнулся. Если спасателя нарекли Хиденом — значит маскироваться он умел лучше многих. Впрочем, Жбан и Солянка умели немногим хуже. Потому что клиент на маршруте ни в коем случае не должен видеть спасателей, равно как и следов их пребывания вблизи группы. По крайней мере до тех пор, пока не вляпается в серьезные неприятности. В положение, когда его жизни или здоровью возникнет серьезная угроза. Но и в этом случае спасатель обязан проявляться минимально.

Прозвища сотрудников «Экзотик-тура» имели различное происхождение. Причем по неизвестной причине прозвища носили только мужчины — все, за исключением троицы диспетчеров с космодрома. Скотча, к примеру, звали Скотчем потому, что раньше у него был пес, скотч-терьер, вреднейшее существо на свете. Настолько вреднейшее, что в лес его брать категорически не рекомендовалось — возникал серьезный риск, что кто-нибудь из взбешенных выходками своенравной животинки туристов беднягу просто пристрелит. Пес был, бесспорно, сволочью, но такой судьбы все же не заслуживал. Помощник Скотча, Валти, прозвище получил не то от фамилии Ваулин, не то от имени Валентин. Жбан тоже — его прадед носил фамилию Жданович, а когда родился очередной отпрыск, обрадованный предок так отметил рождение наследника, что споил полпоселка на тогда еще малолюдной Гилее, в том числе клерка из управы. К моменту контрольной записи у клерка пальцы уже катастрофически заплетались, и в идентификационный архив попала фамилия не Жданович, а Джанович, причем заметили это только спустя два с половиной года, когда что-либо менять было уже поздно. Неожиданная перестановка букв в фамилии ничего не изменила: со временем пресловутого деда все равно стали

величать Жбаном. Как и пресловутого прадеда. И как их потомка, избравшего стезю спасателя на турбазе. Солянка получил прозвище из-за кулинарных пристрастий: он собирал рецепты блюд под названием «солянка» и доводил до совершенства умение их готовить. Пока лучше всего ему удавался густой наваристый супчик из чуть ли не десятка сортов мяса и копченостей (распространен повсеместно), мясо в красном соусе на маленькой чугунной сковородочке (Система Мтацминда) и тушеное мясо с тушеной капустой (планета Степ, Новая Украина). Ну а происхождение прозвища Хиддена никому не приходило в голову выяснять: все связывали его со специфическими навыками спасателя-невидимки. Жбан с довольной ухмылкой любил спрашивать — не было ли у Хиддена в предках мимикродонов или хотя бы оаонс-перевертышей? Хидден все нападки игнорировал, горделиво и молча.

И правильно делал. Если к Жбану присоединялся Скотч, эта парочка могла кого угодно затуркать до непреодолимого желания вскочить и умчаться от этих зубоскалов подальше. Желательно на край света. Но к счастью, Скотч со спасателями виделся только между турами. Потому что по праву считался лучшим гидом «Экзотик-тура», а спасатели, в свою очередь, — лучшей спасательной группой.

— Ладно, — резюмировал Солянка. — Пойду я. Готовиться и все такое. Когда нам выходить?

— Завтра утром, — буркнул Скотч. — А то ты не знаешь.

— Знаю, конечно, но мало ли... Ты у нас горазд на выдумки. Ну, до встречи в первом!

— Я те дам до встречи! — оскалился Скотч. — Хоть одной туристке покажешься — шкуру спущу!

Солянка печально вздохнул и поплелся назад, в резерв.

Оставшиеся два часа Скотч прослонялся по территории, встретил мистера Литтла, в миру — Витальку Акулова, завхоза турбазы, и раскрутил того еще на банку пива.

А потом на финишную площадку космодрома свечой спикировал посадочный модуль туристского лайнера. Отдых закончился, началась работа.

2

— Добрый день, господа, добро пожаловать на Табаску! Фирма «Экзотик-тур» рада приветствовать вас в краю захватывающих приключений и первозданной природы.

Слова сами соскальзывали с языка, Скотч мог думать о чем-нибудь совершенно постороннем, но голос его тем не менее звучал бы все так же приветливо и проникновенно, а на лице красовалась доброжелательная улыбка.

— Меня зовут Вадим Шутиков, я ваш основной гид-инструктор на все время тура. Это — Валентин Ваулин, второй гид-инструктор. Напоминаю, что перед выгрузкой из лайнера всем вам были сделаны инъекции локальной биоблокады и антиаллергенов, поэтому с первой же секунды пребывания на Табаске вы можете не опасаться никаких болезней или нежелательных реакций вашего организма на эндемичную флору и фауну Табаски. Напоминаю также, что таможенной службы на Табаске не существует, поэтому никаких ограничений на ввоз также не существует, но все же осмелюсь дать дельный совет: если вы притащили сюда какие-нибудь наркотики — не делитесь ими с попутчиками. Блокада и антиаллергены защищают только от реалий Табаски. И последнее: через пару дней все мы уйдем в дикие и не затронутые цивилизацией джунгли. Залог успешного похода — взаимовыручка и дружеские отношения в группе. Поэтому постарайтесь познакомиться поближе и на время нашего тура стать одной семьей.

«Плохо дело», — подумал Скотч, разглядывая только что прибывших туристов.

Среди туристов были четыре женщины — одна среднего возраста и явно с мужем, а остальные три — молодые. И, что, собственно, и было плохо, все три весьма привлекательные. Остальные туристы — мужики. Будут распускать хвосты, заигрывать, лезть на рожон... В общем, тур обещал сложиться непросто.

— Сейчас служащие турбазы займутся вашим размещением. Господина Нути-Нагути я попрошу пройти со мной, буквально на минутку.

Высокий худощавый мужчина в темных очках и спортивном костюме немедленно подошел к нему; остальными занялись Валти и девочки из обслуги. Виталька Акулов оживлял киберов-носильщиков.

— Я слушаю вас, Вадим, — сказал перевертыш.

— Судя по документам, вы подданный Оа. Я обязан напомнить вам, что Табаска находится в пространстве доминанты Земли, поэтому тут действуют земные законы. Вы информированы на этот счет?

— Да, Вадим, я информирован на этот счет.

— В таком случае по всем вопросам, относящимся к межрасовому праву, прошу вас обращаться непосредственно ко мне. Надеюсь, во время тура не возникнет никаких эксцессов или разногласий.

— Я также надеюсь на это, — спокойно сказал перевертыш.

На интере он говорил совершенно чисто, без всякого акцента. Перевертыши живут долго, поэтому, как правило, успевают досконально выучить несколько чужих языков.

— Благодарю за понимание и поддержку. — Скотч слегка склонил голову. — Извините, я могу задать вопрос, касающийся вашей... э-э-э... природы?

— Задавайте. — Нути-Нагути ничуть не смутился.

— Насколько вы метаморфированы? В данную минуту?

— Относительно изначальной формы ооонс — процентов на сорок. Применительно к сходству с людьми белой расы — процентов на девяносто.

— Вы предполагаете сохранять эту степень метаморфоза?

— В общих чертах да. Разве что там, в лесу, может пригодиться какая-нибудь мелочь.

— В таком случае я прошу вас производить метаморфоз не слишком быстро и, желательно, в уединении. Дело в том, что иногда туристы реагируют на изменение внешности ооонс не вполне адекватно. Особенно нервные женщины откуда-нибудь из захолустья.

Перевертыш, похоже, относился к происходящему с пониманием и известной долей юмора:

— Обязательно, Вадим. Мне много приходится бывать среди людей, поэтому я стараюсь уважать их чувства и вести себя максимально корректно.

— Вот и отлично. Надеюсь, что у вас не останется неприятного осадка от этого разговора. Поймите, я обязан заботиться о всей группе в целом.

Перевертыш кивнул на людской манер. Видимо, действительно хорошо знал людей.

— Я понимаю. Ничего страшного.

— Мартина! — окликнул Скотч одну из девочек-служащих. — Займись! — И указал на инопланетянина.

На заселение ушел час; этот час Скотч провел в кабинете директора базы, которым сам номинально и являлся. За чаем и деловым разговором со стюардессой-психологом туристического лайнера.

Психологиню звали Гурма Бхаго, была она смуглой и миниатюрной. В «Экзотик-туре» работала совсем недавно, Скотч даже не успел с нею ни разу переспать.

— Здравствуйте, Вадим, — поздоровалась она, едва Скотч вошел.

— Привет! — Скотч расплылся в улыбке и пошел в атаку: — Давай на «ты», а?

Стюардесса с готовностью улыбнулась в ответ:

— Давай!

— Чаю? Кофе? Уклу?

— Уклу, если можно.

— Конечно, можно! — Скотч всплеснул руками и попутно рявкнул в браслет: — Литтл!

— Да! — отозвался завхоз сразу же, словно ждал вызова. Впрочем, он наверняка действительно ждал вызова от шефа.

— Организуй уклу и два чая ко мне в нору. И Валти позови, если он освободился.

— Сейчас.

Скотч улыбнулся еще шире, провел рукой по браслету, сбрасывая вызов, и вновь повернулся к Гурме:

— Ну, что? Займемся делом?

Девушка кивнула, одновременно вынимая из сумочки маленький терминал. Повинуясь ее командам, в видеокубе

вспыхнул список прибывших туристов. Очень кстати подоспел и помощник — Валентин Ваулин, мужчина лет сорока, зубр туристического бизнеса и ветеран Табаски.

— Здравствуй, Гурма.

— Здравствуйте, Валентин!

Валти всегда выглядел очень солидно, к нему все малознакомые люди обращались исключительно на «вы» и часто решали, что директор турбазы именно он, а не куда более молодой и менее представительный Скотч.

— Я смотрю, вы уже начали?

— Начинаем как раз, — уточнил Скотч. — Давай, Гурма!

Гурма придвинула к себе терминал.

— Итак, — начала она; голос ее сразу стал суховатым и невыразимо профессиональным. Как у университетской преподавательши на лекции.

— Гунила Бот и Тентор Бот, супружеская пара. Подданство Фелиции, живут тоже на Фелиции. Возраст — сорок три и сорок семь локальных. Вполне обычная семейная пара, в которой главенствует жена. Жена — умеренно вредная, но без заметных перегибов. Муж — спокойная и уравновешенная личность, хотя и не без традиционных мужских слабостей. Полагаю, на маршруте с этой парочкой особых проблем не возникнет. К конфликтам не склонны ни между собой, ни с окружающими. Также полагаю, что тебя, Вадим, будут слушаться безоговорочно...

— Достаточно, — сказал Скотч, коротко переглянувшись с напарником. — С этими все ясно. Дальше.

— Константин Цубербюллер, тридцать шесть локальных, подданство Беренгалз, родом с Пламмера-12. По-моему, это опытный и бывалый турист. Но без фанатизма, не экстремал. Я мельком видела его снаряжение — видавшее виды. На Табаске ранее не бывал, но неоднократно ходил к пику Рокдейл на Офелии, всю Селентину излазил, даже на Иншуди как-то занесло. Если что — вполне можете на него рассчитывать.

Скотч довольно кивнул: подобные персонажи в походе — сущий клад. Если без закидонов. А это, похоже, как раз такой случай.

Тут как раз принесли чай и горячий уклу. Скотч в который раз за сегодня поулыбался Мартине — та, видимо, уже успела поселить инопланетянина-перевертыша, поэтому Виталька Акулов по прозвищу Литтл навесил напитки на нее.

Гурма с удовольствием отведала уклу, вдохнула ароматный парок и с сожалением вернула чашку на блюдце.

— Ну что, дальше?

— Ага.

— Акоп Подолян, двадцать семь локальных, подданство Республики Скарца, планета Венеция. С этим сложнее. Типичный комик, мнящий себя суперменом. Много пыжится и всегда садится в лужу. Но в принципе совершенно не зол и не агрессивен, наоборот, пытается каждого спасти и поддержать. К собственным конфузам относится поразительно беспечно. В общем, будет безобиден, если его взять под жесткий контроль и поручать дела, которые он заведомо не запорет. Тогда будет приносить пользу. Среди туристов успел схлопотать прозвище Траншея, над чем сам же первый и хохочет.

— Понятно. — Скотч сделал отметочку в собственных записях и отхлебнул чаю. — Следующий.

— Владимир Семенов, тридцать четыре локальных, подданный Земли, по документам — с Беты Вуалехвоста. Этот — просто закрытая книга. Все время слушает и все время молчит. Ничего о себе не рассказывает. На вопросы отвечает односложно и расплывчато. Вместе с тем — невероятно корректен. Как и Цубербюллер, производит впечатление сильного и тренированного человека — однажды видела его в бассейне. Но в отличие от Цубербюллера у Семенова вообще нет никакого снаряжения. Да и из вещей, как вы сами видели, однаединственная сумочка. Кстати, к нему всю дорогу клеилась Майка Завьялова, она тоже родом с Беты Вуалехвоста, если не знаете. Майку он мягко отшил, но я сумела у нее выведать: судя по ответам на Майкины расспросы, Семенов на Бете Вуалехвоста однозначно бывал. К сожалению, я толком не успела сделать определенных выводов относительно него.

— Жаль, — вздохнул Скотч и вопросительно поглядел на Валти. Тот жестом призвал Гурму продолжать: вопросы у него возникали крайне редко, ибо ветеран туристического бизне-

са видал-перевидал на своем веку столько разнообразнейших типажей, что поведение практически любого клиента мог предсказать с довольно высокой точностью.

— Далее. Инопланетянин. Нути-Нагути, возраст — двести тридцать четыре с четвертью солнечных циклов Иншуди, что соответствует приблизительно двумстам шестидесяти пяти локальным годам. Ооонс, подданство Оа, родом, как я уже сказала, с Иншуди. По нашим данным, представляет один из самых влиятельных кланов Оа, входящий в синдикат. По документам — совершенно чист, но... есть одна тонкость.

Гурма интригующе примолкла, отхлебнула уклу и, чуть наклонив голову, взглянула Скотчу в глаза. Скотч заинтересовался. Да и Валти сразу же насторожился.

— Имя. Дело в том, что Нути-Нагути — сказочный герой фольклора Оа, — пояснила Гурма. — Толстый ооонс, умеющий летать. И вообще, судя по тому, что я успела выяснить, это понятие у ооонс неразрывно связано с полетом. Скажем, первый летательный аппарат тяжелее воздуха, созданный на Оа, носил это имя. И первый космический корабль, кстати, тоже. В общем, я сомневаюсь, что это настоящее имя. С тем же успехом землянин мог бы податься куда-нибудь на Свайге или ту же Оа и назваться Санта-Клаусом, Кощеем Бессмертным или Иисусом Христом. В службу безопасности я уже сообщила, но если рассудить здраво — разве станет реальный шпион брать такой дурацкий псевдоним? Да и что ооонс может интересовать на Табаске?

— Мало ли, — философски заметил Валти. — Полезных ископаемых тут пруд пруди. Но я согласен, вряд ли это настоящий агент, скорее какая-нибудь инопланетная знаменитость на отдыхе.

— Ага, — поддакнул Скотч. — Эти часто берут псевдонимы и мотают в глушь, на волю, в пампасы. Странно только, что не видно никого из нянек и прочих телохранителей. Обыкновенно знаменитости путешествуют со свитой.

Скотч вдруг осекся, приподнял брови и уставился на Гурму.

— Слушай, — внезапно осенило его. — А может, Семенов — как раз его телохранитель, а?

— Человек телохранитель перевертыша? — усомнился Валти, косо глядя на Скотча. — Ты, босс, фантазируй, да не зарывайся. Это все равно как если бы ты взял в телохранители моего шестилетнего племянника...

— Перевертыш легко может прикинуться человеком, Валти. Не забывай. В крайней форме метаморфоза различия возможно установить только лабораторным путем.

— Эй, мальчики, хватит спорить, — вмешалась Гурма. — Я, конечно, не специалист по охране, но не думаю, чтобы телохранитель мог себе позволить в течение полета большую часть времени проводить в каюте, взаперти, в то время как его подопечный вовсю разгуливает по лайнеру, не вылезает из баров и часами просиживает перед игровыми автоматами в компании, в общем, далеко не безупречных типов.

Скотч подумал, мысленно согласился и вздохнул:

— Ладно, убедила. С выводами спешить не станем, но возьмем на заметку. Безопасникам, говоришь, про этого Санта-Клауса ты уже сообщила?

— Про Нути-Нагути? Да, сообщила.

— Кому конкретно?

— Нашему корабельному представителю. В присутствии капитана лайнера.

— Это хорошо! — похвалил Валти и обратился к Скотчу: — Можем не дергаться, если что, сверху на тебя моментально выйдут.

Скотч знал, что однажды Валти имел честь вляпаться в довольно мутную и запутанную историю с соглядатаями-нелегалами из доминанты Тсурры и какое-то время тесно сотрудничал с земной контрразведкой.

— Да я и не дергаюсь особо... — пожал плечами Скотч. — Давай дальше, Гурмочка.

Психологиня, машинально поправив прическу, вновь углубилась в анализ:

— Денис Воронцов, тридцать локальных, подданный и житель Офелии. Этот, братцы, просто беда. Заносчивый, резкий, самовлюбленный и самоуверенный... в общем, именно то, что называют «пальцы врастопырку». Тащит с собой уйму снаряжения, все безумно дорогое и, на мой взгляд, довольно

бестолковое. Склонен всех поучать, а если не внимают — принуждать к учению силой. Во время полета дважды сцепился с Цубербюллером, в принципе — оба раза вничью. Однажды наехал на Подоляна, тот сразу дал задний ход и занял подчиненное положение. Неоднократно пытался задеть Семенова, но Семенов просто глыба! Остался ко всем выпадам равнодушен и не ответил ничем. Последние дни у Воронцова, мне кажется, сформировалась идея фикс Семенова все-таки достать.

— Блин, — искренне огорчился Скотч. — Значит, понтарь... Только сегодня пил за то, чтоб в группе понтарей не оказалось...

— Они всегда находятся, Скотче, — философски заметил Валти. — Не переживай, обломаем в лучшем виде! Маknем пару раз в болото, выпустим виверне в клешни или к сольпугоиду на свидание сосватаем. Обломается как шелковый, зуб даю!

Зуб Валти дорогого стоил.

— Будем надеяться... — буркнул Скотч. — Поехали дальше, солнце мое...

От «солнца» Гурма Бхаго расцвела пуще прежнего. Красивая женщина всегда способна стать еще чуточку красивее.

— Валентина Хилько, подданство Вануаты. Вануата — монодомен, единственная планета в системе, знаете ведь?

— Знаем, — кивнул Валти.

Скотч промолчал. О существовании владения Вануата в доминанте Земли он впервые узнал из списка туристов на этот маршрут, то есть четыре дня назад.

— Возраст — тридцать два солнечных цикла Вануаты; примерно тридцать два — тридцать три локальных года. Очень видная и очень спортивная дама, — продолжала Гурма, ревниво зыркнув на Скотча (тот моментально оживился, словно кот при виде сметаны). — Это та шатеночка с короткой стрижкой, ты на нее все время пялился во время тронной речи, Вадим. Я как-то наблюдала за ней в гимнастическом зале — уверяю, что, если придется взбираться на скалу по канату, ничья помощь ей не потребуется. Натура, насколько я поняла, скорее интровертная, чем экстравертная, и, ручаюсь, у нее сей-

час трудный период в жизни. «Экзотик-тур» для нее — возможность забыться и развеяться. Из подавленного состояния не выходила весь рейс. Но слез и истерик не было.

Гурма умолкла, выжидательно глядя на Скотча, тот демонстративно молчал, уставившись в записи.

— Понятно, — ответил за Скотча напарник. — Продолжай, продолжай...

Психологиня приложилась к чашечке с уклу и вновь взялась за терминал:

— Орнела и Фаусто Аркути, сестра и брат. Двадцать два локальных и неполных шестнадцать, подданство орбитальной станции Гелиотроп. Поездку на «Экзотик-тур» получили в подарок от родителей: Орнела недавно с блеском окончила университет в Хельсинки, а Фаусто успешно поступил туда. Орнела — хорошенькая вертихвостка, немного ветреная, но умненькая и не развязная. Все мужики в полете напропалую к ней клеились, не исключая команду лайнера. Не хочу ничего плохого сказать, но иногда небезуспешно. О парне тоже плохого ничего не скажешь: в меру увлекающийся, в меру желающий подвигов. В меру пил, сестре не мешал. Боготворит Цубербюллера, хохочет вместе с Подоляном и терпеть не может Воронцова...

— Достаточно, — делая очередную отметку, прервал Скотч.

— И последняя участница, — заглянув в записи, объявила Гурма. — Патрис Дюэль, двадцать семь локальных, подданство Офелии, зарегистрирована на Лазурном Шепоте. Это хрупкая грустная брюнетка, на которую ты тоже пялился, Вадим...

— Чего ж не пялиться, — нейтрально прокомментировал Скотч. — Красивые женщины стоят того, чтоб на них пялиться. Я и на тебя пялюсь, Гурма.

— Не обращай внимания, деваха, Скотч всегда был кобелем, — фыркнул Валти и хохотнул: — Хе-хе! И песик у него такой же был — даже за кошкунами гонялся! Плохо кончил в итоге...

— Ну вот, — обиделся Скотч. — Собственные подчиненные кобелем обзывают. Ну как можно работать в таких условиях, а, Гурмочка?

— Я продолжу? — Психологиня даже не собиралась прятать веселье, но и о деле не забывала. — Патрис — журналистка. Собирает материал для какой-то книги. В силу профессии успела побывать во всяческих передрягах по всей обитаемой части галактики и даже в ненаселенных секторах. Папа ее — какая-то шишка в содружестве Франции-семь и Новейшей Каледонии, а мама — дочь президента Амазонки. В общем, девочка с детства вращается в высшем свете, но нисколько этим не кичится. По-моему, с ней у вас тоже не будет проблем.

Гурма в очередной раз приложилась к чашечке с уклу и закруглилась:

— И краткое завершающее резюме. Группу можно было бы назвать идеальной, если бы не присутствие Воронцова и в определенном смысле — Подоляна. Темные лошади — перевертыш и Семенов. Остальные — скорее положительный баланс, нежели отрицательный. У меня все.

— Спасибо, дорогая. — Скотч сделал последнюю запись и выключил блокнот. — Отменная характеристика, без дураков. Это не комплимент, между прочим.

— Врет, — опять фыркнул Валти. — Хвалит он тебя искренне, но это и комплимент тоже, будь уверена.

— Так, — официальным голосом изрек Скотч. — Инструктор Ваулин! Ну-ка, ноги в руки и в обход!

— Яволь, мой фюрер! — Валти щелкнул бы каблуками, если бы они не были изготовлены из пористого каучука, не издающего вообще никаких звуков. — Имею честь отбыть!

Он, посмеиваясь, покинул кабинет. Ничего официального на самом деле не произошло — дружески подтрунивать друг над другом на этой турбазе мог кто угодно над кем угодно. И показной дисциплинизм ни о чем на самом деле не говорил: в этом коллективе работа исполнялась по велению внутренней дисциплины, а не по приказам.

— Невозможно работать с таким персоналом! — пожаловался Скотч, изображая легкое возмущение. — Подметки режут прямо на ходу! Ты что сегодня вечером делаешь, Гурма? — Скотч резко сменил тему, памятуя, что у внезапной атаки больше шансов обернуться успешной.

Психологиня уже убрала терминал в сумочку. Тираду Скотча она выслушала с понимающей улыбкой на устах.

— Ты и правда кобель, Вадим! — подытожила она. — Сегодня вечером я, вероятно, ем шашлыки, которые ты, по слухам, организуешь. И пью то, чем ты меня угостишь. А дальше... дальше посмотрим. Во всяком случае, никаких определенных планов у меня нет и на лайнер я возвращаться не собиралась.

— Отлично! — просиял Скотч. — Тогда пойдем, я тебя лично поселю!

Несмотря на некоторые проблемы с участниками группы, первый день работы начинал удаваться.

3

В день прилета состоялась еще популярная лекция с голопроекциями, посвященная природе Табаски. А завершился день традиционным банкетом, плавно перешедшим в ночной пикник, в свою очередь плавно перешедшим в веселую и шумную попойку. Как и следовало ожидать, имелись особо отличившиеся.

В стельку надрались понтарь Денис Воронцов, Акоп Транше Подолян и малолетний Фаусто Аркути. Остальные финишировали в состоянии «сильно навеселе», исключая печальную Валентину Хилько и человека-загадку Владимира Семенова — эти почти не пили. Даже довольно занудливая тетка Гунила Бот к середине ночи слегка осоловела, чем не замедлил воспользоваться ее бедовый муженек, и тоже быстро осоловел.

Случился неприятный эксцесс: в самом начале пикника еще более или менее трезвый Воронцов якобы случайно окатил Семенова вином из серебряного кубка и даже не подумал после этого извиниться. Семенов меланхолично утерся салфеткой и поинтересовался у Скотча, есть ли тут общественный душ ближе, чем душ в его коттедже. Воронцов вслух обозвал Семенова рохлей и трусом; Скотч специально выдержал паузу, изучая реакцию Семенова.

Семенов всего лишь усмехнулся. Скотчу показалось — снисходительно.

Тут уж Скотч не смог не вмешаться. Он встал, без всяких церемоний взял Воронцова за шиворот и потребовал принести извинения коллеге по походу. Воронцов попробовал было помахать кулачками, но с другой стороны подошел Валти и одним убедительным движением отсоветовал.

— Господин Воронцов! — проникновенно и невыносимо назидательно изрек Скотч. — Осмелюсь вам напомнить, что мы с сегодняшнего дня — одна семья. Также напоминаю, что согласно пункту пять-три второго раздела подписанного вами туристического контракта гид-инструктор имеет право применить к клиенту любое воздействие, какое посчитает нужным, в пределах, оговоренных в том же разделе рамок. Если вы запамятовали, за рамками остается только физическое умерщвление. В общем, я бы рекомендовал вам, господин Воронцов, незамедлительно принести господину Семенову извинения и впредь не допускать никаких ненужных неловкостей. Вы понимаете меня?

Воронцов пробормотал что-то нечленораздельное, вырвал руку из замка Скотча и сухо попросил у Семенова прощения. Тот совершенно без эмоций принял и убрел в душ. Воронцов после этого затеял планомерно надираться, но этому Скотч препятствовать не собирался: клиент на отдыхе, его право, поскольку окружающих это не задевает.

Разбрелись чуть ли не на рассвете, причем многие — парами. К вертихвостке Орнеле Аркути весь вечер подбивали клинья Воронцов и Подолян, но ушла она в итоге с Цубербюллером. Патрис Дюэль без особых хлопот упаковала пьяненького Аркути-младшего; печальная Валентина Хилько долго смотрела на Семенова, но тот удалился раньше всех. В одиночестве. Потом к ней попытался подъехать Солянка, но ушла Валентина все-таки тоже одна. Ну а Скотч не зря весь вечер распускал хвост перед Гурмой — та сама взяла его под руку и повлекла к своему коттеджу. На что немедленно обиделась Мартина и впервые уступила робким ухаживаниям Хиддена.

Наутро Скотч встал бодреньким, хотя и маловыспавшимся. Первым делом он проверил, ушли ли на маршрут спасате-

ли. Убедился, что ушли. Потом растолкал взъерошенного Литтла, стребовал с него антипохмелина в таблетках и рассоле, а затем пошел будить народ.

Народ оживал неохотно, но у Скотча за плечами имелся колоссальный опыт.

Боты открыли почти сразу; антипохмелин приняли с благодарностью и уже через четверть часа сделались как новенькие. Цубербюллер, как оказалось, уже проснулся, пришел в форму самостоятельно и бродил с утра по турбазе — Скотч с ним встретился и перекинулся несколькими фразами. В том, что парень этот тертый путешествиями, Скотч убедился вчера вечером и весьма порадовался такому подарку судьбы еще накануне. Цубербюллеру антипохмелин не требовался, но он взял на долю очаровательной вертихвостки Орнелы и направился ее лечить.

Патрис и Аркути-младший долго не открывали; потом Патрис все же собралась с силами и дошла до двери. Одета она была скудно, но в общем прилично и определенно маялась после вчерашней попойки. Аркути-младший бревном лежал поперек койки. Девушку Скотч быстро напоил рассольчиком и скормил попутно пару таблеток; ей на глазах похорошело. Юнец сначала от таблеток отнекивался, но Скотч очень убедительно соврал, что сам сегодня заглотал аж четыре таких. На это Аркути-младший не нашел что возразить и антипохмелин принял. Ему тоже моментально полегчало. Скотч пошел дальше, а Патрис заверила его, что через каких-то полчаса-час они будут готовы к завтраку. Часы она определенно подразумевала локальные, а не местные, потому что до завтрака оставалось около пятидесяти минут.

Воронцов вообще не открыл; пришлось воспользоваться своим ключом. На Скотча этот фрукт поглядел хмуро, но не злобно, посему Скотч заключил, что из вчерашнего тот мало что помнит. От таблеток Воронцов отказался, заявив, что у него свои. Скотч попросил показать — разумеется, замаскировав это под интерес и желание узнать что-нибудь новенькое. Воронцов, естественно, не упустил случая блеснуть и продемонстрировал дорогущие селентинские биопрепараты. Скотч восхищенно поцокал языком, пообещал непременно

испробовать их в следующий раз и удалился: качество препаратов его вполне удовлетворило. Если примет — быстро будет как новенький. Если нет — черт с ним, пусть мается. Опять же его право.

Перевертыш Нути-Нагути без задержек впустил Скотча и заверил, что самочувствие у него в норме. Алкоголь он почти не употреблял, но зато курил весь вечер какую-то свою ритуальную траву. К счастью, для людей она была смертельна, поэтому все попытки пьяных коллег-туристов глотнуть дымку с ним на пару ооонс мягко пресекал. А последствий после курения у перевертышей не бывает. Скотч пошутил в том смысле, что людям в этом смысле гораздо труднее живется. Они с инопланетянином с удовольствием посмеялись и расстались вполне довольные друг другом.

Комик Подолян сам поймал Скотча на пути к коттеджу Семенова и, получив желанное облегчение, с душераздирающими воплями радости умчался купаться на озеро.

Семенов, как и ожидалось, открыл сразу; поскольку он вчера почти не пил, лекарство с утра ему было ни к чему. Скотч вежливо задал несколько общих вопросов, получил несколько вежливых и в высшей степени обтекаемых ответов и направился к последнему домику — домику Валентины Хилько.

Та тоже уже поднялась. Менее печальной она, увы, не стала, а подавленный турист на маршруте — это дополнительные трудности. Антипохмелин ей, понятно, не требовался. С ней Скотч проговорил аж пятнадцать минут, не пытаясь, впрочем, лезть в душу, и ему показалось, что Валентина очень благодарна за это. Она даже по собственной инициативе пообещала не хандрить и не доставлять работникам «Экзотик-тура» дополнительных проблем. «Что вы, сударыня! — сказал ей Скотч. — Какие проблемы? Моя обязанность развлечь вас и помогать вам, и я вас развлеку, а если потребуется — непременно помогу!» К исходу разговора Валентина даже начала улыбаться.

Ну а персонал базы — спасатели и девчонки из обслуги — сам знал, как приходить в себя после стартового пикника, тем более что самую трудную часть алгоритма Скотч уже проделал, а именно — растолкал мистера Литтла, Витальку

Акулова, долговязого, даже выше Солянки, завхоза турбазы, у которого в заветных закромах можно было отыскать все, чего душа пожелает, вплоть до иглы, в которую заключена смерть Кощея.

После завтрака Скотч дал народу немного отдохнуть и слегка прийти в себя, а потом закатил изнурительную тренировку на освоение снаряжения. Спустя какие-то полтора часа туристы уже сноровисто ставили сдвоенные палаточные модули, умело паковали рюкзаки и управлялись со встроенными в них компенсаторами-антигравами, взбирались при помощи серволебедок на деревья и единственную на турбазе скалу, специально доставленную сюда черт знает откуда, чуть ли не с соседнего материка, парами и тройками преодолевали рукотворные топи... Инструкторам охотно помогали Цубербюллер и Валентина Хилько — практически всё необходимое на маршруте эта парочка умела и без наставлений Скотча с Валти. Скотч и Валти волчками носились туда-сюда, поправляли, объясняли, показывали как и как не, покрикивали, шутили, матерились сквозь зубы — в общем, плотно вошли в рабочий режим. Воронцов кривил физиономию, но когда ему наглядно продемонстрировали непригодность его снаряжения для, например, штурма вышеупомянутой каменюки с соседнего материка, быстро поутих. Скотч поймал его захватом страховочного антиграва лишь в самом конце падения, над хищно торчащими гранитными зубьями основания скалы. Само собой, нарочно. Мог раньше.

— Не годится твое снаряжение, — миролюбиво пояснил Воронцову Цубербюллер. — Оно само по себе хорошее, но не для Табаски. Вот, гляди, метка «Же-минус». Знаешь, что она означает? Что этот комплект рассчитан на планеты с пониженной гравитацией, а там и нагрузки другие, и динамика подъема, и способы крепежа.

Воронцов, бледный и хмурый, косился на ярко-красную метку во весь фирменный «гайсовский» чехол — «G-».

— «Же-плюс» — для повышенной гравитации, — продолжал растолковывать Цубербюллер. — «Же-плюс-плюс» — для предельно допустимых для людей планет, вроде Гондваны или

Серезо-да-Бонс. Просто «Же» — для земной тяжести, плюс-минус одна десятая. «Же-ноль»...

— Достаточно, — буркнул Воронцов угрюмо. — Понял, не дурак.

И зло пнул ни в чем не повинный фирменный чехол. А потом взял предложенный комплект из турбазовского снаряжения и решительно пошел к скале.

«Обламывается помалу, — с удовлетворением отметил Скотч. — Однако не отнимешь: упрям и не труслив. Мужик. Хоть и болван изрядный...»

Акоп Подолян теоретически знал почти все необходимое. Но на практике любое действие он выполнял как-то нелепо и криво, через задницу. То карабин защелкнет не там, то трос лишний раз перехлестнет, то страховочный поводок проденет не туда... Посреди подъема на высоченный кедроклён у него свалился с ноги ботинок. Надежная пластиковая доска-мокроступ под Подоляном просто развалилась на две части, и тот по самые уши погряз в полужидком тинном месиве. Когда ставили палатку, Подолян головой сшиб опору гравикаркаса. Палатка, понятно, осела, и бедняга Акоп долго на ощупь искал выход. Над ним хохотали и потешались, но Подолян хохотал громче всех и весело огрызался из палатки.

Супруги Боты старались пуще остальных — у них это оказался первый в жизни выезд на неосвоенную планету. Раньше просто не могли себе позволить. Старались брат и сестра Аркути. Старалась Патрис Дюэль, невзирая на достаточно солидный для девицы ее круга опыт. Во всяком случае, палатки ставить она прекрасно умела, по скалам лазить умела замечательно, рюкзак у нее, как и у Цубербюллера, нашелся свой, причем очень приличный — получше турбазовских, — и только перед топями Патрис спасовала. Скотч, естественно, с удовольствием помог, вразумил и наставил. Старался невозмутимый перевертыш Нути-Нагути: он трижды по мелочам метаморфировал, причем, как и уславливались, незаметно для окружающих. Метаморфозы заметили только Скотч, Валти и, кажется, Семенов: перед штурмом скалы перевертыш метаморфировал внутреннюю поверхность ладоней (чтоб липли к камню); перед свиданием с кедроклёнами втихую от-

растил когти, а перед барахтаньем в болоте снабдил всю поверхность тела водоотталкивающими свойствами. Старался Семенов. Скотч и Валти так и не смогли прийти к единому мнению: внове для него туристская наука или нет. Семенов управлялся со снаряжением и заданиями достаточно ловко, но из кожи вон не лез и всегда показывал результат из середины, чаще ближе к худшему.

На обед все явились уставшие, голодные и довольные. Скотч громогласно объявил, что вслед за послеобеденным отдыхом состоится знакомство с оружием и пробные стрельбы, а вскоре после ужина — старт. Поэтому на обеде рекомендовал либо не пить спиртного вообще, либо ограничиться бокалом пива. Воронцов достаточно вызывающе спросил: сочтут ли криминалом вместо пива бутылку виски на двоих? Скотч ответил в том смысле, что не сочтут, но и к оружию не допустят. И своим стволом пользоваться не позволят. Тогда Воронцов поинтересовался, какова минимальная доза с допуском к стрельбам. Семьдесят граммов, отрезал Скотч. И ни граммом больше.

Виски Воронцов пил с Подоляном. По рюмочке. Остальные, включая перевертыша, с видимым наслаждением отдали должное пиву.

После отдыха (Скотч не замедлил заскочить к отсыпавшейся после бурной ночи Гурме Бхаго) тренировки возобновились. Как и ожидалось, ножами и мачете вполне владели Цубербюллер, Воронцов и Подолян. Последний — с оговоркой на личное счастье. Скотч поразмыслил и пошел на некоторый риск: затеял пробное метание ножей в цель, хотя туристам этого не полагалось позволять в принципе. Причем первым метать пригласил Семенова.

Если тот и смешался, то лишь на неуловимое мгновение. После чего без пауз, один за одним, послал выданные пять ножей последовательно: в пятерку, в ближайшие кусты, в девятку, в молоко и в яблочко. После этого, разумеется, всех остальных уже было за уши не оттащить от щита с мишенью. Каждый хотел попробовать. К некоторому удивлению Скотча, все пять в яблоко без труда воткнул Подолян; сорок семь очков набрал Воронцов; сорок два — Патрис Дюэль; по тридцать девять Валентина Хилько и Аркути-младший; всего двад-

цать четыре вышло в итоге у Цубербюллера, честно, впрочем, предупредившего, что хоть с ножами и обращается без труда, метать их не умеет; единственный из пяти ножей воткнулся в щит рядом с мишенью в попытке Орнелы Аркути; у Ботов, понятно, ничего не получилось вообще; а Нути-Нагути, посмеиваясь, игнорировал броски в мишень, зато изобразил аккуратненький косой крест в стволе дерева, отстоящем от линии броска вдвое дальше, чем щит с мишенью. Скотча столь высокие в целом результаты группы слегка удивили: обыкновенно среди туристов мало кто умел метать ножи. Кто умеет — не прибегает к услугам «Экзотик-тура».

На закуску осталась стрельба. Добрый час ушел на знакомство с охотничьими плазменными ружьями и боеприпасами к ним. Клиенты к этому моменту успели надрессироваться настолько, что все советы выполняли мгновенно и беспрекословно, словно приказы. Даже Воронцов. Свою собственную привезенную винтовку он даже не стал вынимать из чехла. Видимо, не хотел вторично позориться перед спутниками. Не обошелся без плановой выходки Акоп Подолян: в какой-то момент он с гиканьем отобрал у Гунилы тарелку с печеньем, печенье высыпал в траву, а тарелку подбросил высоко в воздух, после чего разнес ее вдребезги первым же выстрелом, чем заслужил восторженные аплодисменты большинства туристов (включая оставшуюся без печенья Гунилу) и моментальную выволочку от Скотча.

Скотч не сказал бы, что после выволочки Подолян хоть сколько-нибудь огорчился.

Перед самым ужином Валти раздал каждому по обойме с десятью выстрелами, и соревнование (что же еще, если не соревнование?) в меткости, ко всеобщей радости, состоялось. Очередность стрельбы определял жребий — кость с иероглифами для игры в хепато.

Результаты Скотча в общем порадовали.

Фаусто Аркути — семьдесят четыре очка из ста.

Тентор Бот — пятьдесят два.

Денис Воронцов — девяносто восемь.

Патрис Дюэль — девяносто два.

Нути-Нагути — сто, причем точки от попаданий в яблочко сложились в забавную схематичную рожицу. (Ничего уди-

вительного — перевертыш метаморфировал глаза и, вероятно, стимулировал мышечные рефлексы).

Константин Цубербюллер — девяносто шесть.

Гунила Бот — двадцать четыре.

Валентина Хилько — шестьдесят пять.

Орнела Аркути — сорок.

Акоп Подолян — сто.

И, наконец, Владимир Семенов — семьдесят пять.

И снова Скотч не сумел понять — сознательно Семенов занижает результат или просто не очень хорошо стреляет.

На ужине Скотч тщательно проследил, чтоб Воронцов с Подоляном не тяпнули лишнего; а после ужина выдал каждому список вещей, которые следует упаковать и обязательно взять с собой, дал час на сборы и умчался прощаться с Гурмой.

Выступили за два с половиной часа до заката. Естественно, после персональной проверки каждого туриста — без перетряхивания вещей, но с контролем качества укладки. Солянка, Жбан и Хидден заблаговременно доложили из первого промежуточного лагеря о закладке начальной пятерки точек с регулярным запасом провианта и пятерки дополнительных точек с аварийными пакетами.

Перед самым выходом к Скотчу подкатил мистер Литтл и слезно попросился выгуляться с группой. Дескать, осточертело сидеть на базе среди бабского персонала и вообще давно охота развеяться.

— Черт с тобой, — фыркнул Скотч. — Иди. Но на поблажки не надейся — пахать будешь наравне со всеми.

И ехидно посоветовал вдогон сбегать к завхозу и получить снаряжение.

4

— Ну что, господа, все готовы? — осведомился Скотч, оглядывая группу.

В ответ донеслось нестройное утвердительное гудение:

— Да-а-а-а!

— Никто ничего не забыл? Таблетки от изжоги? Голограммку ненаглядной тещи? Любимую курительную трубку? Учтите, возвращаться не будем, даже если вспомните через пять минут после старта!

Гудение возобновилось, сменив полярность:

— Не-е-е-ет!

— Ну что же! От имени служащих «Экзотик-тура» на Табаске поздравляю вас с началом! Вперед к приключениям!

Даже бывалого Цубербюллера и понтаря Воронцова захватил стартовый азарт. На эту, в сущности, возвышенную банальность группа ответила дружным восторженным ревом. Тихушник Семенов и тот промычал что-то благодушное.

— Объявляю порядок цепочки! — Скотч умело поддерживал деловое веселье. Вынул и развернул пластиковый лист с распечаткой: — Ведущий — инструктор Ваулин, для краткости Валти!

Валентин первым ступил на тропу и временно развернулся спиной к сплошной зеленой стене леса.

— Патрис!

Француженка с готовностью шагнула на утоптанную стежку вслед за Валти.

— Фаусто! За ним Орнела!

Теперь на тропе стояли уже четверо.

— Костя! Денис! Нути-Нагути! Акоп!

— Для краткости — Траншея! — встрял Подолян и довольно заржал.

— Гунила! Тентор! Валя! Влад! Ну а мы с мистером Литтлом замыкаем. На марше не зевать! По сторонам смотреть в оба! Команды инструкторов выполнять быстро и без разговорчиков! Помните все, под чем вы подписывались в контрактах! Готовы?

— Готовы!!!

— Гип-гип!

— Ура-а-а-а-а-а-а! — взревела группа.

— Ну, — Скотч повернулся к Гурме, обнял и поцеловал ее, — до встречи, малышка! Я буду по тебе скучать.

Скотч знал, что врет. Да и Гурма знала, что Скотч врет: не будет он скучать. Но Скотч знал и то, что миниатюрной пси-

хологине хочется услышать эти слова, а Гурме на самом деле приятно было их услышать. Так почему бы и не произнести то, что хотят услышать?

Старая как мир игра в прощание.

Провожающим из обслуги Скотч, Литтл и Валти помахали руками.

— Валти, марш!

Напарник в который раз в жизни развернулся к лесу и сделал первый шаг очередного тура, одновременно трижды сплевывая через левое плечо. Недлинная цепочка туристов зашагала прочь от турбазы и скоро ступила под полог первобытного леса Табаски.

Незадолго до заката в лесу очень спокойно: дневная живность намаялась за день и поутихла, а ночная еще просто не покинула берлог. Косые солнечные лучи кое-где пробивались сквозь кроны, рассыпались в подлеске пятнистой попоной. Тропа, чуть извиваясь, убегала вдаль и терялась из виду уже в двух-трех десятках шагов. До первого лагеря по тропе было километров семь с небольшим. Никаких запланированных сюрпризов первый марш не таил: обыкновенно хватало мелких естественных. Группа приноравливалась к лесу, к поклаже, к снаряжению, к ходьбе — а если короче, к «Экзотик-туру».

До лагеря добрались почти без приключений. «Почти» относилось (кто б сомневался!) к Акопу Подоляну. На ходу подстраивая компенсатор рюкзака, он умудрился перепутать вектор и вместо того, чтобы облегчить ношу, увеличил ее вес. Само собой, штатный весельчак нынешнего похода сдавленно пискнул под рюкзаком, вмиг набравшим добрых центнера полтора, и опрокинулся на спину на манер жука-скрепера. Даже ногами дрыгнул очень похоже. Боты его с прибаутками освободили от излишних тягот, и целых пятнадцать минут только и разговоров было, что о компенсаторах туристских рюкзаков. Народ с удовольствием щеголял недавно заученными терминами и усиленно косил под корифеев — инструкторов, Цубербюллера и Патрис с Валентиной.

В лагере быстренько и вполне сноровисто поставили палатки; Скотч, взяв в помощники Цубербюллера и Семено-

ва, направился за дровами. Неприкаянный Литтл увязался с ними, хоть Скотч на него и шикнул.

— Будешь шипеть — спирта не дам! — цинично окоротил гида завхоз.

Такую угрозу нечем крыть было даже номинальному директору турбазы. Что делать — пришлось взять.

ШТАБ ФЛОТА «ТУМАННОСТЬ»

Система Фалькау, доминанта Земли

1

Ординарец, как обычно, возник словно бы из ниоткуда. В самом конце рабочего дня, когда адмирал Луис Перейра уже собирался опечатать сейф и отправиться домой. Наружный караульный громко постучал в настоящую дубовую дверь, добытую в столкновении с пиратами Вешнего Вакуума, в свою очередь распотрошивших каких-то залетных контрабандистов аж с самой Земли. С тех пор любимым ругательством адмирала стало это странное словосочетание на интере — вешний вакуум. И звучит не грубо, и душу отводит.

— Срочная депеша, господин адмирал! — отчеканил ординарец. — Задействуйте мгновенную связь! Советник Хенрик Паулиста подключится тотчас же, как только вы разблокируете его канал!

— Что-то срочное? — нахмурился адмирал. Он не любил сюрпризов. Особенно в конце рабочего дня.

Адмирал Луис Суарес Лима Перейра за двенадцать лет командования флотом «Туманность» и сотрудничества с правительством Фалькау сумел навести в системе и ближайших окрестностях завидный порядок. Пираты облетали этот район космоса десятой дорогой; торговцы же, напротив, рады были заглянуть на безопасный и благополучный мирок и вво-

лю расторговаться на местных рынках. Ближайшие колонии — Калиновка-III, Чунь Чхэ и Баньска Моравица довольно быстро попросили взять их под крыло и защиту. Перейра подумал, посоветовался с адмиралом Джаветом уль Мансуром, командующим флотом «Центроникс», который базировался на ближней Вермелинье, и скооперировался с ним. Совместные соединения боевых кораблей начали патрулировать далекие человеческие колонии. Результат не замедлил сказаться: влияние доминанты Земли в этом районе галактики существенно возросло. Сил двух флотов хватало с избытком, возник даже проект колонизировать подходящую планету в контролируемом секторе, построить космодром и ремонтную базу...

И вдруг — сюрпризы. Кто обрадуется?

Адмирал жестом отослал ординарца; дверь тихо закрылась.

Пультом мгновенной связи Луис Перейра пользовался нечасто: организацией патрулирования занимались заместители, адмирал лишь осуществлял общее руководство и обеспечивал надежные и доверительные отношения с правительствами местных колоний.

Голографический куб слабо засветился, проецируя в объем рубку небольшого космического корабля. Явно гражданского. На переднем плане возникло изображение человека — средних лет мужчины, слегка раскосого, с обширными залысинами, прижатыми к голове ушами (словно у испуганного кота, подумал адмирал), крючковатым носом и тонкими бескровными губами.

— «Шустер-эпсилон» семьдесят пятый вызывает военно-космические силы Фалькау, — проговорил человек на интере. — Доброе время суток!

— Доброе, — поздоровался адмирал, одновременно разблокировав канал советника правительства Фалькау.

— Я — бригадир малого рейдера Поисковой Базы доминанты Земли Тахир Плужник. Честь имею!

— Командующий флотом «Туманность» адмирал Луис Перейра, — представился адмирал. — Слушаю вас, бригадир.

— Нам нужна охрана, адмирал. Сопровождение на Базу.

— Вот как... — сразу все понял Перейра.

Искатели. Искатели доминанты Земли наткнулись на что-то интересное и необычное. Просят сопроводить их на Поис-

ковую Базу, справедливо опасаясь пиратов, а то и просто первого встречного. Даже в пределах доминанты Земли могли найтись режимы, не побрезговавшие бы присвоить новые технологические секреты или артефакты древности. Не говоря уже о галактах нечеловеческих рас. К искателям всегда отношение особое: они служат не какому-нибудь отдельному режиму какой-нибудь отдельной колонии. Они служат всей доминанте Земли, всем людям и всем человеческим мирам галактики. Любой военный корабль людей обязан прикрыть искателя, защитить его — это дело даже не уставов и присяг. Это дело офицерской чести. Обязанность защищать искателей нигде не прописана. Но на карьере военного, который откажет нуждающемуся в прикрытии искателю, можно смело ставить крест: в космосе такому просто не место.

— Где вы находитесь? Какие силы высылать вам в поддержку? Есть ли у вас еще какие-либо пожелания или просьбы? — Перейра не стал выпытывать подробности поискового рейда. Потом, все потом. Главное — перехватить этих ребят, занимающихся, по сути, почти бесперспективным, невероятно скучным и весьма опасным делом. Было бы дело безопасным — не просили бы прикрытия. А сулило бы выгоду с большей вероятностью — прикрытие имелось бы изначально.

— Наши координаты в контрольном пакете, отправляю, — ответил Плужник. — Кого высылать... Ну, пару крейсеров желательно, чтоб мелочь всякая не совалась. Если сунется крупная рыба, пожалуй, и всем вашим флотом не отобьешься.

Адмирал снова нахмурился:

— Дело настолько серьезно?

— Достаточно серьезно, адмирал. Впрочем, я предпочту не распространяться на этот счет. Особых просьб у нас нет. Просто поспешите к точке рандеву, указанной в контрольном пакете. Мы будем там через десять локальных часов.

Почему-то земные часы, сутки и годы издавна нарекли «локальными», хотя логики в этом было немного. Локальным логичнее было называть любое местное время. А вот поди ж ты — прижилось нелогичное название, пустило корни, обросло привычками и традициями...

— Вас встретят, бригадир, — твердо пообещал адмирал. — Слово офицера.

— Спасибо, адмирал. До встречи.

— До встречи.

Видеокуб мигнул; спустя секунду в нем сменилось изображение. Вместо рубки поискового рейдера нарисовался рабочий кабинет советника с Фалькау и сам советник, разумеется.

— Ты слышал? — хмуро спросил адмирал.

Советник, пожилой и тертый событиями политик Хенрик да Соуза Паулиста, безмолвно кивнул.

— Мысли есть? — поинтересовался Перейра.

— Мало информации. — Советник слабо пожал плечами. — Корабли, разумеется, высылай. И не пару, как они просили, а побольше. Пяток впрямую и треху в прикрытие. Кто знает, на что они там наткнулись...

Адмирал задумчиво кивнул. Придется немедленно созывать срочное совещание штаба флота, да и представителей «Центроникса» нелишне будет пригласить.

— И вот еще что... — добавил советник. Видно было, что он все еще немного колеблется, хотя в душе уже решил на всякий случай перестраховаться. — Слетал бы ты сам, Луис. На месте — оно всегда виднее.

— Тогда уж и ты тряхнул бы стариной, снялся из гнезда! — отпарировал адмирал. — Официальное мнение правительства Фалькау, которое всегда рядом, все видит и все слышит, мне тоже не помешает.

— Резонно, — качнул головой советник. — Хорошо, я провентилирую этот вопрос. Созывай совещание, я подниму своих. Перекрестный брифинг... ну, скажем, через полчаса?

— Годится. Если получится раньше — давай раньше.

— Понял. Отбой.

Адмирал вместе с креслом переехал на полтора метра влево, к пульту местной связи, и с размаху шлепнул по красному грибу тревожного вызова:

— Сигнал «Форум»!

В кабинет даже сквозь плотную декоративную обивку пробился звук взвывшей снаружи сирены. Через минуту ввали-

лись два лба-гвардейца с лучеметами в волосатых лапах. Усиленный караул, все правильно. Адмирал к этому моменту уже беседовал с оперативным дежурным.

— Господин адмирал! Оперативный дежурный полковник Вентрас на связи!

— Сколько у нас кораблей в резерве, полковник? Линейных.

— Пять средних крейсеров, господин адмирал, два улья и четырнадцать полукорветов.

— Часовая готовность для всех. На профилактике что?

— Шесть ульев и...

— Двухчасовая готовность для всех. Работы законсервировать. Выполняйте.

— Есть!

— Йорга!

— Я, господин адмирал! — тотчас отозвался референт-ординарец.

— Срочное совещание штаба! В режиме «Бета», онлайн, обойдемся без вестовых...

— Есть, господин адмирал!

Штаб флота «Туманность» забурлил, словно потревоженный муравейник. Даже величаво плывущие по орбитам большие корабли стали выглядеть несколько иначе — вместо четвертой-пятой части освещенных иллюминаторов теперь горели почти все.

— Борис! Информация нужна!

В служебном видеокубе тотчас сконцентрировалось изображение дежурного информ-референта.

— Слушаю вас, господин адмирал!

— Состав флота Поисковой Базы доминанты Земли.

— Вызван! — мгновенно отрапортовал референт.

— Какого типа там малые поисковики?

— «Констанца», «Компромисс», «Шустер-ро» и «Шустер-эпсилон».

— Интересует «Шустер-эпсилон». Сколько их в эксплуатации?

— Двести шестнадцать, господин адмирал!

— Данные по «Шустеру-эпсилон» семьдесят пятому.

Секундная пауза.

— Рейдер в настоящий момент в поиске, на границе нашего сектора и соседнего. Бригадир и капитан — Тахир Плужник, старший помощник и штурман — Василий Шулейко, искатель-техник — Алекса...

— Стоп. Опусти. Как давно они в поиске?

— Семь локальных месяцев, двадцать два дня и девять часов. С минутами.

— Изображение бригадира Плужника мне в объем!

Четырехсекундная пауза, и в кубе сгустилась служебная голограмма того самого человека, с которым адмирал недавно разговаривал по мгновенке.

— Спасибо, пока отбой. — Перейра отключился.

Итак, в этом смысле все сходится. То, что связь осуществлялась с борта поисковика, сомнений нет — аппаратура это отслеживает. Теперь вдобавок точно известно, что на связь выходили не случайные люди, а именно экипаж рейдера.

«А, — подумал с неожиданным азартом Перейра, — и правда слетаю! Давно ведь хотел, сижу тут, как сыч на чердаке, который год подряд. Рабочий день до девяти, будто и не военный, ей-право».

— Флагман! — вызвал он по очередной линии служебного голо.

— Дежурный по рубке капитан Михальченко! — тотчас отозвались с головного корабля флота. — Без происшествий, господин адмирал!

— Часовая готовность! Время старта сообщу лично, прибыв на борт! Пылесосьте каюту... И Н'Боо вызовите немедленно, пусть поднимает своих рейнджеров!

— Есть, господин адмирал! — возликовал явно застоявшийся на мирных дежурствах капитан.

«Мальчишки! — мысленно фыркнул Перейра. — Все бы вам воевать...»

Тут загудел-замигал глазком вызов личной линии президента.

— Ага, всполошились, — пробормотал адмирал, подключаясь.

Над пультом мерцали теперь сразу четыре куба.

— Да, господин президент?

— Добрый вечер, адмирал. Я слышал, у вас неожиданные новости?

— Есть немного. Полагаю, вы уже в курсе произошедшего?

— В курсе, Паулиста мне доложил. Что вы намерены предпринять?

— Обеспечить сопровождение, естественно! — Адмирал даже немного удивился. — Разве я мог поступить иначе?

— Я не о том. — Президент слегка поморщился и взглянул Перейре прямо в глаза. — Я хотел... э-э-э... уточнить: куда вы будете сопровождать поисковик?

Адмирал ответил не сразу. Более того, он долгих две секунды не мог понять, к чему же клонит президент. Потом понял и непроизвольно сжал губы.

«Вот оно что... Старею я, что ли? Совсем медленно соображать стал».

— Естественно, на Поисковую Базу доминанты Земли, господин президент. А разве есть иные варианты?

Президент испытующе глядел на Перейру. Адмирал уже знал, что именно хозяин Фалькау сейчас скажет — если решится, конечно. Обычно подобные предложения высказывают не президенты, а поверенные люди из второго эшелона. Президент должен быть выше подозрений и вне интриг. Даже если руководит ими из наглухо изолированного от мира угла.

Итак, правительство Фалькау нацелилось нагло присвоить находку поисковиков. В принципе это вполне оправданный шаг: новые технологии принесут немалую выгоду колонии. Но стоит ли ради кота в мешке (неизвестно еще — на что там наткнулись межзвездные старатели-археологи) рисковать добрыми отношениями с метрополией и соседними колониями? Свою долю в новых технологиях немедленно захотят и Земля, и Офелия, и Селентина, и Хобарт, и Пеломен — да любой развитый режим доминанты Земли. Та же соседняя Вермелинья непременно захочет. Явится адмирал Джавет уль Мансур во блеске всего ударного флота «Центроникс» и эдак ненавязчиво поинтересуется: что вы тут исследуете последнее время, а, соседушки?

Впрочем, все это не имеет особого значения. Президент Фалькау и его высокопоставленные советники плохо знают подноготную работы поисковиков. О находке уже информирована Поисковая База. Причем скорее всего — не только земная База, поскольку поисковики разных рас поддерживают довольно тесные отношения друг с другом. И не далее чем через четверть часа по мгновенке свалится официальное ходатайство доминанты Земли о сопровождении «Шустера-эпсилон» семьдесят пятого до материнской Поисковой Базы.

Все это адмирал как мог деликатно объяснил президенту, прежде чем тот наговорил опрометчивых слов. Президент несколько сник и обещал выйти на связь к началу штабного совещания.

Следующие десять минут адмирал Перейра согласовывал со статус-референтом текст экспресс-доклада на экстренном совещании штаба и поправки к сообщению на совместном с политиками брифинге. Все-таки сдернуть с места резерв стабильного флота за какой-то час-полтора — почти подвиг. Но военные флота «Туманность» совершили его. Онлайновое совещание длилось тридцать две совпадающих с локальными минуты, после чего высший офицерский состав идущих в конвой кораблей отбыл на борт. Адмирал Луис Суарес Лима Перейра — в том числе.

Челнок советника Хенрика Паулисты отшвартовался у каботажного шлюза флагманского линкора за десять минут до начала стартовых маневров. Советник прибыл не сам — с двумя заместителями и собственным стюардом.

Адмирал не ходил в режиме пульсаций уже семь лет. Он с неожиданной тоской подумал, что этот поход вполне может оказаться последним в его долгой карьере офицера военно-космических сил. Возраст. Проклятый возраст — и сам задумываешься об уходе на пенсию, и более молодые подчиненные недвусмысленно глядят на твое кресло...

Кресло ведь, хоть тресни, придется когда-нибудь освобождать.

«Дьявол! — подумал Перейра. — Вот отведем поисковик на Базу, передадим земным военным, вернемся — начну сдавать дела. Хватит, покомандовал! Пора и честь знать».

Флотилия ушла за барьер спустя час с небольшим после начала стартовых маневров.

Никто в окрестностях Фалькау не знал, что приблизительно в это же время целая армада звездолетов в секторе Тсурры выстроилась в боевой порядок и также канула за барьер. Регулярные войска расы шат-тсур, «поющих скелетов», ринулись в область пространства, где вскоре примется поджидать подмогу одинокий рейдер-поисковик «Шустер-эпсилон» семьдесят пятый.

2

Рейдер Поисковой Базы оказался довольно здоровой махиной. Во всяком случае, в створ трюма среднего крейсера он не проходил. Оно и понятно, корабль гражданский, никто не задавался целью минимизировать линейные размеры и объем, дабы не служить отменной мишенью для вражеских канониров. Посовещавшись с капитаном флагмана, Перейра склонился к мысли вообще не брать поисковик в трюм, а пристыковать снаружи, к тому же каботажному шлюзу, например. Для икс-привода флагманского линкора флота «Туманность» подобное увеличение массы совершенно некритично.

Осторожность никогда не мешает. В который раз адмирал повторил про себя: кто знает — с чем столкнулись настырные искатели? Что они везут на своей посудине? Не подцепили ли какой-нибудь доисторической заразы? Вон, вся Чагда полвека назад вымерла от неведомой болезни, занесенной каким-то иммунным инопланетянином-горняком. Две локальные недели, почти полмиллиарда жителей! Четыре локальных года в чумной сектор не совался ни единый корабль! Пока умники на Свайге не выделили мутировавший вирус и не научились с ним бороться.

Впрочем, адмирал опасался зря. Поисковик не вез никаких материальных находок. По словам бригадира, они располагали лишь новой неожиданной информацией, предположительно — чрезвычайно ценной. Поэтому пока рейдер и его

экипаж проходили полную стерилизацию и дезактивацию, адмирал гадал: что это за информация? Какое утерянное среди звезд знание давно исчезнувших исполинов?

Безуспешно гадал, разумеется.

Бригадир поисковика и его помощник нарисовались на пороге адмиральских апартаментов спустя час после стыковки.

— Здравствуйте, господин адмирал!

— Здравствуйте, бригадир.

— Позвольте представить: это мой первый помощник Василий Шулейко.

Помбриг учтиво кивнул и пожал протянутую адмиралом руку.

— В свою очередь представляю вам видного политика и аналитика с Фалькау Хенрика Паулисту. Хенрик, это бригадир поисковиков Тахир Плужник.

— Очень приятно!

Снова рукопожатия.

— Прошу садиться, господа! — на правах хозяина пригласил адмирал. — Чай, кофе, уклу? Сигары? Или, может быть, у вас есть какие-то особые просьбы?

Искатели переглянулись — наверняка они давно работают вместе и такими взглядами могут сообщить друг другу очень много. Куда больше, чем покажется стороннему наблюдателю.

— Чай, если можно, — сказал бригадир Плужник. — Зеленый у вас есть?

— Конечно! — Перейра сделал знак стюарду, и тот немедля отправился на камбуз.

— Спасибо, что так быстро пришли нам на помощь. — Искатели умостились в удобных трофейных креслах. На борту флагмана имелось очень много трофейной мебели — не один пиратский корабль после пленения был обобран до нитки. Военным приходилось самостоятельно устраивать быт — Земля полностью прекратила снабжение флотов больше века назад.

— Это долг офицера, — развел руками адмирал. — Любой на моем месте поступил бы так же. Надо думать, вам нако-

нец-то повезло, если понадобилось сопровождение? Говорят, нечасто везет искателям.

Искатели снова многозначительно переглянулись.

— Ну, если честно, нашли мы не так уж и много, — поведал бригадир. — Обломок крейсера а'йешей, погибший в минувшую войну. Не без странностей погибший: от него отрезало изрядный кусок. На этот кусок мы и наткнулись. Кое-что интересное там есть, боевой пульт, например. А'йеши его до сих пор не рассекретили. Ну и по мелочи кое-чего. Но интересно главным образом не это, а причина, по которой крейсер оказался разделенным на две неравные части.

— И что же это за причина? Сумели установить? — Адмиралу стало по-настоящему интересно.

— Сумели. Собственно, это оказалось не так уж и трудно. После того, что случилось с нами, адмирал.

Тахир Плужник кашлянул, прочищая горло, и спокойно, по крайней мере внешне, сообщил:

— Мы отыскали портал нуль-коридора, ведущий в иную галактику. Неизвестно сколь далекую от нашей — приборы не нашли соответствий даже на уровне ориентировки по квазарам. Крейсер а'йешей задел створ портала, его и разрезало. Вторая половина там, в иной галактике, мы ее тоже засекли, но не осматривали по вполне понятным причинам.

— Установить, чей это портал, полагаю, попросту невозможно? — спросил адмирал.

— Скорее всего так. Оба генератора невероятно стары. Они старше нынешних цивилизаций в несколько десятков, а возможно, и сотен раз. Тем не менее до сих пор исправно держат коридор.

— Генераторы работы Ушедших?

— Вряд ли. Наверняка генераторы старше. Ушедшие тоже ведь были не первыми, кто хозяйничал в нашей галактике. Как теперь выяснилось, предтечи Ушедших хозяйничали не только в нашей галактике, а по меньшей мере и еще в одной.

— Генераторы вы, естественно, оставили на месте? — бесстрастно уточнил советник Паулиста.

— Разумеется. Я не берусь предсказать последствия активных исследований — все, на что мы решились, это внешний

осмотр, барионный анализ и тазионарный анализ. Тут нужен не одинокий рейдер-поисковик, а целый научный институт. В конце концов, мы не ученые, мы просто космонавты. А знаний наших спутниц-научниц попросту недостаточно. Думаю, к генераторам следует перебросить хорошо оснащенную орбитальную станцию с многочисленным и квалифицированным персоналом. На проблему нуль-перехода в свое время точили зубы все высшие расы, включая и нашу. И никому эта проблема не покорилась. Даже пропавшему Рою.

— Кто знает, может быть, Рою она как раз и покорилась, — многозначительно заметил Перейра. — Может быть, именно поэтому Рой и ушел из галактики.

— Вряд ли, — усомнился Плужник. — Рой уходил почти двадцать лет. Открой они секрет нуль-перехода, ушли бы мгновенно. Такой шаг был бы для Роя куда более естественным.

— Возможно, — не стал спорить адмирал и вернулся к прежней теме: — Наверное, стоит оставить у генераторов пару кораблей для охраны?

— А у вас имеются свободные корабли?

— Имеются.

Бригадир кашлянул в кулак и, глядя чуть в сторону, как бы между прочим сообщил:

— Отчеты на Поисковую Базу и в Фонд единого знания я уже отправил. Исследовательскую станцию в данный момент как раз готовят к переброске в окрестности генератора.

«Предупреждает, — понял адмирал. — Дабы не возникло искушение попользоваться нуль-коридором самостоятельно, в тайне от большинства людей. Что ж... Разумный с его стороны шаг. Разумный и честный».

Слегка улыбнувшись, адмирал обратился к Плужнику:

— Видите ли, бригадир... По моему глубокому убеждению, все подобные находки принадлежат в первую очередь доминанте Земли как таковой, а не какой-нибудь отдельно взятой колонии. Ну а в более широком смысле — всему союзу высших рас нашей галактики. Поэтому можете не опасаться никаких необдуманных действий со стороны флота «Туманность» и колонии Фалькау. Не так ли, Хенрик?

— Истинно так! Мы — граждане Фалькау, но Фалькау — всего лишь один из многочисленных столбов, на которых зиждется мощь и авторитет всей доминанты Земли.

Бригадир с помощником сразу стали поспокойнее.

«Осторожничают, — подумал Луис Перейра. — И правильно делают. В конце концов, наговорить мы много чего способны... Важно — как мы поступим. Но тут двух мнений быть не может».

Неожиданно над рабочим столом адмирала вспыхнул розоватый куб аварийного вызова. Дежурный офицер выглядел встревоженным.

— Господин адмирал! Множественные возмущения пространства в пятидесяти — пятидесяти пяти мегаметрах от нас!

— Кто-то финиширует?

— По всей видимости, да.

— Количество финишных сфер? Размеры приводов?

— Финишных сфер более двух сотен. Размеры — в основном малые и средние. Как минимум три — большие, класса суперкрейсеров цоофт или азанни. Это организованный флот, господин адмирал, сферы растут, образуя грамотную тригонометрическую изохору.

— Да уж, конечно, это не пираты, — фыркнул адмирал. — Откуда у пиратов большие икс-приводы?

Он не слишком взволновался, поскольку заранее решил, что метрополия предпочтет подстраховаться и вышлет довольно значительные силы навстречу. А вот бригадир Плужник заметно побледнел и с тревогой зыркал то на Перейру, то на Паулисту, то на дежурного офицера в видеокубе.

— Не волнуйтесь, бригадир, — поспешил успокоить его адмирал Перейра. — Скорее всего это наши соотечественники из Фонда решили обеспечить торжественный эскорт. «Туманность» хоть и достаточно большой флот, но по меркам Земли все же не очень представительный...

— Адмирал... — Плужник судорожно сглотнул. — Координаты точки нашей встречи я не сообщал никому, кроме вас. А мгновенку давно заблокировал, чтобы нас не отследил кто-нибудь посторонний.

— Вот как? — В душе адмирала впервые шевельнулось что-то напоминающее тревогу. Он, не теряя более ни секунды, скомандовал дежурному офицеру: — Боевая готовность! Обсчитать параметры аварийного прыжка! Время предполагаемого финиша... э-э-э... гостей прогнозируется?

— Десять — двенадцать минут, — подсказал офицер. — Хотя уже меньше. Девять-десять.

— Картинку мне на стол!

Адмирал порывисто встал, отчего остро и опасно кольнуло в груди. Но на войне не болеют, и поэтому адмирал привычным усилием воли отвлекся от недомогания.

Над рабочим столом тем временем развернулось панорамное изображение. Тяжелый сгусток слева — ближайшая звезда, одинокий белый карлик. Несколько стабильных центров масс — корабли «Туманности». И целая туча нестабильных, только формирующихся — армада перед финишем.

Кто? Кто спешит наперехват? Друзья или враги?

Чтобы узнать точный ответ, остается одно — подождать десять минут. И все сразу станет ясно.

Для кого-то эти минуты еле-еле ползли, никак не желая истекать, для кого-то — мчались быстрее мысли. Но так или иначе, они истекли — один за другим финишные возмущения стали стабилизироваться и выпускать из-за барьера корабли.

Боевые корабли производства азанни, одной из высших рас. Один за другим они финишировали в обычном пространстве, гасили паразитный дрейф и разворачивались во фронтальный боевой порядок. Все рубки флагмана захлестнул обычный рабочий гул, неизбежный перед возможной схваткой. Штурманы и пилоты готовились к слаженным маневрам. Канониры фиксировали цели и их возможные перемещения. Истребители-одиночки занимали места в юрких крохотных катерах. Ульи отстреливали одиночек, а когда густой рой истребителей ушел в штатный автоном и рассыпался, стали готовить машины покрупнее — линейные штурмовики, оборудованные достаточно мощными тазерами, чтобы серьезно повредить даже средний крейсер. Если, конечно, повезет.

— А ведь это не азанни, — заметил советник Паулиста, понаблюдав за армадой.

— Почему вы так думаете? — неожиданно сухо поинтересовался бригадир поисковиков. Видно было, что и он сам, и его помощник сильно нервничают. Конечно, ведь искатели непривычны к боям. Война их пугает.

— У азанни совершенно иное боевое построение. Они атакуют двумя крыльями, а мощный центр довершает дело. Не забывайте, что азанни — птицы, да еще реально летающие; поэтому у них совершенно неповторимая манера пилотирования — в силу физиологических особенностей, в силу изначально ориентированных на трехмерность органов чувств... и в силу того, что они уже воевали в космосе, когда наши предки на Земле еще только учились охотиться на мамонтов.

— Информ! — Адмирал немедленно вызвал нужного референта.

— Здесь, господин адмирал!

— Какие расы, кроме шат-тсуров и ибдуат, импортировали боевые корабли азанни?

На запрос ушло меньше секунды. Любой из флотов доминанты Земли мог позволить себе непрерывный доступ в крупнейшие архивы по мгновенке.

— Дрра и частично — ооонс. Ооонс импортировали корабли вообще всех производителей, включая Рой.

— Дрра и ибдуат вряд ли отважатся без раздумий атаковать корабли доминанты Земли, — уверенно заявил Паулиста.

— Насколько мне известно, большие крейсеры, равно как и большие икс-приводы, разрешено иметь только шести расам из высших и еще сенахе, как правопреемникам территорий Роя, — сказал адмирал.

— Кем разрешено? — не без иронии поинтересовался Плужник.

— Союзом.

— Союз давно трещит по всем швам. Отрицать это — непростительный идеализм и беспечность. Если бы те же шатцсуры или перевертыши как следует захотели, у контрабандистов а'йешей они смогли бы приобрести даже гигантский икспривод, только плати, сколько спросят.

— Ну, гигантский вряд ли... — со знанием дела возразил советник. — А вот большой, причем вместе с крейсером — вполне... Особенно если сам крейсер покупать у производителя, у азанни то бишь, привод — у а'йешей, а на монтаж подрядить какую-нибудь дальнюю рембазу цоофт.

— Ставим поле! — донеслось из головной рубки; секундой позже перед выстроенными в «чашу» кораблями «Туманности» сгустился максимально мощный при их энергетическом потенциале щит, а секундой раньше каждый корабль дал тазионарный залп. Встречный поток отразился от щита и второй волной пошел на противника. Малые корабли давно уже рубились за разгонные фланги: космос цвел вспышками энергоимпульсов и алыми шарами взрывов.

— Есть потери среди одиночек, — доложил кто-то из рубки.

И тут по жиденькой «чаше» человеческой флотилии долбанул полноценный импульс атакующей армады. Щит, конечно же, не выдержал, не хватило энергии. Несколько десятков секунд — и от флотилии почти ничего не осталось. Полукорветы разметало по всей округе, ульи беспомощно провалились внутрь себя под гравигенными ударами чудовищной мощи; два из пяти средних крейсеров влипли в области нелинейности и были быстро добиты хорошо защищенными кораблями противника.

— Дьявол! — выругался потрясенный адмирал. — Вот это мощь! Это война, черт их всех побери, это новая война! Земля этого так не оставит! Экстренный сеанс с правительством Земли!

Снова кольнуло сердце; возможно, именно поэтому адмирал Луис Перейра не заметил, как искатели покинули его каюту и с максимально возможной скоростью устремились к каботажному шлюзу. Повинуясь случайному наитию, за ними последовал и советник Хенрик Паулиста.

Все большие корабли атакующей армады спешно перестраивались в воронку, нацеленную на флагмана «Туманности».

«Будут брать живьем, — сразу понял адмирал. — Как пить дать! Возьмут в сачок и обездвижат!»

— Господин адмирал! — ломким от волнения и страха голосом доложили из рубки. — Наш залп даже на максимуме ничего существенного...

— Догадываюсь, — перебил адмирал, а в следующий момент над столом самопроизвольно раскрылся куб мгновенной связи. В кубе угадывался дырявый силуэт шат-тсура в полный рост, «поющего скелета».

— Адмирал Перейра, — пропел шат на интере. — Сопротивление бесполезно. Выдайте нам рейдер Поисковой Базы Земли вместе с экипажем, и остатки вашей флотилии уцелеют.

— Вы атаковали боевые корабли доминанты Земли! — взорвался адмирал, невольно переходя на повышенные тона. — Без предупреждения и без выражения претензий! Тем самым вы ставите себя...

— Во-первых, мы атаковали не только корабли доминанты Земли, — невозмутимо прервал Перейру шат. — А во-вторых, претензии мы предъявляем сейчас. Этой атакой в том числе. Пришло время расставить все расы по ранжиру — по местам, которые они реально заслуживают, а не по указке вашего гнилого и лживого союза. Если вы еще не поняли — новая галактическая война началась. Но только мы к ней готовились, а ваш поганый союз — нет. Поэтому дни ваши сочтены, так называемые высшие расы. Вам принадлежит только прошлое. И в прошлом же останутся все унижения и несправедливости, на которые союз обрек расы сателлитов. Адмирал, нет смысла тянуть время, выдайте нам искателей, и мы вас отпустим. Разумеется, если вы присягнете на верность Шатта Унаро — новому правительству галактики — и лично Шатта Унве, императору.

Адмирал растерянно оглянулся и только теперь заметил, что помимо него самого в каюте находится только растерянный еще больше стюард, смешно и трогательно заслоняющийся от лидера армады шатов серебряным подносом, тоже трофеем успешного антипиратского рейда.

— Присягать мятежникам? Вы что, смеетесь?

— Дело ваше, — равнодушно пропел шат. — Тогда готовьтесь к плену. Кстати, принятое союзом соглашение о военнопленных мы вовсе не собираемся соблюдать...

Шат не закончил начатую фразу — что-то отвлекло его. Адмирал глянул на экраны и почти сразу понял, в чем дело: поисковик «Шустер-эпсилон» отстыковался и, судя по всему, собирался прыгнуть, потому что вокруг него быстро сгущалась стартовая сфера, меньшая сестренка боевых областей нелинейности. Ни один из кораблей армады не успевал помешать осторожным и весьма решительно настроенным искателям.

Шат-тсуры это тоже поняли.

— Ёр-исамар! Адмирал Перейра, вы сами обрекли себя и своих солдат на смерть!

В тот же миг маленький поисковый рейдер исчез за барьером. А грозная боевая воронка перестала надвигаться на флагман Фалькау. Перестала, потому что вместо пленения человеческого корабля крейсеры армады шат-тсуров изготовились к залпу.

«Вот и все, — с тоской подумал адмирал. — Я сам погубил свой флот...»

Додумать он не успел. Не дожил Луис Суарес Лима Перейра и до залпа: снова кольнуло в груди, а потом сердце вдруг болезненно сжалось на короткий миг, и мир померк.

Флагман пережил адмирала всего на несколько секунд.

ПОИСКОВЫЙ РЕЙДЕР «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Глубокий космос

Плужник, Шулейко и Паулиста как могли быстро отшлюзовались, перешли в рейдер и спешно начали отстыковку. Аварийный прыжок помбриг рассчитал давным-давно, поскольку искатели готовились ко всем мыслимым и немыслимым передрягам. Форсированное бегство в ожидаемые передряги, безусловно, входило.

— Что вы собираетесь делать? — спросил взволнованный советник, помчавшийся за искателями скорее из стадного инстинкта, чем в результате обдуманного решения. Он по-куриному озирался — рубка «Шустера-эпсилон» была ему, естественно, совершенно внове.

— Мы собираемся сваливать, — грубовато, но зато очень доходчиво пояснил бригадир Плужник. — Поскольку защиты от флота Фалькау мы не дождались...

— Четыре минуты, — пробурчал из своего угла Шулейко.

Еще один искатель — Саня Веселов, которого советник Паулиста, понятное дело, раньше не видел — сидел на подхвате. Саня выглядел решительно, но не испуганно. Его испуг остался в немыслимых далях, в иной галактике.

— Кажется, успеваем, — снова подал голос Шулейко. — Три с половиной. Что там с флагманом?

— Берут в воронку, — с готовностью доложил Веселов. — Возмущений в стартовой сфере нет... хвала Дионису.

С какой стати Саня помянул нетрезвое древнегреческое божество, наверное, не смог бы объяснить и он сам.

— Три!

— Погодите, — хрипло запротестовал Паулиста. — А куда, собственно, вы направляетесь? Мне нужно на Фалькау!

Еще один крейсер «Туманности», самый дальний, при попытке атаковать противника нарвался на сеть нелинейности и тихо распался на кварки и беспорядочное фоновое излучение.

— Две минуты!

— Мне нужно на Фалькау! — фальцетом выкрикнул советник. — И стюард мой остался на флагмане!

— Господин советник! — огрызнулся в его сторону бригадир. — Нам совершенно до задницы, куда вам нынче нужно. На нас уже охотятся — сами видите, какие задействованы при этом силы. Мы сейчас — первый приз в галактической лотерее. Поэтому сядьте... и не отсвечивайте. И, желательно, пристегнитесь, потому что по финишу будут маневры, а значит, будет трясти. И скажите спасибо, что мы не вышвырнули вас с нашего корабля прямо в открытый космос.

— Минута!

Паулиста в отчаянии взвыл и рухнул в указанное кресло, не преминув, впрочем, пристегнуться.

— Полминуты!

— Нелинейность у стартовой сферы! — хрипло сообщил Веселов. — Вот бля!

— Далеко? — ощерился бригадир.

— Не очень.

— Успеем, Вася?

— Кажется... — без особой уверенности предположил Шулейко.

И почти без перехода выдохнул:

— Старт!

«Шустер-эпсилон» разорвал ткань мироздания и провалился в никуда, чтобы в то же мгновение выпасть в финишную сферу, отстоящую от стартовой на много световых лет.

— Второй прыжок, живо! — скомандовал Плужник.

Шулейко, ломая ногти, выдрал из драйва астрогационный диск и сунул на его место новый, заблаговременно выуженный из внутреннего кармана комбеза. Драйв бесшумно сглотнул серебристый кругляш и охотно считал данные.

— Шесть минут, — объявил Шулейко. — Не думаю, что они отследят нас так быстро.

Они прыгали еще трижды, хаотично, словно блоха в бреду.

Очередной финиш выбросил их прямо в объятия звена боевых истребителей. К счастью, на столь малых кораблях имелось только лучевое оружие — ни тазионарного, ни силового, ни вероятностного. Поэтому рейдер первым залпом повредили не очень сильно. Запас живучести у поисковиков всегда делали будь-будь. Но «Шустер» временно утратил способность прыгать за барьер. Поисковик шальным метеоритом проскочил сквозь строй истребителей, теперь охотники и жертва стремительно удалялись в противоположных направлениях. Но истребители моментально и слаженно стали вписываться в разворот, без сомнения, намереваясь сесть беглецам на хвост.

— Мы где? — мрачно справился Плужник — даже он не знал обсчитанного помощником курса.

— Пронг-тридцать.

— Планета! — заорал из кресла советник Паулиста, исхитрившись взглянуть через спинку на экраны.

— Это Пронг—тридцать вторая, — объявил Шулейко, похоже, не теряющий самообладания даже в этот тяжкий момент. — Соответственно, вторая от солнышка. Называется Табаска. И ведь мы можем уйти в атмосферу — истребители-то пустотного типа!

— Это что значит? — не сразу понял Плужник.

Вася уже манипулировал движителями, обычными прямоточниками.

— А то, что в атмосфере они медленнее нас!

— Боевые корабли — и медленнее? — усомнился советник, несколько успокоенный уверенным тоном штурмана.

— Представьте себе, — довольно подтвердил Шулейко. — Но, к сожалению, только в атмосфер... ре.

Последние слова он произнес запнувшись: на поисковик обрушилась неизбежная при наборе скорости перегрузка — как минимум четырехкратная.

Плужник охнул; Паулиста жалобно закряхтел; Веселов терпел молча.

— А успеем? В атмосферу нырнуть?

— Вот сейчас и увидим... — с трудом выдавил Шулейко. — Держитесь, сейчас еще прибавлю.

Тяжесть навалилась с новой силой.

Истребители, маневрируя, сильно отстали. Да и ускорение «Шустер» развил завидное — по плавной дуге он рвался к спасительной планете Пронг—тридцать второй, рвался на практически граничной мощи спаренных движителей.

— Ой, мама, — пожаловался бригадир, отчасти на перегрузки, отчасти на то, что приборы честно сообщили о постепенно изменяющемся пространстве несколько в стороне от взятого курса. Это, к счастью, было не оружие — кто-то готовился выломиться из-за барьера.

«Кто-то» оказался громадным блином штурмового планетарного крейсера. Пока поисковикам везло: они успели проскочить мимо финишной сферы, а вот преследующие истребители вынуждены были отклоняться, снова маневрировать и в результате отстали еще сильнее.

В общем, они успели — когда «Шустер» начал от трения о воздух быстро разогреваться и терять скорость, между Пронгом—тридцать второй и ее естественным спутником из-за барьера вывалился еще один планетарный крейсер.

— А этот Пронг хоть обитаемый? — угрюмо спросил Паулиста. — Разумеется, я имею в виду планету.

Перегрузки к этому моменту уже закончились.

— Условно. — Шулейко, не отрываясь, контролировал полет. — Рыбаки, шахтеры да охотники какие-то.

— Надеюсь, хоть люди?

— Люди, люди. Не мешайте, советник.

Они сели через сорок минут. Локальных, земных. Хотя, если честно, слово «сели» не вполне отражало реальную картину: поисковик, подняв густое облако пара и брызг, с размаху вонзился в волны очень кстати подвернувшейся реки; дна

не достиг — поплавком выскочил на поверхность, затем словно скутер пересек реку и почти сразу выбросился на пологое, густо заросшее мангровыми джунглями мелководье. Настоящий берег виднелся метрах в двухстах дальше.

— Ну, — вздохнул с некоторым облегчением бригадир Плужник, — на какое-то время, считайте, мы спрятались. Теперь следующий вопрос повестки: что, собственно, теперь делать с вами, советник? За каким, спрашивается, хреном вы поперлись с нами на рейдер?

— Ну... — Паулиста выглядел сильно смущенным. Одно дело — давать советы и анализировать события из уютного и безопасного кабинета на Фалькау, и совсем другое — когда по тебе палит вражеская армада, куда более многочисленная и лучше вооруженная, чем собственный флот. — Как-то так получилось... Начался бой, адмирал был занят... Я и последовал за вами.

— Твое счастье, — буркнул, неожиданно переходя на «ты», Вася Шулейко, — что у нас некомплект экипажа. А значит, жратвы хватит и на тебя.

«И правда, — подумал совершенно выбитый из колеи советник. — Какое счастье...»

ШТАБ ФЛОТОВ ГРУППЫ «ДОМИНИОН»

Окрестности Солнечной системы, доминанта Земли

1

Самым мощным соединением боевых космических кораблей доминанты Земли номинально командовал президент Системы. На самой Земле правительства вообще не было — истощенная и изнуренная многовековым недобрым царствованием вида Homo Sapiens Sapiens планета частично превратилась в пустыню, частично была просто заброшена, предоставлена самой себе. Человечество давно выплеснулось в космос, на свободные и пока не загаженные цивилизацией территории, благо большая половина галактики легла людям под ноги и свободного места в ней хватало с избытком. Много лет назад терраформированная Венера теперь сновала по новой орбите, дальше от Солнца. Примерно треть населения Солнечной системы (на самом деле чуть больше) постоянно проживала на Венере. Еще треть — на множестве околоземных и околовенерианских орбитальных поселений и станций вроде патриарха земной космонавтики «Гелиотропа». Остальные граждане были более или менее равномерно рассеяны по всей Системе, от Меркурия до Плутона, от дрейфобазы «Корона» до исследовательского мегакомплекса «Эклиптика-2».

Колыбель человечества располагала тремя планетарными крейсерами, в свое время захваченными у союзных войск; без малого четырьмя сотнями различных средних кораблей — корветами, полукорветами, лидерами, рейдерами, тендерами, дредноутами и полудредноутами, канонерками, брандерами, клиперами и скоростными клиперами, мониторами, крейсерами, ульями, миноносцами, линкорами, тральщиками, заградителями и даже парочкой брандвахт и гауптвахт (к слову сказать — действующих) и целой тучей малых и сверхмалых — от истребителей-одиночек до восьмиместных катеров-штурмовиков, неспособных на дальние автономные рейды, но весьма страшных количеством при поддержке корабля-улья. Люди вообще больше других рас любили и использовали малые корабли — видимо, из неистребимого индивидуализма и стремления почти каждого из землян покомандовать хоть кем-нибудь и, желательно, свести к минимуму число тех, кто командует тобой.

Когда утихли последние масштабные стычки давней войны и самой серьезной силой, противостоящей военным, стали пираты с контрабандистами, к Солнечной системе сошлись пять частично потрепанных флотов и договорились не делить пирог на ломти, а объединиться в цельную группу. Как ни странно, единого командования группой так и не сложилось. Адмиралы предпочли безраздельно повелевать каждый своей епархией, а глобальные решения вырабатывать коллегиально. К счастью, ни единого стратегически важного глобального решения не требовалось принимать уже больше ста локальных лет.

Но все когда-нибудь приходится делать впервые.

К этому времени четырьмя флотами руководили уже совершенно другие люди, и лишь флотом «Африка» — по-прежнему Чиль Онте, несгибаемый сухонький адмирал, принявший командование еще тридцатидвухлетним боевым полковником. Добрая половина органов у него была заменена на искусственные — возраст есть возраст. Но Чилю светило активно работать еще лет как минимум тридцать — сорок. Огромный опыт, острый и цепкий ум плюс давние и весьма разветвленные связи в самых верхах коридоров власти автоматически

делали его неписаным главой адмиральского совета. Чилю даже не приходилось отдавать приказы — он лишь выражал мнение, с которым не соглашаться было верхом глупости.

Флоты «Африка», «Америка» и «Антарктида» большею частью дислоцировались ближе к Солнцу, не дальше Марса и пояса астероидов. «Австралия» контролировала периферию — от Юпитера и до границ Системы. «Евразия», самый многочисленный и лучше всех оснащенный, болтался далеко за пределами как Системы, так и плоскости эклиптики, нередко подолгу оставаясь у ближайших звезд — троицы из Центавра, звезд Барнарда, Вольфа-369, Лаланда-21185 и обоих Сириусов.

Нежданного гостя первым засек дальний пост наблюдения невдалеке от звезды Росса-128. В лоцируемом секторе вспухла финишная сфера в режиме форсажа — гость явно спешил. Судя по размерам, финишировал корабль не более стандартного полукорвета или поискового рейдера, не важно, гражданского или военного. Обработанные данные пост тут же передал на патрульный разведывательный монитор «Ракша».

— Ишь ты, — пробормотал вахтенный офицер монитора по имени Дариуш Маримуца, оценивая темп нарастания возмущений. — Во несутся!

Второй вахтенный, унтер Раджабов, промолчал, неодобрительно глядя на экраны. Очень не любил унтер Раджабов, когда спокойное течение вахты чем-нибудь нарушалось.

— Высота, я Кернел, у нас тут гости! — доложился Маримуца начальству.

Капитан Белькевич отозвался довольно быстро — на борту разведмонитора «Ракша» недавно закончился обед, и никто не успел разойтись из кают-компаний.

— Что там у вас, Кернел? — довольно спокойно справился капитан: дежурство у сонной и старой красной звезды Росса-128, которой люди до сих пор не удосужились придумать собственное название (и это невзирая на ничтожное расстояние в неполных одиннадцать светолет от Солнца!), редко сулило неожиданности.

— Финишная сфера в ста сорока трех мегаметрах!

— Одиночная?

— Пока — да...

— Большая?

— Под полукорвет или рейдер.

— Тьфу ты, — ругнулся капитан. — А по сетке у нас ничего не предвидится?

— Ничего. Даже транзитов нету.

Капитан размышлял около трех секунд.

— Давай повышенную, Кернел... — наконец решился он.

— Есть, кэп!

Маримуца ввел на борту состояние повышенной наблюдательной готовности; подвахтенные канониры, следящая и готовый заступить на дежурство после Маримуцы унтер дружно заворчали, но тем не менее исправно заняли предписанные боевым расписанием места.

Гость тем временем благополучно финишировал; приборы более не зафиксировали финишных сфер.

Маримуца взглянул на резюме следящей, тихонько присвистнул и снова доложился капитану:

— Высота, я Кернел! Гость финишировал!

— И кто? — спросил капитан. — Пират? Или контра?

— Ни в жизнь не угадаете! Парламентерский бот азанни!

— Елки-палки! — Белькевич аж подскочил в кресле и моментально вызвал по мгновенке оперативного дежурного по флагману «Евразии».

— Константа, здесь Высота!

Флагман отозвался почти сразу: в видеостолбе возник фрагмент пульта куда более солидного, чем в рубке «Ракши». За пультом восседал офицер в чине майора с двумя нашивками над левым карманом — значит участвовал в боевых операциях.

— Я Константа, что там у вас? И где вы?

— Росс—сто двадцать восемь. У нас одиночный парламентерский бот азанни.

— Вах! — поразились на Константе. — А официальные сообщения разве проходили с начала дежурства?

— В том-то и дело, что нет!

— Ждите...

Капитан монитора приготовился ждать, да не тут-то было. Вновь вызвали по внутренней связи из головной рубки:

— Кэп, депеша от парламентера!

— Открытым?

— Так точно!

— Давай!

Бесшумно включилась запись; изображение в видеостолбе подернулось рябью и вновь стабилизировалось. Капитан увидел взъерошенного азанни на нелепом, с точки зрения человека, кресло-насесте. На груди у разумной птички-галакта висела пластина транслятора-переводчика.

Капитан «Ракши» прекрасно знал, что высшие расы галактов по-прежнему не слишком жалуют людей и корректным переводом на земные языки способны озаботиться лишь в случае, если что-нибудь крайне нужно им самим.

Речь азанни переводилась на англик — третий по распространенности человеческий язык после интера и русси.

— Вызывает представитель пирамиды Азанни-Цитарис! Прошу официального покровительства и защиты у вооруженных сил Солнечной системы! Спешу доставить срочную и важную информацию руководству доминанты Земли!

— Азанни-Цитарис, сближайтесь! — немедленно отозвался капитан «Ракши»; он решил уплотнить время. Пока птичий корабль будет сближаться и маневрировать, как раз придет ответ с флагмана. В ответе капитан не сомневался: парламентерам не отказывают в приеме, это древний закон всего космоса.

— Высота, что там? — как раз вернулся на связь флагман.

— Официальное заявление представителя пирамиды Азанни-Цитарис! Включаю трансляцию!

Сообщение мигом перебросилось за одиннадцать световых лет, на флагманский линкор флота «Евразия». Скорее всего его лично прослушает адмирал Тим Хемерсбрандт, а не только дежурный по флагману.

Капитан застыл, ожидая начальственного резюме. Ждать пришлось совсем недолго, и Белькевич ничуть не обманулся в своих ожиданиях относительно мнения начальства.

— «Ракша»! — Голос адмирала не узнать было невозможно. Видимо, новости подоспели и впрямь важные да спешные — адмирал даже не озаботился диалогом через позывные, открыто запросил название монитора, и все.

— Капитан Белькевич, монитор «Ракша», сэр!

Официальным языком военных Солнечной системы до сих пор оставался англик.

— Обеспечить эскорт представителю пирамиды Азанни-Цитарис к флагману! На корабле представителя оставить вахту! Наблюдение свернуть, передав ваши сектора на стационар у Росса—сто двадцать восемь! Выполняйте!

— Есть, сэр!

— Приоритет — ноль, — предупредил адмирал, нахмурился и пронзительно взглянул Белькевичу прямо в глаза. — В случае атаки — самоуничтожиться.

У капитана «Ракши» неприятно похолодело внутри. Такого высокого приоритета приказам в мирное время не присваивают.

Обычно.

Переборов предательский холодок, Белькевич набрал в грудь безвкусного кондиционированного бортового воздуха.

— Маримуца! Раджабов! Сдать вахту подвахтенным! — Внутренние приказы посыпались сами собой. — Следящая! Обеспечить стыковку, шлюзование и биосферную совместимость с гостями! Парламентеров принять на борт и разместить! Дежурный по резерву?

— Здесь, унтер Омаши, сэр!

— Четырех десантников в автономно-боевой к шлюзам! Маримуца, Раджабов — экипируетесь так же! Тыл?

— Слушаю, — спокойно включился зам по тылу.

— Пятинедельные комплекты жизнеобеспечения на шестерых! Маримуца, как экипируетесь — грузитесь в корабль парламентеров. Но не раньше того, как они перейдут к нам на борт, разумеется. Затем отстыковываетесь, ждете, а потом уходите к пункту, указанному в приказ-пакете. Приказ-пакет вам вручат перед шлюзованием, вскрыть после ухода «Ракши» за барьер!

— Есть, — козырнул несколько растерянный, но держащийся молодцом Маримуца.

На борту разведывательного монитора воцарилась организованная и осмысленная суматоха. Приоритет ноль, магические слова — никто из экипажа никогда их в реальных условиях не слышал. И не думал, что доведется услышать, хотя, как любой военный, подспудно был готов к этим словам каждую минуту. И пусть на флоте всегда с избытком хватало бардака, дело тем не менее делалось, делалось быстро и достаточно толково.

Семерых азанни приняли на борт монитора и препроводили в наспех оборудованные кают-компании. Капитан Белькевич лично встретил их в твиндеке, с почетным эскортом из десантников в парадной форме и при оружии. Маримуца, Раджабов и десантники в автоном-комплектах перешли на бот азанни. Бот отстыковался и переместился на безопасное расстояние. «Ракша» как могла быстро погасила дрейф, просчитала прыжок в расположение родного флота и немедленно растворилась в космических далях.

Шестерка Дариуша Маримуцы осталась один на один с космосом; только на крошечной станции «Бехолдер-452» остались четверо наблюдателей, но у тех продолжалась обычная полугодовая вахта, а что ждало маленький отряд Маримуцы — не знал пока ни один из шестерых.

2

В запасниках флагмана «Евразии» нашлись даже настоящие креслонасесты, правда, всего четыре, а парламентеров было семеро. Впрочем, быстро выяснилось, что четверо из азанни — элитные телохранители, а парламентеры — лишь трое. Эта троица и заняла места гостевой стороны. Телохранители остались стоять на шаг позади креслонасестов. Низенькие, едва по пояс людям, галакты держались серьезно и с достоинством, но в глазах их читалась такая тоска и отчаяние, что адмирал Хемерсбрандт, не раз имевший дело с ины-

ми расами, сразу понял: случилась большая беда. Глава азанни, видимо — пик пирамиды Цитарис, — имел право немедленно потребовать директной аудиенции у президента Солнечной системы, а адмирал имел право обратиться как к президенту, так и к президентскому совету. Кроме того, Хемерсбрандт дал знать адмиралам всех флотов Системы.

В зале совещаний расположилось командование «Евразии» и азанни, широким полукольцом. Перед ними один за другим вспыхивали видеостолбы с изображениями вызванных официальных лиц — адмиралов флотов, советников, главы Венерианской автономии. Ожидали, пока подключится президент Системы.

Едва главный политик доминанты Земли вышел на связь, двое из парламентеров-азанни внезапно вспорхнули с креслонасестов и неожиданно поменялись местами. Тот, кого Хемерсбрандт считал третьим по важности среди галактов, переместился на насест лидера.

— Приветствую досточтимого пика пирамид Азанни Аунина-Тьерца на территории доминанты Земли, — поздоровался президент; командующий «Евразией» тотчас понял, что даже занизил ранг гостей.

Пожаловал вообще верховный руководитель расы азанни, чей титул приблизительно переводился как «Парящий-над-Пирамидами». Пирамида в иерархии птичек считалась наиболее крупным социальным образованием; всего раса насчитывала более трехсот пирамид.

Пик пирамид тем временем прощебетал ответное приветствие, необычайно короткое и сдержанное, а затем добавил, что время не терпит и пора излагать то, зачем они так внезапно пожаловали к землянам. И, получив согласие, начал:

— Досточтимые соседи! Со времени когда ваша раса вступила в союз на правах взрослой и самостоятельной, между нами ни разу не возникали серьезные конфликты. Именно поэтому мы обратились к вам. Произошло то, что казалось невозможным. Материнская планета расы Азанни атакована бывшими сателлитами, расой шат-тсур. Флот Азанни уничтожен. Планета захвачена. Большинство пиков пирамид метрополии пленены. Наш род обезглавлен.

Слушатели потрясенно застыли. А пик Ауни продолжал свой чудовищный, невероятный рассказ:

— Одновременно атакованы еще девятнадцать крупнейших поселений азанни по всей галактике. На семнадцати из них ситуация в данный момент ничуть не лучше, чем в метрополии. Две колонии продолжают сражаться в условиях жесточайшей блокады. Мне, пику Цитарис-па-Тьерцу и советнику Цитарис-то-Шьюсу удалось спастись ценой невероятных усилий и некоторого везения. Противник ожидал нашего бегства — увы, эвакуацией наш полет не назовешь. Естественнее всего было предположить, что мы направимся к ближайшим союзникам, нашим давним друзьям цоофт. Мы выслали к трем крупным поселениям цоофт три корабля-обманки. Кроме того, по одному ложному кораблю ушли на Галерею Свайге, к а'йешам, булингам и ратэо. А сами мы направились к вам, уповая на удачу. Шесть из семи ложных кораблей были уничтожены шат-тсурами, цели достиг лишь корабль, направляющийся к булингам. К счастью, нам тоже удалось оторваться от погони.

Союз давно не знал серьезных войн, доминанты всех без исключения высших рас давно уже не имеют единых флотов, это прекрасно всем известно. Но формально союз еще существует, никто его не распускал и не отменял. От имени пирамид Азанни и всего нашего народа прошу помощи у доминанты Земли. Пришло время вновь отстроить прочный союз; каждой старшей расе возродить единые вооруженные силы и наказать агрессора. И дело даже не в том, что свобода и само существование народа азанни поставлены под угрозу. Складывается ситуация, когда у шат-тсуров возникает реальный шанс поработить всю галактику.

Развиваю это утверждение. Как выяснилось, пока остальные расы дробили силы и занимались в основном отслеживанием и уничтожением космических разбойников и нарушителей таможенных уложений, раса шат-тсуров упорно готовилась к войне. Наращивала флот и десантные подразделения, создавала запасы оружия. Количественный состав их флота превышает всякие воображаемые пределы: на атаку двадцати наших миров — а это более сорока планет и орби-

тальных поселений — задействовано всего около пятнадцати процентов боевых кораблей, имеющихся в распоряжении шат-тсуров. За короткое время полета советнику Шьюсу удалось посредством обращения в архивы крупнейших корпораций найти многочисленные следы сделок шат-тсуров с производителями звездолетов, икс-приводов и высокотехнологичного оружия. Они приобретали сложное оборудование и достраивали корабли сами, а также нанимали специалистов других рас. Терпеливо и упорно они готовились к войне, готовились перед клювом у всей галактики, и, ко всеобщему ужасу, никто ничего не заподозрил, а если и заподозрил — не обратил на это внимания. А потом настал момент, удобный для приведения военной машины шат-тсуров в действие.

Я заранее прошу прощения у досточтимого главы доминанты Земли Вернера Винцля за слова, которые сейчас произнесу, но так или иначе азанни располагали секретной информацией, по праву принадлежащей людям. Я имею в виду находку одного из поисковых рейдеров людей и их... необычное путешествие. Имею ли я право открыто говорить сейчас об этом?

Среди окружения президента и высших чиновников доминанты Земли возникло короткое замешательство. Адмирал Тим Хемерсбрандт знал, о чем идет речь; подозревал, что и остальные главы флотов знают. Об информированности гражданских адмиралу было известно меньше, но и политики наверняка должны быть осведомлены о необычной находке.

Наконец руководство землян сочло круг совещавшихся достойным посвящения в тонкости недавних событий, а техническую реализацию связи между совещающимися достаточно защищенной от прослушивания.

— Вы можете продолжать свой рассказ, уважаемый пик Ауни, не прибегая к иносказаниям. По нашему мнению, события того требуют, — позволил президент Солнечной системы.

— Благодарю, — прощебетал глава азанни. — Итак: рейдер Поисковой Базы Земли наткнулся в до сих пор не исследовавшемся районе космоса на некий древний артефакт, несколько столетий назад уничтоживший боевой крейсер а'йе-

шей. Теоретически нашей расе известно о существовании подобных артефактов довольно давно, неизвестно было лишь их местонахождение. Поэтому их искали — увы, безуспешно. В сущности, это генератор межпространственного тоннеля, по которому можно мгновенно — повторяю: мгновенно, совершенно без затрат времени — переместиться на любое расстояние. Расстояние зависит только от взаимного расположения двух половинок генератора. Их можно поместить в десятке ун друг от друга, а можно в диаметрально противоположных точках наблюдаемой вселенной — результат их взаимодействия будет одинаков. По имеющимся у нас данным, в нашей галактике расположена лишь одна половинка генератора; вторая находится в одной из иных галактик, о которой известно лишь то, что она похожа на нашу. То есть по строению относится к типу спиральных и размерами не слишком отличается от нашей. Где именно она находится и как далеко — достоверно никому не известно. Но зато известно, что там, по ту сторону тоннеля, в той самой неизвестной и далекой галактике сконцентрирован огромный запас генераторов, обеих половинок.

К несчастью, данной информацией располагают и шат-тсуры. Собственно, они ее и добыли, будучи еще нашими сателлитами; случись это позже — шат-тсуры никому не открыли бы тайны.

Теперь вкратце сформулирую, чем все сказанное чревато для союза — осмелюсь вновь ввести в обиход термин «союз» как описывающий противников агрессии шат-тсуров, к которым, без сомнения, принадлежат все присутствующие.

Если максимально объединить разрозненные силы наиболее развитых рас, которые, по нашим данным, примкнут к противникам шат-тсуров, то объединенный оборонительный флот в состоянии справиться с объединенным флотом агрессора. Но беда в том, что мы не знаем, куда именно шат-тсуры ударят в следующий раз. Поэтому будем вынуждены, прикрывая многочисленные поселения, дробить силы. А шат-тсуры, наоборот, применяют тактику массированного удара. По отдельности они расправятся с разрозненными флотами и флотилиями защитников без особых проблем.

Таким образом, мы оказываемся перед дилеммой: или прикрывать свои планеты и неизбежно потерпеть в итоге поражение, или объединять силы и отслеживать перемещения основных сил агрессора. Предположим, что разведке удастся установить направление очередного удара шат-тсуров. Но галактика велика, все прекрасно представляют, какое время необходимо армаде боевых кораблей, чтобы пересечь ее даже в режиме самых дальних пульсаций из конца в конец. В единицах, принятых у людей, это составляет от двух локальных недель до месяца. Объединенные силы союза могут оказаться слишком далеко и попросту не успеть к атаке противника. Легко представить положение дел на атакованных мирах спустя месяц или даже две недели после вторжения шат-тсуров. Мобильность, неслыханная мобильность — единственное, что поможет эффективно прикрыть все дружественные населенные миры. Если союз сумеет отыскать генераторы нуль-тоннелей, должным образом разместить их по всей галактике и как следует защитить — а на это у нас хватит сил и должно хватить времени, — мы лишаемся главной слабости. Куда бы ни ударили шат-тсуры, мы их своевременно обнаружим и без затрат времени переместим объединенный флот в нужную область пространства.

В свою очередь это прекрасно сознают и шат-тсуры. Развязанная ими война, в сущности, сводится к тому, кто первым обнаружит генераторы. Шат-тсуры и напали первыми с целью выиграть время и обрести лидерство в гонке за мобильностью. Именно поэтому мы не можем терять время. Новая война, война за мобильность, пришла в галактику. Наша цель — победить в ней, иначе наши расы большею частью будут уничтожены, а меньшею — угодят в рабство к шат-тсурам и их союзникам.

Парящий-над-Пирамидами умолк. Его проникновенная речь, безусловно, в иных условиях заслужила бы аплодисменты, но в данной ситуации они были совершенно неуместными.

Азанни явно ожидали вопросов и ответных выступлений от людей.

— Полагаю, у шат-тсуров будет только один союзник, — подал голос командующий «Африкой», старый лис Чиль Онте. — Это перевертыши-оаонс. Так?

— С большой долей вероятности — да, — подтвердил пик пирамид азанни. — Но есть несколько молодых рас, реакцию которых предсказать довольно трудно.

— Досточтимый пик, — взял слово президент Вернер Винцль. — Все мы потрясены агрессией ваших бывших сателлитов и скорбим по погибшим. Безусловно, руководству Солнечной системы потребуется какое-то время, дабы обменяться мнениями и информацией с крупнейшими колониями людей, а также с представителями иных рас, особенно высших, и выработать единое мнение и план действий. Но я заранее выражаю даже не надежду, а уверенность, что любой азанни на любого человека сможет рассчитывать как на союзника и партнера. Я согласен: пришло время возродить союз. Полагаю, согласится с этим и руководство доминанты Земли. Общество в процессе развития склонно переживать периоды дробления и периоды объединения. Мне кажется очевидным факт: период дробления завершился. Настало время объединяться.

«Давно пора, — подумал адмирал Хемерсбрандт. — А то ведь вынесут нас «поющие скелетики», как пить дать вынесут поодиночке».

Тим Хемерсбрандт был одним из немногих, кто давно пришел к выводу, что шат-тсуры готовятся к войне. И неоднократно делился своими соображениями с адмиральским советом и политиками доминанты. Он не ожидал лишь настолько скорого начала войны. Полагал, что в запасе разобщенного галактического социума есть еще лет сорок — пятьдесят.

Адмирал Хемерсбрандт ошибся. Но, с другой стороны, никто не мог предсказать, что искатели наткнутся на единственный в галактике межпространственный тоннель именно сейчас. И не что иное, как эта находка, заставило шат-тсуров развязать войну раньше срока.

3

По древнему, как войны в космосе, закону приказы и предписания командования всегда представляли собой отпечатанные на специальном сверхстойком пластике тексты. Никакой иной носитель не применялся: устройство для считывания с магнитной, оптической, кристалломорфной, изотопной или любой иной записи могло быть утрачено в ходе боевых действий. А отпечатанный на пластике текст всегда возможно прочесть без всякой хитроумной техники — если только ты жив.

Лейтенант Маримуца дождался, пока потревоженное пространство в стартовой сфере «Ракши» придет в норму, и решительно потянулся к гравипланшету.

— Вскрываю, — объявил он, самую малость — совсем чуть-чуть — нервничая.

В VIP-салоне парламентерского бота хватило места для всех шестерых человек, даже с учетом того, что птички-азанни по размерам уступали людям. Но Маримуца знал, что азанни всегда тяготели к просторным помещениям, будь то планетарная постройка или каюта космического корабля. Старая и энергетически богатая раса — они могли себе позволить таскать по космосу целые спортзалы в качестве жилья для птахи размером с индюка.

Десантники, которых Маримуца и Раджабов даже не знали в лицо, с самого начала хронически молчали. Любопытно, что все они оказались братьями-близнецами, одинаковыми с виду, словно фасолины в супе. Широкоплечими, рослыми, блондинистыми и голубоглазыми. Фамилия (общая для всех, разумеется) на нашивке ничего особенного не сказала — Swandred, а от имен имелись лишь инициалы — «A.», «Cl.», «Cr.» и «J.».

Маримуца вскрыл пакет и вынул девственно-чистый лист пластика. Привычно плюнул на подушечку большого пальца левой руки, потер палец о штаны и приложил к папиллятору.

Спустя несколько секунд под внешним, прозрачным слоем пластика проступил сухой и казенный текст:

* * *

«Настоящим приказываю получателю сего:

Достичь на вверенном к сопровождению парламентерском боте звездной системы Пронг-30 (PRONG-30; стандартные координаты по гражданскому каталогу), финишировать вблизи планеты Пронг-33 (PRONG-33; Ухта по гражданскому каталогу), осуществить посадку, о чем немедленно доложить по мгновенной связи (управляющие коды и адрес обращения для модуля парламентерского бота прилагаются). В дальнейшем — по распоряжениям.

Командующий флотом «Евразия» адмирал Тим Хемерсбрандт. Начальник штаба вице-адмирал Патрик Рудовски».

Датирован приказ не был. Управляющие коды и адрес содержались в дополнении у нижней кромки страницы, в «подвале».

— И куда путь держим? — живо поинтересовался унтер Раджабов.

— Пронг-30, третья планета. Ухта называется. Интересно, где это?

— А есть разница? — усомнился Раджабов.

— Есть. — Маримуца спрятал лист пластика назад, в планшет. — Комплекты жизнеобеспечения у нас пятинедельные. Как окажется, что это где-нибудь вне диска, в периферийном шаровом скоплении по ту сторону Ядра... Хрен дотянем.

— На боте наверняка и жратва найдется, и синтезатор дыхательной смеси, — вздохнул унтер. — Хотя ты прав. Заслали нас, черт бы их побрал...

— Разговорчики! — буркнул Маримуца, подпустив в голос начальственных ноток. — Приказ есть приказ, не нам обсуждать. Тем более... чует мое сердце, не зазря к нам птички пожаловали. Зреет какая-то капитальная буча. Не чета стычкам с пиратами, куда глобальнее.

— С чего ты взял? — Раджабов слегка удивился.

— Потом расскажу. Пошли в рубку.

Маримуца встал, едва не подпрыгнув при этом.

Бот, естественно, остался настроенным на условия метрополии Азанни, где тяготение было примерно на треть сла-

бее земного, зато атмосфера плотнее. Первое расстраивало не слишком — космонавты привычны к перепадам гравитации. А вот второе досаждало — казалось, что на виски давит, тупо и упрямо, как при мигрени. Обычно в условиях измененного давления по уставу предписывалось надевать защитный комплект, и вся недолга: кому нужен часовой или наблюдатель с раскалывающейся от боли головой или кислородным голоданием? Но в данном случае лейтенант Маримуца справедливо рассудил, что опустошить комплекты жизнеобеспечения они всегда успеют. А поскольку воздух азанни вполне годился для дыхания... В общем, комплекты все шестеро отключили, хотя и не сняли.

— Эй, десантура! Мы пока пилотированием займемся, а вы пошарьте тем временем на камбузе: мы с унтером перед этой командировочкой шесть часов на дежурстве отбарабанили. Жрать охота, нет спасу. И вот еще что... Не знаю, как там у вас в десанте заведено... Короче, панибратствовать я с вами не намерен, но и выделываться не собираюсь. Козырять, к примеру, каждый раз не обязательно. По-людски: я офицер, он унтер, вы солдаты. У каждого своя работа. Есть вопросы?

— Никак нет, сэр! — хором отчеканили близнецы.

Маримуца болезненно поморщился:

— «Сэр» тоже не обязателен. Я же не штабист с во-от таким пузом. Да, а как вас величать-то? Фамилия-то одинаковая. Представьтесь-ка.

Близнецы явно уловили настрой нового командира. Полностью представился только первый:

— Рядовой Суондред Джерард!

— Клемент!

— Арнольд!

— Конрад!

— Ага. Джерард, Клемент, Арнольд и Конрад. Замечательно. Я — лейтенант Маримуца. Просто «лейтенант» меня вполне устроит. Это унтер Раджабов. Как его величать — спросите у него самого, но только не Рафик, сразу предупреждаю.

— Да унтером, чего тут думать. — Раджабов пожал плечами.

— Боевые вылеты есть, Суондреды? — поинтересовался Маримуца напоследок.

— Есть. Десятка три.

«Ух ты! — подумал лейтенант. — Даже не считают! Тертые хлопцы!»

— Отлично! Ладно, дуйте на камбуз. Как будет готово — свистнете.

Маримуца и Раджабов ушли в рубку, обсчитывать курс к Пронгу-30, а десантники для начала принялись выяснять — где на парламентерском боте расположен камбуз.

Пронг оказался не таким уж далеким, хотя не скажешь, что и особенно близким. Чуть ближе к центру галактики, чем Солнечная система, но в соседнем спиральном рукаве. И почти на самой осевой плоскости галактического диска. Спектральный класс — F (лучше бы, конечно, родимый G, но и этот вполне). Вторая и третья планеты — с кислородными атмосферами, остальные — мертвые миры. Интересующая третья, Ухта — холодная, кругом снег и льды, но в океанах полно жизни, от планктона до китов. В общем, при известной сноровке человек способен выжить там и без припасов — при условии, что найдется теплое местечко для жизни. Дышать можно, океаны — обитаемы, бот с внушительным энергетическим запасом (на пару локальных лет точно хватит, если тратить только на освещение и обогрев) — что еще надо?

Не то чтобы Маримуца подозревал, будто командование их бросит или позабудет. Просто в пространстве редко обходится без сюрпризов. Поэтому лейтенант привычно искал возможность обеспечить себя и подчиненных сносными для выживания условиями.

— Ну что, Рафик? Не так все паршиво, как могло оказаться! Мирок стылый, но жилой. Да еще наша доминанта. Правда, людей там почитай что и нету. Зато на соседней шахтеры есть, научники, рыбаки и туристы. Считай пунктир, коллега штурман!

— Угу, — охотно отозвался Раджабов, втаскивая в видеокуб данные с пилотского терминала. Астрогатор принялся просчитывать оптимальный курс. Трудился он около четверти часа.

— Так-так... Угу. Тридцать две пульсации, десять суток. Живем, братва!

Маримуца запустил предстартовые тесты и на всякий случай предупредил близнецов:

— Эй, десантура! Десятиминутная готовность! Уходим в пульсацию!

— Принято, лейтенант, — немедленно ответил кто-то из Суондредов. — Обед будет готов через пятнадцать — двадцать минут. Подать в рубку?

— Не нужно, лучше в птичкином спортзале порубаем, там хоть места до фига. Съестного в закромах много? Или экономить придется?

— Много, лейтенант. Включая деликатесы. Облизывайте заранее пальчики.

— У-у-у!!! — голодно взвыл Маримуца. — Слыхал, Рафик?

— Слыхал, — подтвердил Раджабов и плотоядно пошевелил усами.

— Десантура, всем благодарность!

— Служим Земле! — не очень всерьез отозвались близнецы хором.

По-видимому, они были славными ребятами, без закидонов и придури. Золото, а не подчиненные. Лейтенант Маримуца обожал работать с такими.

— А знаешь, — сказал он унтеру проникновенно, — я даже немного рад этому заданию. Застоялись мы что-то. Дежурства, дежурства, дежурства, да увольнения изредка. Надоело. Развеяться пора.

— Это точно, — мрачно изрек Раджабов. — Только не развеяться бы в буквальном смысле. На молекулы.

Маримуца беззаботно хохотнул:

— Молекулярные деструкторы сняты с вооружения еще в позапрошлом веке. Старье-с, коллега унтер! Если развеемся — то лишь в излучение...

Раджабов не ответил, только протяжно вздохнул.

Бот ушел в первую пульсацию по пунктиру к Пронгу-30 спустя одиннадцать с небольшим локальных минут.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур
(формально — Система Тсурры,
метрополия одноименной доминанты)

1

Во время перемен и суровых испытаний судьба всегда посылала шат-тсурам лидера. Настоящего. Того, кого именуют не иначе как Унве.

Что означает — «желанный диктатор».

Кто поспорит, что время перемен не настало? Каждый шат ждал этого момента; а сколько этого момента не дождалось? Сколько канули в вечность, всю жизнь приближая его, но в итоге так и не увидев?

Впрочем, сильные умеют ждать. Шат-тсуры ждали больше тысячи лет. Сначала — в фактическом рабстве у ненавистной птичьей расы азанни, потом — формально в равенстве с нею и остальными высшими расами, а фактически — под навязчивой и неусыпной опекой. Молодая раса хомо, куда моложе шат-тсуров, втерлась в высшие расы силой, потому с нею галактика считалась, даже заносчивая четверка старых и равнодушный, ныне исчезнувший в неизвестности Рой. Шат-тсурам формальное равенство было брошено как кость цепному сугарозу. Как подачка. Может быть, вчерашние сателлиты, а ныне вторая волна высших рас — булинги, ратэо, сенахе, дрра,

ибдуат — и готовы после этого пресмыкаться перед старыми. Но только не шат-тсуры и не их верные союзники, перевертыши-оаонс.

Настало время — и судьба ниспослала шат-тсурам нового Унве. Нового вождя, способного сплотить расу, вложить каждому шат-тсуру в руки оружие и скомандовать: «Убей! Убей чужого, поправшего твою свободу!»

Час расплаты настал.

Шатта-Унве, орбитальная резиденция вождя, вращалась по орбите материнской Тсурры в противофазе, прячась от планеты за солнцем. Отчасти это было сделано из желания сохранить привычными вид светила над прозрачным куполом и рисунок созвездий. Отчасти — из необходимости заслоняться от Тсурры, от сканирования штабных передач мгновенной связи. Переносить резиденцию в безопасное место, куда-нибудь в межзвездную пустоту, вождь не захотел. Народ должен видеть, что вождь не боится вероятного возмездия со стороны атакованных галактов, что он верит в мощь боевого флота шат-тсуров. Иначе — какая война? Только не победная.

Увы, атаку на миры азанни, а также некоторые другие стратегические планеты и станции враждебных галактов пришлось начать раньше, чем задумывали. Планы спутали неугомонные искатели — кстати, снова хомо, всегдашние возмутители спокойствия. Плодящиеся как их земляки-насекомые тараканы. И те, и другие заполонили галактику, каждый обитаемый мир! Безмозглые паразиты любой планеты неизбежно пасовали перед тараканами, а разумные вынуждены были тесниться в ущерб себе и во благо людей. Но, с другой стороны, то, что галакты, включая и шат-тсуров, искали без малого тысячу лет, наконец найдено. Расчищена первая ступенька бесконечной лестницы к величию и владычеству. Первый шаг к иным галактикам. Транспортер предтеч, одряхлевших и вымерших задолго до появления Ушедших — тех, кого живущие ныне считают своими предтечами.

Поисковый рейдер почти уже был в руках ударной группировки шат-тсуров, но пройдохам хомо в очередной раз удалось улизнуть. К счастью, недалеко и в места достаточно далекие от основных их колоний, а значит — плохо охраняемые или неохраняемые вовсе.

В систему бледно-желтой звезды, именуемой шат-тсурами Замххад, а в универсальном интеркаталоге носящей назва-

ние PRONG-30. Галактическое захолустье, но, впрочем, не совсем уж выселки. Злосчастный рейдер, чей хаотичный пунктир был удачно расшифрован и спрогнозирован, словно заправский боевой штурмовик ускользнул из-под огня истребителей и успел шмыгнуть в атмосферу второй от Замххад планеты. Ясное дело, Шатта Унве велел занять систему, а болванам пилотам истребителей основательно натереть передужье. То, что это пространство доминанты Земли никого не волновало, хотя до сих пор (если не считать разгромленного эскорта с Фалькау) шаты на человеческие поселения не посягали.

Хомо ничем не лучше других галактов. Им тоже придется склонить головы перед шатами и занять подобающее место — где-нибудь у подножия могучей звездной империи. Ведь Шатта Унве и его многочисленный флот куда сильнее разжиревших и обленившихся высших галактов. А вторая волна и новоразумные — не соперники, слабы они еще противостоять лавине, организованной шат-тсурами.

В систему Замххад Шатта Унве отправил отборные силы. Ударный флот «Багута», включая планетарные крейсеры и личную гвардию пустотников, «Сизые скелеты». Лучших солдат в галактике. Тех, кому нипочем ни космос, ни невесомость, ни чужие враждебные миры. Кто готов умереть во имя вождя, но выполнить приказ. В свое время «Сизые скелеты» смяли даже карательную экспедицию азанни на Фландере, хотя вооружены были не в пример хуже.

Шатта Унве не сомневался в успехе. Невзирая на то, что противостояли ему в данный момент непредсказуемые и неимоверно изворотливые хомо.

2

— Депеша с «Клыка сугароза», Шатта.

— Давай, — велел вождь.

Адъютант коснулся браслет-терминала и включил трансляцию. Перед вождем сгустился видеостолб, в видеостолбе — изображение капитана «Клыка сугароза».

— Склоняюсь, Шатта! — Капитан и правда поклонился. Вождь лишь кивнул головой: докладывай, мол!

— По-видимому, бот, отправленный к булингам, также был пустышкой, Шатта. Его подобрали пограничники булингов и без всякого эскорта буксируют к лунной рембазе. Нам удалось просканировать бот — опять ничего живого на борту нет. Он тоже шел на автопилоте.

— Так я и думал... — пробормотал кандидат в императоры галактики и распорядился: — Наблюдение не снимать. Следить за реакцией булингов и особенно — за правительственной связью с соседними поселениями. Если удастся — декодировать.

— Повинуюсь, Шатта.

Видеостолб погас. Адъютант застыл в ожидании распоряжений. Возникшая пауза затягивалась, но адъютант давно привык к приступам задумчивости вождя.

— Что с последним ботом? — наконец поинтересовался Унве.

— Никаких новостей, Шатта. В прогнозируемой сфере он не появился. На Тало-Цо — почти без активности. Похоже, цоофт еще не знают об атаке на доминанту Азанни. На Цо, кстати, тоже не знают. Это странно, Шатта, информация уже должна пройти.

— Перехваты были?

— Были, Шатта. Ничего необычного, политические сплетни да заурядная текучка. Ну и экономический трансфер, разумеется. Две шифровки, обе пустые.

— А на военных базах?

— Даже не введено особое положение. Полуцикл назад осуществлена очередная сделка: база «Утэн-Авэн» приобрела на одном из исследовательских модулей цоофт малый крейсер-скороход постройки свайгов.

— Где именно?

— Набла Квадрат, юго-восточный сектор. Нашего названия ни ближайшая звезда, ни скопление в целом не имеют.

Унве незаметно усмехнулся и еле удержался, чтобы не уркнуть. Эдак снисходительно. Патриотизм, расовая чистота... В рождающейся на глазах империи Унве в ходу названия ша-

тов. А ведь интерсистема и всеобщий каталог, как ни крути, на порядок удобнее, поскольку описывают всю исследованную галактику, а не только места, куда добирались шаты. Но рано, рано пока возвращаться к интерсистеме и всеобщему каталогу: пусть победоносные шаты вволю натрут воздухополости о родимые названия и понапрягают мозги, переводя имена новонареченных звезд и планет на привычный за тысячи лет язык интерсистемы.

— А срывы сделок были за последние сутки?

— Уже да, Шатта. А'йеши с Ветаора отказались ратифицировать договор на поставку палубных генераторов нелинейности. Неустойку платить также отказались. Галерея Свайге наложила вето на продажу энергоносителей представителям доминанты Тсурры. Цоофт отозвали...

— Достаточно. Значит, реакция есть. Но вяло, вяло что-то реагируют шатта галакты. — Вождь, по обыкновению, принялся полемизировать сам с собой. У шаттов это называлось «диалог между желудками». — Признаться, я ожидал реакции куда более бурной. Растерялись? Утратили за минувшие века охотничью хватку? Выжидают?

Унве снова оцепенел на какое-то время. Адъютант терпеливо ждал.

«Сейчас Унве вызовет аналитическую группу», — решил адъютант, но тут браслет на его руке неслышно завибрировал.

Вызов.

Адъютант бегло проглядел новости и без колебаний нарушил задумчивость вождя:

— Депеша с «Исамара», Шатта!

Вождь встрепенулся, жестом веля транслировать.

Видеостолб, капитан «Исамара».

— Склоняюсь, Шатта! Мы отыскали последний бот с Азанни. Он и не думал идти к Тало-Цо. Вместо этого он совершил три сверхдальних, за критическим пределом, прыжка и вышел из-за барьера невдалеке от метрополии хомо.

— И?.. — поторопил вождь капитана, не высказывая ни удивления, ни досады — ничего.

— Туда мы не успевали при любом раскладе. Бот состыковался с патрульником хомо, потом патрульник ушел к флаг-

ману, флагман к метрополии, а бот... Бот направился в систему Замххад, Шатта. Судя по пунктиру.

— Ах ты, птичья пожива! — Только теперь Унве наполовину негодующе, наполовину восхищенно скрипнул экзоскелетом. — Что ж они затеяли?

И снова капитану «Исамара»:

— Просканировать успели?

— Да, успели, еще на пунктире. На борту шестеро, но это не азанни. Это хомо, Шатта.

— А что со связью между флагманом хомо и Землей?

— Состоялась глобальная конференция во всей системе. Правительственные резиденции, флагманы флотов и прочая. Расшифровать не удалось, высшая степень защиты, перекрестная блокировка и выборочное кодирование. Я загрузил аналитический центр флота, но, боюсь, работать им придется не меньше двух-трех столетий.

— Адъютант!

— Здесь, Шатта.

— Подключить мощности Глобал-инфо. Если за двое суток результата не будет, прекратить расшифровку.

— Принято, Шатта.

— Бот до самой Замххад не трогать. Встречать тоже не нужно. Только наблюдение. Перебросить в систему еще полсотни кораблей из резерва и пару пустотных суперкрейсеров. Из Иншуди, например, там они однозначно ни к чему. Или с Файд-Зегу — наши опорные колонии все равно никто сейчас не осмелится атаковать.

— Принято, Шатта.

— С Замххад новости есть?

— Флот финиширует, Шатта.

— Пусть немедленно атакуют вторую планету. Немедленно. Полная скрупулезная блокада, чтоб ни свезз не проскочил, ни земной таракан.

— Принято, Шатта.

Вождь вновь обратился к капитану «Исамара»:

— Наблюдайте за метрополией хомо. Обо всем мало-мальски важном — немедленно докладывать. Адъютант!

— Здесь, Шатта.

— Двоих дублеров к тебе. Зашевелились галакты! Скоро новости хлынут потоком, один не справишься.

— Принято, Шатта.

Столб погас, адъютант колдовал над браслетом, а вождь шат-тсуров вновь погрузился в оцепенение — прокручивал в уме возможные варианты будущих событий.

Война набирала обороты.

ПОИСКОВЫЙ РЕЙДЕР «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Странно, но право первым ступить на почву незнакомой планеты выпало Сане Веселову, а вовсе не бригадиру или штурману. Сначала Саня удивился, но позже понял, в чем дело.

Отныне бригадир, штурман и мымры-научницы — хранители чрезвычайно важной информации. Сане, конечно, тоже многое известно, но в экипаже рейдера именно он на текущий момент является наименее ценным человеком. Дурень советник с Фалькау в этом смысле еще менее ценен, но положа руку на сердце: кто осмелится ожидать от него толковых действий в столь экстремальных условиях?

Поэтому бригадир мрачно отпер сейф, вынул тяжелый штатный лучевик и вручил Сане:

— Держи! Задача: пройтись по окрестностям, понять, насколько снаружи можно выжить; в идеале — подыскать место под первый лагерь и под склад, куда мы для начала спрячем жратву, вещи и ценное оборудование. Пещеру какую-нибудь или что-нибудь в этом роде. Времени тебе — три часа, если ничего не обнаружишь. Коли обнаружишь — решим по обстановке. Вопросы?

Саня взволнованно сглотнул и вопросительно покосился на лучевик.

— Здесь джунгли, кадет, — милостиво объяснил из своего кресла Шулейко. — Зверушки кусь-кусь! А ты нам очень даже дорог, хоть ты и обормот изрядный.

Саня нашел в его словах известный резон — относительно зверушек по крайней мере. Нос к носу столкнуться с каким-нибудь местным тигрисом без лучевика совсем не одно и то же, что столкнуться нос к носу с местным тигрисом, имея под рукой лучевик. И пусть неизвестно куда следует стрелять, в башку или грудину: в потоковом режиме Саня просто посечет зверя на куски. Относительно собственной ценности для старших коллег-поисковиков Саня терзался обоснованными сомнениями: какого тогда рожна форменным образом измывались над ним весь рейс? Кадет туда, кадет сюда... Чуть что — сразу кадет. А он уже сто лет не кадет! Ну, пусть не сто, пусть семь с половиной. Двенадцать рейдов за спиной! И разве важно, что большинство рейдов короткие, двух-трех-, максимум — четырехмесячные? Да и глубоких уже целых два, этот третий!

Но в глубине души Саня сознавал, что сердится только из поверхностного упрямства. Не будут же старики бригадир и помбриг самостоятельно драить переборки в мастерской, если баллон с коллоидом разгерметизировался и бубухнул? А моложе Сани все равно никого нету. Стало быть: «Кадет, сюда!»

— Не хлюпай, кадет! — Тимурыч по-отцовски потрепал его по плечу. — Удачи!

И Саня пошел. Надел рабочий комбез, специальные пустотные ботинки. Нахлобучил оперативный шлем для работы в атмосфере. Навесил датчики — не будь они столь крохотными, точно сразу же стал бы похож на новогоднюю елочку. Взял наперевес лучевик, глубоко вздохнул и направился к шлюзу.

Инъекции биоблокады и антиаллергенов все шестеро сделали сразу после посадки, хотя упрямец советник долго сопротивлялся и отпихивался.

— Ладно, дохни, если охота, — сдался наконец и.о. врача Плужник. — Но учти: я за тебя не в ответе. Ни как врач, ни как капитан. Dixi.

Отчего-то латынь на Паулисту подействовала, и тот сдался. Плужник тут же прижал к его предплечью пистолет-инъектор и нажал на спуск.

Когда створки шлюза разошлись, Саня первым делом глубоко вдохнул в легкие воздух нового для себя мира. Новый мир терпко пах цветами, мокрой листвой, гниющими водорослями — пах необузданной первобытной жизнью, чистой, не загаженной отходами производства, выхлопом механизмов и прочим гибельным последом техноцивилизации.

Табаска источала приятные, хотя и резковатые после нескольких месяцев пребывания в стерильной корабельной атмосфере запахи.

— Привет, — поздоровался с планетой Саня и выбрался на обшивку. — Надеюсь, ты не кусаешься.

Вокруг рейдера плескалась местная река; там и сям из воды торчали чудные деревья на многочисленных ножках-корнях. В кронах кто-то беспрестанно щебетал, щелкал, свистел, шипел и улюлюкал. Если посадка корабля и испугала обитателей джунглей, то ненадолго. Да и прошло уже около часа, не меньше.

Корпус рейдера успел остыть — не сам по себе, конечно. При посредстве пронизывающих обшивку фризеров.

Вода была совсем прозрачная, явственно виделось покрытое водорослями дно. Там кто-то деловито копошился и ползал. Не иначе, обитатели мелководья спешили попробовать свалившуюся с неба штуковину на вкус: а ну как она съедобна? А ну как еще и вкусна?

Увы, придется вам обломиться, обитатели мелководья!

Саня знал, что глубина здесь не больше полуметра, поэтому вразвалочку прошел к носовому обтекателю, где было пониже, и смело прыгнул в воду.

Слой воды оказался действительно не ахти каким толстым. Зато слой ила под нею... Саня увяз почти по колени, а вода покрыла его чуть выше пояса. Впрочем, ботинки и комбинезон внутрь не позволили просочиться ни капле, и, с чавканьем выдергивая ноги из трясинообразной массы, Саня трудолюбиво побрел к близкому берегу. Вскоре слой ила сделался потоньше, идти стало совсем легко, а в ботинок вцепилась

какая-то местная тварь, да так сильно, что Сане даже стало больно. Он охнул и приподнял ногу из воды. Тварь сильно смахивала на здоровенного краба и тщилась вскрыть пустотный ботинок сразу двумя клешнями. Саня обиженно треснул ее лучевиком по бурому панцирю:

— Пшла, зараза!

— Что там у тебя? — немедленно донеслось из наушника. Волнуются отцы...

— Да не успел на берег выйти, а меня уже кусь-кусь, — пожаловался Саня. — Какой-то местный краб. Больно, блин!

От удара краб отвалился, хотя и не сразу. Кажется, больше всего ему не понравилось то, что его вынули из воды. В поднятой Саней мути мелькнул силуэт какой-то крупной рыбины или рептилии, и искатель счел за благо побыстрее достичь суши. Не хватало еще местного аллигатора накормить собой, любимым!

До суши его больше никто не осмелился цапнуть, и Саня посчитал это добрым знаком.

— Все, я на берегу! — доложил он. — Будет что интересное — тут же сообщу.

— Удачи. Смотри не зевай, — ответил Тимурыч.

— Не буду, — пообещал Веселов.

Ему нечасто приходилось бывать на природе. Даже на кислородных мирах Саня, как и подавляющее число людей, обретался в городах; иногда — наземных, иногда — подземных. Порою это были громадные мегаполисы, порою — сеть небольших поселков, где коттеджи самое большее двухэтажные. Но всегда Саня твердо знал: совсем рядом проходит шоссе, кругом — тысячи людей, а во-он там расположена стоянка флаеров, где можно арендовать машину и за полчаса домчать до ближайшего космодрома. Одним словом, большинство людей доминанты Земли привыкли к подстриженным деревьям и газонам, а отнюдь не к лесам, где полно бурелома, кишмя кишат дикие звери и нога человека здесь в последний раз ступала никогда.

Сейчас Саня Веселов, искатель, оказался именно в таком месте.

Впрочем, искатели сплошь и рядом рыщут по неосвоенным планетам — просто Саня с его двенадцатью рейдами пока ничего, кроме пустотного поиска, не хлебнул. Но зато много раз отрабатывал тренировочные высадки на планеты, поэтому к происходящему был вполне готов.

Река, вернее всего — еще безымянная, в месте «посадки» «Шустера» плавно изгибалась, образуя обширный залив, изобилующий отмелями. На одной из них рейдер и застрял, приводнившись. К заливу примыкала заболоченная низменность, постепенно переходящая в зеленые-презеленые луга, а дальше начинался лес. Лес то ли уступал позиции лугу, то ли, наоборот, отвоевывал — там и сям возвышались небольшие рощицы, так что четкой границы «лес—луг» вообще не существовало. Местность от реки плавно шла в гору, постепенно переходя в довольно хорошо видимое вдалеке нагорье. Но до него было очень далеко, судя по дымке.

Хмыкнув, Саня выбрался из болотца на настоящую сушу, где луж уже не встречалось совершенно и земля под ногами стала твердью, а не хлябью.

Зверья вокруг и впрямь было много: на опушке паслось стадо оленей. Местных, понятно, аналогов; природа кислородных миров удивительно схожа. Мышиная мелочь сновала в траве, затихая при приближении Сани. Кружила над лугом хищная птица. Кружила-кружила, а потом камнем пала к траве. Поднялась она пару секунд спустя, сжимая в когтях добычу, и, тяжело махая крыльями, потянула к лесу. Протрубила какая-то невидимая зверюга; из чащи ей ответила другая.

Если рассуждать трезво, на открытом лугу укрытие искать было бесполезно. Ну какое, к чертям, укрытие на лугу? Да и на пещеру в здешнем ландшафте рассчитывать скорее всего не приходилось. Поэтому Саня решил углубиться в лес. Заблудиться он не боялся: во-первых, на рейдере в любой момент могут запустить маячок, а во-вторых, зря, что ли, столько датчиков на комбинезон навешано? В любой момент Саня мог вызвать в видеокуб перед собой хоть объемную модель окружающей местности, хоть плоскую топографическую карту с красной точкой в центре (собственно Саней) и синей точкой внизу («Шустером» на речном мелководье).

Логика подсказывала: для начала нужно поискать звериную тропу к водопою. Река все-таки. Впрочем, во влажных дождевых джунглях река для водопоя может и не слишком требоваться. Но джунгли не выглядели особенно влажными. Во всяком случае, в двух рощицах под деревьями было сухо. Только валежник да палая листва, никаких луж.

Тропы Саня так и не отыскал и решил углубляться в чащу наудачу. Довольно долго он бесплодно бродил в джунглях: продирался сквозь заросли, вяз в подлеске. И ничего путного ровным счетом не обнаружил, только время потерял. А уже когда стоило подумать и о возвращении, Саня выбрел к...

Он не смог подобрать подходящего слова. На склоне небольшого холма, прямо между стволов располагалось ОНО.

Больше всего ОНО походило на вход в расположенное под холмом жилье. Аккуратное крылечко, дверь, двускатная крыша над всем этим. Только размером чуть выше, чем по колено. Резиденция лесных гномиков.

Саня потрогал крышу рукой — вроде пластик. Присмотрелся, отыскал с краешку клеймо: «Ofelia Builderer Ltd» и фирменный знак — стилизованный домик.

Стало немного спокойнее: все-таки свое, родное, человеческое. Но почему такое крохотное?

Присмотрелся к двери: та запиралась на вполне заурядный электронный замок, каких на любой планете полно и на любом космическом корабле полно.

«Вот дьявол! — подумал Саня изумленно. — Дикий край, непуганое зверье, а я за каких-то паршивых полтора часа натыкаюсь на нечто рукотворное! Или не так уж и дик здешний край?»

Он подумал, вызвал рейдер и рассказал о находке бригадиру. Тот недолго раздумывал.

— Вскрывай! — велел Тимурыч. — Если там удобное место для временного укрытия, с хозяевами-людьми мы быстрее договоримся, чем с чужими, которые на нас охотятся.

И Саня взялся за лучевик. Возиться с замком не было времени.

Тончайший красноватый луч прошил пластиковую дверь насквозь. Саня аккуратно повел лучом, очерчивая замок, пока

не замкнул кольцо. Потом саданул ногой — вырезанный блинчик вместе с замком упал вовнутрь.

— Добро пожаловать, — буркнул Саня вполголоса и нерешительно взялся за ручку.

Увы, это оказалось никакое не жилье, а крохотный слепой бункер объемом в кубический метр примерно. Вдоль боковых и дальней стен тянулись неширокие стеллажи, сплошь заставленные рюкзаками. И под стеллажами тоже стояли рюкзаки.

Примерно пяток минут Саня шарил по рюкзакам, одновременно комментируя результаты поисков коллегам на рейдере. Нашлись: провизия, оружие, боеприпасы, походное снаряжение, радиостанция. Великолепнейший комплект для выживания в условиях полной дикости. Почти все было произведено на мирах доминанты Земли.

— Вот те на, — удивился бригадир. — Слушай, Вася, запроси-ка данные по этой планетке. Чего тут найдется неподалеку из поселений?

К счастью, данные нашлись в бортовом архиве — подключаться по мгновенке к глобальной сети было опасно: их быстро запеленговали бы охотники.

— Все понятно, Саня, — с некоторым облегчением сообщил помбриг спустя буквально минуту. — В этой части материка единственное населенное место — это турбаза «Экзотиктура». Она километрах в ста на восток-юго-восток. Ты наткнулся на их резервный склад.

— И чего теперь делать? — на всякий случай справился Саня, а сам подумал: «Ошибся я насчет реки. Никакая она не безымянная».

— Такими подарками не разбрасываются, — сухо сказал Тимурыч. — Неизвестно, сколько нам придется прятаться в джунглях. А рейдер все равно вскоре предстоит бросить, его отыщут сразу же. Так что... забирай все.

— Все? — изумился Саня. — Да тут больше тонны весу!

— Там наверняка больше двух тонн, — хладнокровно отпарировал бригадир. — Да только каждый рюкзачок снабжен гравикомпенсатором. Проверь-ка!

Саня проверил.

— Правда! Идею я понял, Тимурыч. И куда все это волочь? К рейдеру?

Некоторое время Шулейко и Плужник совещались; до Сани долетали только приглушенные голоса.

— Нет, — наконец отозвался бригадир. — Иди дальше, ищи место. Найдешь — выходи на связь. Ночевки на природе не боишься?

— А чего ее бояться? — Саня передернул плечами. — Лишь бы чужие не объявились... Справлюсь.

— Молодец! — похвалил Плужник. — И поосторожнее там, понял?

— Понял, — вздохнул Саня, тщась представить себе искомое место. Как оно хоть должно выглядеть? Не пещера — нет тут никаких пещер, не горы ведь. Может, какая-нибудь яма или, скажем, сторожка того же «Экзотик-тура»? Хотя нет, сторожку настырные охотники на искателей проверят в первую очередь. Думай, Саня, думай...

Он думал, параллельно выволакивая рюкзаки из склада. Потом какое-то время связывал их друг с другом длинным рябеньким шнуром, продевая его в неизвестно для чего предназначенную петлю и фиксируя простеньким узлом, известным по учебникам как «lasca», а кадетами и искателями именуемым «восьмеркой». Дольше всего возился с компенсаторами: все были нестандартной системы и вдобавок с маркировкой на незнакомом Сане языке, кажется, на новодатче. Пиктограммы вообще отсутствовали, поэтому Сане даже пришлось немного полетать — хорошо, что гирлянда из рюкзаков быстро уравновесила антиполе, а Саня, зависнув на высоте метров шести, пару минут лихорадочно манипулировал управлением компенсатора. Потом разобрался и благополучно спустился.

В итоге он сумел уравновесить все рюкзаки, зачем-то затворил дверь во взломанный склад, привязал все той же «восьмеркой» свободный конец шнура к поясному карабину и двинулся туда, где деревья росли не особенно густо. Поклажа, донельзя похожая на вереницу воздушных шариков, послушно тянулась за ним.

За час он дважды выходил к полянам; вторая оказалась особенно обширной. Потом набрел на дивной красоты лесное озерцо, вспугнув целое сонмище не то уток, не то куликов. Однажды нос к носу столкнулся с выводком чистейшей воды свинтусов под предводительством мамаши габаритов породистой селентинской рекордсменки, только щетинистой и клыкастой. Утробно хрюкая, свинтусы свернули в сторону и растворились в подлеске, причем не особо при этом торопились. Людей местное зверье не боялось, а значит — не знало.

До вечера Саня отмахал километров двадцать пять. Довольно быстро он научился выбирать траекторию движения таким образом, чтобы длинный хвост не застревал в кустах, не слишком задевал за стволы и вообще чтоб не мешал идти. Как назло, ничего даже отдаленно похожего на сносное убежище ему не попадалось. Лес и лес...

А незадолго до сумерек он вышел к оврагу.

Сначала никаких надежд не возникло — подумаешь, овраг! Продолговатая трещина в теле Табаски, сбегающая ко все той же, наверное, все-таки не безымянной реке. Или к другой реке. Не важно, с именем или без оного.

Впрочем, реки, расположенные недалеко от турбазы, наверняка давно поименованы служащими «Экзотик-тура». Все разумные существа обожают давать названия рекам, горам, озерам и островам. Если натыкались прежде на этот овраг — то и овраг сто процентов как-нибудь нарекли. Осталось лишь убедиться, натыкались или не натыкались. И Саня, пришвартовав гирлянду рюкзаков к деревцу на самом краю, прыгнул на крутой склон. Не устоял на ногах, съехал юзом, потом пару раз перекувырнулся и с размаху влетел в заросли зловредноколючего кустарника вроде земной ежевики или селентинского примаста. Оцарапал руку и щеку, ругнулся сквозь зубы; потом спохватился, но связь с рейдером не была активирована. И то хлеб, не хватало еще, чтобы бригадир со штурманом его матюки из эфира вылавливали.

В процессе войны с негостеприимными кустами Саня спустился почти на самое дно оврага.

Если склоны были сплошь земляными, рыхловатыми и рыжими, то дно, к удивлению Сани, оказалось каменным. Неведомые силы отшлифовали камень до неправдоподобной гладкости, и теперь он был лишь слабо припорошен постепенно осыпающейся со склонов землей. Впрочем, подумал Саня, почему неведомой силой? Наверняка камень отшлифовали регулярные водяные потоки. По оврагу со всех окрестных джунглей стекала в реку лишняя вода. После ливней, например, потому что о таянии снегов в здешней теплыни както не думалось.

Продираясь сквозь кусты, Саня наступил на что-то продолговатое и твердое. Сначала он решил, что это камень. А когда глянул, на какое-то мгновение оцепенел.

Обойма. Использованная обойма от плазменника — от винтовки или тяжелого двуручного маузера.

— Так-так, — буркнул Саня себе под нос. — Безлюдные, значит, места...

Он прошел дальше, туда, где овраг стал совсем узким, а стены готовы были сомкнуться. Увиденное на этот раз ничуть не удивило искателя.

Овраг упирался в каменный уступ высотой примерно с человека; на уровне головы вперед выдавался каменный же козырек, от которого вверх убегала все уменьшающаяся ложбинка. А под козырьком, полускрытый густым кустарником, уводил вниз темный, дышащий холодом ход.

— Ужас какой-то, — пробормотал Саня. — Мною что, судьба движет? Меньше чем за день я отыскиваю склад с провизией и, наверное, единственную пещеру в здешних джунглях! Или не единственную?

Впрочем, еще не факт, что пещеру удастся приспособить под убежище. И что это вообще пещера, а не просто небольшое углубление.

Переключив лучевик в режим фонарика, Саня повозился с фокусировкой луча, отодвинул с дороги колючие ветви и решительно полез во тьму и сырость пещеры.

Возможно, он удивился бы, если бы узнал, что практически след в след повторил путь Скотча и Валти сразу после открытия на этом континенте базы «Экзотик-тура». Точно так

же они двигались от Мангрового залива — мимо приметного холмика, где впоследствии устроили склад, мимо полян, мимо озерца с утками-куликами, прямо к этому оврагу. Скорее всего такой маршрут диктовался местными условиями. А проще говоря: он был наиболее удобен в смысле проходимости.

Спустя четверть локального часа после того, как Саня сунулся в пещеру, он вызвал рейдер.

— Тимурыч!

— Да, Саня?

— Я нашел убежище. И устраивать тут ничего не придется: все устроено до нас.

— Отлично! — Бригадир встрепенулся. Он совершенно не рассчитывал на такую удачу, на такое скорое решение первейшей проблемы. — Кодируй координаты.

Саня привычно упаковал запароленный секретный файл и бросил в эфир. Даже умники галакты возились бы с его расшифровкой довольно долго. А отследить передатчик такой малой мощности удалось бы лишь с расстояния не большего, чем разделяло сейчас рейдер и пещеру. Можно было смело считать, что преследователей на обозначенной площади пока нет.

— Принято, — подтвердил Шулейко повеселевшим голосом. — Все, ложись на дно и жди нас. Скоро будем.

На рейдере тоже не теряли время зря. Все необходимые припасы и вещи были уже упакованы и погружены на единственный штатный вездеходик. Увы, но «Шустер» предстояло бросить. Как капитан, Тахир Плужник позаботился о том, чтобы посторонний глаз не отыскал на борту даже намека на ценную информацию о находке, и отдал приказ покинуть корабль.

Искателям оставалось уповать лишь на то, что после стычки флота Фалькау и галактов на кораблях азанни, кем бы галакты ни оказались, информация просочится на Землю. И что Земля всей мощью доминанты включится в гонку за бесценной информацией, обладателем которой невольно стал экипаж «Шустера-эпсилон» семьдесят пятого. Ведь на Поисковую Базу по инструкции рапортовали только о факте находки, но не о ее координатах.

Они довольно быстро добрались до нужного оврага, но перетаскивать вещи в полной темноте не захотели, а освещать подходы к своему будущему убежищу не решились. Ночь скоротали в кабине.

Едва рассвело, вездеход был разгружен и спрятан в том же овраге, чуть ниже по склону. Очень кстати пришлись густые колючие кусты. Пещера и впрямь кем-то уже использовалась как стоянка: нашлись и аккуратный очаг недалеко от входа, и кучи лапника на местах, где некогда ставили палатки, и разметка под сами палатки, и тропка вглубь, к сочившемуся по камням ручейку, и пластмассовая канистра с отпиленной горловиной здесь же.

И мощная рация с каналом мгновенной связи.

В общем, к началу техноблокады искатели успели забиться в нору и затаиться.

Шат-тсуры обнаружили покинутый рейдер этим же днем, ближе к вечеру.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

Пустота. Крохотная желтоватая пылинка в ней — мерцающий шарик звезды Замххад. Где-то тут есть еще и планеты, но их без приборов вовек не разглядишь — по сравнению со звездой они и вовсе ничтожны. Но так или иначе каждая из них — громадный мир, жизненная территория, в данный момент занятая врагом. А заодно и хранящая древнюю тайну, ключик к будущим победам нарождающейся империи Унве шат-тсур.

Флотом командовал Шат Урву. Нет, не адмирал — такой же слуга Шатта-Унве, как и любой солдат флота. Разве что первый из слуг в этом районе космоса. Смешные воинские звания и золоченые кителя пусть таскают на себе надменные, но в общем-то пустоголовые галакты. Шаты ценят верность Унве и доблесть в бою. Лишь этим, да еще умом и опытом командующий флотом отличается от солдата, техника или капитана звездолета.

Финишные сферы вспухали одна за другой. Флот вываливался из-за барьера единица за единицей, искореженное пространство стонало, области транспортной нелинейности накладывались одна на другую, умножая и без того масштабные искажения метрики.

Но вот флот финишировал, корабли быстро погасили паразитный дрейф. Пространство мало-помалу пришло в норму. Флот перестраивался в маневровый порядок.

Вон и соратники нашлись: регистраторы масс исправно фиксируют пару планетарных крейсеров и всякую мелочь вроде истребителеносцев и конусных заградителей. Лежат в естественном дрейфе. Ждут. Финиш флота «Багута» они, конечно же, давно зафиксировали. Любой из пустотных суперкрейсеров Шата Урву дает такие возмущения, что засечь их возможно даже из соседней звездной системы.

— Командующий Ухола на связи, — доложили Шат Урву.

Перед пультом тут же вырос видеостолб.

— Привет, старина, — поздоровался Ухола и дружески уркнул.

Шат Ухола и Шат Урву давно и плотно знали друг друга — родом из одних и тех же мест, вместе росли, вместе учились, вместе завербовались во флот. Правда, потом судьба развела приятелей: крупные чины парами не сидят.

— Привет, привет, вояка! — ответил Урву и не преминул съехидничать: — Как это твои герои поисковик хомо прохлопали?

Ухола досадливо поскреб передужье:

— Да не то чтобы прохлопали... Сам посуди: как себя ведут гражданские при атаке? Даже не удирают — не успевают сориентироваться, теряются. А эти только из-за барьера вывалились — и полный навстречу! Понятно, что разминулись с истребителями, уркнуть не успели. Мои в разворот, а эти, не будь болваны, к планете — в атмосфере-то у них преимущество. Догнали бы, да тут, как на грех, планетарник финишировал. Хомо как раз мимо прошли, а истребители чуть в нелинейность не влетели. Пока маневрировали — хомо уже в атмосфере. Попробуй догони...

— Да... Не повезло, дружище. Бывает, — по-честному посочувствовал Урву.

— И, главное, быстро так все — швырк, и нету хомо, — не унимался Шат Ухола. — Только плазменный след да воспоминание! Пилотов я заставил гальюны в арестантской драить. *Сам* Унве приказал. Да только проку с того...

—Ладно, дело свершенное, — махнул ладонью Урву. — Давай исправлять, что ли.

— Давай! — с готовностью подобрался в кресле коллега.

— Что у тебя за силы?

— Два планетарника, два истребителеносца, пяток заградителей и восемь малых крейсеров с десантом.

— Мало, — вздохнул Урву. — Ну, не беда, я подмогу привел. Данные по планете у тебя есть? Как она называется, кстати?

— По-нашему — никак. На языке хомо — Табаска. Есть данные, я запросил.

— Показывай...

Перед Урву раскрылся видеокуб, в центре которого висел голубовато-зеленый шарик Табаски, а по краям ползли пиктограммы сопроводительных ремарок.

Некоторое время шаты изучали информацию — планетографические данные, расположение человеческих станций и баз, потенциальные посадочные площадки, основные направления десантирования.

Поисковый рейдер хомо сел на самом большом из четырнадцати материков, в северном полушарии. Материк, как и все материки Табаски, совершенно девственный, сплошь покрытый джунглями и болотами. На приполярном побережье ютилась убогонькая животноводческая ферма, рядом с ней — рыбопланктонный комплекс. Тут же расположился смехотворно мелкий космодром, от силы на два-три небольших грузовоза. В южной части материка обосновалось какое-то туристское заведение, именуемое «Экзотик-туром». У этих имелся свой космодром, попристойнее, но тоже размером с чих свезза, никак не крупнее.

Урву привычно намечал направления атаки:

— Значит, так, коллега! Первым делом, конечно, вот этот материк. Два планетарника, прикрыть каждую из площадок, чтоб ни одна зараза не стартовала. Первый планетарник — на научную станцию, и не забыть информоблокаду подвесить. У ученых всегда до исамара средств связи и прочей продвинутой машинерии. Второй крейсер — на южный космодромчик...

Объемная модель Табаски расцветала стрелками и условными значками.

— Шестерку спутников на стационарные орбиты — перекрыть все внахлест. Биорегистраторы высеять. У хомо вариабельность сильная?

— Не особенно. Но есть различия, у них четыре генетические ветви в расе плюс всякая мешанина в самых разных пропорциях.

— Учесть, настроить. Каждый регистратор, каждый! А не как в прошлый раз...

Шат Ухола понимающе уркнул. События, на которые намекал соратник, и впрямь трудно было назвать приятными для воспоминаний. Но ошибки прошлого лучше учитывать — это помогает избежать ошибок в настоящем и будущем.

— Дальше. Десант. Полагаю, в плане закрепления нас заинтересуют только четыре объекта: научная станция, горнорудный комплекс, рыбопланктонный комплекс и космодром при туристах, больно уж он приличный для такой дыры. Остальные точки — абдукторная высадка: сели, прочесали, зачистили территорию и ушли. Не забыв, естественно, маячки оставить. В десанте у тебя кто?

— «Сизые скелеты».

— Ух ты! — обрадовался Шат Урву. — Гвардия Унве?

— Они самые.

— Круто! У меня «Меченый корпус».

— Тоже не слабо, — оценил Ухола и со значением скрипнул скелетом. — Кого куда?

— «Сизых» — на закрепление, «Меченых» — на зачистку. Полагаю, так разумнее.

— Согласен.

— Похоже, по общим вопросам все, дружище!

— Тогда начинаем?

— Начинаем!

— Модель на разработку! — скомандовал Шат Урве технарям и в последний раз взглянул на зажатую в клещах атакующих стрелок Табаску. — Предварительная готовность!

Флот начал методичное перестроение, нацеливаясь на вторую планету.

Желтоватый шар Замххад равнодушно взирал на начало вторжения.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

1

Когда группа на маршруте, персоналу турбазы и космопорта делать почти нечего. Половина девчат разлетелась к мужьям — в основном на северный рыбопланктонный комплекс. Грузчики с терминалов махнули на острова порыбачить. Троица космодромщиков после отбытия лайнера сутки играла попеременно в бридж и преферанс, сутки отсыпалась, потом сутки пила пиво и снова сутки отсыпалась. Буфетчица Люся в промежутках между отпуском пива космодромщикам сделала два карандашных наброска с натуры и немедленно продала их посредством сети в ирландский паб на Лазурном Шепоте. Полуручной кошкун при столовой оказался самкой и вывел в кустах у беседок пятерых потешных полосатых детенышей. В дневном небе видели довольно яркий болид, рухнувший где-то в окрестностях реки Сайры и Мангрового залива, причем космодромные приборы не зафиксировали сколько-нибудь значительной почвенной ударной волны.

На этом новости первой десятидневки исчерпывались. Обычное сонное трех-четырехнедельное ожидание, пока Скотч не приведет уставших, обросших и донельзя довольных собой и путешествием туристов обратно на турбазу. Поэтому

неожиданный звонок с научной станции университета Фалькау долго оставался без ответа — поблизости от пункта связи попросту никого не было, поскольку личные вызовы адресовались непосредственно на браслеты-коммуникаторы.

Вызов услышал Масами Тамура, маленький крепыш-диспетчер, проходивший мимо административного коттеджа. Он как раз направлялся за очередной дюжиной пива к Люсе в буфет. Услышав вызов, Тамура некоторое время вертел головой, соображая — откуда доносится знакомый звук. Потом сообразил и решил, что раз уж нет никого — надо ответить.

В коттедже он плюхнулся в кресло перед терминалом и коснулся нужного сенсора. В видеокубе материализовалась кудрявая невыспавшаяся личность неопределенного возраста.

— Привет, — поздоровался кудрявый. — Я физик, со станции универа Фалькау. Лешей зовут.

— Добрый день. — Вежливый Тамура, не вставая, сымитировал поклон. — Тамура, диспетчер космодрома турбазы.

— Космодрома? — удивился кудрявый. — Я вообще-то на турбазу звоню.

— Это и есть турбаза, — терпеливо объяснил Тамура. — Я сейчас не на смене.

— А, — дошло до физика Леши. — Ладно. Вы там у себя в небо давно смотрели?

— Да недели полторы, наверное, назад, как лайнер улетал. А что? Вы о болиде, что ли, расспросить хотите? — попробовал угадать Тамура.

— О болиде? — не понял физик. — Нет, не о болиде. Тут кое-какие странности заварились... Во-первых, нет внешней связи, только по Табаске. А во-вторых, вы в курсе, что сейчас над Табаской делается?

— А что над Табаской делается?

— Там корабли. Много кораблей. Кажется, военных. Я не специалист, а у нас в базе информации по военным кораблям нет.

— У нас вообще-то тоже нет такой информации. — Тамура пожал плечами. — И что корабли?

— Я подумал, — предположил физик, — а не из-за них ли нет дальней связи, а?

— Может, и из-за них. — Тамура явно не разделял беспокойства собеседника.

Некоторое время висело настороженное молчание.

— Ладно, — вздохнул физик. — Если вдруг случится что-нибудь, предупредите нас, хорошо?

— А что может случиться? — спросил Тамура недоуменно.

— Ну, мало ли... Корабли все-таки...

«Дались ему эти корабли, — неприязненно подумал Тамура, которому не терпелось хлебнуть еще пивка. — Я всю жизнь эти корабли принимаю, отправляю и перенацеливаю. И ничего».

— Ладно, предупредим, — пообещал диспетчер вслух.

— Спасибо. До свидания.

— Бывайте. — Тамура легкомысленно помахал ручкой.

Затарившись пивом, он завернул к беседкам и скормил кошкунской мамаше рыбные головы, после чего направился к приятелям дописывать очередную пулю. Уже на крыльце коттеджа он обернулся и взглянул на далекий горизонт над космодромным полем. На самом пределе видимости что-то смутно клубилось.

— Гроза будет, что ли? — пробормотал Тамура, щуря и без того узкие глаза-щелочки. — Надо девицам сказать, чтоб Скотча предупредили.

Он вошел внутрь, сгрузил пиво на стол и сообщил:

— Я на минутку, к Верке. Там чего-то по горизонту заходит, как бы не гроза.

Верка трудилась, соответственно, диспетчершей турбазы. Чтобы не торчать все время в административном коттедже, связь с гидами и спасателями она переадресовала на свой домашний терминал. В коттедже, где зависали космодромщики, терминал традиционно хандрил, а личного номера Верки Тамура не знал. И спрашивать у приятелей поленился — хотелось после долгого сидения над пулей слегка размять ноги, а прогулка за пивом оказалась слишком короткой. В общем, Тамура сгреб ладонью одну банку, откупорил, отхлебнул и вышел.

Диспетчерша Верка отмокала в ванне, поэтому разговаривать с ней пришлось через закрытую дверь.

— Ау! — позвал Тамура и постучал.

— Ну, кого там принесло? — не слишком приветливо донеслось из-за двери.

— Верка, это я, Тамура. Ты во двор давно выходила?

— А что я там забыла?

— Слышь, там на горизонте тучки какие-то. Я думаю, как бы грозы не вышло. Ты предупреди Скотча, что ли.

— Тучки? — удивилась Верка. — Хм... Еще в обед ничего не было. Да и прогноз давали вполне спокойный.

— Ну не выдумываю же я, — фыркнул Тамура. — Ладно, выйдешь — глянь. А то накроет группу ненароком где-нибудь в буреломе — костей ведь потом не отыщешь...

— Гляну, — пообещала Верка; вслед за тем послышался плеск и бульканье.

Тамура с чувством выполненного долга отправился восвояси. Тучки на горизонте, как ему показалось, несколько сгустились, но он не придал этому особого значения.

Примерно в течение получаса космодромщики беззаботно попивали пивко, вистовали и пасовали и снова попивали пивко. Потом вышли на крыльцо развеяться. Тамура по привычке уже зыркнул на небо и обомлел.

— Kusoo, shimatta! — выдохнул он.

Приятели и коллеги — Жорж Сориал и Дэвис МакГрегори — как по команде поглядели туда же. Сориал от неожиданности выронил банку с пивом.

Процентов десять неба заволокло мощнейшим атмосферным фронтом. Клубящиеся тучи с краев были посветлее, но внутри крыли нечто темное и громадное. Там, в черноте и лиловости, полагалось сверкать молниям, однако ни единой вспышки не рождалось под серыми и белесыми граничными завихрениями. И громыхать такой фронт просто обязан, но он надвигался совершенно бесшумно. Как призрак.

Он приближался, стремительно и неотвратимо — это уже можно было заметить невооруженным глазом.

— Верка-а-а!! — заорал Тамура, сигая через перила. Сориал и МакГрегори, позабыв о пиве, метнулись к флаеру. В диспетчерской они, уходя со смены, даже окна не затворили — легко представить, что могла натворить налетевшая буря.

— Верка-а-а!! — Тамура взлетел по ступеням, ворвался в коттедж, пересек прихожую и забарабанил в дверь ванной. — Выходи, сейчас такое начнется!

— Чего орешь, идиот косоглазый! — прошипела Верка, выныривая из ионизаторной и на ходу запахивая халат.

Тамура молча ткнул пальцем в сторону входной двери. Его даже не особо интересовал в данную минуту небезынтересный вид под небрежно запахнутым халатом диспетчерши.

Верка скептически покачала головой и вышла на крыльцо.

— Мамочки, — обмерла она уже на пороге. А потом развернулась и, не обращая внимания на незастегнутый халат, помчалась к терминалу. Полы вызывающе развевались, но Верке было не до этого. И Тамуре было не до этого — голых баб он никогда не видел, что ли? Он неотрывно смотрел на небо.

Зря Верка добрые десять минут вызывала Скотча — группа не отвечала. Не отвечали и спасатели, да и вообще эфир молчал как проклятый, ни звука, ни изображения, только фоновое шипение и непонятное потрескивание, которое почему-то не подавлялось несущей частотой. Невнятно чертыхаясь и шипя, будто рассерженная виверна, диспетчерша бросила бесплодные попытки связаться и метнулась в спальню, одеваться.

Тамура тем временем присоединился к товарищам во флаере. До космодромных построек было от силы пару минут лету — местных, разумеется, минут.

Вел Сориал; МакГрегори исподлобья зыркал на исполинский фронт за лобовым пластиком.

— А ведь это не буря, — сказал МакГрегори неожиданно спокойно, когда они уже подлетали. — Смотрите, по краям просветы. Такое впечатление, что на космодром прет нечто... большое. А к погоде это отношения вообще не имеет.

Несмотря на солидный опыт, ни одному из диспетчеров еще не доводилось воочию наблюдать посадку или пролет больших атмосферных кораблей. Но выводы делать космодромщики все же умели.

— Черт меня подери! Корабли! Вот о чем толковал физик с универовской станции! — осенило Тамуру.

— Э-э-э? — не понял Сориал. — Разъясни.

— Да звонил с час назад какой-то псих со станции. Физик. Связи, говорил, нет, и кораблей, говорил, военных у Табаски туча. Я думал, он с перепою или недосыпу. А оказалось...

— Н-да. На корабль это и впрямь похоже больше, чем на грозу. Только уж очень на большой корабль, — согласился МакГрегори. — Никогда таких не видел.

Флаер косо нырнул к грунту и, проелозив брюхом по буйной муравке, замер у диспетчерской. Все трое дружно повыскакивали наружу и помчались ко входу, даже не потрудившись захлопнуть колпак.

В дежурке Сориал сразу же принялся затворять окна, МакГрегори уселся за головной пульт, а Тамура устроился у терминала связи.

Тщетно. Как и Верке, ему не удалось ни с кем связаться. В том числе и с недоверчивым физиком с универовской станции. Молчали рыбаки, молчали животноводы, молчали диспетчерские остальных космодромов, молчал узел связи головной фирмы. Верку — и ту Тамуре не удалось вызвать. Впрочем, она могла убежать из коттеджа к кому-нибудь из девчонок-коллег.

МакГрегори бегло проглядел журнал входящих тиков — ни единого тика зарегистрировано не было. Кем бы ни оказался приближающийся корабль, заявлять о себе и идентифицироваться он не соизволил. Да и вообще аппаратура вела себя странно, такое впечатление, что диспетчерская питалась от полудохлых батарей. А потом вообще все погасло.

— Вот, блин! — выругался Тамура в сердцах. — У меня терминал отрубился!

— У меня тоже, — хладнокровно сообщил МакГрегори.

В этот момент над космодромом с ревом прошел первый штурмовик. Клубящийся фронт достиг космодрома, и теперь стало видно, что вдали, в разрывах туч, кое-где проглядывает брюхо круглого, как блин, гигантского космического корабля. Скорее всего, увы, военного.

— Да что же творится-то, братцы? — жалобно вопросил Сориал, неотрывно глядя в окно.

Ему никто не ответил. Космодрома как раз достигла фронтальная воздушная волна. Плотная и тугая стена воздуха — ее гнал перед собой огромный корабль. Заволновалась трава, взъерошилась стена джунглей, заколыхались верхушки кедрокленов, рониксов и пальмодендронов. Ветер ударил в здание диспетчерской. Хорошо, что Сориал успел закрыть все окна — иначе их вполне могло расколотить о стены или вовсе выдрать из петель. Прозрачный оконный пластик похрустывал и прогибался. Колпак флаера захлопнуло шальным потоком, а сам флаер столкнуло с лысой площадки перед входом в диспетчерскую, опрокинуло набок и несколько раз перевернуло через крышу.

Потом первый поток схлынул; настало короткое затишье. По шевелящейся траве было видно, как к диспетчерской подбирается вторая волна. Корабль тем временем накрыл уже и турбазу, и ближайшие окрестности. Сквозь завихрения потревоженного воздуха стал заметен чудовищный инверсионный след за его кормой.

Не успели Тамура, Сориал и МакГрегори оправиться от первой растерянности, как корабль выронил из-под днища несколько катеров. Чуть позже выяснилось — десантных. Они зависали над космодромным полем, упирали в землю белесые столбы гравитационных лифтов, в толще которых тотчас начиналось вертикальное мелькание и мельтешение. А потом лифты деактивировались и катера взлетали, а на космодромном поле оставались группы инопланетян-пехотинцев. Катер покрупнее сбросил четыре шагающих танка и тоже ушел в то место, где еще совсем недавно располагался зенит, а теперь нагло чернели пятна отверзнутых грузовых трюмов планетарного крейсера.

— Десант, коллеги, — сказал побледневший МакГрегори. — Инопланетяне. Вторжение.

— Вторжение? — недоуменно переспросил Тамура. — На Табаску? Да что здесь достойно захвата? Диспетчерша Верка или кошкун с выводком у беседок?

— А ты можешь подобрать иное название всему, что происходит? — жестко отбился МакГрегори. — Нет, дорогуша, давай уж называть вещи своими именами. Именно вторже-

ние. А значит, на Табаске имеется нечто такое, ради чего инопланетяне решились атаковать не что-нибудь, а планету доминанты Земли. И если мы об этом ни ухом ни рылом, то это лишь подтверждает важность этого... чего-то пока не названного.

Тамура зло хрустнул костяшками пальцев и смолчал. Вероятно, ему нечего было возразить.

— Это кто? Никак не рассмотрю, — жалобно спросил Сориал спустя минуту. Тамура, до боли сжав челюсти и почти не моргая, глядел в окно.

— По-моему, шат-тсуры, — ответил дальнозоркий МакГрегори. — Скелетики. Из высших рас второй волны. Значит, серьезное вторжение, а не кавалерийский наскок каких-нибудь новоразумных. А у нас даже оружия нет.

МакГрегори сокрушенно вздохнул.

— Оружие есть в запасниках, — вспомнил Тамура. — Плазменные охотничьи ружья. Только завхоз вместе с группой на маршрут ушел, а кодов, по-моему, девицы из обслуги не знают.

— Да вы что, с ума посходили?! — воскликнул Сориал. — Какие ружья?! Нас всего трое! Против крейсера! Это ж самоубийство!

— А ты что? — мрачно осведомился Тамура. — Предлагаешь дохнуть покорно? Может, давай выйдем, подставим шеи. Чтоб скелетикам сподручнее резать было...

— Не кипятись, Тамура, — осадил его рассудительный Дэвис МакГрегори. — В чем-то он прав. Втроем мы много не навоюем. Да и до оружия еще добраться нужно.

— И что ты предлагаешь взамен?

— Спрятаться. Пока.

— Куда?

— В лабораторию. Если они не додумаются просканировать все датчиками биомассы, может повезти.

— Так пошли! — моментально вскочил Сориал. — Чего ждать?

Два шагающих танка перли через поле прямо к одинокой башенке диспетчерской. Остальные два, смешно приседая, спешили к зданию космопорта и грузовым терминалам. Де-

сантники разделились: некоторые забрались на броню танков и с относительным комфортом ехали, некоторые рысцой трусили следом за танками.

— Пошли. — МакГрегори оторвался от окна и направился следом за товарищами к лестнице.

На первом этаже они не свернули ко входу, а спустились еще на уровень. Под землю уводили удлиненные пролеты пенобетонной лестницы. Подвальные помещения прятались под поверхностью на добрых тридцать ун — примерно на пятнадцать метров. Высота обычного четырех-пятиэтажного здания.

Каждый космодром по штату обязан был иметь лабораторию для коррекции и проверки астрогационных расчетов. Даже такой кроха, как космодром турбазы на Табаске. В любой момент случайный корабль мог запросить помощь по вычислительным мощностям — вследствие поломки или еще каких непредвиденных обстоятельств. И диспетчерская смена обязана была оказать любую посильную помощь. Но в условиях планеты точность многих измерений оставляла желать лучшего: мешало все, от гравитации до влажности и атмосферного давления. Поэтому каждый космодром комплектовался подземной автономной лабораторией, эдаким гигантским сейфом. Там моделировалось состояние, сходное с околопланетным вакуумом. В этой лаборатории и проводились необходимые измерения. Именно сюда стремились застигнутые врасплох космодромщики.

Двери «сейфа», насколько помнил МакГрегори, с позапрошлого года оставались открытыми. Значит, воздух в лаборатории есть. Не беда, что диспетчерская осталась без энергопитания: шлюз в лаборатории имел полумеханическую блокировку. При необходимости можно было заавтономиться и вручную.

Что они и проделали. Величаво затворилась толстенная дверь, щелкнули замки, негромко пыхнул герметизатор. Тамура потерзал пьезозажигалку, но, кроме искры, ничего высечь не сумел. У МакГрегори нашлись обыкновенные спички: эти зажигались без проблем.

— Техноблокада, мать ее, — ругнулся Тамура. — Даже зажигалка не работает!

— А как же их танки? — спросил Сориал. — Ни хрена не понимаю.

— Экран, — пожал плечами МакГрегори. — Зная частоты подавления, легко от них заслониться. Ручаюсь, оружие у скелетиков исправно стреляет. Хотя я где-то читал, что не всякую аппаратуру возможно заэкранировать.

— А биосканеры нас тут засекут? — мрачно поинтересовался Сориал.

Тамура нашарил в едва разгоняемой огоньком спички темноте дежурный ящик и добыл свечу. Возможно, это смешно, но иногда астрогационные расчеты диспетчерам наземных автономлабораторий приходилось делать при свечах. Дабы свести помехи и погрешности к минимуму.

— Биосканеры... — пробормотал МакГрегори, сохранивший больше всех самообладания и решимости. — Хотел бы я знать! В теории изоляция лабораторий нейтрализует практически любое излучение. Кроме нейтрино и тазионов, разумеется. Стало быть, и поисковый луч биосканера рассеивается. Но до определенного предела. Если у них достаточно мощные излучатели.— они нас засекут. Если ручные — возможно, что не засекут.

— Веселенькое дельце, — буркнул Тамура и поежился. — Игра «выкури крысу из норы». Знаете такую?

— Нет, — сказал Сориал и зябко втянул голову в плечи.

— Если крыса прячется в нору, — терпеливо стал объяснять Тамура, — ее оттуда выгоняют. Например, льют в нору воду, ведро за ведром. Мы в детстве так развлекались.

— А если нора сквозная? Со стоком? — поинтересовался МакГрегори.

— Все норы со стоком. Почти все. Но в этом и состоит смысл игры: добиться, чтобы приток воды оказался выше стока. В этом случае крысе ничего не остается, как выйти. И тогда ее убивают.

— А почему это называется «выкури», если крысу выгоняют при помощи воды?

— Иногда выгоняют при помощи дыма. Но смысл игры не меняется.

— Веселенькие у вас в детстве были игры! — хмыкнул МакГрегори.

— Детские игры всегда жестоки, — равнодушно заметил Тамура. — Впрочем, игры взрослых недалеко от них ушли, Дейв. Думаю, нынешнее вторжение — лучший тому пример.

— А я первое в своей жизни ведро — обычное, жестяное — только в училище увидел. Когда дневалил... — непонятно к чему сообщил МакГрегори и о чем-то крепко задумался.

Никто не ответил.

Сориал зачем-то принялся копаться в дежурном ящике. Выудил еще несколько свечей, спички, пачку чаю, стакан и несколько простеньких приборов.

— О! — со значением сказал он, указывая на один из них. — Это же сшиватель!

Сшиватель внешне немного напоминал пистолет; принцип его действия заключался в следующем: портативный излучáтель давал рассеянный плазменно-лазерный луч, в котором практически любое вещество начисто теряло межмолекулярные связи. Облучи два предмета и слегка сожми их — после выключения сшивателя межмолекулярные связи восстановятся, и предметы окажутся как бы единым целым. Никакого клея не нужно. В определенном смысле сшиватель можно было рассматривать как оружие ближнего боя.

— Техноблокада, — напомнил МакГрегори, шевельнув бровями.

— Ну, не век же ее держать будут! — резонно заявил Тамура и отобрал сшиватель у Сориала.

— А ножей там нет? — поинтересовался практичный МакГрегори.

— Ножей — нет. Только отвертка... и пара щупов.

— Значит, колющее, — подытожил МакГрегори. — Паршиво, братцы, у шат-тсуров очень прочный экзоскелет. Впрочем, ножом его тоже не особо пробьешь...

Снаружи не доносилось ни звука. Поэтому космодромщики так никогда и не узнали, что именно в этот момент к шлюзу лаборатории приблизились четверо шат-тсуров, обшарили все окрестные помещения, потрогали заблокированный ручной замок, тщетно подергали дверь, просканировали зону руч-

ными биоанализаторами, обменялись парой певучих фраз и убрались вверх по лестнице, зачищать турбазу.

Троица диспетчеров просидела в лаборатории до глубокой ночи; потом они приняли решение выбираться. К этому времени все работницы турбазы были пленены десантниками шат-тсуров; в коттеджах без излишней спешки размещался наземный корпус «Сизых скелетов»; в административном коттедже разворачивали штаб, а на месте тренировочных площадок, расширенных при помощи турельных лучеметов, устроили стоянку танков и вездеходов на гравиподушке. Два малых крейсера и корабль поддержки сели на космодроме.

Допрос Верки — номинально старшей на турбазе — шаттсурам ничего не дал. В отличие от остальных женщин она ничем не выдала испуга и растерянности, а на все вопросы офицера-десантника ответила двумя фразами:

— Наши в лесу, на маршруте. И они вам пооткручивают ваши поганые бошки, когда вернутся.

В общем, Шата Урву в итоге достигла следующая информация: на южном космодроме при туристической фирме захвачено восемь пленных, все самки; остальные хомо находятся в лесу, они вооружены и будут оказывать сопротивление при попытке захвата.

Командующий вторжением счел эту информацию вполне удовлетворительной, отдал команду начать поиски этих самых вооруженных «остальных» и, ясное дело, сломить всякое возможное сопротивление. По выполнении — доложить.

Специальный отряд «Сизых скелетов» в этот момент как раз продирался сквозь джунгли к запеленгованному поисковому рейдеру. Рейдер плюхнулся на речное мелководье довольно близко к захваченной турбазе и, похоже, застрял там. Шат Урву решил, что разумно будет перебросить его к космодрому, а там уж осмотреть лично.

С захватом прочих намеченных на Табаске точек тоже не возникло никаких проблем. Вообще. Очень скоро после начала вторжения единственными еще не плененными людьми на планете остались только экипаж поискового рейдера, группа с турбазы да еще одинокий рыбак с небольшого островка,

умотавший накануне (если верить его самке-сожительнице) на промысел десятиногов.

В целом задание Унве выполнялось вполне успешно, о чем командующий не замедлил доложить. Унве остался доволен.

2

Странности Скотч стал отмечать примерно трое суток назад.

Целую неделю, даже больше, все шло в лучшем виде. Туристы осваивались в джунглях и потихоньку учились преодолевать стартовые, еще нестрашные трудности.

В первый же день Хидден выследил здоровенного платочника, подхмелил его как полагается и в нужный момент сбросил с дерева на голову Гуниле Бот. Визгу было — на половину Табаски. Зато муж Гунилы ничуть не растерялся: не раздумывая, сцапал платочника за край, сдернул на тропу и пригвоздил к почве выхваченным мачете. Вообще-то платочники питались исключительно цветочной пыльцой и опасности для человека ровным счетом никакой не представляли. Но Скотч прекрасно понимал чувства новичка в этом диком зеленом мире, когда со свисающих к тропе непроглядных ветвей пальмодендрона на голову тебе или соседу валится что-то большое, почти неразличимое на фоне листвы, да еще совершенно потусторонне стонет при этом. Потусторонность объяснялась просто: платочники между собой общались на низах, прихватывая и инфразвуковой диапазон. В общем, бледный Тентор, расставшись с мачете, в тот же миг схватился за ружье, но Скотч стрельбу счел излишеством, быстро восстановил порядок и всех успокоил. Платочника испекли на прутьях и съели этим же вечером.

Потом Солянка доложил, что совсем рядом с промежуточным лагерем должно пройти стадо титанодонов — животных в целом не опаснее платочника, но видом своим воображение попросту потрясающих. Особенно по первому разу. Ибо размером средний титанодон раза в два с половиной крупнее по-

чти вымершего земного африканского слона и в полтора — селентинского листоеда. Скотч намеренно затянул дневку и выставил в охранение с нужной стороны Фаусто Аркути. Подоляна от греха убрал в противоположную сторону.

Вид стада титанодонов, пробирающихся через джунгли, беднягу Фаусто буквально пришиб. Но Скотч остался доволен парнем: мчаться к лагерю с воплями тот все же не стал. Примчался молча и сразу принялся горячо шептать Скотчу на ухо о чудовищах, которые вот-вот растопчут лагерь. Скотч велел всем зарядить ружья, но ни в коем случае не стрелять. И повел на смотрины.

Титанодоны шли минут двадцать, не меньше — бурые мускулистые туши, опирающиеся на колонноподобные ноги. Полувертикальные туловища и горбоносые головы размером с человека... Скотч никогда не встречал более величественных существ. Да и туристам разговоров и восторгов хватило на остаток дня и следующее утро.

Подоляну выпало плюхнуться в реку при переправе. Труднее всего оказалось не позволить ему плюхнуться раньше времени, до того как он наступит на заботливо ослабленный пролет подвесного моста через Сайру. Двадцатиметровый полет Подоляна все пронаблюдали, затаив дыхание, а потом довольно долго выуживали штатного клоуна из воды, потому что бедняга Акоп, сплавившись метров на сорок вниз по течению, умудрился зацепиться рюкзаком за некстати подвернувшуюся корягу и намертво заякориться, да так неловко, что руками ничего и не поделаешь. Пульт компенсатора Подолян, разумеется, выронил, а запасной лежал в рюкзаке. Так и пришлось ему торчать на перекате, глотая брызги и распихивая ногами настырных рыбин, прущих на нерест и поэтому потерявших всякую осторожность. Подоляна, разумеется, спасли, заодно обеспечив ужин. Уха вышла потрясная.

На следующий день свернули на север и пошли вдоль Сайры. Перед ужином совершенно неожиданно и случайно Воронцов, отойдя по малой нужде, столкнулся с дракотом. Дракот, к счастью, был молодой и уже сытый — собственно, Воронцов вышел как раз к месту его пиршества. Но даже молодой дракот — это дракот, и, завидев человека зверь ринулся в

атаку. Не попади Воронцов ему в башку первым же импульсом, Скотч мог схлопотать первое в своей карьере ЧП с леталом. Но Воронцов попал, и дракот накрыл его уже мертвым. Когти пропороли Денису бок, правда, совсем неглубоко, а зубы оцарапали лицо. Раны Воронцова врачевали все оставшееся до заката время; до самой темноты Скотч не мог улучить минуту и вызвать спасателей для основательной взбучки: прохлопать дракота вблизи маршрута уже само по себе ЧП. Скотч копил злость и с трудом сдерживал громы и молнии.

Воронцову вскоре вкатили сеанс взрывной регенерации, так что тот бессильно валялся в палатке, мокрый как мышь, и более проблем не доставлял. От лагеря Скотч отходить запретил, в кусты наведываться позволил только группами и с оружием.

И надо же этому случиться, что именно в эту ночь ничего не подозревающий о дракоте Солянка оставил Жбана с Хидденом на ночевке, а сам отрубил рацию и поперся в лагерь.

Зачем? О, это вообще отдельная песня. Приблудившийся к группе мистер Литтл обязанностей на маршруте по понятным причинам не имел. Скотчу и Валти было особо не до него, хватало хлопот с туристами. Поэтому за Литтлом никто и не следил. А тот, оказывается, взял моду под вечер прихватывать фляжечку спирта из своего запаса и отползать к невидимкам-спасателям. Приняв дозу, четверка некоторое время болтала в свое удовольствие, а потом Литтл возвращался в лагерь и благополучно заваливался спать, поскольку обитал он в отдельной одноместной палатке из личного запаса, в снаряжении турбазы таких не водилось. А накануне, когда колдовали над ухой, Патрис Дюэль выложила в общий котел целых два пакетика каледонского перца. Скотч подозревал, что каждый из пакетиков стоил больше всего снаряжения группы, вместе взятого, раз в пятьдесят. Присутствующие натурально отвесили челюсти, ибо приправа сия с Новейшей Каледонии практически не вывозилась, да и производили ее ничтожно мало. В общем, жест Патрис был оценен. Литтл, чертов пройдоха, каким-то образом умудрился выведать, что этими двумя пакетиками запас Патрис не ограничивается. А вечером разболтал о случившемся чертову кулинару Солянке. И тот, ясное

дело, в спиртовом угаре не устоял перед подобным соблазном. Тем более что намедни, когда обходил окрестности стоянки, набрел на гнездовье нелетающих птиц-дурынд, а эти твари славились вороватым нравом вкупе с потрясающей сообразительностью, и на них можно было свалить любую пропажу — против этого даже Скотч бы не посмел возразить. В общем, Солянка отловил для верности аж двух дурынд, уточнил у Литтла, в какой палатке обитают Патрис с Валентиной, и отправился на дело. Уголовничек, блин!

Впрочем, в известной изобретательности Скотч пройдохе Солянке отказать не мог. Рюкзаки по распоряжению Скотча вся группа оставляла перед входом, в промежуточном клапане палаточного модуля. Какая-никакая, а преграда, если вдруг какая зверушка в палатку сунется. Поэтому Солянка мало чем рисковал. Он хладнокровно дождался, пока все не расползутся спать, пока Скотч не отойдет от лагеря, дабы пообщаться по рации с остальными спасателями, без труда миновал охранный периметр, пробрался в нужную палатку и принялся беззастенчиво потрошить рюкзак Патрис. Но на его беду, у девчонки оказался на редкость острый слух. Или на редкость развитое чутье. И она решила проверить — что там в клапане творится.

Солянке пришлось в спешке выпускать дурынд и ретироваться в ближайшие кусты. На дурынд Патрис и Валентина среагировали одинаково и вполне для женщин естественно — визгом. Скотч выронил рацию и помчался в лагерь, как раз через кусты, где намеревался спрятаться Солянка. Попадаться на глаза боссу Солянке не хотелось совершенно, поэтому он упал куда попало и затаился. Оказалось — в лужу, где кишмя кишели озерные крабы, за что Солянка поплатился немедленно. Куснули его не то шесть, не то семь крабов сразу. Тут и одного укуса врагу не пожелаешь... И вдруг — шесть! Или даже семь. Короче, Солянка плюнул на субординацию и спасательскую тайну и из лужи восстал — на свою беду, прямехонько в гостеприимные объятия Скотча. Вскоре и Валти подоспел.

В общем, туристов успокаивали долго и нудно. Потом Солянка по полной программе огреб от Скотча — позже и в других кустах. Уходить к Жбану и Хиддену пришлось хромая,

несолоно хлебавши и вдобавок с взысканием в пассиве. А самое смешное в этой совершенно дурацкой истории выяснилось только наутро. Птицы-дурынды, не будь дурынды, таки умудрились под шумок спереть у Патрис записную книжку, а у Валентины — зеркальце! В другой ситуации все сотрудники «Экзотик-тура» хохотали бы над такой историей до полусмерти, но ни Солянке, ни Скотчу в тот раз было совсем не до смеха. Записнушку Патрис потом все-таки нашли, в гнездовье, куда Скотч привел всех утром. Включая уже вставшего в строй Воронцова. А зеркальце кануло без следа.

Наутро Солянка протрезвел. И ужаснулся содеянному. Он в жизни никогда ничего не крал — да и тут, если напрячь извилины и вспомнить вчерашнее, речь шла не о воровстве. Солянка хотел приготовить вкуснятины и, разумеется, накормить до отвала всех, включая хозяйку чудодейственной приправы. Причем Солянка не гнался даже за славой, понимая, что спасательскую анонимность Скотч раскрыть не даст. Нормальному повару, может, раз в жизни выпадает такой шанс — приготовить фирменное блюдо, приправив каледонским перцем...

Но все эти веселости, если отрешиться, были нормальными походными буднями. Конечно, с перегибами — дракот, возмутительное поведение Солянки, — но все же буднями. А потом как-то сразу, в нарастающем темпе начали происходить совершенно нештатные вещи и приключаться совершенно незапланированные приключения.

Первым звоночком скорее всего выступил пустой склад неподалеку от Мангрового залива. Склады, случалось, разорялись животными. Но тут постарался кто-то явно разумный.

Скотч вывел группу к складу с изумительной точностью, даром что тот отстоял от тропы чуть не на полтора километра. Но крюк к Мангровому заливу был запланированным — подобное зрелище предназначалось именно для туристов. Деревья на ножках, целая роща, и совершенно потрясающая фауна. Одни озерные крабы чего стоят! Ходячие плоскогубцы, едрить их... О том, чтобы бродить среди мангров босиком, даже речь не заходила. Тут и болотные сапоги могли не спасти. Ядовитыми крабы не были, просто их клешни легко развивали неправдоподобное, чудовищное давление на квадратный сан-

тиун. Но зато как вкусны, заразы! Что в супе, что просто вареными, что вялеными — пальчики оближешь. Охотиться на крабов Скотч, естественно, приказал Солянке. Поэтому тот с утра булькал в заливе подальше от туристских глаз, а Скотч взял Цубербюллера с Семеновым, пару пустых рюкзаков и направился к складу.

Склад располагался на склоне небольшого холмика, поросшего молодыми пальмодендронами, и был обращен входом в противоположную от залива сторону. Небольшое, словно игрушечное пластиковое крылечко, запертая дверца, которая впору пришлась бы разве что детской кукле, электронный замок...

Замок был не вскрыт — просто вырезан. То ли специальным резаком, то ли какой-нибудь импровизированной горелкой или электроимпульсным аппаратом. Скотч будто вкопанный замер, когда увидел это. Затем порывисто шагнул, присел на одно колено и потянул дверцу на себя.

Внутри не осталось ничего. Вообще.

Ни одна тургруппа сроду не опустошала склад больше чем наполовину — старая и оправданная традиция. Мало ли что может случиться? Зная, что вдоль маршрута всегда возможно пополнить запасы провизии, любому гиду легче дышится.

— Ух ты, — озадаченно сказал Цубербюллер. — Пусто!

Он и Семенов не впервые ходили со Скотчем к разбросанным вдоль маршрута складам. Один поход даже совместился с мелким приключением. Очень некстати не пожелал открываться замок; охранную систему пришлось ломать, подключившись к ней с шикарной записной книжки Патрис, каковую книжку, в свою очередь, очень удачно потом спасли из гнездовья дурынд. Систему, разумеется, разобрали по кирпичикам, по базовым элементам, с воодушевлением затарились продуктами, ну а тот факт, что Скотч закрывал склад уже в совершенно штатном режиме на совершенно исправный замок... Зачем об этом знать туристам? Незачем, однозначно.

— Так... — Скотч никогда долго не убивался попусту. — Вместе с эн-зэ продуктов у нас дня на три. Причем это если не охотиться и не экономить. Так что голодная смерть нам пока не грозит. Но охотиться все равно придется.

— А ближайший склад далеко? — поинтересовался Семенов. Тон у него был на редкость бесцветный и никаких эмоций не выражающий.

— Пару дней. Но я хотел сегодня задержаться, залив показать. И...

— Ну, наверное, можно вызвать кого-нибудь, чтоб мотнулись на флаере. А еще лучше — чтоб с турбазы доставили продуктов.

Турбаза сегодня с утра не ответила, но болтать об этом Скотч, разумеется, не стал. Да и вызывал он в нештатное время, а Верка наверняка не торчит безвылазно в административном коттедже. Скорее уж, по обыкновению, мокнет в ванне. Этот процесс среди персонала даже название специальное получил. Где, мол, Верка? А, как всегда, жабры отращивает. Поэтому Скотч особо пока не волновался — Верка отвечала не чаще чем через раз и вчера, и позавчера, и днем ранее. А вот полупрозрачный намек Семенова на то, что наверняка есть кому мотнуться в крайнем случае на флаере, Скотчу не очень понравился. О спасателях Семенов прознал, что ли?

Да и вообще, Скотч пару раз ловил себя на мысли, а Семенова — на каком-нибудь действии, странном с точки зрения дилетанта, но совершенно оправданном для завсегдатая джунглей. Например, Скотч понял, что Семенов очень неплохо разбирается в следах. У Цубербюллера также имелись некоторые навыки, но Цубербюллер плохо знал местную фауну. А Семенов как-то обратил внимание Скотча на свежий послед дракота. А потом взглядом указал на пальмодендрон, о который дракот явно точил когти. Или когда стоянку намедни выбирали — Скотч еще не успел заикнуться, что от тропы антилоп Фрязина лучше убраться подальше, как Семенов подхватил уже было опущенный на траву рюкзак и зашагал в нужную сторону.

— Пойдем-ка назад, — буркнул Скотч, пряча глаза. Не хотел он пока выяснять отношения с Семеновым, тем более что тот вовсе не отягощал и без того перегруженных заботами Скотча и Валти, а наоборот — всячески помогал и способствовал.

Дверцу Скотч просто прикрыл, попутно перехватив не то сочувственный, не то насмешливый взгляд Семенова, как бы говорящий: «Надо бы заварить, командир!»

Но Семенов вслух, конечно же, ничего не сказал.

— Если честно, — признался Скотч, обращаясь почему-то к Цубербюллеру, — пару раз бывали случаи, когда склады опустошались. Но не так. Однажды батарейка в замке сдохла — кошкуны тут как тут, все разорили. Однажды по весне отлинявший хурмач сломал дверь и выжрал все, что нашел, дотла, даже рюкзаки. Но еще ни разу склад не вскрывали при помощи резака.

— Резака? — скептически переспросил Семенов. И продолжил: — Это не резак, коллеги. Это лазер. Боевой лазер в экономичном режиме, на минимуме мощности.

Скотч даже замер на полушаге. Потом медленно обернулся.

— С чего ты взял, что это лазер, а не, скажем, какая-нибудь строительная импульсная пукалка?

Семенов чуть заметно пожал плечами:

— По разрезу видно. Импульсные резаки пунктир делают. Горелка дает окалину и черные пятна. Ни того, ни другого в данном случае я не наблюдал. Значит, лазер.

— А с чего видно, что боевой?

— Потому что только боевой лазер на минимуме мощности прошьет пластик такого типа и такой толщины насквозь и оставит следы на дальней стене склада. А если бы был не минимум... Все равно разрез выглядел бы иначе.

Скотч мысленно ругнул себя. На дальнюю стену он вообще не удосужился взглянуть. Детектив, елы-палы!

Впрочем, никакой он не детектив. Он гид. Хороший гид хорошего тура, во время которого никакие стервецы обычно не вскрывают продуктовые склады вдоль маршрута боевыми лазерами. Пусть даже и на минимуме мощности. И если такая фигня случилась — нужно немедленно разобраться и наказать мародеров. Ведь тут — заповедник. Тут имеют право находиться только сотрудники и клиенты «Экзотик-тура» — и никто более. Лицензия все-таки.

Валти встретил Скотча вопросительным взглядом — видно было, что троица идет налегке.

— Склад пуст, — тихо сообщил напарнику Скотч. — Вскрыт лазером, похоже, что боевым.

Брови Валти изумленно уползли на лоб.

Было от чего.

В тот день питались исключительно крабами, благо Солянка, стремящийся искупить вину, наловил их совершенно неподъемную прорву. От туристов факт ограбления продуктового склада Скотч скрывать не стал — худа от такого приключения не будет. Даже в одиночку гид в состоянии поохотиться и настрелять дичи для полутора десятков человек. Заповедник же. Зверья — море. Да и тот факт, что поблизости могут бродить вооруженные боевым лазером люди или чужие, тоже скрывать не следует — пусть группа будет начеку. Но впечатление от красот Мангрового залива все же заметно смазалось. Лагерь караулить Скотч велел мистеру Литтлу, а сам, предварительно мигнув Солянке, чтоб прятался, привел народ на берег. Народ немедленно схватился за камеры, запечатлеваться на первозданном фоне. Ко всеобщему удивлению, камеры работать отказались, словно у всех сразу сели батареи. Потом немного половили крабов; без соответствующей сноровки и при отсутствии должных навыков улов получился жалковатый, но Валти незаметно натаскал из кустов добычу Солянки, усиленно делая вид, будто охотится на крабов чуть в отдалении. Поэтому все остались довольны — и по мелководью бродить долго не пришлось, и каждый по паре крабов изловил, и три рюкзака набили в итоге.

Следующим днем снялись после легкого завтрака из остатков вчерашнего пиршества. Еще в дороге Валентина Хилько вспомнила и рассказала Скотчу о том, что дня три назад видела в небе довольно яркий болид, который должен был бабахнуться с соответствующей помпой. Но ожидаемых шумовых и сейсмических эффектов не воспоследовало, из чего можно было заключить, что никакой это не болид, а вовсе даже космический кораблик, посадочный модуль, вошедший в атмосферу с превышением скорости. Скотч попытался восстановить события и привязать их к местности — выходило, что

вышеупомянутый «болид» свалился как раз куда-то в окрестности Мангрового залива. Тут уже было над чем задуматься: Скотч моментально объявил привал и убрел в сторону перемолвиться со спасателями и связываться с базой. Ибо все больше убеждался: в заповедник пожаловали браконьеры.

Спасателям он все рассказал, а база так и не ответила.

А ближе к вечеру Цубербюллер заметил далеко на западе еще один космический корабль. И не какую-нибудь жалкую браконьерскую шлюпку — что-то большое. Даже очень большое. Но рассмотреть получше корабль не удалось — он набрал высоту и исчез в небесной синеве.

Это мог быть и транспорт компании — такой корабль некогда садился на месте нынешнего космодрома (он-то и доставил на Табаску все необходимое для закладки турбазы). Но мог оказаться и не транспорт.

А уже после заката Скотч окончательно убедился, что рация не работает. Просто не работает, и все, хотя и батареи вроде бы несевшие, и не перегорело ничего, и не ронял он ее, рацию, на булыжную твердь.

Ночью Скотч спал плохо — все прислушивался. А потом и вовсе встал, отправив клюющего носом Подоляна в палатку. От греха. Лучше самому подежурить, оно надежнее. Вскоре выполз и Валти, выглядевший угрюмее, чем обычно.

— Не спится? — буркнул он. — А Литтл, змей, опять спирт со спасателями глушит.

— Вернемся, я им покажу, — пообещал Скотч мрачно. — Даже директорскую униформу не поленюсь надеть. Хлебнут они у меня сладкой, блин, жизни...

— Погоди, нужно еще вернуться, — мягко сказал Валти. — И мне кажется, что проблем мы хлебнем сначала с возвращением.

Скотч насторожился:

— Ты о чем?

— Да как-то все... криво. Ты разве не чувствуешь?

— Чувствую, — признался Скотч. — Причем со вчерашнего дня. Или даже еще раньше.

— Я тоже чувствую.

Но в ту ночь они напрасно вслушивались в голоса джунглей и напрасно вглядывались в слегка разбавленную лунным светом темень. Не произошло ничего плохого.

Плохое произошло следующим полуднем.

Гиды по очереди несколько раз пробовали вызывать турбазу или спасателей. Тщетно. В полном молчании позавтракали, без обычных шуточек-прибауточек Подоляна и неожиданных выходок Дениса Воронцова. Деликатесные озерные крабы не лезли в горло. В воздухе копилось и копилось напряжение — туристы уже давно почувствовали: что-то идет не так в их «Экзотик-туре». И если прежние приключения переживались весело, то теперешняя ситуация действовала на всех угнетающе. Даже на невозмутимого перевертыша Нути-Нагути.

Скотч как раз подумывал — не взяться ли снова за мертвую рацию? Мало ли, может, какие помехи, может, какое-то неизученное атмосферное явление Табаски глушит передачи. Вдруг оно прошло?

Первым две ковыляющие от сплошной стены леса фигурки заметил даже не кто-нибудь из гидов — заметил Семенов. Одна поддерживала другую, хромающую. Семенов сощурил глаза, вглядываясь в даль, а Скотч поневоле проследил за его взглядом.

Секундой позже Скотч вскочил. С большого расстояния в фигурках трудно было распознать двоих спасателей, Солянку и Хиддена, однако основной гид-инструктор «Экзотик-тура» все же узнал своих подчиненных. Но самое интересное открылось, только когда они приблизились.

Оба были в изорванных комбинезонах, грязные как черти. Без оружия, без рюкзаков. У Хиддена была опалена борода; кроме того, он сильно хромал. У Солянки вся левая половина лица превратилась в сплошной черно-синий кровоподтек и не все было в порядке с левой рукой, тем не менее он помогал ковылять Хиддену. Оба изо всех сил спешили к лагерю; видно было, что держатся они исключительно на нервах, у самого предела, за которым падают без сознания. А то и замертво.

Конечно же, обоим помогли дохромать и принялись хлопотать над ними с медицинскими пакетами наперевес. Правда, роли при этом сменились на прямо противоположные — вокруг номинальных спасателей Солянки и Хиддена хлопотали простые туристы. Все, кто платил деньги в том числе и за то, чтобы эти полуживые люди охраняли их на Табаске.

Скотч хмуро глядел на это. Потом встретился взглядом с Валти.

Зубр туристического бизнеса Табаски выглядел растерянным, но по блеску глаз и перекатывающимся ниже ушей желвакам Скотч понял, что напарник вот-вот наберется решимости. Дабы действовать нештатно. И поэтому Скотч решил самостоятельно переключить группу в режим «экстра».

— Так! — рявкнул он зло. — Внимание всем! Денис, Акоп, Фаусто, Орнела! Бросай пакеты, Орнела, ранеными займемся мы. Давайте вчетвером во-он туда, к тропе. Залечь, схорониться, контролировать оба направления. Если что не так — дать знать сигнальным выстрелом в воздух и отходить к лагерю. Напоминаю: обойма с сигнальными выстрелами помечена красной полосой. Костя, Валентина, Нути! Вы — к реке. Все то же, контролируете русло, и вверх, и вниз по течению. Патрис, Влад — вы к лесу, там смотреть меньше, вдвоем справитесь.

— В лесу нас скорее спеленают или убьют, чем здесь. И увидим мы с гулькин нос, если твоих людей так обработали, — невесело предупредил Семенов. — Впрочем, если надо — мы пойдем.

Бледная, но решительная Патрис переводила взгляд со Скотча на Семенова и обратно в ожидании окончательного приказа.

«Умный, черт! — подумал Скотч о Семенове. — Ведь правду говорит, много они там не накараулят».

— Ладно, в лес не суйтесь. — Скотч кашлянул в кулак и принял из рук Орнелы медицинский пакет. — Вон там, у пригорочка пристройтесь.

— Добро. — Семенов подхватил ружье и встал. — Пойдем, Патрис...

Девчонка охотно последовала за Семеновым: чувствовалась в нем какая-то неоспоримая скрытая сила, уверенность и надежность. Женщины это сразу отслеживают, неким таинственным женским чутьем, и держатся за таких мужчин мертвейшей хваткой.

Остальные тоже разошлись по указанным направлениям.

— А нам что? — в один голос спросили супруги Бот. Они выглядели очень серьезными и очень растерянными.

— А вы занимайте позицию у продуктовой палатки и глаз не сводите с неба. Оттуда тоже могут... пожаловать, — нашелся Скотч.

В сущности, ему нужно было на несколько минут разогнать всех туристов, дабы приватно побеседовать со спасателями. И если уж разгонять, справедливо рассудил Скотч, так хоть с толком, а не тупо. Смех смехом, но в группе уже далеко не те беспечные увальни, которые совсем недавно прибыли на Табаску.

Боты, побеждая остатки одышки, направились куда сказано. Можно было вздохнуть с облегчением: наконец-то гиды остались со спасателями наедине, без посторонних ушей.

— Докладывай, — велел Скотч Солянке. Несмотря на разбитую физиономию и подраненную руку, выглядел Солянка получше Хиддена.

— Нас атаковали, босс...

— Где Жбан?

— Не то убит, не то в плену. Мы не видели.

— А Литтл?

— А разве он не здесь? — Солянка зло харкнул на траву. — Он ушел еще ночью. До того как на нас напали.

— Кто напал?

— Солдаты. Инопланетяне. Приплыли по реке, на катере.

— Что за катер? Тип, размеры?

— Наш катер. «Амфисбена», такие у рыболовов на севере в ходу.

— Разговор был?

— Нет, они сразу начали стрелять. Не знаю, как нам удалось уйти, шеф. Впрочем, они нас не слишком старательно

преследовали. Кажется, больше их интересовал бункер у Дуплистого леса.

— Тьфу. — Скотч начинал злиться. — Вы навели их на бункер?

— Надо же было подбросить вам провизии после вчерашнего? — тихо сказал Солянка и умолк. А потом глухо добавил: — Бедняга Жбан...

— Валти, глянь, в палатке Литтл или нет. Может, дрыхнет, алкаш хренов?

Валти сбегал. Вернулся, хмуро покачал головой из стороны в сторону. Значит, не дрыхнет...

Скотч с усилием отогнал черные мысли и попытался сформулировать очередные вопросы:

— Чем нападавшие были вооружены? Раса какая?

— Вооружены легкими лучевиками. Раса — вроде «скелеты». Я плохо рассмотрел, они все в камуфляже были, — ответил Солянка.

— Вот, значит, почему база не отвечает... — зло сказал Скотч. — Пираты чертовы! Неужели и там всех... повязали?

О самом худшем Скотч боялся говорить вслух. Не укладывался у него в голове тот факт, что на базе все могут быть уже мертвыми. Все — девчонки-диспетчерши во главе с беспутной Веркой, Мартина, хлопцы с космодрома. Все-все.

— Вряд ли это пираты, Скотч, — угрюмо пробасил Валти. — Пираты — по большому счету сброд. И средств глобальной техноблокады у них обыкновенно не бывает.

— Блокады?

— А отчего, по-твоему, сдохли рация, все браслеты, навигатор? Не в том дело, что нам база не отвечает. Дело в том, что наши рации ни хрена не передают.

— А ружья почему действуют?

— А что — ружья? Синтеза там нет, сетевых компонентов тоже. Проще ружей только ледорубы — этими тоже удастся попользоваться, можешь проверить. К тому же, если техноблокаду ставят военные, на простейшее оружие она, как правило, не распространяется. Десинтор какой-нибудь или спинкрешер однозначно сдохнет. А плазменник или древний сактомет все равно будет плеваться, ибо что ему сделается? Иное

дело — средства связи. Они хоть и несложные, а подавляются всегда и с первых же минут.

— Черт, — выругался Скотч. — Если это не пираты, тогда кто?

Валти не успел ответить.

— Корабли! — послышался истошный крик Тентора. — Корабли в небе! На западе!

Все разом вперились в голубой купол над Табаской.

Кораблей было четыре; построившись ромбиком, они резво неслись куда-то в направлении Мангрового залива. За каждым тянулся ватный инверсионный след, ясно видимый на фоне глубокой синевы. Шли они на высоте от силы полукилометра; каждый походил на наконечник копья, насаженный на длинную иглу.

— Вон еще, — подсказал незаметно откуда вынырнувший Семенов. Похоже, он вообще никуда не уходил. Подслушивал, сидя за ближайшей палаткой.

Скотч поглядел, не успев возмутиться самоуправством Семенова. Над Сайрой шла еще одна четверка. В тот же момент заливисто бабахнул сигнальный выстрел — небось туристы-наблюдатели у реки решили предупредить о кораблях.

— К палаткам! — чужим голосом рявкнул Скотч и подхватил болезненно охнувшего Хиддена.

Все попрятались; маскировочный окрас палаток делал их малозаметными на фоне окружающего пейзажа. К тому же лагерь Скотч благоразумно расположил в небольшой рощице, окруженной довольно просторным лугом.

— Ты почему здесь? — жестко спросил Скотч Семенова.

— Уходить отсюда надо, Вадим, — мягко сказал Семенов. — Поверь мне.

Вопрос он ненавязчиво проигнорировал.

Поинтересоваться, почему именно он должен верить Семенову, Скотч решил несколько позже. Когда чужие корабли пролетят мимо. Казалось — так и произойдет, они уже начали удаляться...

И вдруг ближний к лагерю порывисто нырнул к земле, а остальные стали закладывать плавный разворот.

— Проклятие! — выдохнул Валти. — Обоймы у нас где?

— У меня — на поясе, — зло буркнул Скотч.

— Поясных может не хватить...

Скотч проверил — не считая сигнальной, обойм было четыре, по тридцать шесть выстрелов каждая. Плюс еще не до конца расстрелянная примкнутая. На что, черт возьми, намекает Валти?

Корабль тем временем завис недалеко от опушки и уперся в траву туманным столбом гравилифта. В столбе замелькали силуэты десантирующихся иноплянетян. Вопреки ожиданиям, по высадке корабль не ушел вверх, а протянулся метров на полста в сторону и мягко сел. Мягко и практически бесшумно — да и когда он летел, слышался только сухой свист рассекаемого плоскостями воздуха.

Десантников насчитывалось десятка три, не меньше. Скотч на всякий случай взглянул на небо — остальные три корабля по спирали кружили над окрестными джунглями.

«А ведь у них биодетекторы! — дошло наконец до Скотча. — Ищут людей! И миниатюрные регистраторы небось высевают!»

Чужие шли точно на лагерь. Они и впрямь походили на скелетов, только состоящих из неправдоподобно толстых костей. Каждое ребро толщиной в руку взрослого мужчины. В области бицепса. Так что и не поймешь толком: то ли это действительно скелеты с толстыми костями, то ли странные существа с добрым десятком продолговатых щелей в теле.

— Интересно, где же камуфляж? — с некоторой иронией вопросил Валти и поднял винтовку.

Первый залп смел шестерых чужаков. Стреляли все, даже синеликий Солянка. Даже бледный, как ухтинский снег, Хидден. Даже несдрейфившие Тентор и Гунила Боты. И со стороны леса по чужакам тоже стреляли — меж кустов опушки то и дело расцветали синие искры на плазмогасителях.

«Скелеты» сразу же залегли. В ответ они пальнули всего раз-другой, а потом стрелять и вовсе перестали. У Скотча неприятно заныла душа: не дай бог кто-нибудь из туристов сунется из леса! Но, к счастью, никто не сунулся.

— Херово дело, — неожиданно прокомментировал Семенов. Кажется, происходящее его ни капельки не взволновало.

Такое впечатление, что каждый день, за исключением законных выходных, ему доводилось затевать рискованную перестрелку с непрошеными пришельцами в заповедник.

— Что такое? — сипло поинтересовался Солянка.

— Они не стреляют в нас. Значит, приказано брать живыми. Сейчас мозголомку какую-нибудь врубят, и нам хана. Соберут тепленьких, как грибы. Не пикнем даже.

— Какую еще мозголомку? — зашипел Скотч. Слова Семенова ему крайне не нравились.

— Психотропную, — спокойно пояснил Семенов. — Возобладает над тобою великая печаль пополам со скорбью, и направишься ты, голубец, прямо в лапы к этим дыротелам. Добровольно.

— Он прав, Скотче, — хмуро подтвердил Валти. — Во время прежней войны при десантах так и поступали, если не нужно было зачищать территорию.

— Да какая, мать вашу, война? — заорал, позабыв об осторожности Скотч. — Это же браконьеры!!

— Никакие это не браконьеры, — фыркнул Семенов. — Регулярный флот Тсурры. «Сизые скелеты», пустотники. А этих, — Семенов кивнул на Хиддена и Солянку, — судя по описаниям, подпортил спецназ или десант.

Тут разговор захлебнулся, потому что из леса, стреляя на ходу, поперли Воронцов, Подолян и Фаусто Аркути. Перли они прямо на залегших шат-тсуров.

— Ах ты, мать твою! — снова заорал Скотч, вскакивая. — Куда, идиоты, под импульсы?

Но шат-тсуры не стреляли. Просто лежали и ждали, хотя было видно, что они переползают с места на место, перегруппировываются. Наверное, чтобы удобнее встретить бездумно-отважную психическую атаку троицы туристов.

— Тю! — недоуменно сказал Семенов и тоже вскочил. Только в отличие от Скотча он, не теряя ни мгновения, ринулся вперед.

Ружье он не взял.

Матерясь, Скотч понесся за ним следом; охнул и присоединился Валти; сцепив зубы, поднялся и с трудом потрусил Солянка. Даже Тентор Бот, прижав ружье к груди, встал и на-

ладился было следом, но Гунила тут же сцапала его за рубашку. Бледный Хидден глухо попросил:

— Вкатите мне кто-нибудь обезболивающего, а? Куба четыре. Лошадиную дозу, черт вас всех побери! Я же стрелять не могу, плечо немеет!

Им занялась Патрис Дюэль, как раз вернувшаяся в лагерь с противоположной стороны.

Воронцова, Подоляна и Фаусто тем временем спеленал авангард шат-тсуров. Как понял Скотч — при помощи тривиальных парализаторов. Нескольких «скелетов» героическая троица таки подстрелила, но почему-то это представлялось слабым утешением.

Семенов несся вперед, как курьерский вездеход на гравиподушке. Не замечая ни рытвин на лугу, ни кротовых кучек, ни густого репейника. Скотч и остальные определенно отставали. Семенову навстречу тоже встали несколько «скелетов» с парализаторами, а олух Семенов не захватил ружья. Валил бы их сейчас на бегу как зебр на сафари...

Но Семенов непостижимым образом завалил их и без ружья. В одной руке он теперь держал мачете, а во второй — тонкий серебристый стержень длиной в локоть. Стержень Семенов держал за середину. Сквозь ряд встречающих шат-тсуров он прошел словно импульс из плазменника сквозь газету. «Скелеты» ломались, как шоколадные. Сразу в нескольких местах ломались.

В общем, пока к месту стычки доковылял Солянка, в живых не осталось ни одного чужака. Вернее, еще не умершие были — Скотч с ужасом взирал на перебитые толстые «кости», из которых сочилась густая коричневая жидкость. На проломленные черепа, на зернистую субстанцию во все той же коричневой жиже. Некоторые шат-тсуры еще дергались. Но сопротивляться больше не мог ни один. Большая часть из трех десятков была все же застрелена, меньшую — с дюжину примерно — обработал лично Семенов. На этих смотреть было особенно страшно.

Как только локальная победа стала очевидной, Семенов развернулся, подобрал с земли какой-то предмет из арсенала чужих (но не стандартный биопарализатор — парализаторы

Скотч в свое время даже в руках держал) и так же неотвратимо попер к севшему кораблю чужих. К сожалению, не добежал: корабль немедленно взлетел. Семенов сразу замедлился и встал, недовольно глядя в небо.

Не веря себе, Скотч глядел, как корабль набирает высоту, присоединяется к троице, как раз завершающей очередной виток спирали, и все звено, перестроившись, убирается прочь, на юго-восток, в сторону турбазы.

— Отбились! — прохрипел Валти и зашелся в затяжном приступе кашля. — Мамочки мои, мы их отогнали!

Из леса уже мчалась Орнела Аркути, а от речной опушки — Цубербюллер, Валентина Хилько и перевертыш. Семенов прекратил бесцельно пялиться в опустевшее небо и торопливо зашагал обратно.

Едва он приблизился, Скотч распрямился ему навстречу и набрал полную грудь воздуха. Но Семенов упредил вопрос и резко вытянул руку ладонью вперед:

— Объяснения потом, Вадим! Нам нужно убраться отсюда, прежде чем они пришлют подмогу. На этот раз не пехтуру, а спецназ, можешь не сомневаться.

Слова присохли к горлу. Он был прав, этот человек-загадка с затертой фамилией и заурядной внешностью. Засветилась группа «Экзотик-тура» весьма качественно.

Скотч хмуро глядел, как Семенов снимает с груди каждого из мертвых шат-тсуров небольшие шарики на вакуумном крепеже — не то датчики, не то еще что. Почему-то Скотчу совершенно расхотелось задавать вопросы.

Наконец Семенов закончил мародерствовать, выпрямился и выразительно взглянул на гидов.

— Снимаемся! — послушно скомандовал Скотч, взмахнув рукой.

И подумал: «Интересно, кто кем командует?»

Никогда еще лагерь не сворачивался в такое рекордно короткое время. И это при том, что Воронцов, Подолян и Фаусто валялись парализованные и, следовательно, ничем помочь не могли.

Зато остальные буквально летали.

В джунгли они вломились на максимально возможной скорости. По свежей антилопьей тропе к водопою; потом свернули на север, вдоль Сайры. Скотч нарочно выбирал места, где водилось много крупных копытных: он прекрасно помнил о биодетекторах.

И еще одна деталь сильно его беспокоила. Отсутствовал мистер Литтл, беспутный завхоз турбазы. Скотч даже не смог отследить момент его исчезновения.

3

Между тем в отсутствии мистера Литтла не содержалось никаких особенных тайн. Завхоз довольно скоро уловил нервозное состояние гидов после цепочки неприятных событий. После выходки Солянки, после опустошенного склада, замеченного Цубербюллером подозрительного космического корабля в небе, неработающей рации... Солянку на подвиги спровоцировал, если разобраться, как раз мистер Литтл. Точнее, спирт мистера Литтла; сей прискорбный факт отнюдь не добавлял настроения. Поэтому день после ловли крабов в Мангровом заливе Литтл выглядел мрачнее тучи, невзирая на то что с самого утра тяпнул полтораста грамм. Стало только хуже.

Вечером сделалось вообще невмоготу — напряженные лица гидов и постепенно поддающиеся худым настроениям туристы сильно действовали на нервы. Литтл потихоньку нацедил спирту из подушки во флягу; улучив момент, незамеченным подался в кусты и направил стопы в сторону стоянки спасателей.

Те обыкновенно устраивались на ночевку в километре-полутора от группы, не дальше. Нельзя сказать, что Литтл успел стать на Табаске знатным следопытом, но вообще-то стандартный маршрут Скотча и Валти изучил неплохо. И основные места стоянок — тоже. Поэтому, невзирая на темноту, к прикрытому огнеупорным куполом костерку спасателей он вышел без всякого труда.

Молча приблизился, молча подсел, молча разлил по походным стаканчикам. Спасатели молча выпили.

Происходящее им тоже нравилось не слишком. Вечерняя беседа со Скотчем мало что прояснила — вроде бы не находилось достойных поводов, дабы прервать тур, но и продолжение порою представлялось непростительной ошибкой.

За местный стоминутный час было произнесено не более полутора десятков слов. Когда закончился спирт, недавно проштрафившийся Солянка сгоряча выкатил бутылку селентинского хереса, и вот эта-то полировочка, по-видимому, Литтла и сгубила. Во всяком случае, как пили, он еще помнил. А вот как отправлялся обратно в лагерь — уже нет. Спасатели, оставив Жбана на часах, отключились; Литтл прошел метров триста по направлению к лагерю, после чего позорно свалился в куст пушунии и захрапел.

Его хранила судьба: перед самым рассветом мимо проходила матерая виверна — местный хищник, один из самых опасных. Внешне виверна напоминала куницу при габаритах, сравнимых с габаритами леопарда. Говорят, дуракам и пьяным везет: виверна еще не успела как следует проголодаться после ночной трапезы и сейчас просто подбирала место под дневку. Она осторожно понюхала ботинок Литтла, потом руку. Уловила запах спиртного, возмущенно фыркнула, нерешительно покрутилась у кустов и пошла прочь.

Литтл так и не проснулся.

Солянка с Хидденом тоже не спешили вставать. Лишь когда солнце забралось даже под плотный полог джунглей, Жбан толкнул приятелей и улегся поспать. Хидден прошел вокруг лагеря — так, на всякий случай, — а Солянка отправился за водой. Тут-то и накрыли их десантники шат-тсуров.

Жбана подстрелили спящим, в плечо. Он дернулся, попытался встать и рухнул, сраженный вторым выстрелом. Хидден, как раз подходивший к стоянке, успел наудачу пальнуть в неясную расплывающуюся фигуру впереди на тропе и сиганул в заросли. К слову сказать, выстрел его оказался удачным: плазменный импульс пришелся шат-тсуру прямо в голову. Солянка, набирая воду, заметил уткнувшийся в берег неподалеку морской катер «Амфисбена», чему немало удивился, а

уже на обратном пути услышал выстрелы и окончательно осознал: творится неладное. Вскоре он засек двоих чужаков на тропе, совсем близко, метрах в пяти. Засечь их раньше помешал боевой камуфляж. Солянка швырнул котелок с водой в одного и пальнул во второго, но только ранил. И тут его крепко приложили чем-то по голове, слева: как видно, чужаков было много и они успели рассредоточиться по окрестностям. Метрах в двадцати ближе к лагерю матерился и стрелял направо-налево Хидден, а потом охнул и неловко упал на спину: ему повредили ногу. Секундой позже совсем рядом оглушительно бабахнуло: разорвалась граната. Этот взрыв уложил второго шат-тсура и ранил еще двоих. Гранат у спасателей с собой не было, значит, разорвалась чужая. То ли кто-то из десантников лопухнулся, то ли плазменным импульсом ее зацепило — взорвалась, словом. Десантники благоразумно отступили, ибо не привыкли нести такие потери при банальной зачистке. Жбана они прихватили с собой. Солянка не замедлил этим воспользоваться: для острастки пострелял им вслед, сменил обойму в ружье и подполз к Хиддену. Тот был бледен, но в сознании.

— Ты как? — спросил Солянка.

— Нога, — ответил Хидден, пытаясь приподняться на локте. — Жбан у них...

— Уходить надо. — Солянка бегло осмотрел рану Хиддена. — Жить будешь. Ходить тоже.

— А Жбан?

— На нас туристы, Хид, не забывай. Да и не отобьем мы Жбана, вон их сколько. Разве только все вместе. Так что...

Он помог Хиддену подняться, подставил плечо, и спасатели неуклюже похромали прямо сквозь заросли. Солянка поминутно оглядывался, но чужие почему-то их не преследовали. Через четверть часа они вышли к лагерю туристов.

Мистер Литтл пришел в себя во время короткого боя. Голова после вчерашнего предательски раскалывалась, а самое плохое, что при себе не нашлось ни капли воды. Только пара капель спирта во фляге. Плохо соображая, что делает, Литтл вернулся к лагерю — даже недавняя пальба его почему-то не испугала. Он видел, как отстреливается из кустов Хидден, как

чужие пытаются спеленать Солянку, но молодчага Хид все-таки отгоняет их стрельбой, как чужие, еле видимые на фоне листвы, подбирают своих убитых и раненых, подбирают Жбана и спешно отступают куда-то в сторону бункера Дуплистого леса.

И тут у Литтла, что называется, упала планка.

«Наших бить? — свирепо подумал он. — Так, значит? Ну, подождите у меня!»

Почему-то Литтла не смутило даже отсутствие ружья.

Он пошел следом за чужими и меньше чем через час вышел аккурат к бункеру.

Десантники уже успели бункер вскрыть и как раз затаскивали внутрь своих пострадавших. Снаружи остался только оглушенный Жбан да двое шат-тсуров у входа — Литтл видел лишь коварное нечеткое марево, еле-еле обозначающее их силуэты.

— Ща я вас! — пробормотал Литтл, прячась за ствол здоровенного кедроклена. — Ща!

Он пошарил на поясе. Обыкновенная рогатка да несколько шариков шокового парализатора — вот и все, что можно было счесть оружием. И снова Литтл ничуть не смутился.

Взрыв шокового парализатора валил с ног даже титанодона.

Литтл тщательно прицелился и вогнал шарик в бункер.

Бабахнуло так, будто взорвался оружейный склад. Из дверного проема полыхнул язык пламени, а потом вырвалась длинная дымная струя — настоящий столб, только наклонный, почти горизонтальный. Шоковый заряд в ограниченном пространстве бункера неизвестно почему заставил сдетонировать все гранаты десантников. Обоих шат-тсуров у входа посекло осколками и контузило. Тех же, что были внутри, вообще чуть на части не порвало. Одним выстрелом из рогатки мистер Литтл уничтожил *всех*. Выжил только Жбан, хотя его тоже контузило — струя прошла аккурат над ним.

Будь Литтл трезвее, вряд ли бы он набрался храбрости и сунулся бы в бункер. Но сейчас ему море было по колено: кипела злость, бурлил в крови адреналин, а главное — страшно хотелось пить.

В бункере Литтл первым делом вскрыл холодильник и выхлебал полтора пакета апельсинового сока. И только потом осмотрел дело рук своих.

Камуфляж десантников действовать прекратил: генератор работал только на живых шат-тсурах. Так сделали специально, чтобы после боя легче было подбирать погибших. «Скелетиков» посекло осколками, побило взрывной волной — бункер изнутри больше походил на бойню. Литтл, слегка отрезвленный соком и видом изувеченных врагов, озирался посреди тесного помещения. Зачем-то, хватая трупы за ключицы, сволок их к стене и сложил один подле другого, в два правильных ряда. Потом узрел на голове одного из чужиков знакомую гарнитурку hands-free-коммуникатора. Земного, между прочим, производства. Как ни в чем не бывало светился зеленый глазок готовности на коротеньком пестике микрофонной штанги, а секундой позже мигнул второй глазок: вызов.

Повинуясь внезапному порыву, Литтл подобрал гарнитуру и надел на голову. Коммуникатор работал в режиме объемной передачи. Чуть впереди Литтла сгустился видеостолб; в нем обнаружился шат-тсур, вопросительно глядящий на картинку внутренностей бункера. От шат-тсура так и разило начальственностью; за спиной его виднелись другие шат-тсуры, свита.

И тогда мистер Литтл содрал коммуникатор, поднес видеодатчик к самому лицу, чтобы неведомый начальник мертвых десантников видел не то же, что Литтл, а самого Литтла, и свирепо прорычал:

— С вами, суки, будет то же самое! Я обещаю!

После чего швырнул гарнитуру наземь и расплющил несколькими ударами ботинка.

Как он намерен исполнить данное обещание, Литтл еще не придумал.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ АЗАННИ

Система Пронг-30, доминанта Земли

Бот вывалился из-за барьера в космическую пустоту, слабо разбавленную пылью и светом. Пронг-30 отсюда казался теннисным мячиком, ярким бликом на фоне несметных звездных россыпей. Бот финишировал вне плоскости эклиптики, в перпендикуляре, на расстоянии приблизительно равном расстоянию от Пронга-33 до светила. Теперь осталось отыскать на орбите нужную планету и проложить к месту встречи с нею аккуратную дугу в четверть окружности этой орбиты.

— Прибыли! — сказал унтер Раджабов и смешно крякнул, пошевелив ноздрями и усами.

— Опять табак нюхал? — с напускной строгостью спросил Маримуца.

— Я курить бросаю. — Унтер виновато шмыгнул носом. — Тяжкое это дело...

— Кутергин говорил, вовсе не тяжкое, — вздохнул Маримуца, одновременно шелестя клавиатурой астрогаторского пульта. — Он сам раз десять бросал.

Раджабов фыркнул. В глубине души он завидовал некурящему Маримуце. Сколько пангала сберегает, стервец, при его лейтенантском-то жалованье! А тут — не успел из финчасти в собственную каюту притащиться, половина в дым, половину товарищи расстреляют, еще до финчасти не дошедшие.

Тоска и несправедливость!

— Ты сканируй, сканируй, — напомнил ему лейтенант.

Унтер тоже глубоко вздохнул и взялся за клавиатуру.

— О-о! — протянул он буквально через полминуты.

— Что? — сразу встрепенулся Маримуца.

— Флот! И немаленький для такого захолустья. Поближе к солнышку, у второй планеты. У, да там два планетарника в атмосфере! Вот это моща! — впечатлился Раджабов.

— Чьи?

— Почти все производства азанни. Но ручаюсь, что унутре кто-то другой, построение для пташек нехарактерное, — профессионально оценил Раджабов. — Никаких крыльев, никакой продольной симметрии. Точно не азанни.

— Как бы они нас не засекли, — забеспокоился лейтенант.

Он склонился над клавиатурой и зашелестел еще быстрее. В видеокубе над пультом возникали трехмерные проекции и ползли строгие столбцы расчетов.

— Маневровые запуск, — объявил лейтенант наконец.

Тонкие голубоватые шнуры вырвались из дюз маневровых двигателей. Парламентерский бот, ускоряясь, лег на новый курс.

— Может, прыгнем, а? — нерешительно предложил унтер. — Тут же тащиться сутки, а то и больше. Засекут...

— Ты прав, — согласился Маримуца с неожиданной тоской в голосе. — Мне тоже неохота тащиться в открытую. Этот бот, поди, по всему космосу ищут. Но пока считаем, попутно начнем линейное сближение, все ж польза.

— Логично. — Раджабов оторвался от сканера, подпер коротко остриженную голову ладонью и подумал вслух: — Надо бы передачки их послушать, а, командир? Неспроста же они там роятся, у второй планетки. Как ее там? Табаска?

— Табаска. А роятся точно неспроста, — согласился лейтенант. — Да только вряд ли они в открытом режиме обмен ведут. А расшифровать флотские депеши... сам понимаешь. Но послушаем все равно.

— Пра... — начал было унтер и поперхнулся собственной фразой.

Над центральным пультом вдруг сгустился видеостолб с тревожной мигающей табличкой на переднем плане. Одновременно неприятно заверещала сирена.

— Это еще что? — всполошился Маримуца, вскакивая.

Довольно быстро он понял — что.

— Ё-моё! Тут тазионарный счетчик установлен!

— А что ты хотел, это ж парламентерский бот. — Раджабов картинно развел руками. — Да еще бот пика пирамид Азанни. Не хухры-мухры.

— Вот блин. — Маримуца упрямо наклонил голову и прищурил глаза — видеостолб был подстроен под зрение птичек-азанни. Людям он казался нестерпимо ярким. Кубы на соседних пультах Маримуца и Раджабов успели подстроить под себя, а представительским столбом никто заблаговременно не озаботился. Да никто и не подозревал о существовании на борту такого малого корабля тазионарного счетчика — вещи дорогой, довольно редкой и в общем-то нерассекреченной. Доминанта Земли по крайней мере их не производила ввиду отсутствия достаточно продвинутых технологий, хотя и использовала закупленные у более развитых рас. — Кто ж нас прощупывает?

— Кто-кто... Флот, — проворчал унтер. — Корабли-то конструкции азанни. Причем не самые старые, заметь...

— А почему только тазионарное сканирование? Где обычное?

— Обычное мы бы сразу засекли.

— Так и это мы сразу засекли!

— Значит, они уверены, что у нас нет счетчика.

— Шевеление началось там? Не видишь? — озабоченно спросил Маримуца. — Эх, быстрее надо прыжок считать, возьмут в клещи или в сачок — и тю-тю солдатики хомо...

— Не каркай, — суеверно попросил Раджабов. — Нет у них никакого шевеления.

И тут же поправился:

— Опа, в сотне мегаун истребители!

— К нам? — похолодел лейтенант.

— Нет, прут курсом на Табаску. Кажется, будут уходить в атмосферу.

— Следи! — рявкнул Маримуца, лихорадочно дотягиваясь до расчетов последнего, самого важного прыжка к Ухте.

Тут в рубку ввалились двое близнецов.

— Сэ-эр? — вопросительно протянул один из них, вытягиваясь в струнку. Кажется, Джерард.

И покосился на видеостолб с алой табличкой в объеме. Сирена продолжала завывать.

— Сканируют нас, — уныло пояснил Раджабов. — Тут чужие, целый флот...

И ведь действительно флот. А то и больше. Под сотню кораблей, два пустотных суперкрейсера, два планетарника в атмосфере... Хотя это говорит скорее о специфичности задач, чем о реальной мощи флота. Как ни странно, но эти гиганты парламентерскому боту вообще не противники, особенно планетарники. Вот корветы какие-нибудь или ульи с истребителями — совсем другое дело.

— Отключи сирену, Рафик, — буркнул Маримуца и повернулся вместе с креслом к вытянувшимся у пульта Суондредам: — Вот что, гвардия! Понятия не имею, зачем нас сюда послали. Может, в качестве живца. Так что натягивайте-ка комплектики, если кто снял, и будьте готовы в любую минуту шлюзоваться и отстреливаться. А пока нас еще не шинкуют, упакуйте-ка жратвы, сколько получится. Если придется сигать за борт и валиться на Ухту — не помешает. И батарей, батарей побольше берите.

— Есть. — Десантники развернулись и пропали за перепонкой.

— Думаешь, придется сигать? — спросил Раджабов, исподлобья глядя на Маримуцу.

— Не знаю. Но лучше быть готовым.

— Это точно. — Раджабов вздохнул и некоторое время молчал.

— Слушай, командир, — оживился вдруг он, — а обычное сканирование в режиме фонового подбора засечь возможно?

— С объекта?

— Ну да!

— Вряд ли. То есть собственный фон засечь, разумеется, можно, а вот регистрирует его кто или нет — поди пойми.

— Тогда почему так часто пользуются обычным сканированием, если объект его легко засекает?

Маримуца удивленно повернулся к унтеру:

— Как почему? В бою зачастую наплевать, замечает твое сканирование противник или не замечает. А вот о нем самом поболее знать никогда не мешает.

— Но мы же сейчас не в бою, — резонно заметил Раджабов. — Скорее в разведке.

— В разведке чаще ограничиваются фоновым, ты прав, — согласился Маримуца.

Некоторое время оба мрачно созерцали скопище чужих кораблей в объеме проекционного куба. Изображение, разумеется, давалось в искаженных масштабах — размеры планеты, кораблей, а также расстояния между ними и ботом различались в десятки тысяч раз. Проекционный куб сводил это к понятной и весьма наглядной световой голограмме. Любой военный давно привык к подобным играм с масштабом.

— Хотел бы я знать — зачем на самом деле нас сюда заслали, — сказал Раджабов.

— Я сначала думал — просто уволочь бот в тихий угол. Да только угол мало похожим на тихий оказался...

Они еще долго сидели в рубке и нервно переговаривались, то и дело косясь на изображения в видеокубах. Чужие, к их удивлению, не обращали внимания на бот, который, по идее, перед этим гоняли по галактике, как исполнительный Бобик зазевавшегося котяру. Еще дважды включалось тазионарное сканирование. Ненадолго, на минуту-две, не больше.

Потом астрогатор наконец рассчитал оптимальный прыжок к Ухте, и все с облегчением вздохнули.

Бот тут же бросили в короткую пульсацию; вскоре он уже обращался вокруг третьей планеты системы Пронг-30 на манер искусственного спутника.

Чужие хранили пассивность. В отношении парламентерского бота по крайней мере; вблизи Табаски их корабли совершали какие-то загадочные неспешные эволюции, изредка перестраивались, иногда ныряли в атмосферу или выныривали оттуда. Оба планетарных крейсера зависли над стационарными точками Табаски, скорее всего — в боевом режиме. Над

этим еще стоило поломать голову: такие крейсеры предназначались для атак на густонаселенные планеты. Что их могло заинтересовать на практически безлюдной и девственной Табаске, оставалось только догадываться.

— Н-да, — буркнул лейтенант Маримуца, в последний раз глядя на чернильный фон видеокуба. — Сплошные загадки. Ладно, гвардия, идем на посадку. Готовьте унты и снегоступы. Здравствуй, Ухта...

Парламентерский бот азанни с человеческим экипажем снова изверг синеватые шнуры из дюз маневровых двигателей и начал снижение.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур
(формально — PRONG-30, доминанта Земли)

1

Первые неприятности дошли до командующего вторжением лишь на третьи местные сутки. Приблизительно в полдень.

Шаты Урву и Ухола, руководители вторжения, еще накануне высадились на поверхность людского мирка. Первый, осуществляющий общее командование, на туристическую базу вблизи места приземления поискового рейдера хомо. Второй, командующий первой волной вторжения, отвечал за зачистку людских поселений; он обосновался на севере континента, в правлении рыболовецкого комплекса.

У Шата Ухолы дела шли прекрасно: никаких проблем ни на большом континенте, ни на остальных. Не ожидающих нападения хомо пеленали быстро и без ненужных эксцессов. За неполные сутки зачистка маловажных точек и закрепление на более или менее значимых практически завершились.

Зато у Шата Урву, баловня судьбы и любимчика самого Унве, возникли непредвиденные накладки.

Рейдер землян нашли довольно быстро, однако он оказался пуст. Затеяли его эвакуацию на турбазу хомо для детального изучения, но опытный Урву нисколько не сомневался, что

на борту ничего интересного обнаружить не удастся. Искатели смылись, прихватив все материалы и сведения. Вполне разумный и оправданный поступок с их стороны.

Вдобавок нелепые угрозы самки хомо в первый день вторжения, кажется, мелкой руководительницы на турбазе, неожиданно оправдались. Тогда она кричала элите десантников, «Сизым скелетам», перед которыми дрожали даже вояки старых рас, что, дескать, гиды и спасатели, которые сейчас вместе с туристами на обычном рутинном увеселительном маршруте, скоро вернутся и зададут перцу чертовым дыротелам. Исамаровым шатта то бишь. Понятно, что этим бредням никто поначалу не придал значения.

Однако утром третьего дня вторжения дюжинный «Сизых скелетов» (военные иных рас назвали бы его сержантом, но шат-тсуры отреклись от воинских званий и поголовно именовали себя просто слугами Унве), которым не далее как вчера вечером спешно перебрасывали в пользование плавучие катера северных рыболовов, доложил, что в лесу сканировщиками обнаружен склад и трое хомо невдалеке от него; по-видимому — те самые спасатели при группе туристов. Одного хомо удалось захватить в плен, двоим же неожиданно посчастливилось скрыться в джунглях. Причем хомо вели себя настолько агрессивно, что умудрились убить двоих десантников и ранить еще четверых. И это невзирая на полный боевой камуфляж! Урву, не веря себе, переспросил дюжинного, не ослышался ли он.

Оказалось — не ослышался. Захваченные врасплох, спросонья вожаки туристов стреляли на слух — и как стреляли! А потом растворились в лесу. Перед дюжинным не стояла задача пленения хомо, он искал техногенные следы в окрестностях посадки поискового рейдера. Поэтому преследовать свирепых хомо он не стал.

И, похоже, правильно сделал.

Мобильная группа зачистки вскоре отыскала туристическую группу на маршруте, совсем недалеко от места, где состоялась перестрелка десанта со спасателями. Понятно, что «Сизые скелеты» попытались отстоять честь мундира и тут же сунулись всех вязать. Высадили три полные дюжины.

Птичья пожива! Единственные, кто уцелел — пилоты десантного бота, — потом рассказали: «Сизых» мгновенно обстреляли одновременно с нескольких сторон, а потом атаковали еще и врукопашную. От трех дюжин элитного подразделения самого Унве в живых не осталось ни единого шата! Причем, по словам пилотов, атаковали залегших «Сизых» всего пятеро хомо, да вдобавок (что, правда, звучало весьма сомнительно) четверо из этих пятерых лишь прикрывали атаку огнем, а врукопашную «работал» всего один!

Но пилоты клялись, что это чистая правда. И что потом эти пятеро безумцев пытались захватить сидящий несколько в стороне десантный бот и только экстренный старт позволил пилотам избежать участи пустотников.

Тут-то Шат Урву неожиданно и вспомнил недавние угрозы пленной самки. Но даже сейчас он не воспринял их должным образом. Вместо этого Урву вспылил, поднял в небо два звена ботов с почти тремя сотнями «Сизых скелетов» на борту, два катера с «генераторами тоски» и направил их к месту стычки с жестким приказом захватить всех живыми.

Корабли тотчас взмыли с крохотного космодромного поля при турбазе и взяли курс на северо-запад. А Шат Урву решил лично допросить болтливую самку хомо. Она явно что-то знала о сотрудниках, что-то необычное. Может быть, они бывшие военные или ловцы пиратов? Все возможно, среди хомо встречаются совершенно безбашенные типы. Да и вся их раса какая-то оголтело-бездумная. Редко помышляет о дне завтрашнем и способна шагнуть в огонь, не заботясь о собственной судьбе.

Ничего нового от самки Урву не услышал. Все те же невнятные угрозы и издевательский смех.

Поняв, что ничего путного не добьется, Урву велел допросить остальных пленных, а сам ввалился в оперативный штаб «Сизых», отобрал у старшего коммуникатор и лично вызвал дюжинного, того самого, который сумел пленить одного спасателя хомо и упустил двоих.

Ответ Урву просто потряс. Коммуникатор внезапно переключился в видеорежим и показал внутренности какого-то тесного помещения. Вся дюжина пустотников, включая ра-

нее убитых и раненых, уже при бездействующем камуфляже, была разложена на полу двумя рядами в лужах собственной лимфы. Практически все были искалечены и, без сомнения, мертвы. А потом изображение дрогнуло, заплясало, и в визоре возникло узкое лицо хомо. Одного-единственного.

— С вами, суки, будет то же самое! Я обещаю! — прорычал хомо, бешено сверкая глазами.

Затем картинка резко прыгнула, смазалась, и трансляция оборвалась.

Слова хомо командующему вторжением перевели довольно точно.

И почти сразу, как на грех, на связь вышел сам Унве, требующий доклада. Доклад получился грустный, невзирая на то что Урву всеми силами смягчал формулировки и сглаживал острые углы. Когда вождь отключился, Урву чуть ли не физически чувствовал натертость передужья.

Хомо... Проклятая раса! Все из-за них!

Шат Урву решил взяться за них как следует. И вызвал с орбиты на подмогу четыре с лишним сотни десантников из «Меченого корпуса».

2

Дюжинный Шат Умбасар шел во второй в своей жизни боевой десант. Первый состоялся совсем недавно, меньше четверти цикла назад, когда повелением Унве гнев империи обрушился на никчемный мирок бывших хозяев, птичек-азанни в системе Желтого Ока. Кроме того, дюжинный неоднократно водил своих сорвиголов-подчиненных на тренировочные операции и карательные антипиратские вылазки.

Жизнь показала: если боевые вылеты и отличаются от тренировочных, то лишь в лучшую сторону. Во всяком случае, нападение на Желтое Око оказалось существенно более веселым, нежели любое запомнившееся усмирение пиратов. А о тех, что забылись, и речи нет.

Тогда дюжина Умбасара в составе «Меченого корпуса» десантной армады высадилась в северном полушарии. Десант гигантским гребнем прошелся по городам азанни. Вооруженные силы птичек были смяты еще на подходе к планете, а войска наземного базирования большею частью подавлены с орбиты. Постреливать по безоружным гражданским, врываться в их непомерно просторные жилища и пинками сгонять ненавистных азанни к кораблям-накопителям было невыразимо приятно. Пришел, пришел час расплаты за века рабства! Шат Умбасар и его молодцы благодарили небо и Унве за то, что дело возмездия легло именно на их плечи. И никто не забывал в праведном гневе, что гнев этот копился сотнями поколений отцов.

С планетой у Желтого Ока шутя справились за четверо суток. От начала высадки на очередной мирок, на этот раз принадлежащий выскочкам-хомо, прошло чуть больше трех. Поэтому Умбасар полагал, что вскоре зачистка благополучно завершится и на десантников хлынет новый поток почестей, поощрений, наград и благодарностей. Правда, командующий высадкой Шат Урву был чем-то сильно разозлен, когда напутствовал десантников перед высадкой. Небось строптивые хомо осмелились показать зубы шатам. Ничего, зубы им пообломают. Дюжинный Умбасар лично приложит к этому руку и вдоволь выстрелов из верного лазерника.

Техноблокаду сняли за час до высадки: все равно у тупоголовых хомо почти нет сложной техники. Так к чему ограничивать себя? Умбасар как представил себе коллег-гвардейцев из «Сизых скелетов», вынужденных шастать по поверхности под непрерывными энерегетическими щитами с крейсера планетарника, что завис над космодромчиком хомо... Ёр-исамар! Постоянное давление на мозги да необходимость таскать всю боевую поклажу на собственном горбу — кому понравится? Нет уж, лучше вообще без блокады. Тогда не придется гадать — взорвется или не взорвется брошенная граната, сработает или не сработает коммуникатор, антиграв или любой из десятка носимых датчиков. Бездельники-инженеры почему-то всегда ставят избирательную блокаду, на отдельные группы процессов, и ни разу на памяти Умбасара высокое начальство не оза-

ботилось уведомить десант, какие именно процессы будут блокироваться.

Обыкновенно блокировали все доступные виды связи и синтеза. А остальное — на усмотрение верховного инженера.

Злости добавила и пришедшая по изустному десантному телеграфу весть: какие-то психи из хомо положили без малого полсотни «Сизых скелетов». Отомстить за братков-«Сизых» любой «Меченый» счел бы за честь. Поэтому даже петь-орать, накачивая перед высадкой подчиненных, не пришлось. Все рвались в бой и горели желанием натереть передужье нахальным хомо. Или что там у них вместо передужья?

Включился наушник боевого шлема; ротный принялся выпевать вводную. Голос у ротного был сиплый. Любой из «Меченых» знал, что у него прострелена в двух местах воздухополость. Бывалый вояка, ветеран антипиратских рейдов.

Шат Умбасар вслушался.

— Эй, «Меченые», слушай меня! Задача: отыскать и пленить прячущуюся в джунглях шайку хомо. Их всего дюжины две, не больше, но, возможно, они разбиты на неравночисленные группы. Вооружены плазменными ружьями и умеют на расстоянии детонировать наши гранаты, так что активаторы всем немедля вывернуть и сдать дюжинным! Выполняем!

Десантники зароптали и зашевелились: с одной стороны, что за радость идти на дело без гранат? А с другой — приказ есть приказ. Умбасар освободился от старинных супернадежных (в отличие от силового крепежа) ремней и прошелся вдоль ниш с пристегнутыми «Мечеными». Каждый бросал в оттопыренный карман подсумка активаторы. Вдоль всех проходов творилось то же самое — дюжинные ходили между рядов с оттопыренными карманами.

Когда первый дюжинный отрапортовал о выполнении приказа, ротный продолжил:

— Исамаровы хомо сопротивляются, сугароз их загрызи! Это именно они положили братков-«Сизых». Поэтому поосторожнее там и построже... Командующий Урву велел по крайней мере половину хомо взять живьем, так что не особо там пальбу поднимайте. При захвате делать упор на ручные станеры, от дистанционки, птичья пожива, у хомо какие-то ос-

ложнения на башку приключаются, а командующему не нужны полоумные пленные. Принимаем оперативную карту!

Шат Умбасар, снова занявший привычную нишу во главе дюжины, активировал планшетку, влез в боевую сеть и дал добро на прием.

Местность была довольно сложная: сплошь джунгли, никакой цивилизации. С запада — река. Хомо последний раз засекали невдалеке от нее. Умбасар по-быстрому транслировал карту подчиненным.

— Третья готовность! — тем временем рявкнул ротный. — Заходим на цель!

Посадочный бот в атмосфере человеческого мирка почти не трясло.

Шат Умбасар покосился на свою дюжину. Десантники ухмылялись, жестами веселили и подбадривали друг друга. Ни следа робости или смущения.

И прекрасно. Тот, кто смущается и робеет, редко заканчивает десантную школу и еще реже побеждает в бою.

— Вторая готовность!

Шаты начали дружно отстегиваться и строиться в проходах.

— Первая!

Теперь все потянулись к жерлам гравилифтов. Дюжина Умбасара высаживалась в числе первых.

— Заход! Десантура — пошли!

Жерла лифтов подернулись лиловым сиянием; один за другим десантники прыгали с края платформы в это сияние, постепенно тонули в нем и пропадали из виду. Вот пришла очередь шагнуть и Умбасару. И он привычно шагнул. Упругие объятия гравилифта сжали его; лиловость перед глазами потихоньку сошла на нет, а потом в подошвы ботинок толкнулась незыблемая твердь Табаски.

Десант высадили на обширной поляне недалеко от кромки леса. Река осталась позади.

— Цепью! Разворачиваемся, птичья пожива! — надсадно пел-орал ротный. «Меченые» пошевеливались — в бою только замешкайся, мигом прихлопнут. В единстве сила десанта,

в единстве, быстроте и сплоченности. Так поет сам Унве. А Унве всегда поет только правду и ничего, кроме правды.

Освободившие чрево боты с воем уходили в зенит. Десант остался один на один с человеческим миром.

«Посмотрим, кто кого!» — подумал дюжинный Умбасар в ожидании команды ротного: «Марш!»

Ротный не заставил долго ждать.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Глубокий космос

— Финиш через сто двенадцать локальных часов, господин адмирал!

Тим Хемерсбрандт кивнул и жестом отпустил дежурного офицера. Тот немедленно отключился: дежурство по флагману оставляет мало свободного времени.

«Евразия» растянутым на мегаметры роем чертила множественный пунктир от окрестностей Солнечной системы к далекой колонии у Пронга-30. Конечно, рейдер искателей нужно было вызволять. Точнее, даже не сам рейдер — если искатели не дураки, корабль свой они, конечно же, бросили, предварительно освободив бортовую информационную сеть от данных по генератору нуль-коридора. И теперь прячутся где-то в диких джунглях Табаски. Хунта диктатора Унве уже перебросила в систему Пронга-30 внушительные силы. Система блокирована. Высажен десант. Все это понятно и предсказуемо и без перехвата рапортов-депеш от командующего вторжением диктатору Унве. Крупные соединения космической армады шат-тсуров продолжают атаковать отдельные миры союза: практически не осталось нетронутых колоний азанни. Кроме того, шат-тсуры помалу взялись подавлять планеты цоофт и свайгов. Медленно, но верно Шат Унве (не на-

зывать же его, как принято у скелетиков, «Шатта» или того хуже императором?) расширяет область своего безоговорочного влияния по галактике. В уме, последовательности и стратегической грамотности ему не откажешь. Да и силы у него сосредоточены, прямо скажем, ошеломляющие. И как вся галактика проспала формирование такого суперфлота?

На миры доминанты Земли совершались пока единичные нападения; а'йешей и вовсе доселе не трогали. Оно и понятно — на кой хрен во время первого этапа военной экспансии Шату Унве выстуженные низкотемпературные планеты? Вот а'йешей и не трогают. Зато беднягам азанни досталось по полной программе. Настырные скелетики учинили форменный геноцид: более семидесяти процентов птичек попросту уничтожено. Уцелевшие рассыпались по галактике. Даже не тронутые пока миры азанни опустели, жители предпочли сбежать от греха подальше. Земля предоставила остаткам правительства азанни убежище и защиту, пик пирамид Азанни организовал ставку прямо на прародине людей. Цоофт и свайге спешно мобилизуются, расконсервируют даже древние допотопные корабли и вооружают гражданские лайнеры и грузовозы.

Галактика встряхнулась от пятивекового оцепенения. Появился новый враг, внутренний на этот раз, и союз медленно стал восставать, как феникс, из пепла.

К Пронгу-30 Солнечная система отослала два флота. «Евразию» и «Антарктиду». Два адмирала, Тим Хемерсбрандт и Геннадий Лесин, должны были любой ценой смять шат-тсуров у Табаски, отыскать экипаж «Шустера-эпсилон-75» и доставить его в метрополию либо на любой из достаточно защищенных земных миров — на Офелию, Хобарт, Селентину. Пеломен отвергли как непозволительно близкий к областям, ныне контролируемым шат-тсурами.

Экспедицию снарядили так спешно, что часть работы пришлось выполнять уже на марше, но военным «Доминиона» не привыкать к авралам. Чиль Онте не позволял расслабиться даже в тихие и сонные времена. И те из солдат и офицеров, кто еще совсем недавно втихую роптал, внезапно осознали смысл постоянных тренировочных тревог, боевых учений и

бесконечных патрульно-заградительных рейдов, хотя загораживаться вечно было совершенно не от кого.

Адмирал Тим Хемерсбрандт подозревал, что по боеспособности любой из флотов «Доминиона» в числе первых во всей галактике. Вот только о планах шат-тсуров никто толком вовремя не догадался. Ходили невнятные пересуды по великосветским салонам, да только самые верхи доминанты Земли не соизволили к ним прислушаться. И к выводам некоторых прозорливых офицеров, того же Хемерсбрандта, тоже не прислушались. А расхлебывать, разумеется, выпало Хемерсбрандту с коллегами.

Впрочем, сейчас не до обид и политических дрязг. Технология нуль-коридора действительно становится делом номер один в галактике. Достанется людям, а значит, союзу — союз устоит. Достанется шат-тсурам — галактика умоется кровью. Второе — недопустимо. И адмиралы Хемерсбрандт и Лесин сделают все возможное, а понадобится — и невозможное, чтобы не допустить этого.

Тем более что стабильные перехваты и расшифровка сообщений мгновенной связи со стратегической базой вблизи Тсурры внушали определенную надежду: у скелетиков на Табаске не все пошло гладко. Большую часть поселений они таки подавили, но искатели все еще не пленены, да вдобавок в районе их высадки какие-то маловнятные туристы неожиданно надавали по сусалам передовым соединениям шатовского десанта.

Ай да туристы! Ай да молодцы!

Сто двенадцать часов до финиша в системе Пронга-30. Держитесь, спасатели! Держитесь, туристы! Ваша помощь тоже пригодится доминанте Земли.

— Господин адмирал! Лейтенант Хмелевой, канонир шестнадцатой батареи, просит аудиенции! — доложил дежурный зам.

Хемерсбрандт отвлекся от размышлений, отставил в сторону старинный стакан в металлическом подстаканнике (чай помогал адмиралу думать) и вопросительно поднял брови. Лейтенант? Канонир?

— Он утверждает, что располагает важной информацией, сэр!

— Зови, — велел Хемерсбрандт.

«Поглядим, что у тебя за информация», — подумал адмирал.

Он был хорошим командиром и потому никогда не пренебрегал мелочами.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

1

Третьи сутки они отсиживались в тесной переночуйке спасателей. В каких-то двадцати километрах от турбазы. До недавнего времени — служащие космодрома «Экзотик-тура» на Табаске, а нынче — не пойми кто. Беглецы. Ховалы. Тамура, МакГрегори и Сориал. Оружия нет. На троих — жалкий сшиватель, отвертка да пара щупов, которыми можно порешить разве что снулую ящерицу или престарелого кошкуна. А еще — страх и безнадега перед фактом внезапно свалившейся с неба оккупации.

Захват турбазы и космодрома они удачно пересидели в автономлаборатории под диспетчерской; шат-тсуры туда почему-то не сунулись. Ночью попробовали выглянуть — башенка диспетчерской пустовала, но поле космодрома заливал яркий искусственный свет. Стройными рядами на траве выстроились чужие корабли, в основном — десантные боты. Там и сям торчали фигуры вооруженных часовых. Турбаза тоже была ярко освещена.

Шат-тсуры деловито и беззастенчиво располагались на захваченных объектах. И, подумал выползший оглядеться в окно дежурки Дэвис МакГрегори, скорее всего подобное происходит по всей планете. Каждый форпост человечества

на Табаске так же деловито и основательно обживают проклятые скелетики. Кто их, спрашивается, сюда звал?

Выбираться из укрытия надо, но делать это под носом у часовых на космодроме... Нет, такую глупость не могли себе позволить даже неискушенные в партизанских играх диспетчеры. А вот рискнуть пробраться по шахте теплоотводника до близкого леса... На восток от посадочного поля. Там и кораблей нет шат-тсуровских, и куда темнее, чем вблизи их нынешнего укрытия.

МакГрегори присел и пополз назад, к двери. Никогда еще ему не приходилось передвигаться по дежурке — знакомой до последнего пятнышка на стенах, до шероховатостей на подлокотниках кресел — ползком.

Бред какой-то. Ползком. По дежурке. И по узкому коридорчику, ведущему к лестнице, и по самой лестнице... Все ползком, по-тараканьи. От греха подальше — увидят мелькнувший в окне силуэт, заинтересуются, и пиши пропало. Шаттсуров тут — кишмя, враз скрутят, безоружных и беспомощных. Как скрутили, наверное, девчонок на базе.

О том, что захватчики могли и не брать пленных, а попросту перестрелять всех аборигенов или передавить танками, МакГрегори предпочитал не думать. Полз, вытирая осевшую на пенобетон пыль рубашкой и шортами.

Товарищи, тоже вчерашние диспетчеры, ждали в лаборатории. МакГрегори постучал, как условливались. Неслышно отомкнулись замки, крутнулось колесо запора, и дверь натужно отворилась. Тяжеленная она, дверь. Автономлаборатория все-таки...

— Ну, как? — с порога спросил нетерпеливый Сориал.

— Плохо, — честно признался МакГрегори, кое-как отряхивая рубашку и шорты. — В здании никого, но на поле светло словно днем и весьма оживленно. Снуют, гады, туда-сюда. На базе, судя по всему, тоже. Часовых много. По верху нам не пройти. Но... есть одна идея.

— Шахта? — полуутвердительно-полувопросительно выпалил Тамура.

— Тоже догадался? Молодец! — похвалил МакГрегори и одобрительно хлопнул коллегу по плечу.

Из всех троих он сохранил больше всего спокойствия, потому и на разведку направился именно он, а не Тамура или импульсивный Жорж Сориал.

По шахте теплоотводника в диспетчерскую однажды пробрались две птицы-дурынды, их потом полдня ловили по всему зданию. Поэтому мысль об этом пути наружу попросту напрашивалась.

— Шахта ж заперта, поди, — усомнился Сориал. — Помнишь, как дурынд ловили? После того и заперли.

— Я знаю, где ключ, — успокоил его МакГрегори. — Точнее, где его хранили еще при Фекруи.

— И где?

— А рядом, в подсобке при охладителях. Там специальный шкафчик есть на стене. Беда только в том, что шкафчик тоже может быть заперт, а ключ от него, по-моему, только у директора есть. Где директор, вы знаете; но даже если он и не брал ключ с собой (а так скорее всего и есть), в его кабинет нам не пробраться.

— Шкафчик крепкий? — хмуро справился Тамура.

— Не знаю, не проверял.

— Ну так пошли, проверим!

Тамура хлопнул себя по коленям и встал. Сориал уже отворял дверь — устал он, видимо, от ожидания, душа и тело требовали хоть какого-нибудь, но действия. МакГрегори тоже встал и задул свечу.

«Пусть нам повезет, — подумал он, надеясь на лучшее. — Должно же нам повезти хоть в чем-то? Обязательно должно!»

Шкафчик в подсобке был заперт.

— Тьфу! — МакГрегори раздосадованно сплюнул на пол. Почему-то капризной даме-удаче угодно было повернуться к троице экс-диспетчеров спиной.

Скорее всего массивный керамический шкафчик без особого труда вскрывался банальной монтировкой, но, во-первых, под рукой не было монтировки, а во-вторых, сия операция неизбежно сопровождалась бы нежелательным в данном случае шумом. Любой другой метод взлома также неизбежно тянул за собой шумовые эффекты. Да и отсвечивать в окнах пришлось бы, а часовых на поле вокруг кораблей — у-у-у...

«Интересно, — подумал вдруг МакГрегори, — а на кой ляд шат-тсурам столько часовых? Кого или чего они тут боятся? Они же армия, а на Табаске только жалкие рыболовы, животноводы, ученые да мы, туристское сопровождение. В любом случае — не бойцы».

— Сшиватель по-прежнему не работает? — спросил Тамура без особой надежды.

МакГрегори проверил. Разумеется, сшиватель не работал — за спиной-то Фортуны. Перед ликом ее сшиватель, вероятно, заработал бы, а так...

Блокаду захватчики пока не думали снимать.

МакГрегори мягко осел на пол и привалился спиной к стене. Жутко хотелось курить, но из коттеджа они рванули, ничего с собой не прихватив. Да и не покуришь особо на виду у скелетиков-то...

— Какие будут мысли? — стараясь, чтобы голос звучал невозмутимо, вопросил МакГрегори.

Вместо ответа Тамура вдруг привстал, невольно покосился на окно и вдруг ловко снял шкафчик со стены. Тот крепился на обычной вертикальной защелке.

— Гениально! — мгновенно оценил Сориал. — Раз гора не идет к Магомету...

МакГрегори сразу повеселел: если запереться в автономлаборатории, можно хотя бы на неизбежный шум больше не обращать внимания. Авось разломают-таки неудачливые диспетчеры этот чертов ящик!

— Между прочим, — заметил снова присевший Тамура, — мы еще не проверили шахту. Вдруг она вообще не заперта, а мы тут впустую паримся?

— Гениально! — Сегодня Сориал не блистал разнообразием реакций.

— Так! — МакГрегори снова брал в руки бразды правления. — Тамура, давай-ка действительно проверь шахту. А мы с Жоржем покуда оттащим ящик в лабораторию и попробуем вскрыть.

— Ладно, — без ненужных возражений согласился Тамура и отдал снятый со стены керамический трофей Сориалу.

Втроем они сползли на первый этаж и разделились: Тамура, зачем-то пригибаясь в начисто лишенном окон коридоре, свернул налево от лестницы, к энергозоне; МакГрегори и Сориал продолжили спуск вниз, в подвал.

Не успели они как следует помозговать на тему: «Каким образом подступиться к закрытому шкафчику с ключами?», вернулся Тамура. Он ничего не сказал, только отрицательно покачал головой. Значит, шахта теплоотводника была заперта.

Сориал тем временем пытался подковырнуть дверцу отверткой. Тщетно, дверца плотно входила в паз, лишь еле заметная риска очерчивала ее геометрически безупречный контур.

— Запрись-ка... — попросил МакГрегори Тамуру.

Тот послушно задраил вход в автономлабораторию. Сориал зажег свечи. МакГрегори терпеливо дождался, пока мир сузится до размеров небольшого квадратного зала, и со всего размаху грянул шкафчик об пол. Керамика сухо прогрохотала по обтянутому пластиком пенобетону. Вряд ли подобное бесцеремонное обращение шкафчику хоть сколько-нибудь повредило.

Следующие пять минут МакГрегори упорно и последовательно швырял проклятый мини-сейф под ноги. Внутри что-то погромыхивало — похоже, там хранились не только ключи.

Сориал в который раз обшаривал дежурный ящик. Непонятно, чего он добивался: ведь еще в первый раз, при поисках оружия, он вычистил ящик вполне основательно.

— Дай-ка. — Тамура, доселе терпеливо взиравший на бесплодные попытки коллеги расколотить шкафчик об пол, требовательно протянул руки. МакГрегори безропотно повиновался: его фантазия иссякла.

К его удивлению, хитрец Тамура ничего со шкафчиком делать не стал. Всего лишь отошел к выходу, опустил на пол, а сам принялся отпирать двери.

А пятью секундами позже МакГрегори сообразил, в чем соль. Тамура задумал зажать шкафчик дверью, поближе к петлям, и расколоть будто орех. Что ж, по крайней мере это дей-

ственнее, нежели швырять крепкий керамический брикет в пол.

Тамура заклинил шкафчик и налег на дверь. Раздался отчетливый хруст. МакГрегори и Сориал, не сговариваясь, кинулись к двери и тоже налегли. Хруст стал громче, а в следующее мгновение шкафчик выстрелил высоким трескучим звуком, как дерево на морозе, и развалился на несколько неравных угловатых осколков.

— Ouais! — Сориал обрадованно вскинул руки и исполнил какой-то нескладный варварский танец — так, наверное, плясали вокруг костра его далекие-далекие африканские предки после удачной охоты.

МакГрегори и Тамура присели над останками шкафчика; Тамура осторожно разгреб мелкие осколки и крошку.

— Вау! — сказал МакГрегори с подъемом.

Помимо трех спарок ключей в шкафчике нашелся ручной бласт. Довольно мощный. На рукоятке была выгравирована фраза — с одной стороны на англике, с другой — на русси. «Death or Glory» — «Смерть или слава».

Тамура больше заинтересовался ключами. Рассмотрев все три спарки, он спрятал их в карман.

— Ну что? Пошли пробовать?

МакГрегори не ответил. Он снял бласт с предохранителя, направил на толстую и малоуязвимую стену лаборатории и плавно нажал на спуск.

«Шш-ши-и-и-хххх!»

Звук был сухой, будто низкосортным пластиком по пенобетону. Зеленая искра сверкнула на стволе бласта, а на стене возникло черное дымящееся пятно.

— Хо! Действует! — несказанно обрадовался МакГрегори. — Теперь нам и ключ, собственно, не нужен, коллеги!

— Сняли блокаду? — Сориал встрепенулся и завертел головой, вопросительно зыркая то на Тамуру, то на Дэвиса.

Тамура с готовностью пощелкал зажигалкой — тщетно, она, как и раньше, не работала. И сшиватель тоже не работал.

— Не сняли, — разочарованно заключил МакГрегори. — Видно, блокада избирательная. На импульсное оружие не

действует, чтоб скелетики с пустыми руками не остались. Против безоружных нас.

— Пошли, а? — поторопил Тамура. — Бласт — это, кто б спорил, здорово, но как сунутся сюда наши новые друзья... Толпой...

— Пошли, — согласился МакГрегори, засовывая бласт за пояс шорт. Понятно, предварительно поставив на предохранитель.

Дверь автономлаборатории они задраили снаружи.

Вторая спарка ключей подошла к замку шахты. Считыватель победно пискнул, и замок послушно разблокировался. Через полчаса троица экс-диспетчеров уже находилась в полутора километрах от космодрома, на окраине восточного лесного массива.

— Тут недалеко переночуйка спасательская есть, — сообщил всезнающий Тамура. — Мы там с Хидденом как-то на хурмача охотились. Думаю, найду.

— Недалеко — это сколько? — уточнил недоверчивый МакГрегори.

— Километров двадцать.

— Пошли.

Ближайшие двое суток шат-тсуры мало разрабатывали восточное направление. Их главные интересы сосредоточились на западе и северо-западе. Так что троицу с космодрома никто не трогал и не разыскивал.

2

— В Дуплистый лес мы, конечно же, не пойдем, — тихо сказал Скотч. — Ни к чему нам со спецназом «скелетиков» цапаться.

— А куда пойдем? — спросил Валти. — В овраг?

— Да. Лучшего убежища сейчас не придумать. Там и места вдоволь, и припасы имеются, и слой почвы над бункером в несколько метров.

— А это-то нам зачем? — Валти неодобрительно нахмурился.

— Биодетекторы, — пояснил Скотч. — Видал, как чужие корабли спирали над лесом накручивали? Явно ведь сканировали. Да и высеять всякой гадости легко могли.

— Думаешь, несколько метров глины нас спасут? — усомнился Валти.

— Чем черт не шутит? Почва поисковый луч здорово поглощает.

Валти скептически покачал головой и невесело добавил:

— Впрочем, чего там, утопающий и за соломинку хватается.

Скотч тяжко вздохнул и обернулся.

Группа отдыхала после сумасшедшей гонки по лесу. Чуть впереди, совсем рядом было Утиное озеро, а от него и до оврага с убежищем недалеко. Знакомый маршрут. Рюкзаки и раненые люди, подвешенные на гравикомпенсаторах, гирляндой парили среди кустов. Ходячие расселись под кустами. Все молчали, подавленные произошедшим.

Н-да. Слишком уж богатым на приключения выдался этот экзотик-тур... Когда такое бывало, чтобы туристы на привале затравленно молчали, а не хвастались наперебой свершениями и не обменивались острыми впечатлениями? Да сроду такого не бывало!

«Ну, влипли, — в который уже раз размышлял Скотч. — Спецназ Тсурры, регулярный флот Тсурры... Вторжение, как пить дать вторжение! На базе, поди, всех уже повязали. Или, не приведи жизнь, перестреляли. И что теперь? Хорониться по лесам, подобно зверью? Да хрен там, скелеты чертовы!»

Скотч невольно озлобился.

«Фиг я буду прятаться! Я вам такую партизанщину устрою, кошкунами взвоете! Валти поддержит, Солянка с Хидденом очухаются — тоже... Да и Семенов, кем бы он ни оказался, тоже должен поддержать. И Цубербюллер, и Фаусто, даром что пацан, и бестолочь Подолян, и даже скотина Воронцов — не станут же они сидеть сложа руки? Да чего там, даже Тентор, уж на что обыватель толстобрюхий, а ведь не обосрался под выстрелами, не заполз втихаря в палатку! Воронцов хоть и гниль

порядочная, но мужик смелый. Сумел подбить Акопа с Фаусто на психическую атаку. Отвлечь хотел от женщин, от лагеря. Попомните, скелетики проклятые, экзотик-тур Вадима Шутикова! Лучше нас никто окрестные леса не знает. Потреплем вам нервы, а там, глядишь, помощь придет, прижмет чужих к ногтю, выдавит из системы, и заживем, как раньше, с приключениями типа «упал в реку». И не опаснее...»

Гид «Экзотик-тура» заводился все сильнее и сильнее. Скрипел зубами, хрустел пальцами, раздувал ноздри.

— Слышь, шеф... — подал голос все еще бледный, несмотря на экстренную медицинскую помощь, Солянка. — А нас у оврага, того... Не встретят? Ведь если склад у Мангры почистили и на бункер Дуплистого леса зарились — кто поручится, что и на остальные наши точки не навалятся?

Об этом Скотч уже успел подумать — разумеется, он намеревался сначала сходить в разведку, а потом уж тащить группу непосредственно в овраг. Если там все спокойно.

— Посмотрим, — сказал Шутиков вслух. — Я думал об этом, не переживай. В плен я вас не приведу.

— Да я и не думал ничего такого. — Солянка вздохнул. — Так, на всякий случай спросил.

— Ничего. Лучше ты напомни лишний раз, вдруг я действительно чего упущу.

Солянка с серьезным видом кивнул, тронул компенсатор и перевернулся на бок, лицом к Скотчу.

А Скотч успел перехватить одобрительный взгляд Семенова.

«Вот еще с кем разобраться предстоит. Кто ж он есть на самом деле? Тоже какой-нибудь спецназ? Как он скелетиков крошил, мама моя, аж мороз по коже! И что он в моем туре делает? Что вообще тут происходит — вторжение, агент в группе, сплошная войнушка с геройством, мать ее!»

На Табаске, а точнее — где-то неподалеку от излюбленного маршрута Скотча — возникло нечто, живо привлекшее высшие военные интересы по меньшей мере двух рас, в этом можно было уже не сомневаться.

И вдруг Скотча прошиб холодный пот — он неожиданно сопоставил последние события с недавними словами Гурмы

Бхаго, психологини «Экзотик-тура». Касательно перевертыша Нути-Нагути. У него ведь тоже весьма скользкое имя... Вот она и третья заинтересованная раса! Ведет себя перевертыш тише воды, ниже травы, и не вспомнишь о нем лишний раз. Как стреляет и мечет ножи, тоже задумываться не будем. А вот тот факт, что во время драчки с шат-тсуровской пехтурой отсиделся в стороне, — запомним... Еще один агент в группе? Ой, войнушка, ой, беда... И ведь, к безмерному сожалению — все наверняка всерьез!!! Так всерьез, что и думать не хочется. И стрельба всерьез, и стычка агентов если случится — тоже всерьез. Хоть вой от тоски. А жизни и здоровье настоящих туристов — на Скотче и Валти.

Выдался тур, ничего не скажешь!

Скотч очнулся от безрадостных дум, встряхнулся и поднялся с теплой, усеянной сухими листьями земли.

— Кончай отдыхать! — скомандовал он негромко. Не хотелось орать на весь лес. Поди проверь — шныряют сейчас невдалеке окаянные скелетики или, напуганные смертоносной вылазкой Семенова, предпочли пока убраться. Лучше не орать, целее все будут.

Туристы нехотя вставали. Скотч был уверен: умом все прекрасно понимают его правоту, неохота проистекает не от головы, а от натруженных ног. Заданный после стычки темп даже гиды выдерживали с трудом. Чего уж про остальных говорить... На Гунилу и Тентора больно было смотреть. Они, похоже, рюкзаки даже не в ноль, а в минус по весу выставили, и все равно оба напоминали выброшенных на берег рыбин. Рты по крайней мере они разевали очень похоже, а брыли на мясистых щеках Гунилы к тому же весьма напоминали шевелящиеся жабры. Остальные крепились. И неподготовленная Орнела, и подготовленные Валентина Хилько и Патрис Дюэль. И железный Цубербюллер крепился. Относительно Семенова и перевертыша Нути-Нагути трудно было сделать какие-либо выводы: об усталости первого говорил разве что выступивший на лбу и висках пот, а второй — инопланетянин, шут его знает, каковы истинные возможности ооонс? Может, он и не устал вовсе. Хотя отдыхал вместе со всеми, привалившись спиной к молодому мшистому кедроклену.

— Держитесь, недолго осталось! — подбодрил Скотч подопечных. Коллеги в понукании не нуждались: на работе, чай, не в отпуске. И не такое, бывало, терпели. А туристов лишний раз подбодрить всегда полезно.

— Валти замыкающим! Не зевать! Не шуметь! Слушать мои сигналы! Марш!

Вадим первым устремился в направлении оврага.

«Озеро обойдем, — подумал он озабоченно. — Там место открытое, да еще уток ненароком вспугнем — скелетики вполне могут вести наблюдение с воздуха. Обойдем, так спокойнее».

Тело привычно входило в режим экономного бега. Ружье на шее, руки на ружье, три шага — вдох, три шага — выдох. Ботинки ритмично вминают лесную подстилку. Раз-два-три, раз-два-три... И так по кругу. Через пенек — прыг! Пригнуться — ветка над тропой нависает... Раз-два-три, раз-два-три...

До места, где Скотч намеревался оставить группу, привалов больше не делали. Надо было видеть счастливые глаза измученных марш-броском людей, когда прозвучала команда: «Стой! Отдыхать всем! Хидден и Валти в дозор!»

Валились прямо на тропу, не снимая рюкзаков. Цубербюллер и Семенов отыскали силы сначала закрепить поводки с припасами и четверкой раненых и только потом уж уселись почивать. Патрис, откинувшись на ствол дерева, блаженно прикрыла глаза. Боты просто полегли в кустарник, как свиньи в лужу. Перевертыш, присев на корточки, помогал Валентине — что-то с лямкой рюкзака у нее стряслось.

— Влад! — как можно небрежнее обратился Скотч к Семенову. Тот поднял взгляд. — Пойдем, поможешь...

Семенов, не высказывая недоумения или недовольства, тут же встал. Ну да, правильно, если подозрения верны — он и не выскажет ничего похожего.

Они пошли вперед, за Валти. Менее опытного и к тому же подраненного коллегу — Хиддена — Скотч намеренно выслал назад, туда, где группа совсем недавно проходила. На рысях проходила, в темпе. А матерого волчару Валти — вперед, в неизвестность. Только Валти не подозревал, что «дозор» служит больше прикрытием, чем действительно дозором. Скот-

чу не хотелось беседовать с темнилой Семеновым с глазу на глаз. Не то чтобы Скотч боялся... Если Семенова и впрямь стоит бояться, то и вдвоем гиды ему не соперники. Вон скольких скелетиков шутя положил! А ведь скелетики — не гиды какие-нибудь, привыкшие в основном попугивать совершенно безобидными вещами лентяев-туристов. Регулярная пехота... или кто они там? Впрочем, пехотой их назвал именно Семенов, а из предстоящей беседы Скотч в основном намеревался выяснить, стоит ли Семенову верить. Верить хоть сколько-нибудь.

Валти успел устроиться справа от тропы, в густом подлеске. Показался на миг напарнику, маякнул ручкой и снова исчез. Скотч жестом пригласил Семенова. Тот все так же безропотно согнулся в три погибели и полез под колючие лапы полисаула.

Скопления кустов полисаула имеют одно весьма удобное для наблюдения и маскировки свойство. Насколько густо переплетаются внешние ветви, настолько же чахло и неохотно они растут внутрь скопления. В сущности, заросли полисаула напоминают естественную крепость-плетенку. Зачастую внутри даже выпрямиться во весь рост можно. Эдакий колючий снаружи и пустотелый изнутри, чуть приплюснутый сверху шар, сплошь состоящий из твердых, хаотично изогнутых веток. Ветки вдобавок усеяны иглами и шипами. А центр этого растительного пузыря, как правило, пронизан стволом одиночного дерева. Древесная крона — надежное прикрытие сверху.

В одной из таких крепостей Валти и облюбовал наблюдательный пункт. В щели между ветвями хорошо просматривалась тропа, причем в обе стороны. Самого же наблюдателя снаружи заметить было невероятно трудно. Если бы напарник не показался по собственной инициативе, вполне возможно, что Скотч искал бы его очень долго.

Внутри было сумрачно; сквозь многочисленные просветы, в которые разве что палец можно было просунуть, нехотя вливался дневной свет, и так уже приглушенный кронами настоящих деревьев. Некоторое время глаза будут привыкать к полутьме.

— За тропой-то приглядывай, — хмуро обратился Скотч к Валти, опускаясь на корточки. — Разговоры разговорами, но дозор вполне настоящий.

Валти тотчас уселся вполоборота к остальным.

Чем ближе становился разговор, тем сильнее мрачнел Скотч. В глубине души он даже надеялся, что Семенов не выдержит и сам все расскажет. Относительно собственных... необычных способностей и навыков, скажем так. Но Семенов сидел все так же невозмутимо, словно ничего и не произошло за последнее время. Мол, я не я и лошадь не моя.

— Ну что? — начал наконец Скотч, осознав тщетность всякого ожидания. — Поговорим?

Семенов пожал плечами. Со стороны его движение можно было расценить как угодно: и как согласие, и как отказ.

— Кто ты такой? — напрямик спросил Скотч. Спросил, как отрубил. Откровенно говоря, Скотч рассчитывал прямотой разоружить собеседника, заставить растеряться и занервничать. Но Семенов даже бровью не повел:

— Турист я, Вадим. Обычный турист.

— Угу, — по-прежнему хмуро поддакнул Скотч. — Обычный такой турист. Пачками шинкующий регулярную пехоту шат-тсуров.

— Это была не пехота, — спокойно уточнил Семенов. — У скелетиков пехоты как таковой нет, только спецподразделения, десантура. Нас атаковал регулярный флот, пустотники. Флотские не умеют брать планеты, они дерутся в космосе и на чужих кораблях. Да и то... в основном тогда, когда драться уже толком и не с кем. Впрочем, подразделение, с которым мы сцепились, у скелетиков котируется повыше десанта. Зря, я всегда это говорил.

— Поразительные знания для обычного туриста, не находишь? Вкупе с поразительными навыками — которые со стороны выглядят... Как бы это помягче сказать? Подозрительно боевыми выглядят. Получается замечательный набор. Супердженгльменский. Эдакий джедай-ниндзя, человек-оркестр. В одиночку действующий против трех дюжин шат-тсуров и пешком пытающийся штурмовать космический челнок. Не дури мне голову, Семенов. Я ведь еще на тренировках заметил, что

ты всегда выдаешь усредненный результат. И на стрельбах, и на прикладухе. У каждого туриста, даже самого тупоголового — вроде четы Ботов — есть свой конек. Любой, кому жало космического туризма вонзается в задницу, хоть что-нибудь да умеет получше прочих. Ты же — воплощение среднестатистического индивида, вплоть до имени, фамилии и биографии. И водку вдобавок втихаря не хлещешь, как любой нормальный отпускник. Давай кончай темнить и колись, кто ты и зачем здесь.

Семенов еле заметно улыбнулся. Держался он без перемен, спокойно и непринужденно.

— Вадим, я здесь — на отдыхе. Честно.

— Ага. Верю, аж бегом, — фыркнул Скотч. Он начинал потихоньку злиться.

— Просто мы попали... в очень нетривиальные условия, понимаешь? В противном случае я так бы и остался для тебя среднестатистическим болваном-трезвенником. Или ты предпочел бы сдать Воронцова, Подоляна и Фаусто шат-тсурам?

— Нет, — нервно ответил Скотч. — Я предпочел бы не сдавать Воронцова, Подоляна и Фаусто шат-тсурам. А еще я бы предпочел твердо знать, в какой мере могу рассчитывать на каждого из клиентов в создавшихся очень нетривиальных условиях. Понимаешь? Я за всех отвечаю перед компанией, в том числе и за тебя. За ваши жизни. И поэтому я хочу знать — кто ты? Насколько я могу на тебя полагаться в трудную минуту? Как тебя лучше использовать в этой, мать ее, партизанщине? У меня и так голова кругом и поджилки трясутся, а тут еще ты со своими тайнами! Не темни, Семенов! Давай-ка играть в открытую.

Семенов остался непреклонен:

— Считай, что я обычный турист. Ну, разве что стреляю получше и со скелетиками умею как следует общаться.

Скотч разочарованно вздохнул и с горечью покачал головой:

— Не понимаешь... Семенов, я ведь серьезно. Я гид, а не партизан. Я не умею водить группы по лесу, где под каждым кустом может оказаться чужой с лучеметом. А ты, судя по всему, умеешь. Я помощи прошу, понимаешь? Если ты в состоя-

нии спасти группу — ты должен ее спасти. Начнется за нами охота, что тогда делать? Я ошибок наделаю, а ты так и станешь молчать да отсиживаться в стороне?

— Не станет, Скотче, — вмешался Валти, до сих пор, по обыкновению, больше слушавший, чем говоривший. — Помнишь, ты его с Патрис в дозор перед нападением чужих сплавил. А он не пошел. И знаешь почему? Потому что знал: сейчас он нужнее в лагере. Так ведь, Влад?

Голос у Валти был в меру доверительным. Чуть больше доверительности, и слова прозвучали бы фальшиво. А так — вполне.

— Да и потом... Разве он отсиделся в стороне, когда Воронцов с Подоляном и Фаусто на штурм поперлись?

Скотч промолчал, хотя внутренне был согласен с напарником.

— Ну, допустим, — неожиданно сдал первую позицию Семенов. — Я действительно не сомневался в атаке на лагерь и потому ослушался приказа уйти в дозор. Правда, не ожидал, что наша геройская троица пойдет в штыковую. Еле поспел за ними.

Несколько долгих секунд под сенью сросшихся кустов полисаула царило насыщенное молчание. Валти, отвернувшись, глядел сквозь облюбованную прореху на тропу. Семенов глядел в пол. Скотч — на Семенова.

— Я действительно кое-чего умею, Вадим. Но на Табаске я в настоящем отпуске. И это не легенда. Реабилитация у меня. Психодинамическая реабилитация. После одной... малоуспешной операции.

Скотч с готовностью закивал. Смешно, конечно, было ожидать более пространных откровений.

— Учти: все, что я говорю, я не имею права говорить. И не сказал бы в жизнь, если бы не вторжение. Так что считай, будто ничего не было сказано.

— Вторжение? Думаешь, это вторжение? — спросил Скотч; голос его прозвучал чуточку жалобно, будто у обиженного зазря ребенка.

— Думаю. Шат-тсуры готовились к войне. Просто начали куда раньше, чем ожидал полумертвый галактический союз.

— А зачем шат-тсурам Табаска? — недоумевающе протянул Скотч. — Тоже мне, сокровище... Практически ненаселенный заповедник...

— Не знаю зачем. Но раз вторжение состоялось, Табаска того стоит.

— Н-да — Скотч отложил ружье в сторону, прямо на слой высохших игл, и поскреб в задумчивости затылок. — Так что, выходит — снова война?

— Выходит. И, кстати, в связи с этим мы имеем веселенькую ситуацию прямо у нас в группе.

— В смысле?

— Перевертыш.

— А что перевертыш? — осторожно уточнил Скотч.

— А то, что, по нашим данным, раса ооонс намеревалась выступить единственным изначальным союзником шат-тсуров в предстоящем галактическом конфликте. Потом, если война развернулась бы для шат-тсуров успешно, к ним наверняка примкнули бы еще некоторые новоразумные расы и, возможно, кто-нибудь из второй волны высших. Но ни в коем случае не сразу. Стало быть, если ты всерьез собрался партизанить, то знай: у тебя в отряде враг.

— Слушай! — враз оживился Скотч. — У этого перевертыша ведь имя липовое!

— Нути-Нагути? Так это не имя, это прозвище. Вполне безобидное, кстати, так на Иншуди сплошь и рядом пилотов называют. Мирское имя перевертыши чужакам просто так не засветят. А клановое скрывают даже от сородичей. Нет, Вадим, если перевертыш и не простой турист, по одному лишь имени ты ничего не вычислишь.

— А он не простой турист?

— Откуда мне знать?

— Знаешь, — решил пооткровенничать Скотч, — я уж было решил, что перевертыш какой-нибудь засланный агент, а ты за ним присматриваешь.

— Ага, — насмешливо хмыкнул Семенов, — и при первой же возможности засвечиваюсь дальше некуда. Нет, Вадим, не туда ты обратил свой бдительный взор. В моем случае.

— Не понял? Значит, в нашей группе все-таки не все туристы?

— Ну, — вздохнул Семенов, — один не вполне турист таки есть. Точнее, не вполне туристка.

Скотч и Валти буквально прикипели взглядами к Семенову. Дело вдруг приобретало захватывающе-неожиданный оборот. Оба даже на какое-то время забыли о варианте, при котором Семенов мог по-прежнему темнить и плести байки. Сейчас они Семенову верили — верили на все сто. Как обычные гиды, неискушенные в сложнейших агентурных тонкостях и играх.

— Туристка? Патрис, что ли?

— Нет, не Патрис. Валя Хилько. Вот она здесь однозначно на задании.

— Упс! — поразился Скотч. — Час от часу не легче! А с ней-то что не в порядке? Какое еще задание?

— Да простое, — усмехнулся Семенов. — Контроль моего психокондиционирования.

— Хм... А это у вас обычная практика, что ли?

— Не всегда. Только... в особо тяжелых случаях.

— Извини, — мгновенно сопоставил Скотч. — У тебя и впрямь тяжелый случай?

— Видимо, да. По крайней мере так сочли там... — Семенов многозначительно указал взглядом вверх, — раз приставили.

— Так вы из одной... конторы?

— Нет. Валентина — просто психолог-прикладник. Хотя, возможно, и аналитик тоже.

— А как ты ее вычислил? — поинтересовался Скотч.

Семенов усмехнулся шире и опустил взгляд:

— Да какая разница как... Важно то, что на нее ты можешь полагаться так же уверенно, как и на меня. В том смысле, что больше, нежели на простого туриста.

— А на тебя, стало быть, я могу полагаться?

— Можешь. Для меня шат-тсуры — противники. Думаю, ты знаешь о воинской присяге, Вадим. Я принимал присягу на верность доминанте Земли, и я верен присяге. Что бы ни случилось.

Семенов говорил так твердо и серьезно, и в то же время так буднично, что Скотч невероятно остро почувствовал громадное облегчение. Темная лошадка, скрытый козырь, человек-тайна Владимир Семенов заодно с ним. С гидом «Экзотик-тура», замыслившим хорошо попортить нервы захватчикам на оккупированной планете. Скотч поверил Семенову — есть вещи, которыми *так* и в *такой* ситуации не шутят.

— А теперь, Вадим, я буду безмерно благодарен, если ты посвятишь меня в свои планы на ближайшее будущее. То, что ты намерен сохранить группу, я уже понял. А еще?

— Ну, для начала, я думаю, надо отсидеться в укрытии, — с воодушевлением начал Скотч. — Туда я, собственно, всех и веду. Есть тут неподалеку одна пещерка. Бункерочек такой небольшой. Чужие ведь нас искать будут. Особенно после того, как ты постарался. Если у них нет чувствительных биодетекторов, можем и отсидеться.

— Глупо на это рассчитывать, Вадим.

— Надо же хоть на что-то рассчитывать. А потом я хотел наведаться на турбазу и поглядеть, что там и как. Все-таки там у меня тоже остались подчиненные, за которых я в ответе.

— Я и без визита могу рассказать тебе, что там и как. На турбазе — оперативный штаб шат-тсуров. Твой персонал схвачен и либо заперт, либо вывезен.

— Тогда тем более я хотел бы наведаться, — заявил Скотч. — Партизанить так партизанить!

Семенов покачал головой, то ли недоверчиво, то ли одобрительно:

— Решительный ты малый! А к бункерочку вашему сперва наведаться нужно, причем без группы. Раз склад у Мангрового залива вскрыт, могли и бункерочек распотрошить. Если хочешь, подсоблю, прикрою.

— Вот это разговор! — оживился Скотч и потянулся за ружьем. — Пошли тогда?

Он ожидал иной реакции от Семенова. Вопроса какого-нибудь вроде: «Что, прямо сейчас?»

Семенов просто безмолвно кивнул и полез под колючие лапы полисаула.

Покинуть естественную крепость было заметно легче, чем попасть в нее.

— Поосторожнее там, — напутственно буркнул из зарослей невидимый Валти.

— Обязательно, — пообещал Скотч, перехватил ободряющий взгляд Семенова и, не оборачиваясь, потрусил вдоль по тропе. Семенов тенью последовал за ним.

Чем ближе они подбирались к оврагу, тем медленнее и осторожнее бежали. Вскоре и вовсе двинулись шагом, вслушиваясь в предательскую тишину леса. Собственно, тишиной ее и назвать-то было трудно: лес всегда полон звуков, что днем, что ночью. Но Скотч давно привык к его голосам и сейчас пытался уловить как раз чужеродные звуки. Свист рассекаемого кораблем воздуха. Шипение гравилифтов. Топот непривычных к лесу ног и певучие голоса скелетиков. Но в обычный лесной концерт не вплетался ни единый посторонний звук. Причем по голосам жаворонков, парящих высоко в небе над оврагом, можно было предположить, что все спокойно. Спокойно минимум пару часов — только в этом случае жаворонки выползают из нор в склонах оврага и вылетают на дневную охоту. Хотя... Шат-тсуры могли оставить в овраге засаду. И если она расположилась в верхней, узкой части да не шумит почем зря, жаворонки с ней смирятся.

Скотч послушал еще немного и показал Семенову, что нужно забрать немного правее.

Он решил выйти к оврагу именно с узкой части. Сверху. Оттуда и видно лучше, и если вдруг стрелять придется — удобнее, и вообще...

Спешить не стоило. Скотч и не спешил. Один ненароком задетый камень, одно неосторожное движение — и все их скрадывания моментом пойдут насмарку. А это непозволительно. Поэтому лучший гид «Экзотик-тура» не спешил, перестраховывался на каждом шаге. Умница Семенов схватывал все на лету, подстраивался по ходу дела, причем никакие слова для этого не требовались.

И правильно они подстраховывались, как выяснилось.

Нет, в овраге они никого не увидели, сколько ни смотрели с разных точек. Но... Скотча не оставляло чувство, будто

сквозь колючие кусты на самом дне кто-то недавно продирался. Совсем недавно — буквально вчера днем или даже вечером. И Семенов, кажется, это тоже заметил.

На голом месте было до жути неуютно, Скотч поминутно обозревал небо, но ничто не нарушало его глубочайшей голубизны. Скелетики если и носились над Табаской в своих мобильных корабликах, то где-то далеко от заветного оврага.

На какое-то время гид и его добровольный помощник замерли в десятке метров друг от друга. Снова и снова Скотч зыркал в овраг, словно из укрытия в пещерке мог кто-нибудь показаться. Поэтому когда откуда-то снизу вынырнул юркий худощавый человечек в незнакомом, но явно форменном комбинезоне, Скотч с трудом удержался от вздоха облегчения и мельком взглянул на Семенова. Лицо спутника не выразило ни единой эмоции.

«Вот те на, — подумалось. — И впрямь гости. Вроде человек. Или, мать его, перевертыш? Не видно...»

Человечек завертел головой, в свою очередь осматривая небо.

«Боится, поди, — подумал Скотч, морщась. — Раз боится, вполне может оказаться другом, а не врагом. Но спешить с выводами все равно не следует».

Скотч неожиданно осознал, что успокоился. До того холодного и расчетливого состояния, в котором совершают подвиги, предают друзей и входят в историю. Такое состояние годится для всего: и для героизма, и для злодеяний. Оно всего лишь навсего гарантирует успех любого начинания, будь оно добрым, будь оно злым. Возможно, на Скотча благотворно подействовало присутствие Семенова — рядом со столь неординарным человеком и впрямь чувствуешь себя спокойнее. Когда он на твоей стороне, конечно.

Человечек тем временем отбежал к потревоженным кустам и пристроился по малой нужде. Неслышно хмыкнув, Скотч знаками разъяснил свои намерения Семенову; тот кивком высказал одобрение. Скотч покинул свой наблюдательный пост и молниеносно продвинулся по одной из сторон оврага к тем же кустам. Таким образом, чтобы зайти незнакомцу за спину. Семенов остался на подхвате.

Незнакомец облегчался и знать не знал, что через какие-то секунды станет пленником. Языком.

Последнее, что сделал Скотч перед стремительной атакой, это обернулся ко входу в пещерку (никого) и зачем-то взглянул на обувь будущего языка. Язык был обут в пустотные ботинки.

Он как раз застегивал свой невоенный комбез, когда Скотч бесшумно соскользнул по склону и от души угостил ребром ладони по шее. Парень — а язык был даже моложе Скотча — тихо, как-то до жути по-домашнему уютно всхрапнул и наладился осесть на рыжий овражный суглинок. Скотч, понятное дело, упасть ему не позволил: подхватил за локоток, забросил руку за шею, напрягся и втащил вверх по склону. Там быстро прикрепил гравикомпенсатор, наспех подстроил, дал энергичную отмашку Семенову и бегом побуксировал бесчувственного незнакомца к лесу.

Обратный путь показался совсем коротким.

Уже приближаясь к посту Валти, где Скотч решил устроить допрос, стало понятно: парень очнулся. Но скрывает это, хитрит. Компенсатор спеленал языка по полной программе, режим был выбран грамотно. Охотничий, предназначенный для транспортировки еще живой и опасной дичи. Виверны, например, или хурмача. Так что глупостей от пленника ожидать не приходилось.

Отсигналив, что приближается свой, Скотч вышел на тропу, а спустя пару минут устало приземлил ношу рядом с приплюснутым шаром полисауловых зарослей. Все-таки взятие языка оказалось не таким простым делом для мирного, хотя и прекрасно подготовленного гида «Экзотик-тура». Непростым — морально.

А для Семенова, похоже, эта вылазка была чем-то ужасно рутинным и сто раз надоевшим.

— Это еще что за фрукт? — с неподдельным интересом спросил Валти, выглядывая снизу, из-под веток.

— Сейчас и выясним, — довольно проворчал Скотч. — Давай-ка его свяжем по старинке, вдруг эта чертова блокада компенсаторы погасит.

Валти немедленно втащил языка в заросли и сдернул с пояса дежурный моток веревки. Пару минут, и пленника, уже не скрывающего приход в сознание, надежно примотали к бронзовому стволу кедроклена в самом центре «помещения».

К этому моменту зачем-то задержавшийся снаружи Семенов присоединился к гидам в крепости. Невольно Скотч поглядел на него. Похоже, подсознательно искал поддержки и одобрения.

Семенов махнул ему: начинай, мол.

«Поможет, если что, — подумал Скотч с уверенностью. — Это здорово».

— Ну что, голубец, — обратился он к языку. — Привет, что ли. Говоришь на русси?

— Привет, — буркнул язык на русси.

— Давай, поведай нам, кто таков и что в нашем бункере делаешь. Врать, ясное дело, не советую.

— А сами-то вы кто? — спросил пленник. — С турбазы небось?

Скотч хотел веско сказать: «Вопросы здесь задаю я!», но вовремя сообразил, что это прозвучит на редкость пошло.

— Ты отвечай, отвечай, — нашелся он почти сразу. — Спрашивать потом будешь.

Пленник поморщился, откинул голову на ствол и тяжко вздохнул.

— Послушай, — обратился он к Скотчу подозрительно доверительным и дружелюбным образом. — Ты человек, и я человек. Сдается мне, что у нас с тобой нынче общий враг. Шат-тсуры, поющие скелетики. Может, мы и влезли в ваше убежище в овраге, но поверь — не от хорошей жизни. Скверные тут у вас творятся дела. Прямо война...

Скотч снова покосился на Семенова. Тот слушал с кривой усмешкой на устах. Но пока не вмешивался.

— Ладно, хрен с тобой, поведаю сначала, кто я такой. — Скотч решил, что после внесения ясности в этот вопрос язык станет поразговорчивее. Действительно ведь человек, не чужой. — Я — гид туристической компании «Экзотик-тур». Вся южная часть континента — заповедник, принадлежащий компании. Никто, кроме работников и клиентов «Экзотик-тура»,

не имеет права здесь находиться, это, надеюсь, доступно? Между прочим, я и мои коллеги имеем право без предупреждения стрелять в браконьеров, буде таковые обнаружатся на территории заповедника.

— Браконьеры не являются целой армадой боевых кораблей, — невпопад ответил пленник. — И не врубают тут же техноблокаду.

Скотч смешался на несколько секунд, но тут, к великому счастью, ожил Семенов.

— Ладно, мил-человек, вижу, ты скрытен сверх меры, а у нас со временем, увы, туговато. Давай-ка я тебе кое-что расскажу.

С невыразимым удовольствием Скотч уступил инициативу тому, кто, по идее, чувствует себя на допросе как краб на мелководье. Причем наверняка и в роли допрашивающего, и в роли допрашиваемого.

И Семенов не подкачал.

— Во-первых, ты — искатель с Поисковой Базы доминанты Земли; зовешься Александром Веселовым, что явствует из шифра над твоим нагрудным карманом. Группу крови и клеточный код опустим, сейчас они не важны. Четыре дня назад ваша скорлупка в полуаварийном режиме шарахнулась в реку неподалеку отсюда, и вы предпочли смыться с борта от греха подальше, поскольку за вами гонится целая, как ты выразился, армада боевых кораблей доминанты Тсурры. А раз на вас охотятся скелетики, можно смело предположить, что господа искатели накопали где-нибудь в космическом захолустье нечто весьма забавное и перспективное. Ну, как тебе моя история?

Скотч с суеверным ужасом поглядел на Семенова: во дает спец! Во профи! За пару секунд все вычислил и сопоставил!

По тому, как разгорелись и забегали глаза пленника, несложно было понять: Семенов бьет в самую точку.

— И собрались вы, голуби мои... Сколько вас там, кстати? — продолжал Семенов. — Впрочем, не важно, человек пять — десять, вряд ли больше. Так вот, собрались вы залечь в нору и отсидеться, пока скелетики с ног сбиваются, вас ищучи. Уповаете небось на слабость биодетекторов да на скорую

помощь, потому что о находке на Поисковую Базу твой бригадир, как водится, сообщил в первую голову.

Валти сдержанно захихикал со своего места у облюбованной щели. Искатель Александр Веселов понурил голову и вид приобрел удивительно жалкий. Обидно, когда настроишься терпеть все, что угодно, вплоть до пыток, но молчать. А тебя колют в первые же десять минут, причем без всякого труда. Любому станет обидно. Особенно непрофессионалу, когда он сталкивается с мастером закулисных игр, видящим собеседника насквозь.

— А еще я могу рассказать тебе, что произойдет в ближайшие же часы. Вернее всего утром, потому что ночью скелетики вряд ли полезут в чащобу, тем более после такой гостеприимной встречи, какую мы им устроили. Будет высажен десант. Большой десант. И не балбесов флотских в него бросят, а элиту, спецназ. И отыщут они вас, соколики, в вашем убежище максимум за сутки. И выкурят без труда — что такое «генераторы тоски», я думаю, ты прекрасно знаешь.

Семенова слушали все: и пленный, и Скотч, и Валти, слушали с напряженным интересом, ибо каждый вдруг непостижимым образом уверился — Семенов, во-первых, прекрасно знает, что говорит, а во-вторых, видит какую-то альтернативу, не настолько мрачную.

— И тогда — прощай секрет! Доминанта Земли лишается важной информации, ее получает доминанта Тсурры... а твой шеф боится этого, как черт ладана. Значит, секрет ваш и впрямь многого стоит.

Семенов на миг остановился, еще сильнее нагнетая обстановку.

— Но есть выход. И для вас, искателей, и для нас, поскольку перед лицом вторжения с Тсурры мы даже не союзники, мы одна команда. Земляне. Видишь вот это?

Семенов ловко подбросил на ладони небольшой шарик — один из тех, что снимал с мертвых десантников после побоища.

— Это поглотитель излучения «тоски». Щит. У меня их много, хватит на всех. А значит, объединившись, мы сумеем

встретить скелетиков подобающим образом. Как тебе такая идея?

Искатель молчал, напряженно переваривая услышанное.

— Да ты не робей. — Семенов ободряюще похлопал его по плечу. — Шеф твой только рад будет. Кстати, ты поговори с ним, техноблокаду уже сняли.

— Как сняли? — удивился Скотч.

— Сняли, можешь проверить.

Скотч немедленно схватился за рацию и вызвал Хиддена. И Хидден ответил:

— Да, босс!

— Ёлы-палы! — сказал Скотч. — Техноблокаду сняли! К чему бы это?

— Да к тому, что десант уже высажен, — ответил за Хиддена Семенов. — Скорее всего вблизи места сегодняшней стычки и в месте посадки поискового рейдера. Ну же, Веселов, не робей, вынимай свой наушник, я ж вижу, что он у тебя в нагруднике. Давай я тебе руки развяжу.

Он взялся за веревку; освобожденный искатель Веселов медленно-медленно вынул из кармана телефончик и приладил его к уху.

— Шеф! — хрипло позвал он.

Бригадир отозвался спустя секунд десять, не раньше:

— Кадет? Ты куда пропал, леший тебя подери?

— Я людей встретил. С турбазы. Они тут со скелетиками воюют. И предлагают объединяться. А еще они все знают про нас.

Тахир Плужник долго молчал, не зная, как поступить.

— Дай-ка мне, — сказал Семенов, поморщился и протянул руку. Веселов покорно отдал ему наушник.

«Ну, все, — с облегчением подумал Скотч. — Этот точно убедит. А наш партизанский отряд, похоже, теперь станет многочисленнее».

Через минуту Семенов вернул наушник искателю, совсем отвязал его от кедроклена и буднично позвал:

— Пошли! Мы с ним, — Семенов кивнул на Веселова, — в овраг, а вы с Валти — за остальными. И рюкзак мой не забудьте, пожалуйста!

— Не забудем! — пообещал Скотч и только сейчас сообразил, что рация в опущенной руке уже с минуту издает монотонное: «Шеф! Ты где? Шеф!» — голосом Хиддена.

Скотч поднес рацию к губам.

— Тут я! — сказал он. — Ты в порядке? Все спокойно?

— Спокойно. Я в порядке.

— Тогда дуй в лагерь, снимаемся. Все, до связи.

— Понял.

Хидден отключился. Полминуты — и рукотворная крепость в зарослях полисаула опустела.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Глубокий космос

— Лейтенант Хмелевой, сэр! — доложил визитер.

— Проходите, садитесь, — пригласил адмирал Хемерсбрандт. Он старался говорить дружелюбно, хотя вот такие визиты офицеров в невысоких чинах к командующему флотом были, мягко говоря, нетипичны.

— Благодарю. — Лейтенант по-военному четко промаршировал по ковру и уселся на привинченный к палубе стул.

— Что у вас? — поинтересовался адмирал, решив не тратить время попусту.

Параллельно он вызвал в видеокуб данные по офицеру, который сейчас сидел напротив.

«Хмелевой, Виктор Юрьевич, канонир шестнадцатой батареи. Окончил училище на Венере, во флоте девять лет. Четырнадцать поощрений, два взыскания. Шесть боевых вылетов».

«Странно, — подумал адмирал. — Девять лет выслуги, шесть боевых, куча поощрений — и до сих пор канонир. И всего лишь лейтенант. Давно пора повысить. Хотя бы до командира батареи».

Лейтенант вдруг без разрешения встал, приблизился к столу; Тим Хемерсбрандт невольно напрягся. Рука заучен-

но скользнула к неприметной нише под столешницей, где специальным сенсором активировались скрытые парализаторы. Но кисть, уже коснувшаяся кнопки, замерла.

Хмелевой показывал адмиралу небольшой круглый жетон с двумя латинскими буквами — «CQ». Убедившись, что адмирал увидел жетон, лейтенант так же спокойно и невозмутимо взгромоздился на стул.

Руки адмирала вернулись к терминалу. Он набрал секретный код и получил доступ к менеджеру суточных паролей. Прочел сегодняшний и требовательно уставился на Хмелевого. Тот взглядом указал на включенный референтский селектор.

Пришлось отключиться от внешнего мира.

— Ай-ти-семь-эс-икс-два-эф-вэ, — негромко, с преувеличенной артикуляцией сказал лейтенант.

Пароль был назван верно.

— Слушаю вас, — сказал адмирал.

— Капитан Фокин, внешняя разведка, — представился «канонир».

Теперь стало понятно, почему этот парень до сих пор торчит на младшей офицерской должности. Так удобно разведке, а в дела ребят из разведок вмешиваться не принято. Хемерсбрандт никогда не вмешивался. И помощникам своим заказал. В конце концов, любая разведка работает на всю доминанту Земли, а флот — только на Солнечную систему.

— Что вам известно о событиях на Табаске, господин адмирал?

— Можно без господина, так короче, — предложил Хемерсбрандт.

— Идет, адмирал. Так что?

— Вторжение шат-тсуров столкнулось с непредвиденными сложностями, — ответил Хемерсбрандт. — Некие туристы организовали вооруженный отпор и даже вроде бы десант шат-тсуров слегка потрепали.

— Не потрепали. Состоялось две стычки, в одной погибли двенадцать десантников, во второй — почти сорок.

— И что сие означает?

— Среди туристов наш человек. Вероятно, туристов он и организовал на сопротивление. Но есть один фактор: он там не на задании. В отпуске. Точнее, на психореабилитации.

— Ну и что? — Адмирал пока так и не понял, что, собственно, нужно этому разведчику.

— Кроме нашего человека, среди туристов значится также оаонс-перевертыш с Иншуди. Вероятно, он также взаимодействует с разведкой своей доминанты. Цель его пребывания на Табаске неясна; известно также, что участие в «экзотик-тур» на Табаску он оплатил раньше, чем было принято решение отправить на отдых туда же нашего агента. То есть цель перевертыша — не наш агент. Его цель на Табаске.

— Что я могу для вас сделать?

— Прежде чем «Евразия» ввяжется в бой с флотом шаттсуров, нужно забросить несколько человек на Табаску. Меня, еще двоих из экипажа, я потом укажу, кого именно, и взвод мобильной пехоты. В полной боевой, разумеется.

— Прикрытие нужно?

— Нет, придадите пехотинцам два орудия, так что канонир им все равно понадобится. Остальные двое из моих — специалисты, их участие тоже не вызовет подозрений. Кибернетик и мнемотехник. Пехотинцев желательно взять из роты разведки, той, что чистила базу Германа де Шатоли на Ганимеде.

— Сделаем. Сроки?

— Каково расчетное время финиша в системе Табаски?

— Сто одиннадцать часов с минутами.

— Сразу по финишу десантируемся. Десантироваться, кстати, придется методом точечной заброски.

Хемерсбрандт озабоченно нахмурился. Точечная заброска была делом довольно опасным и пока еще плохо освоенным. Специальная установка счетверенных малых икс-приводов швыряла каждого десантника из стартовой гермозоны прямо в атмосферу нужной планеты. Наведение должно быть ювелирным, а десантники — опытными. Иначе — верная смерть. Разведрота, о которой упоминал Хмелевой-Фокин, проводила учебные занятия по точечной заброске, но реально ни одной боевой высадки не совершила.

— Вы не переживайте, адмирал. Маска расчетов наведения у меня имеется. Успеем, нужно будет обсчитывать уже готовые шаблоны. За оставшееся время вполне реально собрать все данные о каждом десантнике, от веса в снаряженном состоянии до пси-индекса.

— Отчаянный вы человек, капитан, — откровенно сказал адмирал.

Разведчик сухо улыбнулся:

— Работа такая...

— Все сделаем. Командовать взводом будете вы?

— Нет, зачем же? Офицер-пехотинец. Я его просто проинструктирую перед высадкой. Вот список всех, кто понадобится. Семнадцать человек, включая меня. Как приказ будет готов, список уничтожьте.

— Добро.

— Спасибо, господин адмирал!

— Служу Земле, — усмехнулся Хемерсбрандт. — Все мы служим Земле, капи... э-э-э... лейтенант Хмелевой.

— Так точно, адмирал! — Собеседник встал. — Разрешите идти?

— Идите, — кивнул адмирал.

И подумал: «Удачи тебе, мальчик. Всем вам удачи, сорвиголовы».

Некоторое время он в задумчивости сидел, отрешенно глядя на столешницу и почти при этом не двигаясь. Потом включил селектор и попросил чаю.

— К вам еще один посетитель, сэр! — бодро доложил референт-ординарец.

— Кто? — Хемерсбрандт уже ничему не удивлялся.

— Вице-адмирал Рудовски.

«Ого! — подумал командующий. — Чего это он лично пожаловал, связаться, что ли, не мог?»

Патрик Рудовски, начальник штаба флота «Евразия». Второй человек после самого Хемерсбрандта.

Он вошел вместе со стюардом, даже пропустил стюарда вперед. Ну да, на боевом корабле поднос с горячим чаем лучше иметь впереди, нежели за спиной, да еще в чужих руках. В любой момент корабль может тряхнуть. Всякое бывает.

— Приветствую, Патрик! — поздоровался Хемерсбрандт. Больше он ничего пока не говорил и не спрашивал; ожидал, пока выйдет стюард.

Наконец тот покинул адмиральский кабинет.

Рудовски молча приблизился и самостоятельно отключил селектор.

— Чего это ты пешком? — подозрительно спросил Хемерсбрандт.

Начальник штаба молча взгромоздился на стул для посетителей. Вне корабля, Хемерсбрандт знал, Рудовски обожает сидеть на стуле верхом, опираясь локтями о спинку. Но на флагмане мебель почти везде надежно крепилась к полу.

— Да.так... Мысль одна возникла. А у тебя тут закрытое что-то было, как я понял.

— Излагай, — вздохнул командующий.

Рудовски помассировал набрякшие мешки под глазами. Похоже, он не спал минимум сутки, а то и поболее.

— Ты не задумывался, куда именно мы заслали парламентерский бот азанни, на котором пик пирамид Ауни-на-Тьерц прибыл в Солнечную?

Хемерсбрандт на секунду замешкался.

— Нет... А куда? Координаты дежурный из месячной сетки взял, ты же знаешь.

— Я не соображу, что и думать, Тим. Сетку я сам проверил, дважды. Все сходится на момент подписания приказа, все по штабной таблице.

— Так куда их заперли? Хотели ж вроде куда подальше, с глаз долой?

— Хотели. А заперли прямехонько на Ухту. Это Пронг— тридцать третья, как ты знаешь.

Хемерсбрандт в замешательстве провел рукой по лицу.

— Ну и ну... — пробормотал он. — И что же, они добрались?

— Да. Шифровка получена.

— Но... Собственно, какой в этом криминал? Целью было просто увести бот подальше, обезопасив лидера Азанни и Солнечную систему. Да что я говорю, ты сам все прекрасно знаешь!

— Знаю, — согласился Рудовски. — Ладно, пускай, совпадения случаются и похлеще. Допустим. Хотя я бы все равно покопал еще немного. Смысл вот в чем: Тсурра однозначно свяжет прибытие бота и операцию на Табаске. И задумается: а зачем мы это сделали? И будет Шат Унве тщетно ломать голову и грузить аналитиков в поисках связи между двумя никак не связанными фактами. Ручаюсь, трогать бот они не станут. Станут только втихаря наблюдать и перехватывать депеши...

— ...и этим надо воспользоваться... — сразу уловил суть Хемерсбрандт.

— Именно! Нельзя экипажу позволить просто пробездельничать там четыре недели, а потом выслать за ними дежурного спасателя. Надо их озадачить, изобразить бурную деятельность. Пусть Тсурра грузит аналитиков, пусть ломает голову, пусть ловит черную кошку в темной комнате, хотя ее там нет и в помине. Нам это только на руку.

— А кто там в экипаже? — уточнил командующий «Евразией». — Я не вдавался.

— Офицер, унтер и четыре десантника. Офицер — Дариуш Маримуца, ты его должен помнить.

— Помню, — подтвердил Хемерсбрандт. — В целом вроде толковый малый.

— Вполне толковый. Если справится и вернется — вполне можно представить на капитана.

— Слушай. — Хемерсбрандт уже листал деловой дневник, одним глазом сканируя записи, а вторым кося на начальника штаба. — А чего им, собственно, на Ухте делать? Не снег же убирать. Давай их на Табаску переместим! Если Тсурра следит и выжидает, сквозь щит их скорее всего пропустят. Пусть дуют в район, где наши туристы войну затеяли. Пусть вместе попартизанят. Возможно, на них удастся оттянуть часть сил, занятых поисками искателей. А?

— На Табаску... Думаешь, пропустят?

— Конечно! Не реши шаты понаблюдать — бот бы уже сожгли. Еще на подлете. Состав флота Тсурры у Табаски просматривал?

— Разумеется, просматривал. Да, ты прав, наверное.

— Готовь приказ. Передадим шифроканалом, с помпой, чтоб точно перехватили. Голые координаты броска, без мотивов и заданий. Если уж путать шатов, так по полной программе.

— Будет сделано. Все, я пошел... — Начальник штаба так и горел нетерпением, словно за сравнительно долгую воинскую карьеру еще толком не навоевался.

— А чего ты пешком все-таки? Только без обиняков.

Уже у двери Рудовски обернулся, храня на лице смесь нетерпения и озабоченности:

— Знаешь... Что-то не доверяю я сетям последнее время. А уж если твой кабинет прослушивается... Тогда все вообще зря.

— Не прослушивается, — буркнул Хемерсбрандт, хмурясь. — Запись ведется, но и защита тут будь-будь. Да и проверяемся шесть раз на дню.

— Я — восемь, — вздохнул Рудовски. — Ладно, пошел... Документ на подпись я с вестовым пришлю. Давай все-таки никаких сетей до связи с ботом, а? Дадим им шанс, раз уж в пекло суем.

— Договорились. Никаких сетей.

Рудовски удовлетворенно кивнул и стремительно выскользнул за дверь.

«Интересно, — подумал Хемерсбрандт, — это все на сегодня посетители или еще кто-нибудь пожалует? С весточкой?»

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ АЗАННИ

Система Пронг-30, доминанта Земли

Сообщение пришло, когда Рафик Раджабов отсыпался, а лейтенант Маримуца с Клементом Суондредом совершали вылазку наружу. Дежурил Арнольд Суондред.

Связь поддерживали при помощи слабеньких лучевых передатчиков, чтоб уже килоунах в десяти от севшего в снег бота перехватить сигнал было трудно. Маримуца с Клементом особо удаляться не собирались, так что вызов засекли сразу.

— Лейтенант, депеша с флагмана!

Маримуца остановился, поправляя наушник и выдвигая телескопическую штангочку с бусиной микрофона поближе к губам.

Над местом посадки бота в центре ледового континента висел мощнейший антициклон. Темно-синее небо нависло над головами; дул несильный, но обжигающе-колючий ветерок, неся у самой почвы слабенькую поземку. Глотнув морозного воздуха Ухты, оба землянина предпочли врубить пустотную защиту: пусть другие зазря мерзнут. Но дыхательную смесь разумнее было экономить, поэтому дышали местным воздухом, предварительно подогретым до приемлемой температуры.

— Огласи! — велел Маримуца.

— Депеша шифрованная, лейтенант. У меня нет доступа к кодам.

— Понятно. Мы возвращаемся. Что там флот у Табаски?

— Маневрируют, но вяло. Планета блокирована, слабенький обмен кораблями с поверхностью. В нашу сторону пока не посягают.

— Ну и ладушки. Сейчас буду.

Он кивнул Арнольду: мол, все, заканчиваем прогулку. Впрочем, тот и так все слышал.

Снег ощутимо скрипел под ногами. Идти было трудно, сплошные наносы. Оба проваливались по колено, да еще на всякий случай сканировали путь на предмет коварных трещин и ям. К счастью, внизу было надежное каменное материковое ложе, поэтому трещины во льду быстро зарастали льдом же. Поверх льда нарос слой снега, более или менее равномерно раскатываемый ветрами. От времени и давления глубинные слои снега превращались в лед; собственно, именно так и затягивались трещины. Типичный холодный материк, вроде земной Антарктиды или Новой Тасмании на Хобарте. Только расположенный не на полюсе.

Лейтенант Маримуца успел изучить данные по Ухте, а заодно и по ее соседке Табаске и узнал, что, невзирая на холодные материки, Ухта имеет обширные незамерзающие океанические пространства, в которых кишмя кишит жизнь. Фитопланктон, зоопланктон, рыба, крупные млекопитающие — множество мыслимых и немыслимых форм жизни с успехом обитало на холодной планете. И кислороду на Ухте было вдоволь — почти двадцать один процент при слегка более низком давлении. Иллюзия средних гор. Океаны, кстати, довольно теплые для такого холодильника, что говорит о единой водной конвекционной ячейке экватор-полюс. Бывает, что же... Суша же Ухты, увы, совершенно безжизненна. Только у воды, на припае некоторое оживление. А в глубине континентов — полный и абсолютный ноль, разве что какие-нибудь особо морозостойкие микроорганизмы выдерживают.

Прогулявшись невдалеке от места посадки, Маримуца и Клемент не отыскали никаких отклонений от ожидаемой картины. Судьба и приказ начальства забросили их в выстуженный мирок, потенциально интересный разве что кристаллама'йешам, да и то союзники сочли бы его непомерно жарким

для себя. И кислородная атмосфера вряд ли привела бы их в восторг.

По собственным следам, уже полузанесенным, возвращаться было не намного легче, чем тропить целину. Поэтому к боту подходили уставшими и голодными.

«Надо больше двигаться, черт побери, — озабоченно подумал Маримуца, шлюзуясь. — Физика стала ни к черту. Как устроят кросс или, не дай боже, в реальном бою побегать придется... На поверхности. Помру ведь к чертовой бабушке!»

Постоянные вахты в глубоком космосе отнюдь не способствовали поддержанию хорошей физической формы. Маримуца знал: запустишь — потом не вдруг наверстаешь...

Разоблачившись, он незамедлительно направился в рубку и отпустил Арнольда. Шифрованные депеши начальство просто так не шлет.

Раскодирование не заняло много времени. Маримуца вызвал текст в объем видеокуба и вперился взглядом в чуть подрагивающие желтые строки.

«Настоящим приказываю получателю сего:

На вверенном к сопровождению боте совершить перелет и осуществить посадку на планету Пронг—тридцать вторая (PRONG-32; Табаска по гражданскому каталогу), допустимые координаты места посадки прилагаются. О выполнении не сообщать, хранить полное молчание и ожидать дальнейших инструкций.

Командующий флотом «Евразия» адмирал Тим Хемерсбрандт. Начальник штаба вице-адмирал Патрик Рудовски».

— Так-так... — пробормотал Маримуца. — На Табаску, значит. Интересно, как же нам сквозь блокаду просочиться? А? Начальству что, приказали, и баста. А ты выполняй... Вопрос: каким образом? Очень своевременный вопрос! И никого, блин, ни чуточки не интересует — каким образом. Даже если это невозможно — сделай и доложи. Хотя нет, нам докладывать не нужно, режим, но сделать-то все равно надо. Ну задачки подкидывают, хоть стой, хоть падай, хоть сразу ложись и помирай от безотчетной тоски. Умники-стратеги кабинетные...

Маримуца сознавал, что немного кривит душой: и Хемерсбрандта, и Рудовски несправедливо называть кабинетными крысами, невзирая на весьма долгий формальный мир в галактике. Опасности они понюхали, хотя не скажешь, что смотрели смерти непосредственно в глаза, на борту флагмана-то.

Но приказ от этого не становился легковыполнимым.

— Ч-черт, — выругался Маримуца и потянулся к переговорнику: — Арнольд!

— Да, лейтенант?

— Буди Раджабова, вводная свалилась. Думать будем.

— Есть!

Лейтенант Маримуца задумчиво почесал кончик носа и снова уставился на подрагивающие в видеокубе строки.

Хорошо хоть сроки исполнения в приказе оговорены не были. А значит, оставалось достаточно времени обсчитать сколь угодно точный и сложный прыжок, тем более что элитный икс-привод парламентерского бота первого азанни вполне позволял воистину фантастические вещи.

«Если Табаску окружает практически непроходимая блокада, — рассудил после недолгих размышлений Дариуш Маримуца, — то прыгать нужно внутрь, в пределы блокируемого пространства. Непосредственно в атмосферу. Сложно, конечно, и рискованно. Но выполнимо».

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур
(формально — Система Тсурры,
метрополия одноименной доминанты)

— На связи «Багута», Шатта! — пропел адъютант.

Шат Унве, предводитель шат-тсуров, вынырнул из очередного приступа задумчивости.

— Что там?

Докладывал дежурный офицер с матки-монитора связи.

— Относительно парламентерского бота азанни, Шатта! Бот совершил посадку на третьей планете, хомо называют ее Ухта. Согласно вашему приказу, бот не трогали, только сканировали и перехватывали передачи. Передача с бота прошла одна — рапорт о прибытии. Ничего существенного, открытым текстом. В ответ четверть цикла назад прошла открытая аналитическая депеша о политической ситуации в галактике и довольно подробный отчет о нашем вторжении в систему Замххад, а также короткая кодированная сшивка, которую еще не расшифровали. Девять кораблей из оперативного резерва несли постоянную вахту на границах сферы Шат-Улота на случай, если бот стартует и попробует уйти в пульсацию. Одну двенадцатую цикла бот стартовал. Набрал высоту двадцать с половиной килоун и непосредственно из атмосферы ушел в пульсацию. По данным сканировщиков, расчетная финишная сфера распо-

лагается в атмосфере Табаски как раз над континентом, где прячутся искатели хомо, Шатта, а это небольшой по площади континент. Бот финиширует вот-вот. Если хомо на борту сразу же примутся маневрировать или задействуют элитные камуфляжные системы пика пирамид Азанни — мы можем их временно потерять. К сожалению, финишная сфера расположена вне активного фокуса орудий планетарного крейсера, прикрывающего ставку командующего вторжением Шата Урву. Точнехонько в мертвой зоне.

Все это Унве выслушал не перебивая.

В общем-то не произошло ничего катастрофического. Сам по себе парламентерский бот, даже если это бот лидера расы азанни, особой ценности не представлял. Да, конечно, он снабжен чрезвычайно дорогой и редкой аппаратурой: элитным икс-приводом, сверхточными по избирательности и разрешению системами наведения/ориентировки, камуфляжными модулями, каждый из которых дороже большинства обитаемых планет галактики. Дело не в этом. Лидера азанни на борту нет, а значит, бот — просто пустая золотая клетка, имеющая цену для нищего, но малоинтересная для богача. У Унве имелось несколько космических кораблей подобного класса. Еще один не помешает, тем более что он сам прыгнул в сферу надежной блокады флота Тсурры. С Табаски стартовать ему будет неизмеримо труднее; во всяком случае, поставить помехи в стартовую сферу бота для крейсеров подавления не составит никакого труда. Плохо другое.

Ничто материальное не может стоить дороже своевременной информации.

Унве с горечью и тревогой чувствовал, что не поспевает за событиями. Он не понимал смысла эволюций парламентерского бота. Не понимал их ни в чистом виде, ни в привязке к последним событиям на Табаске.

Если посылка бота азанни и людьми как-то связана с охотой на искателей, зачем было совершать посадку на Ухте? Непростительная потеря темпа, времени и фактора внезапности. Если у бота была какая-то миссия на самой Ухте... неужели выполнили ее так скоро?

— «Багута!» — сказал Унве, временно отвлекаясь от раздумий.

— Здесь, Шатта!

— Обследовать место посадки бота на Ухте. Пропальпировать каждый квадратный сантиун! Обнюхать и просканировать все! Я должен понять — что хомо делали в снегах? Немедленно! По выполнении — доложить, приоритет — единица!

— Есть, Шатта!

Дежурный с матки-монитора уже выпевал что-то в служебный селектор.

Унве снова задумался.

Итак, цель миссии хомо с бота азанни (настоящего, кстати, судя по точности прыжка; перехваченные ранее автоматы были просто упрощенными копиями, без элитной аппаратуры) находится на Табаске, и не где-нибудь, а недалеко от места, где потерялись искатели. Те самые искатели, которые обладают наиболее ценной информацией в галактике. Простейшее предположение — азанни и хомо попытаются вывезти искателей на парламентерском боте.

Но беда этого предположения в том, что оно слишком уж просто и очевидно. Да и не объясняет последних событий на Табаске. Что, понимаешь, за туристы, которые ни с того ни с сего вдруг дают отпор лучшим десантникам самого Унве? В десанте полсотни жертв, а урон туристов — пара-тройка раненых! Бред ведь! Получается, никакие это не туристы. Но тогда что же, у хомо заранее отработанные методы эвакуации удачливых искателей в метрополию? В принципе стандартную операцию отработать можно. И даже осуществить — один раз. Но ведь искатели доминанты Земли уже несколько раз перехватывались иными расами, вместе с находками. И тогда ничего похожего на происходящее теперь на Табаске не просматривалось.

Не вязалось происходящее в единую схему, не складывалась мозаика в четкую и понятную картинку. Напрасно Унве вновь и вновь возвращался к началу и пытался реконструировать уже случившиеся события и предугадать еще не произо-

шедшие. Давно прерван сеанс связи с флотом «Багута», давно отпущен дежурный адъютант, давно даны необходимые распоряжения.

А мысленные конструкции лидера шат-тсуров все равно рассыпались от малейшего логического нажима.

Впервые с начала войны за мобильность Шат Унве осознал, что теряет инициативу.

И это было плохо. Очень-очень плохо.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА». ДЕСАНТНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «МЕЧЕНЫЙ КОРПУС»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

После команды ротного «Марш!» первая волна растянутых цепью десантников прошла всего ун сто — сто пятьдесят. Потом сразу две дюжины замедлились и встали, а по рядам прокатилась команда «Стой».

Десант прекратил движение. Дюжинный Шат Умбасар резво побежал вдоль цепи к месту заминки; туда же трусили ротный и командир соседней дюжины.

— Птичья пожива... — пробормотал кто-то из десантников и потрясенно уркнул.

Умбасар едва не споткнулся о труп и тоже встал, присматриваясь.

Десантник из «Сизых». Искалечен, экзоскелет поврежден в нескольких местах, передужье и череп проломлены. Трава около тела потемнела от лимфы. Рядом валяется биопарализатор и сорванный с пояса подсумок. В двух шагах дальше — еще один убитый. Дальше — еще...

«Меченых» высадили точно в месте стычки с отрядом хомо. Это Умбасар понял сразу.

Ротный уже вызывал из резерва похоронную команду. Его помощник принялся разгонять сбежавшихся дюжинных назад к своим дюжинам. Смерть братков-«Сизых» еще не повод задерживать операцию.

«Исамарова жуть, — подумал Шат Умбасар. — Но мы отомстим за вас, шатта... Отомстим или сами вот точно так же поляжем в зеленую инопланетную траву. — Но тут же спохватился: — Поляжем? Еще чего! Отступать перед горсткой хомо? Отомстим! Покрошим их в салат, а кого не покрошим — захватим живьем!»

— Марш! — лавиной прокатилось по рядам в ту же секунду. Цепи десантников дрогнули и разом пришли в движение.

«Сизых скелетов» Шата Ухолы высадили немного дальше к северо-западу, к бункеру хомо, где тоже погибла дюжина шаттов. Высадили ненамного раньше «Меченых». Умбасар поглядел на солнце — дело шло к скорому закату. Корабли с биодетекторами уже прошли над десантом, развернулись такой же, но более редкой цепью и ушли в небо над лесом. О, беда: детекторы хороши для поиска уцелевших гражданских в развалинах городов или закоулках гигантских космических станций. В лесу от них толку мало: лес кишит жизнью. А поди отличи на пролете гада хомо, прячущегося в зарослях, от какого-нибудь местного сугароза в норе. Поэтому Шат Умбасар не верил в пользу сканирования. Впрочем, это головная боль начальства. Его вместе с дюжиной и остальным десантом ждет совсем другое. Прочесать лес. По старинке, как во время дубины и пращи. Смешно, десантников «Меченого корпуса» призвали с орбиты, чтобы прочесывать лес. Впрочем, в боевых действиях на поверхности ценных планет, когда нет возможности раздолбать местность управляемыми взрывами или как следует шваркнуть волной нелинейности с ближайшего крейсера, приходится делать еще и не такое.

Шатты из спецвзвода ощетинились антеннами. Они искали следы техногенной активности.

Умбасар когда-то пришел к выводу, что военная мысль за тысячи лет звездных войн заметно продвинулась в области стычек несметных флотов в открытом космосе, а вот в области действий на поверхности планет, особенно вне урбанизи-

рованных зон, пожалуй что даже и откатилась назад по сравнению с эрой выхода в космос. Взять хотя бы эти исамаровы джунгли — да тут же никакой танк не пройдет! А жечь джунгли лазерами — все равно что обогревать миры а'йешей походными термопакетами. Глобальные же воздействия, увы, неприменимы. Тупик. Атавизм. Только на ноги солдата и надежда. Можно сколько угодно утюжить лес с воздуха, когда верхушки деревьев скребут днище разведбота, и все равно не обнаружить затаившегося противника — птичку азанни или хомо. На захваченных планетах, как правило, уркают с присвистом на всяческих беглецов — пусть себе дичают. Постепенно перемрут от болезней, и вся недолга. Тут же задача как раз обратная: непременно выловить из безбрежного моря зелени дюжину-другую аборигенов. Пожалуй что нескольким сотням десантников тут работы хватит надолго.

Еще Умбасар задумался: а давно ли у шатов возникала подобная необходимость? Да и вообще, возникала ли она во время последних войн?

Вряд ли.

А значит — есть шанс стать героями, сделать то, чего никто давным-давно не делал и вряд ли сделает в обозримом будущем.

Десантники углублялись в лес, вспугивая зверье и с трудом преодолевая особенно заросшие места. Кто-то из дюжины Уыдза едва не завяз в болотце. На одного из спецов напал местный хищник.

Веселенькая планетка... Ни единого города, только крохотные поселения, которые скорее являются рабочими станциями. Ой веселенькая...

Десант продвинулся килоун примерно на двадцать, прежде чем в лесу окончательно стемнело. Умбасар еще на позапрошлом уне скомандовал своим надеть ноктовизоры и надел сам. Откровенно говоря, в ноктовизоре лес выглядел еще более чужим и враждебным. Резко контрастное да вдобавок еще и монохромное изображение сбивало с толку и заставляло часто ошибаться.

Предки шатов ненавидели темноту. Это было время их естественных врагов — сугарозов, либисов. Хищников быст-

рых и беспощадных. Только при свете дня шаты могли надеяться на единственное, в чем превосходили хищников.

На разум.

Ведь во тьме разум бессилен против рефлексов и силы, как бессилен слепой против зрячего.

Движение десанта замедлилось до предела.

«Ничего, — подумал Умбасар. — Перед рассветом, думаю, ротный объявит привал. Подкрепимся, передохнем. А как рассветет...»

Шат Умбасар считался одним из самых бывалых и опытных дюжинных. Собственно, так оно и было на самом деле.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

1

Группа подходила к оврагу с юга, со стороны левого склона. Оставалось метров сто, когда совсем рядом из зарослей неслышно возникли трое. В одном Скотч опознал Семенова, во втором — искателя Веселова. Третий при ближайшем рассмотрении оказался слегка раскосым мужиком примерно пятидесяти локальных лет. Одет он был в такой же комбинезон, как и Веселов.

— Здравствуйте, — шепотом поздоровался незнакомец. — Пойдемте, я проведу.

«А то я сам не могу провести!» — подумал Скотч с легким раздражением. Но раздражение пришлось тут же подавить — к чему ссоры на первой же минуте?

Искатель быстро и неожиданно умело пошел сквозь кусты — настоящий лес постепенно перешел в молодой. Скотч даже подумал, что немногие туристы в конце тура так здорово ходят. Направлялись к одному из трех наиболее удобных спусков в овраг, тому, что ближе всего ко входу в пещеру. Цепочкой. Сначала народ поопытнее; каждый буксировал одного из раненых. Потом остальные. Тенторов впору самих было брать на буксир, но не хватало людей: с подвешенным человеком на привязи довольно трудно достаточно быстро идти. Сильно

уставшей выглядела и Орнела; остальные в принципе годились и еще для одного перехода.

Скотч замыкал цепочку. Перед ним шел Семенов. Когда начало цепочки уже втягивалось в низкий зев пещеры, Семенов вдруг застыл, протянул руку, вынудив остановиться и Скотча, и приложил палец к губам. Скотч мгновенно напрягся, хотя у него не возникло совершенно никакого чувства опасности. Он проворно отстегнул оба рюкзака и тихонько опустил их на глину, не забыв отключить компенсаторы.

— Давай-ка отойдем на пару слов, — странно чужим голосом сказал Семенов. Сказал уже не шепотом, но все же довольно тихо.

Он увлек Скотча в глубь оврага, к колючим зарослям местной ежевики. Туда, где совсем недавно угодил в плен искатель Веселов. Одной рукой Семенов приобнял Скотча за плечо.

«Наверное, чтоб потихоньку дать сигнал, — догадался Скотч. — Нажатием пальцев, а не голосом».

Но все оказалось еще проще. Неожиданно Семенов отшвырнул Скотча в сторону, к склону, тем самым сильно ускорив свой стремительный бросок в кусты. А спустя пару секунд из кустов спиной вперед выломился еще кто-то. Выломился, кувыркнулся и распластался в самом низу глиняного склона. Семенов тут как тут: мгновенно навис над ним и както по-хитрому скрутил.

— Тю, — сплюнул Скотч, приблизившись. — Это же мистер Литтл! Завхоз наш! Нашелся, пропажа?

Семенов без тени смущения отпустил Литтла и встал.

— Надо же, — вздохнул он. — Не узнал!

— Тебя где носило, чудовище? — с административной угрозой в голосе вопросил Скотч. — Тут, блин, такое творится! А он пропадает не пойми где!

— Там Жбан в кустах, — вместо ответа глухо сообщил Литтл. — Он контужен, фиг чего соображает.

— Ты чего прятался-то? — недоуменно спросил Скотч. — Тоже нас не признал, что ли?

Литтл смущенно выдохнул:

— Да это... Я вас и не видел, собственно. Там какой-то народ в пещере завелся. Они как вышли, так я мордой в траву и полег, чтоб не заметили.

— Следопыт, — фыркнул Скотч. — Ладно, тебя где носило-то? Только коротко, в двух словах. С момента, когда ты ушел из лагеря.

Литтл принял как можно более невинный вид и начал каяться:

— Ночью пил со спасателями. Совсем немножко...

— Ага, — скептически поддакнул Скотч. — Верю. Но ты продолжай, продолжай...

— Потом в лесу заснул. А проснулся от стрельбы, как раз брали Жбана и чуть не взяли Солянку и Хиддена. Пошел за чужими, они к бункеру Дуплистого леса направились. Когда они все вошли в бункер, я туда шоковый парализатор запулил. Тут внутри что-то возьми и взорвись... Только Жбан выжил, потому что снаружи лежал, за валиком, а внешнее охранение скелетов осколками посекло. Еще я ихнего главаря по связи видел. Пригрозил, мол, хана им всем... злой был, в сердцах пригрозил. Потом подумал и решил, что вы все равно в овраг придете, раз Солянка с Хидденом сумели ускользнуть. Ну, Жбана подобрал — и сюда...

— Ну и ну! — покачал головой Скотч. — Подобрались же подчиненные! Ладно, потом подробнее расскажешь. Где Жбан? В каких кустах?

— Вон в тех, — махнул рукой Литтл, указывая, в каких именно.

— Пошли.

Через пяток минут Скотч, Семенов и Литтл вносили плохо соображающего Жбана в пещеру.

На пороге их встретил встревоженный Валти.

— Скотче, — с ходу начал он. — Тут такое дело... Перевертыш наш пропал.

— Как пропал?

Скотч даже ноги Жбана выронил; каблуки пустотных ботинок глухо бухнули по каменному ложу пещеры.

— Пропал. Видимо, еще на переходе. Он в середине цепочки шел, перед Гунилой. Она говорит, что последний раз

ткнулась ему в спину минут за десять — пятнадцать до оврага. В лесу, стало быть. Потом мы искателей встретили, народ отвлекся, а когда снова двинулись, перед Гунилой уже оказалась Орнела. Туристы говорят, что в последний переход никто не перестраивался, как гуськом вышли, так и пришли в том же порядке. Орнела назад вообще никогда не смотрит, поэтому ничего не заметила.

— Вот тебе и отсиделись, — потерянно пробормотал Скотч и с надеждой поглядел на Семенова; похоже, теперь в каждой трудной ситуации он сперва будет с надеждой глядеть на Семенова. — Что скажешь?

— Скажу, что мало удивлен. Чем раньше, тем лучше. Сейчас он не успеет быстро навредить. Десант все равно высадят в местах стычек, так что пара часов в запасе у нас есть. А скорее всего и больше: скелетики никогда не воюют в темноте. Природа у них такая. Максимум, что они сделают, — это окружат овраг, прикроют с воздуха и станут дожидаться рассвета.

— Давайте-ка все-таки войдем, — предложил Литтл, вновь берясь за руку Жбана. — Так и так его перепаковать нужно и осмотреть.

Внутри к бесчувственному Жбану сразу же метнулась Валя Хилько и тот самый мужчина, что встречал отряд снаружи у оврага. Звали его Тахир Плужник.

Валентина склонилась над контуженным спасателем; Плужник требовательно похлопал ее по плечу:

— Позвольте мне, я врач.

— Я тоже, — ответила Валентина неуступчиво.

— А специальность? — спокойно и даже как-то невинно уточнил Плужник.

Валентина несколько смутилась:

— Ну... психодинамик, а что?

— А я терапевт, — мягко сказал Плужник и тихонько отстранил девушку. — С сорокалетним стажем. Будьте добры, аптечку. Во-он там — Вася вам покажет.

Вася, моложавый напарник Тахира, тут же показал где, а Валентина моментально смирилась с ролью ассистентки.

Пока врачевали Жбана (а затем и Хиддена, и Солянку, и Подоляна с Фаусто и Воронцовым), Семенов коротко представил туристам искателей, а искателям — туристов.

Искателей насчитывалось всего шестеро. Точнее, даже пятеро: шестым в их экипаже невесть как оказался советник президентского форума системы Фалькау. Звали его Хенрик да Соуза Паулиста. Собственно искатели — бригадир Тахир Плужник, помбриг Василий Шулейко, уже знакомый Саня Веселов, которого все называли кадетом, и две среднего возраста матроны-научницы, Виола и Регина. История их недавних мытарств ничуть не удивила Скотча. Что именно раскопали бедняги искатели, он даже не стал уточнять.

Гораздо больше его сейчас волновал другой вопрос: что делать дальше? Овраг был последним внятным убежищем в пределах досягаемости. На других маршрутах имелись свои убежища, но другие маршруты пролегали существенно севернее или восточнее этих мест. Очевидно, что из оврага нужно убираться как можно дальше. Но пешком этого не сделаешь. А где достать подходящее средство передвижения — небольшой прыгун, флаер или вездеход на гравиподушке? Только на турбазе. Или у чужих. Но у чужих теперь ничего не отобьешь, ученые стали, и близко не подпустят.

Семенов долго расспрашивал Скотча и Валти об имеющихся на базе машинах и о ближайших к турбазе поселениях. Затем подозвал Солянку, которому вмешательство терапевта Плужника явно пошло на пользу.

— Слышишь, дружище... — обратился к нему Семенов. Скотч и Валти напряженно вслушивались. — Помнится, когда ты говорил о нападении укокошенного Литтлом отряда скелетиков, ты упоминал некий катер. Который «Амфисбена».

— Твою мать! — Солянка в сердцах хлопнул себя по лбу. — Катер! А я, блин, и думать о нем забыл!

— Я тоже, — сконфуженно признался Скотч. — Как полагаешь, он все еще на прежнем месте?

Семенов шевельнул бровью.

— Это зависит от того, атаковали ли шат-тсуровские спецназовцы вас всей группой или лишь частью. Если они погиб-

ли действительно все до единого, как уверяет мистер Литтл, то есть шансы, что катер так и остался у берега.

— Погоди, Семенов, — вмешался практичный Валти. — Давай-ка сначала подумаем: а поможет ли нам катер? Куда мы на нем поплывем?

— К турбазе! — загорелся Скотч. Речь свою он расцвечивал рубленой жестикуляцией, что случалось, лишь когда он действительно проникался какой-нибудь идеей. — На «Амфисбене» домчимся меньше чем за сутки! По Сайре, через Полог-рукав, а потом морем!

— Ну, допустим, в Полог-рукаве нас не заметят, — принялся моделировать будущие события Валти. — Предположим, что скелетики — полные идиоты и сканирования окрестностей Сайры вести не станут. Но в море-то, в море! Там нас даже визуально засечь — раз плюнуть!

— Не сканируют же они всю планету! — не очень смело возразил Скотч. — Ну, скажи на милость, зачем им сканировать океан на юге? Обогнем мыс Шалой Виверны, а дальше — строго на восток, мористо! С берега не заметят, однозначно.

— Если не будут наблюдать, — угрюмо буркнул Валти. — А они будут, можешь не сомневаться.

— Здесь нам, во всяком случае, точно хана, — пожал плечами Скотч. — Обложили. А так хоть потрепыхаемся.

— Ну-ну! — влез в разговор мистер Солянка. — Заранее сдаешься, что ли?

Скотч не ответил. Валти принялся развивать мысль:

— Хорошо. Тогда второй вопрос. Как до катера добраться? Он ведь позади, совсем рядом с местом нашей стычки остался! А там, Семенов уверяет, десант высадили. Там небось все сканируется навылет!

— Отсюда река далеко? — невзначай поинтересовался Семенов.

— Да овраг прямо к ней выходит! — фыркнул Скотч. — Только не к основному руслу, а к рукаву. Овражный рукав, так и называется.

— Тогда стоит переправить группу через рукав. А получится — и через русло, — предложил Семенов.

Остальные оторопело уставились на него:

— Зачем?

— Ну, — пояснил Семенов невозмутимо, — хотя бы затем, что нам это не сразу пришло в голову. Значит, есть шанс, что и скелетикам не сразу придет.

— Это пришло в голову тебе, — заметил Валти. — Нам — нет.

— Погоди, Валти, — одернул его Скотч. — Объясни, чего ты задумал? И учти — западный берег Сайры совсем дикий, даже мы туда ни разу не забирались. По-моему, люди там вообще не появлялись от начала времен. Ни складов, ни убежищ...

— А какая разница, этот берег, тот? На нашем тоже больше ни складов, ни убежищ...

Скотч хмыкнул и потер голову, соображая, как бы подоступнее объяснить.

— Видишь ли... Окрестности турбазы «Экзотик-тура» подвергались начальному терраформированию. Если коротко — то все наиболее гиблые места от Сайры до другой реки — Мойвы и от океана вплоть до ближайшего водораздела, хребта Хуснутдинова, в известной степени окультурены. Мы же туристов сюда возим, а не следопытов-самоубийц.

— А в рекламе сказано — дикие первозданные джунгли, — насмешливо бросил Семенов. — Врете, стало быть?

— Во многом они и остались первозданными, — пробурчал Скотч сердито. — Просто тут теперь нет бесконечных болот. Нет такого количества опасных хищников. Гнуса паршивого, в конце концов, раз в сто меньше стало. Стал хороший лес, почти парк. А вот на запад от Сайры — сплошное гиблое место.

— Да и ладно, — ничуть не огорчился Семенов. — Нам всего-то и требуется, что переправить основную группу, которая затаится в этом самом гиблом месте и дождется, пока мы с тобой не пригоним катер. А потом — как и планировали, по реке.

— А группу как переправлять будем? На компенсаторах?

— Угу. Связать все в кучу, завести управление на один пульт. Прикрепить груз и людей. Один — вплавь, со страховочным концом и якорем. Крокодилов, надеюсь, в Сайре нет?

— Увы, — разочаровал Скотч Семенова. — Навалом. Разумеется, местная разновидность, причем теплокровная. Мы их кайманами зовем. Жрут, как водится, все, что видят. Кстати, в море их тоже предостаточно.

— Значит, придумай, как обезопасить пловца, — отрезал Семенов. — Ты же у нас творец приключений, не так ли?

Скотч надулся и опустил взгляд. От туриста он впервые слышал настолько точную и сутеотражающую оценку своей работы.

Впрочем, какой теперь из Семенова турист, а из Скотча — гид? Все это в прошлом, к великому сожалению. Теперь они оба партизаны поневоле, прижатые противником к стене. И им предстоит сообща проломить эту неподатливую стену.

Скотч постепенно начинал склоняться к мысли, что пока они с Семеновым вместе и заодно — не найдется такой стены, которую они не сумели бы проломить.

— Ладно. — Семенов хлопнул себя по коленям и встал с бревна, служащего лавкой. — В конце концов, это хоть какой-то план. Кто пойдет за катером? Я, ты... — Он указал на Скотча.

— И моего паренька возьмите, — попросил Тахир Плужник. Оказывается, он с некоторых пор уселся незамеченным в сторонке и тихонько слушал. — Саньку, кадета.

— Его? — Скотч и Семенов, не сговариваясь, вопросительно переглянулись. Как и положено напарникам.

Кадет с помбригом Васей Шулейко колдовал над парализованной троицей. Валентина и Патрис им помогали.

— Вы не переживайте, он хороший следопыт, — сказал Плужник. — Искатели тоже не лыком шиты. Этот овраг именно он отыскал.

— А склад у Мангрового залива не он ли распотрошил? — ехидно поинтересовался Валти.

— Он.

— Надо же, — выдохнул Валти. — Какой способный!

— Ладно. Возьмем! — вдруг согласился Семенов. — Троих вполне хватит, не нашумим. Пошли.

— Что, прямо сейчас? — застонал было Скотч, но тут же мысленно одернул себя.

— А чего ждать? Рассвета и скелетиков?

— Жрать же охота! — вырвалось по инерции.

— На ходу подкрепимся. Вот, держи. — Семенов передал Скотчу шарик поглотителя излучения «тоски». — Крепи к себе, потом в режим помогу вогнать. А ты кадета своего зови. — Это уже Плужнику.

Сане Веселову тоже прикрепили шарик и выдали ружье Гунилы Бот.

— Комбез и обувь потянут, — оценил Скотч, внимательно изучив экипировку искателя.

— Знач, так, — решительно подытожил Семенов. — Валти, на тебе организация переправы. Не мешкайте, но и горячки не порите вхолостую. О месте встречи договорись со Скотчем, я пока не знаток местной топографии. Солянка и Хидден вроде очухались — пусть позаботятся после всего о следах в овраге и убежище. Ничего не должно остаться. Припасы забирайте все, до последней крошки. Я смотрел, компенсаторов вместе с искательскими у нас теперь — завались. Рации повыключайте, в эфир — ни слова. Мы уходим через пять минут. Веселов, собери в любой рюкзак съестные припасы и воду на троих. Немного, максимум на сутки. Все, разойдись.

«Во дает! — воодушевленно подумал Скотч на бегу. — Сразу чувствуется хватка руководителя...»

До старта он едва успел совершить то самое дело, после которого совсем недавно спеленал одного из нынешних спутников — искателя Саню Веселова.

2

— Ноктовизоры у вас хилые, — недовольно сообщил Семенов спустя четверть часа после старта. Первые минуты он был занят подгонкой режима шат-тсуровских шариков-глушилок.

— Это почему же хилые? — ревниво осведомился Скотч. — Все ведь видно!

— Видно. Только не все и плохо.

— Ну, извини. — Скотч наладился было надуться, но отчего-то не получилось. Мысли тут же отыскали внятное объяснение: конечно же, спецагенты обыкновенно пользуются техникой покруче, чем имеющаяся в распоряжении простых гидов. Пусть даже это гиды одного из самых преуспевающих туристических заповедников. У спецслужб наверняка масса нерассекреченного оборудования — где уж с ними тягаться частным гражданским турфирмам...

— Попробуй мой, — с готовностью предложил Саня Веселов. — У меня искательский.

Семенов задержался, сдернул с головы туристский ноктовизор и принял из рук Веселова искательский. Закрепил, огляделся.

— Этот получше, — наконец сообщил он. — Держи.

Он отдал искателю туристский ноктовизор. Саня, в свою очередь пристроив прибор на положенное место и оглядевшись, недоуменно пожал плечами:

— Что-то я не улавливаю разницы.

— Мал еще, — миролюбиво пояснил Семенов. — Подрастешь — поймешь.

— Тьфу на тебя. — Скотч досадливо сплюнул под ноги. — Ну ладно, теперь ты доволен? Пошли тогда.

— Пошли, — не стал возражать Семенов и немедленно двинулся вперед. — Нет, правда, искательский ноктовизор лучше. У него спектр пошире.

— А что это дает?

— Почти ничего. Но если неподалеку окажутся скелетики, теперь я их замечу вовремя.

— Спектр? — недоуменно спросил Скотч. — А в каком смысле шире?

— В прямом. Туристские ноктовизоры не берут инфракрасное излучение. А искательские — берут, как видишь.

— Я как раз не вижу.

— Ну, тогда на слово поверь. Берут. С преобразованием, правда, но и это годится.

— Коллеги, — неожиданно вмешался Саня Веселов. — Я, конечно, извиняюсь за дурацкий вопрос, но не слишком ли

мы много шума производим? Может, разумнее будет помолчать?

— Разумнее, — охотно согласился Семенов. — Вадим, давай вперед. Держись поближе к реке, если что, в воде отсидимся.

— Добро. Только там кайманы.

— Лучше кайманы, чем шат-тсуры в количестве.

Скотч скептически хмыкнул: Семенов явно не представлял себе, что такое кайманы Табаски. Но выбирать не приходилось. Вздохнул, поправил ружье и зашагал в нужном направлении, тщательно выбирая тропы, по которым зверье перемещалось вдоль водопоя. Они были не такими удобными, как тропа на маршруте, по которой в данную минуту, вероятнее всего, топали десантники шат-тсуров. Они ветвились и внезапно обрывались в зарослях, чтобы через пару десятков шагов возникнуть снова. Они ныряли под поваленные стволы и неожиданно становились топкими. И идти по ним получалось не так быстро, как хотелось бы. Но все же троица двигалась на юго-юго-запад довольно споро, не отягощенная излишней ношей и не сдерживаемая неопытными туристами. Семенов и искатель Веселов шли сквозь заросли ничуть не медленнее Скотча, для которого хождение по лесам Табаски давно стало профессией.

«Как же мне повезло, — подумал Скотч отстраненно. — Ведь в группе могло и не оказаться Семенова. С кем бы тогда партизанил? С Ботами?»

Скотч попытался представить такой вариант развития событий, и ему сразу стало смешно.

Нет уж. Если воевать — то с Семеновым, с молодым, но явно способным к такого рода делам Веселовым, с Валти, Солянкой, Хидденом. С Фаусто Аркути и Акопом Подоляном, не побоявшимися ринуться на четыре десятка вооруженных инопланетян. С мутным типом Воронцовым, сумевшим на это подвигнуть Фаусто и Акопа.

И еще Скотч подумал: странно, но практически в любой произвольной выборке людей при нужде почти половина мгновенно и легко превращаются в умелых и опасных бойцов. Даже если до этого оружия в руках сроду не держали.

Боты, конечно же, не из этой половины, но вспомнить хотя бы, как Тентор расправился с платочником, свалившимся на Гунилу. Неужели война — призвание человеческой расы? Неужели люди — штатные воины галактики? Так же как а'йеши — штатные торговцы и контрабандисты, свайги — штатные философы, цоофт — штатные технари, а остатки азанни — штатные пилоты? Когда-то давно Скотч читал забавный документ, в котором галактика рассматривалась как единый гиперорганизм, а расы разумных существ — как специализированные управляемые группы. Не оттого ли давным-давно покоривший галактику союз так и не смог вырваться за ее пределы, хотя технически вполне способен на это? Какой организм приветствовал бы путешествие, скажем, печени или коленной чашечки за пределы организма?

В свое время именно люди коренным образом изменили ситуацию в галактике. Они сумели прекратить вековую войну с нетленными — еще одной загадкой прошедших столетий. Они сплотили и укрепили союз, и они же одновременно выхолостили его, лишили силы и смысла. Именно люди быстро и практически без усилий распространили свою модель общественных отношений и бизнеса. Распространили на всю галактику. Людские пороки с восторгом были подхвачены остальными расами. И в результате помойка, коей являлась доминанта Земли, разрослась до максимально возможных размеров. Впрочем, тогда владения людей еще не назывались доминантой.

Лучшие воины, как известно, рождаются именно на помойках. Можно сколько угодно учить воинским искусствам сытого и благополучного, но он все равно в итоге проиграет оборванцу, сызмальства привычному к каждодневной драке за кусок хлеба, драке на смерть, без пощады и политкорректных соплей.

— Стоп! — Шепот Семенова выдернул Скотча из размышлений.

Скотч замер. Он шел первым и тем не менее ничего не заметил.

Рука Семенова легла ему на плечо, вынуждая присесть. Скотч присел, одновременно полуобернувшись влево. Краем

глаза он увидел, как идущий последним Веселов тоже бесшумно приседает.

Жестом Семенов показал, что нужно убраться с тропы. Скотч послушно раздвинул нижние ветви пышного пальмодендрона и бочком протиснулся в образовавшуюся щель. Потом лег спиной вверх и тихонько поворочался, чтобы примятые стебли подлеска распрямились и прикрыли его сверху. Семенов пристроился рядом, Веселов — чуть в стороне.

Скотч по-прежнему ничего не видел, но уже ощутил чье-то присутствие.

Семенов тихонько коснулся его плеча; Скотч повернул голову. Без слов Семенов протянул искательский ноктовизор — взгляни, мол.

Скотч взглянул, приложив к глазам прибор, и обомлел.

Метрах в десяти — двенадцати от них кто-то шел. Полуразмытый силуэт, две руки, две ноги, небольшой горб на спине, в руках... оружие в руках, что же еще. А горб — это вещмешок, конечно же. И еще один силуэт, дальше. И еще. Целая цепочка.

Чьи-то ноги мелькнули перед самым лицом, на миг загородив поле зрения.

Еще один десантник шат-тсуров прошел по тропе, по которой они только что спешили на юг.

Скотч бесшумно вернул к глазам свой ноктовизор — силуэты сделались невидимыми. Семенов, как всегда, оказался прав. Туристские приборы не фиксировали боевой камуфляж десантников Тсурры.

Десантники шествовали мимо них минут пять. Тройной цепью. Самой густой была вторая. Скотч молился, чтобы никому из шат-тсуров не пришло в голову просканировать заросли: три таких крупных объекта, как Скотч, Семенов и Веселов, легко отслеживались при помощи самого заурядного карманного биодетектора.

Но десантники прошли мимо. Один даже едва не наступил Скотчу на ногу. Все трое, когда скелетик оказался в каком-то шаге от них, на короткое время прекратили дышать.

Но небо хранило их. Или что там может хранить беглецов? Десант волнами прокатился на север, не заметив ничего.

Семенов отобрал у Скотча искательский ноктовизор и еще долго оглядывался да вслушивался в ночные шорохи.

— Кажется, пронесло, — прошептал он наконец. — Пошли, что ли?

— Почему они нас не заметили? — недоуменно спросил Скотч. — Они что, без сканеров?

— Со сканерами, — буркнул Семенов. — Но у нас ведь защита.

И указал на шарик, прикрывающий от «генераторов тоски».

— Носитель такого датчика невидим для биодетектора. Солдаты Тсурры активируют их при сканировании, чтоб не путаться. Поди отличи жертву от загонщика, если биодетектор ловит десятки объектов! Думаешь, я зря их подобрал после драки?

— Ёлы-палы, — вздохнул Скотч. — Что б мы без тебя делали, Влад, ума не приложу.

— То же, что и мы без тебя. Попались бы скелетикам при первой же облаве. Ладно, потопали...

В течение ближайшего часа они успели отмахать приличный кусок пути. За это время лишь однажды над головами с характерным шелестом прошел атмосферный корабль, но никто из троицы его не сумел разглядеть: мешала густая листва.

— Так, — сказал Скотч, останавливаясь. — В принципе мы уже близко. Надо, наверное, поближе к реке подойти.

Близился рассвет. Втроем они успели вернуться почти к самому месту недавней стоянки, затратив в полтора раза меньше времени, чем понадобилось полной группе со всем грузом.

Еще около получаса они пробирались вдоль самой воды. Искатель Саня однажды чуть не свалился с трехметровой высоты в воду, но его вовремя поддержал Семенов.

Катер они увидели, когда начал заниматься рассвет.

— Стоп! — прошептал Скотч, останавливаясь.

Остановился он резко, на полушаге, и ожидал, что Семенов ткнется ему в спину, потому что шел агент-отпускник почти вплотную. Зря ожидал. Семенов, разумеется, успел среагировать.

Река в этом месте плавно изгибалась; впереди расстилался небольшой заливчик. Тут-то и ткнулся в прибрежную отмель морской катер «Амфисбена».

— Он? — почти беззвучно спросил Семенов.

— Он, — подтвердил Скотч. — Видишь, борта какие высокие? Такие только у рыбацких посудин, с северного побережья.

Вокруг было тихо и пустынно, насколько тихо и пустынно может быть в предрассветном лесу.

— Понаблюдаем немного, — решил Семенов.

Скотч хотел было согласиться, но, бросив взгляд на берег, растянул губы в улыбке:

— Ни к чему, Влад. Видишь, вон зверушка на водопой выползла?

Семенов глянул:

— Вижу.

— Это косуля. Они невероятно пугливы. Если косуля пьет, вблизи точно никого нет.

— Что ж она катера-то не боится, если так пуглива? — проворчал Семенов. — Он и пахнет странно, и выглядит непривычно. Или в лесу катера сплошь и рядом попадаются?

— Она ж в сторонке, смотри. Даже от тропы отошла, подальше от катера. Да и неживой он, катер-то. Косули всего живого боятся.

— Ну ладно, — вздохнул Семенов. — Тебе виднее. Двинули помалу...

Пришлось забирать влево, чтобы обогнуть излучину.

К катеру они подбирались, как кот к добыче. Медленно, по шажку, мучительно вглядываясь в утренний сумрак под сенью джунглей Табаски. Тихо плескалась в русле река Сайра, голосили проснувшиеся птицы, а трое землян крались к темной, безмолвной и оттого кажущейся воплощением смерти и запустения туше из тусклого темно-зеленого металлопласта.

Впрочем, запустение на борту катера и около него все трое лишь приветствовали.

Наконец Семенов, Скотч и Саня Веселов подобрались почти вплотную, хоронясь в густом кустарнике у левого бор-

та катера. «Амфисбена», чуть накренившись, застыла на отмели; пропущенный через клюз тонкий синтетический конец тянулся на берег и опоясывал молодое мангровое дерево, почему-то произрастающее целиком на суше, метрах в пяти от воды. Пляжик у места причаливания пестрел многочисленными следами. Прежде чем высадиться, скелетики основательно истоптали прибрежный песок. Все следы уводили прочь от катера, в чащу. Обратных следов Скотч не видел, но, по совести говоря, на катер можно было попасть и минуя пляжик, с поросшего бурой травой бугорка у самой кормы.

— Кажется, никого, — прошептал Семенов. — Я сейчас, ждите...

Агент-отпускник проворно и бесшумно прокрался к борту, подпрыгнул, подтянулся-выжался на руках и перевалился через планшир. По палубе катера он передвигался либо на четвереньках, либо вообще ползком. Во всяком случае, из-за борта его не было видно, хотя Скотч прекрасно разглядел отворившуюся дверь рубки.

Спустя несколько минут над бортом показалась голова и верхняя часть торса Семенова. Ни слова не говоря, он призывно замахал рукой.

Скотч кивнул Веселову, чтоб взбирался на борт, а сам кинулся отвязывать швартовочный конец. Отвязал, наскоро свернул кольцами, забросил на палубу и, навалившись, попытался столкнуть катер с мели. С третьей попытки получилось. Скотч пихнул в борт еще раз и вцепился в протянутую руку Семенова.

— На катере никого, — шепнул он Скотчу. — Ты управлять им умеешь?

— Умею, — кивнул Скотч. — Там все просто.

— Давай за штурвал тогда.

Скотч снова кивнул и, машинально пригнувшись, перебежал ко входу в рубку.

«Амфисбеной» можно было управлять и с пульта, и по старинке, штурвалом. Пульт и два кресла располагались в левой части рубки; штурвал — в правой. Под лобовым стеклом вытянулись в ряд приборная панель с матрицей бортового ком-

пьютера и несколько независимых приборов — компас, барометр, датчики двигателей. Сейчас вся аппаратура катера была погашена. Матрица слепо таращилась в пустоту рубки.

Скотч перешагнул через порог и сразу же сунулся к пульту управления.

Катер тем временем медленно дрейфовал прочь от берега, течение вот-вот должно было подхватить его и увлечь еще дальше на юг, к устью Сайры. А нужно было в противоположную сторону.

Коснувшись сенсора «Start», Скотч с удовлетворением проследил, как загрузилась система в бортовой комп и ожил, замигал световыми сигналами готовности весь пульт. Теперь проверить рулевое... есть. Теперь водометы.

Палуба под ногами едва ощутимо завибрировала; если бы Скотч не ждал этого, вполне мог бы ничего и не заметить.

— Малый вперед, — сам себе скомандовал Скотч, передвигая ухватистую рукоятку переключателя режимов хода в соответствующее положение. Моряцкое название переключателя начисто вылетело из памяти, и сколько Скотч ни напрягал извилины — не вспоминалось.

«Амфисбена» отринула веление прихотливого течения и двинулась по реке самостоятельно. Скотч перешел к штурвалу и переложил направо. Описав величавую дугу по поверхности Сайры, катер лег на нужный курс и пошел на север, прочь от устья.

Водометы на малом ходу работали почти бесшумно. Минуты через три Скотч увеличил скорость, и в тихий плеск волн о борта тут же вплелся равномерный гул движителей.

Поросшие лесом берега неспешно проплывали мимо.

В рубку ввалился довольный искатель Саня.

— Ну что? Удалось, кажется? — спросил он.

— Кажется, — с удовольствием подтвердил Скотч. — А Семенов где?

— Пошел кубрик и трюм перетряхивать. Говорит, может, чего полезного отыщется.

— Тоже дело, — вздохнул Скотч. — Давай-ка, Саня, дуй на палубу да на берега гляди в оба. Как бы нами не заинтере-

совались. Наши ноктовизоры в режим бинокля умеешь переключать?

— Умею, — сказал искатель. — Чего там уметь-то...

И вышел из рубки, направившись на корму.

«Молодец, — отметил про себя Скотч, также прилаживая к глазам оптику. — Чего на палубе перед рубкой маячить — тут я и сам послежу. И, кстати, надо бы к дальнему берегу прижаться. От греха подальше. Там и растительность пышнее, если что — от шухера с воздуха укрыться легче. Да и наших все равно на том берегу подбирать».

Штурвал крутнулся влево, и катер, конечно же, тотчас отозвался на это движение. А потом Скотч еще прибавил ходу. И заодно вспомнил, как же все-таки называется старомодный переключатель режимов хода.

Звался он тоже старомодно. Телеграфом.

Путь вверх по течению Сайры они проделали сплошь на нервах. Над левым берегом (для новоявленного экипажа «Амфисбены» он, понятно, казался правым) то и дело шныряли десантные боты, истребители и корабли прикрытия. Странно, но не было видно обычных разведчиков. Скотч в типах военных кораблей разбирался слабо, но у него под боком имелся спец Семенов, да и Саня Веселов, как оказалось, весьма неплохо ориентировался в парке малых космических кораблей галактики. Спутники Скотча способны были выделить несколько сот различных типов и классов летательных аппаратов производства самых разнообразных рас. Утешался Скотч тем, что ни Семенов, ни Веселов не сумели бы отличить утренний след виверны от вечернего или пальмодендроновые побеги сезона дождей от побегов сухого сезона. Скотч понимал: именно в этом сила группы. Одиночка не в состоянии знать все обо всем. Группа специалистов в различных областях знания даст одиночке даже не сто — тысячу очков вперед. И все равно в итоге выиграет.

Западный берег Сайры выглядел куда более диким. Буйные джунгли сплошной стеной покрывали его. Более того, деревья нависали низко над водой, и это было здорово — кроны прикрывали идущий на север катер от разбойничьих взглядов нечисти в небе Табаски.

Семенов давно перестал шарить по трюму. Ничего путного он не нашел — разве что несколько гарпунов, способных послужить одноразовым оружием. Похоже, скелетики после захвата катера просто вышвырнули с борта все, по их мнению, ненужное — личные вещи рыбаков, разнообразную моряцкую утварь. Даже посуды на камбузе — и той не стало. Возможно, шат-тсуры заранее готовили катер для перевозки своих солдат и опасались перегрузить посудину. Поэтому и вычистили ее едва ли не под ноль. С одной стороны, это было нехорошо: непригруженный катер шел медленнее, водометы работали наполовину в воздух. А с другой — как на борту окажется вся группа невольных партизан, так, пожалуй, и выйдет оптимум по весу. Вот тогда «Амфисбена» покажет все, на что способна.

Скотч рулил. Семенов и Саня обосновались на палубе, сбоку от рубки, у открытых дверей, каждый по своему борту.

— Как там наши, интересно, — задумчиво сказал Семенов. — Переправились уже, наверное.

— Должны... Хоть бы не напортачили при зачистке. Скелетики сейчас как раз к оврагу подходят.

— Слушай, — испугался вдруг Скотч. — А сканерами их не засекут? В пещере еще туда-сюда, там слой почвы все-таки. Могли и не заметить. Но в лесу, у самого берега...

— Нас ведь не заметили. Не переживай, таких вот глушилок, — Семенов кивнул на прилепленный над нагрудным карманом шарик, — хватает на всех. Я оставил Плужнику соответствующие инструкции. Так что все защищены и от сканеров, и от «генераторов тоски».

— А не напутают ничего? Все-таки чужая техника, да вдобавок секретная наверняка.

Семенов покровительственно усмехнулся:

— Вадим! Я тебя уверяю: искатели — очень, очень ответственные люди. Ты в выборах хоть раз участвовал?

— Ну участвовал, — признался Скотч, не совсем понимая, куда клонит собеседник.

— Индекс социальной значимости у тебя какой?

— Ну двенадцать.

— У Плужника — сорок.

— Ого! — поразился Скотч и впечатленно присвистнул. — Много!

— У Сани Веселова, к слову, двадцать четыре. Вдвое выше, чем у тебя. И он среди искателей считается сопляком, кадетом.

Скотч невольно покосился на Веселова. Тот, положив руки на планшир, а голову — на ладони, неотрывно глядел на зеленую стену настоящих диких джунглей Табаски, на берег, который никогда не подвергался терраформированию.

— А у тебя какой индекс? — поинтересовался Скотч у Семенова.

Агент усмехнулся:

— У меня их четыре. И все левые, для прикрытия.

— А истинный?

— Сотрудники нашей организации не имеют индекса социальной значимости. Собственно, у меня нет ни имени, ни фамилии, ни личного кода. Я получаю все заново перед каждым заданием.

— А между заданиями? Как же ты живешь между заданиями?

Семенов улыбнулся еще шире:

— Такого состояния у нас не бывает, чтоб совсем без задания. Иногда после очередного боевого выхода я получаю задание отдыхать — как сейчас, например. Соответственно, под это меня снабжают именем, фамилией, счетом, личным номером. Историей жизни. Всем необходимым.

— Блин, — вздохнул Скотч с пониманием. — Тяжко вам живется. А настоящая история наружу не просится? Настоящие воспоминания? Детство там, юность? Родители, первая любовь?

— У меня не бывает таких воспоминаний, Вадим. Они стерты. Нам прочищают мозги после каждой завершенной операции. Я, к примеру, не помню, чем занимался до того, как угодил сюда на психокондиционирование. Оставлено только самое необходимое.

Скотч пораженно замер, сжал руки на штурвале и медленно-медленно обернулся к Семенову.

— То есть? То есть ты хочешь сказать, что вас раз за разом лишают памяти? Лишают части прожитой жизни?

— Да.

— М-мать! — рявкнул Скотч гораздо громче, чем следовало бы. — Да как ты на такое согласился?

— Не помню — как. Это ведь не вчера было, все давно стерто. Но, видимо, причина была достаточно весомой, — спокойно ответил Семенов.

— И не жалеешь? — продолжал допытываться Скотч.

— Почему же не жалею? — Семенов угловато повел плечами. — Жалею иногда. Вадим, за все в этой жизни приходится платить. Моя плата именно такова, что уж тут поделаешь.

— Но что такого особенного ты получаешь взамен?

— Я проживаю десятки жизней взамен одной.

— Но ведь ты их не помнишь!

— Ну и что? Я твердо знаю, что прожил их. Не остается памяти о событиях, но остается память об ощущениях. Я помню, что на прошлом задании мне было плохо, а года четыре назад мы с напарником провернули одно великолепное дело, нагеройствовались вволю. И помню, как после этого целые две недели жарились на пляжах Лазурного Шепота, дули пиво и клеили всех симпатичных девушек напропалую. Человек — это не только память о конкретных событиях. Это еще и память о собственной оценке этих событий. Я знаю, что по крайней мере один раз сослужил доминанте Земли очень неплохую службу. И еще несколько раз помог ей в менее значительных эпизодах. Мне хватает этого знания.

— Ч-черт! — мрачно изрек Скотч. — Извини. Но мне кажется, что с вами поступают... грязно.

— Так надо, Вадим. Так надо для дела. Я понимаю это как профессионал. Чтобы успешно осуществить что-нибудь хорошее, нужно попутно вымазаться в грязи по уши. Да и не тот плох, у кого одежда в грязи. Тот плох, у кого вместо души грязь. А одежду и отстирать недолго.

— Да, — подтвердил Скотч напоследок. — Душу отстирать неизмеримо труднее.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА». ДЕСАНТНОЕ СОЕДИНЕНИЕ «МЕЧЕНЫЙ КОРПУС»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

Незадолго до рассвета по цепочкам десантников прокатилась команда: «Стоп! Привал!»

Шаты садились на землю, вскрывали пакеты с походными рационами. Возможно, какой-нибудь гражданский олух нашел бы странным тот факт, что несколько сот отдыхающих шат-тсуров не производили никакого шума, но дюжинный Умбасар воспринимал это как должное. Они ведь на боевой операции, а не на увеселительной прогулке.

Ротный тем временем назначил внешнее охранение и созвал дюжинных на дежурный инструктаж. На ходу дожевывая палочку питательной смеси, Умбасар поспешил на зов. Разумеется, предварительно назначив старшего по дюжине.

На месте Умбасар уселся на надувной пуфик. Ротный сидел за развернутым походным столиком и, похоже, докладывался начальству на турбазе хомо. Перед ротным загадочно мерцал видеокуб, словно диковинный лесной светляк. Умбасар и остальные видели это через ноктовизор, и потому картина казалась еще более странной и феерической.

«Да, — подумал Умбасар, — хорошо, что я в свое время завербовался в десантную школу. Где еще такое увидишь? На шахтах Тсурры или Багуты?»

Он мысленно уркнул и в который раз порадовался возможности посмотреть галактику, потоптать чужие миры во славу Унве. Если бы не Унве — разве предоставилась бы такая возможность тысячам и сотням тысяч обычных парней, чей удел при владычестве азанни сводился к однообразной пахоте на шахтах или орбитальных заводах?

Наконец ротный договорил с центром и погасил видеокуб. Спрятав коммуникатор в нагрудный чехол, он шагнул к сидящим дюжинным, одновременно давая знак не вставать, хоть того и требовала воинская субординация. Видимо, ротный не желал лишнего шума.

— С рассветом продолжаем прочесывание. Только что пришла сводка от сканировщиков, засечены несколько подозрительных групп и несколько одиночных объектов. Четыре дюжины получат специальные задания. Есть потери, происшествия? Укаби!

Дюжинный Укаби из спецов, поднявший руку, коротко доложил:

— Атакованному местным хищником солдату оказана необходимая помощь. Жизнь его вне опасности, двигательные функции не нарушены, я признал его ограниченно годным к боевым действиям. Поручил функции премьер-оператора.

— Хорошо, — одобрил ротный. — Уыдз, что твой пловец?

— Уже забыл обо всем, — отозвался другой дюжинный. — Но к трясине теперь близко не подходит!

Дюжинные еле слышно уркнули, веселясь.

— Увада!

— У меня потери, — доложил хмурый здоровенный дюжинный Шат Увада. — Солдат ступил в ловчую зону агрессивного растения. Подвергся химической кислотной атаке. Поражены нервные центры и глаза. Есть мелкие неопасные повреждения еще у троих.

— Медиков звал?

— Так точно, оказана первичная помощь. Раненого с одним из медиков и двумя охранниками оставил на тропе дожидаться эвакуации. На бот сопровождения отмашку дал.

— Ориентировку на опасное растение разослал?

— Так точно.

— А почему же я до сих пор не в курсе?

Из темноты тотчас возник замротного и что-то конфиденциально зашептал, склонившись к начальственному уху.

— Ладно, — примирительно уркнул ротный вскоре. Зам тут же ретировался в темноту. — Что еще?

Дюжинные молчали — у остальных все было в порядке.

— Понятно. Уа, Уледо, Умбасар, Уве — на месте. Остальным — отдыхать с дюжинами до общего сигнала. Разойдись!

Неназванные тотчас встали и отбыли к своим дюжинам. Шат Умбасар, понятно, остался где сидел.

— Продолжим. — Ротный раскрыл походный блокнот и завозил ногтем по сенсорному экрану. — Уа, ты проверишь сигнал у самой реки, во-от здесь.

Ротный показал на развернувшейся в объеме карте где.

— Скорее всего это какой-нибудь местный сугароз или пафтур безмозглый. Но проверить надо. Сигнал одиночный. Соблюдать все меры осторожности, если это животное — разрешаю пристрелить. Приступаешь по общей команде без дополнительных сигналов.

— Есть! — бодро уркнул Шат Уа.

— Уледо, Уве, вам достались сигналы на востоке — две группы, вот и вот. Четыре объекта и шесть. Зайдете с двух сторон. Если это искомые — войдете в клинч. Перед выходом проверить парализаторы. Перед атакой, буде таковая состоится — дать сигнал «либис», я вышлю подкрепление. Старший — Уледо. Приступаете по отдельной команде от меня или зама, не раньше. Свободны. Уа, ты тоже.

— Есть, — отозвался Шат Уледо и подмигнул Уве.

Шат Умбасар остался перед ротным в одиночестве.

— Умбасар, тебе — одиночный сигнал прямо по ходу. Приступаешь немедленно, он совсем близко. Возможно, это наблюдатель, высланный навстречу нам. Поэтому будь так осторожен, как только сможешь. Твоя задача — не взять его, а

выяснить, кто он. Понятно? Проследи, чтобы все солдаты из твоей дюжины поели, и приступай. О начале доложишь.

— Есть!

— Выполняй.

Умбасар встал и безропотно направился к свой дюжине.

«Ну вот, опять, — подумал он. — Вот оно что означает — быть на особом счету у начальства. Весь десант отдыхает до рассвета, весь — кроме дюжин Умбасара и других лучших...»

Умбасар не жаловался и не досадовал. Да, ему и его дюжине придется труднее, чем остальным. Но не затем шат-тсуры идут в десант, чтоб прохлаждаться. Служение Унве не ведает отдыха.

Об этом он и сказал своим солдатам.

Выступили почти сразу — дюжина успела благополучно расправиться с рационами и запить чуть подогретым соком. Кое-кто успел даже отключиться — пришлось расталкивать.

— Дюжинный Умбасар на связи. Приступаю, шатта, — доложил он в коммуникатор.

— Удачи, — пожелал ротный и закрыл канал.

Умбасар заранее отметил место на карте, в котором сканировщики засекли одиночный сигнал. От теперешнего местоположения оно отстояло на неполных шесть килоун. У дюжины имелся реальный шанс все как следует проверить, вернуться и даже успеть немного подремать до рассвета.

Через лес они шли с повышенной острожностью. Одно дело — когда рядом сотни братков-десантников, и совсем другое — когда остаешься один на один с инопланетным лесом, где могут крыться такие жуткие твари, что и оружие не факт что спасет. Правда, вторая планета Замххад не очень походила на мир биологического беспредела. Это не Шабаладон, где для пришельцев смертельно все живое, от вездесущих бактерий до океанских мегасимбионтов.

Поскольку прочесывать лес в задачу не входило, шли компактной колонной, по одному, в затылок. Узкой тропой, по которой явно недавно проходили шибанутые туристы. Умбасар, как и положено дюжинному, следовал ведущим. Карманный биодетектор пока не чувствовал основную цель — слишком далеко, но исправно показывал всякую мелочь в кустах и

на деревьях. В основном почему-то разнообразных птиц. Сетку с детектора Умбасар для удобства завел на левый полуплан ноктовизора.

Когда до цели осталось совсем немного и детектор благополучно засек ее, Умбасар жестом задержал дюжину. Теперь каждое слово стало излишним и более того — опасным. Десантники перешли на общение исключительно посредством жестов.

Трое ушли направо от тропы, шестеро — налево. Половина из ушедших налево должна по широкой дуге отрезать одиночке путь к отступлению. Медленно и осторожно жертву брали в надежное кольцо.

Умбасар выждал, чтобы бойцы заняли исходные позиции, потом осторожно-осторожно двинулся вперед, то и дело замирая у стволов и прячась за ними. Рядом крался ветеран Умика, шат тертый во многих стычках с пиратами и прошедший всю кампанию по усмирению Желтого Ока.

Наконец до неведомого существа осталось буквально пару десятков шагов. Судя по всему, оно крылось в большом пузатом кусте с подозрительно колючими и густыми ветками. Умбасар надеялся, что цель — просто какое-нибудь крупное животное. Тогда можно будет с чистой совестью развернуться и уйти к стоянке основной группы. Но с тем же успехом это мог оказаться и соглядатай хомо, а на что способны туристы хомо, шат Умбасар уже имел счастье убедиться визуально.

Жестом Умбасар приказал всем замереть. Сигнал тотчас прокатился по цепочке и достиг каждого из дюжины быстрее, чем Умбасар успел набрать полную воздухополость ароматов Замххад-2.

Некоторое время Умбасар возился с детектором, пробовал подстроить. На таком ничтожном расстоянии цель уже выглядела не точкой, а продолговатым пятном. Судя по картинке, она пребывала в покое, вытянувшись во всю длину на земле. Но потом вдруг двинула конечностью, и дюжинный Умбасар сразу понял: никакой это не зверь.

Так мог бы потянуться рукой к передужью шат. Или хомо к лицу. Или еще какой разумный сходной морфологической природы.

А вслед за тем сигнал на детекторе пропал. Р-раз! И нет пятна. Только скупая россыпь небольших пятнышек — в зарослях ночевало еще несколько мелких зверушек, любую из которых Умбасар легко мог бы спрятать в нагрудном кармане.

— Ёр-исамар! — неслышно прошептал дюжинный и поглядел вправо, на шата Умику.

«Цель сканируешь?» — жестами запросил он.

«Цель утрачена», — ответил Умика.

«Значит, с детектором все в порядке, — понял Умбасар. — Но не мог же разумный, сугароз его загрызи, раствориться в воздухе!»

«Сжимаем кольцо!» — просигналил дюжинный, выждал положенную паузу и осторожно переполз на несколько ун вперед. Крупные листья задумчиво колыхались перед самым передужьем.

Раздался громкий шорох откуда-то слева; затем жутко заорала неведомая ночная птица. В ответ вдали немедленно заорали еще несколько. Звуки были настолько зловещие и тоскливые, что Умбасар даже пожалел жертву в кустах: каково ей в лесу в полном одиночестве? Жуть исамарова! Особенно если Замххад-два не родной, знакомый до мелочей мир, а такой же чужой, незнакомый и непривычный, как и для любого из шатов.

До пышного куста осталось ун десять, не больше. Умбасар засек троих из своей дюжины, помимо ближайших справа и слева. Сигнал «Стоп!» снова прокатился по кольцу.

Умбасар боролся с искушением швырнуть по кусту камнем или веткой. Смущал также приказ ротного: цель предполагалось не захватить, а всего лишь опознать.

Но дальше-то что?

Странный приказ. Половинчатый какой-то, словно простым десантникам начальство чего-то недоговаривает. Однако приказы не обсуждают — истина куда более старая, чем галактические войны.

В следующий момент затаившегося за стволом Умбасара кто-то тихонько тронул за плечо. Это было неожиданно и даже

жутковато, но рефлексы сработали самопроизвольно: полуоборот, выпад, рука с парализатором тычет...

...в пустоту. Позади никого не оказалось. И тут же кто-то тихо и удивительно спокойно произнес на интере:

— Будьте так добры, уберите парализатор. И скажите своим, чтоб не стреляли.

Шат Умбасар выпрямился — пытаясь достать неизвестного, он из положения лежа успел перегруппироваться только в положение «на корточках». А диалог снизу вверх вряд ли можно назвать выигрышным.

— Кто вы? Покажитесь, — сказал он с напором, одновременно берясь за лучевик.

Из-за ствола почти сразу вышел... кто?

«Перевертыш, — с первого же взгляда определил Умбасар. — Ооонс».

Перевертыши были единственным народом, поддержавшим свободоносный поход Унве против затхлого союза высших рас. Но это отнюдь не означало, что любой встреченный перевертыш — союзник, а не враг.

В руке перевертыш держал довольно мощное плазменное ружье явно невоенного образца. Не то чтобы он угрожал — раструб плазмогасителя не глядел на Умбасара, но воспользоваться ружьем мог практически мгновенно.

— Считайте, что вы меня захватили. А теперь пойдемте к вашему командиру. Желательно побыстрее. — Голос перевертыша звучал на удивление мягко и даже как-то вкрадчиво.

— Кто вы? — повторил Умбасар, почти уже не надеясь на ответ.

— Подданный Оа, Нути-Нагути, к вашим услугам. Лучше нам побыстрее отправиться к командованию, честное слово.

Шат Умбасар решил не ломать голову и не геройствовать. Попалась птичка — и замечательно. Какая разница, что побудило ее самостоятельно влететь в клетку? Пусть ротный разбирается. На то он и ротный. А дело простых десантников — слушать приказы и выполнять их, не забывая вовремя извещать начальство.

По сигналу дюжина без лишнего шума подтянулась. Десантники живо напоминали бесплотных сумеречных духов, так приноровились они к ночному лесу.

— Умик, в голову, возвращаемся. Ты следом, — велел Умбасар перевертышу. — И без глупостей.

— Глупостей не будет, — пообещал тот и как бы в доказательство этого перевесил ружье на грудь.

«Может, отобрать ружье? — подумал Умбасар. — А вдруг заартачится? Да и помимо ружья у него, стопудово, кое-чего найдется. Ишь, какой ушлый...»

В общем, Умбасар решил оставить все как есть. Но парализатор держал наготове.

Перевертыш сдержал слово: на обратном пути он не совершил ничего, что не устроило бы дюжинного Умбасара. Взяв в сопровождение Умика, дюжинный повел добычу к ротному, а остальным велел отдыхать.

Как раз занимался пока еще бледный и робкий рассвет.

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

Шат Урву плохо скрывал раздражение — медлительность десантников его раздражала... нет, даже не раздражала. Бесила — вот наиболее подходящее слово. Казалось бы — разве трудная задача: оцепить заданный район, сжать кольцо и переловить всех, кто окажется в окружении? Однообразные отговорки полевых командиров и с самого начала не выглядели убедительными, а уж теперь, когда Шатта Унве, владыка и отец каждого шат-тсура, мечет громы и молнии и все жестче требует результата, и вовсе стали походить на лепет перебравшего наркоты шахтера с исамарами забытого периферийного рудника. «Лес, мой командир, ночь, мой командир...» Пусть лес, пусть ночь! Ночь — неприятная, конечно, любому шат-тсуру штука. Но ведь у каждого десантника ноктовизор и оружие! Ну один из беглецов мог отсидеться в кустах, ну максимум два, так, что тройное кольцо бойцов «Меченого корпуса» прошло мимо, никого не заметив. Но не две ведь дюжины! Обязательно хоть кто-нибудь из хомо выдал бы себя, прокололся, попался — это подсказывает опыт и математика, а эта парочка упряма и практически непогрешима.

Шат Урву, командующий вторжением на вторую планету Замххад, злился.

Заканчивалась ночь; очередной запрос Унве о состоянии дел поступил почти одновременно с известием, что один из беглецов таки попался. Настроение командующего несколько улучшилось, но все тот же опыт предостерег его от поспешного рапорта Унве, хотя ладони чесались активировать коммуникатор и запросить связников. Но Шат Урву решил подождать более весомых результатов.

Пленником оказался вовсе не хомо; да еще, судя по рапорту ротного, выяснилось: никто пленника не ловил, сам вышел к десантникам и сдался. После чего потребовал аудиенции с командующим вторжением. Так эти болваны, поймав перевертыша перед самым рассветом, мариновались и решали — сообщать ли начальству о странном пленнике? — так долго, что желтый шар Замххад успел проделать почти половину пути к зениту! Второй крейсер, со штаба коллеги Ухолы, готовился сняться со стационара, покинуть атмосферу и присоединиться к армаде. Вот-вот в системе должны были начать финишировать корабли хомо, а возможно — и их союзников. Радовало только одно: вряд ли среди них окажутся надменные азанни, прежние хозяева. Шат-тсуры сумели основательно подрубить их расе креслонасесты...

Пока вызвали катер, пока катер мотнулся туда-сюда за пленником, так и вовсе полдень наступил. На всякий случай командующий все-таки сообщил в ставку Унве о перевертыше, но очень сухо и сдержанно, без далеко идущих выводов. Верховный как раз отдыхал, а высокий приоритет рапорту Урву присваивать не стал. Зря, конечно, Шат Урву согласился на аудиенцию с пленником, надо было настоять на допросе по связи. Подумаешь, потребовал перевертыш реальной встречи! Мало ли что оаонс шатам союзники. А так — еще полсуток местных потеряно, и что хуже всего — результатов по поимке искателей все нет и нет. И пещеру их нашли, на которую перевертыш указал, и всю округу облазили — хоть бы один след! Интересно, на что теперь ротный будет жаловаться? На день?

Самое обидное, что действительно было непонятно: куда подевался отряд туристов, объединившийся со спасателями. Детекторы исправно засекали многочисленных животных и

ни разу — хомо. Заслониться же от сканирования можно было только при помощи соответствующей аппаратуры, которую ни туристы, ни гиды, ни спасатели хомо иметь не могли.

Шат Урву когда-то заметил, что схожие соображения часто приходят в головы разным шатам одновременно. И — увы! — почти всегда с небольшим опозданием. Он как раз мрачно сидел в ожидании известий и перевертыша и размышлял о странностях сканирования, когда доложили о вызове из экспертной группы. Экспертов командующий слушать уже устал и хотел было досадливо отмахнуться, но тот же опыт вдруг шепнул: погоди! Впервые эксперты вызвали сами, а не вяло отбрехивались унылыми общими фразами на многочисленные запросы командного состава.

— Соедини! — велел Урву адъютанту.

В штаб-зале крейсера над уже до смерти надоевшей турбазой хомо тотчас сгустился видеостолб. Эксперт был тщедушен и тонок в экзоскелете; вдобавок Урву его не знал, а значит, это рядовой эксперт, а не кто-нибудь из руководителей.

— Склоняюсь, шатта! — отчеканил эксперт в формальном ключе, хотя Урву разогнал ближайших командиров с поручениями и в штаб-зале находился в одиночестве. Разумеется, если не принимать в расчет техников и адъютантов.

— Что там у тебя? — неприветливо осведомился Урву.

Хотелось побыстрее убедиться — зря он теряет время или же, не приведи Борк, не зря. Не приведи Борк в переносном, конечно, смысле. Просто командующий привык за последние дни только к плохим новостям.

— Мне кажется, я знаю, почему мы не можем засечь хомо в джунглях, шатта.

— Кажется или знаешь? — буркнул Урву и как раз в этот момент подумал о синхронности мыслей в разных головах.

— Кажется, знаю, шатта. Вот, взгляните.

Эксперт протянул ладонь и показал небольшой серый шарик с отчетливо видимым пятнышком вакуумного крепежа на боку.

— Это штатный поглотитель излучения тоски, ими комплектуются «Сизые скелеты», «Меченый корпус» и прочие элитные части. Регулярные части комплектуются другой мо-

делью, попроще. Так вот, более сложная модель в одном из режимов работает одновременно и как щит от сканирования. Точнее, даже не как щит — щит засекают большие стационарные биодетекторы. Эта модель, говоря попонятнее, делает носителя прозрачным для сканирования нашим оборудованием.

— Если ты заодно объяснишь, как сделались прозрачными исамаровы хомо, я тебя прощу! — пообещал Урву ледяным тоном.

— Шатта, я осматривал трупы погибших в первой стычке десантников. Ни у одного такого детектора не осталось. Причем они не сорваны случайно — в этом случае отдирается верхний слой пластика с места крепления. Они штатно удалены. У всех до единого. Захваченных поглотителей хватает с лихвой на предполагаемое количество хомо.

— Постой. — Шат Урву заметно оживился. — Но ведь какое-то время после стычки мы сканировали даже две группы!

— Они могли включить их не сразу. Хомо хитры, шатта.

— Опять постой! Насколько мне известно, поглотитель одновременно является и маячком. Если хомо прячутся от нас при помощи наших же приборов, мы должны легко их засечь.

— В модели, которая посложнее, режим маячка возможно отключить, шатта. Если знать как. Десантников этому не обучают, но технически такое осуществимо.

Некоторое время Шат Урву сидел неподвижно и боролся с медленно вскипающей яростью. Потом не сдержался и изо всех сил хватил кулаком по столешнице; видеостолб напротив него обиженно мигнул.

— Сугароз вас всех загрызи, эксперты!! — просипел командующий и угрожающе уркнул. — Почему я об этом узнаю только сейчас? Чем вы там у себя, птичья пожива, занимаетесь, а?

— Шатта! — неожиданно твердо ответил эксперт. — Упомянутая мной возможность поглотителя недокументированная. Эксперты о ней не знают. О ней и техники не знают. Я знаю, потому что был одним из разработчиков этой модели, на Багуте-четыре.

— Все равно! Ты знал и молчал?!

— Шатта, я сумел переключить поглотитель в режим прозрачности только сегодня утром. До этого я даже не задумывался о подобной возможности. А утром подумал: не может быть, чтобы стационарные биодетекторы не брали хомо. Они как-то прячутся. Как? — подумал я. И стал искать ответ. Посмотрел справочники, обновил в памяти механизм переключения режимов и схему питания субмодулей поглотителя и пришел к выводу, что теоретически отключить маяк можно. Хотя нигде этой информации нет. Попробовал... вот, получилось, правда, не сразу.

— Кому ты уже докладывал?

— Пока никому, шатта. Я немедленно стал вызывать вас.

— Садись! — громогласно велел командующий и указал на место за столом, начисто позабыв, что перед ним не живой эксперт, а всего лишь изображение в видеостолбе. Эксперт терпеливо дождался, пока Урву созовет срочное совещание, и сказал:

— Я на поверхности, шатта, но прибуду очень быстро. Катер рядом.

— Мигом сюда! — рявкнул Урву и погасил канал связи.

Мысли роились в голове. Формулировались первоочередные приказы. Параллельно какая-то часть сознания анализировала ситуацию, сопоставляла известные факты.

«Итак, либо этот головастый экспертишка ошибается, либо в группу хомо затесался гений, знающий о технике шатов больше, чем сами шаты. Возможно ли такое? В числе случайных туристов или работников этого занюханного заповедника? Ничтожная вероятность. Ничтожная. Хотя, если вспомнить, что один рукопашник и три (или четыре? Сколько их там было?) стрелка положили три полные дюжины «Сизых скелетов»... Стоп-стоп-стоп! Вот оно! Вот он, этот умелец! Сто против одного — это пресловутый рукопашник! Но тогда... тогда получается, что хомо заранее готовили всю операцию на Табас... э-э-э... на Замххад-два. Возможно ли это? И почему тогда именно сюда, именно на этот континент и в окрестности этой базы примчались и искомые искатели (извините за тавтологию), и парламентерский бот азанни без азанни на борту? И почему тогда, если доминанта Земли заранее все го-

товила и просчитала, так запоздали космические силы хомо и допустили вторжение шатов, тем самым поставив под угрозу срыва всю эту и так шатучую, как видавший виды табурет, операцию?»

Мысли, казалось, не умещались под черепом. Шат Урву в отчаянии поскреб передужье, и в этот самый момент адъютант доложил, что с поверхности доставили пленного перевертыша. Кое-кто из заместителей и экспертов — на этот раз из высшего звена — уже прибыл на совет. Салютовали и рассаживались.

«Поговорю с глазу на глаз!» — решил командующий относительно ооонс.

— Как только явится тот эксперт, который только что рапортовал, немедленно дай мне знать! — приказал он одному из адъютантов. Тот безмолвно коснулся браслета и утвердительно скрипнул экзоскелетом.

Резко повернувшись, Шат Урву направился к комнате отдыха. В штаб-зал как раз входили вооруженные охранники и занимали положенные по уставу места. А потом ввели перевертыша. Другой адъютант немедленно указал, куда его вести.

Командующий вторжением вдруг подумал, что происходящее все-таки лучше тупого и изнурительного, а главное — бесплодного ожидания.

«Ничего! — пригрозил он неизвестно кому. — Еще покажем исамаровым хомо небо в горошек!»

ЭКЗОТИК-ТУР И ЭКИПАЖ ПОИСКОВОГО РЕЙДЕРА «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

1

— Пора ход сбрасывать, — тихо сказал Скотч.

Желание говорить негромко было нелогичным, но неистребимым.

Все трое, не сговариваясь, повернули головы направо. К берегу Сайры, на котором сейчас хозяйничали шат-тсуры. Берег выглядел безжизненным, даже если его рассматривать в бинокль: десантники неприятеля к воде не совались. Единственное, что напоминало об их присутствии, это шныряющие над джунглями малые корабли.

«Амфисбена» медленно двигалась вдоль дикого и почти не изученного берега Сайры, западного. Едва не чиркала днищем по илистому дну — Скотч правил так, чтоб прижиматься к сплошной стене зарослей. Заросли прикрывали их сверху, и это было просто замечательно, потому что корабли шат-тсуров иногда, срезая углы, проходили невысоко над рекой. Правда, к дальнему берегу все равно не приближались, но при обнаружении чего-либо подозрительного им ничего не стоит сделать лишний крюк.

Скотч перенес внимание на ближний берег, лишь время от времени зыркая на дальний. Где-то тут должны ожидать туристы, искатели и коллеги-гиды. Не хотелось верить, что им не удалось переправиться — для Валти и Хиддена такая тривиальная в общем-то проблема на «раз-два». Все равно что задачка на сложение для профессионального математика.

Как-то друзья должны дать знать о своем местоположении после переправы. Как-то понятно и ненавязчиво. Но как именно? Скотч надеялся на их изобретательность.

— Та-аксь! — вдруг протянул Семенов над самым ухом и указал рукой куда-то вперед и влево. — Это вон что виднеется?

Скотч, щурясь, присмотрелся.

— Это буй, — пояснил он и облегченно расплылся в улыбке.

Чуть левее курса у самого берега бултыхался в ленивой волне поплавок с флажком на макушке тонкого стержня. Флажком служил белый носовой платок Валти с вышитой птицей-дурындой.

— Правь туда, — посоветовал Семенов.

— Да уж конечно! — фыркнул Скотч. — Куда же еще?

Перед поплавком Скотч остановил водометы; катер, вписавшись в плавную дугу, ткнулся носом в заросли. Под днищем противно заскрипел корень мангрового дерева, а с берега в воду веером ссыпались здоровые зеленые квакши.

— Пойду гляну, — сказал Скотч, отрываясь от штурвала. — Я быстро.

Он ожидал, что Семенов не удержится и обронит напутственное: «Поаккуратнее там!» — или что-нибудь в этом роде.

Семенов обошелся без пошлых и банальных слов. Да и вообще без слов. Просто прошел на корму, уселся на станину лебедки и принялся наблюдать за дальним берегом. С барабана печальными усами свисали к самой палубе обрезанные поводки рыбацких сетей.

У Сани Веселова на языке явно вертелся какой-то вопрос, но, глядя на хранящего молчание Семенова, и Саня сдержался.

Скотч соскочил с катера, увязнув в грязи по щиколотки. Берег был умеренно топкий, как и положено дикому берегу реки в джунглях. Зазевавшаяся квакша суетливо удирала под прикрытие мангровых корней. Поочередно выдернув ботинки из топкой пульпы, отчего пульпа дважды смачно чвакнула, Скотч отодвинул с дороги пышный побег стромиции и ступил под полог леса. Вокруг тучами вилась мошкара и прочие кровососы — здесь на них не было хемиорегуляции, потому эта дрянь плодилась бесконтрольно.

— Тьфу ты, — ругнулся Скотч сквозь зубы, шлепая себя по шее, в которую словно иголки впились.

Он прошел шагов пятьдесят и увидел Валти. Напарник словно лесной дух возник из-за зеленой пелерины неизвестного Скотчу дерева и радостно растопырил руки.

— Как переправились? — вместо приветствия осведомился Скотч.

— Нормально, в общем. Акоп, правда, в воду свалился и чуть кайману на закусь не угодил.

— Блин, — сокрушенно вздохнул Скотч. — Бывают же такие люди... Остальные как?

— Нормально. И от наркоза все отошли уже.

Словно в подтверждение из зарослей появился Солянка. На носу его красовалась иссиня-багровая полоса.

— О! — Брови Скотча поползли вверх. — А это еще что за украшение?

— Краб, — мрачно объяснил Солянка. — Сиганул, зараза, с ветки и клешней прямо по морде.

— Везет тебе на крабов, — ехидно заметил Скотч. — Ладно, будет трепаться, грузиться пора. Убраться бы отсюда побыстрее... Где все?

— Тут, в кустах.

Народ тщетно пытался поспать. Не получалось: мешал гнус. Все обзавелись веничками из свежих веток кедрокленов и энергично ими обмахивались. Появление Скотча внесло в ряды ожидающих желанное оживление.

Пожитки таскали на катер минут пятнадцать. Работали все: спасатели, гиды, туристы, искатели. Правда, советник Пау-

листа наладился было сачкануть и без поклажи направился к берегу, но его живо осадил неумолимый Скотч.

— Эй, как вас там! Может, у себя на Фалькау вы и важная шишка, — заявил ему Скотч без тени смущения. — Но тут не Фалькау, а Табаска. И командую тут я. Так что давайте, господин советник! Труд облагораживает! — И с этими словами Скотч взгромоздил Паулисте на загривок чей-то здоровенный рюкзак, причем с отключенным компенсатором. Советник закряхтел, гневно сверкнул глазами, но повиновался. Что-то ему подсказало: стоит заупрямиться, как здешние неотесанные грубияны вполне могут на практике применить метод «Кто не работает, тот не ест». А питаться советник Хенрик Паулиста привык регулярно, вкусно и обильно.

Бригадир искателей Тахир Плужник с ехидной усмешкой на устах нес следом за советником большой тюк. Крупная белая печать: «Поисковая База. Доминанта Земли» — совсем не выглядела чужеродной на фоне дикого леса Табаски. Наоборот, она вписывалась в окружение очень органично.

Только Семенов не принимал участия в погрузке. Вооружившись биноклем, он неотрывно наблюдал за противоположным берегом. Бинокль, он же ноктовизор, Семенов снова предпочел искательский.

«Что ж, — подумал Скотч философски. — Его право...»

Поклажу еще только растаскивали с палубы в места поукромнее, а Скотч уже столкнул катер с мели, ухватился за руку Солянки и взобрался на борт.

— Где Хидден? — осведомился он.

— Маскируется, — меланхолично пожал плечами Солянка.

— Гони его за штурвал! — велел Скотч. — Пусть правит вдоль самого берега, мы сюда так шли. И в Полог-рукав! А сам потом тоже в рубку подгребай, разговор есть...

— Добро, — кивнул Солянка и направился на поиски коллеги.

Скотч же подсел к по-прежнему не сводящему бинокля с дальнего берега Семенову. Через минуту-две к ним присоединились Валти и Плужник.

Остальной люд, управившись с размещением припасов и поклажи, бесцельно бродил по палубе.

— Надо разогнать всех, — хмуро сказал Семенов. — Вниз. А сами в рубке соберемся.

— Момент! — Скотч нашел его слова дельными. В самом деле... Чего маячить на виду? Совершенно нечего.

Теперь, когда не было необходимости внимательно вглядываться в нескончаемую пелену зелени в поисках затаившихся товарищей, водометы «Амфисбены» показали свою истинную мощь. Острый белый бурун вырос за кормой, как раз между двух стекловидных пятен над вырывающимися из сопел струями. Практически, конечно, это были два сросшихся буруна, но срослись они так плотно, что граница оставалась совершенно незаметной. Нос катера ощутимо задрался, даже по палубе ходить стало труднее. Ветви мелькали над головой с пугающей быстротой, а когда вставший к штурвалу Хидден принимался маневрировать, повторять все изгибы близкого берега, становилось даже немного жутковато: каждый миг казалось, будто Хидден вот-вот не рассчитает или замешкается и катер со всей скоростью выскочит на сушу, вломится в плотные заросли и врежется в ствол ближайшего к воде дерева, что на такой скорости равнозначно смерти. Но Хидден вполне справлялся с управлением, словно водить морские катера по рекам было его каждодневным занятием в течение по меньшей мере десяти последних лет.

Уже заметно уставшая от приключений группа туристов с удовольствием разместилась в матросском кубрике. Более всего это помещение катера походило на небольшой бар с какой-нибудь из не шибко престижных и избалованных отдыхающими-толстосумами планет-курортов. Прямоугольная комната с довольно низким потолком, вдоль короткой стороны, обращенной к носу, — стойка, вдоль остальных стен — узкие то ли полки, то ли диванчики, на которых с равным успехом можно и сидеть, и лежать. В центре, под потолком — два панорамных формирователя видеоизображений. На стенах — надписи, какие-то витиеватые распечатки под ламинатом, а также следы недавно снятых вещей — штурвала, спасательного круга, еще чего-то из моряцкого обихода. На массивном ме-

таллическом крюке у входа хорошо смотрелась бы рында. Шкаф-витрина по ту сторону барной стойки был совершенно пуст, даже многочисленные полки кто-то не поленился удалить. Но туристы «Экзотик-тура» — народ запасливый, невзирая даже на непредвиденные передряги последних дней. Нашлась и выпивка, и закуска. И теперь, когда напряжение ожидания и игры в прятки с весьма решительно настроенными инопланетянами несколько спали, народ заслуженно расслаблялся.

Мрачно поглощал ром Денис Воронцов. Рядом вился Акоп; видно было, что он очень хочет о чем-то Воронцова порасспросить, но никак не решится. Костя Цубербюллер в компании Патрис Дюэль и Валентины Хилько расположился на одном из диванчиков, под светлым пятном в форме штурвала на голой стене. Гунила и Тентор Боты облюбовали угол каюты. Неотрывно глядел в иллюминатор Фаусто Аркути, не замечая, что расплескивает из неосторожно наклоненного бокала только что смешанный сестрой коктейль. Орнела о чем-то беседовала у стойки с одним из искателей — Василием Шулейко; тут же обосновались и сухопарые сестры-научницы Виола и Регина. Эти держались вроде бы и вместе с Орнелой и Шулейко, но в то же время как бы и сами по себе. Угрюмо сопел в другом углу советник Хенрик Паулиста: только что он пытался присоединиться к уходящим на закрытый совет спасателям, но его очень бесцеремонно отшили. Уснул на рюкзаках бывший завхоз мистер Литтл, наверстывая упущенное ночью, во время переправы и последовавшей вахты. В лежачем положении пребывал и контуженный Жбан, которому многие вполне бескорыстно и искренне старались чем-нибудь помочь.

Не хватало Скотча, Валти, Солянки, Хиддена, Семенова, Плужника и Сани Веселова. И если относительно гидов, здоровых спасателей и бригадира-поисковика вопросов никаких не возникло, то присутствие на совете кадета Веселова удивило по меньшей мере троих — Шулейко и сестер-научниц.

Впрочем, объяснялось все гораздо тривиальнее, чем можно было вообразить: Веселов на совете в ходовой рубке вовсе не присутствовал. Семенов оставил его на корме с активиро-

ванным биноклем-ноктовизором в режиме фиксации тепловых объектов и велел глаз не сводить с восточного берега. Ноктовизор Сане вручили, понятно, привычный, искательский.

Остальные действительно совещались. Хиддену, помимо всего прочего, приходилось еще и шкиперствовать, поэтому в разговоре он почти не участвовал, хотя прислушивался исправно.

— Ну что, коллеги по одиссее, — обратился ко всем Семенов, — покалякаем, как говорится, о делах наших скорбных?

Скотч удивленно взглянул на Семенова — такой разухабистый тон он еще ни разу себе не позволял. Возможно, подумал Скотч, это прорывается на поверхность одна из прошлых жизней агента. Стертая, но не забытая напрочь. Оставшаяся глубоко внутри, в виде характерных фразочек, обрывков мыслей, неосознанных моторных реакций вроде азартного потирания ладонями.

— От скелетиков нам снова удалось на время улизнуть, — продолжал Семенов. — Катер мы нашли. Сплавляемся пока без потерь. И, похоже, настало время задать Вадиму вопрос, который ранее не был задан. Насколько я понимаю, мы направляемся к морю, потом вдоль побережья на восток и в конечном итоге планируем пристать и высадиться где-нибудь в непосредственной близости от турбазы. Так вот, меня интересует: а что, собственно говоря, мы намереваемся на турбазе делать? Попутно осмелюсь напомнить, что на турбазе с почти стопроцентной вероятностью размещается штаб войск шаттсуров, а космодром при ней, бесспорно, превращен во взлетно-посадочную площадку для кораблей планетного класса. Кроме того, не следует забывать и о висящем над турбазой крейсере, каковой, уверяю вас, пребывает в полном боевом режиме. И от средств наблюдения которого уже не спасут вот эти милые датчики. — Семенов прикоснулся к шарику на груди куртки. — Все, теперь я готов слушать.

Несколько секунд все молчали.

— По-моему, это была твоя идея — направиться к турбазе, — осторожно заметил Валти чуть погодя, обращаясь к напарнику. — Не подумай, я не откреститься пытаюсь. Просто

раз ты это предложил, значит, что-то планируешь. В овраге время работало против нас, там главное было не сидеть на месте. Поэтому никто и не задумался — а зачем нам турбаза?

— А затем, — спокойно ответил Скотч, — что это единственное место в пределах нашей досягаемости, где есть космические корабли. Ведь коллег-искателей в первую очередь заинтересует именно это, не так ли?

Скотч в упор взглянул на Плужника. Но тертого дальним космосом искателя смутить было не так-то просто.

— Возможно, — ответил он. — Возможно.

И улыбнулся.

— Тогда давайте подумаем — что мы реально в состоянии сделать? Захватить один или даже несколько кораблей, по-моему, будет несложно. Но дальше-то что? Даже если нам дадут взлететь... Во-первых, крейсер. Если предположить даже, что мы умудримся уйти из атмосферы, тут нас поджидает, во-вторых, блокада шат-тсуровской армады. Не знаю, кому как кажется, а я убежден, что столь прямолинейные действия успеха нам не принесут.

— Верно, — согласился Семенов. — Не принесут.

Вновь воцарилось молчание, во время которого собеседники то и дело обменивались вопросительными взглядами.

— И что? — не выдержал Валти. — Следует отказаться от первоначального плана?

— А какие у нас альтернативы? — поинтересовался Солянка. — Выжить в принципе на Табаске и под шат-тсурами можно. Если только они не станут наращивать присутствие.

— Всю жизнь прятаться по лесам? Пхэ! — Валти презрительно фыркнул. — Это не по мне.

— Не забывай о туристах, за чьи жизни мы в ответе, — напомнил Скотч.

— Да какие они туристы на сегодняшний день... — неуверенно возразил Валти. — Все мы давно уже партизаны. Только одни по зову долга, а другие за компанию и из-за отсутствия внятных альтернатив.

— Не скажи, — не согласился Солянка. — Альтернативы были. Можно было уйти дальше на запад после переправы.

— И сгнить в джунглях? — поинтересовался Валти очень скептическим тоном. — Это не наш берег, где каждый клочок леса знаком и исхожен. И не забудь, биоблокада не вечна. Рано или поздно потребуется обновить защиту, а препарата у нас в обрез.

— Не туда свернули, — вмешался Семенов. — Давайте-ка поближе к делу. Можно я изложу свои соображения? Потом предлагаю выслушать коллегу бригадира — думаю, у него больше резонов выдвигать идеи, чем у нас.

— Почему это? — не понял Солянка.

— Потому что мы спасаем только собственные жизни, а он — нечто большее.

Солянка снова ничего не понял, но возражать не решился. Он и еще Хидден до сих пор не подозревали о положении преследуемых новорожденной империей Унве искателей с «Шустера-эпсилон-75». Но словам загадочного туриста оба спасателя «Экзотик-тура» уже привыкли доверять безоговорочно, тем более что шеф (Скотч) и его зам (Валти) поступали точно так же.

— Итак, — начал Семенов. — Я считаю, что к турбазе идти действительно необходимо, и вот почему.

Первое. Это единственный реальный пункт связи с внешним миром, даром что он контролируется противником. Второе. Вы не задумывались, почему шат-тсуры спешат? Только ночь слегка подзадержала облаву вблизи оврага. Так вот: их космическая армада у Табаски неизбежно притянет сюда же силы союза, в первую очередь — силы доминанты Земли. А когда на орбите два флота, один из которых наш, песня зазвучит совершенно иначе. Это предположение подкрепил и разговор с советником Паулистой, который, по моему мнению, хоть и довольно бестолковая личность, но все же информированная получше большинства из нас. Он подтвердил, что силы союза окажутся в Системе Пронг-30 весьма быстро. Возможно, они уже здесь или, что вероятнее, на подлете. И еще одна мелочь... Тахир!

Глава искателей вынул из нагрудного кармана портативный терминал, развернул его и включил. Беззвучно раскрыл-

ся видеокуб. Поманипулировав клавиатурой, Плужник вызвал в объем какую-то схему.

— На что похоже? — вкрадчиво спросил Семенов.

Гиды и спасатели присмотрелись.

— На топографическую карту южного побережья, — несколько удивленно опознал картинку Скотч. — Это что?

— Это перехват отчетов со спутников слежения и с крейсера шат-тсуров.

Отчетливо виднелось синее поле океана, южная часть континента, утопающая в сплошном махровом покрове лесов, синие ленты Сайры и Мойвы, рыжевато-коричневый хребет Хуснутдинова у самого северного обреза картинки...

Семенов подмигнул Плужнику и попросил:

— Покажи!

Плужник снова коснулся клавиатуры; изображение изменилось. Большинство топографических меток исчезло, картинка сразу стала похожа на спутниковый снимок. Ряд последовательных увеличений — и стала явственно видна пересекающая зеленый ковер джунглей полоса, чем-то похожая на шрам. На западе, невдалеке от устья Сайры, она распадалась на несколько полосок потоньше и поэтому напоминала еще и кисточку.

— Узнаешь, Вадим? — спросил Семенов.

— Ё-моё! — выдохнул Валти. — Да это же титанодоны идут!

— Верно! — подтвердил Семенов. — Их спугнули корабли шат-тсуров, шнырявшие у Мангрового залива и южнее. Поэтому они и сбились с обычного пути миграций, поэтому поневоле несколько стад сбились в одно и пошли в единственном направлении, свободном от ежедневных поисковых рейдов шат-тсуров. Запад и юг отпадают — там Сайра и океан. Север и северо-северо-запад тоже отпадают — там трассы патрульников. Остался запад. Они туда и двинули. И на пути у них лежит...

— Наша турбаза, — закончил Солянка. — Вот это да!

— Именно! — Семенов воздел руку с оттопыренным указательным пальцем. — И до нее с такими темпами они доберутся...

— Меньше чем через сутки, — теперь фразу закончил Плужник. — Вероятнее всего, нынешней же ночью, перед самым рассветом.

— Ты предлагаешь воспользоваться неизбежной суматохой? — осторожно спросил Скотч. — Что-то слабо верится, чтоб шат-тсуры не сумели справиться со стадом животных, пусть даже это и титанодоны. Пожгут их, к чертовой матери, с крейсера.

— Тем не менее это шанс. — Семенов пожал плечами. — Внимание скелетиков будет сильно отвлечено, и глупо на этом не сыграть. А посему мы должны оказаться на траверзе турбазы уже вечером и за ночь отмахать почти семьдесят километров.

— Ёлы-палы, — подал голос Хидден, не отрывая взгляда от курса. — А спать когда?

— Сейчас, — объявил Семенов. — На руль поставим Цубербюллера, он справится. Я спрашивал, он согласился. Патрис вызвалась ему помочь. Потом Солянка его сменит. Вася Шулейко вызвался корректировать передвижение, он ведь астрогатор, а это почти то же, что и навигатор. Приборчики господ искателей мы уже успели заценить. — Семенов кивнул на все еще работающий терминал Плужника.

— А не засекут перехваты? — озабоченно спросил Валти. — А?

— Не должны, — вздохнул бригадир. — Хотя теоретически это возможно, пусть и очень маловероятно.

— Ну и ладненько, — подытожил Семенов. — Тогда все на боковую. Я лично уже с ног валюсь.

Откровенно говоря, Семенов не выглядел ни сонным, ни уставшим. А вот Скотч уже начал потирать глаза и периодически мотать головой, отгоняя подступающую сонливость.

— Хид, постоишь на руле?

— Постою.

— Солянка тебя подменит потом. Ага?

— Подменю! — заверил Солянка.

— Тогда я за спальником. Тут и упаду, у переборки.

— А я на воздухе лучше, на палубе, — сказал Семенов.

— Комарью на откорм? — хмыкнул Скотч. — Ну-ну...

— Я невкусный, — сказал Семенов и впервые зевнул.

Даже железный парень из неназванной спецслужбы иногда нуждался в отдыхе. Скотчу почему-то отрадно было убедиться в этом. Хотя для дела лучше подошел бы эдакий несгибаемый рыцарь без страха и упрека. Ведь ни для кого не секрет, что самые подготовленные и тренированные люди часто валятся на простых человеческих слабостях.

Но и работать приятнее с живым человеком, а не с роботом без души и жалости. Особенно если у тебя тоже есть душа.

Через пять минут Скотч уже спал на полу у переборки, подложив под голову ладонь и сладко посапывая. Семенов устроился у носового кнехта. Остальные, за исключением Хиддена и Солянки, спустились вниз, в кают-компанию. Солянка сменил на корме искателя Веселова — тот сразу же ушел вниз. Спать. Бессонная ночь его тоже вымотала.

«Амфисбена» резво уходила на юг.

Ближе к полудню свернули в Полог-рукав, настоящий зеленый коридор. Это неширокое русло обрамляла настолько пышная растительность, что ветви смыкались на высоте десяти — пятнадцати метров сплошным зеленым сводом. С воздуха визуально заметить катер теперь не мог никто. Да и восточный берег пропал из виду, что вселяло верный шанс добраться практически до самого моря совершенно незаметно.

А еще приблизительно через час (десятичный, местный) миновали дельту Сайры, по небольшому извилистому руслу, и оказались в обширном, постепенно расширяющемся заливе. Берега расступились, вода из мутно-коричневой незаметно стала пронзительно синей и прозрачной, а влажная удушливая жара тропического леса сменилась свежим морским бризом. Цубербюллер и Солянка к этому времени поменялись местами.

К катеру вскоре пристроились две здоровые ихтиофтеры. Обе следовали чуть сбоку по правому борту — любой мог видеть их сплюснутые с боков темные тела у самой поверхности.

Так и мчала «Амфисбена», рассекая пологую волну Южного океана. Час за часом, минуту за минутой.

Ближе к вечеру, когда Пронг уже наполовину сполз к далекому горизонту и висел чуть правее кормы, на палубу поднялся Константин Цубербюллер в сопровождении девушек — Вали Хилько и Патрис Дюэль. Стоящий на руле Солянка хотел было турнуть их, но потом подумал: а зачем, собственно? Их окружало только море. Небо вокруг оставалось чистым, поверхность океана — тоже. Кому они помешают, стоя на палубе, облокотившись на борт и глядя на скользящих параллельным курсом ихтиофтер?

И он промолчал.

А буквально минут через пять Цубербюллер вдруг стукнул в рубочную дверь. Солянка удивленно взглянул в большой круглый иллюминатор — Костя указывал рукой куда-то вперед и влево. Солянка взглянул и машинально потянулся к биноклю.

Навстречу, несколько ближе к невидимому отсюда берегу, ползла еле различимая с такого расстояния точка.

Взглянув на нее посредством оптики, Солянка тут же обмер.

Это была точно такая же «Амфисбена». Она шла на запад. Стоящий на палубе шат-тсур приветственно махал им рукой. Еще дальше к берегу, совсем уже еле-еле различимой крупинкой, обозначилось еще что-то плавучее. Вполне возможно, очередная «Амфисбена».

Солянка не успел ничего предпринять: Валентина Хилько сделала несколько шагов вперед, выйдя из-за рубки на палубу, и энергично помахала рукой в ответ. Шат-тсур заметил это, потому что тут же замахал обеими руками сразу. Чуть позже к нему присоединился второй.

Так они и разминулись: время от времени салютуя руками.

Солянка, вцепившись в штурвал, молчал. Возможно, скелетики приняли их за своих. Хорошо, если просто помахали ручками. А если пытались вызывать по какой-то своей шат-тсуровской связи, дабы перемолвиться словечком-другим? А если передали на базу: мол, видим катер там-то и там-то, идет туда-то и туда-то. А на базе дежурный скелетище чешет в сво-

ем ороговевшем затылке и бормочет: позвольте-позвольте, но у нас нет никаких катеров в этом квадрате! Ну-ка, друг Шуш-Пуш (или Быш-Кыш), вышли-ка туда патрульный катер, пусть пройдет на бреющем да присмотрится, что это за деятели? И друг Шуш-Пуш (или как там чертовы скелетики друг дружку называют?) послушно бормочет приказ в микрофон, а минутой позже с космодромчика у турбазы в небо взмывает скоростной космическо-атмосферный кораблик с деструкторами в полной боевой готовности...

Солянку аж передернуло от таких мыслей.

Но то ли объединенный отряд гидов, спасателей, туристов и искателей по-прежнему хранило небо, то ли шат-тсуры на «Амфисбене» оказались гораздо беспечнее, нежели в Солянкиных мыслях, то ли еще почему, но до самой темноты они больше никого не увидели, кроме привычных уже ихтиофтер да стаи летучих медуз, дождем ссыпавшихся в волны метрах в двадцати от катера.

Скотч проснулся незадолго до заката. Семенов — минутой раньше. Хиддена и Солянку тотчас отправили ужинать и спать. Перед тем как уйти, Солянка коротко рассказал все на ухо Скотчу. Его реакцию и реакцию Семенова спасатель уже не видел, потому что ушел в кубрик.

Покрасневший кругляш Пронга сполз почти к самой воде, окрашивая океан за кормой в нежно-розовые тона. Это было безумно красиво, поэтому все — и туристы, и искатели, и даже индюкоподобный советник Паулиста с Фалькау высыпали на палубу полюбоваться.

Было чем.

2

— И что? — сердито выпалил Тамура. — Так и будем сидеть здесь дни напролет? Как крысы?

— А что нам остается? — как можно спокойнее поинтересовался МакГрегори.

Не то чтобы он был не согласен с Тамурой. Конечно, сидеть здесь бесконечно нельзя. Проблема в другом: МакГрегори пока еще не продумал линию дальнейшего поведения.

Положение троицы бывших диспетчеров с крохотного туристского космодрома «Экзотик-тура» смело можно было назвать аховым. Планета, очевидно, захвачена чужими. Не имеет смысла вторжение такими силами на какую-то там мелкую турбазу. Такими силами захватывают планеты целиком. Скорее всего Табаска полностью контролируется шат-тсурами. Сомнительно, чтобы крохотные людские поселения оказали чужим достойное сопротивление. МакГрегори вообще подозревал, что гиды и спасатели «Экзотик-тура» — лучше всех вооруженные и тренированные люди на Табаске. Но разве устоят пятеро против сотен и тысяч?

Бред.

Скотч и компания, можно не сомневаться, уже давно пленены.

Но с другой стороны — не пленены ведь до сих пор Тамура, Сориал и МакГрегори? Нет.

Но опять же, если цель чужих — захват контроля над Табаской, группу на маршруте чужие отследят и неизбежно захватят. Трое диспетчеров все еще не в плену только потому, что никому не пришло в голову их искать. Хотя плененным девчонкам с турбазы чужие наверняка задавали вопрос: «Кто еще остался на свободе?» Девчонки могли упомянуть троих диспетчеров, а могли рискнуть и притвориться, что весь персонал уже захвачен.

Сплошная неопределенность. Слишком мало информации. МакГрегори в своих размышлениях было просто не от чего оттолкнуться. Они втроем остались без всего — без связи, без информации, без цели, в конце концов. Просто выжить — это не цель для настоящего мужчины и землянина. Все, что у них есть, — это один бласт, один сшиватель да отвертка. Ну, пара щупов еще; при наличии действующего бласта щупы рассматривать как оружие было чересчур наивно.

Бласт, кстати, их здорово спасал: съестных припасов в переночуйке обнаружилось всего ничего, поэтому Тамура, как самый искушенный, изредка отправлялся на охоту. Пустым

он не вернулся ни разу. Но батарея бласта когда-нибудь истощится, это и дурынде понятно. А запасных у них нет. И на турбазе вряд ли отыщутся — бласт старый, таких давно не делают. Возможно, у директора запасные батареи и имеются, но если директор не хранит их в ящичке вместе с бластом, значит, найти их шансов практически нет. Даже не будь здесь чужих, при возможности без помех обшарить всю турбазу — и в этом случае МакГрегори сомневался в успехе поисков.

В общем, в активе имелась полная неопределенность; в пассиве — она же. Сегодня утром Тамура заявил, что не видит больше смысла сиднем сидеть в лесу. Чужие не уходят, крейсер все так же висит над турбазой. Единственная перемена — снятие блокады (это отследили по заработавшему сшивателю). Но что противопоставить ожиданию и пряткам?

МакГрегори не знал.

— Хорошо, — сказал он Тамуре, решив озвучить свои мысли. — Что предлагаешь ты? Идти штурмовать кишащую чужими базу? Абсурд. Уходить на север, к рыбацкому поселку? Так это, извините, тысячи километров, через весь материк! И потом, где гарантия, что над поселком не висит такой же крейсер?

МакГрегори не подозревал, насколько он прав. Второй крейсер шат-тсуров висел именно над рыбацким поселком на севере.

— Я знаю, чего не следует делать, — неожиданно спокойно ответил ему Тамура. — Не следует вверять свои судьбы слепому случаю. Бездействие хуже смерти.

— Это ты сейчас так говоришь, — вздохнул МакГрегори. — А как возьмут нас чужие в оборот — сто раз пожалеешь, что снялись отсюда.

— Не пожалею, — заверил Тамура и неожиданно обратился к Сориалу: — А ты что думаешь, Жорж?

Сориал, до сих пор безмолвно внимавший спору, растерянно промычал:

— А-а-ам-м-м... Не знаю. Я правда не знаю. И сидеть тут вроде глупо, но и как поступить — тоже непонятно. Может, сходить к базе в разведку? Вдруг удастся освободить которую-нибудь из девчонок...

— Освободить, — фыркнул МакГрегори. — Беда, какие вы наивные, коллеги. Во-первых, подступы к базе стопроцентно охраняются так, что кошкун не прошмыгнет незамеченным. Во-вторых, кто вам сказал, что девчонки еще на базе? Сами же видели, сколько кораблей каждый день поднимается к крейсеру и сколько валится вниз. Десятки. Если скелетики не уходят с нашей никчемной турбазы, значит, они что-то там затевают. Строят, ждут... не знаю. Но они там задержались. Так зачем, спрашивается, балласт под боком? В конце концов, всех наших могли и просто... того...

Тамура сердито скрипнул зубами, но ничего не сказал. Сориал скорбно вздохнул и потупился.

Крейсер гигантским необъятным блином висел в небе на западе. Центр этого блина располагался как раз над турбазой «Экзотик-тура»... экс-турбазой. А как раз над переночуйкой располагался край. Странно это было видеть. На востоке, севере и юге — просто небо, обычное небо с птицами и облаками. А на западе — чудовищный сорокакилометровый диск, воплощение мощи и неотвратимости. Дальний его край терялся в белесой дымке, ближний же просматривался на диво ясно. Кто когда-нибудь глядел снизу на зависший над поверхностью планетарный крейсер — тот поймет. Чувствуешь себя не то что букашкой под подошвой великана — куда хуже. Великан скорее всего букашку просто не замечает. А тебя с крейсера, если захотят, засекут, хоть закопайся ты на километр в почву.

— Давай я схожу сам, — предложил Тамура. — Даже бласт не возьму. Осмотрюсь, прикину, что к чему. Если возьмут — я вас не выдам.

— Сунут тебя под «генератор тоски» — выдашь как миленький, — хмуро буркнул МакГрегори. — Потом, понятно, раскаиваться будешь, локти покусывать... Да только проку с того? Нет, дружище, не отпущу я тебя. Давай лучше думать. Не придумаем сегодня — придумаем завтра. В конце концов, еще древние доказали, что безвыходных ситуаций не бывает.

— То-то они помирали без счету в своих крепостях, пещерах и подводных лодках. До сих пор археологи на груды костей натыкаются.

— Не юродствуй.

— Я не юродствую. У меня мировоззрение такое. Национальное.

— Да брось. По крови ты — японец. А я — шотландец. А Жорж — вообще не пойми кто, то ли африканец, то ли француз. Но различий между нами бог знает сколько поколений уже нет. Мы — люди. Подданные доминанты Земли. Остальное — шелуха.

Неизвестно куда завел бы их спор, в какие словесные дебри, но тут снаружи, где-то неподалеку над лесом прогремел натуральный гром. Как в грозу. И вместе с тем в окна переночуйки продолжало заглядывать еще не успевшее спрятаться за тушу крейсера дневное солнце.

На крыльцо все трое выскочили чуть ли не одновременно — и как только в дверной проем пролезли?

Грозы, конечно же, не было и в помине. Зато на севере, совсем недалеко, в небе вспух радужный полупрозрачный пузырь, издалека похожий на мыльный. Грохотнуло еще раз. Пузырь постепенно наливался фиолетовым, будто свежий синяк под глазом.

— Ой! — сказал впечатлительный Сориал.

— Что это? — недоверчиво протянул Тамура, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Это? — МакГрегори невольно напустил на себя равнодушный вид, потому что догадался о природе синяка в небе. — Это финишная сфера, коллеги. Финишная сфера звездолета с икс-приводом.

— Прямо в атмосфере? — несказанно изумился Тамура.

— Именно. Прямо в атмосфере. Не многие могут похвастаться, что наблюдали такой финиш воочию.

Сориал вдруг потешно хрюкнул и засмеялся.

— Ты чего? — насторожился Тамура.

Жорж расцвел беззаботной белозубой улыбкой:

— Наша ценность на глазах растет! Мы — немногие, кто наблюдает финиш в атмосфере! Кстати, сдается мне, что финиширует небольшой корабль, потому что до нелинейности, по моим прикидкам, килоун двадцать. Вряд ли больше.

Едва речь зашла о профессиональном, о старте и финише кораблей, диспетчеры моментально и совершенно автоматически перешли с людских километров на интергалактические килоуны.

Сфера тем временем набрякла и с какого-то момента начала стремительно светлеть. Вскоре она снова стала прозрачной, хотя области нелинейности все еще бушевали по ее периметру. А в центре, там, где все уже успокоилось, из ничего возникло нечто темное и в отличие от недавнего «синяка» — материальное.

Финишировавший корабль.

— Эх, приборов нет, — посетовал Сориал, всплеснув руками. — Не понять, что за зверь.

— Ты был прав, — глубокомысленно заметил Тамура. — Корабль совсем невелик.

— Это по сфере нетрудно было понять, — все еще небрежно вставил МакГрегори. — По-моему, финиш в атмосфере куда красивее и величественнее, нежели в вакууме.

— Согласен, — кивнул Тамура.

Постепенно нелинейности сошли на нет. Корабль, с крыльца переночуйки кажущийся крохотным пятнышком, стал стремительно снижаться.

А потом по верхушкам деревьев прокатился первый шквал.

Локальная буря бушевала недолго, но посвирепствовала вволю. У многих деревьев пообломало верхушки, многие недосчитались старых подгнивших веток. Умолкли на какое-то время птицы. Сначала их напугала буря, а потом — корабли чужих, которые целым роем явились к месту финиша. Экс-диспетчерам пришлось снова прятаться в переночуйке и наблюдать за небом украдкой, через окна.

Странное дело, но финишировавший корабль чужие долго не могли обнаружить. Во всяком случае, они кружили и кружили над лесом, не снижаясь. Потом четыре из не менее чем трех десятков кораблей снизились, но вскоре снова взмыли.

Чужие маневрировали до самой темноты; потом часть кораблей убралась на космодром, часть продолжала упорно утюжить местность.

— Ничего не понимаю! Если гость сел, обнаружить его труда не составит. А если не сел, то его бы давно уже перехватили в полете.

МакГрегори недоумевал совершенно искренне.

— Может, он опять прыгнул? Прочь? — предположил Сориал.

— Да вряд ли, тогда и второй шквал до нас докатился бы. А его не было.

— Может, оба шквала слились? Может, мы последствия финиша и сразу за ним — старта просто приняли за последствия одного только финиша?

Сориал инстинктивно пытался объяснить необъяснимое наиболее обыденным образом.

— Нет, Жорж, тут что-то другое. Гости каким-то образом успели спрятаться. Я слышал, что на некоторых правительственных кораблях ставят некие суперкамуфляжные модули ценою чуть не с целую планету. С их помощью можно оставаться невидимым, даже если ты прячешься вплотную к врагу.

Тамура фыркнул, выражая сомнения:

— Угу. Я тоже слышал о чем-то подобном. Вот только я ни разу не слышал внятного теоретического обоснования всем этим небылицам. Как, спрашивается, скрыться от тазионарного сканирования, сам подумай? От потока — еще туда-сюда, но от сканирования...

— Не знаю. — МакГрегори беспечно пожал плечами. — Но думаю, что это все же возможно. На всякую хитрую задницу найдется еще более хитрый фитиль.

— Ну-ну, — не стал спорить Тамура. — Впрочем, нам-то что до всех этих штучек? Если корабль имеет защиту ценой в целую планету, то на нем прибыли такие шишки, которым до нас просто нет дела. Что правителям миров какие-то там диспетчеры?

— Вот тут ты прав, пожалуй, — согласился МакГрегори. — Завтра с утра совершим вылазку в лес.

— А патрули чужих? — хмуро спросил Тамура.

— К утру чужие их снимут. А вместо этого вышлют пехоту, вот увидишь. И мы должны пехоту опередить. Единствен-

ное, что мы реально можем сделать для нашей планеты, — рассказать, как все было. Кто бы ни явился на таком непростом корабле, если он друг, ему будет весьма интересен наш рассказ.

— А если не друг? Если это все те же скелетики или их союзники нарисовались? — усомнился Сориал.

— Тогда им не пришлось бы прятаться от патрулей шаттсуров.

— На все у тебя готов ответ, — проворчал Тамура.

МакГрегори печально вздохнул в ответ:

— К сожалению, далеко не на все.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ АЗАННИ

Пронг-33 (Ухта) — Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Прыжок просчитывали вшестеро дольше обычного, с минимальными допусками по расстоянию на расположение финишной сферы. Допуски составляли меньше сорока килоун. Подобные «блошиные» прыжки возможно было осуществлять исключительно в пределах одной звездной системы, да и то лишь между ближайшими планетами или их спутниками и, безусловно, только при отсутствии вблизи астероидных поясов.

Маримуца с подчиненными взлетели с поверхности Ухты и закрепились на стационарной орбите, а пока компьютер трудился, ворошил россыпи цифр, внимательно следили за неприятельским флотом. Практически непрерывно бот с земными десантниками сканировался армадой шат-тсуров.

Они уже знали, чья это армада, Маримуцу известили с флагмана, когда бот приземлился на Ухте и лейтенант согласно приказу доложил о выполнении первичной задачи.

— Знаешь, — задумчиво сказал Раджабов, в очередной раз покосившись на табло тазионарного счетчика, — нас определенно пасут. Определенно.

— Вижу, — недовольно буркнул Маримуца. — Но ведь не трогают пока?

— Вот я и не понимаю — почему не трогают? Если они знают, что у нас предстартовое состояние, почему не берут? Почему отпускают?

— А почему сразу не взяли, едва мы финишировали?

— Может, пытаются понять, что удумал предводитель азанни и вообще зачем он здесь? — неубедительно предположил Раджабов.

Маримуца едва удержался от презрительной гримасы:

— Рафик, ты что, недоспал? Какой предводитель? Скелетики давным-давно уже установили, где находится Парящий-над-Пирамидами. Информацию такого рода скрыть невозможно, ибо что это за лидер, который прячется? Кто за таким лидером пойдет? Скелетики просто не поймут, зачем мы здесь, — как не понимаем этого мы. Вот и выжидают. Их интересы явно расположены на Табаске, а мы вертимся вблизи Ухты. И раз мы готовимся смыться, гораздо полезнее будет узнать, куда фальшивый парламентерский бот направился, нежели захватить подставных болванчиков. Нас то бишь.

Раджабов вздохнул, помолчал и виновато сознался:

— Недоспал я, это верно...

Маримуца только рукой досадливо махнул.

В видеокубе астрогатора беспрерывно текли столбцы вычислений, и казалось, не будет конца этому десятичному потоку.

— Команда, вы как там? — осведомился Маримуца по селектору.

— Готовы, — лаконично доложился кто-то из Суондредов. Вероятно, Джерард, старший из близнецов, он у братьев-десантников выполнял роль капрала, хотя все Суондреды покуда оставались рядовыми. Лейтенанта и унтера за прошедшие двенадцать суток успели поставить в известность о том, что Джерард старше Клемента, Арнольда и Конрада соответственно на две, пять и семь минут. Бедная их мать отказалась от дородового подрашивания и выносила всех четверых, хотя, естественно, в положенный срок пришлось делать полузабытое уже врачами-акушерами кесарево сечение. Этих лбов вынимали из нее, как заряды из обоймы, одного за другим. Ужас какой-то. Дариуш Маримуца даже не подозревал, что в доминанте Земли кое-где еще практикуется такое варварство.

Обыкновенно в штатном режиме на пунктире экипажу довольно трудно заметить прыжки. У некоторых темнеет на

миг в глазах. Если после долгого пребывания в горизонтали при повышенном тяготении резко вскочить на ноги, возникает очень похожее ощущение. Мгновенная пустота в груди, словно падаешь с высоты, но все это протекает настолько быстро и почти неуловимо, что спустя секунду начинаешь сомневаться: не почудилось ли?

Но на этот раз парламентерскому боту, а значит, и его пассажирам предстояло финишировать в атмосфере. А это чревато сильной болтанкой, даже если они не вляпаются в область переменного давления. Понятно, что Раджабов стремился навестись куда-нибудь в спокойный и желательно лишенный облачности район Табаски, но с такого расстояния стопроцентной гарантии на успех не могли дать даже близкие к совершенству приборы азанни. Поэтому Маримуца велел команде подготовиться к сюрпризам и обустроить удобные и безопасные кресла, где легко переносилась бы любая болтанка, любая свистопляска. Причем не с гравитационной фиксацией тела, а с механической, с тривиальными ремешками, ибо всякие встряски имеют наглость в первую очередь выводить из строя гравигенное и гравизащитное оборудование, а крепкие ремешки, как правило, спокойно выдерживают все что угодно. «Летали, знаем, — заявил Маримуца подчиненным. — Вторично побывать непристегнутым внутри баскетбольного мяча желания абсолютно не имею и вам не рекомендую. Так что...»

Не пришлось уточнять тот факт, что мяч, в котором Маримуца имел честь оказаться, отнюдь не отлеживался у судейского столика, а, в свою очередь, имел честь быть предметом раздора десятка здоровенных долговязых мужиков. Джерард Суондред просто ответил: «Есть, сэр!», и в этой фразе явственно слышалось: «Летали, знаем!»

Переоборудовать под человеческие фигуры несколько креслонасестов азанни оказалось в общем-то не так уж и сложно.

Остаток времени прошел в томительном ожидании: предпримут шат-тсуры какие-либо шаги для захвата наглого парламентерского бота или не предпримут?

Не предприняли.

Раздался мелодичный, похожий на трель неведомой птицы сигнал, и видеокуб астрогатора очистился от цифр. Вместо этого там возникла нежно-зеленая строка на интере: «К пульсации готов».

— Ну, Рафик, — сказал Маримуца, вставая. — Молись!

— Я не умею, — вздохнул Раджабов и покосился на лейтенанта: — Пульт не забудь.

— Уж не забуду, — беззлобно огрызнулся Маримуца.

Перед тем как покинуть рубку, он пробежался пальцами по клавиатуре головного компа и велел завести служебный видеокуб в VIP-салон бота, где Суондреды устроили противоперегрузочные кресла.

До VIP-салона они добирались минуты полторы. Бегом.

Братья-десантники уже успели упаковаться в походное положение; каждый был при оружии, каждый облачен в полный комплект. Кроме того, тут же рядом имелся закрепленный тюк, видимо, с припасами и боекомплектом.

Ребятам явно не внове были подобные рискованные мероприятия, когда не знаешь, что сломается раньше: твое тело или космический корабль. Но что не твой дух — совершенно точно.

«Молодцы! — в который уже раз мысленно похвалил Маримуца. — Не экипаж — золото!»

Кресла для лейтенанта и унтера стояли в общем ряду. Рядом покоились аккуратно сложенные комплекты.

Маримуца хмыкнул и принялся натягивать свой. Унтер Раджабов в сомнении почесал затылок, потом быстро засеменил в сторону выхода.

— Ты куда, Рафик? — удивился Маримуца.

— В сортир, — бросил тот через плечо. — Чего эм-же наперед загаживать?

Двусмысленной аббревиатурой МЖ обозначались сменные модули жизнеобеспечения к стандартным и специальным — вроде десантного — пустотным комплектам. Естественно, модули имели конечный ресурс, и комплекты нуждались в периодической замене МЖ.

Один из Суондредов отстегнулся, встал, сноровисто сбросил комплект и торопливо направился вслед за унтером.

— Ну да, — деланно вздохнул Маримуца, напяливая толстый пластмассовый жилет и затягивая вакуумные фиксаторы. — Треть команды — засранцы...

Остальные Суондреды всего лишь вежливо улыбнулись его шутке.

Через несколько минут, когда все шестеро, полностью экипированные и пристегнутые, обосновались по креслам как раз напротив заведенного из рубки видеостолба, Маримуца громко и внятно вопросил:

— Внимание, команда! Готовы?

— Готовы! — в один голос рявкнули четверо рядовых и один унтер флота «Евразия», Солнечная система, доминанта Земли.

— Старт! — объявил Маримуца и утопил подпружиненную кнопку на пульте.

Спустя несколько секунд возникло мимолетное ощущение падения с высоты и едва заметно потемнело в глазах. Но потом пришли сомнения — не показалось ли? Все миновало так быстро...

Нет, не показалось.

Парламентерский бот начало трясти, словно он обратился в исполинскую погремушку, которой забавлялся детеныш Гулливера.

Лейтенант Маримуца покрепче сжал челюсти, чтоб ненароком не прикусить язык.

Болтало их минут пять — семь, вряд ли больше. Потом бот стабилизировался, хотя легкие подрагивания все еще ощущались.

— Раджабов, в рубку! — скомандовал Маримуца, отстегиваясь. — Остальные — на местах до особого распоряжения.

— Есть, — коротко отозвался Джерард Суондред.

Рафик уже отстегивался.

— Комплект не снимай, — напомнил лейтенант. — Мало ли?

— Угу, — промычал Раджабов.

С пультом в руке Маримуца вернулся в рубку. Унтер спешил следом. Немного мешал пристегнутый к боку офицерс-

кий прикладный лазерник, но никто и не обещал будущим офицерам, что служба будет легкой и удобной.

Бот шел в атмосфере в каких-то двух километрах над поверхностью и постепенно снижался. Финишная сфера уже угомонилась, области нелинейности, неизбежные при проломе барьера, практически стабилизировались, только легкие завихрения, похожие на рыхлый инверсионный след, медленно таяли за кормой бота. Внизу угадывался сплошной лес, а далеко на юге расстилалось море или скорее океан. А совсем рядом, меньше чем в километре по правому борту, висел необъятный рябой диск планетарного крейсера.

Бот шел курсом на юго-восток.

— Нас засекли и сканируют, — предупредил Раджабов, как обычно в первую очередь приникший взглядом к табло тазионарного счетчика.

— Кто б сомневался, — буркнул Маримуца, наспех настраивая системы объемного наблюдения. — Вот и гости!

Из-под края крейсера вырвалась стайка истребителей и круто пошла вверх, наперехват.

— Зашевелились, гады дыротелые? — прошипел Маримуца, постепенно захлестываемый боевым азартом. — А вот хрен вам! Рафик, управляй камуфляжем! Сейчас мы им покажем, что умеет парламентерский бот Парящего-над-Пирамидами! Это вам не рыбацкие поселения с орбиты жечь, так вас и растак!

Лейтенант перехватил часть управления полетом и круто бросил бот вниз к зарослям. Унтер тем временем активировал мудреную антитазионарную защиту.

В этот самый миг пожаловавший в атмосферу Табаски бот исчез для всех без исключения систем слежения шат-тсуров. А когда он нырнул к самой поверхности, чуть не к верхушкам деревьев, его потеряли из виду и пилоты высланных кораблей. Гость сделался невидим для глаз и приборов.

А Раджабов и Маримуца с благоговейным ужасом наблюдали, как невероятно быстро, буквально на глазах тает еще совсем недавно казавшийся почти безграничным энергозапас бота.

— Тьфу ты! Так мы останемся без энергии уже минут через пятнадцать! — завороженно глядя на индикатор, прошептал Раджабов.

— Погоди, вот сядем, потребление упадет процентов на семьдесят.

— Спасибо, успокоил, — ничуть не повеселел Раджабов. — Ну, тогда не через пятнадцать, а через час.

— Час — это не так уж мало, — философски заметил Маримуца. — Не паникуй, Рафик, все будет тип-топ. Сядем — а там поглядим, кто кого.

«Интересно, как? Как сядем, в смысле? — подумал Раджабов. — Лес ведь внизу. Найти нас по поваленным деревьям будет проще простого».

Бот стремительно несся над лесом; Маримуца лихорадочно шелестел клавиатурой и водил рукой с чип-манипулятором перед видеокубом.

— Есть! — наконец выдохнул он. — Все, Рафик, порядок!

Совершив несколько стремительных маневров, тянущих на полновесные три с половиной G по перегрузкам, бот в последний раз качнулся, снизился и замер. Индикатор расхода энергии сразу же стал вести себя не в пример скромнее. Маримуца торопливо гасил все корабельные системы. Скоро, кроме камуфляжного модуля, на борту не осталось ни единого работающего устройства.

В рубке воцарился полумрак; бот позаботился о том, чтобы часть наружного света проникала внутрь и экипаж не сделался слепым.

— Пойдем скажем Суондредам, чтоб отстегивались.

— А по свя... — начал было Рафик и осекся. — Н-да. Извини, забыл.

Полное молчание. Все приборы и устройства не действуют.

До чего же современный человек зависит от различных технических приспособлений, так облегчающих ему жизнь...

— Слушай, Дариуш... А с воздуха нас не заметят? — беспокойно поинтересовался Раджабов. — Мы ж небось дров наломали — за десять километров видно.

— Не заметят, не бзди. Мы теперь озеро.

Раджабов встал и непонимающе обернулся к Маримуце:

— В смысле?

— В прямом. Бот притворился лесным озером. Кругом вода.

— Не понял.

— Руководство по управлению камуфляжным модулем прочти, — фыркнул лейтенант. — Могучая, доложу тебе, штука. Неудивительно, что стоит дороже планеты...

Маримуца вручную расслоил перепонку VIP-салона и вошел. Перепонка так и осталась незатянутой.

Покачав головой, Раджабов двинулся к салону.

— Все, десантура! Сели. Отстегиваемся.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Шат Унве покончил с завтраком и сдвинул в сторону сервировочный поднос. Отхлебнув целебного отвара из более чем полусотни различных трав, как водится, невероятно противного на вкус, он вызвал адъютанта. Пришло время утреннего доклада.

Адъютант имел довольно бодрый вид, но все же с некоторым налетом сонливости.

Рабочий день Унве начинался невероятно рано. А заканчивался, разумеется, далеко за полночь.

— Доброе утро, Шатта!

— Доброе, Утах. Начинай.

Адъютант послушно активировал браслет-терминал и принялся комментировать трансляцию. Видеостолб загадочно мерцал в полумраке рабочего кабинета первого шат-тсура крепнущей империи.

— Главным событием за минувшие четыре часа, безусловно, стал финиш парламентерского бота азанни. Как мы и предполагали, он финишировал в атмосфере, вблизи резиденции Шата Урву, командующего вторжением на турбазе хомо. Вот здесь, в мертвой зоне. Высланные истребители и перехватчики почти сразу же потеряли его из виду — без сомнения, задействован элитный камуфляжный модуль бота. В данный

момент Шат Урву формирует и рассылает пешие поисковые группы. Район обозначенной посадки блокируется. Ситуация затруднена совершенно диким и неосвоенным рельефом планеты, местность почти сплошь представляет собой едва-едва окультуренный лес.

Специальная группа обследовала место посадки бота на третьей планете Замххад. Похоже, что экипаж бота лишь единожды покинул борт корабля: двое вышли наружу, удалились от корабля на расстояние семи с небольшим ун, затем по своим же следам вернулись. Не похоже, чтобы они что-либо искали в точке возврата или, наоборот, прятали. Боюсь, что цель посадки бота на этот холодный мир так и останется невыясненной.

Высаженный в местах стычек с партизанами десант продолжает прочесывать территорию. Пока никто не обнаружен; сопротивление десанту также не оказано.

Как и следовало ожидать, детальные исследования на борту захваченного рейдера Поисковой Базы дали нулевые результаты. Экипаж уничтожил или забрал с собой все материалы последнего поиска. Рабочие файлы, логи и базы данных бортовой компьютерной сети обнулены. Первичный тазионарный и спектральный анализы обшивки выявили слабые следы осадочного вещества. Принадлежность и химический состав уточняются, но сомнительно, чтобы по этим данным мы смогли хотя бы приблизительно установить координаты места, где искатели обнаружили интересующий нас артефакт.

Теперь общие новости. Объединенный флот свайгов и цоофт финишировал вблизи захваченной ранее группой «Сладза» системы двойной звезды Дау-Крон, там, где азанни сопротивлялись дольше всего. В настоящий момент кипит сражение, «Сладза» понесла значительные потери, но пока держится. Шат Убара направил на помощь часть имеющегося у него резерва в составе...

— Состав опусти, — велел Унве.

Стратегу Убаре диктатор вполне доверял. И профессионализму его доверял. Раз решил задействовать резерв, что ж,

значит, дело того стоит. Систему Дау-Крон терять жаль, у азанни там сконцентрированы орбитальные верфи по постройке космических кораблей. Птички и сопротивлялись там дольше всего, потому что вблизи такого объекта неизбежно скапливаются некоторые силы. Недостаточные, чтобы успешно противостоять массированному удару отборных соединений Тсурры, но все-таки способные какое-то время продержаться.

Нет, Дау-Крон терять нельзя ни в коем случае!

Шат Унве сделал отметку в дневнике — изучить ситуацию поподробнее. Время, видимо, терпит: в случае каких-либо фатальных сложностей императора уже известили бы. Раз не известили — значит свайгов и цоофт вскоре вышвырнут из системы. А в этом случае можно чуточку повременить.

Еще раз покосившись на зеленоватый видеокубик дневника, Унве кивнул адъютанту: «Продолжай!»

— Вообще минувшие сутки ознаменовались переходом многих вражеских рас от пассивного выжидания и глухой обороны к острым и дерзким контратакам. Потеряны две планетные системы, в Треугольнике и Желтой Россыпи. Из орбитальных поселений хомо вблизи Тау Хромой Черепахи нанесены массированные удары по патрульным армадам сектора. Аналитики сообщают, что среди всех союзных рас лучше всего подготовленными оказались военные хомо. Именно от их флотов исходит наиболее ощутимый урон; действия остальных рас существенного вреда не приносят и даже не слишком связывают наши силы из наместнических охранных формирований. Боюсь, что ни один из захваченных за последнее время миров хомо удержать не удастся.

Шат Унве задумчиво кивал. В принципе эти новости даже не следовало рассматривать как новости. Все просчитывалось заранее и прогнозировалось. Разве только боевую мощь хомо, как всегда, недооценили. Все-таки есть в этой расе нечто фатальное: они всегда дерутся, отчаянно дерутся! В самых безнадежных ситуациях, когда любой разумный предпочел бы сдаться. А хомо за счет несгибаемого духа покрывают слабость оружия и техники. Выскочки. Агрессивные незрелые выскоч-

ки. А вот поди ж ты — результат налицо. Ни один из их миров в ближайшее время удержать не получится, тут адъютант и аналитики правы.

Адъютант комментировал события, но Унве слушал не очень внимательно. Отвлекали невольные мысли.

Главное сейчас происходило на Табаске. Если искатели хомо ускользнут вместе с тайной — войну смело можно считать проигранной. Поэтому нужно сосредоточить там лучшие умы, лучшие силы. Верить во что угодно, даже в самые невероятные вещи, и сделать все, дабы не допустить их. Вот, к примеру, какова вероятность того, что искателей вместе с секретом попытаются вывезти на парламентерском боте пика пирамид азанни? Ничтожна, ибо заранее обречена на неудачу. Но следует учесть и такую безнадежную попытку. К исамару туристов-партизан, к исамару никчемный теперь земной рейдер! Искатели хомо — вот единственная цель вторгшихся на Табаску сил империи Унве.

Захват искателей не удалось осуществить без шума. Союз в лице неугомонных хомо пронюхал об операции шат-тсуров на Табаске. По данным разведки, к Пронгу-30, она же Замххад, направляются два внушительных флота из земной метрополии. Их нужно достойно встретить. И, разумеется, не упустить главный приз в затеянной войне за мобильность, захватить искателей и выяснить местонахождение входа, межгалактический тоннель, некогда сработанный исчезнувшими исполинами древности.

— Заморозить все стратегические операции, — бесстрастно распорядился Унве.

Адъютант внимал, включив запись.

— Оборонять только захваченные объекты из перечня Шатта Устибу, на остальных уничтожить коммуникации, межзвездный транспорт и руководящее звено аборигенов. Освободившиеся силы направлять к системе Замххад, для чего составить объемный план размещения флотов и групп. К исполнению приступить немедленно.

— Принято к исполнению, шатта...

— Действуй.

Адъютант почтительно скрипнул экзоскелетом, развернулся и, на ходу перетасовывая записанное, ринулся к выходу.

— И стюарда пришли, пусть уберет посуду! — бросил император в спину адъютанту.

Занимаясь большими делами, вечно погрязаешь в бытовых мелочах...

УДАРНЫЙ ФЛОТ «БАГУТА»

Система Замххад, империя Унве шат-тсур (формально — PRONG-30, доминанта Земли)

В комнату отдыха вошли сразу четверо охранников при парализаторах и ввели оаонс. Хотелось надеяться, что союзника.

Перевертыш был метаморфирован в максимально близкую к хомо форму. Неприятно выпуклое, без единого отверстия или щели в корпусе тело, мягкая кожа, щетинистая поросль на верхней части головы, дыхательный выступ посреди лица — все это невольно настраивало командующего вторжением против перевертыша. Парадокс, но один из лучших военных империи Унве крайне редко лицом к лицу сталкивался с инопланетянами. Он водил корабли и флоты в стремительные набеги, командовал сражениями, но все это происходило либо в боевой рубке крейсера, либо в штаб-зале. Даже при высадках на чужие планеты командующий обыкновенно почти не покидал штаба. Да что далеко ходить: во время нынешней высадки на Замххад-2 Шат Урву не пришлось лицезреть ни одного из пленных хомо с турбазы. Ими занимались подчиненные.

Выглядел перевертыш неправдоподобно спокойным и на пленника не походил ничем: ни позой, открытой и независимой, ни взглядом, твердым и без намека на испуг или безнадегу; и даже заложенные за спину руки выглядели очень естественно и буднично.

— Ну, здравствуй, союзник, — поздоровался Урву, испытующе глядя перевертышу в глаза.

— Здорово, командante, — ответил перевертыш на каком-то жутком диалекте шатов. — Достукаться до вас — крутая задвижка, еле втер вашим свеззикам, чего мне надоть.

Диалект диалектом, но говорил перевертыш очень чисто: ни намека на акцент, просто слова казались странно искаженными, хотя смысл был вполне понятен.

Урву перешел с интера на всеобщий шатта:

— Ты говоришь на нашем языке?

Ооонс мгновенно съехал с диалекта и подстроился под всеобщий:

— Мы живем достаточно долго, чтобы овладеть многими языками.

В этом перевертыш не врал: ооонс действительно оставались самой долгоживущей расой галактики. Возможно, из-за того, что процесс метаморфоза хоть и требовал значительных затрат энергии и подчас сильно истощал организм, но заодно, по-видимому, очищал его от шлаков и омолаживал ткани и органы. Шат Урву все еще помнил биологический курс военной академии. И знал тот факт, что редко метаморфирующие перевертыши быстрее стареют.

— Ладно, у меня мало времени. Сам не знаю, зачем согласился выслушать тебя. Говори.

— Почтенный Шат... — Перевертыш сделал вопросительную паузу.

— Урву, — подсказал командующий. Взгляд перевертыша гипнотизировал.

— Почтенный Шат Урву! Позвольте отрекомендоваться: Нути-Нагути, ооонс, военный атташе на Багуриксе. Вот этим я могу удостоверить свою личность.

Перевертыш ловко, как дервиш, вынул откуда-то плоскую карточку мгновенной почты с идентификатором.

— Проверьте, я настаиваю. Разговор должен быть доверительным с обеих сторон. Вас я знаю, невзирая на то что переспрашивал имя. За что приношу извинения.

Командующий невольно подобрался: формально должность военного атташе равнялась его собственной должно-

сти, а еще вернее — превосходила на добрую ступень, а то и две.

Карточка перекочевала к адъютанту, который вставил ее в считыватель и запустил броузер почты. Спустя несколько мгновений он взглянул командующему в глаза и коротко утвердительно уркнул.

Карточка вернулась к владельцу.

Шат Урву собрался извиниться за некоторую фамильярность в начале разговора, но перевертыш не дал ему высказаться:

— Теперь мы можем говорить без взаимного недоверия. Вы сказали, что времени мало. Насколько мало? Я имею в виду — сколько времени осталось до начала столкновения в системе, если флот союза уже финишировал?

Командующий неопределенно скрипнул экзоскелетом:

— Пока не финишировал, но вот-вот. Похоже, что у нас будет довольно солидное численное преимущество.

Перевертыш подслеповато мигнул большими темными глазами:

— Это хорошо... Туристов все еще не нашли, я так понял?

— Так.

— О специалисте хомо вы уже знаете?

— В общих чертах. Известно, что среди туристов кто-то владеет весьма впечатляющими навыками тактических и диверсионных боевых действий.

— Я покинул группу, когда туристы и спасатели соединились с искателями доминанты Земли. Искатели — и есть цель вторжения на Табаску, не так ли?

Шат Урву усилием воли вырвался из гипнотических пут взгляда оаонс.

— Простите... Но я не уполномочен обсуждать подобные вещи с союзниками.

— Ах да, — спохватился атташе не то всерьез, не то деланно. — Впрочем, ладно, я все равно обязан оказать вам содействие. К сожалению, я прибыл на Табаску отдохнуть, поэтому лишен сопровождения и информации. Я могу ознакомиться с событиями последнего времени? Я имею в виду доступ в гражданскую сеть.

— Конечно!

Шат Урву даже не успел сделать знак адъютанту, тот вырос рядом с креслом командующего и почтительно склонился.

— Вас проводят, — сказал Шат Урву и поднялся.

Атташе Нути-Нагути тоже встал.

— Благодарю вас. Надеюсь, сумею быть вам полезен. Кстати, готов ответить на любые вопросы касательно туристов и их... а-а-а... умельца.

«А то ты не понимаешь, что нас интересуют вовсе не туристы», — подумал Шат Урву.

— Мы непременно привлечем вас в случае необходимости! Адъютант!

— Да, шатта!

— Поступаешь в полное распоряжение господина атташе! Позаботься о размещении, питании, желаниях.

— Есть, шатта!

— Еще раз благодарю, почтенный Шат Урву. — Перевертыш тоже поклонился, но, понятное дело, не адъютанту, а командующему.

«И немедленно доложить Унве об этом типе! Немедленно!» — услужливо подсказали опыт и чутье. А уж на собственный опыт Шат Урву полагался вполне.

Совещание продлилось недолго. Вскоре после полудня стало окончательно ясно, что хомо в оцепленном районе нет. Урву с помощниками тщетно ломали головы, пытаясь понять, как это удалось. Всем наземным подразделениям поступила директива сообщать о каждом подозрительном событии, каждой странности, случившейся вблизи оцепленного района.

Дополнительно пришлось отвлечься на организацию патрулей и заслонов на западе от турбазы: гигантское стадо местных животных, оставляя за собой обширную просеку, направлялось прямо к штабу и космодрому, и непохоже было, чтоб безмозглые громадины собирались отвернуть или остановиться. Остановить их будет нетрудно, но для этого нужно озадачить пару-тройку подразделений и поручить контроль кому-нибудь из ротных потолковее.

Затем в мертвой зоне крейсера финишировал небольшой корабль — парламентерский бот азанни, причем финишировал прямо в атмосфере. Ранее он зачем-то садился на третьей планете Замххад, теперь явился на вторую. Шат Урву всполошился: слишком уж это напоминало попытку эвакуировать искателей хомо. Вскоре треволнений прибавилось: все высланные на поиск места посадки атмосферные корабли однообразно докладывали, что бот обнаружить не удается. Не то чтобы командующий удивился: он прекрасно знал, на что способны элитные камуфляжные модули личных космических кораблей высшего звена, лидеров рас. Но радости подобное знание отнюдь не доставляло. Поручив руководство поисками одному из заместителей, Шат Урву вернулся к поискам хомо. Но и тут долго не было никаких новостей.

Сообщение патруля на трофейном морском катере о неопознанном катере той же модели, который двигался с запада на восток на расстоянии примерно двенадцати ун от южного побережья, поступило только поздно вечером. Почти сразу стало очевидно: ни одно из подразделений, патрулирующих водные пути, в это время в указанном квадрате находиться не могло. За исключением, конечно, патрульника, с которого неопознанный катер и был замечен. Но патрульник двигался с востока на запад. По словам патрульных, катер был идентичного типа, вахтенные видели на палубе пассажиров или экипаж, но решили, что это их коллеги, даже салютами обменялись. А отличить шат-тсура от хомо с расстояния, разделявшего катера, смог бы разве что перевертыш с метаморфированными органами зрения. Аэросканирование со спутника быстро выявило катер-фантом: на побережье, на траверзе турбазы, где располагался оперативный штаб вторжения. Максимально быстро десантников «Меченого корпуса» и «Сизых скелетов» перебросили к катеру и в точки примерно посредине двух прямых, соединяющих катер с турбазой и катер с местом предполагаемой посадки парламентерского бота. Одновременно Шат Урву распорядился усилить охрану поискового рейдера, мирно припавшего к траве местного игрушечного космодромчика.

Шата Урву впервые посетило предчувствие близкой удачи, тем более что массовый финиш кораблей противника все еще не начался. Даже о злополучном парламентерском боте, который продолжали безуспешно искать все свободные атмосферные корабли, командующий на какое-то время перестал беспокоиться.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Система Пронг-30, доминанта Земли

Финиширующий флот — зрелище не для слабонервных. Когда многокилометровые боевые звездолеты вываливаются из-за барьера, когда пространство стонет и неистовствует, когда большие области космической пустоты вдруг становятся смертельно опасными для сколь угодно стабильной материи...

Флот «Евразия» под командованием Тима Хемерсбрандта финишировал в системе Пронг-30. И флот «Антарктида», ведомый адмиралом Геннадием Лесиным, тоже финишировал в системе Пронг-30.

Мало того, в сонной и практически пустой системе далекой от Солнца желтоватой звезды вот-вот должны были финишировать еще несколько флотов.

Адмирал Хемерсбрандт точно знал, что довольно мощное соединение в поддержку войскам метрополии прислала Офелия, один из самых крупных и могущественных миров доминанты Земли. Также было известно, что враги — скелетики с Тсурры — подтянули изрядное количество сил для обороны оккупированной Табаски, что однозначно свидетельствовало: искателей с информацией о бесценной находке шат-тсуры пока не захватили.

Оба флота из Солнечной системы гасили паразитный дрейф и перестраивались в боевой порядок. Флот «Магрибба» с Офелии уже успел занять выгодную для начального удара позицию и выжидал, пока союзники из метрополии перегруппируются. Враг, давно уже перегруппировавшись, замер в ожидании атаки и в ожидании подкрепления.

Вне площади эклиптики финишировал еще кто-то, пока не установленный.

Система звезды Пронг-30 никогда доселе на знала нашествия такого количества боевых звездолетов. Обыкновенно подобные нашествия случаются не чаще одного раза в истории звезды: после битвы с участием такого количества кораблей и оружия звезда, как правило, гибнет.

— Командующий флотом «Магрибба», сэр! — громко доложил связист.

Хемерсбрандт чуть повернулся, так чтобы видеостолб оказался прямо перед ним, а не сбоку.

— Адмирал Хемерсбрандт!

— Адмирал Тонгусекав!

Два командующих чуть склонили головы в приветствии. Космические силы доминанты Земли давно не действовали сообща, но старых инструкций и наставлений никто не отменял. Адмиралы знали, как скоординировать усилия и что обсудить в первую очередь.

— Сэр, финишировали почти полсотни средних крейсеров противника. Вливаются в основную армаду. Армада разворачивается в рефлектор Беарзота.

— Ясно. Продолжаем перестроение. Мидель-сегмент займет «Магрибба», у их флагмана потоковая мощность в полтора раза выше нашей.

— Принято, пост «Централь»!

— Сэр, по ту сторону эклиптики финиширует флот свайгов! Численность — до девяноста кораблей, в том числе шесть крейсеров-планетарников и два мегадестроера!

— Ничего себе! — пробормотал Хемерсбрандт. — Мегадестроеры? Они еще сохранились? Не знал, не знал... Впрочем, ладно, связь есть?

— Пока нет, но, кажется, они сканируют наши частоты.

— Тимофеич, следи, ты ближе! — на всякий случай заострил внимание коллеги командующий.

— Слежу, — немедленно отозвался Лесин.

«Антарктида» уже образовала изумительно правильную объемную сетку в своем сегменте атакующего построения.

— Свайги на связи, сэр! Премьер-адмирал Косси Ба-Хемеж!

Новый видеостолб. В нем — свайг в зеленоватом мундире и при всем великолепии развернутого гребня на голой, как и положено рептилиям, голове. Кожистый горловой мешок свайга чуть заметно пульсирует. Нервничает премьер, что ли...

Слова инопланетянина транслировались уже в переводе: разобраться в языке свайгов из людей мало кто умудрялся научиться, а учить язык людей четверке самых древних и могучих рас галактики вообще никогда не приходило на ум. Традиции, многолетние древние традиции обжитого космоса.

— Глубины, адмирал Хемерсбрандт! Повелением вновь созванной Галереи Свайге мой сат-клан прислан в поддержку силам доминанты Земли. Ожидаю распоряжений!

«Во как! — Хемерсбрандт, пряча секундную растерянность, почтительно склонился: почему-то практически все разумные расы галактики воспринимали это как вежливое приветствие. — Свайги сами отдаются под наше начало! Это новость!»

— Доминанта Земли благодарна Галерее Свайге за помощь! — Дежурные слова из кодекса высших рас сами собой всплывали в памяти, хотя союз был мертв уже много лет. Оказывается, ничего не забылось. — Ваша роль в сражении уточняется экспертами, подождите немного. Финишируйте и стабилизируйте корабли клана. Каналу связи с вами присвоен приоритет «ноль». Глубины, адмирал!

Свайг понимающе пошевелил гребнем. Корабли его клана продолжают и продолжают выпадать из-за барьера — их уже больше семидесяти.

— Сэр, начштаба Рудовски!

Очередной видеостолб.

— Тим, спецзаградитель «Гром» к операции готов! — бодро доложил Рудовски. — Прикажешь начинать?

В предбоевой суматохе командующий едва не забыл о капитане Фокине, то бишь лейтенанте... как его там? Лейтенанте Хмелевом, вот. И о его миссии точечной заброски в атмосферу Табаски. Конечно, пусть начинают...

— Приступайте, удачи вам!

— Есть, — кивнул Рудовски и тут же исчез.

Хорошо командующему флотом, если у него толковый начальник штаба!

Время, остающееся до решающей схватки, стремительно таяло. Вот-вот в системе звезды Пронг-30 схлестнутся силы мятежной Тсурры и возрожденного союза. Союза неясно пока скольких рас — по крайней мере шат-тсуры и оаонс из союза двенадцати высших заведомо выпали.

А когда две могучие, под завязку налитые энергией армады обрушат друг на друга всю мощь бортового оружия, даже вакууму станет жарко.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

По виду адъютанта Унве сразу понял: произошло нечто малоприятное.

— Говори! — велел он сухо.

Гневаться на адъютантов — дело настолько же бессмысленное, насколько распространенное. Верховный шат-тсур никогда попусту не злился на тех, кто лишь транслирует его волю реальным исполнителям. Ну в самом деле — что может адъютант? Только точно и полно выполнить свою работу. Принять распоряжения, передать их. Принять доклады, внятно и без задержек довести их до Унве. Поэтому император (пора уже привыкать к этому титулу!) никогда не вымещал злость на слугах, будь это адъютант, принесший дурные вести, или угол стола, о который больно ударился коленным сочленением.

Адъютант машинально поклонился и, даже не прикоснувшись к браслет-терминалу, сообщил:

— Шатта, флот хомо оказался примерно в шесть раз больше, чем мы предполагали. Корабли хомо как-то сумели финишировать группами в единичных финишных сферах. По-видимому, это какая-то новая технология межзвездных прыжков. Кроме того, им на помощь явилось довольно большое соединение союзников — свайгов.

— А что наши силы?

— Финишируют вот-вот; если все финишируют без потерь, у нас все равно намечается более чем полуторное численное превосходство. Правда, внушают опасения два мегадестроера свайгов...

— Мегадестроеры? — Унве не сумел скрыть удивление. — Эти реликты еще не протухли насквозь в союзных доках за полтысячи лет?

— Боюсь, что нет, шатта. Никакой информации о расконсервации кораблей этого класса ранее не поступало. Видимо, Галерея, невзирая на фактический роспуск, успела запечатать несколько тайных нор. И теперь уцелевшие сугарозы рвутся в бой.

— Птичья пожива! Так мы можем и сдать позицию! — Унве заметно обеспокоился. — Резерв в дело! Окончательно закрыть вторую планету Замххад, в двойную, а понадобится — и тройную сферу!

Впервые адъютант увидел торопящегося Унве. Унве, который не впадал поминутно в задумчивость, а тараторил, как молодой шьюцу.

— От Урву ничего нового?

— Хомо по-прежнему не найдены. Такое впечатление, что они провалились сквозь землю, шатта! Был взят в плен один из туристов, перевертыш-оаонс. Он настаивал на аудиенции у Шатом Урву...

— Так пусть получит ее! — раздраженно перебил верховный шат-тсур. — Мало ли какая у него может иметься информация!

— Аудиенция уже состоялась, шатта! Туристом оказался военный атташе с Багурикса Нути-Нагути. Последнее, как вы, наверное, догадались, — псевдоним. Под ним атташе инкогнито совершал охотничий тур во время отпуска.

— Атташе? Хм... И он был одним из этих пресловутых туристов? Я должен немедленно поговорить с ним!

— Канал связи готовится, шатта... Как только он будет готов, я тут же сообщу.

— Силам десанта: отмена приказа о захвате хомо живыми. Только искатели, и при условии, что они не попадут в руки союза, могут остаться в живых. Накрыть район поисков полем и поставить полную техноблокаду! Полную!

— Осмелюсь напомнить, шатта, что одиночный крейсер без поддержки с орбиты (а сейчас мы не сможем лишать орбитальную армаду энергии) контролирует пятно диаметром самое большее сто килоун. Поиски хомо ведутся вне означенного пятна, в районе, отстоящем от текущего эпицентра не менее чем на двести килоун...

— Так пусть перебросят крейсер! — Унве раздражался все больше и больше. — Или, кроме меня, стратегов в империи больше не осталось? И первичную базу пусть эвакуируют, какой с нее нынче прок?

— А что делать с пленными?

— Мне все равно, что сделает с пленными Урву! Мне нужны только искатели! Только! Хотя бы один! В любом виде — живом, обморочном, в виде поддерживаемого мозга, в виде матриката на любой носитель! И — главное! — как только искатель этот будет захвачен и доставлен на крейсер, вся остальная армада обязана обеспечить крейсеру коридор для разгона и старта. Пусть даже ценой уничтожения армады!

— Слушаюсь, шатта, — пробормотал адъютант, не в силах отнять руку от браслета.

Адъютант хорошо понимал, что гнев великого обращен вовсе не против него. Но моральное давление Унве было столь велико, что даже верный его каждодневный слуга испытывал чудовищную вину за нерасторопность соотечественников на Табаске; за то, что какие-то искатели и туристы день за днем прячутся в лесах и обманывают едва ли не лучшие элитные десантные части империи. И задачей адъютантов Унве было выплеснуть этот гнев и это моральное давление на командующего десантом.

Связь с командирами флотов верный слуга вывел на рабочий стол Унве без всякого приказа. И принялся поочередно опрашивать коллег-адъютантов Шата Урву — их началь-

ник последнее время стал чересчур уж трудноуловим. Совсем как пресловутые искатели. Впрочем, адъютанты Урву тоже умеют транслировать гнев нового императора, даже если не испытали его лично.

Такая уж у адъютантов служба.

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Антигравы включались автоматически, когда пространственная свистопляска в крошечной финишной сфере уже не представляла непосредственной опасности для жизни и дополнительный силовой кокон точечной заброски истаивал на манер ледышки в микроволновке.

Хмелевой-Фокин распластался на потоке; лес приближался с пугающей быстротой. Но антиграв дело знал: чем ближе поверхность, тем сильнее противодействие тяготению. Тело сдавило, будто на глубине. На миг потемнело в глазах, но тренированное сердце быстро восстановило необходимый кровоток.

Финиш.

Хмелевой-Фокин с шелестом продрался сквозь сплетение ветвей, упал на почву и несколько раз перекатился. Потом выпростал руку из-под туловища и погасил антиграв.

Совсем рядом с чмоканьем упокоилось в луже первое орудие; спустя пару секунд, методично отсекая толстые ветки с кудрявого деревца, упало второе.

Разведчики приземлялись один за другим.

Вскоре к Хмелевому-Фокину приблизился командир разведчиков — линейный капитан Оттмар Эберхартер. Развед-

чики высаживались чуть раньше троицы спецов — канонира Хмелевого, кибернетика Туума и мнемотехника Гридасова. На самом деле все трое имели по нескольку имен, фамилий и профессий и по большому счету работали на военную разведку. О том, что миссия представляет собой не просто тривиальный разведрейд, знала лишь эта троица и Эберхартер. Рядовые пехотинцы не подозревали ни о чем.

— Как сели? — поинтересовался Хмелевой.

Точечная заброска в атмосферу была дебютом даже для взвода сорвиголов Эберхартера.

— Нормально. Два ушиба и вывих. Боевая готовность взвода — сто.

— Отлично. Тогда по плану, капитан... Если возникнет необходимость — я внесу коррективы. Орудия, кстати, будут готовы к маршу через несколько минут.

— Понял. — Эберхартер не склонен был жевать резину и задавать лишние вопросы. Поэтому он повернулся и растворился в зарослях.

Хмелевой, Туум, Гридасов и настоящий канонир Ласло Шаматари быстро и сноровисто перепаковали орудия из финишного состояния в маршевое. Рядом с ними один из пехотинцев поправлял эластичную повязку коллеге, а коллега тем временем сканировал окрестности.

Команда «Марш!» прозвучала через четыре минуты. Высаженная группа — одиннадцать пехотинцев-солдат, капитан Эберхартер, трое разведчиков, притворяющихся спецами, канонир и затребованный Хмелевым полевой врач — помчалась сквозь джунгли со скоростью, которой позавидовали бы матерые многоборцы.

Путь их лежал на юг. К океанскому побережью, от которого группу отделяло пятьдесят километров бездорожья. Они могли бы использовать подвижную платформу, но тогда пришлось бы взмывать над лесом, а Хмелевой-Фокин это пока начисто исключал.

Ночь только-только началась.

ЭКЗОТИК-ТУР И ЭКИПАЖ ПОИСКОВОГО РЕЙДЕРА «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Катер с сухим шелестом ткнулся носом в песок и застыл, не дотянув до суши метра полтора.

— Приехали, — сказал Акоп Подолян и совсем по-детски шмыгнул носом. Он еще не знал, что живет последние часы.

Скотч вместо ответа молча выпрыгнул за борт. Солянка, Хидден, мистер Литтл и Цубербюллер последовали за ним.

Вода была холоднее, чем в реке, зато дно чище и совершенно не топкое. Море есть море — Скотч с удовольствием ступал по песочку, не опасаясь провалиться в невидимый омут. Дно прекрасно просматривалось, вплоть до удирающей из-под подошв живой мелочи.

Катер вытянули-вытолкали поближе к берегу, но с носа все равно приходилось сначала прыгать в воду. Семенов с добровольными помощниками уже вытаскивали поклажу из трюма на палубу, включали антигравы в походное положение. Без спешки, без ненужной суеты. Похоже, команда уже настолько привыкла к постоянно нависающей над нею опасности, что мысли об этой опасности перестали вызывать дрожь в коленках.

Выгружались недолго — гиды перед туром натаскали гостей на совесть. А искатели, разумеется, отлично управлялись

со своей частью груза и транспортным оборудованием. На все про все ушло около пяти минут — местных, десятичных.

— Что с катером делать? — спросил Скотч у Семенова, когда закончили.

— По-хорошему его следовало бы затопить, — задумчиво отозвался тот. — Хотя с крейсера его все равно засекут и под землей, не то что на дне у самого берега.

Скотч некоторое время соображал — это рекомендация к действию или просто мысли вслух?

Оказалось — второе.

— Фиг с ним. — Семенов махнул рукой и поднырнул под свой рюкзак. — Пусть стоит. Не будем тратить время попусту.

— Как скажешь, — вздохнул Скотч и натянул ноктовизор на глаза.

— Ну что, двинули? — подал голос Плужник, еще на катере выказывавший признаки нарастающего нетерпения.

— Двинули, — подтвердил Семенов.

Скотч кивнул и направился прочь от моря, увязая в песке. Но пляж был не очень широким: метров пятьдесят. Дальше вставал лес. Обычный дикий лес... лишь слегка тронутый терраформированием.

Да. Экзотик-тур с военными действиями Скотчу и в страшном сне никогда не грезился. А что получается? Которую ночь кряду приходится с ружьем в руках топать через привычные леса и ежесекундно ожидать атаки десанта скелетиков. Воины из последних, положа руку на сердце, никудышные, раз кучка гражданских умудрилась разогнать почти четыре десятка оных воинов. Однако, с другой стороны, — не будь в группе Семенова, кто поручится за аналогичный результат? Может, это как раз Семенов всех разогнал. Но, опять же, а как тогда мистер Литтл и его подвиги? Тоже ведь в одиночку положил целую группу. Не без везения, конечно. Но везет всегда сильнейшим — истина постарше, чем мир.

Да и вообще Скотч никак не мог взять в толк, что с ними всеми происходит. Тот факт, что все до единого до сих пор живы и практически невредимы, — это везение или закономерность? Цепочка удивительно счастливых совпадений и

обстоятельств или итог командного духа и человеческой стойкости?

Семенов, наверное, такими вопросами не задается. Что ему... У него все просто. Вот враг — его нужно убить, перехитрить, заморочить. Вот друг — его следует поддержать, а придется — и на себе тащить. Через «не могу». Вот загадка — ее следует разгадать. Вот река — ее следует форсировать. Вот катер — его следует затопить, но поскольку даже на дне его легко обнаружат с орбиты, то черт с ним, не будем терять время. Пусть себе торчит на виду непотопленным.

Этот житейский примитивизм иногда поражал Скотча. Ну не может же быть, что разведчик, прикрывающийся безликой фамилией Семенов, и впрямь такой простак! Наверное, он и не был таким простаком. Но настоящего Семенова стерли после первого же задания. Остался вот этот странный примитив, добрый к своим и беспощадный к чужим. Знающий самые странные мелочи и не помнящий детства. Человек, у которого отняли почти все, а взамен дали только умение не останавливаться и право не сомневаться.

Он сам не знает, как ему, должно быть, тяжело и пусто. Наверное, поэтому Семенов и не унывает. А если ему станет тяжело, если все, что он увидел и узнал на этот раз, тяжким грузом ляжет ему на душу... что ж, Семенова сотрут снова. Оставив только сноровку в обращении с оружием да знание повадок шат-тсуров. А память об этом в высшей степени экзотическом туре — сотрут. И Скотча — сотрут. Всех сотрут. Ибо тот, для кого окружающие становятся больше чем просто человеческой функцией, сразу же делается легкоуязвимым. А разведка не может позволить своим сотрудникам стать уязвимыми.

И не позволит.

Скотч шагал сквозь лес, привычно фиксируя каждое движение, каждый подозрительный звук. И думал. Он вел всю команду — и товарищей-гидов, и спасателей, и завхоза Литтла, и не совсем туристов Семенова и Валю Хилько, и советника с Фалькау, и настороженных, так и не расслабившихся искателей. Всех. Жизнь и судьбы группы все время зависели

и от него тоже. Собственно, так всегда бывало и прежде, но прежде приходилось оберегать туристов от безобидных, зачастую — самостоятельно придуманных и лично осуществленных трудностей. А последние дни все вдруг стало слишком всерьез, без дешевых игр и легких шуточек.

Это выматывало. Изнуряло. Это начисто лишало сна и спокойствия.

Примерно через местный час Семенов обогнал основную группу и сел на хвост Скотчу.

— Ты вверх не смотрел там, на берегу? — осведомился он негромко.

Когда группа покидала песчаный пляж, как раз зажигались первые звезды.

— Нет. А что?

Скотч уже привык, что Семенов никогда не заводит разговор просто так, ради разговора. Если заводит — ему есть чем поделиться.

— Да так... Много новых, весьма подвижных звезд. На орбите чья-то армада. Раньше ее не было видно.

Скотч невольно задрал голову, но ветви заслоняли ночное небо. Едва не споткнувшись, Скотч вынужден был снова уставиться под ноги.

— Ты говорил кому-нибудь? — спросил он уныло.

— Пока нет. Зачем?

— Действительно... Зачем?

Скотч покосился назад. Следующая третьей Патрис Дюэль немного отстала и была поглощена исключительно тропой. А значит — ничего не слышала.

— И не говори пока, — добавил Скотч убежденно.

— Ладно, — легко согласился Семенов. — Знаешь, Вадим... Я человек не суеверный. Но этой ночью что-то случится. Я чувствую.

— Что чувствуешь?

— Не знаю. Не могу объяснить. Что-то вокруг... изменилось.

— Это как-то связано с нашим отрядом?

— Вряд ли. Скорее это связано с окружением.

Скотч немного помолчал.

— Я тоже не суеверный, Володя. — Чуть ли не впервые гид назвал Семенова по имени. — Но я очень серьезно отнесусь к твоим словам.

— Спасибо.

— Не за что.

Семенов улыбнулся, хотя Скотч этого и не видел.

— Почему не за что? Очень даже есть.

В следующий миг они замерли. Вдалеке, где-то над лесом, родился низкий вибрирующий звук. Он растекался по сторонам — давящий, в чем-то зловещий и торжествующий.

Скотч сделал знак рукой, и вся следующая за ним цепочка сразу же послушно замерла на тропе.

— Дьявол! — тихо ругнулся Семенов. — Накаркал! Это гравилифт десантного бота.

— По наши души? — тревожно уточнил Скотч.

— Не сомневайся.

— Что будем делать?

— Не знаю. Но искателям хочется пробраться на космодром и попытаться захватить корабль.

— Зачем же они свой-то тогда бросали? — запоздало удивился Скотч.

— Затем, что раньше вверху не было армады, Вадим. А сегодня — есть. Искатели ее тоже видели там, на пляже.

— Но ведь космодром охраняется! — свистящим шепотом сказал Скотч. — Там сотни шат-тсуров!

— Здесь вскорости будет не меньше, — пожал плечами Семенов. — Пойми, я потому и не спорил против твоей идеи пробиваться к космодрому. Это единственное место, где нам с ненулевыми шансами светит захватить корабль. Если попытаемся просто отсидеться в лесу... Поверь, после драки там, на орбите, не останется не то что Табаски — я сомневаюсь, что уцелеет Пронг.

Скотч совершенно ошалел от новой информации.

— Да пусть мы даже захватим корабль. Кто позволит нам взлететь? — спросил он безнадежно.

Но Семенов вопреки его ожиданиям только отмахнулся:

— Будем мы еще спрашивать! Не дрейфь, Вадим, такой наглости от нас никто не ожидает. А посему — может и получиться. Если сработаем четко, сообща, слаженно и без мандража — есть шансы, и неплохие. Только нужно обойти цепь. Есть идеи, как это сделать? Исключая перестрелку, до этого я и сам додумался.

— А у нас есть шансы в перестрелке?

— Никаких. Второй раз обмануть себя скелетики не позволят. Но это только в одиночку. Если вмешается еще кто-нибудь — тогда возможно все. Кстати, на суматоху с титанодонами рассчитывать, похоже, не приходится. Скелетики их уже завернули.

— Жаль...

Скотчу вдруг пришла в голову интересная мысль. В другое время он не стал бы такую крамольную чушь произносить вслух, но после вываленной Семеновым информации у гида вдруг совершенно отключились тормоза. Он просто принял к сведению факт: Семенов способен на все, какими бы абсурдными ни казались его действия. А значит, следует озвучивать все, что приходит в голову. Совсем все.

— Слушай, — протянул он, изображая задумчивость. Только изображая — в голове сделалось пусто и гулко. — Если там звучат гравилифты... Давай захватим десантный бот? Кто его, кроме пилотов, охраняет?

— А бес его знает — кто, — отозвался Семенов. — Я как раз над этим думаю. Обойти бы десантуру... А они в камуфляже, поди.

Он ненадолго задумался. Потом поднял голову.

— Идти надо! Время идет. Десант пока далеко. И, чую, придется нам разделяться.

— Разделяться? — удивился Скотч.

— Да. Искателей нужно уводить любой ценой. Даже ценой жизней туристов.

— Да ты что, обалдел? — Скотч возмущенно обернулся. — Я за жизни туристов башкой отвечаю!

— Вадим, на другой чаше весов — жизни миллиардов. Под угрозой вся доминанта Земли, иначе скелетики такими средствами жалкий семиместный рейдер не ловили бы.

— За миллиарды я не в ответе. А за них, — Скотч кивнул на группу ожидающих команды «Марш!» туристов, — очень даже.

— Да не дергайся ты. — Семенов поморщился. — Я не предлагаю тебе пристрелить их тут же, на тропе. Речь всего лишь о том, что искателям и кому-нибудь из твоих, лучше всего — тебе, в бой ввязываться не стоит. Остальные постараются максимально занять скелетиков, тем более что огульно палить они не смогут, им нужен хотя бы один живой искатель.

Семенов на глазах ожил: явно у него вызревал какой-то предварительный план. Он трусцой вернулся к группе, сграбастал за рукав Тахира Плужника и увлек бригадира искателей за собой, к Скотчу.

— Вот чего, — предложил он. — Нужно, чтобы комбинезоны искателей надел кто-нибудь другой. Тетки — хрен с ними, скелетики вас троих ловить будут, если не дураки. Так оно... Спокойнее, что ли. А? Что скажете?

Тахир холодно взглянул Семенову в глаза.

— Ты прав, — сухо сказал он, поразмыслив. — Но комбинезон искателя повышает шансы на выживание в случае заварушки. Поэтому Вася и кадет останутся в них. А мы с тобой, так и быть, поменяемся.

— Мне нельзя, — буркнул Семенов. — Я ж скелетиков в первых рядах колошматить буду.

— Нет уж, — отрезал Плужник и принялся сбрасывать рюкзак. — Если кто и способен вывести моих, так это ты, лиса. Раздевайся.

— Если кто и способен вывести твоих — так это он! — Семенов кивнул на Скотча. — Так что ему говори!

Скотч задумчиво склонил голову набок:

— Спасти меня хочешь, что ли? Во! — И показал Семенову полновесный интергалактический кукиш. — Сам раздевайся!

Семенов снова задумался.

— Детский сад! — пробурчал он несколькими секундами позже. — На нас уже коллеги косятся!

Группа и впрямь пялилась на излишне оживленное совещание.

— Ладно! — фыркнул Семенов. — У нас есть запасные туристские комбезы. Надевайте, и без фокусов! Все трое! И теткам своим тоже прикажи!

Плужник оценил новое предложение.

— Вот это мне нравится больше! Давайте ваши комбезы. Сравняемся все! Это честнее.

На переодевание ушло минут пять. От внимания Скотча не ускользнуло, что Семенов самым тщательным образом проследил, куда упаковали искательскую одежду. И — вот умеют ведь люди! — сделал это на удивление ненавязчиво. По крайней мере Скотчу показалось, что Плужник и остальные искатели не обратили на это внимания.

После они пошли дальше на север, немного отклоняясь к западу. Именно там лежала захваченная чужими турбаза. Смутные огни висящего над нею крейсера иногда проступали сквозь редкие просветы в листве. В такие моменты Семенов все время глядел на небо, на целые созвездия новых ярких звезд и тихо шептал: «Ну же? Ну где же вы, черти вас побери?»

И Скотч окончательно понял, что Семенов опять многого недоговаривает. И что Семенов ждет чего-то от кораблей там, наверху. Но чего? Начала схватки, в надежде, что десант и оккупанты с турбазы уберутся на крейсер, а крейсер — из атмосферы? Или подмоги от своих? Семенов молчал, Скотч понимал: спрашивать бесполезно. Поэтому тоже молчал, лишь мучился бесплодными загадками.

В голову цепочки Скотч заслал Валти и Солянку. Хиддену велел прикрывать левый фланг, а сам шел правее группы, ни на секунду не расслабляясь. Мистер Литтл и пока еще не пришедший в полную норму Жбан, оба без поклажи, замыкали марш.

Во время короткого привала после очередного часа к Скотчу подкатил советник Паулиста и вкрадчиво попросил его выслушать. Скотч сначала согласился, но как только услышал, что советник предлагает поручить ему переговоры с командованием шат-тсуров, тут же прервал его и отослал на место, в середину группы, рядом с искательшами-научницами Виолой и Региной и четой Ботов.

А в самом начале третьего часа марша — началось. Как водится — быстро и неожиданно, невзирая на неусыпное внимание дозорных. Коротко и предупредительно вскрикнул кто-то впереди, кажется, Валти, и без паузы началась пальба. Совершенно сумасшедшая.

Лес впереди и левее Скотча разом расцвел тусклыми множественными вспышками. Поскольку лучшие ноктовизоры, искательские, отдали Семенову и следопытам, Скотч довольно быстро увидел скелетиков. Их было много, несколько десятков, и, похоже, с запада и востока на подмогу спешили еще.

Скотч упал, вскидывая ружье. Хотел сначала избавиться от рюкзака, но тот был отрегулирован в ничтожный вес и почти не стеснял. «Пусть, — решил Скотч. — Меня легче заметить, зато и спину может в решающий момент прикрыть».

Не свернутая, а сложенная в несколько слоев палатка действительно могла от многого защитить. Не от лучемета, конечно... Но от легкого плазменника на минимуме мощности — почти наверняка. А уж от ножа или парализатора — так точно.

Группа ответила дружным и на удивление плотным огнем, хотя уже кто-то кричал от боли или испуга. Скотч остервенело палил по смутным, нечетко видимым фигуркам, с удовлетворением замечая, что многие падают и уже не встают.

Семенов заранее всем растолковал, куда следует целить десантнику шат-тсуру, если дело дойдет до перестрелки. Сначала в голову. А потом — в область шеи. Точнее, места, где голова чужаков соединяется с дырчатым туловищем. «Убить с первого выстрела скорее всего не убьете, — наставлял Семенов. — Но навигацию и прицельные контуры боевого шлема повредите наверняка. А там уж...»

Чего «а там уж» Скотч сейчас испытывал на себе.

Скелетики сначала палили довольно активно, но вскоре, видимо, вспомнили, что некоторых туристов-искателей все-таки нужно сохранить живыми. И едва это произошло, там, впереди, в самой гуще вдруг началась какая-то неясная возня. Подлесок зашевелился, как живой, на Скотча сначала вылетел полоумный от испуга кошкун, а потом Солянка с

перекошенным лицом. Странно, но врагов Скотч видеть перестал.

Солянка призывно замахал рукой:

— Уходим! Да живее ты!

Кто-то из коллег уже уводил группу на запад. Скотч видел, что некоторых поддерживают, а некоторых просто несут. И что он один-единственный остался с рюкзаком за плечами.

Едва он вскочил, впереди, в кустах, что-то полыхнуло, а мгновением позже оглушительно бабахнуло. Градом посыпались ломаные ветки, труха и рыхлый приморский псевдолёсс.

Они с Солянкой что есть сил помчались вслед за группой, как попало продираясь сквозь заросли и сигая через преграды, и тут сверху джунгли накрыло ослепительным белым светом. Мир стал нестерпимо контрастным, до рези в глазах, и пришлось экстренно сдергивать ноктовизор. Но и без него Скотч чувствовал себя ослепленным; кроме того, если бы кроны частично не прикрывали от потоков этого безжалостного света, стало бы светло как днем.

Свет оглушил: Скотч не сразу понял, что над лесом просто завис один из вражеских кораблей и направил вниз осветители.

«Ну сейчас накроет!» — панически подумал Скотч, прикидывая, какая бомбообразная гнусность может отыскаться у скелетиков в корабельных загашниках.

Но нет: свет из ослепительного белого неожиданно стал ярко-алым; бабахнуло снова, но не рядом, а вверху; родился и умер чудовищный рев, из-за которого совершенно неуслышанным остался чудовищный треск, и корабль со всеми положенными шумовыми и зрительными эффектами сковырнулся вниз. На джунгли. К счастью, метрах в ста позади Скотча и Солянки и еще дальше от основной группы.

В спину нещадно пихнуло; Скотч, потеряв из виду коллегу-спасателя, царапая и раздирая о ветки лицо, полетел вперед, совершенно невзвидя света и тьмы. Будто выпущенный из пращи камень. Спине стало очень тепло.

О древесный ствол его, вопреки ожиданиям, не приложило. Зато о землю приложило так, что ёкнуло аж в селезенке.

Чувствуя во рту противный солоноватый привкус, а в ушах неприятный гул, Скотч проехался по подлеску и уперся в пышный куст жимолости. Кровь гулко грохотала в висках.

Потом все, кажется, повторилось: еще один корабль шаттсуров упал, но на этот раз заметно дальше. Там, откуда они с Солянкой только что сбежали, снова поднялась стрельба, и Скотч запоздало понял: это, видимо, и есть те, кого так ожидал хитрюга и тихушник Семенов. Подмога. Скорее всего сверху, с орбиты, поскольку подмоге больше неоткуда было взяться. Снова возник Солянка; лицо у него было в крови, и еще спасателя сильно шатало.

— Вставай! — просипел он и принялся тянуть Скотча за одеревеневшую от удара о землю руку.

Каким-то чудом Скотч сумел подняться. Его тоже сильно повело вперед, и Солянка зачем-то, едва не вывихнув Скотчу плечевые суставы, содрал со спины шефа рюкзак. Откуда-то появились Семенов, Цубербюллер, Патрис, остальные спасатели и, что Скотча очень удивило, советник Паулиста. Все с ружьями наперевес, даже Жбан.

— Целы? — прошипел Семенов. — Живее!

Скотч привычным движением нашарил висящий на шнурке ноктовизор и приладил его к глазам. Ружье Скотч, оказывается, выронил, но не во время бегства, а уже здесь, от удара о землю. Поэтому оно нашлось рядом. Или оно упало, когда Солянка сдирал со Скотча рюкзак? Впрочем, не важно!

Соображалось плохо.

Они снова долго бежали через лес, на этот раз группой; справа тоже кто-то бежал. Скотч узнал Валти и Литтла. А секундой позже лицом к лицу столкнулись с длинной шеренгой шат-тсуров. Боевой камуфляж ни у одного не работал, поэтому Скотч видел всех вполне ясно.

И сразу исчезло время. Как в бреду и тумане, Скотч направлял ружье и стрелял; направлял и стрелял. Кто-то рвался навстречу, кто-то падал рядом, кто-то кричал; шипели и хлопали выстрелы, сухо трещали биопарализаторы. А вверху, далеко вверху (кроны деревьев по неизвестной причине больше не заслоняли небо), плыли и плыли десятки и сотни ярких-

преярких звезд, чертя на лике ночи контуры невиданных созвездий.

Некоторые из звезд гасли. А некоторые вспыхивали ярче, чтобы на короткое время превратиться в небольшую туманность и лишь после этого угаснуть.

Очнулся Скотч от удара по щеке.

Он лежал на спине и глядел в небо, ставшее из угольно-черного иссиня-черным. Ноктовизора на глазах больше не было, зато руки сжимали теплое, почти горячее ружье. Что-то больно давило в спину, где-то рядом трещал живой огонь — его звук ни с чем не спутаешь, — но горело не дерево, горела явно пластмасса. Поэтому мерзко воняло.

— Вот он! — обернувшись, сказал тот, кто хлопал Скотча по щеке.

Скотч узнал Цубербюллера. Образцовый турист был похож на погорельца, только что покинувшего дотлевающий дом. Лицо перепачкано, комбинезон тоже, волосы всклокочены.

На зов тут же явился Семенов; выглядел Семенов ничуть не лучше. С ним пришли два здоровенных лба, упакованных в какую-то мудреную милитаристского вида амуницию.

Семенов склонился над Скотчем:

— Жив, Вадим? Ты как?

Скотч с трудом облизал растрескавшиеся губы и выдавил:

— Спасибо, хреново. Где все?

Семенов неопределенно махнул рукой:

— Там. Кто уцелел.

— О! — пробасил вдруг один из лбов. — Вот наш капитан!

С помощью Цубербюллера Скотч сел. Тело словно сквозь мясокрутку пропустили — болело все, что могло болеть, и все, что болеть никак не могло. И тем не менее болело — даже ботинки и комбинезон, к слову сказать, перепачканный ничуть не меньше, нежели у остальных.

— Где группа? — спросил Семенов и болезненно закашлялся.

Цубербюллер опустил глаза, зыркнул на Семенова и тихо сказал:

— Вот.

— И все? — похолодел Скотч.

— Ну... Еще Валя Хилько жива, Патрис и Тентор Бот. Орнела ранена. Врач сказал, что может выжить.

— А...

— Жбан убит, — перебил Цубербюллер. — Остальные ваши ранены. Солянка легко, Валти средне. Литтл с Хидденом — сам не знаю.

— А искатели?

— Главный убит, штурман ранен. Веселов и советник целы. Что с научницами — даже не знаю, они остались с первыми ранеными.

Скотч свесил голову на грудь и с трудом подавил желание беспомощно выругаться. В ушах продолжало противно гудеть, а в голове пульсировала тупая всепроникающая боль. Мысли путались и замирали.

Вот и сохранил группу. Вот тебе и столько дней без единой жертвы. Вот тебе и командный дух и никудышные воины шат-тсуры.

Отчаяние захлестывало душу, как штормовые волны припоздавший катер.

Семенов тем временем завел разговор еще с двумя подошедшими вояками-людьми. Один из первых козырнул и доложил на англике:

— Это тот, о котором вы предупреждали, сэр!

— Хорошо, Майки, — отозвался тот. — Я — капитан разведроты, мобильная пехота, военно-космические силы доминанты Земли. А это наш... э-э-э... канонир. Общайтесь, не буду мешать.

И обернулся к своим молодцам:

— Майки! Чак! Готовить платформу!

Разведчики-пехотинцы тут же растворились в наползающем предрассветном тумане.

Действительно близился рассвет.

— Семенов? — спросил канонир.

— Семенов, — подтвердил Семенов.

— Отлично сработано, коллега! Полковник Попов тобой чрезвычайно доволен. Без дураков! Наверху о ваших подвигах на Табаске уже легенды ходят.

При упоминании полковника Попова Семенов мгновенно подобрался; откуда-то сразу проступила военная выправка.

— Ладно, — продолжил «канонир». — Все потом. Теперь мы должны вывезти искателей. Разведка готовит платформу, до космодрома домчим с ветерком.

— А... Сколько нас теперь?

— Нас? — «Канонир» повертел головой. — Семнадцать человек и два орудия. Ну, плюс уцелевшие из спасателей и туристов.

Семенов едва не отвесил челюсть:

— Всего семнадцать человек?

— А что? — не понял «канонир». — Мало?

— Турбазу охраняют...

— Никто ее больше не охраняет. Шат-тсуры эвакуируются. Крейсер вот-вот уйдет со стационара. И мы должны успеть тоже эвакуироваться, пока планету не разнесут на камешки.

— А разнесут?

— Как только командующий вторжением доложит императору, что искателей он не захватил, император тут же решит, что искателей лучше уничтожить вместе с их тайной и с планетой заодно. По принципу «не вам и не нам».

— А вдруг командующий уже доложил?

— Не доложил. Иначе планету уничтожат вместе с командующим и этим чертовым крейсером.

Скотч слушал, затаив дыхание. Даже отчаяние понемногу отхлынуло.

Все еще далеко не закончилось.

— Но времени мало, Семенов...

Словно подслушав его, из тумана донеслось приглушенное:

— Платформа готова!

— Пошли! — без промедления отреагировал «канонир».

Цубербюллер, тоже молча внимавший разговору, помог Скотчу подняться.

Какое-то время ушло на то, чтобы собрать всех уцелевших и убитых. Убитых подобрали не всех — не нашли Воронцова, Фаусто Аркути и Жбана. Искать по затянутым сырым туманом кустам не оставалось времени.

А уже на платформе «канонир», Семенов и один из разведчиков переоделись в комбинезоны искателей. Семенов безошибочно подсказал, из какого рюкзака их достать.

ЭКЗОТИК-ТУР

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Едва наметился рассвет, МакГрегори, Тамура и Сориал покинули спасительную переночуйку. Как и условливались накануне. Невзирая на ясную ночь, утро снова выдалось сырое и туманное. Сориал все время зевал да ежился. На крыльце МакГрегори протянул Тамуре бласт:

— Держи. Все равно ты с ним ловчее всех...

Тамура молча принял оружие и сунул за пояс. Последние дни на охоте он привык к этому старомодному куску металлопласта, к этому ладному импульснику с лаконичным девизом на рукоятке. «Смерть или слава», «Death or Glory». На двух самых распространенных языках землян, русси и англике. Тамура много размышлял: кому принадлежал бласт в прошлом? Скольким принес он смерть и скольким славу? И скольким — и то и другое? Жаль, что оружие неодушевленно. Оно многое могло бы рассказать о хозяевах, которых обычно переживает, человека за человеком. Вот этому бласту лет пятьсот, не меньше. Наверняка им владели десятки людей. Наверняка бласт вплетался в десятки судеб и наверняка что-то менял в них.

Но кто расскажет эту, без сомнений, захватывающую историю? Скорее всего никто. Разве потом директора турбазы поспрошать, Вадима? Да только жив ли он еще? А если жив — то знаком ли с историей старого бласта? Вполне возможно,

что и нет — бласт мог попасть к нему чисто случайно. Как к недавним диспетчерам маленького окраинного космодрома.

Тамура всегда серьезно и уважительно относился к оружию. Тем более — оружию старому и заслуженному. Его далекие-далекие предки тоже уважали оружие, еще не огнестрельное, а холодное. И споры между воинами того времени часто разрешались лишь демонстрацией оружия: тот, у кого меч был хуже, заранее признавал поражение. Во всяком случае, так рассказывали легенды.

Увы. Те времена давно минули. Теперь в моде выстрелы в спину, из-за угла. Выстрелы в безоружных — если у них есть что отнять. Вторжение на Табаску — суть тот же выстрел в безоружного, только заметно масштабнее.

Тамура против воли сцепил зубы. В целом он был добрым человеком, но прощать агрессора не умел.

— Зевай потише! — шикнул на Сориала МакГрегори. — На весь лес подвываешь!

Жорж послушно клацнул челюстью и зажал рот рукой.

Переночуйка быстро растворилась в густом тумане. Тамура уверенно вел товарищей сквозь лес, прямо к месту предполагаемой посадки рискового корабля. По предварительным прикидкам, нужно было пройти километров десять — двенадцать; это двадцать — двадцать пять килоун. И затем — расходиться. Ибо все трое прекрасно понимали: обнаружить корабль будет даже не непросто. Скорее, практически невозможно. Собственно, больше они уповали не на собственную наблюдательность, а на то, что пожаловавшие смельчаки сами их обнаружат и решат пообщаться. Подобное представлялось куда более вероятным.

На фоне звуков утреннего леса далекий басовитый гул прозвучал очень чужеродно и отчетливо. Тамура сразу же встал будто вкопанный. Остальные тоже.

— Что это? — прошептал Сориал.

— Кажется, на космодроме. — МакГрегори повертел головой. — В той стороне, точно.

Туман только-только начал рассеиваться.

— Блин, — пожалел эмоциональный Сориал. — И на дерево не влезешь, не поглядишь. Кругом сплошной кисель.

— Спокойно, Жорж, — осадил его МакГрегори. — Наверное, разведкорабли скелетов опять стартуют. Тоже гостей искать хотят. Ночь переждали — и на работу.

— Надо дальше идти, — бесстрастно предложил Тамура. — Пронг поднимется, туман рассеется окончательно, тогда и поглядим. Пошли, только время зря теряем.

— Он прав. — МакГрегори легонько пихнул Сориала. — Пошли, Жорж.

Они снова двинулись сквозь волглые заросли.

— Н-да. Чую, сезон дождей в этом году ранний будет. Туманище... — Сориал с отвращением отодвинул с дороги росистую ветку пальмодендрона.

— Это из-за крейсеров, — не оборачиваясь сказал Тамура. — Прикиньте, как они на проходе баламутят атмосферу. Все устоявшиеся воздушные течения небось сбили.

— Ха, а ведь верно! — почему-то обрадовался Сориал. — Как я сам не допер?

— Лентяй потому что, — пояснил японец добродушно. — Верхогляд.

— Так уж и верхогляд! — Сориал надулся и умолк. Ему и вправду было обидно, что сам не сопоставил ранний туман и проход крейсеров.

Некоторое время шли молча. Туман постепенно рассеивался; сквозь густые заросли все настойчивее и настойчивее пробивались желтые стрелы местного солнышка.

Вскоре Тамура остановился у подходящего кедроклена, прямого, как радиомачта. На космодроме продолжало изредка погромыхивать; издалека это сильно напоминало старт на второй космической, не для полетов в атмосфере, а сразу для выхода за ее пределы.

— Кто полезет? — поинтересовался МакГрегори.

Было видно, что ему не очень хочется.

— Я могу, — с готовностью вызвался Сориал. — А?

— Валяй, — не стал возражать Тамура. — Гляди только не спикируй. А то костей потом не соберешь.

— Не спикирую! — Сориал подпрыгнул, уцепился за нижнюю ветвь и ловко подтянулся. — Я, если хочешь знать, гимнастикой занимался когда-то.

— Вижу, вижу, пузо твое весьма красноречиво свидетельствует, что это было ну о-очень когда-то.

— Пузо гимнастике не помеха! — донеслось уже сверху, из-за листьев.

МакГрегори сокрушенно вздохнул.

Ему всегда импонировала непосредственность и жизнерадостность Сориала. Жаль, что в сложившейся ситуации она была не слишком уместна.

— Ты там смотри, высовывайся не слишком! — негромко крикнул МакГрегори. — Как бы какой-нибудь ретивый скелетик в иллюминатор тебя не узрел.

— Притворюсь обезьяной! — продолжал радоваться жизни Сориал.

Некоторое время слышался только шорох, да еще несколько лиственных групп на едином черенке, плавно кружась, упали сверху.

— Слушайте, братцы! — прокричал невидимый Сориал. — А скелетики-то драпают!

— Как — драпают? — не понял МакГрегори.

— А так! Над лесом — ни одного корабля! Все чешут в подбрюшье крейсера или непосредственно в зенит! Я их еле-еле вижу! Да и крейсер, честно говоря, в аврале, огоньков втрое против обычного!

— Огоньки еще не означают реальной системной активности... — проворчал скептик МакГрегори. А в следующий момент встретился взглядом с Тамурой. — Что?

— Есть только одна причина, по которой шат-тсуры могут вести себя так. Пришла помощь. И флот скелетиков наверху сейчас будут колошматить.

— Ну, положим, причин больше, — задумчиво протянул МакГрегори. — Хотя ты назвал одну из двух наиболее вероятных.

— Назови вторую, — пожал плечами Тамура.

— Шат-тсуры наконец-то нашли и захватили то, зачем пришли на Табаску. Не знаю, что это, но, судя по их поведению, совсем не обосновываться здесь они намерены.

Тамура не стал возражать — и такое развитие событий было вполне вероятным.

— Все посмотрел? — МакГрегори снова повысил голос, обращаясь к Сориалу. — Слезай!

— Угу, — донеслось с дерева.

Вскоре Жорж ловко спрыгнул с нижней ветви и принялся отряхивать штаны.

— Полагаю, таиться больше нет причин. Драпают скелетики, ой драпают!

— Таиться всегда есть причина, — философски заметил Тамура. — Не от шат-тсуров, так от хурмачей или виверн.

— У тебя бласт есть, — легкомысленно отмахнулся Сориал.

— Виверна может и с дерева прыгнуть. А я просто не успею достать бласт, прежде чем она перекусит кому-нибудь из нас глотку.

— Да ну тебя, — насупился Сориал. — Порадоваться не даст.

— Чему радоваться? — проворчал МакГрегори. — На базу сейчас все равно пока не сунешься. Наши — неизвестно, живы ли. А если живы — неизвестно, отпустят их или в рабство увезут.

— В цивилизованной галактике рабство запрещено.

— В цивилизованной галактике и оккупация планет чужой доминанты запрещена.

Сориал не нашелся в плане возражений.

— Ладно, потопали, — подвел черту мудрый Тамура. — Гостей все равно поискать стоит. Вдруг скелетики все-таки не уйдут.

И троица беглых диспетчеров снова двинулась сквозь лес. До момента, пока МакГрегори не остановился и полувопросительно не сказал: «Разделяемся?», никто не проронил ни слова. Даже Сориал.

Разделились они на узкой звериной тропе. МакГрегори пошел по ней прямо, Сориал свернул к востоку, направо, дальше от турбазы; Тамура — налево, к западу. Наткнуться на севший неизвестно чей корабль суждено было Сориалу, но простак Жорж так и не понял, что отыскал именно то, к чему стремились все трое. Выйдя к небольшому лесному озерцу, Сориал ненадолго замер, потом внимательно огляделся. Он не

обладал, как Тамура, большим опытом пребывания вне турбазы и космодрома. Строго говоря, в здешних местах Сориал вообще находился впервые. Именно поэтому он не удивился, встретив озеро на месте, где сроду не бывало никаких водоемов. Даже луж в сезон дождей.

— Так-так, — пробормотал Жорж. — Не похоже, чтоб тут кто-нибудь садился. Пойду-ка я дальше.

В одиночестве он чувствовал себя не вполне уютно, поэтому разговаривал сам с собой. Бодрился как мог.

Поверхность озера была затянута местной ряской, там и сям зелеными овалами на воде лежали листья местных кувшинок. Местные горластые лягушки, которых работники «Экзотик-тура» за директорские глаза называли скотчами, активно бултыхались и урчали в десятки голосов. В общем, самый опытный следопыт не заподозрил бы ничего неестественного в этом озере. Тамура удивился бы лишь факту возникновения озера в непривычном месте, да и то скорее счел бы, что сбился с пути и заплутал.

Задумчиво глядя в воду, Сориал присел. Ему показалось, что у самого берега шевелится крупная рыбина. Вода в озере была темной, с коричневатым оттенком, что наводило на мысли о вязком илистом дне. А где ил, там и жирная рыба в избытке, это Сориал знал прекрасно. Он как раз размышлял — заняться рыбиной сейчас или на обратном пути. Вдруг уйдет в глубину, спрячется? Но и носиться с малоудобным для транспортировки уловом тоже не очень хотелось.

Сориал так и не решил — рыбачить на скорую руку или же продолжить путь, как собирался. Из воды выпросталась пятипалая рука, сграбастала незадачливого рыбака за ворот легкой куртки и рывком втащила под воду, только круги по воде пошли, ряска заволновалась да листья кувшинок заколыхались на небольшой волне. Лягушки примолкли всего на несколько секунд, но вскоре возобновили свой обычный концерт.

ПАРЛАМЕНТЕРСКИЙ БОТ АЗАННИ

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Перепонка с сухим шелестом расслоилась, и в рубку вошел Арнольд Суондред. По его лицу Маримуца моментально все понял. Не понадобилось даже допытываться: «Ну как?» Поэтому он лишь выжидательно поглядел десантнику в лицо.

— Заносить? — меланхолично спросил Арнольд.

— Заноси!

Суондред по-кошачьи обернулся, расслоил перепонку и поманил рукой брата Конрада. Тот без видимого напряжения внес в рубку насквозь мокрого чернокожего человека, словно человек был картонный и весил не больше пары килограммов. С одежды внесенного стекала грязноватая вода пополам с ряской, но пол парламентерского бота сразу же впитывал чужеродные вещества.

Пленник натужно кашлял и беспрестанно отплевывался. Видимо, под воду его втянули, во-первых, неожиданно, а во-вторых, против желания.

— Дайте ему стул какой-нибудь, что ли, — велел Маримуца и тут же сообразил, что стульев на борту корабля азанни просто нет. Только креслонасесты, и лишь некоторые из них наспех переделаны под людские нужды. Впрочем, молодцы-десантники без напоминаний начальства позаботились об этом: пока Конрад сгружал пленника на пол, Арнольд втолкнул из коридора в рубку большую пластиковую коробку из-

под универсальных рационов. Через полминуты пленник уже угрюмо сидел на коробке, утирал рукавом нос и исподтишка зыркал на тех, кто его захватил. Впрочем, при виде формы Маримуцы и Раджабова он на глазах повеселел, а как увидел на рукавах шевроны доминанты Земли и кругляш с эмблемой Солнечной системы, так и вовсе просиял.

— Ну, здравствуй, абориген! — поздоровался Маримуца как можно миролюбивее. — Ты уж извини, что мы так бесцеремонно. Обстановка обязывает.

Пленник легкомысленно отмахнулся: пустое, мол.

— Я — лейтенант военно-космических сил Солнечной системы Дариуш Маримуца. Это мои коллеги. А ты кто будешь?

В который раз утеревшись, невольный гость представился:

— Жорж Сориал, служащий космодрома местного отделения компании «Экзотик-тур». Бывший, наверное, служащий...

— Бывший... — понимающе протянул Маримуца и заглянул Жоржу в глаза. — Что тут у вас творится? А?

— Вторжение, — развел руками пленник.

Впрочем, пленником он вряд ли являлся.

— Поподробнее, пожалуйста! — попросил Маримуца.

Сориал уселся поудобнее, шмыгнул носом и принялся рассказывать:

— Примерно неделю назад прилетел крейсер шат-тсуров, завис точно над нашей турбазой. Высадил десант; и мелких кораблей много приземлилось. Наших всех, видимо, повязали, а мне и еще двум диспетчерам удалось спрятаться в лаборатории — может, знаете, это натуральный бункер. Пересидели до ночи, а потом пробрались в лес. Там и прятались, пока вчера финиш вашего корабля не заметили. С утра пошли искать.

— А почему вы решили, будто на этом корабле друзья? — поинтересовался Маримуца, надеясь, что его не поймут неправильно.

— Да скелетики уж больно настырно вас разыскивали. — Сориал снова шмыгнул носом и белозубо улыбнулся. — Корабли до самой темноты над лесом шастали.

— А коллеги твои где?

— В лесу, где-то неподалеку. Мы разделились час назад.

Маримуца обернулся к стоящему навытяжку Арнольду:

— Бери брата и найди их.

Десантник сдержанно козырнул и неслышно выскользнул из рубки. За спиной Сориала остался только Конрад, но лейтенант был уверен, что в случае любых непредвиденных сюрпризов даже младшенький из братьев мигом скрутит кого угодно, в том числе и этого в общем-то не маленького и вполне мускулистого, но какого-то очень мирного на вид негра.

Арнольд и Клемент вернулись приблизительно через полтора часа. От Сориала за это время больше ничего вразумительного добиться не удалось: тот однообразно твердил, будто некто Дейв МакГрегори у них самый головастый, с ним лучше и потолковать, а сам Жорж Сориал совершенно сбит с толку, скелетиков в общем и целом боится и изо всех сил надеется, что вот-вот прибудет помощь от сильных человеческих миров и наведет наконец порядок. Маримуца решил дождаться пресловутого МакГрегори, а пока двое из братьев промышляли союзничков в лесу — велел остальным Суондредам беднягу диспетчера высушить и накормить. Так что к появлению мокрых и хмурых приятелей Сориал уже имел вид настолько же пристойный, насколько и довольный.

— Yo! — радостно поприветствовал он мокрых коллег и помахал им рукой. — Это наши, не бойтесь!

Коллеги — невысокий плосколицый азиат и пшеничноволосый хмурый парень с внимательным и цепким взглядом — если и боялись, то умело это скрывали. Азиат выглядел спокойным, точнее даже невозмутимым. Пшеничноволосый — настороженным и собранным, как капитан-разводящий перед выездным матчем.

Маримуца представился, снова по всей форме. Аборигены не выглядели враждебными или затравленными, но все равно опасались сразу открываться. Их можно было понять — когда на голову рушится война, когда убивают друзей и приходится скрываться в лесах, словно диким зверям, поневоле станешь дерганым и недоверчивым.

Большая часть людей галактики не знала войны несколько сотен лет. Правда, пираты все эти годы регулярно нападали на небольшие поселения. Но с небольших поселений много не настрижешь, поэтому около них ошивается всякая брюхоногая мелочь на древних, зачастую еще прямоточных калошах, вооруженная чем попало и радующаяся каждому лишнему грошу. Это не планетарный крейсер над мирным поселением и не глобальная оккупация сонной заштатной планетки.

Сориал не лгал: пшеничноволосый — Дейв МакГрегори — сразу попытался взять быка за рога:

— Скажите, лейтенант... У вас есть возможность наблюдения за нашим космодромом?

— Есть. А что?

МакГрегори поморщился, отер с лица влагу и объяснил:

— Нам показалось, что захватчики спешно уходят. Это так?

— Так. Вы скорее всего не знаете. Прибыла помощь из Солнечной, с Офелии, со Свайге. Наверху вот-вот разразится масштабное сражение с армадой шат-тсуров. Ночью сцепились было, но потом как-то помалу затихло.

На лице МакГрегори отразилась целая гамма чувств: начиная облегчением и заканчивая усталостью. Почти бесконечной усталостью.

«Да, братцы, — подумал Маримуца сочувственно. — Несладко вам пришлось, видать».

— Ладно. Конрад, покажи коллегам, где можно вымыться и высушиться. А потом проводи на камбуз. Можешь отвечать на вопросы.

— Есть, сэр. — Десантник браво козырнул, хотя обычно на борту обходились без уставщины. Но сейчас (молодец парень!) интуитивно понял: нехитрые атрибуты могучих вооруженных сил доминанты Земли вроде повседневной офицерской формы или по-военному четких диалогов с подчиненными прольются на души аборигенов целыми потоками бальзама.

— Рафик, чего там у нас на самом деле? — справился Маримуца.

Пока лейтенант занимался местными, Раджабов вполглаза поглядывал на приборы.

— Да без изменений пока. Наверху после первой стычки — как встали в стойки, так и стоят друг напротив друга. Оба крейсера готовятся сниматься. Мелочь вся уже стартовала, турбаза их, — унтер кивнул в сторону выхода, куда Конрад увел гостей сушиться, — уже пустая скорее всего. С нашего района даже поисковый луч сняли.

— Так-так... Давай-ка тогда доложимся.

— Диктуй... — пожал плечами Раджабов и пододвинул к себе плоскую сенсорную клавиатуру.

Голосовой ввод на официальных кораблях был очень непопулярен.

Ответ пришел неожиданно быстро и Маримуцу озадачил. Снова все прежние действия стали казаться ненужными и бесцельными, словно их судьбой распоряжались все время новые люди, а отдав приказ — отфутболивали эту обязанность еще кому-нибудь.

— Что такое? — заинтересовался Раджабов, едва взглянув на вытянувшееся лицо Маримуцы.

— А... — ответил тот. — Очередной бзик у начальства. Идем на космодром. Прямо под крейсер. Надо подобрать кое-кого...

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Система Пронг-30, доминанта Земли

— Что противник? — озабоченно спросил адмирал Хемерсбрандт, едва проснувшись.

— Выжидают, сэр, — с ледяным спокойствием сообщил стюард, подавая китель.

Шат-тсуры повели себя совершенно не так, как ожидалось. Во-первых, они подтянули силы и теперь имели численный перевес в кораблях. Первая стычка, разгоревшаяся несколько часов назад, завершилась вничью и выглядела скорее как пикировка. Аналитики доложили, что шат-тсуры пытались сохранить выгодное построение вблизи Табаски, а не начать общее сражение.

В принципе это походило на правду: после стычки они все еще продолжали контролировать пространство вблизи второй планеты Пронга-30. Хемерсбрандт уже собирался отдать приказ о новой атаке, но тут совершенно неожиданно из Солнечной свалился приказ: ждать. Поразмыслив, адмирал понял, что ничего особо неожиданного в приказе на самом деле нет. Солнечная и Земля ждут результатов от Хмелевого-Фокина. Можно было и раньше догадаться. Но неоправданно (по мнению адмирала) малочисленный десант сбил с толку, и Хемерсбрандт уже было решил, что разведка просто решает какие-

то свои обыденные локальные задачи, никак не связанные с искателями доминанты Земли.

Шат-тсуры не нападали, а тем временем прибывало их подкрепление. Хемерсбрандт провел оперативное совещание с лидерами дружественных флотов и собственным штабом. Перегруппировали силы таким образом, чтобы офелийская «Магрибба» и оба мегадестроера образовали могучий кулак в самом центре союзной армады. В результате локальное численное превосходство шат-тсуров временно — до следующего их перестроения — перестало играть какую бы то ни было решающую роль. Умелой рокировкой Хемерсбрандт связал противника минимум на полсуток и с чистым сердцем отправился отдыхать, ибо чувствовал: еще немного — и свалится с ног.

Когда он проснулся в месте на Табаске, где высаживался Хмелевой-Фокин с горсткой разведчиков, наступило утро. А армада шат-тсуров продолжала оборонять подходы к Табаске. Лидеры их и не подумали перестроить корабли для атаки.

Хемерсбрандт вполне отдавал себе отчет: если поступит приказ атаковать армаду шат-тсуров, то первым делом скелетики дадут залп по планете. И Табаски не станет. Не станет и прячущихся на ней искателей. А значит, их тайна умрет вместе с ними.

Раз Солнечная послала Хмелевого-Фокина, значит, какой-то позитивный выход из сложившейся ситуации существует. Но как дюжина пехотинцев и пятерка искателей прорвутся сквозь сплошной заслон скелетиков у Табаски?

Хемерсбрандт не видел ответа.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Таким задумчивым и тихим адъютант не видел Унве никогда. Не первый год тень будущего императора ни на шаг не отходил от повелителя. И думал, будто знает об Унве все.

Адъютант ошибался.

Впрочем, он догадывался, что под маской задумчивости и спокойствия великий прячет нечто совсем иное. И тут был совершенно прав. Адъютант прослужил Унве достаточно долго, дабы распознать маску. Но еще недостаточно, чтоб определить скрывающееся под нею.

Унве впервые за долгие годы пребывал одновременно в ярости и растерянности. Ярость он умело сдерживал, ибо ярость — удел дикарей. Не поддаваться ей Унве давно научился, а вот не подпускать к себе... Увы. Кто-кто, а уж первый шат-тсур прекрасно отдавал себе отчет: в любом разумном всегда остается больше от животного. Отсюда и ярость.

А вот растерянность его была остра и неподдельна. Сколько раз он затевал грандиозные дела и операции! Сколько раз планы приходилось менять прямо по ходу, молниеносно и виртуозно! Сколько было одержано побед!

Это дело вначале представлялось простеньким. Перетрясти планетку, отловить искателей хомо, выжать из них необходимую информацию... И вперед, в поход за наследием ис-

полинов, ибо техника исчезнувших рас достойна лишь достойных! Невзирая на тавтологию, это утверждение казалось Унве глубоко правильным и единственно верным. Не жалким же птичкам азанни эту мощь доверять? Да и сколько их осталось в галактике, тех азанни. Гнев Унве и Тсурры отбросил их расу на века назад.

Казалось бы — все ниточки затеянной операции сходятся в умелые руки Унве, лучшим исполнителям поручено лично заниматься поимкой хомо! Только умело дергай за ниточки, только отдавай, если потребуется, приказы! И что в итоге?

Ноль! Вообще ничего! Шат Урву ковыряется на второй планете Замххад несколько суток, а результата как не было, так и нет! Мало того, он еще и осмеливается утаить от императора кое-какие сведения, чего раньше не позволял себе никогда. Впрочем, скорее всего это от той же растерянности.

Любители-хомо громят «Сизых скелетов» и «Меченый корпус»! Расскажи кому — обуркается от веселья. Потом эти же любители посредством оборудования шат-тсуров прячутся, да так, как шат-тсуры и сами не умеют. Бедняга Шат Урву мечется, будто обложенный охотниками сугароз перед норой. И снова получает по передужью, в который уже раз.

Мистика сплошная. Ну как, спрашивается, эти исамаровы туристы справились на этот раз с несколькими сотнями десантников да еще сбили несколько кораблей? Пусть даже и при помощи заброшенной группы — забросили хомо едва больше дюжины своих боевиков. Нелепая математика.

Да и теперь. Союзная армада в системе Замххад вроде начала размеренную, тактически выверенную атаку, пережевала передовое заграждение и... остановилась. И ждет.

Чего?

На месте союзного командования Унве попытался бы оттереть заграждение от второй планеты, дабы попытаться перехватить искателей хомо. Этого, разумеется, позволять нельзя — едва возникнет угроза утраты контроля над околопланетным пространством, Унве отдаст команду на уничтожение планеты.

Наследие исполинов не должно попасть в лапы хомо. Пусть лучше тайна сгорит, распылится, обратится в ничто.

Шат-тсуры умеют ждать. И дождутся своего, дождутся второго шанса — кто-нибудь наткнется на генератор нуль-коридора снова. Главное — не отдать тайну врагу.

А союзная армада все ждет. Построила смертоносный щит из офелийского флота, пресловутых мегадестроеров и умело перевила его вспомогательными кораблями.

Неужели хомо на что-то надеются? Неужели они пытаются увести искателей из-под носа у Унве?

Но Шат Урву, уже начавший эвакуацию крейсера, доложил: туристы-искатели и жиденькая их подмога уселись на гравиплатформу и рванули прямо к космодрому. Прямо в руки Урву.

И что теперь?

Унве твердо знал только одно: пока союзная армада выжидает, нужно тоже подождать. Пусть сунутся на космодром. Пусть пытаются захватить корабль: в околопланетном пространстве сейчас хозяин Унве. А все уничтожить — всегда успеется, нужно только не снимать пальца с воображаемой красной кнопки.

И не зевать.

ЭКЗОТИК-ТУР, ЭКИПАЖ ПОИСКОВОГО РЕЙДЕРА «ШУСТЕР-ЭПСИЛОН-75», ВЗВОД РАЗВЕДКИ МОБИЛЬНОЙ ПЕХОТЫ ФЛОТА «ЕВРАЗИЯ»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

1

После первого шока пришло опустошение. Скотч, словно выпотрошенная поваром рыбина, лежал на краю платформы и бездумно глядел в небо. Туман почти рассеялся, созвездия прекратили менять форму, а туманности перестали вспыхивать и угасать. Две армады у Табаски либо взяли паузу в битве, либо выяснили отношения досрочно, не дойдя до взаимного истребления.

Уточнять у свалившихся на головы туристам пехотинцев-землян, какой именно из этих двух вариантов верен, Скотч не стал. Он даже радости особой не испытал от появления подмоги, от осознания простой истины: доминанта Земли Табаску не бросила, старается как-то выручить. А ведь появись пехотинцы вчера, реакция Скотча была бы совсем иной.

Еще бы! Тогда весь отряд, все, за кого Скотч как гид-инструктор отвечал головой, еще были живы. И не важно, что война: на то и гид, чтобы отвечать за каждого вверенного его заботам туриста в любых условиях.

Фаусто Аркути, совсем еще пацан, ничего толком не успевший повидать на своем веку, вчера был жив. Сестра его была невредима и не лежала под наспех сооруженной капельницей, как сейчас. Веселый и неунывающий Акоп «Траншея» Подолян был жив. Мало приспособленная к дикости и войне Гунила Бот была жива. Враз осунувшийся и потерявший смысл существования Тентор не сидел идолом над трупом жены. Неприятный и в то же время редкой отваги человек Воронцов тоже был жив.

Жили и улыбались соратники и коллеги Жбан и Хидден; не лежал пластом Валти, не баюкал искалеченную лучеметом руку хитрюга Солянка.

Еще вчера все было совсем иначе.

Остальные тоже оставались мрачными. Цубербюллер, Патрис Дюэль и Валя Хилько, помощь которой вежливо, но твердо отверг врач-пехотинец. Завхоз Литтл — не то спасшийся от инопланетного плена, не то по глупости влипший вместе с группой экзотик-тура в губительные приключения. Растерянный искатель Саня Веселов над умирающим штурманом Василием Шулейко и враз ставшая неприкаянной научница Виола, потерявшая сестру Регину. Даже толстокожий и обычно надменный советник Паулиста с Фалькау — и тот невольно разделил общую скорбь и отчаяние.

Только Семенов остался прежним — уравновешенным и замкнутым — и продолжал о чем-то шушукаться с «канониром» и его подручными на корме платформы. И за это равнодушие к оборвавшимся жизням Скотч вдруг переполнился злостью. Злостью на Семенова, на которого, похоже, смерть вчерашних спутников и товарищей вообще никак не подействовала. Так, штатные потери, без которых ни одно задание не обходится.

Это казалось странным, неправильным, чудовищным, бесчеловечным. Лишь навалившаяся апатия мешала Скотчу встать, взять Семенова за грудки и высказать все, что накопилось в душе.

Даже по сторонам и вперед Скотч почти не смотрел. И чувство времени поэтому утратил. Не толкни его в бок один

из разведчиков — так и валялся бы на платформе, глядя в никуда.

От толчка Скотч вздрогнул и очнулся.

Над головами нависал край планетарного крейсера. Неправдоподобно огромный диск начисто заслонял небо в секторе запад-север. В подбрюшье этой рукотворной громады тлела россыпь огней, от габаритных до индикаторных, и даже дневной свет не в силах был приглушить или разбавить их пронзительное свечение.

Платформа все время шла низко, задевая за кроны деревьев, но можно было не сомневаться, что с крейсера ее уже давно засекли.

Скотч не имел представления, зачем они полезли в самое пекло. Именно туда, где искателей жаждали видеть пленными проклятые скелетики. Но возражать разведчикам-землянам просто не осталось моральных сил.

Скотч слишком устал. Последние дни — дни, когда снедала утомительная ответственность и догладывала постоянная опасность — начисто опустошили его. До такой степени, что теперь Скотч и сам не понимал — как сумел выдержать так долго?

— Просыпайся, — сказал разведчик; кажется, его звали Майки. — И своих буди, разделяться пора.

Скотч встал; платформа тем временем зависла над удобной полянкой и снизилась. Места были знакомые: от турбазы команду сейчас отделяло километров семь. Рядом имелись полянки и побольше, куда без труда можно было посадить средний планетарник вроде поискового рейдера.

Вяло спрыгнув на почву, Скотч наконец осознал, что в голове сильно гудит, а уши будто ватой набиты. Ночные передряги не прошли бесследно.

Приблизился Семенов.

— Ты как? — поинтересовался он бесцветным голосом.

Скотч скорее угадал смысл по губам, чем услышал.

— Отвратительно, — признался Скотч.

Желание брать Семенова за грудки поутихло, но окончательно все еще не прошло.

— Нужен проводник к турбазе. Справишься?

— Конечно! — заверил Скотч, с некоторым изумлением чувствуя, что морально оживает с каждой секундой. Даже боль куда-то отступила. Возможно, Скотч подспудно дошел до мысли, что досаду и злость правильнее выместить на скелетиках, чем на своих, будь они хоть во сто раз черствее и бесчувственнее Семенова.

Подошел разведчик-капитан.

— Кого из гражданских разумнее оставить за старшего? — спросил он очень серьезно. — Разумеется, из здоровых.

Скотч, ни секунды не сомневаясь, ответил:

— Костю!

— Позови!

Спустя секунду непривычно мрачноватый Цубербюллер предстал.

— Константин! — обратился к нему капитан. — Мы не можем тащить раненых вплотную к космодрому, пока там хозяйничает арьергард шат-тсуров. Поэтому раненые останутся здесь. Останутся также два моих солдата, а вас я попрошу оказывать им любое возможное содействие. Справитесь?

Цубербюллер молча кивнул.

— Этот — точно справится, — подтвердил Семенов. — Кстати, он твой земляк, Отто.

— Да? — заинтересовался капитан, поглядел на Семенова, потом на Костю и протянул ему руку: — Оттмар Эберхартер, Вайдхофен, Пламмер-двенадцать!

Турист широко, но не очень радостно улыбнулся в ответ:

— Константин Цубербюллер, Баунаталь, Пламмер-двенадцать! Хотя, сейчас я перебрался на Беренгалз. Приятно встретить земляка!

— Земляка всегда приятно встретить! Особенно... в таком месте и в такое время.

Капитан обернулся:

— Милютин! Шварц!

Рядом мигом оказались два пехотинца.

— Остаетесь в охранении. По всем вопросам контакта с гражданскими — обращаться к нему. Познакомитесь сами...

— Прошу прощения...

Скотч повернул голову на голос — слов он почти не расслышал. Остальные тоже обернулись.

Незаметно приблизился советник Паулиста; он явно хотел что-то высказать капитану. Собственно, он и раньше пытался это сделать, но капитан был занят с Семеновым, а Скотч этого просто не заметил, поскольку пребывал в прострации.

— Я — советник президентского форума Фалькау Хенрик да Соуза Паулиста, капитан. Не могли бы вы...

— Не мог бы, — отрезал капитан тоном, не допускающим возражений. — Простите, у меня нет времени.

По его команде девять из одиннадцати пехотинцев и «канониры» (кстати, кем бы они ни оказались на самом деле — канонирские обязанности все четверо исполняли в полной мере) выстроились в шеренгу.

— Кстати, — заметил Семенов. — Возможно, нам придется разделяться, а значит, не помешают проводники. Предлагаю взять с собой не единственного аборигена. Вон, Литтл вполне здоров, да и Солянка справится, если ему руку зафиксировать как следует...

Закончить Семенов не успел. Один из пехотинцев подал условный знак капитану, тот выкрикнул короткую команду, и через долю секунды все военные уже лежали на земле; и только потом поспела команда для гражданских:

— Ложись все!

Скотч рухнул, не задумываясь. Да и остальные, включая советника, оказались в лежачем положении довольно быстро. Сказывались навыки последних дней.

— Кто-то подбирается к нам! Там, в зарослях! — шепнул капитан Семенову. А спустя пару секунд из кустов на краю полянки донесся очень знакомый голос:

— Скотч! Не стреляйте! Свои!

Эберхартер немедленно изогнулся — таким образом, чтоб взглянуть на гида.

— Кто это?

— Не пойму, — пробормотал Скотч. — В ушах шумит!

Капитан колебался всего секунду:

— Выходи по одному с поднятыми руками! Давай!

Кусты зашевелились, и на полянку выскользнули один за другим трое. Скотч почти сразу узнал их.

— Действительно свои! — выдохнул он. — Это диспетчеры с туристского космодрома. Я думал, они в плену!

Под стволами пехотных лучеметов Сориал, МакГрегори и Тамура пересекли полянку и несмело приблизились.

— Там еще трое в кустах! — сообщил капитану бдительный «канонир» со сканером. — Все трое со спецоборудованием. Нашим.

— Кто остался? — не вставая, спросил Эберхартер у диспетчеров.

— Десантники-земляне! — ответил МакГрегори, не опуская рук.

— Ух ты, — ухмыльнулся капитан. — Надо же... Ну что ж, выходите тоже, десантники, коли пришли.

Кусты вновь зашевелились. На сей раз появилась троица в полных десантных комплектах, при лучеметах и вовсе не с поднятыми руками. Впрочем, оружие все трое держали так, чтобы любой понял: пока они не собираются пускать его в ход.

— Ба! — едва ли не просиял Эберхартер. — Да это же наши близнецы из адмиральского резерва! Правда, не в полном составе...

Он встал и жестом позволил диспетчерам опустить руки. Остальные тоже поднимались с земли.

Троица приблизилась. Несмотря на отвратительное самочувствие, Скотч все-таки понял, что старший из трех пришлых напряжен, как пружина.

Но когда один из его спутников негромко произнес: «Все в порядке, мы их знаем. Это разведчики с флагмана «Евразии». Они базу де Шатоли на Ганимеде брали», напряжение гостя как рукой сняло. Он шагнул навстречу Эберхартеру, козырнул и представился:

— Унтер Раджабов, служба внешнего наблюдения, флот «Евразия». Нам велели найти вас, капитан.

— Капитан Эберхартер, флагманская разведка. Вас здесь только трое?

«Надо же, — подумал Скотч с удивлением. — Окрестности турбазы кишмя кишат людьми! Да еще военными! Может, поэтому скелетики так на нас и обломались?»

— Вообще-то шестеро. Кроме нас — лейтенант и еще два десантника. И у нас корабль. Да не какой попало... Парламентерский бот лидера расы азанни. В приказе сказано, что вы знаете, как им распорядиться.

— Бот элитного класса? — У Эберхартера разве что глаза на лоб не полезли. — Вот это да!

Четверо «канониров» и Семенов так бурно не отреагировали, однако все, за исключением одного, мгновенно отошли в сторону вместе с капитаном и унтером и о чем-то минут пять вполголоса спорили. Скотч не разобрал ни слова.

Потом они вернулись.

— Так! — подытожил Эберхартер. — Планы меняются. Гражданские и раненые грузятся на платформу и уходят вместе с Раджабовым. Мой взвод и проводники — выполняем прежнюю задачу на космодроме. Вопросы есть?

— Есть, — подал голос Тамура. — Что делаем мы?

— Диспетчеры отлично знают местность и расположение строений на космодроме и турбазе, — зачем-то встрял Скотч. Наверное, хотел объяснить военным, что лишними Сориал, МакГрегори и Тамура не будут.

Эберхартер раздумывал всего секунду.

— Приказывать я могу только своим солдатам. Но замечу также, что любой лишний ствол нам не помешает. Поэтому оставляю решение за каждым из вас.

Тамура молча приблизился к Скотчу, одновременно вытаскивая из-за пояса хорошо знакомый бласт.

— Шеф, — сказал экс-диспетчер. — Нам пришлось взять вот это из вашего сейфа — больше оружия мы не нашли, когда уходили с космодрома. Нет ли запасных батарей?

Скотч вяло покопался по карманам:

— С собой нет... Да и зачем?

Он протянул руку и отобрал у Тамуры памятное оружие.

— Возьмите лучше ружья. У нас теперь вдоволь свободных...

Бласт Скотч сунул в поясной карман, попутно взглянув на индикатор заряда. Батарея сильно подсела, но на десяток-другой полновесных импульсов бласт вполне еще был способен.

— Кто пойдет с нами, мужики? — спросил Семенов чуточку устало.

Цубербюллер деловито поправил ружье на боку и пристроился к шеренге разведчиков.

— Я землянин, — просто сказал он, считая, что этого объяснения более чем достаточно.

Тамура и МакГрегори взяли по ружью из охапки, которую принес хозяйственный мистер Литтл, и присоединились к Цубербюллеру. Секундой позже в строй встал Жорж Сориал, потом мистер Литтл, а за ним — Солянка.

— Думаешь, надо? — усомнился Семенов, глядя на перебинтованную руку спасателя. — Проводников у нас теперь хватает.

— Там наши девчонки, — насупился Солянка. — А что рука... Так у меня тоже есть бласт!

Он продемонстрировал. Бласт был поновее, чем у Скотча, и помощнее, хотя и меньше размерами.

— Полагаю, вам, советник, лучше остаться. — Семенов облегчил задачу враз вспотевшему от необходимости выбора Паулисте.

Паулиста облегченно кивнул.

«Правильно, — подумал Скотч. — Тентор и советник такие вояки, что... А пара здоровых мужиков, пусть даже один пузатый, а второго соплей перешибешь, около раненых не помешают».

— Долгие прощания не для идущих в бой, — вздохнул Эберхартер. — Эх, брони на вас никакой... Возьмите хоть антигравы с рюкзаков, что ли. Хоть рикошеты нипочем будут.

Мысль была дельная: Скотч прекрасно помнил, как убило однажды ручного турбазовского кошкуна года три назад. Кто-то из туристов на стрельбище неудачно саданул из ружья — мимо мишени, в скалу. Гранитный осколок пролетел двадцать с лишним метров и проломил кошкуну череп.

— Догоняйте. — Капитан первым направился к турбазе.

За ним выступили разведчики и диспетчеры, которым прощаться, помимо Валти, было не с кем.

Долгих прощаний и не получилось. Пожали руки легкораненым. Чмокнули женщин. И двинули в сторону турбазы, за Эберхартером.

Последним ушел Скотч. Вослед Семенову, который минутой раньше неожиданно обнял одновременно Валентину Хилько и Патрис Дюэль, сказал Валентине: «Спасибо за контроль. Передай своим, что я не имел нареканий, а то потом ведь могу и не вспомнить ничего», потом по очереди поцеловал девушек в губы, как показалось Скотчу — несколько нежнее, чем просто по-дружески.

Скотч секунду-другую смотрел ему в спину, затянутую в искательский комбинезон.

«И когда успел, шельмец, — подумал гид с легкой завистью. — А я фиг чего заметил!»

Девушки чмокнули Скотча сами. Одновременно, в обе щеки, с двух сторон. Слов их Скотч не запомнил.

— Простите за все, — выдохнул Скотч и побежал догонять Семенова.

Искательский комбинезон сидел на Семенове как влитой.

2

Еще на подходе к турбазе Скотча охватило неприятное предчувствие беды. Казалось, что скелетики расставили коварную западню, а вся сборная группа слепо лезет в нее, не замечая опасности.

Все так и дышало ложью и искусственностью: и величавая громада крейсера над головами, и кажущееся спокойствие на турбазе. Да и на космодроме было подозрительно тихо, хотя по логике там все и должно оставаться тихо. Основные силы шат-тсуры уже эвакуировали. А вообще непонятно было — чего они тут ждут? Последним подразделениям давно следовало погрузиться в последний транспортник и отбыть на крей-

сер, а крейсеру — сняться со стационара и уйти в околопланетное пространство, дабы присоединиться к застывшей в предбитвенном строю армаде.

Кроме уже привычного шарика, который Семенов подобрал еще после первой стычки и перенастроил по пути к катеру, спец-канонир прилепил к комбинезону Скотча и остальных еще пару каких-то хитрых миниатюрных приборчиков. Сам спец неотрывно глядел на наручный терминал, напарнику приходилось его чуть ли не за ручку вести, чтоб не споткнулся и не оступился.

Турбаза не отделялась от леса ничем, похожим на ограду. Скотч просто углядел в очередном просвете меж ветвей стену крайнего домика и дал бесшумную отмашку капитану.

От платформы Скотч уходил последним, но постепенно стал ведущим группы. Чуть левее вел рассыпавшихся пехотинцев МакГрегори, чуть правее — Тамура. Сориал и Солянка замыкали группу. Семенов шаг в шаг следовал за Скотчем.

— Пришли, — громким шепотом возвестил Скотч.

В ушах все еще шумело.

Семенов только кивнул.

Откуда-то сбоку вынырнул спец с неразлучным своим терминалом. Быстро просканировав окрестности, он сказал:

— На территории в общем пусто. Но вот здесь и вот здесь — скопление крупных живых организмов. Скорее всего — людей. Думаю, это коттеджи в центре турбазы. Посмотри... — обратился спец к Скотчу.

Скотч посмотрел на полупрозрачную схему.

— Точно! Вот это — административный коттедж, а это — буфет. Самые большие строения на турбазе после запасников. Но в запасниках людей не запрешь...

— Почему? — удивился Эберхартер.

— Там оружие. И взрывчатка тоже найдется.

— Ясно... Биринделли! Ты старший. Бери Шварца, Ахмедали, Головко, Доули, С'а и половину местных. Пробираешься к буфету, вон он. Внутри предположительно персо-

нал турбазы, но может оказаться и засада. Поэтому повнимательнее. Остальные — за мной!

Группа разделилась. Литтл, Цубербюллер, МакГрегори и Тамура отправились с капралом Биринделли. Скотч, Сориал и Солянка остались с Эберхартером и Семеновым.

— Где вход в буфет? — справился капитан.

— Слева, с запада. Отсюда не видно. Туристы обычно любили пить пиво на крылечке и любоваться закатом, поскольку бара как такового на турбазе нет. Природа и все такое, нечего под крышей сидеть.

Скотч говорил грустно, ибо понимал: те безмятежные времена безвозвратно прошли. Теперь не посидишь в хорошей компании на крылечке, не полюбуешься багровым небом Табаски, не послушаешь цикад и сверчков.

— А в административный коттедж?

— Тоже с запада, — вздохнул Скотч. — И я тоже любил пить пиво на крылечке...

— Значит, так! Пехота — активировать камуфляж! Канониры — занять позицию для прицельной стрельбы! Спецы — постоянный контроль! Мы пробираемся вплотную к строению, если все тихо — даем знак, вы присоединяетесь. Потом занимаемся дверью и запорами, буде таковые найдутся. Все ясно?

Скотч кивнул. Теперь до него дошло, что из четверки непехотинцев во взводе канонирами являются только двое, а остальные двое — спецы. Скорее всего мнемотехники.

Пехотинцы в несколько секунд стали почти прозрачными, как личинки сирецетоса в ручье.

— Ждите! — донеслось из пустоты.

Скотч, Солянка, Сориал и Семенов залегли за особо пышным кустом. Канониры затаились у орудий, похожих на больших черепах с носиком, торчащим из панциря. Обстановка продолжала пребывать тихой и безмятежной.

Спустя несколько минут один из десантников показался на фоне стены и призывно помахал рукой. А потом снова исчез, камуфляж включил.

Один из канониров поколдовал над пультом; его орудие послушно взлетело на уровень пояса и зафиксировалось. Канонир схватил его за специальную рукоятку на панцире и бегом поволок к коттеджу.

— Давайте за ним! — подстегнул местных спец с пультом.

Скотч и остальные не заставили себя упрашивать. Через какую-то минуту они уже прижимались спинами к стене административного коттеджа, а еще через минуту подоспел спец. Было видно, как к буфету бегом приближаются МакГрегори, Тамура, Цубербюллер и Литтл; пехоту у стен, понятно, с такого расстояния было не рассмотреть.

Тем временем двое десантников пробрались на крыльцо и вырезали лучеметами замок. Некоторое время их было не видно, не слышно; потом один вернулся. Скотч его почти не различал — только как практически прозрачный сгусток, похожий на фрагмент дрожащего воздуха над нагретой поверхностью в жаркий полдень.

— Там женщины! — донеслось из пустоты.

— Скотч! Глянь! — велел капитан.

Скотч послушно взлетел на крыльцо.

Внутри оказались девчонки — Верка, Мартина, буфетчица Люся, повариха тетя Даша — всего восемь человек.

— Вадим!

На шее у Скотча не повисла только тетя Даша — еле удержался на ногах.

— Тише, девочки! Тише! Где скелетики?

— А бес их знает! — прошептала Мартина, не отпуская Скотча. — Мы двое суток уже тут сидим — спасибо, что холодильники полные.

— Понятно... Давайте наружу помалу, налево и за угол. Да не пугайтесь, там наши вояки в камуфляже, на призраков похожи. И тихо, поняли? Тихо!

Мартина соизволила направиться вслед за всеми лишь после долгого поцелуя. Скотч едва не задохнулся.

— Капитан! — сказал Скотч, обращаясь к месту, где, по его ощущениям, тот находился. — Это сотрудницы турбазы...

— Догадываюсь, — донеслось в ответ. — Пусть кто-нибудь из твоих отведет их туда, где мы расстались с ранеными. Их подберут.

Скотч практически сразу встретился глазами с Сориалом.

— Жорж?

Сориал со вздохом кивнул. Честно говоря, Скотчу показалось, что во вздохе было больше облегчения, чем сожаления. Сориала он знал как человека веселого и исключительно мирного и поэтому даже немного удивился, когда Жорж направился с пехотой, а не остался с ранеными.

— Все сделаю, шеф!

— Давайте к лесу, — велел Эберхартер. — И дождитесь вторую группу, они сейчас подойдут. Вот, держи коммуникатор. Вызывать меня только в крайнем случае, скелетики наверняка прослушивают эфир.

Сориал принял серебристый браслет-прибор и серьезно кивнул:

— Вперед!

Девчонки, помогая грузной тете Даше, потрусили к лесу. Сориал, каждые пять — десять секунд озираясь, направился за ними.

— Как лучше попасть на космодром? — послышался голос Эберхартера.

— Либо по тропинке от входа, либо сейчас во-он туда, мимо скалы, через стрельбище и кедрокленовую рощу, как раз на зады диспетчерской башенки.

— Понял, сейчас.

Какое-то время Скотч улавливал вокруг себя смутное движение, но ничего не слышал, то ли из-за заложенных ушей, то ли пехота и впрямь умела передвигаться совершенно бесшумно. Потом рядом снова оказался Эберхартер, которого Скотч навострился узнавать по голосу.

— Бириндели пойдет по тропе, мы — через рощу. Рывками, от укрытия до укрытия. Семенов, следи!

Перебежки до космодрома заняли минут двадцать, не меньше. Пехотинцы разных групп как-то взаимодействовали

друг с другом, но Скотч не понимал как, а спрашивать у Семенова постеснялся.

Семенов все это время держался отчужденно, слова не проронил. Он оставался внимательным и собранным: взгляд цепкий, зубы стиснуты, ружье наготове. И двигался пластично и стремительно, как большой кот.

К зданию диспетчерской сумели пробраться незамеченными. Но дальше начались первые осложнения: группе Биринделли пришлось класть некстати вышедшего из корпуса скелетика. Но и после этого общей тревогой все еще не запахло.

— Так... На летном поле четыре корабля. Два патрульника, транспорт и поисковый рейдер.

Как мог Эберхартер видеть то, что находится на летном поле, Скотч не знал, да не очень-то и стремился узнать. Наверное, кто-то из второй группы ему докладывал.

— Что скажешь, Семенов?

— А что тут сказать? — пожал плечами разведчик. — Прорываться надо. Прорывайтесь. А мы отсюда прикроем, если что.

— Н-да. Небогатый план.

— На богатый времени нет.

— И то правда. Ладно. Всем понятно? Пехота — на поле, остальные — по обстановке.

— Может, мы пока здание подчистим? — серьезно спросил Солянка.

— Не помешает. Справитесь?

— Справимся, — буркнул Семенов.

Вырвавшийся из ниоткуда луч выжег в прозрачном стеклокераме окна неправильной формы дыру. Чьи-то невидимые руки подхватили кусок стеклокерама и опустили его у стены.

— Давайте, мы подсадим!

Окно и впрямь располагалось высоковато: выжженный стеклокерам подхватить — еще туда-сюда, а вот влезть — уже трудновато.

— А антигравы нам на что? — невольно переняв тон Семенова, проворчал Скотч. — Идите, мы сами...

— Ваши поддержат с парадного входа, — подсказал Эберхартер напоследок. — Смотрите, друг друга не перестреляйте. Да потом на поле гляньте, вдруг мы быстро управимся.

— Не волнуйтесь, капитан, — заверил Скотч. — К скелетикам у нас свои счеты.

Он первым подтянулся на руках и пролез в проделанную дыру. Коридор первого этажа был пуст. Скотч помог однорукому Солянке, дождался вместе с ним Семенова и молча кивнул в сторону лестницы.

Дежурка находилась на втором этаже.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Едва адъютант показался на пороге кабинета, Унве посетило острое предчувствие почти завершенного дела.

— Командующий Урву, шатта...

Перед императором уже сгущался видеостолб.

Шат Урву выглядел лишь слегка более оживленным, чем обычно. Но и это уже о многом говорило.

— Склоняюсь, шатта! Они клюнули! Группа боевиков и несколько туристов уже на базе. Боевики в камуфляже. Остальные — без. Один из последних носит искательский комбинезон. Возможно, что именно он и не искатель, но ручаюсь: настоящие искатели находятся среди них. Вне всяких сомнений, группа попытается захватить какой-то из кораблей — скорее всего все тот же искательский рейдер.

— Смотрите не спугните! — устало пожелал Унве.

«Только бы хомо не начали атаку до того, как искатели сунут головы в нору сугароза... Небо и звезды, дайте нам эту отсрочку! А там... Хоть всю свою армаду не жалко положить, лишь бы единственный крейсер с корабликом искателей и самими искателями добрался до Тсурры».

— Не спугнем, шатта. Хомо уже освободили персонал базы. Уводят освобожденных в лес, на юг. Вероятно, к морскому катеру, на котором прибыли туристы. В данный момент

боевики находятся перед выходом на летное поле, а остальные пробрались в башню-диспетчерскую.

— Держать все под строжайшим контролем! Это последний шанс, Шат Урву. Мы не должны его упустить.

— Не упустим, шатта. Как только хомо окажутся на рейдере, мы поставим полную техноблокаду и поднимем рейдер на борт крейсера. И немедленно стартуем по рассчитанному вектору.

— Да будет так.

Повинуясь легкому движению руки императора, видеостолб погас. Адъютант тенью выскользнул из помещения, на ходу поправляя браслет-терминал.

ЭКЗОТИК-ТУР, ВЗВОД РАЗВЕДКИ МОБИЛЬНОЙ ПЕХОТЫ ФЛОТА «ЕВРАЗИЯ»

Пронг-32 (Табаска), доминанта Земли

Первого скелетика пристрелили перед самым входом в дежурку. В затылок, причем нимало при этом не терзаясь. Скотч только свернул за угол с лестницы и сразу уперся в дырчатую спину. Руки сами сунули ружье во вражеский затылок.

Башку скелетику разнесло в клочья.

А вот дальше дело пошло хуже.

Во-первых, выстрел услышали те, кто сидел в дежурке. А во-вторых, внизу, около лестницы тоже возникли шат-тсуры. Семенов схватил труп застреленного Скотчем скелетика за перекрещивающиеся лямки какой-то амуниции, рванул на себя дверь дежурки, сначала втолкнул внутрь мертвеца, а потом и сам ушел в кувырок. Палить он начал задолго до того, как встал. А потом выстрелы стихли, хотя возня внутри продолжалась. Но Скотч знал, на что способен Семенов в рукопашной. Да и некогда вчерашнему гиду было отвлекаться в реальном бою.

Солянке и Скотчу пришлось отступать от лестницы в коридор, к дверям в дежурку. И вот тут-то им пришлось очень несладко, хотя оба отследили в тесном и светлом проеме несколько рвущихся навстречу почти прозрачных фигур. Скотч

успел выстрелить трижды, прежде чем ружье рванули так сильно, что едва не вывихнули обе кисти. Потом прилетело в челюсть и висок, не то кулаком, не то прикладом лучемета. Скотч вмазался в стену и тихо сполз по ней на пол. Несколько раз добавили ногой в корпус — больно и унизительно. Завыл рядом Солянка — кажется, его хватили по раненой руке.

Дальше по крайней мере двое из шат-тсуров сунулись было в дежурку, но там действовал не кто-нибудь, а Семенов... Один тут же вылетел обратно, шваркнулся о стену и сполз на Скотча. Второй остался внутри. Оставшиеся заботливо отфутболили подальше от Скотча оброненный первым лучемет, который сразу стал видимым.

Но Скотч уже вынимал из кармана бласт, чувствуя кончиками пальцев шершавость рукоятки и старую гравировку «Смерть или слава».

— Фиг вам смерть! — прошептал он и саданул снизу вверх. Раз, другой, третий. — Только слава!

Одновременно с этим от лестницы тоже выстрелили, и на Скотча грянулся очередной скелетик. На этот раз отфутболивать лучеметы было просто некому.

У лестницы из-за угла осторожно выглянул Цубербюллер.

Скотч резво сцапал лучемет, а выручивший бласт снова спрятал в карман. До лучших времен.

Из дежурки выглянул Семенов — на щеке его багровела кровавая полоса. Скотч вставал, распихивая прикладом трупы. Солянка надрывно стонал в углу.

— Целы? — спросил Семенов сухо.

— Частично, — прохрипел Скотч, наконец-то вставая на колени. — Скольких ты там положил? — поинтересовался он, кивая на вход в дежурку.

— Пятерых, — признался Семенов. — И еще одного выкинул. Костя, у тебя медкомплект есть? Вкати Солянке антишока, Солянка нам нужен внятный.

Цубербюллер немедленно склонился над недавним спасателем. У кого другого медкомплекта могло и не найтись. Но только не у образцового туриста с Пламмера-двенадцать. Спустя минуту Солянка блаженно затих, а спустя еще одну даже встал.

Тем временем снизу подоспел Тамура.

— В бункере и окрестностях — никого, — деловито доложил он. — Башенка наша.

— А Литтл где? — спросил Скотч.

— Приглядывает за черным ходом... Тем, что вы проделали. А МакГрегори — за парадным.

— Вниз пора, — вмешался Семенов.

В руках он держал тот самый серебристый стержень, которым колошматил скелетиков при первом столкновении у Мангрового залива. С виду стержень выглядел вполне безобидным.

И они поспешили вниз, к главному входу в диспетчерскую башню.

МакГрегори залег у распахнутой двери и пристально глядел наружу. Ружье он держал наготове.

— В проеме не маячьте, — посоветовал Семенов, прижимаясь к стене. Остальные невольно последовали его совету.

— Что там? — прошептал Скотч, приседая рядом с МакГрегори.

— Кто-то идет, — сообщил тот, целясь. — Но по-моему, это наш.

МакГрегори угадал. Снаружи вскоре донеслось:

— Не стреляйте, свои!

Говорили на русси.

Спустя несколько секунд в дверь скользнул один из пехотинцев. Не отключая камуфляжа, он хлопнул Семенова по плечу:

— Тебя ждут на рейдере. Спецы и Хмелевой уже внутри. Вокруг тихо, хотя Гридасов сказал, что и поле, и здание сканируется. Не нравится мне это...

— А тебе оно и не должно нравиться, — буркнул Семенов. — Ладно... Пошел я. Прощайте, ребята. Надеюсь, вам повезет и в плен вас не захватят. Деритесь и дальше так же, как в последние дни.

Он, не кроясь, вышел наружу и быстро направился к летному полю.

И только тут Скотч окончательно сообразил, зачем Семенов переодевался в комбинезон искателя. Вместе со спеца-

ми-пехотинцами, которые скорее всего спецами были только по совместительству, он собирался добровольно отдаться в руки шат-тсуров. А настоящих искателей Земля планировала как-то вывезти — да хотя бы на том же парламентерском боте, о котором толковали десантники.

Но разве позволит вражеский крейсер-громада ускользнуть боту, пусть он и элитный? Даже после того, как будет захвачен поисковый рейдер?

Скотч сомневался. А Семенов, похоже, нет.

В сущности, Семенов и спецы обрекали себя на пытки и смерть. Во имя того, чтобы тайна искателей досталась все-таки людям, а не скелетикам. И еще Скотч понял: Семенову не впервой умирать. Просто раньше Семенов знал: какая-то часть его души возродится в старом теле с новыми воспоминаниями, наверняка ложными. А на этот раз он умрет окончательно. Разница лишь в малом.

И Скотчу стало нестерпимо жутко.

Было видно, как Семенов приближается к рейдеру, как взбирается по трапу, как спускается в люк.

Скотч ожидал, что рейдер тут же взмоет в небо. Но...

Все оказалось куда прозаичнее. Внезапно густая цепь шат-тсуров, окружающих летное поле, стала видимой. У них отключился боевой камуфляж. И еще Скотч заметил, что индикатор готовности на трофейном лучемете погас.

Крейсер в который раз поставил техноблокаду.

— Так! — скомандовал Скотч шепотом. — Все назад! Выбираемся в окно, и к лесу!

Дважды повторять не пришлось — близкие спины вражеских солдат убеждали лучше слов.

У «черного хода» дежурил мистер Литтл. В данный момент он нервно осматривал ружье.

— Не трудись, не стрельнёт, — обратился к нему Скотч. — Техноблокада.

Антигравы тоже не запустились. Поэтому пришлось попросту сигать с подоконника. На пути к рощице, у метеобудки, нос к носу столкнулись с шат-тсуром, выходящим из нее.

Ближе всех оказался Солянка. Он выпростал руку из кармана, рванул зубами какой-то пакетик и вытряхнул содержи-

мое прямо шат-тсуру в физиономию. Шат-тсура срубило, а остальные принялись безудержно чихать. Но к роще все равно при этом отступали.

— Черт побери! Что это было? — спросил Цубербюллер, когда убрались с голого места и утерли выступившие слезы.

Солянка печально вздохнул и безнадежно махнул рукой:

— Перец... каледонский... До последнего хранил...

— Ё-моё... — только и ответил Скотч. — Ну и маньяк ты, дружище! Ладно, пошли.

Турбазу они обошли по широкой дуге, поминутно ожидая если не огня, так окрика из кустов. А к памятной полянке вышли около полудня.

Всю дорогу Скотч думал о Семенове и незавидной его судьбе. И о том, что война — очень страшная вещь. И еще о том, что даже к ирреальности происходящего рано или поздно привыкаешь.

— Нас ищете? — спросили измотанную команду из укрытия в колючем шаре полисаула совсем рядом с тропой. Еще хватило сил рефлекторно порскнуть в разные стороны, подобно напуганным подросткам-кошкунам.

Зря драпали. Это оказались десантники-близнецы. Их звали Джерард и Клемент, и еще оказалось, что у них есть братья Арнольд и Конрад. Различались братья только нашивками над грудными карманами.

А чуть позже Скотч наконец осознал, что бегать и стрелять ему больше вряд ли придется в ближайшее время. Вверенная гиду группа и персонал турбазы собрались в месте, где шансы на спасение были максимальными. А именно — на борту парламентерского бота азанни. Тут хозяйничали в данный момент офицер, унтер и близнецы-десантники. Места достало на всю ораву, потому что птички-азанни отдавали предпочтение просторным помещениям. А вот припасов почти не нашлось. Но офицер заверил, что долго им тут и не сидеть.

Крейсер снял техноблокаду еще засветло. Никто не сомневался, что поисковый рейдер уже там — во чреве исполинского блина, зависшего над недавним заповедником Табаски. И Семенов там, и спецы-пехотинцы.

Мысли путались, пытаясь обогнать друг друга. Скотчу сказали, что у него повышенная температура, и чего-то вкололи. Но мысли продолжали путаться и прыгать, а мир становился все более ирреальным, не таким, как обычно.

На плече всхлипывала Мартина. Чувствовался близкий старт.

— Ну, молитесь! — вскоре посоветовал аборигенам офицер по фамилии Маримуца. — Если пройдем через орбитальные заграждения — будем жить.

Молиться Скотч не умел. Голова раскалывалась. Тело болело. Ныл каждый мускул. И даже осознание того, что почти все уже позади, не приносило облегчения.

Ибо впереди была только неясность. Вырвемся — не вырвемся.

Но люди умеют надеяться.

Огромный крейсер шат-тсуров и небольшой, по меркам боевого флота, парламентерский бот одновременно начали разгон в атмосфере обреченной Табаски. Незадолго до момента, когда командующий армадой сил союза адмирал Тим Хемерсбрандт отдал приказ к массированной атаке.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Шат Урву не заставил себя ждать с рапортом.

— Склоняюсь, шатта!

— Короче, командующий!

— Мы взяли их. Крейсер уходит со стационарной орбиты... И бот тоже уходит. Но крейсер последует за ними, и не в одиночку. Ваш персональный лидер с группой «Блеск» на борту также последует за ботом, куда бы хомо ни направились.

— Я так понимаю, на рейдере вовсе не искатели?

— Пока неясно, шатта. Мы работаем над этим.

— Постарайтесь выяснить побыстрее.

— Не волнуйтесь, «генераторы тоски» у нас всегда наготове. Что делать с отработанным материалом потом?

— Мне нужна только информация о находке искателей. И вовсе не нужны свидетели.

— Я понял вас, шатта. Все будет выполнено с максимальным тщанием.

Именно в этот момент вблизи Замххад наконец-то сшиблись в настоящем бою две могучие армады. Звезде, которую хомо называли Пронг-30, и планете Табаска, она же Пронг-32, осталось существовать немногим более четырех локальных часов.

А о местных десятичных часах Табаски можно будь смело забывать. Всем, кто еще недавно пользовался ими.

февраль 2001 — март 2002
Москва, Соколиная Гора

Никто, кроме нас

ПРОЛОГ

Бот швыряло и трясло минут пять, не больше.

Земных минут, локальных. Скотч постепенно привык к ним снова, хотя изредка глядел на циферблат десятичных часов Табаски и тихонько, чтобы не заметили бойцы, вздыхал. Командир взвода десантников не хотел прослыть среди бойцов сентиментальным.

Да и не был Скотч в общем-то сентиментальным. Просто Табаска успела стать его второй родиной. Жаль, что эта дикая и своеобразная планета была стерта с карты Галактики крылом равнодушной войны. Вместе со своим желтым солнышком, именуемым Пронг-тридцать.

— Готовность три! — донеслось из пустоты.

Скотч подобрался и скосил глаза на информтабло. Зеленые глазки сигнализировали, что модуль жизнеобеспечения пустотного десантного скафандра и штатный антиграв пребывают в полной боевой готовности. В готовности пребывал и штурмовой двухпотоковый бласт — мощное ружье, способное продырявить навылет легкий скафандр шат-тсуров первым же импульсом.

— Готовность два!

Скотч встал. Бойцы нестройно шевелились в персональных нишах — кто-то так же косился на информтабло, кто-то на ощупь проверял амуницию, кто-то неслышно шевелил губами — видимо, молился. Старики вроде Солянки (коллеги еще по мирной работе на Табаске) выглядели спокойнее.

Молодняк, для кого этот рейд всего лишь первый, второй или третий, волновался.

Еще бы не волноваться!

— Готовность раз!

— Подъем, гвардия! — рявкнул Скотч зычно. — Буди антигравы!

Сам он тоже активировал генератор антитяготения, лучший из парашютов, когда-либо использовавшийся десантниками доминанты Земли и просто Земли.

— Носы выше! Внизу не рассыпаться, держать цепь! Видеть соседние взводы! Канониры, по касанию — двойной сигнальный залп!

Скотч орал привычно и без надрыва. Такова уж сержантская доля — орать на подчиненных, чтоб те не дрейфили и не терялись перед боем.

— И помним, орёлики, мы — десант! Мы — гвардия! Мы пройдем там, где завязнут остальные! Задание не выполнит никто, кроме нас! Ясно?

— Никто, кроме нас! — слаженно рявкнул взвод.

Раньше Скотчу после первого хорового выкрика приходилось восклицать: «Не слышу!» — и десантники повторяли клич во всю мощь тренированных легких. Теперь орёлики привыкли и уже в первый раз орали так, что сотрясались упругие переборки.

В отсек бота заглянул резервный пилот. Было видно, как за его спиной медленно срастается перепонка, заслоняя внутренность кабины. Скотч успел заметить, что за лобовым колпаком никаких облаков нет.

И хорошо, и плохо.

— Готовность ноль!

— Режь перепонку! Солянка, пошел! — скомандовал Скотч.

Первым десантироваться полагалось его заму, капралу Олегу Саксину более известному под кличкой Солянка. Сам Скотч, как самый опытный, прыгал последним.

Десантники один за другим вываливались в овальный люк, снаружи очень похожий на жерло вражеского конусного заградителя. Пятнадцать стрелков, четыре канонира, два орудия. И начальник этого маленького, но сверхмобильного и очень

опасного в бою подразделения — сержант Вадим Шутиков по прозвищу Скотч.

Уже в воздухе Скотч привычно нашарил взглядом соседей: в отдалении чернела на фоне зеленоватого неба точка ближнего бота со вторым взводом во чреве. Бот четвертого взвода Скотчу разглядеть не удалось, стало не до того, пришлось маневрировать на потоке и управлять антигравом.

Взвод шел к поверхности на диво правильным ромбом, заглядение просто.

И касание прошло как по маслу, никто ничего не переломал и не растерял амуницию. Канониры уже через десяток секунд шарахнули сигнальными, стрелки привычно взяли сектор на стволы. Четвертый взвод, оказывается, уже пребывал на поверхности, как и положено — несколько правее. Второй как раз приземлялся; его сигнальные прозвучали в момент, когда Скотч докладывался ротному.

Рота развернулась в течение нескольких минут. А потом прозвучала команда: «Вперед! В атаку!»

Первыми на вражеские позиции спикировали плоские треугольники земных штурмовиков «Ганновер-II». Скотч знал: после них остаются в лучшем случае развалины, в худшем — начиненное обломками перепаханное поле. И в обоих случаях остается достаточно выживших шат-тсуров, «поющих скелетиков», чтобы открыть шквальный огонь на уничтожение.

Взвод поднялся и перебежками двинулся к позициям. Пока одно отделение перемещалось, второе прикрывало. Потом — наоборот. Точно так же поступали и соседи, а если враг отвечал выстрелами, залегали все и принимались последовательно давить засеченные огневые точки.

До позиций добрались примерно за полчаса; к тому моменту «Ганноверы» успели пройти над первым эшелоном обороны минимум шесть раз, а выжившие скелетики сочли за благо отступить ко второму эшелону. Поэтому не только взвод Скотча, а вроде бы и вся рота добралась до цели практически без потерь.

Здесь предстояло перестроиться: второй эшелон обороны шат-тсуров обыкновенно предполагал минные поля, а

также хорошо замаскированные и прикрытые с воздуха лучеметы-роботы, способные вынырнуть из-под земли или руин и выжечь все в радиусе доброй сотни ун. Сзади, со стороны батальона прикрытия, приползли закамуфлированные жучки-тральщики и жучки-саперы, а дивизионная и полковая артиллерия тем временем сыпала на головы обороняющимся скелетикам гигаваттные импульсы и рвала воздух в клочья объемными взрывами.

После второго «Вперед!» пришлось почти сразу падать: чуть ли не в лоб ахнул стационарный тазер. Атакуй на этом участке тяжелый танк или попади скелетики из тазера в штурмовик — боевой машине и экипажу можно было бы позавидовать разве что ввиду мгновенной и потому легкой смерти. Но лупить из тазера по десантуре... Лучше уж из дробовика по бактериям. Бравым канонирам Скотча понадобилось всего по четыре выстрела, причем боевыми были только первые, остальные трассирующие. По наводке сработали дивизионки и вскоре о тазере напоминала только колоссальная воронка ун тридцати глубиной. Попутно взрывом откупорило тоннель, соединяющий подземные укрепления скелетиков, что было очень кстати: Скотч немедленно дал в эфир батальонный «ALARM» и первым повел свой взвод непосредственно в крепость противника. Соседние взводы и роты быстро стягивались к воронке, и как ни пытались скелетики их задержать, не смогли. Ну а если уж десант прорвался в бункера — задраивай межблочные шлюзы, не задраивай — без разницы...

Ближайшие четверть часа взвод Скотча неистовствовал на вражеской территории. Мыслям и чувствам места не оставалось, верх сами собой брали рефлексы и боевая злость. Скотч начал беспокоиться, что не хватит запасных магазинов; вдобавок одно из орудий, сильно поврежденное управляемой гранатой, пришлось бросить. Зато почти сразу после этого Солянка с Гавайцем выкосили в замаскированной нише расчет турельного блупера, срезали сам блупер с турели и вручили осиротевшим канонирам. Пока прилаживали к блуперу гравикомпенсатор, взвод успел отбить три яростных лобовых атаки и совершить две вылазки по соседним помещениям в не-

давно разработанном и отрепетированном режиме «протуберанец».

Наконец компенсатор приладили и канониры обрели подвижность; командир соседнего взвода как раз начал орать по связи: «Какого хрена третий не держит строй?», на что Скотч солидно пробасил в микрофон: «Расступись с коридора!», выждал пару секунд и скомандовал канонирам: «Пли!»

Ну, штатное орудие — оно и есть штатное орудие. Стрельнуло исправно, но импульс завяз в броне шлюзового перекрытия. Зато блупер плюнул так, что прошил не только ближайший межблочный люк, а и, как позже выяснилось, следующий за ним. А за вторым, как опять же вскоре выяснилось, располагался уже не регулярный боевой пост, а командный пункт всего укрепрайона.

Роте Скотча сегодня определенно везло. С ревом и гиканьем первый, второй и третий взводы ворвались в сердце подземной крепости, сея вокруг смерть и разруху, а четвертый взвод подчищал и прикрывал от ударов в спину. Когда же с командным пунктом было покончено, операция, по сути своей, победно завершилась, осталась только окончательная зачистка территории и организация первичного охранения, пока не сядут тяжелые дивизионные корабли.

В других укрепрайонах оборону недавно захваченной шаттсурами планеты давили дольше, но везде в итоге задавили успешно. База противника в стратегически важном секторе космоса умерла, так и не родившись, не успев принять ни единого межзвездного транспорта.

Кто еще, кроме земного десанта, мог проделать это так быстро, четко и слаженно?

Никто. Никто, кроме них — парней в пустотных комплектах, при оружии, решимости и со многими сражениями за плечами.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, окрестности финишного створа генератора нуль-перехода

1

База-база, — пробубнил Саня в сторону микрофона. — Сто пятый вызывает.

— Да, Саня, — ответила база голосом кого-то из девчонок.

— Сектор просеял, результаты нулевые. Прошу добро на возврат.

После секундной паузы база милостиво позволила:

— Возвращайся, сто пятый.

— Понял, возвращаюсь.

Отключив связь, Саня Веселов, искатель доминанты Земли, крутнулся в кресле к штурманскому пульту. Гипербола к исполинскому диску работы цоофт была давно просчитана и введена в память астрогатора. Запустив программу возвращения, Саня поплелся на камбуз.

Крошечный челнок класса «Черемош» ушел в пульсацию спустя восемь минут. Саня как раз жевал горячий бутерброд и тянулся к чашечке кофе, когда у него на миг потемнело в глазах, мир умер, а затем возродился заново.

Откровенно говоря, ежедневные просевки пространства в районе финишного генератора казались Сане абсолютной бессмыслицей. Если древняя раса не оставила ничего в родной галактике, с какой стати ей оставлять что-либо по другую сторону коридора? Да и вообще казалось, что настоящим делом в нынешней миссии заняты лишь научники, изучающие сам генератор, а это по большому счету сплошь галакты-чужие — цоофт, свайги, а'йеши, азанни. Что делать, старшие расы, им всегда достаются самые лакомые куски любого пирога. Люди формально тоже считаются старшей расой, но не за счет возраста и уровня развития, а исключительно благодаря многочисленности, вездесущести и колоссальной приспособляемости. По части выживания людей превосходят, пожалуй, лишь долгожители ооонс да неорганические кристаллы-а'йеши. Но ооонс-перевертыши слишком малочисленны, а идеология а'йешей почему-то не подразумевает обязательной экспансии. Поэтому стремительнее всех последние столетия в галактике расселялись именно люди, захватывали один нейтральный сектор за другим, пока доминанта Земли не утратила объемную целостность. Теперь контролируемые людьми области и системы располагались весьма хаотично и встречались повсеместно, в каждом спиральном рукаве, за исключением разве что Ядра. Там, где звезды едва не слипались в единый плотный ком, старшие расы все поделили и захватили тысячи и тысячи лет назад, а стало быть, людям нечего было и пытаться туда влезть. Люди и не лезли. Одно время Ядром владели нетленные и их союзники, но после памятных событий у Волги нетленных вышибли за пределы галактики, а их расы-сателлиты оре и дашт попали в жесткую зависимость от цоофт, азанни и свайгов. Если отбросить политкорректные словеса, зависимость смело можно было назвать форменным рабством, поскольку оре и дашт в большинстве своем пахали на многочисленных рудниках вроде Пояса Ванадия или ныне принадлежащей имперцам Багуты; перемещения их строго регламентировались, а о предоставлении им каких бы то ни было технологий не могло быть и речи.

И сейчас на союзной исследовательской базе Саня чувствовал себя неуютно. Хорошо еще, что по работе общаться

приходилось лишь с людьми — с такими же искателями, с девчонками-диспетчершами, да с бригадиром. Ну а в свободное время общаться с нелюдями Саню как-то не тянуло.

На обзорном экране одна из звезд становилась все ярче и ярче, постепенно превращаясь из точки в пятнышко, из пятнышка — в россыпь огней, а после — в ясно видимый на фоне звездного неба диск исследовательской базы. Звено патрульных истребителей азанни скудным роем оранжевых искр мелькнуло по левому борту и пропало. Подсвеченные гирлянды объединенных лабораторий цоофт и азанни простирались в стороны от базы словно гигантские щупальца. Несколько льдисто-синих шаров висело под диском — станции а'йешей. Плоские поисковые боты свайгов обрамляли одну из гирлянд, отчего она казалась не щупальцем, а побегом невиданного растения, а боты свайгов казались листьями.

Картина была величественная и даже в какой-то мере романтическая, но Саня за неполный год работы в «Квазаре» успел к ней привыкнуть до зевоты. В первые дни любовался, да, но не сейчас.

База провесила для Саниного «Черемоша» финишный коридор и подсветила подлетные створы.

Еще четверть часа — и финиш.

В ангаре, где «Черемоши» стояли рядами по десять, Санин кораблик замер в оранжевом круге.

Сброс полетных режимов.

Стоп реактору.

Разгерметизация.

Вокруг уже суетились техники-цоофт, похожие на обряженных в робу страусов. Саня подхватил куртку и скорым шагом направился к шлюзу.

Перед перепонкой терпеливо дожидался позволения ступить на борт робот-уборщик. Саня хлопнул его по сенсору на топе и посторонился, пропуская в шлюз, а сам выпрыгнул на край оранжевого круга. Техники дружно щелкнули клювами, приветствуя человека. Саня в ответ небрежно отсалютовал рукой. В конце концов, эти птички-техники сами в подчиненном положении. Низовое звено, обслуга. Почему-то среди галактов именно представители обслуги были настроены к лю-

дям наиболее дружественно. Наверное, потому, что тоже тихо недолюбливали правящую элиту собственной расы.

Насвистывая «Шепот звезд», Саня зашагал к выходу. Сейчас заскочить в каюту, принять душик, потом мотнуться поужинать по-настоящему, тяпнуть пивка... А то и рому — исключительно для тонуса. И с чистой душой идти отсыпаться вплоть до следующего рейда.

Однако надеждам его не суждено было сбыться.

Браслет на руке сжался и завибрировал.

Вызов.

Коснувшись браслета, Саня на ходу пробурчал:

— Слушаю!

— Кадет! Ты где?

Вызывал бригадир.

— В ангаре.

— Ужинать топаешь?

— Сначала в душ.

— Душ отменяется. Давай прямо в столовую, четвертый зал.

— Четвертый? Это ж офицерский! — удивился Саня.

— Не бзди, пропустят. Кстати, — неожиданно сменил тему бригадир. — Тебя еще не затрахали эти ежедневные траления в пустоте?

— Если честно, шеф, затрахали по самое не могу! — искренне признался Саня.

— Это хорошо, — удовлетворенно заметил бригадир и кашлянул. — Давай сюда, рысью.

И отключился.

Вздохнув по поводу несостоявшейся помывки, Саня проскочил перепонку ангара и направился к лифтам. Столовые располагались на осевом уровне, самом длинном и объемном.

У шлюза в офицерский сектор, разумеется, дежурил рослый пехотинец в каске. На Саню он едва взглянул; пробасил полуутвердительно:

— Веселов?

— Он самый.

— Направо, сорок седьмой столик.

И головой чуть заметно дернул: заходи, мол, салага штатская...

Саня кивнул и впервые в жизни вошел в офицерский сектор. Отличия имелись, хотя и незначительные: вместо обычной таблички со стрелками

Бар ← Столовая →

на стене пульсировала красочная голограмма в рамочке из бегущих огней. В столовой скатерти были не синтетические, а льняные, с рисунком. Посуда не пластиковая, а фарфоровая, а приборы металлические с закосом под старинное серебро, хотя скорее всего это был какой-нибудь мельхиор или ферманит. Пол — не стандартное ворсистое покрытие, а паркет, с ходу можно даже решить, что реально деревянный. В общем, побогаче обстановочка. Когда только успели отделать — база-то птичкина, а цоофт даже столами почти не пользуются, у них в ходу циновки прямо на полу.

— Кадет!

За одним из столов призывно махнули рукой — бригадира попробуй не узнай.

Новый Санин бригадир мало напоминал прежнего, Тахира Плужник, погибшего на Табаске, но Саню также называл кадетом. Звали его Ролан Пыржек, был он миниатюрен, шустр, черняв и кучеряв. Помимо бригадира за столом сидело трое незнакомых типов и штурман Вася Шулейко, с которым Саня ходил в тот самый приснопамятный поиск, из-за которого вся каша и заварилась, а позже с ним же бок о бок воевал со скелетиками на Табаске. Васе тогда здорово досталось, чуть не погиб от тяжелого ранения, но ничего, выкарабкался в итоге, хотя шрамы на боку остались довольно устрашающего вида. Девчонки аж млеют, увидев.

— Привет, Саня, — поздоровался Шулейко, искатель без возраста.

— Здорово, Вася! — Саня от души пожал штурману руку: Вася был таким человеком, с которым все на «ты» и которому даже «кадет» всегда прощался.

Остальные Сане сдержанно кивнули.

— Садись. Вот меню, выбирай. — Бригадир передал Сане раскрытую книжицу.

Вот и еще одно различие. В столовых для низшего состава никакого меню нет и в помине: чего подадут, то и жуй со всей возможной благодарностью. А тут — меню...

Официант, к счастью, оказался роботом. Саня не любил, когда люди кому-нибудь прислуживают. Ладно еще каким высокопоставленным генералам-адмиралам, у тех голова не мирскими делами забита, а возвышенным. Там не прислуживать скорее надо, а присматривать за ними, будто за детьми малыми, дабы чего не натворили в задумчивости. Взять того же Ролана Пыржека — небольшая ведь шишка, командует бригадой из полутора десятков искателей. На кой, спрашивается, ляд ему живой официант?

Впрочем, живого и нет: есть тупой, но исполнительный автомат, умеющий распознавать речь, доставлять заказы и убирать со стола.

Заказав отбивную по-флотски с жареным бататом, дежурный салат и чай, Саня захлопнул меню. Робот неожиданно веселым девчачьим голосом осведомился насчет десерта. Недолго думая, Саня присовокупил к заказу фруктовое мороженое. На этом железка угомонилась и резво укатила на кухню.

А Саня преданно уставился на Пыржека. Должно же быть этому вызову какое-нибудь достойное объяснение?

Тот перехватил его взгляд, отхлебнул из разрисованной чашки чего-то светло-коричневого, то ли кофе с молоком, то ли крепкий уклу, и словно бы невзначай заметил:

— Значит, ты тоже считаешь поиски в окрестностях генератора бессмысленными?

От Сани не ускользнуло, что обращался бригадир хоть и к Сане, но сделано это было как-то напоказ, для остальных сидящих за столом. Эдакая демонстрация независимого мнения.

— Ну, в общем, да, — вторично признался Саня. — Объяснять почему?

— Объясни, — попросил один из незнакомцев.

— Пара генераторов и нуль-коридор образуют единую транспортную систему. Вряд ли строителям этой системы нужен мусор в районе коридора. Насколько можно судить по

скудным находкам, раса предтеч-исполинов уважала порядок. Скорее всего они позаботились о том, чтобы в районе коридора всегда было чисто, и слабое антиполе тому лучшее доказательство.

— Какое антиполе? — не понял незнакомец, сидящий по правую руку от Сани.

Пришлось растолковать:

— Около генераторов и коридора действует слабая центробежная гравитация, направленная от продольной оси коридора наружу. То есть вся система в целом отталкивает разнообразную космическую пыль и прочий мусор.

— А засечь генератор по этому фону нельзя? — забеспокоился сосед.

— В том-то и дело! Если это и гравитация, то какая-то необычная. Никаких признаков работы генератора, никакого тазионарного фона. Она просто действует и все, без всяких видимых причин. Определили опытным путем. По отклонению трасс «Черемошей». Ну... и еще по ряду наблюдений.

— Ладно, допустим, — снова заговорил первый незнакомец, расположившийся напротив Сани, рядом с Васей Шулейко. — Продолжай, Ролан.

— Ага, — встрепенулся Пыржек и снова обратился к Сане: — Скажи, где бы ты сам искал новые следы предтеч-исполинов в первую очередь?

Саня в душе недоумевал. Почему подобные вопросы задают ему, простому искателю? Единственная его заслуга во всей происходящей заварухе состоит в том, что именно он, искатель Саня Веселов обнаружил стартовый генератор в родной галактике и одним из первых вместе с Васей Шулейко и покойным Тахиром Плужником прошел нуль-коридором в иную галактику. А потом вернулся. И все.

— Я могу поинтересоваться — с какой целью вы спрашиваете об этом именно меня? — осторожненько сформулировал собственное недоумение Саня.

— Пока — нет, — отрезал незнакомец справа.

«Ну, нет — так нет...» — смирился Саня. Да и выбора у него в общем-то не было.

— В таком случае я искал бы следы деятельности предтеч в ближайшей звездной системе по вектору коридора. Особенно на планетах. Именно по вектору: в траверзных и ахтерных областях искать, на мой взгляд, бессмысленно.

Сидящие за столом дружно переглянулись. Дружно и многозначительно, аж озноб по спине.

— В яблочко, — прокомментировал незнакомец рядом с Васей Шулейко.

Сане как раз доставили заказ.

— Ну, что же, — решил высказаться и доселе молчавший третий незнакомец, самый старший из всех присутствующих. — Весьма убедительно, Ролан. Не будем мешать молодому человеку насыщаться после поиска. А вы, коллега, после ужина ступайте с посыльным: он будет ждать вас у выхода из столовой, подле охранника. Приятного аппетита!

Вся компания дружно встала и довольно спешно потянулась к выходу. Пыржек незаметно подмигнул Сане — вроде бы одобрительно. Тут же прикатил официант и принялся убирать грязную посуду; при этом он умудрялся не мешать Сане и вообще тактично держался поодаль, у противоположного края стола.

Кормили вкусно, но не скажешь, что много вкуснее, нежели в обычных столовых для рядового состава и обслуги. Значит, стандартная вакуумная кухня.

«Черт возьми! — подумал Саня с некоторым напряжением. — Что все это означает? Допрос какой-то непонятный, намеки, переглядывания...»

Тем не менее за учиненным допросом чувствовалась некая единая осмысленная затея. Система чувствовалась. Стройная и логичная. Саня не мог объяснить, почему так думает, просто чувствовал, ведь для искателя развитое чутье — первейшее качество.

Особенно если оно редко подводит.

Насытившись, Саня без задержек покинул столовую. Мысли на какое-то время угомонились и среди всех желаний возобладало одно, простое и первобытное: принять горизонталь и некоторое время поваляться, время от времени сыто цыкая зубом и хлопая ладонью по набитому пузу. Увы: как

Сане и обещали, при выходе рядом с охранником терпеливо дожидался робот-посыльный — пупырчатая сфера размером с теннисный мячик. Висел посыльный на уровне груди и бдительно поблескивал полированными хрусталиками объектива. Завидев Саню, автомат слегка развернулся и посветил в лицо красноватым лучиком; на сетчатке глаз возникла проекция — надпись «Follow me». После этого автомат плавно заскользил вдоль коридора. Саня, машинально кивнув охраннику, поплелся за посыльным.

Как ни странно, но шар завел Саню в дальние секторы базы, где никто из искателей сроду не бывал. На миг завис перед усиленным шлюзом с трафаретом «Хозчасть» над перепонкой.

Перепонка расслоилась сама собой; из шлюза на Саню взглянул крепкий парень в простом комбинезоне без служебных меток. Испытывающе так взглянул, словно рентгеном просветил.

— Входи! — велел он негромко.

Посыльный, погасив голограмму, тотчас шмыгнул куда-то вбок, а Саня прошел мимо еще четверых парней совершенно аналогичной наружности. Парни чем-то неуловимо напоминали вышибал из дорогого ресторана: такие же подчеркнуто вежливые, убийственно корректные и готовые в любой момент, не меняясь в лице, свернуть тебе шею.

В конечном итоге Саня оказался в кабинете, где уже поджидали бригадир Пыржек и самый старший и значительный из недавних сотрапезников.

— Садитесь, — незнакомец пододвинул Сане высокий табурет на трех хромированных ножках, а сам обошел комнату и устроился за столом. Пыржек сидел у стены.

— Искатель Веселов, вас решено перебросить на новый фронт работ, — сообщил незнакомец ровным и бесцветным голосом. — Работа также будет связана с поисками по разрабатываемой теме. Здесь мы можем говорить без обиняков и называть вещи своими именами. По всей видимости, искать подсказки в непосредственной близости от пары генераторов нуль-коридора действительно не имеет особого смысла, да и заниматься этим вполне могут другие.

Считаю своим долгом предупредить: информация, которой я сейчас намерен поделиться с вами, имеет высший гриф секретности.

По данным, собранным искателями высших рас за тысячи циклов поиска, обнаруженный вами нуль-коридор ведет к складу-захоронению таких же генераторных пар. Вашей целью и будет обнаружение этого захоронения. На резонный вопрос: «Почему я?» советую даже не искать ответа. По ряду причин. Вы назначены — заметьте, не назначаетесь, а уже назначены — бригадиром искательского отряда. В поиск вы отправляетесь немедленно. Вас не зря недавно спрашивали о том, где, по вашему мнению, следует искать следы деятельности предтеч-исполинов. Ваше мнение полностью совпало с мнением ведущих аналитиков проекта. Стало быть, вам и карты в руки! Рейдер стартует немедленно. Оттмар!

Перепонка с чмоканьем расслоилась и в кабинет просочился военный в чине майора. Лицо его было смутно знакомым; спустя секунду Саня сообразил, что видел его на Табаске, что майор носит довольно громоздкую фамилию и что он земляк Кости Цубербюллера.

— Прошу знакомиться: бригадир Веселов, руководитель поисковой команды. Линейный майор Эберхартер, командир роты разведки. Майор и его ребята будут обеспечивать безопасность и охрану вашей группы.

Майор отсалютовал Сане — по-военному четко, без панибратства, и сказал:

— А мы уже встречались. Если не ошибаюсь, на Табаске.

Саня утвердительно кивнул и протянул руку:

— Здравствуйте, майор!

Рукопожатие Эберхартера, как и положено, было крепким и обнадеживающим.

— В качестве пилотов будут использоваться азанни, с их шефом познакомитесь в процессе. Вводные и прочая информация — на борту. Прошу, господа, время дорого!

Саня ошеломленно встал. События разворачивались стремительно, и он изо всех сил пытался удержаться в нужном ритме. Мысли роились, как осы у потревоженного гнезда.

Основные две, впрочем, главенствовали: уже упоминавшаяся «Почему я?» и другая: «Прощай, прозвище «кадет»...»

Бригадиров кадетами не кличут.

2

Модульный рейдер цоофт был экипирован почище парламентерского бота. Во всяком случае, аппаратуры в него напичкали — мама, не горюй! Даже пресловутый элитный камуфляжный модуль имелся. Правильно, союз не хотел рисковать и задействовал ресурсы по максимуму.

До самой пульсации Саня ломал голову: что же привело к столь головокружительному взлету его карьеры? Из простого искателя сразу в бригадиры! Такое не каждое десятилетие случается. К слову сказать, старшим штурманом у Сани пошел Вася Шулейко. Вот так вот, все с ног на голову. Теперь Саня мог послать Шулейко драить переборки, а не наоборот, как неоднократно бывало ранее.

Неразговорчивый незнакомец из «Хозчасти» (понятно, что за этой неброской вывеской пряталась какая-то закрытая контора) вылетел вместе с искателями. Равно как и пятерка его безмолвно-вежливых, похожих на вышибал ребят. Саня окрестил незнакомца Абсолютом, но вслух это прозвище, понятное дело, не произносил.

В подчинении у Сани теперь ходило пятнадцать искателей, четыре штурмана, пяток техников и полукрыло пилотов-азанни. Рота Эберхартера подчинялась Сане поскольку-постольку: уговорились, что бригадир формулирует общую задачу, а Эберхартер с сержантами далее действует по своему усмотрению, но в рамках поставленного. Дюжина научников тоже подчинялась Сане лишь в смысле элементарной экспедиционной дисциплины — у них задачи были собственные, сугубо специфические, и влезать в епархию научников новоиспеченный бригадир не собирался.

Вася Шулейко, старший штурман, еще до старта задал резонный вопрос: а куда, собственно, летим, бригадир?

И тогда Саня, в присутствии Абсолюта, Эберхартера и двоих азанни, в иерархии которых разобраться было довольно сложно, изложил свои соображения по поводу дальнейших поисков.

Мысль его была проста и незамысловата: входной створ коридора всякий раз оказывается сориентированным по-разному, как правило, в зависимости от направления дрейфа финишной сферы подлетного корабля; выходной же всегда выбрасывает корабли одинаково, словно целит в некую условную точку. Причем безразлично, в каком направлении проходить коридором — из родной галактики в галактику-2 или наоборот. А если все обстоит именно так, а не иначе, значит, это кому-нибудь нужно. Еще полгода назад, когда выяснилось, что коридор отталкивает космическую пыль и периодически сам корректирует наклон продольной оси обоих генераторов к плоскости эклиптики, Саня попробовал мысленно продолжить ось в пространстве. В родной галактике ось пронизывала более двадцати световых лет пустоты и упиралась в старое пылевое облако; после консультации с космогонистами Саня узнал, что облако некогда вполне могло быть звездой или даже звездной системой, уничтоженной каким-либо катаклизмом. Дальше облака ось коридора шла только через пустоту, на протяжении более чем двух тысяч световых лет.

Продолжив ось далее финишного створа, Саня без особого удивления обнаружил, что уже в шестнадцати с небольшим световых годах воображаемая прямая пересекает эклиптику планетной системы одной из звезд; несложные вычисления показали, что раз в местный год четвертая от звезды планета оказывается «под прицелом» финишной оси нуль-коридора. А дальше — снова более двух тысяч светолет пустоты.

Саня долго размышлял — случайно это или нет, хотя размышлять тут, говоря начистоту, было нечего. И даже уже почти набрался храбрости, дабы изложить результаты своих любительских изысканий кому-либо из научников.

Не успел. Может, оно и к лучшему, что не успел? Во всяком случае, судьба предоставила ему шанс проверить все собственноручно и в официальном порядке. Первоочередной разведке подлежали области планеты, где воображаемая ось нуль-

коридора начинала чертить дугу по поверхности, а также противорасположенные районы в другом полушарии.

Подлет к искомой планете рассчитали в четыре пульсации.

Звезда была рыжая и взлохмаченная, вся в космах чудовищных протуберанцев. По крайней мере такой она выглядела на экране проектора, сглаживающего губительную для сетчатки яркость. Семейство Звезды насчитывало тринадцать планет, аж четыре астероидных пояса, достаточное количество комет и блуждающих обломков, а также странное газопылевое образование, вращающееся с сильным наклоном к эклиптике между орбитами пятой и шестой планет. Все без исключения планеты имели спутники — даже ближняя к звезде, что было в общем-то несвойственно системам, подобным Солнечной: звезда, как правило, ворует спутники у ближних к себе планет.

— Эй, бригадир! — окликнул из-за пульта Вася Шулейко. — Надо бы этой звездочке название дать. И номер по каталогу присвоить. Это твоя обязанность, между прочим.

Саня обернулся к штурману:

— А что, ее разве еще не обозвали?

— Не-а! — весело сообщил Шулейко. — Да и каталогом как-то никто не озаботился с этими генераторами, так их и разэтак. Собственно, на базе и астрономов-то нет. Отлучили их вроде бы от проекта — вспомни, как ты почтой к космогонистам долбился...

К космогонистам и впрямь пришлось долбиться долго, почти две недели.

— Ну... Номер, получается, первый. Скажем, AA0001. А имя... ну, скажем, Рамона. Не занято?

— Ща гляну. — Шулейко, сидящий вполоборота, лениво потянулся к компу.

— Думаю, занято, слишком уж обычное... Точно, занято. Думай дальше.

Саня несколько секунд поразмыслил. А потом неожиданно пришло решение — простое и очень правильное.

— Знаешь что, Вася... Давай назовем ее Тахир. Не возражаешь?

Шулейко враз стал серьезным, даже как-то неуловимо подобрался в кресле. Снова тронул клавиатуру, проверяя каталог родной галактики.

— Свободно... — сказал он вскоре. — Я согласен. Молодец, каде... э-э-э... извиняйте, пан бригадир.

Шулейко повернулся к компу полностью и занялся каталогом, бормоча под нос по мере заполнения соответствующих полей:

— Тахир... Номер по каталогу... Спектральный класс... Светимость... Абсолютная звездная величина... Координаты... Базовая привязка...

— Как будем подходить? — обратился Саня к вахтенному штурману, толстому индивиду лет тридцати, еле влезающему в стандартное рубочное кресло. Индивида звали Гелий Мост; был он существом удивительно аморфным и некоммуникабельным, но штурманом — каких мало. Насколько Саня знал, именно Гелий Мост дежурил на Поисковой Базе Земли в момент прихода сообщения от «Шустера-эпсилон» семьдесят пятого и обрабатывал само сообщение. За что, вероятно, и загремел на исследовательский диск цоофт в чужую галактику. Назначение, которое сначала многими воспринималось как подарок судьбы, в итоге обернулось форменной ссылкой. Колонией не слишком строгого режима.

— Подходить? С полюса, — буркнул Гелий.

— Это ж неудобно, — с сомнением протянул Саня.

— Почему неудобно? С приводом, по вращению. Там зависнем. А модули уже по ситуации станем рассылать, катапульта у нас мощная...

Рейдер цоофт действительно был снабжен завидной гравитационной катапультой, позволявшей малым разведывательным кораблям на первых порах подлета к атмосфере вообще не тратить горючее.

Очерчивая плавную правильную кривую, корабль искателей приближался к Тахиру-четыре «пешком», на прямоточниках.

Легкое замешательство вахтенного сканировщика Саня отследил далеко не сразу. Тот сам окликнул бригадира, опережая Санин вопрос:

— Шеф! — донеслось до Веселова. — Спутники!

— Что спутники? — не понял Саня.

— У Тахира-четыре есть спутники!

— Так тут у всех планет есть спутники, даже у Тахира-один! — фыркнул Саня недоуменно.

— Шеф, искусственные спутники! Глядите сами! Разрази меня вдребезги пополам, если это не солнечные батареи растопырились!

— Искусственные?

Саня осекся и прильнул к обзорнику, куда сканировщик предупредительно завел изображение.

Сомнений быть не могло: вблизи Тахира-четыре вращался примитивный космический аппарат, весьма напоминающий музейные снимки «Союзов» и «Аполлонов», на которых человечество когда-то сделало первые робкие шаги в околоземное пространство.

— Там еще мелочи всякой навалом, поменьше, — сообщил сканировщик. — Показывать?

— По... — сказал Саня и громко икнул. — Показывай. И кто-нибудь — прослушайте радиодиапазон!

В следующую секунду рубка наполнилась звуками эфира; Тахир-четыре был окутан сплошной завесой радиосигналов, которые накладывались один на другой, глушили друг друга, интерферировали. Приемник хрипел и стонал, как стая осипших скворцов по весне.

— Вот это номер. — Саня в задумчивости почесал макушку. — Неужели это дом строителей коридора?

— Да ну, — усомнился Шулейко. — Глупость какая! Корабли допотопные, радио... Если это пресловутые исполины, то они основательно измельчали и впали в натуральную дикость.

— Так! — скомандовал Саня решительно. — К планете пока не пойдем! Вписываемся в стационар и ставим камуфляж! Раз-два, начали!

— Верное решение, — послышалось со спины.

Саня обернулся — посреди рубки стояли Абсолют и один из его ребят. Когда они только успели войти?

— Рад, что вы оценили, — буркнул Веселов вполголоса. И громче: — Вася, что там?

Шулейко, сноровисто обсчитывающий стационарную орбиту вокруг Тахира-четыре, невнятно ответил:

— Щазз... Пару секунд...

От компа он, разумеется, не оторвался.

3

В первый поиск Саня цинично назначил себя и двоих хорошо знакомых ребят из другой смены — Ваньку Танасевича и Сергея Забирана. Экипировались тщательно, по полной программе, под неусыпным надзором эберхартерского старшины и лично Абсолюта. Двое азанни, одетые в смешные волоконные сбруи с карманами и кобурами, терпеливо дожидались в кессоне.

Аппаратуру модуля вылизали и перепроверили раза четыре. Сам модуль, обтекаемый и полупрозрачный, как линза, лежал в стартовом пазе.

Чем-то модуль напоминал призрака — не то сгусток тумана видишь, не то еще нечто бесформенно-расплывчатое.

— Готов, — выдохнул первым Забиран. — Аппаратура в норме.

— У меня аналогично, — присоединился Танасевич.

У Сани тоже все работало штатно, и основной комплект, и дубляж. Вопросительно взглянув в лицо Абсолюту и уловив молчаливое благословение, бригадир чуть-чуть громче, нежели следовало, скомандовал:

— Начинаем! Группа — по местам!

С чмоканьем расслоилась перепонка. Азанни у стены кессона как по команде повернули головы.

— По местам! — повторил Саня, и птички перепорхнули на верхнюю выпуклость модуля, где располагалась пилотская кабина. Людям пришлось обойти «летающую тарелку», чтобы попасть в грузопассажирский отсек.

Мир сузился до тесного помещения с тремя креслами и множеством экранов перед ними. Первым делом — пристегнуться: по сравнению с азанни самый оголтелый лихач-человек казался образцовым и добропорядочным пилотом. Однако в исполнении азанни самые рискованные маневры лихачеством отнюдь не являлись: птички жили несколько в ином ритме и за единицу времени успевали осмыслить и совершить почти втрое больше, чем самые шустрые из людей. Плюс дополнительные органы чувств и уникальный орган равновесия — все, свойственное расе, изначально способной к свободному полету. Мир азанни существовал в объеме, в то время как люди и остальные галакты обитали в основном на плоскости. Именно поэтому лучших пилотов, чем азанни, галактика не знала.

— Модуль готов, — прощебетал премьер-пилот на неплохом интере. — Запрашиваю разрешение на старт.

— Разрешаю старт! — не без волнения скомандовал Саня.

Мгновенный, едва уловимый перепад тяготения, и плоский кораблик вылетел из стартового паза, как прожаренный хлебец из тостера. Кораблик был незрим и бестелесен, словно сгусток пустоты. Он ничего не отражал, поглощал все виды излучений и ничего не излучал сам. Его словно не существовало в материальном мире.

Тахир-четыре, голубоватый с желтизной по краям полумесяц, нависал над прозрачной обшивкой. Экраны показывали его сразу с нескольких ракурсов — с датчиков рейдера, с высеянных глазков. Два естественных спутника Тахира-четыре виднелись чуть в стороне — пара небольших серпиков. Тот, что побольше, — желтый, будто селентинская груша, тот, что поменьше, — серо-стальной, как полированная обшивка грузовоза.

В атмосферу вошли на силовой тяге, чтоб не оставлять после себя предательского инверсионного хвоста. Танасевич беспрерывно шевелил пальцами, словно повелевал невидимой клавиатурой: монтировал карту прямо в полете. Очертания материков и архипелагов проступали и застывали на полупрозрачном голографическом макете над его руками.

Две алые дуги, расположенные на диаметрально противоположных сторонах шара, отмечали места, где воображаемая

ось нуль-коридора пронзала Тахир-четыре в момент противостояния. Места первоначальных поисков.

— Точка входа, — прокомментировал Забиран, изучая развертку. — Нагорье, хребты и узкие долины. Средняя высота над уровнем моря — четыре с половиной килоуна. Точка выхода — побережье одного из материков, шельф. Глубина океана в указанном месте — до двухсот ун. Куда сначала, командир?

Саня задумался. Действительно, куда? Нагорье и хребты ему не нравились: захоронение, которое они искали, очень древнее, явно старше по геологическим меркам, чем оные хребты. Если там за последние миллионы лет почва вставала дыбом и из недр перли выдавливаемые наружу пласты породы... Хрен чего они там разыщут в ближайшее время. Придется сидеть и сканировать, день за днем, ун за уном. А вот над побережьем и шельфом можно совершить скользящий заход и скорее всего списать сразу здоровенный шмат территории как бесперспективный. Если, разумеется, ничего не найдется. К тому же над побережьем сейчас день.

— Давай к побережью, — велел Саня.

Пилоты немедленно бросили кораблик в плавный вираж, ложась на новый курс. Линия терминатора величаво отползала из поля зрения, а серпик постепенно становился выпуклой полусферой. Она росла, разбухала, вытесняла с экранов постепенно тускнеющие звезды, пока не заняла собою все экраны, кроме угловых, панорамных.

— Входим в плотные слои, — бесстрастно сообщил пилот. — Гашу скорость.

— Ага, — сказал Саня. Больше ему нечего было сказать, по крайней мере пока.

— У них над Северным полюсом дыра в озоновом слое, — заметил Танасевич. — Допрыгались. Фреон, поди...

— Ты скажи, у кого такой дыры не было... — проворчал Забиран, не отрываясь от модели.

— У а'йешей, например, не было. — Танасевич был невозмутим, как статуя. — У перевертышей, говорят, тоже.

— Хе-хе... У а'йешей на материнской атмосфера метановая — откуда там озоновый слой? Да и атмосферой ее назвать... На Марсе — и то плотнее.

— Ты спрашивал, я ответил, — пожал плечами Танасевич. — О! Глядите — бот. Атмосферный. Аборигены!

Один из экранов высвечивал изображение обтекаемого сигарообразного механизма с крыльями и вертикальным стабилизатором в хвостовой части. Вдоль корпуса шел частый ряд темных пятен, скорее всего иллюминаторов. На головной части «сигары» возвышался слабо выраженный горб.

— Далеко?

— Четыреста двадцать килоун. И он ниже нас.

Модуль тем временем снизился; от поверхности Тахиратыре его отделяли неполных пятнадцать килоун. Чуть больше семи километров. Незримой и невидимой для радаров (а у аборигенов наверняка имелись радары) тенью он рассекал воздух и стремительно терял высоту.

Вскоре пилот-азанни выдал очередную реплику:

— Заходим на цель. А побережье — явно курорт.

«Курорт, — подумал Саня. — Это плохо. Значит, народу тут — туча. Гостиницы, рестораны, боулинги и бильярды. Или во что там играют местные разумные? На полоске у воды толкутся тысячи и тысячи бездельников. Дьявол! Может, следовало лететь в горы?»

— Лучше всего для начала пройти на бреющем, все как следует заснять, а потом уйти под воду и спокойно исследовать шельф, — предложил пилот.

— Давай! — не раздумывая, согласился Саня.

Так и сделали. Второй пилот от скуки и непонятного озорства сжег пузатый аэростат, что болтался на длинном поводке над шпилем одного из зданий. Саня хотел отчитать его, но раздумал. Побережье и впрямь выглядело обычным курортом — шоссе вдоль океана, по обе стороны от шоссе — постройки. Много бассейнов и зелени. Пляж пестрел цветными пятнами — видать, зонтиками и навесами для защиты от солнца. И тянулось все это великолепие вдоль океана килоунами, без конца и края.

Впрочем, искателей интересовал достаточно небольшой отрезок — килоун в двести.

— Хватит, пожалуй, — сказал Саня пилоту, сверяясь с картой. — Давай под воду.

— Даю, — прощебетал азанни, бросая модуль в очередной головоломный вираж. — Компенсаторы включите...

Переход из воздушной среды в более плотную водную без компенсатора пережил бы разве что а'йеш.

Неожиданный и беспричинный всплеск унах в трехстах от берега вряд ли кто-либо заметил, кроме случившихся поблизости рыб.

4

— Думаешь, — спросил Абсолют, — мы не ошиблись, пустив его по следу?

— Думаю, нет, — твердо ответил Шулейко. — У этого парня сверхъестественный нюх на сокрытое.

Оба покосились на экраны, куда в данный момент транслировались красоты подводного мира.

— Начнем с того, что генератор обнаружил именно он, — принялся развивать свои мысли Шулейко. — Не я, не бригадир наш покойный — он. И на Табаске опять же: дважды вышел точно к складам местных гидов, в первые же сутки. Убежище нам отыскал — чуть ли не единственное в округе. Да и в прежних поисках... В общем, это феномен какой-то, а не человек, искатель по призванию. Вот увидите, недели не пройдет, а он и на Тахире что-нибудь такое обязательно отыщет.

— Что-нибудь такое нам не нужно, — проворчал Абсолют. — Нам нужно захоронение исполинов. Генераторы. Много генераторов.

— Отыщет. Если, разумеется, тут имеется захоронение.

Договорить Шулейко не успел. Модуль вызывал рейдер:

— Рейдер, я Веселов! Картинку от нас получаете?

— Получаем, — торопливо отозвался Вася, делая поярче изображение на соответствующем экране.

— Взгляните-ка! Что это по-вашему? Серега, заведи четвертый на трансляцию.

Коралловый риф и стаи разноцветных рыб пропали с экрана; вместо них появилось изображение ровного песчаного

дна, усеянное продолговатыми предметами, похожими на артиллерийские снаряды крупного калибра. Некоторые лежали на песке, некоторые частично были в него погружены. Некоторые стояли торчком или под наклоном.

Изображение рывком наехало на один из стоящих торчком. «Снаряд» оброс целой бахромой водорослей, которые загадочно шевелились в такт колебаниям воды.

— Черт меня побери, — пробормотал Абсолют и поглядел на часы. — Говоришь, не пройдет и недели? Ха-ха! Час и сорок две минуты, милейший. Час сорок две!!!

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

Малая приемная была освещена неравномерно: большая часть — обыкновенными лампами дневного света, привычными любому землянину или венерианцу. Ярким пятном выделялся сегмент, в котором расположился Пик Пирамид Азанни со свитой. Желто-зелеными тонами отсвечивал сектор послов цоофт. Представители вновь созванной Галереи Свайге, разумеется, предпочли подернутые лиловым маревом сумерки родного мира. В секторе а'йешей вообще царила тьма — разумным кристаллам было решительно все равно, присутствует ли в общем потоке излучений та узенькая полоска, которую представители органических форм жизни именуют видимым спектром. Для единственной приглашенной на совет расы второй волны — сенахе — специальных условий создать просто не успели, поскольку совет получился экстренным.

Руководители пяти ведущих доминант Галактики собирались впервые за несколько веков. Да и помимо них хватало высокопоставленных лиц — политиков, военных, чиновников, ученых. Тем не менее совет считался закрытым и доступ на него был строжайше ограничен; еле уместились в малой

приемной. В большой параллельно проводилась некая военная конференция — для отвода глаз.

— Итак, уважаемые союзники! — открыл совет Вернер Винцль, президент Солнечной системы, метрополии доминанты Земли. — То, чего мы ждали в течение последнего, весьма трудного цикла, свершилось. Вы понимаете, о чем я — честное слово, лишний раз не хочется произносить это вслух. Подробности будут оглашены несколько позже, а пока, я полагаю, уместнее будет выслушать руководителя научной программы, ибо даже самый малый отрезок времени может принести немало новостей. Прошу...

В приемной никто не встал, как того требовали обычаи союза, да и почти любой из рас. Дело в том, что научными изысканиями по недавней находке искателей-землян руководил представитель единственной расы, особи которой не могли ни сидеть, ни стоять — они могли только где-либо находиться. Руководитель научной программы принадлежал к технократии а'йешей. Механический голос зазвучал из скрытых громкоговорителей:

— Приветствую союз и совет от имени технократии а'йешей, а также от объединенной исследовательской группы «Квазар». К сожалению, последние малые циклы ничего не добавили к уже известному: работа исследуемого устройства опирается на покуда недоступные нам принципы. Боюсь, эти принципы лежат далеко за пределами понимания сегодняшней объединенной науки высших рас. Из опасения повредить исследуемый объект механическое вскрытие, как и было оговорено ранее представителями шестерки, не проводилось. На текущий момент мы знаем об исследуемом объекте не больше, чем знали всегда, а именно что он существует и что он работает. Мне нечего добавить к вышесказанному.

А'йеш умолк; по сигналу Винцля встал руководитель второго направления поисков, ранее — начальник Поисковой Базы Земли. Звали его Джошуа Фергюсон и происходил он из коренных обитателей земного континента Австралия. Худощавый, невысокий, с иссиня-серой кожей и вьющимися волосами.

— Я уже докладывал президентскому совету Солнечной системы суть наших поисков и сейчас уполномочен заявить всем собравшимся: то, что мы ищем, наконец-то найдено. Копии исследуемых объектов обнаружены на планете одной из достаточно близких к финишному створу коридора звезд. По словам моих подчиненных, их десятки, а возможно, и сотни тысяч пар — точнее сказать невозможно, поскольку визуальный контакт пока удалось наладить только с малой частью захоронения. Захоронение, точнее верхняя его часть, расположено на дне океана, на глубине приблизительно восьмидесяти — девяноста ун под поверхностью. На сколько простирается захоронение в глубь шельфа, пока не установлено.

Первичный анализ показал, что захоронение произведено более трех миллиардов лет назад и неоднократно претерпевало различные воздействия в процессе меняющихся геологических условий. Тем не менее захоронение не утратило целостности и по всем признакам пережило все катаклизмы неповрежденным. В общем, хоть сейчас можно изучать и разрабатывать, а там — и использовать.

Если бы не одно «но», которое сильно усложнит разработку захоронения.

Я не хотел докладывать заранее, до момента, когда мы окончательно убедились, что нашли именно то, что искали. Но теперь придется заявить об этом во весь голос.

Фергюсон умолк, потянувшись к графину с водой и стакану; один из представителей Галереи Свайге не утерпел и поторопил искателя:

— Что же это за «но», уважаемый коллега?

Спокойно утолив жажду и не проявляя внешней спешки, Фергюсон утер губы платочком, тщательно сложил его, спрятал в карман и только потом поднял глаза на собеседников.

— Планета обитаема, коллеги. Обитаема и густо населена. Уровень развития довольно низкий, но первые искусственные спутники и орбитальные станции в ближний к своему дому космос они уже запустили. Кроме того, мы перехватили несколько примитивных космических аппаратов, удалившихся от орбиты материнской планеты почти на два миллиарда килоун. Найденная раса на пороге межпланетных полетов.

Кроме того, как в свое время и мои сопланетники, они успели овладеть ядерным оружием и накопили арсенал, способный уничтожить планету несколько сот раз. Как известно, техноблокада не в состоянии остановить процесс цепной ядерной реакции, а значит, у них есть оружие против нас. Тот факт, что захоронение скорее всего защищено от подобных катаклизмов, мало что дает, ведь стопроцентной уверенности в этом нет, а рисковать находкой союз ни в коем случае не станет. Я вижу два пути, которые могут привести к успеху, но, боюсь, сие уже не моя компетенция, а компетенция уважаемых политиков и доблестных военных. Тем не менее, если мои мысли будут интересны совету, я их выскажу по первой же просьбе. Спасибо за внимание.

— Вам спасибо, господин Фергюсон, — поблагодарил искателя Винцль. — Полагаю, сейчас самое время выслушать, как образно выразился предыдущий оратор, наших доблестных военных. Адмирал, прошу вас!

Поднялся адмирал Тим Хемерсбрандт, командующий флотом «Евразия», ключевым в группе «Доминион». Группа флотов «Доминион» уже несколько столетий прикрывала и защищала сердце цивилизации хомо — Солнечную систему, а в последние годы принимала активнейшее участие в противостоянии армадам имперских захватчиков.

— Приветствую высокое собрание, — по традиции начал речь адмирал. — От меня, насколько я понял, требуется общий анализ текущей военной обстановки. Много времени я не займу, поскольку никаких серьезных сдвигов за последние недели не произошло. Прошу прощения за употребление земных единиц времени, мне удобнее ими оперировать.

Итак: противник по-прежнему превосходит нас числом боевых кораблей и периодически наносит малопредсказуемые удары. За истекший с последнего военного совета период неприятелем захвачено четыре планеты доминанты цоофт, две — свайге, одна наша и семь — других рас. Силами союза отбито восемь ранее захваченных планет и четыре из вышеупомянутых, в первую очередь развитые планеты высших рас. По-прежнему соблюдается сложившийся полцикла назад паритет: шат-тсуры не могут прикрыть больше планет, чем они захва-

тили, и не решаются нанести удар на уничтожение по какой-либо из высших рас, поскольку действия возрожденного союза делают подобные попытки небезопасными непосредственно для Тсурры и индустриального центра империи — Багуты. В свою очередь, мы не можем вернуть захваченные имперцами миры, поскольку их тоже нечем будет защитить. По данным разведки, интенсивность боев по-прежнему такова, что темпы постройки новых кораблей примерно равны темпам потерь, а нарастить темпы постройки в условиях хаотичных боевых действий не представляется возможным.

Никаких перемен активности в стане противника не зафиксировано. Нам известно, что они продолжают методичные поиски исследовательской базы. Тот факт, что база и флот прикрытия расположены по ту сторону коридора, противнику скорее всего известен. Поэтому я предлагаю не рисковать и отрядить в экспедицию к захоронению несколько кораблей из флота прикрытия, чтобы лишний раз не наводить противника на вход в коридор.

— Возражаю, — вмешался один из советников Пика Пирамид Азанни. — Экипажи кораблей прикрытия даже не подозревают, что находятся в иной галактике. В высадке целесообразнее использовать тех, кто уже так или иначе осведомлен о событиях.

Адмирал Хемерсбрандт вежливо кивнул:

— Я ценю и понимаю ваше беспокойство, коллега. Однако экипажам кораблей прикрытия вовсе не обязательно сообщать что-либо, помимо уже известных им фактов. Пусть и дальше пребывают в заблуждении, будто находятся в родной галактике. А штурманов и астрогаторов можно дополнительно проинструктировать.

— Простите, — вмешался представитель цоофт. — Я так понял, что нападение на планету с захоронением факт уже решенный?

— А разве у нас есть другой выход? — развел руками адмирал.

Жесты и смысловые движения различных рас переводились наряду со словами, так что каждый мог вести себя наи-

более естественным образом не опасаясь остаться непонятым или понятым превратно.

— Можно попытаться договориться. Торговля, уважаемые коллеги, всегда была выгоднее стрельбы.

— К сожалению, далеко не всегда, — возразил Пик Пирамид Азанни. — К тому же на переговоры у нас может не остаться времени. С момента начала операции до момента, когда все генераторы из захоронения окажутся у нас в руках, мы располагаем всего-навсего земной неделей. Кроме того, напомню уважаемому собранию, что число кораблей прикрытия по ту сторону коридора, учитывая резерв, минимально. Если мы снимем хотя бы один крейсер или корвет, совокупной огневой мощи оставшихся может не хватить, в случае если крупные корабли шат-тсуров отыщут коридор и пройдут им. Хотим мы этого или не хотим, придется готовить особый флот, как можно меньшей численности, но достаточный для захвата населенной планеты.

— Минимальная численность подразумевает элементы геноцида, — представитель цоофт «хмурился» — по-своему, по-птичьи. — Не думаю, что это прибавит популярности высшим расам.

— Сдача тайны генераторов имперцам уронит популярность высших рас окончательно и бесповоротно, — терпеливо сказал адмирал Хемерсбрандт. — Поэтому если нас вынудят к решительным действиям, мы будем действовать решительно. Однако несколько ценных мыслей относительно удержания реноме высших рас все-таки имеется.

— Интересно, каких же? — с нескрываемым ехидством поинтересовался представитель цоофт.

— Планету с захоронением вооруженные силы союза захватывать не будут. Ее захватят пираты. Разумеется, должным образом проинструктированные и снаряженные. И одетые не в форму соединений союзных войск, а кто во что горазд. И вооруженные кто чем. Вы понимаете меня, коллега?

Ехидства в тоне цоофт тотчас поубавилось:

— Хм... Кажется, понимаю.

Представитель птичьей расы, разумеется, не хмыкал — он особым образом щелкал клювом. Тим Хемерсбрандт хорошо

знал повадки многих чужих, поэтому еще до перевода понял, что цоофт уловил его мысль.

В приемной сдержанно зашумели. Лидеры рас спешно совещались с экспертами и советниками, с военными своих флотов. Предложение сравнительно недавно принятых в высшие расы хомо действительно шло вразрез с ныне действующей официальной внешней политикой развитых галактов. Адмиралу, да и многим другим землянам, стало даже немного смешно: менее тысячи лет назад тогдашний союз без зазрения совести убивал людей, поскольку в те времена хомо считались низшей расой, дикарями.

Но с тех пор многое изменилось. Причем не в последнюю очередь из-за людей. Пусть люди принесли в галактику много пороков и хаоса, но именно они все же вынудили остальные расы ценить жизни разумных существ хотя бы формально.

— Я могу продолжать? — справился адмирал, когда шум поутих.

Дождавшись нужного момента, он возобновил речь:

— Тут уже говорилось, что в операции целесообразно задействовать тех, кто уже и так косвенно замешан в истории с находкой. Полностью с этим согласен, тем более что круг информированных лиц заметно шире, чем может показаться сначала. Мы задействуем всех, даже тех, кто участвовал в событиях у Фалькау и Пронга. Связистов, передававших сообщения. Солдат, участвовавших в битвах. Черт возьми, даже героических туристов с Табаски задействуем! Они-то как раз информированы чуть ли не лучше всех! Корабли и живую силу будем переправлять частями, с прикрытием и сопутствующими отвлекающими маневрами. План формирования и экипировки особого флота уже составлен, осталось его только принять. Прошу ознакомиться, коллеги и господа, сейчас он будет транслирован каждому представительству, включая уважаемых сенахе, невзирая на их всего лишь совещательный голос в нынешнем совете.

Совет заседал еще полтора земных часа. План был принят — с соответствующими поправками. До времени «Ч», с которого начнется «горячая неделя», оставалось совсем немного.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ БАЗА ФЛОТА «ФЛАЖОЛЕТ»

Глубокий космос, нейтральное пространство

1

На новом месте пустотникам дали аж два дня отдыха. По-видимому, соединение, в котором до недавнего времени воевали «герои Табаски», находилось ближе всего к базе вспомогательного флота с Аннапурны и их доставили на место гораздо раньше, чем остальных.

В месте дислокации базы было тихо и сонно, а боевые действия скорее всего никогда не велись: не за что. Звезды далеко, все дряхлые, без планет. В общем, дыра дырой на самой периферии.

Война лишила работников «Экзотик-тура» всего: прежней жизни, работы, обретенного на Табаске дома. После сражения у Пронга-30 им стало некуда возвращаться. А тут еще подоспел приказ о мобилизации по всей доминанте... У мужчин не было выбора в любом случае. А женщины сделали единственно возможный выбор.

В недавнем прошлом завхоз Виталий Акулов, которого как и раньше называли Мистер Литтл, почти цикл прослужил в одном взводе с бывшим диспетчером Масами Тамурой и бывшим клиентом «Экзотик-тура» Константином Цубербюлле-

ром. Дейв МакГрегори, другой диспетчер, прочно обосновался в аналитическом отделе и даже успел получить офицерское звание. Женская обслуга «Экзотик-тура» частично попала в штаб шифровальщицами и связистками (Верка, Мартина), частично — в подразделения материального обеспечения (буфетчица Люська, Наталья Кортес). О стряпне поварихи тети Даши с Табаски во флоте ходили легенды. Валентина Хилько и Патрис Дюэль, которых год назад не к добру потянуло совершить путешествие с «Экзотик-туром», служили соответственно в госпитале и пресс-службе.

Валентин Ваулин, когда-то гид и заместитель директора туристического филиала на Табаске, возник несколько позже: пилотам требовалась серьезная подготовка. Или переподготовка. Но через полгода и он появился в составе флота «Гольфстрим», правда, приписали его не к флагману, где волею судеб оказались почти все остальные, а к улью, носившему истребители и штурмовики. К тому, где служил Жорж Сориал, в прошлом — третий из диспетчеров космодрома «Экзотик-тура», а ныне техник, командир рембригады при полке малых истребителей.

Из выживших туристов неизвестно куда делись только Тентор Бот, по возрасту уже не подпадающий под мобилизацию, да Орнела Аркути, потерявшая на Табаске брата.

Перевертыш-оаонс по прозвищу Нути-Нагути переметнулся к шат-тсурам еще во время памятных событий, а самая незавидная судьба постигла человека-загадку Семенова: этот попал в плен к скелетикам под видом искателя.

Флот «Гольфстрим» участвовал в боевых действиях достаточно активно: месяца три бились у одной из индустриальных планет азанни, благополучно вышвырнули с нее шат-тсуров, а потом еще три месяца прикрывали от налетов, пока штаб союза не прислал свежий флот. Потом месяц отдыхали и доукомплектовывались, а после с ходу угодили в мясорубку близ Мориты Грифона. Никто не погиб, но Тамура и Валти попали в госпиталь с ранениями средней тяжести.

Новое назначение было неожиданным и свалилось как снег на голову. Людей выдергивали прямо с рабочих мест; тех кто отдыхал — из постелей. Валти отозвали из патрульного вы-

лета. Цубербюллера на несколько дней раньше выписали из госпиталя с недолеченным ожогом руки. Сориала забрали из аудитории, где он читал коллегам лекцию об особенностях ремонта прямоточников в условиях частичной разгерметизации ремзоны. Всех, кто имел хоть малейшее отношение к событиям у Пронга-30, спешно запихнули в скоростной клипер и отправили неизвестно куда. Даже повариху тетю Дашу не позабыли.

Оказалось, привезли их на промежуточную базу резервного флота «Флажолет», где формировалась особая сводная боевая группа. Привезли первыми. А через двое суток ожидалось прибытие очередного пополнения.

Стрелков-пустотников из первой партии хватало, чтоб сформировать пару полновесных батальонов. Слухи, которые везде распространяются очень быстро, уверяли, что каждая рота, каждый взвод будут пополняться бойцами элитных подразделений — десанта, штурмовой пехоты, мобильной пехоты; будто бы даже спецназовцев и диверсантов придадут. К бойцам иных войск, понятное дело, везде относились с некоторой ревностью: все считали наилучшими именно свои войска. Поэтому разговоров среди пустотников за два дня случилось — не счесть. Гадали, строили предположения и планы.

Во время войны солдат рад любой передышке, поэтому пустотники отсыпались, писали письма-ролики, просто сидели в курилках, с удовольствием чесали языки и обсуждали былое.

Потом прибыл транспорт с офицерами; к величайшей радости Цубербюллера, Тамуры и Литтла, их прежнего ротного прислали и на новое место, хотя от роты осталась в лучшем случае треть.

А вскоре дождались и первого пополнения.

Когда от центрального ствола к казармам выползла длинная, словно гигантская гусеница, колонна десантников, Тамура и Цубербюллер как раз находились в курилке. Разговоры моментально стихли, головы дружно повернулись к идущим.

— О, — сказал кто-то с ехидцей, — небожители пожаловали...

У десантников даже боевое снаряжение было несколько другое, нежели у регулярных частей. Вместо обычных пехотных лучеметов — двухпотоковые бласты; пустотные комплекты-скафандры имели расширенный набор функций и в полтора раза больший ресурс автономии; отличались комбинезоны и ботинки, что повседневные, что пустотные; а еще сразу бросалась в глаза главная гордость десанта — голубые береты. Тамура с товарищами носили обычные серые кепочки.

Колонну вели в соседнюю казарму, но едва она поравнялась с курилкой, один из пустотников по имени Клод Жанси вдруг вскочил и заорал на всю округу:

— Легранж! Морда! Ты жив?

Колонна запнулась: в третьем ряду один из десантников остановился, а потом выронил вещмешок (бласт остался пристегнутым к боку) и, протиснувшись меж товарищей, кинулся к курилке.

— Жанси!

Пустотник и десантник крепко обнялись. Офицер, ведший колонну, глядел на происходящее без особого восторга, но не вмешивался.

Из роты на крики повалил народ: двухдневное безделье всем начало надоедать, а тут хоть какие-то новости. Второй крик раздался как раз от входа:

— Солянка!

Кричал Мистер Литтл.

Тут и Тамура с Цубербюллером встрепенулись, зашарили взглядами по колонне. А оттуда уже спешили сразу двое. Солянка с капральскими нашивками на плечах и Скотч в сержантском комбезе.

— Живы, черти!

Окружающие глядели на встречи с легкой завистью.

Плац перед ротой наполнялся людьми, колонна потеряла стройность, поэтому офицер во главе ее забеспокоился:

— Эй, союзники! Потом брататься будете, дайте людей разместить.

— Вы где? — справился Скотч у давно не виденных товарищей по одиссее на Табаске.

— Вот наша рота! — Цубербюллер указал на вход. — Кидайте вещи и давайте к нам!

— Добро! Десять минут! — заверил Скотч и дружески саданул Литтла по плечу: — У тебя топливо найдется, завхоз?

— А то! — осклабился тот. — Я навыков не теряю!

Завхозской хватки Мистер Литтл за год боев ничуть не утратил и везде непременно становился каптером, причем происходило это как бы само собой.

Десантура потянулась к соседней казарме. Еще несколько человек узнали знакомых; когда почти все уже прошагали мимо курилки, Тамура вдруг пихнул Цубербюллера в бок:

— О! Гляди! Близнецы наши!

Во втором с хвоста ряду шли все четверо братьев Суондредов: Джерард, Клемент, Арнольд и Конрад, но различить кто из них кто сейчас не представлялось никакой возможности. Ближний узнал Тамуру и Цубербюллера, улыбнулся и махнул рукой. Литтл сделал красноречивый жест: мол, поселитесь — тоже приходите. Суондред кивнул и что-то шепнул брату по правую руку.

Когда колонна десантников прошла, а пустотники возбужденно принялись делиться впечатлениями и объяснять, кто кого откуда знает, с плаца рысцой притрусил лейтенант из снабженцев.

— Эй, гвардия! — обратился он к солдатам в курилке. — Я так понимаю, у вас сейчас повальное братание начнется с десантурой.

Пустотники вопросительно притихли.

— Короче, нечего спирт в казарме хлестать, в столовой обед накрывают на час раньше, туда и ступайте. Комбаз велел водки поставить по праздничному пайку, так что расслабьтесь, ничего ныкать не нужно. Кто-нибудь, объявите по роте. Где дежурный?

Капрал Донг как раз выглянул из окна второго этажа:

— Тут, сэр! Все понял, об изменении распорядка объявлю немедленно!

Англик, традиционный уставной язык, в его устах звучал мягко и как-то сглаженно, не по-военному.

— По второй и третьей роте тоже объяви!

— Есть, сэр!

Лейтенант удовлетворенно кивнул и потрусил к казарме десантников.

— Во, блин, — удивился Тамура. — Че это посыльным целого лейтенанта погнали?

— А в столовой, поди, сплошные адмиралы! — весело поделился информацией Клод Жанси. — С утра, говорят, старшие офицеры прибыли.

— Адмиралы в офицерской столовой! — со знанием дела сообщил Литтл. — Во-он, крылечко через плац видишь? Это она и есть. Да и адмиралов тех всего-то трое... Капитаны одни.

Солдатская столовая тоже располагалась за плацем, но несколько дальше; к тому же вход в нее был с торца, так что на обед строй пустотников топал вдоль ряда казарм, в обход плаца, против часовой стрелки.

Тем временем показалась еще одна группа из пополнения. Этих было мало, всего человек двадцать, а экипировка их, в свою очередь, отличалась и от пустотной, и от десантной. К бокам были пристегнуты лучеметы нового образца, такие во флотах еще толком не распространились. Помимо тонкой скатки скафандра имелся шлем, настоящий, корпусной. Комбинезоны зачем-то были не однотонными, а камуфлированными, пятнистыми, серо-стальные пятна перемежались с коричневыми и грязно-зелеными. На головах — не кепки и даже не береты, что-то вроде шляп с мятыми полями. И зеленые шевроны на рукавах.

— Это еще кто? — спросил тот же солдат, который называл десантников небожителями. — Спецназ какой?

— Не, братец, — возразил другой голос, со значительной хрипотцой. — Спецназ супротив этих все одно что полукорвет против крейсера.

В голосе слышалось нескрываемое почтение.

— Это, братцы, пограничники! Я их однажды в деле видел... Никогда не забуду!

— Пограничники? — удивился первый голос. — И чего, круче десанта?

— Круче, не круче... Им просто, кроме себя, надеяться не на кого. Улавливаешь?

Пограничники, ведомые коренастым краснолицым капитаном, остановились как раз напротив курилки.

— Эй, гвардия! Тут первая рота с «Гольфстрима» квартирует? — спросил капитан.

Несколько голосов нестройно подтвердили, что да, тут, мол.

— Нам в помещение «Джи». Кто проводит?

Высокий, тощий, как марафонец, пустотник с готовностью вскочил и щелчком отправил недокуренную сигарету в урну.

— Я проведу!

Помещение «Джи» действительно пустовало и коек там имелось как раз около двух десятков.

Оружейка и каптерка при помещении «Джи» были свои, отдельные.

Один из пограничников показался Косте Цубербюллеру смутно знакомым, но лица его рассмотреть не удалось: пограничник наклонил голову и спрятался за полем своей несуразной шляпы-панамы.

2

На обеде действительно подали водку и действительно происходило сплошное братание. Солдаты бродили между столами, встречали знакомых, обнимались, пили за встречу и за былое. Офицерам в своем углу было, по-видимому, наплевать на столь вольное поведение подчиненных. И похоже, там происходило свое братание и свои встречи. Среди офицеров Скотч заметил нескольких пилотов, а когда присмотрелся внимательнее, и вовсе обомлел: в одном из пилотов он узнал сильно похудевшего и вроде бы даже помолодевшего Валти.

Чуть позже Скотч подумал, что подозрительно много перекрестных знакомств оказывается во вновь сколачиваемой сводной группе. Ненормально много. То там, то сям мелькают знакомые лица; некоторых не помнишь по имени и не зна-

ешь, где встречал, но лица тем не менее знакомые. Вот тот здоровенный долдон-пехотинец. Где ж Скотч с ним встречался? Наверное, в финальной свалке на Табаске, когда уже помощь подоспела. Точно, вон и офицер их сидит рядом с Валти, земляк Кости Цубербюллера. Фамилия у него тоже длинная и труднозапоминаемая. Элбер... Или Эбер-чего-то-там. А вон близнецы, все четверо, с Тамурой за одним столом. Общаются. Стопудово Табаску вспоминают, судя по жестам.

В сторонке между офицерами и солдатами пристроились пограничники.

Эти почему-то держались обособленно, да и не признаёт их никто, никто не подходит, не жмет рук...

Скотч долго присматривался к ним. Сам не понимал — зачем?

А потом один из пограничников, сидящий спиной к основной массе народа, вдруг полуобернулся и Скотч обомлел вторично.

Потому что профиль этот не раз созерцал на последнем маршруте «Экзотик-тура», гадая: кто же ты, человек-загадка?

Семенов. Живой-живехонький, хотя Скотч пребывал в глубочайшей уверенности, что Семенов сгинул во вражеском плену. Искатели, перед тем как угодить на Табаску, накопали нечто настолько важное, что шат-тсуры не поленились направить в погоню за ними целый флот. И Семенов попал к ним в лапы одетым в искательскую униформу. Если секрет находки так важен, скелетики ни за что не выпустят информированных людей, ни живыми, ни мертвыми.

Но ведь это не кто-нибудь, а Семенов! Скотч самолично видел, как он практическими голыми руками крошил в салат скелетиков-пустотников из какого-то элитного подразделения, да и вообще показал себя сущим суперменом. Неужели сбежал?

— Хлопцы, я сейчас, — сказал Скотч соседям.

Солянка, Валти, Литтл и Цубербюллер прервали разговор, но ненадолго, всего на секунду. Глянули на выбравшегося из-за стола Скотча, провели его взглядами, а затем вернулись к воспоминаниям.

Скотч неторопливо дотопал до стола с пограничниками, обошел его и только потом в упор поглядел на того, кого принял за Семенова.

Тот о чем-то увлеченно болтал с соседом, но посторонний взгляд почувствовал практически мгновенно. Поднял голову и уставился на Скотча.

Семенов. Точно, Семенов. Тоже похудевший, но в отличие от Валти теперь выглядящий старше, чем на Табаске. И шрам на щеке появился.

Шагнув раз, другой, Скотч приблизился к самому столу. Пограничники разом умолкли и все как один сконцентрировали внимание на Скотче.

— Семенов? — неуверенно спросил Скотч.

— Что-что? — переспросил «Семенов».

Он выглядел так невинно и вопросительно, что Скотч уже готов был признать ошибку. Но лицо и глаза! Лицо и глаза Семенова! Сто процентов!

— Семенов, ты меня что, не узнаешь?

Пограничник с сомнением покосился на соседей, потом снова поглядел на Скотча.

— Я не Семенов, браток. Извини.

И тут до Скотча наконец дошло: Семенов же какой-то там спецагент-разведчик. Он вполне может быть на задании — под другой, разумеется, легендой, нежели на Табаске. По сути дела, Скотч узнал не человека, а одну из масок.

А главное — агентам после заданий вытирают память. Телесно это, возможно, тот самый Семенов, с которым плечо к плечу шли сквозь джунгли и дрались со скелетиками. А вот память у него уже другая. Все стерто: и Табаска, и Скотч, и спутники... А вместо — воспоминания о совершенно другой жизни. Или вообще черная бездонная пустота.

Скотча чуть не передернуло. Как жить с таким в душе? Ужас...

— Простите, — пробормотал он. — Я обознался...

Повернулся и быстро зашагал к своим.

— Что там? — спросил Валти, когда он вернулся к столу с приятелями.

— Да так... — вздохнул Скотч. — Показалось...

И почти мгновенно вдруг всплыло отчетливое, как видеозапись, воспоминание: Табаска, раннее-раннее утро, оглушенный и подавленный гибелью части подопечных туристов

Скотч, пехотинцы в полной боевой выкладке, офицер в чине капитана, канонир; канонир говорит Семенову: «Полковник Попов тобою очень доволен!», тихий гул зависшей поодаль платформы...

Вон он, тот самый канонир, среди пограничников, рядом с то ли Семеновым, то ли уже не Семеновым сидит...

Дьявол! Значит, это все-таки тот самый агент. Но уже в иной ипостаси. А Скотча и Табаску действительно стерли, словно решенную задачку с доски. И ничегошеньки экс-Семенов не помнит.

До времени, когда солдат попросили из столовой (именно попросили, а не скомандовали: «Выходи строиться!»), Скотч досидел как в тумане. Отрешенно слушал восклицания друзей: «Так это вы Мориту Грифона чистили? У-у-у!!!» — «Представляешь, сразу четыре парящие мины! С термовзрывателями!» — «И тут я на полной боевой кручусь на сто восемьдесят — заметь, не меняя курса! — всаживаю в него половину боекомплекта и у него взрывается реакторное кольцо! А на мне — хоть бы царапина!»

Странно, но к казармам личный состав еще не сформированной особой группы топал не строем, а стадом и (что уж вообще ни в какие ворота не лезло) прямо через плац, а не в обход, как положено. Что-то совсем офицеры об уставной жизни позабыли: ни тебе построений, ни распорядка; к обеду — водку ставят...

Неспроста этот бардак — Скотч это чувствовал. И бардак неспроста, и то, что на эту захолустную базу собирают людей, многие из которых друг с другом знакомы.

Литтл, конечно же, потащил узкий круг к себе в каптерку, продолжать, раз уж такой отпуск сам собой посреди войны случился. Скотч уже было решил выбросить из головы все размышления и впервые за много дней безбоязненно надраться с давно не виденными товарищами.

Не тут-то было. Перед самой каптеркой его перехватил «Семенов».

Сцапал за рукав и повлек в сторонку, в направлении помещения «Джи».

Между оружейкой и тумбочкой дневального на раскладном стуле сидел погранец и читал книгу. Когда «Семенов» и Скотч приблизились, он вопросительно поднял голову. «Семенов» требовательно протянул руку и ему незамедлительно метнули связку ключей. Едва дверь оружейки отворилась, зазвучал противный зуммер, от которого невольно захотелось бежать, хватать бласт и строиться. «Семенов», не особо торопясь, заблокировал сигнал (стало восхитительно тихо) и плотно притворил дверь.

Скотч огляделся. В оружейном шкафу аккуратным рядом стояли новенькие лучеметы последней разработки, чуть ниже, стопочками — батареи к ним. Батареи тоже были новые, двойной емкости. В углу штабелем громоздились ящики с непонятной цифровой маркировкой на бортах. Напротив на полочке выстроились боевые шлемы, а под ними — свернутые пустотные комплекты незнакомого Скотчу образца.

— Ты гид «Экзотик-тура» с Табаски? — спросил пограничник напористо.

— Бывший, — уточнил Скотч. — А ты все-таки Семенов? Мой турист?

— Я не Семенов. Я Мельников. Андрей Мельников. Запомни на всякий случай.

Скотч безропотно кивнул.

Семенов-Мельников выглядел спокойным, даже расслабленным.

— Тебя... Тебя опять стерли? — неуверенно спросил Скотч.

Ответа Скотч не дождался, но смущения или досады почему-то не испытал. А еще подумал, что фамилию Семенов нужно срочно забыть. Все, нет загадочного туриста Семенова, был, да весь вышел. Есть пограничник Мельников. Точка.

— Ты был в плену? — продолжил расспросы Скотч.

— Был, — невозмутимо подтвердил Мельников. — Давайка, парень, расскажи, что ты знал о Семенове.

— Семенов прибыл на Табаску по обычной гражданской путевке, — послушно принялся излагать Скотч. — Приобрели ее где-то на Бете Вуалехвоста, не знаю точнее. Целью была психореабилитация после некоего, как он сам выразился, малоуспешного задания.

Скотч говорил о Семенове в третьем лице и это оказалось неожиданно уместным и правильным. Да и легче так было — обоим.

— За ним присматривала другая туристка, Валентина Хилько. Вроде бы сотрудник того же ведомства, но по части здравоохранения. Когда началась оккупация Табаски и мне как гиду пришлось бороться за сохранение группы, Семенов несколько раз сильно помог, после чего я задал ему несколько вопросов. Наедине. Он мало что рассказал, сказал только, что работа у него особенная, навыки кое-какие имеются и в случае чего я могу на него рассчитывать. Еще сказал, что людям его профессии периодически чистят память от ненужных воспоминаний. В конце концов Семенов под видом искателя был захвачен шат-тсурами. Это все, что я знаю.

— Понятно, — кивнул Мельников. — Что же... Здравствуй во второй раз, Вадим. Извини, но я тебя действительно не помню. И ты Семенова лучше забудь. Совсем.

— Я уже забыл, — серьезно сказал Скотч, пожимая пограничнику руку.

— Мы с тобой, да и остальными участниками той заварухи, будем в одном... подразделении. Шепни им потихоньку, что Семенова нет и не было никогда. Ага? Всем — Солянке, Валти, Литтлу, Цубербюллеру.

— Шепну, — заверил Скотч, — обязательно.

— Кстати! — Мельников щелкнул пальцами и знакомо потряс кулаком, словно грозил Скотчу: — Тебе и остальным привет от Валюши Хилько и Патрис Дюэль.

— А они здесь? — изумился Скотч.

— Здесь, здесь, все здесь. Пришлось знакомиться по новой. Будешь смеяться, но и Мартина твоя здесь. И даже некая миниатюрная особа по имени Гурма Бхаго.

— У! — сказал Скотч совершенно искренне. — Ы!

— Что? — невинно поинтересовался Мельников. — Ее вживую лицезреть не довелось, но, судя по видео, оч-чень даже ничего! Прямо даже жаль, что я ее не помню. Личные коды дать?

— Давай!!! — едва не взвыл Скотч.

Засмеявшись, пограничник потянулся к браслету-коммуникатору:

— Принимай, котяра мартовский...

3

— Разрешите, господин полковник?

— Входите! — велел Попов, отрываясь от микрофильма и вынимая штекер из гнезда за ухом.

Изображение застыло над кристаллом в режиме паузы. Штекер с коротким усиком антенны и бусинкой дешифратора Попов положил на массивное основание старинной настольной лампы.

Вошли двое — одинаково бесцветные мужчины неопределенного возраста с незапоминающимися лицами. Оба были облачены в комбинезоны без знаков различия, зато с яркими трафаретами на спинах: «Хозчасть».

Полковник жестом предложил им садиться.

— Ну, — спросил он, разглядывая гостей и тихо постукивая пальцами по бархатной скатерти.

— Чисто, — сообщил один из пришедших. — Либо шат-тсуры научились подсаживать психорезиденты так умело, что мы их не можем обнаружить. Лично я в это не верю. Ни на грош.

— Я тоже, — кивнул Попов. — Но тогда почему шат-тсуры его с Фокиным отпустили? Какой в этом смысл?

Говоривший посетитель безмолвно развел руками.

Некоторое время в кабинете было тихо, только огонь потрескивал в камине — настоящий живой огонь, не какая-нибудь излучающая тепло озвученная голограмма.

— Вы знаете, что его направляют в проект на общих основаниях? — поинтересовался Попов.

— Да.

— Кстати, кто он у нас теперь?

— Андрей Анатольевич Мельников, пограничник с Белутры. Подробнее?

— Потом прочту. Мельников, стало быть...

— Мельников.

— Хорошо, Мельников так Мельников. Так вот я о чем: пограничников собираются слить с пустотниками, десантом и пехотинцами. Почти все участники наземной заварушки на Табаске соберутся в одной... роте. Мельникову неизбежно расскажут о подвигах Семенова и о том, какое отношение он сам имеет к Семенову.

— Ну и что? — возразил второй посетитель, до сих пор молчавший. — Все агенты знают о периодических коррекциях памяти. Ничего нового он все равно не выяснит. Кроме того, у многих свидетелей события уже начали тускнеть в памяти, все-таки год прошел. Да не просто год — год реальной войны.

— Правда твоя, — кивнул Попов. — Но тогда имело ли смысл чистить ему память?

— Память чистили всем, — пожал плечами второй. — Причем не ради сокрытия событий на Табаске, а ради сохранения тайны находки... Ну, вы ведь в курсе, господин полковник.

— А искатели сейчас где, выяснено?

— Выяснено. Собственно, там и выяснять было нечего: бригадир и одна научница погибли на Табаске, штурман, кадет и выжившая научница — по ту сторону коридора, на исследовательской базе.

— А я слышал, что кадет активно привлекался к полевой работе на той планетке, где обнаружили... искомое.

— Возможно. В рейды посылали наших людей и искателей с базы, парами. По крайней мере так было неделю назад.

И снова в кабинете некоторое время хозяйничало молчание.

— Что ж... — задумчиво протянул Попов. — Посмотрим. Наблюдение не снимать. Вдруг шат-тсуры все-таки научились ставить настолько изощренные психорезиденты, что их не может обнаружить даже наша аппаратура? На аллаха, как говорится, надейся, а верблюда привязывай.

— Кого привязывай? — встрепенулся первый из гостей; теперь стало ясно, что он несколько моложе спутника.

— Верблюда. Животное такое есть. Вьючное. На Земле, говорят, все еще водится.

— А, — удовлетворился ответом молодой. — Разрешите идти?

— Идите...

Когда невзрачная парочка с надписью «Хозчасть» на спинах покинула кабинет, полковник Попов некоторое время неподвижно сидел за столом, угрюмо глядя на ворс тяжелой зеленой скатерти. Скатерть эта покрывала стол последние три... или уже четыре года? Да, почти четыре.

Какое-то время спустя полковник еле слышно пробормотал: «Мельников...» и снова оцепенел. Лишь огонь тихонько потрескивал в камине, словно боялся спугнуть мысли старого контрразведчика.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ БАЗА ШАТТА-УНВЕ

Система Тсурры, империя Унве шат-тсур (формально — Система Тсурры, метрополия одноименной доминанты)

Это был тяжелый цикл — Тсурра и база Шатта-Унве совершили вокруг светила почти полный оборот. И за все это время ничего не произошло.

Ничего.

Когда Император Унве окончательно убедился, что вместо искателей на погибшей Замххад-2 захватили подставных хомо и когда персональный лидер императора с группой «Блеск» на борту неожиданно потерял парламентерский бот азанни в периферийном секторе, казалось, все рушится. Проклятые хомо сумели обмануть шат-тсуров и сохранить местоположение генератора нуль-перехода в тайне. Оставалось наудачу отслеживать перемещения поисковых баз союза и смешанных групп, куда входили как военные, так и гражданские корабли. Чтобы изучить генератор к нему нужно перебросить исследовательский модуль, причем большой модуль, а значит, хомо это непременно сделают.

Активность действительно была отмечена, причем именно в ожидаемый период. Только на след генератора шат-тсуры так и не напали.

Унве задумался: как бы поступил он сам на месте лидеров хомо? Как бы спрятал исследовательский модуль? Ответ напрашивался: модуль следовало поместить по ту сторону перехода. И изучать парный генератор, а ближний — прикрывать издалека.

Тем временем война вошла в равновесную фазу: поиски и патрулирование загрузили основную часть армады, а боевые соединения захватили столько, сколько могли удержать, и осели в охранении. Мелкие стычки и рокировки общей картины не меняли. Унве ждал начала активных действий от союзных сил, ждал массового высева генераторов, чтобы попытаться захватить хотя бы одну пару.

Тщетно. Что это могло означать?

Во-первых, что генераторы оказались для ученых союза слишком крепким орешком. Во-вторых, пресловутое захоронение, наследие исчезнувших исполинов, нужно было также отыскать, а если действующий переход на самом деле ведет в иную галактику, поиски могут занять тысячи циклов.

И если союз до сих пор не приступил к высеву генераторных пар, значит, никаких подсказок о местоположении захоронения исполины оставить не соизволили.

Можно было рискнуть, плюнуть на наблюдение и патрулирование и всей мощью имперской армады навалиться на ключевые миры четырех старших доминант, подавить их, а оставшиеся расы добивать спокойно, но по возможности быстро. Тогда даже находка и умение активировать генераторные пары союз не спасут. Нужно только действовать решительно и умело.

Император зрел к принятию этого решения последние несколько суток.

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ СИНДИКАТ-КЛАНА ВАЙРА-САУТА

Оа-Дирати (Иншуди), доминанта Оа

Зеленое солнце кому угодно могло показаться жарким, но только не оаонс-перевертышу. Соотечественники Йен-Яскера проработали метаморф-форму для Иншуди несколько тысяч циклов назад. Прогрессивный механизм охлаждения, дополнительные светофильтры на роговицу и плюмаж, слегка замедленный метаболизм, перевод почек из режима водовыделения в режим водосбережения... Тонкостей много, однако даже специалисты по метаморфозу вряд ли осмелятся утверждать, что изучили процесс всесторонне. Оаонс — раса оборотней; и хотя Творцом им дарован разум, тело во многом остается во власти инстинктов. Однако разум помогает унифицировать линейный метаморфоз, направить его по нужному пути.

Йен-Яскер начал изменять тело еще при подлете к планете, на которой появился на свет. Родовой кокон все еще хранится здесь, в его семье — женщины существа сентиментальные, особенно в отношении детей и всего, что связано с продолжением рода. Довольно долго Йен-Яскер пребывал в телесной оболочке, почти неотличимой внешне от организма хомо, представителей доминанты Земли, и скрывался за нейт-

ральным прозвищем Нути-Нагути. Пережил довольно неприятные дни на Табаске в обществе туристов-хомо, но, к счастью, подвернулся удобный случай примкнуть к союзникам, шат-тсурам. События на Табаске с самого начала представлялись Йен-Яскеру неоднозначными, и, хотя с тех пор прошел уже без малого годовой цикл Иншуди, сказать, что они проанализированы окончательно, все еще нельзя. Например, тот же разведчик хомо Семенов. Как он оказался в одной туристической группе с Йен-Яскером?

Не случайно же. Значит, разведка хомо отслеживает перемещения высокопоставленных лиц Оа? Каким образом? Йен-Яскер немедленно спланировал и провел операцию по выявлению утечки. Результаты — нулевые, что опять же наводит на определенные размышления. Больших трудов стоило убедить императора Унве отпустить захваченных лжеискателей. Интересно, Унве действительно полагает, что снятие максимально подробных ментоматриц двоих выживших землян ему чем-то поможет? Йен-Яскер сомневался. Еще больших трудов стоило убедить императора не имплантировать лжеискателям маячков.

Его план был куда тоньше и строился не на слепом поклонении технике, которым, увы, грешат союзники шат-тсуры, а на психологии хомо и жизненном опыте долгожителя. И сейчас Йен-Яскер ждал завершения ключевого этапа по воплощению своего плана в жизнь. Каковы на самом деле возможности разведки Оа, неизвестно никому в галактике, кроме руководителей самых влиятельных кланов синдиката. Долгожители могут себе позволить не торопиться и осуществлять отточенные в размышлениях интриги и десятками циклов, и даже сотнями.

Вот и сейчас Йен-Яскер не нервничал и не глядел то и дело на часы, как поступил бы на его месте шат-тсур или тот же хомо. Он сидел в приемной беседке и любовался маревом над серыми песками. Дюны цепочкой вставали за оградой резиденции. Йен-Яскер пил подогретый чай (редкий случай позитивного вклада людей в культуру межзвездного сообщества) и в который раз неторопливо перебирал в памяти факты и мысли, выстраивая их то так, то эдак.

Агент явился лишь ближе к вечеру́, и к моменту его появления Йен-Яскер так ни разу и не взглянул на часы. Слуга дважды приносил свежезаваренный чай и убирал пустую посуду, а Йен-Яскер так и сидел, любуясь дюнами и маревом над песками. Наконец доложили, что агент прибыл.

Вошел Йен-Ридт. Старший сын. Воплощение отцовских надежд и один из лучших оперативников резидентуры. Выглядел он уставшим; следы недавнего взрывного метаморфоза все еще явственно просматривались на его теле. Сын до сих пор был неприятно похож на хомо, хотя уж кому-кому, а Йен-Яскеру вроде бы не привыкать к облику землян.

— Садись, — велел Йен-Яскер и пододвинул ближе к сыну сосуд с чаем и чистую чашу; слуга только-только ополоснул ее кипятком.

Йен-Ридт с готовностью опустился на подвес и скрестил ноги. С нескрываемым удовольствием отведал чаю, поднял глаза на отца.

Впрочем, нет: в данном случае скорее на шефа, а не на отца.

— Ну? — позволил говорить Йен-Яскер.

— Записи удалось раздобыть только на одного — того, которого на Табаске звали Семенов. С ними все в порядке... почти.

Йен-Ридт, или как чаще его называли друзья и коллеги — Рин-Риду, вынул из скрытой полости в теле плоскую кассету с мнемокристаллами.

— Двадцать три записи, включая базовую. Мы сумели прочесть двадцать две. Одна, увы, была с дополнительной защитой. Насколько я могу судить, та, которая относится к периоду обучения в разведшколе. Данные утрачены безвозвратно. Остальные читаются, копии я оставил в лабораторном архиве, как ты и велел.

— Хм! Дополнительная защита? Интересно, с чего бы? Впрочем, понятно с чего: хомо берегут методики обучения. Ручаюсь, что эта запись единственная находилась в кассете не по хронологии и под ложным ярлыком. Так?

— Откуда ты знаешь? — Рин-Риду смешно двинул кожей над глазами, хотя никакого подобия человеческих бровей у него уже не просматривалось. — Именно так. Она стояла че-

тырнадцатой, хотя маркирована как «ноль-бис». Первые пять мы проверяли по полной программе, базовую — нулевую — и первые четыре задания, остальные — только по входной маркировке. На этой первичная маркировка была обычная, вплоть до молекулярных меток, а защита стояла по низкому уровню, от двухпарольного считывания. Требовались дополнительные пароли, которых, впрочем, у нас все равно не было. Мы не сумели бы вскрыть запись и обойти защиту, даже если бы знали о ней.

— Этих паролей в общем хранилище скорее всего нет и никогда не было, — пояснил Йен-Яскер. — Если нужно восстановить память за тот период, прибывает специалист непосредственно из разведшколы. С паролями. И вводит их самостоятельно, не открывая мнемоникам хранилища. По крайней мере я бы поступал именно так.

Рид-Рину отпил еще чаю, ожидая распоряжений шефа.

— Ладно, сын, ты хорошо поработал. Кого-нибудь потерял?

— Двоих из прикрытия. Так было надо.

— Что ж... Вполне приемлемая для клана цена. Иди отдыхай. О записях я позабочусь сам.

Йен-Ридт уважительно наклонился и встал с подвеса.

— Мама здесь?

— Здесь. Хочешь ее увидеть?

— Да.

— Похвально. Ступай. Она спрашивала о тебе утром.

Снова наклонившись, Йен-Ридт покинул беседку. А глава резидентуры притронулся к кассете с кристаллами лишь после того, как опустел сосуд с чаем.

ШТАБ ФЛОТА ПРИКРЫТИЯ «КВАЗАР»

Галактика-2, окрестности финишного створа генератора нуль-коридора

— Все равно, — проворчал Раджабов. — Здесь все чужое. Звезды — чужие, их из Солнечной не видно.

— Из Солнечной много чего не видно! — Маримуца пожал плечами. — В нашей галактике миллиарды звезд. Большую их часть из Солнечной не видно. Так что ж теперь?

— Я не о том. — Раджабов поморщился и несколько секунд размышлял, прежде чем развить мысль. — Пусть их не видно глазом. Но ведь всегда знаешь хотя бы, в какой стороне они находятся. А где мы сейчас? Куда моей маме глядеть, чтобы пожелать сыну удачи? Где сейчас Солнечная — ты можешь показать? Мы словно в преисподнюю провалились, когда прошли нуль-коридором. Перестань он действовать — мы ведь так никогда и не узнаем, как далеко забрались от Солнечной и где искать нашу родную галактику на этом чужом небе...

— А зачем тебе это знать? — недоуменно протянул Маримуца. — Коридор работает миллионы лет. С какой стати ему ломаться? И вообще, что ты заладил: неизвестно где, неизвестно где... На кой ляд знать, в какой сектор здешнего неба тыкать пальцем, если для возвращения все равно нужно идти в сторону коридора?

Раджабов протяжно вздохнул:

— Ничего ты не понимаешь, Дари! Человек потому и человек, что родину любит. Если мне грустно и тоскливо, я могу отыскать среди тысяч звезд одну маленькую и слабенькую звездочку, но я знаю, что это наше Солнце, я гляжу на него — и мне становится легче. Если Солнца не видно, я просто гляжу в небо и знаю, что там, за килоунами пустоты, по ту сторону сияния каких-нибудь чужих цефеид оно все равно есть, родное наше Солнышко. И мне снова легче. Понимаешь?

— Нет, — буркнул Маримуца сердито. — Что-то тебя, Рафик, пробило на ностальгию. Ты сколько в космосе?

— Двенадцать лет, — признался Раджабов.

— А, — понимающе кивнул Маримуца. — Кризис первой дюжины. Не переживай, через пару лет пройдет.

— Да ну тебя. — Раджабов говорил тихо и беззлобно. — Я не хочу терять корни.

— А ты их и не теряешь. В доминанте Земли большинство людей никогда не видело нашего Солнца. И родиной считает совсем другие миры. Вот я, к примеру: я ведь родился на Офелии. А в Солнечную попал по чистой случайности — бате выгодную работу предложили, вот всей семьей и переехали. Мне два года всего было. Не получи батя эту работу, я бы считал родиной Офелию, а не Солнечную. И вообще, я думаю, что раз уж галакты приняли нас как равных, надо и самим становиться галактами. Наша родина — космос. Теперь уже даже не только изначальная галактика. Вот тут наш дом и есть, понимаешь? Наш дом — везде, куда дотянут икс-приводы.

— Сюда они не дотянут...

— ...а теперь — не только икс-приводы, но и нуль-коридоры, — невозмутимо поправился Маримуца. — В общем, не ной, Рафик, какая разница — видно Солнце, не видно? Оно есть, и ты это знаешь. Вот и грейся знанием. Знание — свет, знание — сила, понял?

Раджабов не ответил. Он глядел на экран, где чужие звезды складывались в чужие созвездия. Где в кромешной пустоте незримым пятном лежал финишный створ нуль-коридора.

— Кстати. — Маримуца поглядел на часы. — Сейчас должен транспорт пройти. Минут через пять. Давай-ка запросы...

Унтер Раджабов потянулся к пульту мгновенной почты.

Теоретически мгновенная почта могла бы работать и напрямую, но между родной галактикой и галактикой-2 не были описаны промежуточные гравитационные очаги, а стало быть, невозможно было выстроить корректный роутинг м-потока. Союз решил эту проблему посредством двух ретрансляторов вблизи стартового и финишного створов коридора. Правда, пришлось ставить еще и целую сеть ложных, «шумовых» ретрансляторов: хоть и ничтожен был шанс засечения м-потока противником, он все-таки существовал.

— Экспедиционный бот свайгов, — сообщил Раджабов спустя пару минут. — Водолазы. Ишь ты, видать, находочка наша затонула...

— Ты бы помалкивал, а, Рафик? — укоризненно посоветовал Маримуца. — Ну его... Раз в году и мгновенка подслушивает. Оно тебе надо?

— Ладно, ладно, — фыркнул Раджабов. — Дурацкая ситуация. Все всё знают, но делают вид, что ничего такого не происходит. Не люблю.

— Не люби, никто не просит, — отозвался офицер. — Однако предписания изволь выполнять. Давно, блин, небо в алмазах не видел? Так можно устроить!

Рафик усмехнулся, но ответить не успел: на контрольном экране из финишного створа показался нос экспедиционного модуля.

Как и многие корабли постройки свайгов, модуль имел стремительные обтекаемые очертания и стремился к классической форме наконечника копья. Почему-то раса разумных рептилий сочла эту форму наиболее целесообразной для большинства некрупных кораблей. Огромные крейсеры свайгов обыкновенно имели форму тора — эдакие исполинские бублики. А вот малые — почти всегда как этот модуль.

Он вырастал из пустоты — стремительно и неудержимо.

В реальности проход коридора осуществлялся за доли секунды. Но на экраны выводилась замедленная запись. Зачем это делалось, никто толком не знал. Возможно, чтобы визуально контролировать проход и быть уверенным, что нежелательных хвостов никто не притащил.

Модуль давно уже проскользнул в пределы галактики-2 и удалился от финишного створа на несколько тысяч килоун, а Маримуца, Раджабов и остальные вахтенные следящей все еще созерцали его проход коридором.

Погасив паразитный дрейф, модуль переориентировался, обменялся с флагманом прикрытия несколькими депешами и минут через пятнадцать ушел в пульсацию.

— К Тахиру небось, — вздохнул Раджабов, но, перехватив сердитый взгляд капитана Маримуцы, торопливо добавил: — Все, молчу, молчу!

Маримуца только досадливо покачал головой.

До окончания вахты оставалось около получаса.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОДУЛЬ СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

Саня в последний раз проверил готовность комплекта, запахнул длинный плащ и уселся в нишу. Тут же отстрелились ремни; Саня распутал их и тщательно пристегнулся.

Правильно. Планета обитаемая. Местные летательные аппараты уже дважды пускались преследовать искательские боты, невзирая на работающую маскировку. Радиолокация, применяемая аборигенами, вообще-то не могла помочь в обнаружении ботов. Каким образом пилоты умудрялись отслеживать незваных гостей Тахира-четыре, искатели тщились понять вот уже который день.

В соседних нишах располагалась группа свайгов — из положения сидя Сане они представлялись буро-зелеными бурдюками. Одежды на них был самый минимум, да и ту свайги носили в основном из-за кобур и карманов под инструмент и приборы. На Санин плащ свайги с первого же выхода неодобрительно косились, да и не только они. Абсолют тоже встретил нештатную одежду бригадира критическим взглядом, но ни слова против в итоге не сказал. А

Сане плащ нравился: во-первых, не так жарко, во-вторых, лучемет не видно, ну и в-третьих, недолюбливал Саня новомодные методы маскировки — ну их эти голографические проекции... Куда надежнее старый добрый плащ-обманка, могущий притвориться камнем, лужей, кустом, кучей земли.

— Капсула, готовы? — проскрипел автомат-переводчик. Спрашивал свайг-инженер, ведающий отстрелом разведкапсул.

Свайги-искатели коротко просигналили гребнями.

— Готовы, — отозвался Саня.

— Даю старт!

Перегрузка при отстреле была минимальная, Саня ее не заметил, знал только, что она длится микросекунды, а потом компенсируется системой искусственной гравитации капсулы.

— Поехали, — пробормотал Саня традиционную фразу.

Говорят, это «Поехали!» ввел в обиход первый землянин, побывавший в космосе. Почему-то традицию нынче поддерживали в основном искатели: перед каждым поиском старший по должности бормотал это заклинание себе под нос; считалось, что после этого поиск не может закончиться неудачей. Не в смысле гарантированных сногсшибательных находок, а в смысле предотвращения нежелательных аварий, происшествий, травм. Скажешь: «Поехали!» в момент отстрела, и считай все это искательской команде не страшно.

Капсула углублялась в атмосферу Тахира-четыре. Насколько объединенная команда модуля успела выяснить, планета пребывала на стадии первичного освоения собственной солнечной системы. Политически планета делилась более чем на две сотни государств, достаточно сильно разнящихся по уровню технологического развития. Государства пребывали в довольно напряженном соперничестве друг с другом, а область, где было обнаружено захоронение предтеч-исполинов, как раз располагалась в приграничной зоне. А границы государствами охранялись весьма ревностно.

Все это, разумеется, не способствовало скорейшему освоению захоронения. На маскировку и прикрытие исследова-

ний уходило едва ли не больше сил, средств и времени, чем на изыскания. Хорошо еще, что Саня быстро принял неочевидное для многих решение: привлек к работе свайгов, для которых водная стихия была столь же привычной, как и воздушная. И впрямь: водолазов лучше, чем свайги, в союзе пришлось бы еще поискать. В итоге основную часть рутинной поисковой работы взяли на себя гребенчатые союзнички; Саня же сотоварищи осуществлял общее управление, обеспечивал связь, проводил первичную обработку собранных данных, координировал усилия различных подразделений.

Неожиданно для самого Сани бригадирская работа далась ему без особых трудов. Возможно, влияло постоянное присутствие Абсолюта — Веселов нисколько не сомневался, что, если сдуру он совершит что-либо не то, его мягко поправят. Здорово помогали советами старички и просто бывалые искатели — начиная от Васи Шулейко и заканчивая Гелием Мостом. С подчиненными у Сани сложились ровные и вполне перспективные отношения, потому что начальника из себя Веселов не строил, если чего не знал — спрашивал не стесняясь, пахал наравне со всеми, да и вообще не слишком тяготился бригадирской ответственностью.

А главное — он любил эту работу. Особенно такую, когда не приходится тыняться в заведомо пустом секторе поиска, уныло глядеть на дремлющий локатор и совершенно точно знать, что сегодня, и завтра, и послезавтра, и впредь ты ничегошеньки не выловишь из выделенного тебе сектора, равно как и вчера, и позавчера, и неделю назад. Поиск в живом и населенном мире — что может быть интереснее? Планируешь очередную вылазку, а наблюдатели сообщают, что в означенном квадрате обнаружены аж четыре аборигенных судна, все неизвестного типа, что разведчик-автомат расстрелян на пролете замаскированным спутником, что разрушенный намедни фиксатор второй капсулы, оказывается, пострадал не от внезапной коррозии, а от местных микроорганизмов, и что Ринат Файзуллин на самом деле не упился вчера до чертиков, а поразила его злая аллергия.

В общем, скучать не приходилось.

— Что там за корабли в зоне, а, командир? — спросил из ниши один из свайгов-водолазов.

— Не знаю пока, — вздохнул Саня. — Думаю, рыбаки. Кто там еще может болтаться?

Свайг не ответил. Свайги вообще не любили домыслов и догадок — предпочитали информацию проверенную и подтвержденную документально. Если таковая отсутствовала — детально разбирались на месте.

В принципе похвальное качество. Работать со свайгами тоже оказалось интересно, а главное — такое сотрудничество давало прекрасные результаты.

Саня покосился на экран, на котором отображались корабли аборигенов.

«Что-то не похожи они на рыбаков, — подумал Саня озабоченно. — Скорее на военных похожи. Очертания какие-то... хищные».

Капсула тем временем нырнула в море; свайги стали готовиться к выходу. Вода в океане была слишком жесткая для их чувствительной кожи, поэтому приходилось либо защищаться перепонкой, либо ограничивать время рейдов. Второе никому не нравилось: ни Сане, ни Абсолюту, ни самим свайгам. Но перепонка-скафандр лишала свайгов одного из органов чувств, образования вроде боковой линии земных рыб. Без этого ориентироваться в воде свайгам было заметно труднее. Поэтому они натирались специальной мазью из каких-то своих специальных водорослей, а перепонку периодически отключали.

— Водолазы пошли! — сообщил старший из галактов.

Саня представил, как зеленоватые туши рептилий-союзников, окутанные шлейфами пузырьков, выстреливаются из кессонов; от кажущейся неуклюжести и грузности не остается и следа: в воде свайги удивительно подвижны и грациозны. Саня когда-то видел тюленей в родной стихии — очень похоже.

Свайги трудились двумя группами: одна разведывала и наносила на карту границы захоронения, вторая собирала бурильщиков-пескоедов для работы под грунтом. Именно эта

группа подала сигнал тревоги уже через полчаса после начала работ.

Саня, изучавший снимки близкого берега, оторвался от визора.

Свайги-техники встревоженно копошились у стоек с аппаратурой поддержки.

— Группа атакована! — пробулькал один из них.

— Какая? — растерянно спросил Саня. — Разведчики или бурильщики?

— Бурильщики. Они бросили пескоедов и спасаются бегством.

— Уточнить место на карте! Разведгруппе — немедленный возврат, по возможности подальше от места атаки! Эберхартера на связь!

— Я слушаю.

— Что делать? Полагаю, с этой минуты командование лучше осуществлять вам.

— Первым делом — не паниковать, — спокойствие майора начало передаваться даже свайгам. — Водолазам поставить перепонки — они по идее выстрел из бласта держат — и быть внимательнее. Не лезть на рожон. Возвращаться по пеленгам. Капсуле также поставить камуфляж и быть в любой момент готовой к старту.

— Корабли аборигенов взяли курс на капсулу, — доложил наблюдатель.

— Надеюсь, погружаться они не в состоянии, — проворчал Вася Шулейко, зыркая на экраны.

— Зря надеешься. — Наблюдатель ничем не мог успокоить. — Вижу два подводных корабля. Идут сюда же.

Капсула, ведомая хитроумными азанни, совершила ряд сложных эволюций. Но аборигенов провести не удалось, они практически сразу же подкорректировали курс.

— Дьявол! — в сердцах выругался Саня. — Мы не можем всплыть, не подобрав водолазов!

— Мы на подходе, — невозмутимо сообщил Эберхартер. — Покрутитесь еще минут десять и с кораблями мы разберемся.

Наблюдатель не замедлил вывести зенитное сканирование на обзорник; искатели с немалым облегчением увидели чет-

верку боевых атмосферных кораблей-штурмовиков, с одинаковым успехом способных сражаться в атмосферах любой плотности. Бывают ведь планеты с атмосферами плотнее воды.

Вскоре вернулся первый водолаз; выглядел он испуганным, гребень прижат. На боку, как раз под левой рукой, застывал ком лечебного коллоида — значит, свайга ранили под водой.

— Кто это был? — немедленно принялся выдавливать информацию Саня.

Раненый свайг, по-прежнему прижимая гребень, ответил:

— Аборигены в костюмах для подводного плавания. Вооружены гарпунными метателями. В меня попали. Да Нуш тоже ранен, его, по-моему, унесли бурильщики, но я не уверен, нас как раз разделили, пришлось рассеиваться.

— Дьявол, — снова пробормотал Саня. — Ну где ж ты, майор?

Словно услышав его, штурмовики вывалились в небо над кораблями аборигенов, построились ромбом, зашли на цели и дали первый залп.

Эберхартер не собирался быть гуманным или справедливым. Он собирался спасти разведгруппу. Любой ценой и за максимально короткое время.

Атака штурмовиков была ужасна, даже с точки зрения повидавшего боев Сани Веселова. Величавые морские суда серостального цвета вдруг вспухали где-то под надстройками черно-алыми дымными клубами, некоторое время были даже видны хаотично и беспокойно мечущиеся по палубам и трапам моряки. А потом корабли просто разваливались на части и шли ко дну. В считанные минуты группа прикрытия потопила все суда аборигенов — все до единого. Для этого асамазанни и канонирам Эберхартера понадобилось всего два захода. Потом четверка штурмовиков ушла под воду. Тут все разворачивалось несколько медленнее, нежели наверху, хотя крупных целей под поверхностью океана обнаружилось всего две. Строй при атаке азанни-пилоты изменили; канонирам же было все равно, в кого и из какого строя стрелять.

Подводным судам повезло еще меньше, чем их собратьям на поверхности.

Выстрелы штурмовиков сопровождались белесыми шлейфами, взрывы были темно-багровыми и распад корпуса на отдельные части следовал почти мгновенно за первым же взрывом, так что последующие попадания терзали уже не целый корабль, а отдельные обломки. Вряд ли там кто-либо выжил. Кроме того, взрывная волна умертвила и вражеских водолазов-одиночек — они всплывали на поверхность безжизненными комками кровоточащей плоти вперемежку с пластиком и резиной. Всплыли и свайги, но эти хотя бы находились под защитой пустотных комплектов, в пузыре незримой, но несокрушимой силовой перепонки.

Капсула подобрала свайгов минут за десять. Один водолаз был мертв. Остальные пребывали в разных степенях оглушения: по-видимому, аборигены пытались захватить их живьем, но не успели.

— Капсула! Как там вы? — возник на связи Эберхартер.

— Подобрали всех, — мрачно отозвался Саня. — Есть один труп.

— Поднимайтесь на орбиту, — посоветовал майор.

Можно подумать, что у Сани имелась какая-нибудь альтернатива!

«Как все бездарно! — подумал он. — Бездарно и тупо. Почему Абсолют велел оставить штурмовики в стратосфере? Чтобы не привлекать лишнего внимания? Нечего сказать, не привлекли... Но реакция аборигенов по всем раскладам невероятно быстра! Как они, черт возьми, вычислили нас? Где хваленый камуфляж? Где поглотители излучений? Бардак... Везде бардак!!!»

2

В принципе Саня подозревал, что его как старшего выдернут, что называется, на ковер и состоится подробный и вряд ли приятный разбор полетов. То бишь последнего рейда. Поэтому вызову в пресловутую хозчасть ничуть не удивился.

Однако действительность превзошла все мыслимые и немыслимые ожидания.

Впрочем, началось все достаточно буднично: в каюту постучался один из лбов Абсолюта и негромко сообщил, что Саню ждут на совещании.

К тому, что Абсолют и его развеселая компания игнорируют внутреннюю связь и предпочитают обмениваться информацией через вестовых, Саня уже привык, хотя и считал это морально — блажью, а по содержанию — пережитком каменного века. Но Саниного мнения никто не спрашивал, приходилось мириться.

— Иду, — буркнул Саня и потянулся за комбинезоном. Вестовой тактично слинял за дверь и принялся ждать в коридоре.

Миновав все препоны перед хозчастью, в число которых теперь входил и вооруженный пост, Саня вслед за вестовым вошел в зал совещаний.

И оторопел. Помимо Абсолюта в зале собралось очень много народу, весьма разношерстного. Десятка два людей, трое азанни, четверо свайгов и парочка цоофт, в одном из которых Саня узнал начальника исследовательской базы Онзулиламая.

Долго торчать в дверях Сане не дали, подтолкнули в спину к свободному креслу за громадным столом, который людям показался бы, пожалуй, низковатым.

— Добрый день, — поздоровался Саня на интере.

Ему никто не ответил. В зале продолжала висеть гнетущая тишина. Саня сел, недоверчиво зыркая направо-налево.

Теперь он заметил, что в сторонке пристроилось несколько а'йешей, незамеченных ранее.

— Добрый день, Александр, — сказал вдруг один из людей, сухопарый лысый старик в старомодных очках. Очки были без диоптрий, просто затененные. — Коллеги, это он. Бригадир искателей, руководитель разведработ на Тахире. Человек, обнаруживший генератор нуль-коридора и независимо предсказавший местонахождение захоронения.

Саня почувствовал себя лабораторным образцом под пристальным взглядом исследователя-исполина. Это было неприятно и тягостно. Но уж лучше окуляр микроскопа, нежели скальпель, попытался успокоить себя Саня.

Нужно было что-то сделать. Как-то отреагировать на представление очкастого. Поэтому Саня привстал и кивнул головой — ничего умнее придумать не удалось.

— Скажите, Александр, — продолжал тем временем очкастый, — вы не чувствуете в себе каких-либо изменений? За последний год?

— Изменений? — тупо переспросил Саня и покраснел от досады на собственную недогадливость и скудоумие. Ведь намекает же очкастый на что-то, однозначно намекает. Но на что?

— Бригадиром вот недавно сделали, — пробормотал он через несколько секунд. — Не понимаю почему.

— Не понимаете?

— Не понимаю, — беспомощно признался Саня под прицелом десятков обращенных к нему взглядов.

— Мы теряем время, коллеги, — пробасил самый крупный из свайгов, одновременно разворачивая потрясающе красивый гребень на голове. — Предлагаю рассказать ему.

— Поддерживаю, — скрипнул цоофт Онзулиламай, начальник базы.

— Мы тоже за то, чтобы рассказать, — подал голос предводитель азанни.

А'йеши почему-то отмолчались.

— Ну что ж... — вздохнул очкастый. — Алексис, прошу вас.

Человек рядом с очкастым встрепенулся, погладил браслет на руке, словно освежал в памяти какие-то документы, и попытался встать.

— Можно сидя, — сказал очкастый. — К чему официоз?

Саня заметил, что у него за ухом имеется не то нейродатчик, не то универсальный разъем. Дорогая штука, тонкая. Мало кто может себе позволить подобное. Саня пока не мог.

Тот, которого назвали Алексисом, поерзал в кресле, откашлялся и начал:

— Для тех кто не знает: я здесь представляю земной филиал Фонда единого знания. Инспектор Алексис Мауро Брита. Полагаю, что все собравшиеся уже в курсе того, что я сейчас намереваюсь изложить, кроме, собственно, Александра Весе-

лова. Поэтому заранее прошу прощения, если мой рассказ покажется вам скучным или неинтересным.

Мауро Брита сделал паузу, после чего взглянул Сане в лицо.

— Вы, Александр, были одним из первых, кто прошел обнаруженным вами же нуль-коридором...

— Ну, если говорить совсем точно, то первыми были Тахир Плужник и Регина Фрейман, — поправил Саня. — Но они погибли на Табаске. Остальные участники рейда прошли коридором примерно пятнадцатью минутами позже.

— Спасибо, мне и моим коллегам это известно, — невозмутимо отозвался Мауро Брита. — Однако ваша персона в данный момент интересует нас куда больше, чем остальные первопроходцы, как погибшие, так и выжившие. И вот почему.

Сто семнадцать дней назад многие жители Земли и некоторых жилых спутников могли наблюдать странный атмосферный феномен. Выглядел он вот так.

Коснувшись браслета, Мауро Брита вывел в объем изображение. Вывел так, чтобы смотреть было удобно в основном Сане.

Голограмма походила бы на обычный городской пейзаж, снятый в произвольном людском мегаполисе: громады небоскребов, рекламные сполохи, деревья в парке, набережная, закат над рекой. Прохожие. И надо всем этим в небе — лицо Сани Веселова. Прозрачное, но видимое совершенно четко. Лицо в небе делало изображение похожим на обложку фильма или книги. Или на творение непритязательного художника-коллажиста. Состряпать такую голограмму из пары обычных снимков смог бы любой школьник.

— Изображение воочию видели тысячи жителей Волинска; кроме того, оно было заснято и показано в новостях по всей Солнечной системе и много где по доминанте Земли. Оно появлялось дважды (второй раз примерно через четверо суток), оба раза на час сорок семь минут с секундами, после чего бесследно исчезало. Исследования ничего не дали: научники твердят что-то о сложнейшей системе атмосферных линз и

дружно уверяют, что существование такой системы невозможно в принципе. Знакомые узнавали вас, Александр. Нам и коллегам (вежливый кивок в сторону очкастого) даже пришлось распустить немало слухов о том, что родственники примерно двух сотен человек также признали в небесном лике кого-то определенного. А теперь взгляните еще на один снимок. — Мауро Брита коснулся браслета. В объеме появился продолговатый цилиндр, в котором Саня без труда узнал генератор нуль-коридора. Он был странно подсвечен и виден совершенно отчетливо. — Глядите внимательно.

Масштаб укрупнился; на левом от Сани краю цилиндра медленно проступило опять же его лицо, словно выточенное из аспидно-черного камня и вправленное в темно-серую обшивку генератора.

— Ваше изображение выглядит объемным, но на самом деле это голограмма, поверхность генератора остается абсолютно гладкой, как и раньше. Судя по рабочим журналам исследовательских групп, появилось оно позже первого атмосферного феномена над Волинском, но однозначно раньше второго. Точное время и сам процесс возникновения голограммы, к сожалению, не зафиксировал никто.

Саня тупо глядел в видеокуб. Происходящее казалось ему не то сном, не то неумелым розыгрышем. Портреты, голограммы, невозможные системы атмосферных линз...

Бред.

— Откровенно говоря, ни один из экспертов не сумел выдвинуть сколько-нибудь осмысленной гипотезы по поводу всего вышеизложенного, — продолжал Мауро Брита. — Несомненно только одно: между вами, Александр, и генератором нуль-коридора установилась какая-то, пока необъяснимая, связь. Как долго она существует, почему возникла, к чему в конце концов приведет — на эти вопросы пока нет ответов. Наиболее здравым пока остается предположение, что исчезнувшие исполины пытаются что-то втолковать нам, нашедшим их изделие. Но что именно?

— Скажите, — спросил вдруг Саня. — А на каком из генераторов появилось мое... изображение? Генераторов ведь два.

— На стартовом. Том, что находится в нашей галактике. Том самом, который вы нашли около года назад.

Секунд двадцать Саня пытался заставить себя думать. Однако мысли в голову лезли самые дурацкие. Например, он подумал, не проявится ли на парном генераторе, финишном, его затылок. Или того хуже — задница.

Затем Саня представил в небе над Волинском исполинскую задницу и ему стало совсем тоскливо.

Неизвестно, до чего бы он в итоге додумался: очкастому явно поступила какая-то новая информация, и Саня отвлекся от бесплодных фантазий. Очкастый с полминуты колдовал над браслетом, потом вставил за ухо иглу транслятора.

«Все-таки разъем», — шевельнулась у Сани одинокая мысль.

А потом очкастый спокойно и очень буднично объявил:

— Коллеги! Пришло сообщение по мгновенной. Над городком Штефан чел Маре, Офелия, имеет место странный атмосферный феномен. Никому это лицо не знакомо?

Над столом возник очередной видеокуб, но в отличие от предыдущих он медленно вращался, дабы все собравшиеся могли взглянуть на содержимое.

Характерный для Офелии синеватый дневной цвет лился на сплошную зелень небольшого городка. Повсюду рос виноград — обычное для Офелии дело, на винограде там просто помешаны. Темно-синее небо, потрясающе красивые облака. И лицо на фоне неба.

— Мне! Мне знакомо! — вырвалось у Сани.

Не то чтобы он пытался что-либо скрыть, но не сдержался — нет. Просто Александр Веселов временно ошалел и утратил обычный стопроцентный контроль над собой. Поплыл по течению, словно управлял его телом и мыслями кто-то другой.

Три десятка разумных существ нескольких рас из высших внимали ему, гостю на этом совещании. Гостю и одновременно экспонату.

— Это лейтенант военно-космических сил Солнечной системы Дариуш Маримуца. Именно он вывез нас с Табаски на парламентерском боте.

3

— Разрешите, господин полковник?

— Входите, Райд. Садитесь.

Райд вошел. На нем, разумеется, был надет комбинезон с трафаретом «Хозчасть» на спине. Промаршировав по ковру, он присел на краешек кресла и сразу начал говорить, словно продолжая недавно прерванный доклад:

— Это действительно Дариуш Маримуца, теперь уже капитан военно-космических сил Солнечной, флот «Евразия». Долгое время служил на патрульно-разведывательном мониторе «Ракша»; участвовал в интересующих нас событиях на Табаске — командовал парламентерским ботом лидера азанни, на котором были вывезены искатели Веселов, Шулейко и Фрейман, а также персонал базы «Экзотик-тура» и выжившие туристы. В момент первого появления бота у Росса-сто двадцать восемь Маримуца как раз находился на вахте; впоследствии получил приказ сопроводить бот на Ухту, это третья планета Пронга-тридцать. Насколько мне удалось выяснить, бот просто пытались отослать подальше, дабы отвлечь внимание имперцев. Цель — Ухта — была выбрана стандартным методом, по месячной сетке и суточной таблице, я лично проверил. Искатели же с «Шустера» семьдесят пятого к Пронгу-тридцать попали совершенно случайно. Когда командование «Евразии» осознало, куда именно отправился парламентерский бот, было принято решение перебросить его с Ухты на Табаску, полагаю исключительно для того, чтобы поводить за нос имперцев. Ну а там уже сложилось так, что удобнее транспорта для эвакуации не нашлось. В проект «Квазар» Маримуца привлечен с самого начала; служит в штабе флота прикрытия командиром роты наблюдателей, равно как и его напарник по одиссее на Табаске Рахмансулла Раджабов, прежде — унтер, нынче — флаг-лейтенант. Невзирая на звание, Маримуца лично несет вахты. Ничего необычного за минувший год за ним не замечено, в проект угодил в рамках первичного отсева по уровню информированности, каковая у него, сами понимаете, равняется десятке.

Теперь касательно связи с Офелией, господин полковник. Маримуца действительно родился на Офелии, именно в поселке Штефан чел Маре, хотя его семья вообще-то проживала в столице. В возрасте двух лет вместе с семьей переехал на Венеру, там вырос, учился. Далее — военно-космическая академия, звание лейтенанта и назначение во флот «Евразия». За четыре года службы имел ряд поощрений и благодарностей и четыре взыскания, все за сущие мелочи вроде пива на вахте или опоздания из отпуска на пару часов. После возвращения с Табаски получил чин капитана и сразу же был отобран в проект.

Райд сделал короткую паузу и добавил:

— У меня все.

Попов в задумчивости водил пальцами по скатерти. Толстая темно-зеленая материя была приятной на ощупь. Казалось, что прикосновения к ней привносят в мышление особенную ясность, плохо достижимую иными методами.

— Почему Маримуца родился в Штефан чел Маре, если семья жила в столице? — спросил Попов наконец.

— Отпуск, преждевременные роды, — лаконично пояснил Райд.

— Почему именно Штефан чел Маре, а не, скажем, Лазурный Шепот?

— Дело зимой было, господин полковник. Не сезон для Лазурного Шепота. Собственно, Маримуца-старший снял коттедж с камином, баром и прочими прелестями, дабы отметить Новый год с женой и старшей дочерью.

Попов одобрительно покивал.

— Понятно. Ты выяснил, где пребывают остальные участники событий на Табаске? Особенно сотрудники «Экзотиктура», туристы и военные?

— Выяснил, господин полковник. Вот список, всего сорок два человека, включая пилотов десантного корабля, который высаживал Эберхартера с его взводом. Большинство прибывает завтра, в составе сводной боевой группы с «Флажолета». Вылетели они четыре дня назад, идут сложным пунктиром к стартовому створу. Кстати, Эберхартер неделю назад тоже побывал на «Флажолете», искателей Веселова эти дни

прикрывал его зам, сержант Биринделли. Но во время вчерашнего инцидента на Тахире командовал уже Эберхартер.

— На генераторе лицо уже проявилось?

— Пока нет, господин полковник. Но некоторые изменения видны. Рядом с портретом Веселова наметилось темное пятно. Полагаю, портрет Маримуцы проявится уже в ближайшие часы. Второй генератор, у финишного створа, без изменений.

— Н-да, — вздохнул Попов. — Кто б объяснил, что означают шоу в атмосфере и портреты на этой чертовой каменюке...

Райд тактично промолчал. Похоже, он уже и сам был не рад, что приходится вникать в суть столь нелепых и загадочных событий.

— Кто занимался архивами по вопросу артефактов? Кто-нибудь из твоих?

— Да, Бергрунд.

— Накопал что-нибудь?

— Насколько мне известно — ничего сколько-нибудь интересного. Во всяком случае, он доложил только об одном случае, да и то связь представляется мне сомнительной. Дело о саркофаге и череде загадочных смертей. История сама по себе странная, но усматривать в смертях влияние артефакта на окружающих его людей... Я бы не рискнул, слишком много натяжек. К тому же не все погибшие рядом с саркофагом были людьми. Только пятеро из семи.

— А остальные двое кто?

— Шат-тсур и перевертыш.

— Хм. — Попов нахмурил брови. — Имперцы то бишь. Впрочем, тогда никакой империи, понятно, еще не было. Но фактик интересный, не находишь? У нас всего две расы в противниках и как раз их представители замешаны в истории с саркофагом.

— Но остальные-то пятеро — люди. Господин полковник, по-моему, все это несущественно. Влияние саркофага на окружающих его разумных не доказано. Что же касается остальных артефактов, о которых известно более или менее широко, — все они не более чем предметы. Назначение их далеко

не всегда ясно, но вмешиваться в судьбы людей или инопланетян они явно не в состоянии.

— Ну, положим, генераторы в судьбы пока тоже не вмешиваются.

— Может быть, мы этого просто не замечаем? — пожал плечами Райд.

Попов нахмурился еще сильнее:

— Райд, когда мы заметим — может быть поздно.

— Я понимаю, господин полковник. Но у нас слишком мало информации.

— Ладно. — Полковник легонько хлопнул ладонью по скатерти. — С Веселова и Маримуцы наблюдение не снимать. За прибывшими героями Табаски тоже установить наблюдение. О случаях портретов над городами докладывать немедленно и реагировать соответственно — ни к чему, чтобы толпа узнала, кого именно им показывают. Чем больше слухов и имен — тем лучше. Что еще? Ах да: если портрет Маримуцы проявится на генераторе — просто пришли мне снимок. И попробуй посчитать, сколько портретов поместится на этой штуковине в ряд.

— Ясно, господин полковник.

— Что наш Мельников?

— Ничего. — Райд на мгновение сделал сожалеюще-недоуменное лицо. — Праздновал с пограничниками прибытие на «Флажолет». Контактировал с Шутиковым, Саксиным и остальными. В общем, ничего подозрительного.

— Ну, что ж... Подождем их тут, за финишным створом. Авось что-нибудь и прояснится.

— Надеюсь на это, господин полковник.

— Да, вот еще что: какой умник придумал рассказать все Веселову?

— Его вызвали на совещание руководителей «Квазара». Предложение вынес глава сат-клана свайгов Хошиги Бит, остальные поддержали, включая начальника базы и пика пилотов. Люди тоже поддержали, в лице Бекасова.

Попов с неудовольствием пожевал губами.

— По-моему, это поспешное и плохо обдуманное решение.

— Согласен, господин полковник. Однако ни я, ни Ле Бурже были не в состоянии вмешаться. Главная проблема в том, что информация о портретах над Волинском и на генераторе успела просочиться наружу и дошла до руководителей «Квазара». Я вообще был уверен, что совещание будет посвящено инциденту на Тахире и проблемам, связанным с разработкой захоронения. Однако обо всем этом было сказано как-то уж чересчур вскользь и никаких внятных решений не было принято. По-моему, все просто ждут прибытия группы с «Флажолета».

— А что группа? Это же просто военное формирование. Или вторжение на Тахир сочтено неизбежным?

— Похоже на то, господин полковник. Аборигены огрызаются, договариваться с ними времени нет. Разведка шаттсуров и особенно перевертышей тоже ведь не спит. Вряд ли удастся долго скрывать местоположение стартового створа после того, как группа пройдет коридором. Такое движение отследить — всего лишь вопрос времени.

Задумчиво покачав головой, Попов помассировал виски и устало сказал:

— Ладно. Ступай, Райд, работай.

Поднявшись, Райд по-военному четко сдвинул пятки, кивнул головой и бесшумно промаршировал к выходу той же чеканной, но вместе с тем экономной походкой, как и четверть часа назад, по приходу.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «ОГАСТЕС ФЛИНН», ФЛАГМАН ФЛОТА ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

«Пиратская» флотилия не тянула даже на эскадру регулярной охраны какой-нибудь забытой богом периферийной колонии. Невзирая на это обстоятельство, она громко именовалась флотом. Названия флот, конечно же, не имел — по политическим соображениям. А в обиходе именовался просто «флотом вторжения», без ненужных экивоков и обтекаемых формулировок. Флот был, спору нет, куц и смешон; доведись ему столкнуться с обычной боевой группой тех же шат-тсуров или перевертышей, его перемололи бы в труху безо всякого напряжения. Однако адмиралу Дмитрию Фисуненко предстояло воевать не с шат-тсурами, а с дикарями, аборигенами Тахира-четыре.

Говоря начистоту, командовать соединением из десяти кораблей сообразнее было бы военному рангом пониже — скажем, флаг-адмиралу. Ну, в крайнем случае — контр-адмиралу. Даже вице-адмирала на такой, с позволения сказать, флот было многовато.

В битве у Пронга-тридцать Фисуненко, тогда еще вице-адмирал, командовал армадой из семидесяти двух кораблей,

среди которых имелся даже трофейный тоннельный дестроер постройки свайгов. Армада входила в офелийский флот «Магрибба», присланный в помощь силам Солнечной, а Фисуненко считался правой рукой командующего флотом, железного и прославленного адмирала Тонгусекава. Флагман «Магриббы» был даже чуть больше пресловутого дестроера.

Однако Фисуненко не очень удивился, когда командовать «пиратским» «флотом» (именно так, два слова, каждое в отдельных кавычках) приказали ему. Произведенный в адмиралы герой Пронга-тридцать, Белой Лилии и скопления Трехлапая Кошка был человеком отнюдь не глупым и умел предвидеть события на несколько ходов вперед не только в объеме космических сражений. Тайны хитроумной кабинетной политики для Фисуненко переставали быть тайнами после тщательного анализа скудных данных из высших сфер и привязки их к текущим событиям на фронтах. Тот факт, что по возможности всех мало-мальски информированных участников сражения у Пронга-тридцать законсервируют при находке, Фисуненко осознал раньше, чем его озвучили непосредственно в высших сферах. Предвидел адмирал и то, что командовать вторжением доведется именно ему, поскольку Хемерсбрандт по уши занят в Солнечной, Тонгусекав — на Офелии, Лесин возглавляет охранение генератор-пары в галактике-два, а Мьюнг Чой замаялся маскировать свой флот по дальним окрестностям стартового створа.

Однако Фисуненко не ожидал, что сил ему дадут так мало.

С другой стороны, в «пиратский» сброд подобрали отменно обученный и понюхавший плазмы народ — чего стоят одни только экипажи крейсеров-атмосферников или бравая десантура, которая успешно штурмовала редуты скелетиков у Мориты Грифона. Да и сами атмосферники, все четыре — скрипки, не корабли! Новые, укомплектованные и, невзирая на участие в космических мясорубках, ни разу серьезно не поврежденные. Впрочем, оно и понятно: миссии Фисуненко уделялось особое внимание и в его распоряжение отдали лучшее из того, что имелось. Флагманом адмирал избрал хорошо знакомый малый крейсер «Огастес Флинн», на который молодого капитан-лейтенанта Дмитрия Фисуненко назначили начальником палубной артил-

лерии, еще когда сам крейсер доводился на офелийских стапелях. На «Огастесе Флинне» он служил вплоть до присвоения звания флаг-адмирала и перевода в штаб флота «Магрибба» начальником разведки. С кораблем у Фисуненко были связаны самые теплые воспоминания, поэтому в выборе флагмана он не колебался ни секунды.

Хуже обстояло дело с противником, о котором не было известно ровным счетом ничего. Не грел сердце и тот факт, что весьма вероятным представлялся вариант развития событий, при котором ему, адмиралу Фисуненко, придется, не утруждаясь переговорами, громить оборону аборигенов Тахира-четыре, громить качественно и надежно, не считаясь ни с какими потерями, ни с какими кодексами высших рас или конвенциями о контактах с новоразумными. Говоря проще, ему придется стать новоявленным Кортесом, с той лишь разницей, что Кортес шел за золотом, а адмирал Фисуненко идет за артефактами, которые способны спасти галактику и ее обитателей от не ведающих что творят и ослепленных безумием имперцев.

Фисуненко был опытным воякой и прекрасно знал, что войн без жертв не бывает. Но ему предстояло не воевать. Ему предстояло устроить форменную бойню. Кровавую баню в марсианском аду, и на этот раз — безо всякой иронии в формулировке.

И еще Фисуненко знал, что если не будет другого выхода — он эту бойню устроит. Сердце его замрет от жалости к неведомым аборигенам, но голос, отдающий команду атаковать, не дрогнет.

Отчасти поэтому его и направили командовать флотом вторжения. Флотом, численностью в десять кораблей. Четыре малых атмосферника, два улья и четыре клипера прикрытия.

В первый же день после отхода с «Флажолета» Фисуненко собственноручно намалевал на перепонке адмиральской каюты «Веселого Роджера». Фломастером, одним из тех, что так и не успел подарить четырехлетнему внуку перед заварухой у Пронга-тридцать.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «АТЛАНТИКА», ФЛОТ ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

Скотч одернул непривычный комбинезон и поглядел на товарищей.

Товарищи были одеты очень разношерстно.

Сначала он вообще ничего не понял: десантную и пустотную форму у всех отобрали, потом загнали всех на огромный склад и велели подобрать по паре комплектов одежды по размерам и вкусу.

Одежда на складе была гражданская, явно ношеная, но чистая, выглаженная и со всем пуговицами-застежками. И вся, разумеется, неединообразная.

Когда одетые как попало вчерашние бойцы военно-космических сил доминанты Земли вернулись в казармы, перед ними выступили люди, также одетые в штатское, но подозрительно подтянутые и строгие с виду.

Скотч подумал, что среди них вполне естественно смотрелся бы Мельников.

Речь «штатских» тоже была полной неожиданностью. Формально вся сводная боевая группа оставалась на службе у до-

минанты. Но изображать должна была пиратов — вчерашнего и позавчерашнего врага.

Примерно с этого момента Скотч перестал удивляться и понял, что им предстоит какой-нибудь лихой рейд диверсионно-хулиганского толка, из тех, что регулярным войскам совершать вроде бы не с руки, но каковые политикам бывают время от времени нужны до зарезу.

Что ж... О чем-то подобном слыхал каждый солдат. А каждый второй в чем-то подобном уже участвовал.

Еще сутки ушли на подбор и подгонку оружия со снаряжением. А потом всю пеструю сводную команду перегрузили с базы на борт четырех малых атмосферников и двух ульев, придали четыре скоростных клипера для походного охранения и...

Дело началось.

Для Скотча оно началось, когда из очередной таинственной отлучки явился Мельников. Явился, повертел головой, стоя посреди кубрика, зевнул, потом значительно насупился и взял Скотча за рукав:

— Пойдем... — сказал Мельников. — Пошепчемся.

Пошептаться с Мельниковым Скотч был готов в любую секунду. Вообще общение с этим человеком подспудно придавало ощущение причастности к событиям важным, значимым и практически великим. И что самое смешное, впоследствии так все и оказывалось.

Когорта (слово «взвод» было официально запрещено к употреблению, а лучшего пока не придумали) Скотча устроилась в стандартном жилом секторе малого крейсера — кубрике трудноописуемой формы. Наверное, наиболее точной аналогией по очертаниям смог бы послужить надкушенный кусок исполинского торта. Подобные кубрики располагались на крейсерах в восемь этажей — стоило выйти в штольню и подняться на уровень (можно было и спуститься), и ты оказывался в казарме соседнего подразделения. Скотч по-прежнему исполнял обязанности сержанта (слово «сержант» тоже было официально запрещено); в подчинении у него находилось двадцать четыре человека, включая экс-капрала Солянку, пилота Валти, каптера Мистера Литтла, технаря Сориала, бой-

цов Цубербюллера, Тамуру, Гавайца, четырех братьев Суондредов, Мельникова с напарником, изображавшим на Табаске канонира... К остаткам десантного взвода Скотча добавили ребят-пустотников, пехотинцев, штурмовиков, так называемых погранцов и даже одного угрюмого типа, оказавшегося боевым пловцом с Океании. Над когортой Скотча и еще тройкой подобных подразделений, названных командой, секцией и куренем, стоял бывший ротный Скотча Роналд Хрофецки в паре с одним из строгих парней, которые Скотчу напомнили не то разведчиков, не то контрразведчиков. Когорта располагала атмосферным десантным ботом, четырьмя разнокалиберными орудиями четырех различных систем и прорвой ручного оружия, еще более разнообразного. Вся наспех сформированная «пиратская» флотилия жила ожиданием скорых боев; Скотч и его люди — не исключение.

Мельников увлек Скотча в его «сержантский» уголок — отгороженную переборкой камору с койкой, тумбочкой и личным столом.

Скотч плюхнулся на койку и вопросительно уставился на Мельникова.

— Скоро в дело, — негромко произнес тот, не растрачиваясь на многозначительные паузы.

Не удержавшись, Скотч фыркнул: мол, тоже мне, открыл Альфу Центавра! Ежу понятно, что скоро в дело.

— Я видел Оттмара Эберхартера, помнишь его? Командовал разведчиками, которые нас с Табаски вытаскивали.

— Помню, конечно. Я его еще на «Флажолете» узрел.

— В общем, последнее время он прикрывал изыскания наших научников на одной из дальних планет. Вроде бы там что-то нашли, да только раскопать не успели, дали им по ушам.

— Скелетики? — спросил Скотч.

— Не. Местные. Планета обитаема. Необращенные еще, только-только в космос выходят. Сдается мне, их нам и придется приструнить в этот раз.

— Так вот откуда пиратские штучки, — смекнул Скотч. — Это чтоб доминанту Земли не обвинили в агрессии...

— Похоже на то.

— Грязноватое дельце. — Скотч недовольно поморщился. — Не находишь?

— Война по определению грязна. — Мельников пожал плечами. — Не в том дело. Дело в том, что нам на все про все дают всего-навсего неделю. За неделю нужно населению целой планеты показать, кто в галактике хозяин. А у них, между прочим, ядерное оружие имеется.

— Тьху. — Скотч огорчился еще сильнее. — Значит, техноблокада отменяется...

— Не факт. Далеко не факт. Сначала будет разведрейд, несколько ботов, веером. Мы в их числе. Вот это точно без блокады. А вот что потом — по результатам станет ясно.

Скотч поерзал на койке:

— Веселенькое дельце...

— Между прочим, хорошо если до старта пару часов осталось. Это я так, по своим каналам выяснил. Так что будь готов, дружище.

— Мне что, я всегда готов. Правда, ребят не всех знаю — только в деле станет ясно кто есть кто. За свою десантуру я спокоен...

Тут в закуток ворвался Валти. Как и все пилоты малотоннажников, он имел младший офицерский чин, поэтому ничем не терзался перед тем, как ворваться к собственному «сержанту». Да и давнее личное знакомство сказывалось.

— Эй, Скотче, — начал он прямо с порожка; потом заметил Мельникова и запнулся, разглядывая, кто это навещает командира когорты.

— А, — разглядел он спустя несколько секунд. — Застава! Привет.

При Мельникове можно было обсуждать все что угодно, это Валти прекрасно знал.

— Привет, Валти.

— Знаете, кого я только что у рубки встретил? — страшным шепотом спросил Валти. — Маримуцу и Раджабова! Видно, они нашим крейсером рулят и шли, надо полагать, на вахту. Маримуца уже капитан, между прочим. Так вот, он мне шепнул, что на носу атмосферные маневры и высадка!

— А мы тут как раз это обсуждаем, — небрежно заметил Скотч. — Правда, Андрюха?

Мельников только хмыкнул и подумал, что никогда во время войн не удается удержать в секрете приближающуюся операцию.

— А куда нас забросили, он заодно не шепнул? — осведомился Мельников спустя какое-то время.

— Нет, — сознался Валти. — Правда, спрашивал, знаю ли я, где мы находимся.

— И что?

— Ответил «на малом крейсере «Атлантика». — Валти вздохнул. — Типа шутка.

— Они что, тоже не знают? — поинтересовался Скотч.

Валти взглянул на него странно:

— Тебя что, контузило? Чтобы вахтенные офицеры наблюдения не знали, где находится их корабль? Скотче, почаще из казармы выглядывай, мхом зарастешь.

— А вот у меня сложилось впечатление, — невинно заметил Мельников, — что на этом корабле вообще никто не знает наше точное местонахождение.

Валти только отмахнулся:

— Да не рассказывайте мне сказки. Я пилот все-таки, а не дуболом из штурмвзвода...

— Из чего из чего? — с притворной строгостью переспросил Скотч.

Валти отвалился от переборки и сделал реверанс:

— Вельми понеже, оговорился! Из штурмбанды. Так лучше?

— То-то же! — заметил Скотч назидательно. — Не фиг забываться!

И в тот же миг взвыла сирена. Тревога!

— Началось, — пробормотал Мельников.

Скотч взглянул на него с легкой укоризной:

— А ты говорил — два часа, два часа...

— Пошли. — Мельников не стал уточнять, что говорил он, строго говоря, не совсем это. Он просто вскочил из-за стола и выпихнул Валти из закутка.

Молодцы Скотча по одному выскакивали из кубрика и мчались к оружейке.

«Ну, — подумал Скотч. — Храни нас небо! Раз сунули всех не пойми в какое пекло, значит, некому больше разбираться. Все как обычно: никто, кроме нас...»

2

Задача была на первый взгляд простой и незамысловатой: высадиться, осмотреться, захватить пару-тройку аборигенов и незаметно подняться на орбиту, где поджидали крейсеры.

Аналитики, в том числе и Дейв МакГрегори, в данный момент вовсю изучали местные радио и телепередачи; для создания корректного переводчика этого было, в общем, вполне достаточно, если бы не одно «но».

Времени имелась лишь неделя. А значит, нужны были живые носители языка, иначе — не успеть.

Бот шел вниз в полном камуфляже. Скотч и его когорта также были облачены в разномастные пустотные комплекты, способные делать хозяев невидимыми. Без комплектов скучали только канониры: их орудия даже не расчехляли, ибо задание на сей раз было более характерным для разведки, чем для десанта.

Перед самой погрузкой в бот Скотч успел краем глаза проглядеть спецификации Тахира-четыре. Жарковато: жарче, чем на Земле или Табаске, мир ее праху. Влажно. Много кислорода, почти тридцать один процент, так что комплекты лучше пользовать по полной программе. Такую команду Скотч своим и отдал сразу же по посадке в бот.

Когорта у него была явно тертая: никто не мандражировал, никто не нервничал. Боевой пловец так и вовсе спал в нише. Братья Суондреды тоже дружно зевали. Солянка торчал в незатянутом перепонкой люке пилотской кабины и заглядывал Валти через плечо. Бот шел над облаками, постепенно снижаясь. Снаружи было солнечно и празднично.

— Эй, Солянка! — рявкнул Скотч. — А ну на место!

Тот обернулся: чучело чучелом с точки зрения бравого сержанта-десантника. Одет в какой-то легкомысленный цветастый комбез и кроссовки; на голове бандана с «Веселым Роджером». И когда только повязать успел? На физиономии написано неудовольствие.

— Давай, давай, нечего рожи корчить! — поторопил его Скотч и обратился ко всем сразу: — Ну что, братцы-смертнички? Попиратствуем?

По отсеку прокатились сдержанные смешки, хмыканье. С точки зрения солдат, последние год-два проведших в беспрерывных боях и не выпадающих у смерти из-под прицела, нынешний рейд выглядел просто увеселительной прогулкой. Однако...

Собственно, об этом и хотел рассказать Скотч.

— Там, внизу, наши искатели ковырялись. Под водой. Тихо-мирно ковырялись, никого не трогали. Так вот, их атаковали аборигены — непонятно, как засекли, непонятно, как сумели подобраться незамеченными, минуя охранные системы. Есть жертвы, правда, не люди — свайги. Однако разница небольшая — союзники как-никак. Так что вполне возможно, что и нас внизу поджидают не курортники на пляже, а регулярные войска. И нечего тешить себя мыслями, что они только-только в космос выходят и вооружены древними пулевиками. Кто начеку, тому и тазер не страшен, а кто спит на ходу, того и пуля-дура догонит. Уразумели? Комплекты проверить!

Скотч начинал привычно повышать голос, переходя на сержантский ор.

— Антигравы проверить! Оружие проверить! Не зевать! Эй, водолаз, давай, продирай глаза! Конрад, пни его!

Боевой пловец приоткрыл один глаз и жестом показал, что у него со снаряжением все о'кей. При этом он даже позы не изменил. Скотчу этого вполне хватило: чувствовались в пловце и внутренний стержень, и немалый опыт боевых действий.

— Друг друга поддерживать! Приказы слушать и, соответственно, выполнять не мешкая! И помнить: мы — наикрутей-

шие пираты всех времен и народов! Задание не выполнит никто, кроме нас!

Бывшие десантники дружно рявкнули:

— Никто, кроме нас!

Остальные покосились на них с некоторым удивлением. И только Мельников с напарником шевельнули губами в такт девизу десанта: если и не прокричали его, то хотя бы прошептали.

«Что-то я сегодня многословен, — подумал Скотч. — Волнуюсь, что ли?»

Он поразмыслил и понял, что именно беспокоит больше всего: плохое знание самим Скотчем большей части когорты. Да и ребята непритертые, не понимают пока друг друга с полужеста. Как начнут друг перед другом понтоваться: разведка перед пустотниками, пустотники перед пловцом...

«Не приведи небо!» — мысленно взмолился Скотч.

— Садимся! — предупредил Валти. Перепонка в кабину была по-прежнему расслоена. — Мелководье, до берега метров сорок. Берег пустынный, вдали какие-то строения.

«Строения — это хорошо!» — подумал Скотч и громко скомандовал:

— Комплекты задействовать! Камуфляж включить!

Ему понравилось, что все выполнили приказ — без суеты, но четко и своевременно. Все-таки в сводную группу брали бывалых людей.

Бот опустился пузом в воду. Наблюдай кто со стороны — изумился бы: поперек волн вдруг возникла длинная борозда, словно с неба плюхнулась невидимая лодка и резво пошла к близкому берегу. Но наблюдать было некому, а местные птицы интереса к феномену не проявили.

Вскоре бот ткнулся носовым срезом в песок.

— Ты и ты! — Скотч ткнул пальцем в двоих едва видимых бойцов, из незнакомых. — Обеспечиваете охранение у катера! Валти и канониры — если все тихо, с борта ни шагу; в крайнем случае помогаете наружникам. Остальные — на берег! Марш!

Чудеса продолжались: вокруг еще не успокоившегося пятна на воде стали возникать парные всплески, а чуть позже на

влажном прибрежном песке сами собой начали отпечатываться цепочки следов.

— Расходимся веером, группами по трое! Времени — час на все! Встречаем аборигенов — вяжем одного-двух, больше не нужно. Вещички их прихватываем, пригодятся. Связь задействовать только в экстренных случаях, между собой переговариваться голосом. Разобрались!

Образовалось пять троек и некомплектная пара из самого Скотча и Гавайца.

— Время пошло! Разошлись!

Скотч пихнул Гавайца и двинулся прочь от моря, слегка забирая вправо. Остальные тройки быстро разобрали направления: две пошли вдоль береговой линии, прочие вклинились между линией и Скотчем, одна правее, две левее. Операция по захвату языков началась.

Коллег-«пиратов» Скотч потерял из виду уже шагов через двадцать. Действительно, человека в боевом камуфляже с такого расстояния не рассмотреть, если он свое присутствие не афиширует. Только Гаваец виднелся слева смутным почти прозрачным пятном — не то пылинка в глаз попала и мерещится всякое, не то перегретый воздух пляшет над перегретой почвой...

Но Скотч знал, на что способна эта пылинка в реальном бою.

Под ногами шуршала трава, невзирая на жару не сухая, а довольно сочная, — видимо, сказывалась повышенная влажность. Удирала из-под ног разнообразная насекомая мелочь. Скотч подумал, что жизнь на большинстве землеподобных планет удивительно похожа, чтобы не сказать однотипна. Везде, где доводилось высаживаться или просто бывать, непременно находилось что-нибудь общее с Землей, Табаской, Офелией, Селентиной...

Примерно километрах в полутора посреди разнотравья возвышались одноэтажные строения с покатой конической крышей. Скотч направлялся к ним.

Под ногами периодически попадался всякий мусор, напоминающий о цивилизации: пустые бутылки гантелеобразной формы, вроде бы пластиковые, обрывки бумаги или кар-

тона; раз Скотч задержался у рваного тапочка, только не привычно продолговатого, а почти круглого по форме.

Вдали, у самого горизонта, в сиреневой дымке угадывались горы. Невысокие, без снежных вершин — скорее просто холмы. Вскоре стала видна убегающая в ту сторону дорога. Строения впереди стояли как раз у поворота дороги. Ни единого экипажа в пределах видимости не маячило. Скотч удивился: где-то поблизости располагался местный курорт, вроде бы движение должно быть интенсивным. Однако дорога оставалась пустынной.

— Гаваец! — вполголоса позвал Скотч.

— А? — отозвалась пустота голосом Гавайца.

— Давай к домикам. Внутри небось какой-нибудь дорожный патруль отдыхает. Спеленаем одного-двух, прихватим какой-нибудь техники и назад.

— Добро. Кто работает?

— Ты, — буркнул Скотч. — Я прикрою. И парализатор держи наготове, нечего местным зубы вышибать.

— Может, у них и зубов-то нету, — беспечно отозвался Гаваец.

Скотч отчетливо услышал щелчок снимаемого с предохранителя биопарализатора. Есть зубы у аборигенов, нету — а несложный нервно-сенсорный шокер должен был подействовать и на них. По крайней мере до сих пор шокер действовал на все известные союзу органические формы жизни. На а'йешей парализаторы оказывали действие, сходное с опьянением или наркозом: временно нарушалась неоднородная электропроводимость их кристаллических тел.

На всякий случай Скотч тоже вынул парализатор и сдвинул рычажок предохранителя. До строений осталось метров полтораста.

Дальнейшее было делом техники и рефлексов. Скотч первым припал плечом к стене рядом с дверью. Призрак Гавайца виднелся в двух шагах.

Дверь была самая обычная, на обильно смазанных металлических петлях. Без смазки петли при такой влажности несомненно проржавели бы насквозь. Открывалась дверь вовнутрь домика.

— Начали! — прошептал Скотч и бросился плечом на дверь.

Она распахнулась до половины, ударившись обо что-то и оставшись в полуоткрытом состоянии. Скотч ввалился в щель и бросился на пол, чуть в сторону от входа, вправо. С парализатором в руках. Это было, конечно, по-дурацки — падать с парализатором в руках. С бластом или хотя бы лазерником — еще туда-сюда, стрелять можно и лежа. Но с парализатором, который можно использовать только при непосредственном контакте... Однако, здраво рассудил Скотч, у аборигенов вполне может оказаться наготове что-нибудь стреляющее. Так что лучше уж на пол, от греха подальше.

Гаваец сквознячком ворвался следом спустя полсекунды. Только он падать не стал.

Внутренность домика состояла из единственной комнатенки с двумя окнами. У дальней стены помещался обыкновеннейший письменный стол, несколько старомодного, по мнению Скотча, вида. Стол был завален листами не то пластика, не то архаичной бумаги, с пола было не рассмотреть. За столом восседал абориген в темно-синей одежде. Второй абориген валялся на полу за дверью — именно его сшиб Скотч, когда ввалился сюда непрошеным гостем. Еще в помещении имелся солидный шкаф со слегка выпуклыми дверцами и вешалка в углу; на ней висели две одежки, которые с ходу хотелось назвать плащами. Стену над головой первого аборигена украшал лик местного, надо полагать, вождя.

Аборигены выглядели плохой пародией на помесь хомо и цоофт, по крайней мере верхняя половина тела так выглядела. Узкая вытянутая голова, похожая на тренажерное седло или кобуру от ручного бласта, покатые плечи, незаметно переходящие в туловище, пара длинных рук. При взгляде на лежащего Скотч понял, что тазовый пояс у аборигенов несколько шире плечевого, а ноги гнутся на манер цоофт или земных птиц, назад. А стоя аборигены, вероятно, абрисом напоминают офелийскую винную бутылку, только на ножках.

Гаваец действовал как истый десантник. Сначала он качнулся влево и ткнул лежачего парализатором в шею. Затрещало, запахло озоном; лежачий коротко вякнул, как щен-под-

росток — ломким баском. Вторым темпом Гаваец перевалился через стол, сметая на пол бумаги и столь же сноровисто и молниеносно угостил парализатором следующего аборигена. Тот опрокинулся вместе со стулом, так приложившись о стену, что портрет местного вождя не удержался и спикировал прямо на Гавайца. Гаваец, впрочем, увернулся — десантура все-таки, не рохля какой-нибудь тыловой.

— Молоток, — похвалил Скотч напарника, вставая и пряча парализатор. — Готовь антиграв.

Сам Скотч тем временем решил пошарить в шкафу.

Однако шкаф оказался заперт на механический замок. Пришлось перетряхнуть аборигенам карманы; у того, что ранее сидел за столом, на пристегнутом к мундиру кожаном сыромятном ремешке обнаружилась связка ключей — эдаких забавных иззубренных штырьков. Подобрать нужный удалось минуты за две. Гаваец пока рассматривал трофей, обнаруженный вместе с ключами, — продолговатую черную хреновину с усиком, вероятно, радиостанцию.

— Возьмем, — не оборачиваясь, подсказал Скотч. — Образцы техники нашим спецам тоже интересны.

Гаваец молча сунул упомянутый образец в карман — тот быстро истаял, стал невидимым в зоне действия камуфляжного модуля.

В шкафу обнаружились еще три аналогичных приборчика, одна кубическая машинка посложнее, с ребром примерно в пол-уна, и пять продолговатых предметов, в которых безошибочно угадывалось компактное ручное оружие, скорее всего автоматическое. На нижней полке стояла коробка с магазинами, из которых выглядывали желтенькие головки патронов, а также объемистая бутыль светлого стекла, до половины наполненная сизоватой жидкостью.

За спиной довольно ухмыльнулся Гаваец:

— Ручаюсь, Скотче, это бухло! Как думаешь, нашим спецам оно интересно?

Скотч нехотя потянулся к бутыли и после секундной заминки отвернул крышку (резьба была обратная). Осторожно понюхал. Разило плохо очищенной сивухой, во всяком случае запах был однозначно спиртовый.

— Думаю, нашим спецам это неинтересно, — сказал Скотч с некоторым сомнением.

— А нам? — не унимался Гаваец.

— Нам — тем более. Травануться еще не хватало! На, крепи!

Скотч сунул Гавайцу кубический приборчик с верхней полки и напарник послушно принялся подвешивать его к антиграву. Местная пушка достаточно удачно вписалась на бок полувоенного комбинезона Скотча, под липучку. Одна из обойм перекочевала в карман на бедре.

Следом Скотч обшарил ящики стола; не нашлось ничего примечательного, сплошные бумаги. Из общей кучи были отобраны два журнала, один явно порнографический (что было весьма кстати для изучения биологии аборигенов), один вроде бы спортивный. После некоторых колебаний Скотч решил прихватить также пухлый рукописный талмуд и типографскую книгу, подозрительно смахивающую на руководство по обращению с оружием, если судить по многочисленным несложным рисункам. Пленных обыскивать не стали, успеется.

— Все, — выдохнул Скотч. — Сматываемся.

Он помог Гавайцу вытолкать парящих в воздухе аборигенов за двери и трусцой двинул к побережью. Следом с буксировочным линем в руке бежал Гаваец. Дышал он равномерно и легко.

Увидь кто-нибудь подобную картину — удивился бы до смерти. Два полусогнутых аборигена, словно переброшенные через руку пиджаки, реяли над травой, периодически дергаясь, когда натягивался линь. В такие моменты тихонько позвякивали металлические пуговицы мундиров о кубический аборигенный приборчик. Жутковатая картина, ей-ей.

Добрались «пираты» без приключений; у бота уже поджидали Солянка с одним из Суондредов и боевым пловцом, а также пара из охранения, канониры и Валти. Канониры сидели на носовом колпаке, остальные расположились на песочке. Камуфляж, понятное дело, никто не отключал, поэтому Скотч велел всем идентнуться голосом. Тройка Солянки выловила из моря какого-то одинокого купальщика килоунах в трех к западу, при этом, по словам бывшего капрала, особо

отличился боевой пловец. Купальщик в данный момент пребывал в прострации и трюме.

Захваченных Скотчем и Гавайцем аборигенов также перегрузили в трюм; Скотч не допускающим возражений тоном загнал всех, кроме Солянки, в бот. Сам же с Солянкой остался дожидаться остальных снаружи.

В течение часа с небольшим все тройки вернулись. Все — с добычей. В общей сложности когорта захватила восьмерых пленников и довольно много разнообразной аборигенной техники. Здоровенный экс-пехотинец по прозвищу Домкрат припер на себе даже нечто вроде небольшого трицикла с моторчиком. Задание можно было считать выполненным. С блеском, на «ять».

«Не, все-таки толковые у меня хлопцы в когорте! — с удовольствием подумал Скотч. — Даром, что многие не из десанта...»

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОДУЛЬ СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), стационарная орбита

1

Спецы-лингвисты завершили работу глубокой ночью. Язык аборигенов Тахира-четыре (точнее, язык жителей нужного побережья) перестал быть загадкой. Среди захваченных десантниками пленников оказалось двое иностранцев; их нативные языки лингвисты тоже на всякий случай освоили и вогнали гибкие переводческие программы вместе с накопленными словарями в жадную память машин-трансляторов. Конечно же, не только пленные дали материал для изучения: не меньшую роль сыграл перехват местных радио- и телепередач.

Одновременно с лингвистами работали и другие аналитики, конструирующие живые модели экономического, политического и культурного устройства государства, на территории которого нашлось захоронение исполинов. Новая раса предстала перед объединенным знанием союза обычной новой расой, никаких особенных отклонений от базовых теорий и статистических наработок. Примечательным в аборигенах Тахира было лишь одно: они стали первой иногалакти-

ческой расой, с которой столкнулся союз. Поначалу многие внутренне робели — а ну как в неведомо на сколько бесконечностей удаленной от родных мест галактике разум окажется иным? Столь же бесконечно чужим и далеким? Но нет. Природа оказалась последовательной: ни биологи, ни социоисторики, ни экономисты так и не столкнулись в первые дни с чем-либо принципиально отличным от всего, им уже известного. Тахир вполне мог находиться и в одной с союзом галактике, по крайней мере никого бы он там не удивил. Впрочем, если именно сюда провесили нуль-коридор исчезнувшие исполины — стоит ли удивляться? Большинство рас союза в первую очередь интересуются мирами, похожими на собственный дом. Просто расы союза до сих пор применительно к понятию «дом» оперировали планетами, а раса конструкторов коридора, похоже, считала домом всю галактику. И, как знать, одну ли?

Дальнейшие планы союза были просты: обращение к правительству прибрежного государства, а затем вторжение, поскольку никто не сомневался, что аборигены откажут пришельцам в праве безнаказанно грабить их недра. Кое-кто считал обращение напрасной тратой времени, тем более что имидж пиратов какие-либо обращения в общем-то исключал, однако командующий флотом адмирал Фисуненко остался непреклонным: истинным корсарам во все времена не была чужда своеобразная честь. Обращению быть.

Текст был составлен давным-давно; этой ночью он был переведен на местный язык и записан в видео-, аудио- и криптовариантах. Состоявшееся ранним утром совещание в конечном итоге свелось к обсуждению способа, каковым сие сообщение будет доведено до правительства прибрежного государства, условно названного, кстати, Клондайком. Вполне понятно почему.

Саню Веселова тоже вызвали на это совещание.

Он не замедлил явиться по вызову — хмур и мрачен. Кроме того, Саня совершенно не выспался, что тоже не добавляло настроения и не красило мир в праздничные цвета. Приходилось до ломоты напрягать челюсти, дабы не зевать во всю

варежку перед людьми, еще недавно казавшимися высоким и недостижимым начальством.

Первые приступы робости и юношеский пиетет перед оным начали потихоньку покидать Саню. В конце концов искатель Веселов делал важное в рамках миссии дело, и большею частью делал толково. Не его же в конце концов вина, что аборигены так быстро пронюхали об искателях у захоронения и отважились атаковать, убив одного водолаза-свайга. Прикрой Эберхартер водолазов получше, может, и не случилось бы этой в высшей степени бессмысленной жертвы. Хотя Эберхартер тоже ведь не бог и не самодержец: оставить корабли на орбите ему скорее всего приказали.

Странные иногда сверху поступают приказы. Взять этот же случай. На кой ляд, спрашивается, охранение, если оно болтается на орбите, в то время как охраняемые ковыряются на поверхности планеты? Получается, что Эберхартер охранял искателей от угрозы извне, из космоса, а не от аборигенов? В итоге внутреннюю угрозу все дружно прохлопали. Уповали на неожиданность и техническое превосходство. И допрыгались. А казалось бы — вспомни историю, вспомни, как на месте аборигенов Тахира были сами земляне! Как тогдашний союз высокомерно полагал людей дикарями и как получал, бывало, от упомянутых дикарей по сусалам по полной программе. На Волге, на Пламмере-12, в окрестностях многострадальной Тау Хромой Черепахи...

История имеет свойство повторяться. И всегда развивается по спирали.

— По спирали, — пробормотал Саня. — Все по спирали...

И — очень непоследовательно и не ко времени мысленно скаламбурил:

«Удачу — поспирали. Сон — поспирали. Жалованье, того и гляди, тоже сопрут...»

Абсолют, не в пример Сане, выглядел свежим и бодрым. Лишь красноватые и едва заметно припухшие глаза главаря «хозчасти» свидетельствовали, что бойцам невидимого фронта тоже не приходится отлеживать в безделье бока.

— Все собрались? Кого еще ждем? — справился начальник штаба флота и одновременно ученик адмирала Фисунен-

ко Григорий Харшавин, кап-ком, как именовали на флотах капитан-командоров. Референт-ординарец тут же услужливо зашептал что-то ему на ухо.

Фисуненко мрачно оглядел собравшихся в зале заседаний, особенно тех, кто расположился за низким круглым столом.

Тут присутствовали и научники, и искатели в лице Сани с Шулейко, и руководство базы — пара неотличимых друг от друга цоофт, и глава пилотов азанни, и первейший водолаз-свайг, и охрана (Эберхартер с заместителем), и незнакомые Сане верзилы, одетые пестро и разношерстно.

С полминуты Фисуненко и Харшавин шептались; потом адмирал сделал знак Абсолюту, и тот, обойдя вокруг стола, приблизился. Фисуненко стал что-то выспрашивать у Абсолюта; Саня совершенно отчетливо прочел ответы по губам: сначала «Да», потом решительное «Нет!».

Наконец за столом воцарилась тишина, и Харшавин церемонно встал.

— Уважаемые господа союзники, господа офицеры! Времени у нас не так много, поэтому заранее прошу не затевать бесплодных дискуссий. В ближайшее время нам предстоит решить: каким именно способом мы проинформируем правительство Клондайка о своих претензиях на захоронение. По мнению большинства ответственных лиц, не только находящихся здесь, но и из числа руководства доминанты, претензии наши должны носить ультимативный характер и должны быть высказаны с позиции силы, хотя это и противоречит многочисленным актам межрасового права и некоторым уложениям кодекса высших рас. Собственно, вариантов у нас немного: обращение по местной информационной сети, по местной трансляционной сети, предпочтительнее в видеорежиме, письменная нота. Вот, пожалуй, и все.

— Телевидение не пойдет, — сухо заметил Абсолют. — Дело должно решиться на высшем уровне, без огласки, шума и неизбежной паники в народе. Так что второй вариант отбраковывается сразу.

— На сеть я бы тоже сильно не рассчитывал, — подал голос кто-то из научников. — Ручаюсь: если наш ультиматум поступит из сети, местный президент, а точнее, его команда,

сначала сочтут это глупым розыгрышем или банальным хулиганством. Ну, или провокацией кого-либо из соседей на худой конец.

— Тогда остается старый как мир, тысячелетиями проверенный вариант, — развел руками Харшавин. — Парламентер. Живой и зримый парламентер. Желательно в сопровождении соответствующего эскорта.

— Думаете, его к президенту подпустят? — проворчал Эберхартер с сомнением. — Там же охрана, телохранители, то-сё...

— А вот это уже должно волновать собственно парламентера. Нас же должно волновать другое: выбор такого парламентера, который прорвется через любые кордоны.

Фисуненко с неудовольствием покачал головой, одновременно поджав губы.

— Что такое, Дмитрий Степанович? — напрягся Харшавин.

Некоторое время адмирал глядел в столешницу, потом поднял тяжелый взгляд на присутствующих.

— Детство какое-то... — сказал он глухо. — Несерьезно.

— Действительно, — поддержал его Абсолют. — Не забывайте, мы же пираты, подонки без чести и совести. Давайте прикинем: как на нашем месте поступили бы настоящие пираты?

— Что тут думать? — Галакт-свайг шевельнул роскошным цветным гребнем на голове. — Долбанули бы по всем кораблям в районе захоронения, шарахнули бы по побережью, чтоб распугать туристов... И спокойненько разрабатывали бы само захоронение. Кто суется — со всех калибров, без расспросов и сентенций...

«Ишь ты! — подумал Саня. — Разошелся! Хотя понять можно: сам свайг не военный, а уже потерял подчиненного».

— Ага, — ответил Фисуненко, не скрывая иронии. — А президент местный тем временем отдает приказ «ядерная атака» и на шельф валятся атомные бомбы, которые мы, между прочим, сбить-то еще можем, да только поможет ли это нам?

— Между прочим, тоже выход, — вновь встрял представитель научников. — Ну, взрыв, ну и что? А то наши персо-

нальные комплекты не позволяют полноценно работать в эпицентре взрыва!

— Но не в момент же взрыва! — возразил Харшавин.

— Не в момент, — подтвердил научник. — Сразу после. Местные после взрыва в интересующий нас район ни в жизнь не сунутся. Что и требуется.

— А если они не станут сбрасывать бомбы, что тогда? — резонно вопросил Фисуненко.

— Тогда вообще проблем нет. Периметр, наружная техноблокада, желательно прикрытие крейсера сверху. Можно двух, — меланхолично ответствовал научник.

Попросил слова представитель руководства базы, галактцоофт:

— Я что-то не пойму, мы хотим выглядеть красиво или хотим добиться успеха? — защелкал и засвистел он в нагрудный транслятор, воспроизводящий птичью речь в виде стандартного синтезированного интера. — Зачем нам местный президент? Неужели мы не можем просто прийти и взять, по праву содружества сильных и развитых рас? К чему оглядываться на дикарей?

— К тому, уважаемый коллега, — мягко пояснил Абсолют, — что в случае успешных переговоров с правительством Клондайка мы сможем обойтись без столь нежелательного шума. Наша задача — сделать все максимально тихо и незаметно, чтоб ни бит информации не просочился к имперцам. Устроить тут бойню с ядерными взрывами — значит чуть ли не открытым текстом выдать местоположение захоронения. И не надо говорить, что шат-тсуров в этой галактике нет. Зато тут есть несколько тысяч фактически отрезанных от дома исследователей и несколько десятков тысяч солдат, среди которых вполне могут оказаться вражеские агенты.

— В общем, — неожиданно для себя выпалил Саня, — придется...

За столом мгновенно стало тихо; все присутствующие обратили взгляды на новоиспеченного бригадира искателей.

— Продолжайте, продолжайте, — велел Фисуненко запнувшемуся Сане.

— Придется украсть президента, доставить его сюда, дабы воочию убедился, что это не розыгрыш и не сетевая шутка, продемонстрировать наши возможности... Пригрозить, возможно...

— Должен заметить, весьма здравая идея, — поддержал Абсолют. — Я как раз хотел предложить практически идентичный план.

— У вас и такой план имеется? — покосился на него Фисуненко.

— Разумеется. — Абсолют машинально приосанился. — Кстати, напоминаю, что у нас мало времени.

— Отчет, который мне предоставили два часа назад, это полная и окончательная версия? Или будут дополнения и уточнения? — спросил командующий.

— Отчет окончательный, с момента его подачи аналитики больше не обрабатывали поступающие сведения.

Фисуненко кивнул и обратился к кому-то из верзил:

— Журра! Вы готовы к подобным подвигам?

Один из обряженных в разномастные комбинезоны вояк вскочил:

— Мы всегда готовы, господин адмирал!

— Тогда запрягайте, капитан. Сценарий «Кобра». К полудню президент Клондайка должен пребывать на борту «Огастеса Флинна», целехонький, вменяемый, в блестящей упаковочке и при подобающей свите. К выполнению приступить через час.

— Ай-ай, сэр! — изображающий пирата капитан малого атмосферника «Атлантика» Йожеф Журра акцентированно отдал честь, кивнул кому-то из своих и в сопровождении совершенно неотличимых с виду типов торопливо покинул зал заседаний. Саня проводил их не очень веселым взглядом и подумал: «Ох, не завидую я президентской охране...»

— Вот и решили, — прошипел в транслятор свайг.

В словах его содержалась определенная доля иронии: адмирал флота вторжения фактически решил вопрос единолично, не спрашивая мнения присутствующих. И если в отношении собратьев адмирала по расе галакты претензий явно не

имели, то тот факт, что мнением свайгов, цоофт, азанни и научников-а'йешей военные хомо довольно бесцеремонно пренебрегли, галактов, конечно же, напряг.

Но не слишком: самую-самую малость. К нахрапистости молодой расы союзники за несколько веков успели привыкнуть.

2

После совещания Саня решил идти досыпать, да не тут-то было. Его с Васей Шулейко перехватил Абсолют со своими молодчиками.

— Веселов! Поздравляю, ты идешь на захват президента вместе с военными, — сообщил Абсолют, неожиданно переходя на «ты».

— Я? — опешил Саня. — А зачем?

Спецагент поглядел ему в глаза, внимательно и цепко, даже можно сказать — оценивающе.

— А что? Боишься? На Табаске ты вроде не боялся.

— Нет, не боюсь, чего тут бояться, — пожал плечами Саня. — Скорее продолжаю удивляться...

Бояться тут и правда было особо нечего. В первые ряды военные его все равно не сунут, а от шального импульса (пардон, пули, если учесть уровень развития аборигенов Клондайка) убережет пустотный комплект. После обнаружения коридора и нечаянного вояжа в чужую галактику Саню вообще трудно было чем-нибудь испугать.

— Правильно. Бояться нечего. Давай к седьмому шлюзу, оттуда сейчас бот на «Атлантику» стартует.

— И все-таки, — не унимался Саня, — какой смысл посылать меня? Не понимаю.

— А ты не думай об этом, — посоветовал Абсолют. — За тебя есть кому думать. Меньше знаешь — слаще спишь.

— Вот поспал бы я с великим удовольствием, — проворчал Саня.

— В полете покемаришь, время будет, — обнадежил его Абсолют. — Давай, давай, доминанта тебя не забудет. Василий, вы возьмете на себя обязанности бригадира поисковой группы на время отсутствия.

— Да какие тут обязанности? — хмыкнул Вася. — Поиск-то прекращен.

— Тем более, — не очень логично закруглился Абсолют и снова обратился к Сане. — Давай беги, бот вот-вот стартует.

Изрыгая средней тяжести проклятия (не очень громко, чтоб никто не слышал), Саня поплелся к транспортеру в шлюз-зону. Странности продолжались.

Сначала назначение бригадиром, потом шокирующий рассказ научников о Санином лике над родным Волинском и на генераторе нуль-коридора, теперь вот непонятный посыл в десант, операцию по определению военную. А военные отнюдь не склонны таскать за собой балласт, каковым, вне всякого сомнения, явится новоявленный искатель-бригадир.

У седьмого шлюза Саня нос к носу столкнулся со второй «жертвой» артефакта: капитаном Маримуцей. Вторым, удостоившимся сомнительной чести запечатлеться в небесах родной планеты и на генераторе работы исполинов. И флаг-лейтенант Раджабов отыскался здесь же. Старые знакомцы по заварухе у Пронга-тридцать...

При виде Веселова оба оживились.

— Саня! — воскликнул Маримуца. — Привет!

— Здравствуй, Дариуш! Привет, Рафик!

Поручкались.

— Ты куда?

— Да это... — Саня замялся. Наверное, болтать об операции не стоит. Даже знакомым. — Командировка...

— Погоди. — Маримуца пытливо взглянул Сане в глаза. — Ты к боту на «Атлантику»?

— Да.

Взгляд Маримуцы стал еще пронзительнее.

— А потом?

— А потом — как прикажут, — попытался выкрутиться Саня.

Тут из шлюза показался низкорослый «пират» при оружии и пустотном комплекте:

— Эй, балласт! Давайте на борт, живо! — осклабился он. — Старт через восемь минут.

— Я те дам, балласт! — беззлобно буркнул Маримуца, безошибочным чутьем офицера распознавший солдата. — Звание?

— Заслуженный корсар доминанты, — низкорослый продолжал весело скалиться во все тридцать два зуба.

— Значит, рядовой, — фыркнул Маримуца. — Эй, корсар, перед тобой целый капитан, между прочим! И флаг-лейтенант в придачу.

— Ой, как страшно, — заслуженного корсара было трудно смутить. — Прям дрожу весь. Давайте, давайте, господа офицеры, шевелите копытами, меня мой атаман в палубу вотрет, если еще минуту промедлим.

— Бардак, — пожаловался Маримуца Рафику.

Однако подобные вольности, невозможные в другое время, в пиратском флоте вторжения допускались и даже вяло поощрялись. Вяло, потому как субординацию и прочую воинскую дисциплину в одно мгновение из служивых не выбьешь.

Спустя несколько минут Саня и соратники по подвигам на Табаске уже пристегивались в нишах транспортного бота. Среди остальных пассажиров угадывалось несколько старших офицеров и десяток солдат, но одеты все были, разумеется, кому как вздумается. Кроме того, показалось, что хмурого типа в крайней по левому борту нише Саня пару раз встречал во владениях Абсолюта. Если действительно так — значит, соглядатай.

«Ну и фиг с ним, — подумал Саня с неожиданным ожесточением. — Чего мне бояться? Заданий мне никто не давал, ответственности никакой... Пока».

Вот именно. Пока. А если вспомнить непонятную связь Сани и финишного генератора, так и вовсе неудивительно, что Абсолют отрядил специального человека — спецслужбы предпочитают приглядывать за своими клиентами.

А вскоре бот стартовал, и Саня отвлекся от размышлений. Отвлекся по тривиальному и весьма уважительному поводу: просто заснул.

Растолкали его уже на борту «Атлантики».

— Эй, балласт! — все тот же низкорослый улыбчивый солдат потряс Саню за плечо. — Полундра, приехали!

Саня проснулся мгновенно, как всегда. Потянулся к ремням, но они уже были отстегнуты — видно, разбудивший его солдат постарался.

Он протянул Сане руку; искатель с громким шлепком ухватился за нее и встал.

Бот приняли в шлюз тактического ангара, где в промежутках между боями отстаивались разведчики и истребители в ожидании мелкого ремонта, а во время боев малые корабли и боты дозаправлялись и пополняли боезапас.

— Вагнер! — послышалось откуда-то из-за бота.

— Я! — отозвался низкорослый.

— Искателя сдай в когорту Скотча! Орамус велел!

— Якши, дост! Сдам! — пообещал Вагнер и подмигнул Сане:

— Пошли, балласт!

Маримуцы и Раджабова нигде не было видно — должно быть, их уже увели. В какую-нибудь другую когорту.

И только тут Веселов осознал: его намереваются сдать под начало Скотча. Неужели того самого? Бывшего гида «Экзотик-тура» на Табаске?

«А ведь похоже на то! — подумал Саня, окончательно стряхивая остатки дремы. — Сначала Маримуца с Раджабовым, теперь Скотч... Нас что, снова собирают до кучи? Но зачем? Мы же все спецы каждый в своей области, какой смысл формировать боевую группу из случайно столкнувшихся на Табаске людей? Пусть даже эти люди в свое время сумели выкрутиться из практически безвыходной ситуации...»

3

Пехтура оказалась народом весьма шустрым: едва Маримуца и Раджабов дошли до штаба, началось экстренное совещание. Заседали недолго, среди бывших десантников и спец-

назовцев не нашлось любителей без толку болтать. Задача перед «пиратами» стояла простая: найти где-то там, внизу, президента Клондайка и захватить его в плен. В сущности, собравшиеся лишь распределили роли в давно проработанном плане.

Местоположение президента было известно: загородная резиденция километрах в ста к юго-востоку от столицы. План не казался невыполнимым, да и вообще был достаточно прост: крейсер входит в атмосферу и зависает над заданным местом; затем высаживает наземный десант. Для вящего впечатления решили не пользоваться камуфляжем, пусть аборигены потрепещут перед могуществом пришельцев из соседней галактики. Двухсот человек по идее должно было хватить — ведь это две полноценных роты, с поддержкой мобильной артиллерии (в каждом взводе по четыре орудия против обычных двух), воздушной поддержкой (истребители и штурмовики будут прикрывать и крейсер, и высаженный десант от авиации противника — хоть она и исключительно атмосферная, а шороху наверняка способна навести, если зевнуть атаку). Но счет ворон и шапкозакидательские настроения среди «пиратов» были не в чести: здесь собрался народ стреляный и бывалый. Профессионалы.

Двадцати минут хватило, чтобы расписать операцию пошагово; аналитики как раз подкинули достаточно точные координаты резиденции и первичный анализ организации президентского охранения.

Маримуце и Раджабову, а также еще нескольким офицерам «Атлантики» выпало изображать почетный эскорт при парламентере — если президент не станет дурить и покорится, как сформулировал капитан крейсера, обстоятельствам неодолимой силы. Парламентером шел мрачноватый тип, несомненно, представляющий разведку.

Выброску решили проводить комбинированную: и посредством гравилифтов, и ботами.

К выполнению приступили сразу же по окончании совещания.

Дариуш Маримуца за почти пять лет военной службы не раз нес боевое дежурство и не раз принимал участие в боевых

операциях. Однако ввиду особенностей военной специальности собственно стрельбой и беготней ему заниматься почти не приходилось — разве что на Табаске. Пилотирование кораблей наблюдения и разведки — особое искусство, оно тоже ценится весьма высоко, но в десанте почетными и уважаемыми являются совсем другие навыки.

Наверное, поэтому Маримуцу и Раджабова сразу же отловил плотный широкоплечий парень с обожженным лицом.

— Привет. Наблюдатели? — спросил он, переводя взгляд с одного на другого.

— Наблюдатели, — уныло подтвердил Маримуца.

— Офицер Хрофецки, — представился десантник. — Ротный. Пойдете со мной в боте.

— Ясно, — вздохнул Маримуца. — Может, хоть ты скажешь, на кой ляд нас гонят в десант?

— Понятия не имею. Приказ.

Маримуца кивнул:

— Так я и думал. Извини, коллега, нам очень не хочется путаться у твоих молодцов под ногами. Поэтому сразу предлагаю: определи нас куда-нибудь, где мы сможем принести хотя бы минимальную пользу. А...

— Я ж сказал, на кэ-шэ-бэ. Там две «Зорьки» имеются, но мы обычно пользуем только одну. Вторая — в вашем распоряжении.

Хрофецки взглянул в глаза Маримуце.

— Я ж все понимаю... — добавил он уже мягче. — Спасибо за то, что и вы все понимаете.

«Хоть с этим повезло, — облегченно подумал Маримуца. — Внятный парень командует десантурой, не выделывается и все такое. Так бы и дальше».

Наблюдатели прекрасно представляли все возможные радости от присутствия чужаков в сбитой и прикатанной команде. Все равно что в отлаженный и смазанный механизм сунуть титановый лом — как раз между шестеренок.

— Там с нами еще один шпак прилетел, — на всякий случай предупредил Маримуца. — Искатель.

— Веселов?

— Ага.

— Я в курсе, — кивнул Хрофецки. — Этот пойдет вниз. Говорят, ищейка по призванию. Поглядим, может, и правда.

— Он нормальный парень, — поспешил заверить Маримуца. — Мы с ним партизанили одно время.

— Да знаю я, — усмехнулся Хрофецки. — У меня один взвод чуть ли не сплошь гиды с Табаски.

Брови Маримуцы дружно поползли вверх, на лоб:

— Даже так?

— Ага. Ладно, время, вернемся — поболтаем.

И в сторону:

— Литтл!

— Я! — отозвался долговязый хлопец в джинсах и легкомысленной белой майке с полуголой девицей на груди. Лицо его тоже было знакомо по бегству с Табаски, хотя имени Маримуца не помнил — вроде бы этот долговязый пребывал среди раненых и большую часть памятного полета провалялся в бессознательном состоянии.

— Проведи к кэ-шэ-бэшке!

— Яволь!

Под аббревиатурой КШБ подразумевался батальонный командно-штабной бот.

Тот, кого назвали Литтлом, по-хозяйски оглядел наблюдателей и хитро прищурился:

— Ага. Команду продолжают собирать. Ну, пойдемте, герои Табаски. — И не без артистизма проинформировал: — Плюнуть некуда на «Атлантике», кругом мы. Чую, грядет вторая серия.

— Да, мы уже встречали как-то одного из ваших — Валти, если имя не путаю, — кивнул Маримуца.

Это было еще до странного вызова на исследовательскую базу, где наблюдатели имели две беседы с какими-то малоразумительными типами из некоей «хозчасти». От оной «хозчасти» за версту разило спецслужбами; Маримуца с Раджабовым напряглись было, но на допрос обе беседы совершенно не походили. Так ничего и не поняв, наблюдатели отправлялись обратно на «Атлантику», причем не к привычным обязанностям, а зачем-то в ближайший десант.

По дороге к ангарам Маримуца то и дело косился на Раджабова — не нравилось капитану, что подчиненный и одновременно старый приятель неразговорчив и напряжен. Чего-то с ним не так, явно не так. Неужели переживает по поводу несуразного вызова в «хозчасть»?

— Рафик! — окликнул он Раджабова. — Ты чего нос повесил? Случилось что?

Раджабов покосился в ответ.

— Да так, — сказал он немного погодя. — Ищу подвох.

— В смысле?

— Никак не смекну, что мы здесь делаем, Дари! Опять нас суют не пойми куда. Невзирая на основную специальность. А что приключилось в прошлый раз, ты должен помнить...

— Да брось ты, — возразил Маримуца, хотя нельзя было не признать, что в словах Раджабова имеется определенный резон. — Мы люди военные, куда пошлют, туда и пойдем.

— Да я не об этом, собственно, — задумчиво протянул Раджабов. — Просто интересно: в какое дерьмо мы вляпаемся на этот раз?

— Хуже, чем на Табаске, уже не будет, — встрял в разговор провожатый. — И на том спасибо. Все, пришли...

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «АТЛАНТИКА», ФЛОТ ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4), траектория входа в атмосферу

1

На этот раз наземным группам дали возможность экипироваться неспешно. Командный состав еще только ждал кого-то с «Квазара», а двум офицерам, стоящим над когортами, командами, секциями и прочими куренями числом восемь (читай — двумя ротами, восьми взводами), отдали приказ готовиться к очередной выброске. И на этот раз предстояла не разведка, а реальная боевая операция. Кого-то там предстояло захватить. Пираты из когорты Скотча не торопясь готовили оружие, подгоняли снаряжение и, разумеется, точили лясы. Скотч поглядывал на своих молодцов из сержантского закутка, будто щур из норы. Дважды прибегал Валти, как и все пилоты в основном отирающийся у взводного бота. Новостей особых он не принес, сообщил только, что с флагмана грядут парламентеры. Потом оказалось — не с флагмана, а с исследовательской базы «Квазара», там тоже хватало военных.

Мельников со своим дружком-соратником дважды исчезали, по поводу чего остальные молодцы принялись было глухо роптать. Однако Скотч ропот мигом пресек, заявив, что у

пограничников возможны спецзадания, и не праздно шататься они отлучаются, а на особый инструктаж. Волею случая слова Скотча получили весомое подтверждение: неожиданно явился какой-то пузатый чин в гражданском, вызвал в штольню боевого пловца и минуты три что-то ему сосредоточенно внушал. В казарму пловец вернулся задумчивым.

После совещания в штабе Скотчу наконец сформулировали задачу: захват президента страны, на чьей территории расположено захоронение генераторов.

«И то дело, — подумал Скотч отстраненно. — Спеленаем в лучшем виде!»

В успехе он ничуть не сомневался: ну не в состоянии аборигены Тахира противостоять регулярным силам союза, даже в личине раздолбаев-пиратов. Приказу отказаться от камуфляжа Скотч тоже порадовался: это означало, что операция предстоит еще и веселая.

В общем, молодцы готовились и зубоскалили, Скотч ожидал команды: «По ботам!», в воздухе висело обычное преддесантное напряжение. Ничего нового, последний год многие из когорты жили именно так.

А там и команда прошла.

— Дейзи, Хасан, Шутиков, Козаченко! — грянуло в казарме голосом Роналда Хрофецки. — Личному составу — по ботам! Главарям — ко мне на инструктаж!

Было немного смешно слышать несуразное слово «главари» вместо привычного «сержанты». Солянка не преминул поиздеваться:

— Давай, главарь, дуй на втирание! И вазелин не забудь!

Посадкой в бот предстояло командовать ему — зам все-таки. Капрал всегда остается капралом, даже если само слово запретить.

— Хорош ржать, козья морда! — огрызнулся Скотч. — Вот распишу всем, как ты у Патрис каледонский перец на Табаске стянуть пытался...

Соратники из десанта, разумеется, эту историю уже слышали. А вот остальные пираты — вряд ли, подобных баек у бойцов всех времен не счесть, очередь могла еще и не дойти.

Солянка заткнулся, пробубнил что-то неразборчиво и принялся орать на рядовых. Что еще делать мелкому начальству перед боевой операцией, как не орать на рядовых? Головы выше, не зевать, никто, кроме нас, и все такое.

«Знатно орет, — подумал Скотч на выходе. — Если здесь, на Тахире, все пройдет тип-топ, быть Солянке сержантом. А мне, ротный намекал, уже и унтер светит. Расту, блин!»

Особым честолюбием Скотч не отличался, но об очередном звании думать было, чего уж там, приятно. И денег больше опять же...

В командирском боте обнаружились две знакомые физиономии: Маримуца и Раджабов. В присутствии ротного и при комбате на связи фамильярничать с офицерами было не с руки, поэтому обошлись обычными приветствиями, суховатыми и подчеркнуто официальными.

Скотча давно уже перестал удивлять тот факт, что он постоянно натыкается на людей, знакомых по Табаске. Так или иначе объяснение этому простое: все, кто там побывал, оказались в итоге в галактике-2, при проекте «Квазар». Стоит ли удивляться?

Смешной вопрос.

Родимое сержантство уже было в сборе — и Крис Дейзи, и Халед Хасан, и Тарас Козаченко по прозвищу Бульба. С Хасаном и Бульбой последние полгода водили взводы в бой; Дейзи месяца три назад угодил в госпиталь и вернулся уже сюда, на новое место, даже на «Флажолет» не поспел.

Хрофецки жестом велел занимать места перед тактическим пультом.

Пульт был штукой простой и хорошо знакомой. В центре уже сгустилось голографическое изображение какого-то объекта, судя по многим характерным деталям, хорошо охраняемого. Надо понимать, резиденция царька местного. А, пардон, президента — у тахирцев (по крайней мере в этой стране) общественный строй напоминал земные демократии двадцать первого века.

— Итак, граждане флибустьеры, имеем охраняемый объект, — начал ротный. — Хорошо укрепленный форт с тремя эшелонами обороны. Эшелон первый: колючая проволо-

ка, не исключено что со встроенной сигнальной системой. Охраняется мобильными постами и несколькими стационарными, все при наземных трассах. Между первым и вторым эшелоном сосредоточены места дислокации охраны, посадочные площадки для летательных аппаратов, вспомогательные объекты вроде складов...

Скотч внимал, немного отрешенно, но внимал. Информация откладывалась в сержантской памяти автоматически, даже когда Скотч думал о чем-то своем.

Инструктаж промелькнул быстро. Как всегда перед боем.

А потом привычно грузились в бот, орали хором: «Никто, кроме нас!», вжимались спинами в ниши при стартовых и маневровых перегрузках...

Высадка. Десант. Один из многих.

2

Бот ходко несся чуть впереди и заметно ниже крейсера. Десятикилометровый блин малого атмосферника шел на высоте двух километров, оставляя после себя мощный инверсионный след. Второй крейсер сейчас заходил на побережье, собираясь повиснуть над захоронением исполинов. Морские корабли аборигенов пытались его обстреливать, но капитан это мигом пресек, долбанув малым калибром по площадям. Корабли разметало, океан взбаламутило; повредить захоронению залп не мог, но перемешать генераторы с песком был вполне в состоянии. Скотч понимал капитана: боевой пловец успел шепнуть перед высадкой, что начальство «Квазара» наконец выяснило, каким образом аборигены сумели обнаружить искательские группы. Аппаратура местная тут была ни при чем: камуфляж искателей работал вполне добросовестно. Водолазов заметили дрессированные животные, которых тахирские вояки натаскивали на подбрасывание мин гипотетическому неприятелю. Животные оказались сообразительными, вроде земных дельфинов, и дали знать хозяевам о необычном оживлении в районе пограничного шельфа. В общем, побоч-

ной целью залпа было еще и распугивание дрессированной фауны. Нечего им около места будущих работ шастать!

Над Клондайком уже поднялась суматоха — истребители аборигенов пытались атаковать вылетевшие звенья союзных истребителей. Большею частью безуспешно: и скорость у них была не та, и огневая мощь. Но числом и везением летчикам Клондайка удалось сбить два союзных истребителя и повредить еще четыре.

До цели осталось всего ничего, килоун двадцать. Скотч привычно косился на информтабло: тахирцы разворачивали оборону. Скорее всего президента попытаются вывезти в безопасное место. Да только вряд ли это получится: крейсер вот-вот должен был поставить кольцевую техноблокаду. Резиденция правителя Клондайка будет окружена эдаким широким бубликом, зоной, где техника работать не в состоянии. Даже союзная.

— Снижаемся! — рявкнул из пилотской Валти; голос его полнился боевым азартом.

Канониры зашевелились, активируя антигравы орудий. Бойцы держали руки на сенсорах.

— Готовность три! — предупредил Хрофецки.

«Ну, — подумал Скотч, — удачи нам!»

— Готовность два!

Все. Пора вставать.

Проорали еще раз десантное заклинание.

— Готовность раз!

— Подъем, гвардия! — во всю мощь легких выдохнул Скотч.

Гвардия слаженно вскочила. Не только десантники, привычные к высадкам, — остальные тоже. Не зря тренировались, не зря!

— Готовность ноль!

— Режь перепонку!

Солянка, стоящий у люка, полоснул ножом по серой мембране и в бот ворвался влажный и теплый воздух Тахира.

— Йо-ху-у-у!!! — взвыл Солянка, вываливаясь наружу и лягухой распластываясь на потоке.

Рябая туша крейсера обгоняла — передний край уехал далеко вперед и застил небо. Еще дальше едва различимыми точками вились истребители — не то свои, не то тахирские, а вернее всего и те, и другие. Редкие сполохи защитного поля сигнализировали о том, что противник стреляет. Надо же, настырные какие.

Скотч начал испытывать к тахирцам нечто вроде солдатского уважения: даже чокнутые имперцы-скелетики при подобном перевесе союзных сил не решались сопротивляться атакующему десанту. А тут вообще — чуть ли не с каменными топорами на лучеметы. Надо быть храбрецами, чтобы решиться на такое.

Храбрецами — или законченными идиотами.

Но вряд ли жители Тахира-четыре идиоты. Скотч видел записи допросов. Еще тогда он подумал, что аборигены очень похожи на людей — больше, чем азанни, свайги или цоофт. Люди были такими, давно, но были. А вот союзники-галакты — нет. Им безрассудная смелость чужда, они прагматики и законники. Потому и согнулись под натиском молодой и нахрапистой человеческой расы.

«Ну и к лучшему», — подумал Скотч.

А в следующее мгновение антиграв мягко опустил его на поверхность, и время потекло для Скотча и его молодцов по-иному: в боевом режиме, в нужные моменты ускоряясь, а порою растягиваясь и замедляясь.

Взвод мигом развернулся правильной дугой; на флангах разворачивались соседи. Зависли над сочной травой похожие на больших носатых черепах орудия; канониры только команды ждали, чтоб всадить пару увесистых импульсов в обнаруженную цель.

Но целей пока не находилось.

Скотч просигналил ротному двойным вызовом: мол, когорта развернулась. Не задержался и условный циркуляр: вперед!

— Давай, гвардия! Двинули!

Все это происходило уже не однажды. Прикрывая друг друга, солдаты по очереди перебегали ун на тридцать—пять-

десят и падали, выцеливая стволами лучеметов неприятеля. Тем временем перебегали остальные, прикрывавшие ранее.

До препятствия в виде колючей проволоки осталось не больше ста ун.

— Где-то тут кольцо блокады намечается, — буркнул Скотч.

Ее поставят, когда президент будет захвачен и десанту скомандуют отход; пока же вся техника должна работать исправно.

Колючку покромсали длинными импульсами. Вдали завыли сирены. И почти сразу по десанту открыли огонь из пулевиков — оружия старого и в среде космических вояк очень непопулярного ввиду сильной инерционности, но совсем не ставшего оттого менее убийственным.

Правда, боевые комплекты прямое попадание держали: человека только сбивало с ног и награждало здоровенным синяком. Не очень, разумеется, приятно, но уж куда лучше, чем умирать от варварского оружия.

В когорте Скотча не по своей воле с ног попадали сразу пятеро; оборонявшиеся стрелять умели. Умели они и маскироваться — Скотч пока не понял, откуда стреляют. Никаких внятных коммуникаций между первой полосой колючки и второй не просматривалось, только трава, в которой, впрочем, при определенном навыке можно было неплохо замаскироваться. За второй колючкой начиналась голая вспаханная полоса.

Скотч сдернул с пояса биосканер.

— Ага, — пробормотал он. — Вот вы где, голубцы...

Действительно, впереди было полно снайперов. Биосканер показал, где именно они притаились, а волновой бинокль позволил их обнаружить визуально. Аборигены оказались упакованы на славу: пучки травы, упругие стебли, размалеванные вертикальными разводами физиономии... Р-рейнджеры, так их!

— Канониры, целеуказание!

Скотч привычно слил координаты целей. Дружный залп из всех четырех стволов вздыбил землю перед второй колючкой. Раз, еще раз, и еще. Над головой очень вовремя прошла

волна штурмовиков — зрелище было еще то. Заодно перемешали с ошметками травы второй ряд колючки — резать там стало нечего, гуляй как по проспекту. И сирены очень кстати заткнулись.

Штурмовики пронеслись вперед; двинул дальше и десант, благо стрелять по нему было больше некому.

— Ур-роды, — пробормотал Солянка, падая рядом со Скотчем после очередной перебежки. — На смерть ведь вояк шлют, неужели непонятно?

Впереди как раз торопливо шныряли в окопы защитники президентской базы.

— Не твоего ума забота, — буркнул Скотч, прильнув к биноклю. — Канониры, цели!

«Вообще-то нас вполне можно было высаживать и внутри колючки, — подумал Скотч с неудовольствием. Вся нынешняя беготня с перестрелками, по его мнению, была совершенно излишней. — Но, кажется, я догадываюсь, почему так происходит. Начальству нужна демонстрация силы. Тахирцев нужно сначала унизить и деморализовать. Дабы были впредь посговорчивее. Интересно: с ними вообще пробовали договориться по-хорошему? Вряд ли, на это просто нет времени. А значит — стреляй, солдат, и по возможности глуши голос совести и здравого смысла...»

Скотч не знал, отдал бы он приказ своим людям стрелять в тахирцев, если бы те не сопротивлялись. Наверное, не стал бы он отдавать такого приказа.

Но тахирцы стреляли, упорно и фанатично, а когда противник сопротивляется — его давят.

Миновали и вторую колючку, и минное поле, по которому прошлись кроты-тральщики, высеянные саперами. Подходы к президентской базе все больше стали напоминать эпицентр мощного взрыва или последствия прохода не слабенького торнадо. Вдали виднелись строения навроде коттеджей — этажа в два, не более.

То и дело поднималась пальба: аборигенов-солдат тут было как на военной базе, не счесть. Одному бойцу сломало руку — кинетический удар от крупнокалиберной пули. Гаваец озверел от четырех попаданий в себя кряду и предлагал пустить в

дело гранаты. Мельников со своим неразлучным приятелем-погранцом от души веселились, то и дело затевая со снайперами-тахирцами короткие дуэли. Мельников не проиграл ни одной. Солянка умело подгонял свою часть когорты, капральствовал, словом. Боевой пловец меланхолично падал в траву и ждал, пока очередную огневую точку противника придушат канониры. Братья Суондреды, напротив, стреляли много и охотно, периодически перебрасываясь свежими батареями.

Такая война больше напоминала детскую игру «Зарница» с игрушечным оружием и игрушечными жертвами. Вот только тахирцам она таковой точно не казалась: их жертвы были вполне настоящими.

Тем временем крейсер просел на должную высоту и совершенно закрыл собою местное небо.

«Сейчас агитацию начнут, — подумал Скотч. — Давно пора».

Не нравилось ему стрелять в практически безоружных аборигенов. Говоря по совести, в этот десант следовало идти с парализаторами, а не с лучеметами и импульсными орудиями.

И действительно, непривычные звуки тахирской речи полились из поднебесья. Они не были особенно громкими, но слышали их все — даже президент в своем бункере наверняка слышал.

А минут через пять прошла команда залечь и прекратить огонь. Как позже узнал Скотч, ввиду того, что президент предпочел прервать ненужное кровопролитие и сдался на милость захватчиков.

Когорта, понятное дело, залегла. За милую душу. Валяться на травке всяко лучше, чем воевать, — даже вот так воевать, по-игрушечному.

Валялись долго, минут сорок. Обороняющиеся с позиций куда-то слились, а поскольку команды стрелять не было — никто и не стрелял. Скотч успел отлежать один бок, потом другой, а никаких новостей и указаний все не поступало. Гаваец, отдыхающий через одного справа, начал громко костерить судьбу; на него издалека рыкнул Солянка — по связи,

понятное дело. Рыкнул в общем-то развязно — ну так и десант нынче изображал не самих себя, а пиратов.

Потом приполз Мельников, причем без напарника. Приполз, умостился рядом со Скотчем и жестом предложил отрубить связь. Пошептаться, стало быть. Пошептаться с погранцом Скотч и раньше был не прочь, а теперь так и вовсе рад: бесцельное ожидание для солдата бывает хуже вражеской атаки. Особенно когда затягивается.

Касание сенсора — и связь отключена. Свою Мельников отключил раньше.

— Не нравится мне это, — с ходу пробурчал Мельников. — Проходило что-нибудь по командной?

— Нет. — Скотч качнул шлемом. — Вообще ничего. Скомандовали залечь — и все.

— Я видел, в центр базы наш бот садился.

— Бот? — изумился Скотч. — Не понял. Я ничего не видел.

— Он садился в полном камуфляже.

Скотч покосился на пограничный шлем и подумал, что на самом деле аппаратуры там стопудово поболее, чем в обычном пограничном шлеме. Не следует забывать, что Мельников, в прошлом Семенов, работает на одну из спецслужб.

— И чего теперь? — спросил Скотч.

— Вот я и думаю, — вздохнул Мельников, — чего? Президента скорее всего взяли. И увезли.

— Почему же тогда нет сигнала отходить?

Мельников пожал плечами.

— Давай прикинем... — прошептал он. — Зачем мы можем понадобиться здесь?

Скотч честно напряг извилины.

— Ума не приложу, — сознался он спустя какое-то время.

— Если начистоту — я тоже. Оставлять нас здесь имеет смысл только для окончательного захвата базы.

— Значит, будем захватывать базу.

— А на кой нам эта база? Последний уборщик в «Квазаре» знает, что нужно командованию в первую голову. И находится это совсем не здесь. Скотче, захват базы и даже захват президента — совершенно пустая акция. Поверь мне, поставить

блокаду и вывезти захоронение можно, наплевав на аборигенов. И никакая ядерная атака этому не помешает, она даже начаться не сможет. Мы здесь с совершенно иной целью, а захват президента — просто формальный повод. Прикрытие.

— Блин, — пожаловался Скотч. — Я окончательно запутался! Я уже ни хрена не понимаю — совсем!

Мельников затих, потом приподнялся на локтях, вглядываясь туда, откуда еще совсем недавно постреливали тахирцы. Скотч взглянул туда же, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь, но впереди различалось только колыхание влажного воздуха.

— У тебя вызов мигает, — не поворачивая головы, сообщил Мельников.

Скотч покосился: и правда! Ну-ка, ну-ка...

— Скотч! — ворвался под череп голос Хрофецки. — Ты где там?

— На связи, — отозвался Скотч.

— Остаешься на месте. По сигналу начинаешь двигаться вперед. Стрельбы скорее всего не будет, но все равно держать нос по ветру. За вами наблюдают по позиционированию и будут корректировать движение в случае чего. Когда доберетесь до места — дадут знать.

— Понял.

Нестроевая команда вырвалась у Скотча сама собой: он отвыкал быть военным так же быстро и легко, как чуть больше года назад привыкал к обратному.

— Внимание, всем! — скомандовал Хрофецки уже циркуляром. — Шутиков на месте, остальные — возврат к боту! Исполнять!

Скотч тоскливо заозирался — коллеги по роте, а также соседние роты дружной шеренгой стали отступать туда, откуда пришли. Без суеты, по-хозяйски, где пятясь, где боком, где перебежками, но непременно оглядываясь и обратив оружие куда положено — против движения.

— Чего там? — сразу подсуетился Солянка.

— Когорта, мы лежим дальше, — огласил Скотч непонятный приказ. — У нас спецзадание.

Потом подумал и добавил:

— Вероятно...

— Эй, Скотче, — шепнул Мельников. — Я рядом с тобой буду, ладно? Ты держи меня в курсе, что там по командному каналу отгружают, лады?

— Ага... Женьшень, Гаваец, а ну подвинулись! У нас тут с погранцами междусобойчик...

Десантура без лишних слов перекатилась правее, пододвинув заодно остальных с правого флага. Дружок Мельникова, впрочем, остался где-то совсем справа, не стал присоединяться к напарнику. Скотч наскоро поглядел на сержантского сексота — служебную картинку со спутника, роль которого в данный момент выполнял висящий над головами крейсер.

Ну-ка, ну-ка, чем заняты бравые корсары из его когорты?

Ага. Солянка с Бестией и двумя бывшими пехотинцами-пустотниками режутся в карты. Пловец дрыхнет. Остальные вроде ничем особым не заняты — втихую чешут языки с соседями или таращатся кто куда — на строения вдали, на крейсер, на траву перед самым лицом. Жучков, кстати, там ползает вдоволь; многие весьма забавны на вид. В другое время Скотч бы картежникам... Впрочем, сейчас не другое время.

Слишком часто приходится напоминать себе, что участие в нынешней миссии в черт знает какой далекой галактике — это не военная служба в обычном понимании.

Додумать Скотч не успел, его снова вызвали, по резервному каналу.

— Скотч?

Голос был удивительно знакомый, а на изображения в боевых условия обычно не тратятся. Особенно тогда, когда они и не нужны.

— Я! — отозвался Скотч.

— Позиционирование, Маримуца. Проверка связи.

— Слышу вас нормально.

— Отлично. Оставайтесь на месте, сейчас высадят экспертов, которые пойдут с когортой. Дождетесь — озадачим. Как понял?

— Все понял, ждем экспертов.

— До связи.

— До связи...

КОСМОДРОМ

Сигма Чёрной Ресницы, спутник четвертой планеты, безымянной. Экс-территория на границах доминант Земли и Л'лато

Рин-Риду давно уже не нервничал перед операциями. Что поделаешь, у перевертышей на всем лежит печать долголетия, неторопливости и спокойствия. Среди собратьев по клану Рин-Риду числился одним из самых молодых, хотя первые операции с его участием проходили, когда корифеи разведок других рас еще не родились.

Он ждал в захудалом космопорте захудалой человеческой базы уже третий день, а связной все не появлялся. Впрочем, волноваться было все равно рано: связной, служивший поваром на малом рейдере-почтаре, и сам не знал точных дат старта и прибытия. Он не знал также, откуда прибывает почтарь и куда направляется. Возможно, связной прибудет вместе со своим кораблем сегодня, а возможно — через двое-трое суток. Возможно, он вообще не прибудет — из десяти удачно спрогнозированных трасс эту капитан почтаря избирал четырежды, причем в последний раз ею не пользовался. Если не воспользуется и на этот раз, вскоре придется снова тащиться сюда через полгалактики и снова поджидать несколько суток. И опять, может быть, безрезультатно.

Однако интуиция подсказывала Рин-Риду, что ждет он не зря. Связной появится. Судя по шевелению в штабах воен-

щины союза, научники и искатели «Квазара» дали первые результаты, а значит, дипломатическая почта польется через ретрансляторы обильным потоком. Перехватить ее можно, а вот расшифровать в приемлемые сроки — вряд ли. До сих пор по крайней мере не удавалось. Остро не хватало того, чего у оаонс обыкновенно хоть отбавляй — времени. Взбалмошенные хомо живут и действуют в таком бешеном ритме, что даже объединенной вычислительной мощи перевертышей и шаттсуров не сладить с достаточным числом подстановочных вариантов: к моменту, когда перебор завершится, новость давно перестанет быть новостью и, следовательно, потеряет реальную цену.

Конечно, почтарь хомо не возил никаких опечатанных конвертов в опечатанных сейфах — подобные нелепости встречаются только в дешевых видеопостановках. Почтарь всего лишь ретранслятор, хаотично блуждающий по произвольному икс-пунктиру и большую часть времени издающий пустой и никому не интересный белый шум. Однако в этот шум периодически вплетаются короткие импульсы мгновенной связи и информация уходит на очередной ретранслятор. Единичного почтаря еще можно выследить и изловить, но выследить и изловить всю сеть...

Безнадежное занятие. Тем более что одна и та же депеша дробится на части и идет к адресату десятками разных цепочек, собираясь в единое целое только на финише.

Однако именно почтарь со внедренным агентом-«поваром» (кстати, готовит изумительно!) почему-то уже четырежды дозаправлялся и догружался припасами именно здесь и начинал свою безумную ретрансляционную пляску именно отсюда. Рин-Риду поставлял в космопорт продукты. Под видом, понятное дело, человека.

Связной, в отличие от разведчика, был настоящим человеком. Но человеком синдикат-клана: он вырос на Оа и удостоился чести бывать на Иншуди. Конечно, урожденный оаонс на его месте устроил бы разведку перевертышей куда больше, но ведь и разведку хомо такой вариант категорически не устраивал, а в то, что всем мало-мальски связанным с серьезными тайнами работникам хомо то и дело учиняют негласные

генетические проверки — клан уже успел убедиться. Так что даже глубокий метаморфоз разведчика-ооонс не спас бы.

Нет, связным мог быть только человек, предатель собственной расы. Внедряли его долго и трудно, и, понятно, начали гораздо раньше истории с находкой генератора. До поры до времени агент пребывал в состоянии консервации, пока от главы резидентуры и шефа обеих контрразведок ооонс не поступил соответствующий приказ.

Наверное, отец долго и тщательно обдумывал каждый шаг, прежде чем дать знать агенту, что сонная жизнь закончилась и началось настоящее дело. Три предварительные проверки и только потом осторожное реальное задание, маленькое и пустячное.

Вроде бы «повар» не двурушничал. Информация его была ценной, но пока бесполезной. Разведка ооонс в общих чертах представляла состояние дел в окрестностях межгалактического коридора, но не знала, где находится сам коридор. Известно было, что союзники отыскали пресловутое захоронение генераторов, в которое многие аналитики ооонс и шат-тсуров долго не верили. Известно было, что союз столкнулся с трудностями при разработке, чуть позже установили даже с какими именно — повар на почтаре был не единственным агентом имперцев, побывавшим в галактике-2.

Что ж, когда-нибудь это должно было произойти — столкновение с иногалактической жизнью. И это произошло. Жаль, что не ооонс представляют свою галактику перед далекими чужаками. Но это поправимо.

Рин-Риду заказал еще чаю и вызвал на локальный терминал сводку новостей. Не торопясь просмотрел — никаких сколько-нибудь значимых перемен. Вялотекущая позиционная возня около шатких в оборонительном смысле систем и планет.

Следовало признать: амбиции империи оказались выше ее реальных возможностей. Каких-то полтора-два годовых цикла назад Унве еще мог проглотить достаточное количество миров в галактике, чтобы его доминирование стало необратимым, но момент был безвозвратно упущен — союз сплотился, собрался с духом, реанимировал совместные вооруженные

силы, с которыми давно перестали считаться как с реальным противником. И все — глухой и беспросветный паритет. Все-таки галактика чересчур огромна, что для империи, что для союза. Да и император в решающий момент повел себя, мягко говоря, странно. Понятно, что изворотливые хомо подсунули шатам у Табаски вместо искателей совершенно левых индивидов, однако при известной настойчивости можно было добиться куда больших результатов. Унве же спустил все на тормозах и предпочел стать бессильным свидетелем событий, которые медленно, но верно рисовали черную метку на его имперских амбициях. Рин-Риду как-то заикнулся в разговоре с отцом, что поведение императора кажется ему странным, однако отец, прожженный политикан и разведчик, только рассмеялся.

— Унве оказался куда более умным и дальновидным, чем мы все думали, сын. Император избрал единственный путь, который все-таки может привести его к победе, хотя путь этот пока вовсе не кажется таковым. Чтобы взять все, нужно уметь поступаться многим. Запомни это. И поразмышляй на досуге.

Рин-Риду размышлял много, но главенствующего смысла в игре императора так и не уловил. И дело было даже не в слабом уровне информированности его как разведчика низшего звена — если бы отец не был уверен, что Рин-Риду располагает всей информацией для верных выводов, он бы не советовал поразмыслить над этой логической загадкой. Значит, ответ таился где-то на поверхности, просто его трудно разглядеть.

Однако Рин-Риду так ни до чего путем и не додумался. Наиболее перспективным ему самому казалось предположение, что император просто не хочет меняться ролями с хомо и союзниками. Ну узнает он координаты коридора, ну захватит генератор. Перепрячет его, разумеется. И будет вынужден изучать артефакт предтеч-исполинов самостоятельно, под прессом ищеек союзников, а это, как легко догадаться, удовольствие сомнительное. Поэтому император просто ждет, пока хомо не выполнят за него всю черновую работу, чтобы драться уже за конечный результат. Именно поэтому он мгновенно

прекратил борьбу за секрет искателей, едва убедился, что правители хомо и других союзных рас владеют информацией о генераторе и местонахождении коридора. Но столь смелая игра казалась Рин-Риду неоправданно рискованной, даже если Унве уже известны реальные координаты коридора.

Почтарь не появился и в этот день. Рин-Риду прождал до самого вечера и подумал, что завтра, пожалуй, следует прислать дублера: слишком он сам намозолил на людском космодроме глаза местным дармоедам.

ПРОМЕЖУТОЧНАЯ БАЗА ФЛОТА «ФЛАЖОЛЕТ»

Глубокий космос, нейтральное пространство

— Господин полковник?

— Да?

— К вам посетители.

— Это... — Полковник Попов сделал многозначительную паузу с явной вопросительной интонацией.

— Да, это со спецрейса.

— Проси.

Никто уже толком и не помнил, когда полковник Попов, позволяя посетителям войти, говорил: «Проси». Обычно он приказывал — тон его оставался мягким, но никто не посмел бы усомниться, что произнесен именно приказ, а не просьба.

Сотрудники «Хозчасти» не знали пришедших в лицо, но по той помпе, с которой прибыл дипломатический бот (в сопровождении солидного охранения, конечно), нетрудно было догадаться — пожаловали высокопоставленные лица. Не президент Солнечной, разумеется — Вернера Винцля любой подданный доминанты Земли знал по многочисленным голопрограммам и портретам. Президент — персона публичная. На «Флажолет» же прибыли скорее всего доверенные люди — советники, например. Возможно, доминант-секретарь или

шеф службы безопасности. Теневики, одним словом. Силовики-теневики. Серые кардиналы, чьи лица известны считанным людям, но чья власть простирается по галактике очень широко и далеко, на манер спиральных рукавов.

Вошли трое; перепонка в кабинет тотчас была плотно сомкнута и тут же зарощена.

— Добрый день, господа! — Полковник поднялся навстречу гостям. — У меня тут не слишком уютно, но тем не менее располагайтесь.

Полковник поздоровался с каждым из вошедших за руку и жестом указал на старинные стулья. По правде говоря, насчет уюта он малость покривил душой — в кабинете имелся даже камин с живым огнем, что на космических станциях было редкостью и роскошью. Здесь, на «Флажолете» полковник сумел отстоять камин, а вот в «Хозчасти» на «Квазаре» — уже нет. Там, в «Галактике-2» приходилось себе отказывать во многом — естественно, во имя великой цели.

Впрочем, посетители не знали, что полковник лично бывает на «Квазаре». Знай — непременно назвали бы самодеятельностью и неоправданным риском; однако у полковника Попова на подобные вещи был свой взгляд, достаточно своеобразный.

Когда гости расселись, самый молодой из них вынул стерженек персонального блокнота и изобразил готовность фиксировать события.

— Ну, полковник? — начал тот, который выглядел самым возрастным и умудренным жизнью. — Чем порадуете?

Попов вернулся за стол, покрытый зеленой скатертью.

— Радоваться еще рано, господа, но должен сказать, что покуда все идет не так уж плохо. По основному направлению работа практически завершилась — я имею в виду монтаж икспривода в районе захоронения. Пока имперцы не проявляют беспокойства, скорее всего они ломают головы, какого рожна мы затеяли войнушку с аборигенами, вместо того чтобы втихую вывозить генераторы. Как и ожидалось, с «Квазара» имеется утечка информации, однако не напрямую к императору, а, вернее всего, к разведке перевертышей. Пресечь утечку вряд ли предоставится возможность — операция по выяв-

лению сети все равно займет больше времени, чем есть у нас до завершения основной миссии «Квазара».

— То есть вы предлагаете ничего не трогать? — осторожно спросил старший.

— Именно так. Пусть себе сливают информацию, причем даже не ту, которую мы им могли бы скармливать. Ту, которая официально считается официальной, простите за неуклюжую формулировку. Ничего нового шат-тсуры и перевертыши все равно не узнают, а у нас будут развязаны руки вплоть до запуска икс-привода.

— На Тахире вы собираетесь кого-нибудь оставить?

— Разумеется. Так называемый экспедиционный корпус. Роту, или, как теперь она называется, когорту сводных пиратских сил. — Полковник говорил с нескрываемым сарказмом. — Плюс некоторую поддержку с орбиты, скорее всего один клипер. Флот вторжения побарражирует вблизи Тахира еще примерно сутки, после чего пойдет к коридору и примется изображать транспорт. А скутеры с парными генераторами из второй и третьей комплиментарных пар уйдут к Солнечной и Офелии вместе с вами. Лучше всего прямо на борту, вместо аварийных ботов. Ну а как провесим коридоры непосредственно в Солнечную и к Офелии — тут уж за судьбу остальных генераторов можно будет более не волноваться и спокойно планировать высев.

Старший из гостей после этих слов не без нервозности оглядел кабинет Попова.

— А вы уверены, полковник, что эта ваша... нора не имеет сторонних ушей?

— Уверен. А вот вашему юному коллеге я бы посоветовал не мучиться со своим блокнотом, запись все равно блокируется. Простите, но запрет на фиксацию изображений и звуков распространяется даже на вас. В интересах дела.

Самый молодой из гостей слегка покраснел, вскользь глянул на стержень и спрятал его в карман — несколько поспешнее, чем того требовала ситуация.

— Я правильно понял, полковник, что в этом вашем экспедиционном корпусе останутся все восемь портретистов?

— Совершенно верно. Будь моя воля, я бы вообще запретил им возвращаться в нашу галактику.

— Но ведь там один из ваших лучших...

— Это ничуть не меняет дела, — перебил Попов. Голос его враз исполнился твердости титана. — На его месте мог оказаться я. Или вы. Или президент Винцль. Позиция доминанты все равно не изменилась бы ни на йоту. Тем более что мы неожиданно наткнулись на еще одну любопытную информацию.

— Например?

— У аборигенов Тахира — причем именно того государства, с которым мы затеяли показательный военный конфликт, — имеется секретное подразделение по исследованию инопланетян и следов инопланетного присутствия в их мире. Напомню, что документально зарегистрированных контактов между тахирцами и пришельцами извне до сих пор зарегистрировано не было. Однако в распоряжении упомянутого подразделения имеется как минимум три частично поврежденных летательных аппарата, тела как минимум двух пришельцев и несколько артефактов невыясненного назначения. У нас есть некоторые основания полагать, что по крайней мере один из артефактов нам отчасти знаком. Точно такой же предмет всплывал в нашей галактике, информация проверенная.

Полковник Попов полез в ящик стола и вынул архаичную папку с несколькими листами распечатки.

— Дело о «Черной эстафете», — пояснил он, протягивая папку предводителю гостей.

— Позвольте... Та самая темная история? Гипотетический визит Роя к перевертышам и саркофаг, повлекший за собой целый шлейф необъяснимых смертей?

— Совершенно верно, она. Не знаю, как визит Роя, но история с саркофагом действительно имела место; на основании кое-каких данных я склонен предполагать, что разведслужбы перевертышей все еще ведут это дело.

— И что? Саркофаг обнаружился на Тахире?

— У меня пока мало информации для столь скоропалительных выводов. Но если опираться на ту, что имеется, — не исключено. Кстати, экспедиционному корпусу я поручу уточ-

нить все детали — чего им зря сидеть без дела? Тем более что там находится, как вы верно подметили, самый ценный... ну, вы поняли.

— Когда вы все успеваете, полковник? — проворчал старший визитер, невнимательно листая распечатки.

— Бросьте, пока искатели соображали, где следует искать захоронение, я провел довольно успешную работу с аборигенами Тахира. Не так уж это было и сложно, если говорить начистоту.

— Ну, что же... В общих чертах я уяснил суть будущего доклада президенту. Благодарю вас, полковник. Продолжайте в том же духе. Когда вы отбываете на «Квазар»?

— Прямо сейчас.

— Тогда не смею больше задерживать!

Визитеры одновременно встали; предводитель положил папку на зеленое сукно и пожал руку полковнику. Остальные двое кивнули и покинули кабинет. Едва они успели выйти, появился ординарец.

— Какие-нибудь указания будут? — справился он деловито.

— Собираемся, — велел Попов. — Не забудь упаковать скатерть, мне без нее плохо думается.

— Что вы, господин полковник, как можно! Никогда не забывать о скатерти — это первое, что вбил в меня мой предшественник! — Ординарец непринужденно улыбнулся. — Еще что-нибудь?

— Да вроде ничего сверх обычного. Почта была в последние четверть часа?

— Нет.

— А Равиль не вернулся еще?

— К сожалению, нет.

— Чего он тянет?.. — задумчиво протянул полковник. — Ладно, я пошел обедать, а ты собирайся.

— Приятного аппетита, господин полковник!

— Спасибо.

ЭКСПЕДИЦИОННЫЙ КОРПУС СИЛ ВТОРЖЕНИЯ

Галактика-2, система Тахир, четвертая планета (Тахир-4)

1

Скотч угрюмо глядел, как тает в зените слабенький инверсионный след только что улетевшего бота. Очень хотелось, чтобы кто-нибудь — например, Мельников — подошел и ободряюще хлопнул по плечу, без дурацких и неуместных слов, просто дабы подчеркнуть: ты не один, крепись, старина.

Но никто не подошел. Солянка так же угрюмо глядел в низкое чужое небо, Мельников по обыкновению шушукался в сторонке с неразговорчивым напарником, а пиратская братия занималась высевом зародышей под походные домики-палатки. Первые пузыри будущих палаток уже проклюнулись, набухли и вяло колыхались на слабом ветру, но долго им не колыхаться: скоро обретут положенную форму и отвердеют.

На душе было гадко. Сначала война эта ненатуральная — до того ненатуральная, что Скотч живо себе представил, как воротилы «Квазара» втихую договариваются с президентом Клондайка, совместно решают произвести войнушку (подумаешь, пристрелят десяток другой тахирцев!), а потом, дос-

тигнув своих таинственных целей, преспокойно отваливают Клондайку заранее оговоренный куш, забирают свое и отбывают восвояси. А тех, кто был вынужден стрелять по ни в чем не повинным солдатам из президентской охраны, банально кидают на позициях.

И что? Кому они теперь нужны?

Еще недавно все было просто и понятно. Скотч был десантником и командовал взводом таких же прямодушных обормотов. Был враг, его следовало уничтожать, были свои, их следовало оберегать и выручать из всяческих передряг. И вдруг все в одночасье изменилось.

Скотч прекрасно понимал: вокруг истории с инопланетным захоронением вяжется целый клубок событий, неприглядных и откровенно грязных, потому что политика занимается исключительно такими делами — неприглядными, грязными и лживыми. Скотч перестал быть защитником, солдатом родной доминанты и вместе с коллегами превратился в игрушку, солдатика, разменную фигуру на чужом игровом поле. Он прикоснулся к государственной тайне, поэтому назад хода нет, слишком велика вероятность, что его изловит враг и препарирует мозги, выудив попутно все, что Скотч умудрился узнать за последние год с небольшим. И с остальными героями Табаски такая же история.

Гадко было на душе, ой гадко... Вот ребятам легче — далеко не все понимали, что происходит, для большинства нынешние события выглядели просто очередным боевым заданием. Вражеские импульсы над головами не стрекочут — и то ладно. Но кое-кто прекрасно осознавал происходящее.

Скотч опустил голову и исподлобья взглянул на Мельникова. Тот, кривовато улыбаясь, поманил его пальцем. Словно ждал этого взгляда, тихушник чертов...

Сейчас Скотч злился и на него тоже — ведь ежу понятно, человек знает куда больше, чем говорит. И в происходящем видит какую-то неумолимую и однозначную логику. Нет, чтобы поделиться, вдохнуть жизнь в номинального командира, — так нет, молчит, зараза, улыбается только кривенько да снисходительно...

Скотч зло сплюнул под ноги и направился к нему. Мож, соизволит просветить?

— Чего? — хмуро спросил он, приблизившись.

Мельников отослал приятеля-погранца к работающим «пиратам» и поманил Скотча дальше, к пологому берегу озера, разлившегося посреди парка.

Они уселись на крутобоких валунах у самой воды. Валуны были крупные и явно привозные — уж слишком декоративно и живописно были расставлены.

— Сейчас Саня Веселов подойдет, — сообщил Мельников непринужденно.

Помимо когорты Скотча, на поверхности оставили нескольких искателей, в том числе Веселова, аналитика МакГрегори, пяток научников и зачем-то двоих офицеров из службы наблюдения — хорошо всем знакомых Дариуша Маримуцу и Рафика Раджабова. Никак герои Табаски не разлучатся, сводит их судьба вместе раз за разом.

— И что? — буркнул Скотч не слишком радостно.

— Поговорить надо. Кроме того, нужно будет устроить вылазку кое-куда. Но об этом пока лучше помалкивать.

Скотч горестно вздохнул. Терпеть он не мог ситуаций, когда собеседник знает и понимает в разы больше. Ужасно неприятно чувствовать себя идиотом — во-первых, потому что не в силах дойти до истины своим умом, а во-вторых, что тебя до сих пор не сочли достойным рассказа.

Веселов, одетый в длинный плащ серо-стального цвета, пришел минуты через три. Он уселся на прибрежный валун напротив Скотча и Мельникова.

— Ну что? — начал Мельников. — Ты, Скотче, явно ломаешь голову над смыслом того, зачем нас здесь оставили. Не трудись, смысла немного, но на месте этих, — Мельников многозначительно указал взглядом в зенит, — я бы тоже стал держать нас подальше от Земли и вообще планет доминанты.

Скотч угрюмо слушал. Пока понятнее не стало.

— Расскажи ему, Саня, — неожиданно мягко попросил Мельников.

Веселов задумчиво плюнул в набегающую волну, поправил лучевик на груди, а потом и вовсе его снял, положил на валун рядом с собой.

— Ты вообще догадываешься, зачем мы здесь? — спросил он Скотча. — Здесь, на Тахире?

— Глобально? Захватить склад древних хреновин, которые позволяют путешествовать без затрат времени. Я так думаю, с их помощью союз намерен выиграть решающую битву с имперцами.

— Верно, — кивнул Саня. — Эти, как ты выразился, хреновины внешне выглядят как полутораметровые цилиндры. Эдакие гильзы-переростки. Тот, что остался в нашей галактике, до поры до времени ничем от своего собрата не отличался. Но потом на нем проступило голографическое изображение. Не поверишь, но это мое лицо. Портрет, так сказать, на родине героя. Впрочем, чего я, на родине героя все было гораздо интереснее: несколько раз на несколько часов в небе появлялось огромное голографическое изображение опять-таки моей физиономии. Над городком, где я родился, над Волинском. По времени первое изображение над Волинском возникло раньше, чем голограмма проявилась на генераторе. Сначала я думал — это оттого, что я прошел нуль-коридором одним из первых. Однако в небе над очередным городком, правда, не на Земле, а на Офелии, вскоре появилось другое лицо, возникшее впоследствии и на генераторе.

— Кто? — угрюмо спросил Скотч.

— Дариуш Маримуца.

— И родился он, надо понимать, в этом городке на Офелии? Над которым проявилось его лицо?

— Верно мыслишь. Именно в этом городке Дариуш и родился.

— Н-да, — вздохнул Скотч. — Полагаю, теперь весь стартовый генератор испещрен нашими рожами, а в небесах наших э-э-э... как родина во множественном числе? Ну, в общем, там, где мы родились, в небесах наши морды. Я угадал?

— Почти, — вмешался Мельников. — Саня, слушай, ты этого тоже пока не знаешь. Лиц на генераторе уже какое-то время восемь и новые появляться перестали. Собственно, на генераторе и места больше не осталось. Сохранилась и закономерность с появлением голограмм в небе над местами рож-

дений. В семи случаях — в восьмом мы вынуждены просто поверить, потому что обладатель лица не знает, где родился.

— И все восемь сейчас тут, на Тахире?

— Да.

— Кто?

— Кроме нас троих — уже упоминавшийся Маримуца, Тамура, МакГрегори, Цубербюллер и Солянка.

Насчет себя Скотч уже пару минут как не сомневался: зачем бы ему все это рассказывали? А вот о Мельникове он сразу не подумал, хотя догадаться было несложно — кто еще мог оставаться в неведении относительно места своего рождения?

— Ну ладно, — сказал Скотч. — С нашей восьмеркой все ясно. Держат подальше от родной галактики, как взрыватели от мин. Но остальных-то зачем тут бросать? Зачем клипер оставлять на орбите?

— А захоронение?

— Хм... — Скотч поразмыслил. — Тоже нелогично. Где мы, а где захоронение! Да и охрана там нужна посолиднее. И вообще, вывозить надо эти генераторы, сначала на «Квазар», потом в нашу галактику. Не понимаю, чего они тянут?

— Скотче, а головой думать ты не пробовал? — поинтересовался Мельников с нескрываемым сарказмом. — У нас чертова уйма генераторов нуль-коридора. На хрена нам вывозить их обычным манером, через «Квазар» и первый коридор, а потом этапами по галактике, под носом у имперцев?

— А... — пробормотал Скотч и секундой позже до него дошло. — Что, провешивают второй коридор? Непосредственно к цели?

— Ну, наконец-то! — Мельников картинно поаплодировал.

— А куда? В Солнечную?

— Не знаю, наверное. Причем я полагаю, что коридоров провесят несколько, к ключевым мирам доминанты. Союзники в свою очередь занимаются тем же. Парные генераторы уже в пути. А на шельфе смонтирован средний икс-привод. Захоронение вместе с куском Тахира уедет, как только соответствующий генератор будет инициирован. Куда уедет — в данную минуту не знает никто, по обстановке. Захоронение

сейчас, как мышь перед гигантским куском сыра, испещренным дырами. Осталось только выбрать, в какую дыру влезть.

— Погоди. — Скотч ошалел от обилия новой информации. — Ты сказал — вместе с куском шельфа? Да там же цунами образуется! Океан хлынет в оставшуюся воронку...

— Можешь не сомневаться. Цунами образуется. Океан хлынет. Непременно.

— Полпобережья смоет!

— Смоет, — подтвердил Мельников. — Тебе-то что?

Скотч насупился. Что ж... Война. Жертвы. Все логично, все как всегда. Лес рубят, щепки летят.

— Но ведь... местные нас после этого...

— Сомневаюсь. — Мельников был невозмутим. — Оружие и камуфляж у нас имеются. А еще у нас осталось невыполненное задание здесь, на Тахире. Надо кое-что разнюхать. Пойдем небольшой командой, человек восемь-десять. Вы идете..

— Это приказ? — спросил Скотч.

— Для меня — да. — Мельников пожал плечами. — Если ты не хочешь, возьму кого-нибудь из твоих молодцов, полномочия у меня есть. Впрочем, ты не откажешься.

Скотч мысленно выругался — Мельников снова был прав. Сидеть без дела он не станет, сидящий без дела сержант провоцирует подчиненных на разболтанность, а кому оно нужно?

— Идет вся восьмерка... меченых?

— Не обязательно. Нам нужны эксперты, поэтому я хотел бы прихватить тебя, Саня, а также Маримуцу, МакГрегори и Сориала. И нам нужны бойцы — это ты, Скотч, я, ну и те же Цубербюллер, Тамура, Суондреды. Но большая толпа тоже ни к чему, мы не на штурм идем, а скорее в разведку.

— Я бы взял Гавайца, — посоветовал Скотч. — Проверено.

— Бери, — не стал возражать Мельников. — Пошли, надо перекусить, чем начальство послало, и идти. Не думаю, что у нас прорва времени.

Мельников встал. Встали и Скотч с Саней Веселовым — этот человек без прошлого и будущего действовал на окружа-

ющих гипнотически. И Скотч, и Саня сначала оказались на ногах и только потом это осознали.

— Ну, дела, — проворчал Скотч на ходу и подумал: «Надо сказать ребятам, чтобы палатки замаскировали как следует и не снимали пустотных комплектов. Так оно спокойнее будет».

Осознание того, что горстка землян осталась на невообразимо далекой чужой планете, аборигены которой вряд ли питают к пришельцам теплые чувства, давно уже не пугало бывалого десантника.

2

Резиденции главы Клондайка здорово досталось: было видно, что некогда ухоженный парк во многих местах обезображен следами обстрела, а аккуратные домики частично разрушены. Нигде не было видно ни души, видимо, и президент, и другие важные лица, и охрана, и обслуга эвакуировались в более спокойное место. Шли скрытно, с включенным камуфляжем — мало ли что? Скользили тенями мимо проломов на дорожках, мимо валяющихся под ногами отстриженных импульсами ветвей, мимо брошенных автомобилей, мимо опустевших строений. Вскоре вышли к высоченному забору, увитому побегами местного плюща. На верхней кромке забора среди побегов безошибочно угадывались спирали колючей проволоки.

Штурмовать забор не стали, Мельников сказал, что где-то неподалеку должны располагаться ворота, надо только отыскать дорогу, петляющую в парке. То, что дорога прихотливо извивалась, Скотч мысленно одобрил: аборигены знали толк в делах охраны и безопасности. Нечего по такому важному объекту, как резиденция первого лица государства, гонять на повышенных скоростях. Да и противника в случае штурма ворот легче перехватить, если он на колесах. А что до пеших — так пешим и бездорожье не помеха.

Ворота (двойные, кстати) они отыскали минут через семь. И внутри периметра, и за вторыми воротами приткнулись бу-

дочки охраны. Между воротами по бокам дорогу сдавливали две толстые бетонные трубы с бойницами — надо полагать, для расстрела непрошеных гостей.

Во внешней будочке дежурили два аборигена в униформе и при оружии. Будь на их месте люди, они бы явно выглядели бледными с лица. Аборигены вели себя тревожно даже на взгляд Скотча, видевшего их второй раз в жизни — озирались, то и дело поглядывали в окна, да и оружие не выпускали из рук.

— Снять? — шепотом спросил Гаваец.

— Не надо, — тихо отозвался Мельников. — Так пройдем.

Он вдруг отключил камуфляж и, не кроясь, пошел к воротам. Приблизился, постучал. Ворота стали медленно уезжать вбок, освободив проход для одного человека.

Мельников сделал неуловимый жест — один за другим десантники принялись просачиваться в щель мимо него, пока Мельников якобы замешкался.

Просочились, отбежали в сторону от ворот, присели на обочине.

Мельников совершенно спокойно вошел в будочку к аборигенам; сквозь прозрачную мембрану окна было видно, как он с ними беседует, сдержанно жестикулируя.

— Вот шельма! — восхищенно прошептал Гаваец. — Уже и язык выучил! Скорые ребята эти погранцы!

Скотч не ответил. Погранец, как же... Впрочем, в словах Гавайца проступал некоторый сарказм, вполне возможно, что он догадывался, кем приходится служить Мельникову на самом деле.

МакГрегори, Тамура и Цубербюллер молча вслушивались в диалог.

Вскоре Мельников вышел из будочки и уверенно направился вдоль по дороге. Шаге примерно на двадцатом он врубил камуфляж и исчез — визуально, понятное дело. Аборигены в будочке тут же спрятались за стол и присели.

— Пошли, — сказал Мельников, проходя мимо коллег. — Минут двадцать топать.

Вдали, в совершенно чистом поле виднелись какие-то приземистые ангары, а еще дальше, подернутый влажной

дымкой, вставал исполинский горный хребет. И никакого намека на снежные шапки — сказывался более теплый климат Тахира.

Топали и впрямь минут двадцать; примерно за километр до очередного периметра в виде проволочного заграждения Солянка углядел на обочине упрятанную в траву штуковину, удивительно похожую на металлический гриб с глазком. Мельников на всякий случай велел всем замереть, только Саня Веселов, Сориал и МакГрегори осторожно подобрались поближе к грибу.

Гриб оказался не металлическим, а керамическим и внутри был начинен электроникой. Даже Скотч, далекий от специальной техники вояка, после сканирования не усомнился: это датчик слежения. Скорее всего местность вокруг напичкана такими же.

Дальше двинулись осторожнее, тщательно сканируя путь перед собой.

«Все смешалось, — думал Скотч отстраненно. — Погранец в чине рядового командует отрядом из капитана, флаг-лейтенанта, сержанта, двоих капралов, одного гражданского и троих таких же рядовых. Вот они, будни спецслужб».

Капитан Маримуца подчинялся Мельникову безропотно: скорее всего имел соответствующие указания. МакГрегори и технарь-Сориал тоже восприняли это как должное. А у Скотча и его бойцов просто не оставалось выбора.

«Впрочем, — продолжал размышлять Скотч, — при чем тут звания? Мы сейчас пираты, просто пираты в разномастных комплектах и вооруженные кто чем. Какие офицеры, какие рядовые? Осколок когорты ведет самый осведомленный. Так и должно быть».

Путь к заграждению оказался извилист — пришлось огибать все те же датчики. Аборигены явно сильно не желали допускать к ангарам посторонних. Тем не менее пришлось допустить: как и пророчил Мельников, минут через двадцать разведкоманда миновала все препоны и углубилась на территорию базы. От строения к строению перебегали с осторожностями, двумя группами — территория, без сомнения, охранялась.

Невидимый Мельников тронул невидимого Скотча за плечо, когда вся команда залегла напротив входа в один из корпусов, отличный по внешнему виду от большинства остальных ангаров.

— Нам сюда, — тихо сказал Мельников. — Знаешь, что это за контора?

— Откуда? — сердито прошептал Скотч. — Вы ж молчите, как кошкуны в засаде... погранцы, вашу мать.

— Злишься? — с некоторой иронией уточнил Мельников. — В принципе по делу злишься... Эта контора исследует следы инопланетного присутствия на Тахире. Заметь, аборигены до нас не имели официально подтвержденных контактов с инопланетными расами.

— Ну и что?

— А то... Мы для них — диковина и откровение. Символ начала новой эпохи. Нужно по их холодильникам пошерстить. По идее, мы должны отыскать нечто интересное. Собственно, в этом и состоит наше задание.

— Интересно, — хмыкнул Скотч, — а мы разберемся в местных реалиях? В местной технике? Я с трудом представляю, как попасть внутрь.

— Это как раз не проблема — зря, что ли, мы прихватили искателя-универсала и братков-экспертов? К тому же у нас будет помощник. Добровольно-платный. Абориген, здесь работает.

— Абориген? Тахирец? — удивился Скотч. — Елы-палы! Когда вы все успеваете?

— Профессия обязывает. К тому же наши люди на Тахире высадились раньше, чем эта планетка официально была — хе-хе! — открыта и занесена в каталог.

— К-конспираторы, — прошептал Скотч с отвращением. — Рыцари плаща, кинжала и бака с помоями.

— Чего это ты раздухарился? — слегка удивился Мельников.

— Да задолбала уже эта грязь! Грязь и говно, куда ни сунься. Политика доминанты, чтоб ее!

— Не мы такие, жизнь такая, — меланхолично отозвался Мельников. — Во! Наш кенгуренок нарисовался!

Сравнение с едва не вымершим земным животным было очень точным: гнущиеся в коленях назад ноги аборигена делали его действительно похожим не то на кенгуру, не то на диковинную бескрылую птицу. Абориген выглянул из массивной овальной двери. Кажется, он собирался выйти, но почему-то замешкался в дверном проеме. Позади него легко различался второй абориген, крупнее габаритами и с оружием на шее.

— Взяли, — тихо скомандовал Мельников; Скотч с Гавайцем тотчас синхронно рванулись вперед.

Пеленать противника, который тебя не видит, — дело не слишком хлопотное. Поэтому хватило нескольких секунд, большая часть которых ушла на короткую перебежку к двери. Гаваец успокоил охранника, потом второго, уже внутри. Скотч тактично взял за шиворот завербованного тахирца.

Спустя еще пару секунд у дверей материализовался Мельников, втолкнул Скотча с аборигеном внутрь, убедился, что вся группа также вошла в здание, и снял маскировку.

При виде появляющихся из пустоты «пиратов»-инопланетян абориген явно струхнул — а кто не струхнул бы на его месте? Тем более что официальных контактов с иными расами тахирцы и впрямь еще не имели и происходящее с их точки зрения носило ярко выраженную экстраординарность.

— Молодчина, Бурый, — похвалил Мельников по-русски; плоский модуль транслятора-переводчика дублировал сказанное на местном наречии прямо из кармана мельниковского комбеза. — Отлично сработано. Теперь нам нужно попасть к экспонатам. Ты говорил, что есть еще один охранный пост. Так?

— Так. Перед шлюзом в гермозону и в самой гермозоне. По два охранника.

— Кто-нибудь из ученых или из начальства сейчас присутствует в гермозоне?

— Да, профессор, имя не перевелось, и его ассистенты как раз работают с образцами. Кроме них там еще с десяток техников и столько же особей из обслуги.

— Хорошо. Сейчас мы снова исчезнем, а ты ступай к шлюзу в гермозону. Как только мы войдем внутрь, можешь считать себя свободным.

— Понял, иду.

Маленький абориген, которого Мельников назвал Бурым, послушно повернулся и, смешно переставляя ноги, пошел в глубь здания.

— Камуфляж! — скомандовал Мельников, задействуя свой модуль.

Земляне снова обратились в призраков, стремительных и бесплотных. Они проворно скользили по коридорам, вдоль выкрашенных в лимонный цвет стен, дважды поднимались по лестницам и один раз опускались на лифте — похоже, упомянутая гермозона располагалась под землей, но вел туда единственный лифт и только с самого верхнего этажа здания.

Охранников перед гермозоной пристукнули в обычном стиле — быстро, бесцеремонно, но не насмерть. Пока Бурый проделывал какие-то маловнятные манипуляции с модулем идентификации, Мельников коротко скомандовал Гавайцу остаться перед входом и покараулить — вдруг охрана очухается или принесет нелегкая кого-нибудь, кто в состоянии поднять тревогу.

Внутрь заходить завербованный абориген не стал, остался в коридоре — никто не стал вдаваться почему, видимо, это входило в условия вербовки.

Внутреннюю охрану взяли Тамура и Цубербюллер — Скотч аж залюбовался. Пустотники флота «Гольфстрим» явно не просиживали по тихим углам прошедший после событий на Табаске год. Можно сколько угодно твердить о превосходстве десанта над регулярными подразделениями, однако реальная война уравнивает всех: или становишься профессионалом, или тебя убивают.

Гермозона представляла собой просторный зал, поделенный примерно пополам монолитной прозрачной стеной от пола до потолка. Помещение было залито ярким светом, светильники располагались как в операционных — бестеневым методом. В центре той половинки, куда попали земляне, помещался полукруглый пульт, за которым примостилось душ

десять аборигенов в белых хламидах, перчатках и с повязками на физиономиях — только глаза наружу.

— Камуфляж долой, — скомандовал Мельников и в зале произошло нечто на манер немой сцены.

— Костя, Тамура, здесь! — продолжал руководить Мельников.

Цубербюллер послушно занял пост у дверей, Тамура встал перед пультом, красноречиво поводя стволом лазерника. Подобные жесты не нуждались в толкованиях.

Тем временем Мельников прихватил за шкирку крайнего аборигена из сидящих за пультом и задействовал транслятор.

— Нам нужно войти туда!

И поощрительный пинок, после которого абориген запрыгал, как кенгуру, в нужную сторону.

Замки шлюза, насколько успел подсмотреть Скотч, представляли собой гибрид кодово-символьных и идентификационных — тахирец вставил в щель похожий на укороченный карандаш стержень, пристегнутый цепочкой к запястью, а другой рукой несколько раз потыркал в кнопки. Огонек на панели замка сменился с оранжевого на тускло-зеленый и внешняя створка шлюза плавно отъехала в сторону. Похожая манипуляция со вторым замком (абориген явно спешил, вполне возможно, что на отпирание внутреннего замка отводилось некое заранее оговоренное время, после чего в шлюз впрыскивалась какая-нибудь парализующая пакость), и внутренняя створка пропустила землян в гермозону.

— Скотч, здесь! — велел Мельников.

Правильно, кто-то ведь должен держать вход? Скотч — последний из еще не озадаченных боевиков, поэтому придется торчать у шлюза, хотя очень хочется посмотреть на местные диковины поближе.

Бестолково топчущегося аборигена Скотч сграбастал за плечо и спровадил на пол, к прозрачной стеночке — сиди, мол, голубец, и не отсвечивай почем зря.

Мельников, МакГрегори, Саня Веселов, Маримуца и Раджабов охватили исследователей полукольцом. От входа Скотч успел рассмотреть шесть продолговатых танков, подсвечен-

ных изнутри; в каждом под прозрачным колпаком на низких то ли столиках, то ли топчанах покоилось... нечто.

В крайнем слева угадывались плохо сохранившиеся фрагменты тела какого-то существа — часть корпуса и оторванные конечности, вряд ли комплектные. Определить, чьи это останки, Скотч не сумел, да не особо и пытался — не спец. В соседнем хранилось неповрежденное тело бесспорно гуманоидной морфологии, скорее всего оаонс-перевертыш в практически изначальном виде, то бишь без следов телесного метаморфоза. Третий слева танк был больше размерами и вмещал в себе нечто вроде объемистого коричневого шкафа или ящика; Скотчу показалось, что поверхность ящика чешуйчатая. Четвертый танк, также повышенных габаритов, был пуст. В пятом, снова небольшом, находилось что-то вроде гигантского насекомого, во всяком случае при виде хранящегося внутри тела возникали однозначные инсектоидные ассоциации — усики, хелицеры, петипальпы у ротового отверстия, тоненькие перетяжки между частями корпуса, коготки и характерные волоски на сухопарых лапах. Существо смутно напоминало непомерно большого муравья или термита, но только напоминало — различий тоже было много. Шестой танк, крайний справа, пустовал.

— Добрый день, профессор. — Мельников обратился к одному из застывших аборигенов, по каким-то одному ему понятным признакам выделив его среди остальных. — Похоже, у вас сегодня праздник, объект ваших исследований явился к вам в гости, а?

Транслятор завывал, переводя слова на язык тахирцев.

— Не бойтесь, хоть мы и вооружены, явились с миром. Все, что нам нужно, это взглянуть на объекты, которые вы изучаете. Мы посмотрим и уйдем, ничего не тронув. Если, разумеется, вы и ваши коллеги будете вести себя благоразумно и не станете нам препятствовать. Если же станете, что ж... могу сообщить: мы — военные, поэтому склонны сначала стрелять, а потом разбираться, стоило ли это делать. Советую не искушать судьбу. Вы меня поняли?

Тахирец-профессор ответил; транслятор перевел это так:

— Мы согласны, пожалуйста, не разрушайте образцы.

О собственном благополучии и благополучии ассистентов абориген (как и все истинные ученые) думал лишь во вторую очередь, отчего Скотч проникся к нему невольным уважением.

Мельников отключил транслятор.

— Саня! Поди сюда.

Веселов с готовностью подошел ко второму слева танку.

— Что скажешь?

Бегло оглядев гуманоида под колпаком, Саня без колебаний заключил:

— Перевертыш.

— А вы, братцы-эксперты?

— Согласен, — подтвердил Маримуца. — Неметаморфированная стадия.

МакГрегори безмолвно кивнул.

— А это? — Мельников указал на четвертый танк с «муравьем».

Ответ Веселова последовал незамедлительно, похоже, тот для себя все заранее решил:

— Рой, малый рабочий.

Маримуца не баловал разнообразием реакций:

— Согласен.

МакГрегори решил последовать примеру Дариуша и вторично кивнул, так и не проронив ни слова.

— Прелестно. — Мельников приблизился к заключенному в танк чешуйчатому ящику. — Ну а насчет этой штуки вы можете и не знать... Ладно, здесь я увидел все, что хотел.

Мельников снова включил транслятор и обратился к покорно ожидающим аборигенам:

— Профессор, мне нужно также взглянуть на предметы, захваченные вместе с телами этих существ.

— Они не здесь, они в соседних лабораториях.

— Значит, мы отправимся туда. Велите своим коллегам выйти в смежное помещение и вести себя спокойно и тихо.

— Все слышали? — промяукал профессор, обращаясь к своим. — Делайте, как они говорят!

Делегация тахирцев просочилась в пультовый зал; последним гермозону покинул Скотч, подгоняя стволом лучемета

самого малоподвижного аборигена. Здесь Мельников сдал местную братию на попечение Тамуры и Цубербюллера, а сам в сопровождении профессора, Скотча и четверки экспертов вышел в коридор.

Гаваец исправно нес вахту снаружи: незримой тенью маячил у стены. Охранников он аккуратно посадил рядом с собой, привалив спинами друг к другу — все ж лучше, чем просто валялись бы поперек прохода.

В течение следующей четверти часа Мельников шастал по лабораториям и глазел на экспонаты местного «музея», изредка выключая транслятор и обмениваясь короткими репликами с искателем и экспертами из военных. Предметы попадались самые разные: гражданская аптечка из комплекта пассажирских судов, пьезобритва, портативный терминал мгновенной связи, упаковка офелийской жвачки, использованная гильза из-под пиропатрона, тусклых красок порнографический журнал издания свайгов, купюра в двести пангала почти трехсотлетней давности, ручной игломет без обоймы, расческа, засохшая ватрушка с творогом, очки с модулем нейроусиления и усиком приемной антенны над левой дужкой...

Несколько предметов никто опознать не смог.

— Закругляемся, — через какое-то время скомандовал Мельников и связался с Тамурой, Цубербюллером и Гавайцем. Потом обратился к профессору, очень миролюбиво и, как показалось Скотчу, с нескрываемой симпатией: — Уважаемый! Мы уходим. Поверьте, поднимать тревогу бессмысленно — после недавнего побоища в резиденции вашего лидера, о коем вы, безусловно, слышали, вряд ли ваше сообщение кого-либо впечатлит. Наш визит имел чисто информативный, ознакомительный характер. Как видите, мы сдержали слово и никого не тронули. Ведите себя так же благоразумно еще какое-то время после нашего ухода и для вас все благополучно завершится. Прощайте.

Земляне отступили под прикрытием камуфляжа и без помех покинули сначала здание, а потом и территорию секретной базы Клондайка.

Можно было не сомневаться: в свете событий последнего времени важность этой базы в глазах правителей Клондайка сильно упала.

Инопланетяне пришли на Тахир, пришли не прячась и вели себя весьма бесцеремонно. Какой смысл изучать плохо сохранившиеся останки или хорошо сохранившиеся трупы, если пришельцы с небес открыто разгуливают по Тахиру и обделывают свои малопонятные делишки? Гораздо разумнее попробовать с ними договориться.

«Хотя, — думал Скотч, — наши верхи с верхами по крайней мере Клондайка скорее всего давно навели мосты. А мы и простые тахирцы лишь исполняем извечную роль статистов в циничном спектакле больших политиков».

Впрочем, ему понравилось, что на этот раз обошлось без глупых и бессмысленных жертв. А что охранники получили по головам, так у них работа такая. Профессиональный, так сказать, риск.

До лагеря добрались без приключений, однако выражение физиономии встречавшего их Солянки Скотчу сразу не понравилось.

— Что такое? — забеспокоился и Мельников.

— Империя перешла в наступление, — угрюмо сообщил Солянка. — Только что по мгновенке сообщили: атакованы Солнечная, Офелия, Пламмер-двенадцать и еще несколько ключевых миров доминанты.

Скотч с тоской опустил голову.

И в это время ощутимо дрогнула почва под ногами.

ОБЛАСТЬ ШТАТНОЙ ДИСЛОКАЦИИ ФЛОТОВ ГРУППЫ «ДОМИНИОН»

Окрестности Солнечной системы, доминанта Земли

Странно, но в жизни полно невероятнейших совпадений.

Группа флотов «Доминион» располагала тысячами разведывательных кораблей и сотнями станций наблюдения, разбросанных по периферии системы и сканирующих пространство вблизи родины человечества. Однако слепой выбор судьбы вновь пал на патрульный монитор «Ракша», несущий вахту в окрестностях звезды Росс-128. До Солнца отсюда было примерно одиннадцать световых лет.

Когда-то здесь служили Дариуш Маримуца и Рахмансулла Раджабов. Когда-то именно их смена засекла приближение парламентерского бота с Пиком Пирамид Азанни, верховным лидером птичьей расы на борту. Именно этот бот принес в Солнечную систему известие о начале войны за мобильность.

Этому же монитору выпала сомнительная честь засечь не менее значимое, но куда более печальное событие: война пришла в Солнечную.

«Ракша», как и год назад, дрейфовала в нескольких десятках мегаметров от ближайшей стационарной станции слежения, и дежурил именно Белькевич, прежний начальник Маримуцы и Раджабова, правда, уже не капитан, а майор.

— Высота, я Кернел! — услышал Белькевич панический призыв вахтенных наблюдателей посреди довольно-таки спокойной смены. — Высо...

— Здесь Высота, — отозвался Белькевич. — Что там у вас?

— Множественный финиш! — доложил юный лейтенант с Кернела и судорожно вдохнул, будто захлебнулся словами.

— Сколько сфер? — подчеркнуто спокойно уточнил Белькевич.

— Не знаю, сэр... Прибор зашкалило. Значит...

«Значит, более двухсот, — мысленно продолжил Белькевич. — Это вторжение».

— Спокойно, лейтенант, без паники. Коммутируйте показания всех приборов к нам и на Константу, можете использовать все резервные каналы. Подвахтенным на станции — готовиться к эвакуации, сценарий и приоритеты будут уточнены в ближайшие десять минут. Сейф с кодами и таблицами подготовить к уничтожению.

— Есть, сэр!

— Я и дежурный по мгновенке постоянно на канале, обо всех изменениях обстановки дублировать информацию голосом.

— Есть сэр!

— Выполняйте! — велел Белькевич, оживляя видеостолб перед пультом.

На «Ракше» и небольших станциях наблюдения теперь дежурили безусые юнцы, зачастую еще даже не закончившие академию кадеты — офицеров поопытнее подобрала война. Хоть флоты «Доминиона» и не вели регулярных боевых действий, стычки с залетными группами противника и частые партизанские вылазки закономерно привели к потерям, и среди кораблей, и среди экипажей. Войн без жертв не бывает. И если корабли можно построить в любой момент, то кадры на голом месте и за короткий срок не взрастишь и не воспитаешь.

— Константа, я Высота. Предварительный аларм. Повторяю: предварительный. Данные уточняются, но, похоже, началось. Как поняли?

— Я Константа, приняли, — угрюмо отозвался флагман флота «Евразия». — Ожидайте соединения с командующим...

Собственно, вторжения ждали. Ждали уже не первый месяц. И, разумеется, оно началось в самый неудобный момент.

Флот, разбросанный в пространстве на миллионы километров, оживал. Вскакивали поднятые по тревоге люди, просыпались от ждущего режима двигатели, перегруппировывались соединения малых кораблей. Ординарцы будили командиров — по единому бортовому времени стояла ночь. Спустя всего десять минут Белькевич уже участвовал в оперативной видеоконференции командования флотов.

Тим Хемерсбрандт, командующий флотом «Евразия», взглянул на Белькевича из видеостолба. Глаза у адмирала были припухшие — вряд ли ему в последние недели доводилось полноценно отдыхать.

— Доброй ночи, — поздоровался он.

— Здравия желаю! — по-уставному отозвался Белькевич. — Сообщение со следящей Росс-128 Кернел, монитор «Ракша». Множественное эхо, более двухсот финишных сфер. Расчетное время подлета — два-три часа. Общий дрейф — в сторону Солнечной, в целом по изограваm и основному радианту. Сферы большие, сэр, это несомненно, флот вторжения.

Адмирал сухо кивнул и повернулся к изображению другого офицера:

— Офелия? Селентина?

— К Офелии также приближается флот вторжения, сэр. Селентина и прочие штабы из списка сорока трех предупреждены. Кроме того, поступило сообщение с Пламмера-двенадцать: их тоже атакуют. Боюсь, Пламмер прикрыть будет нечем.

Хемерсбрандт в ответ снова лишь кивнул.

— Чиль! — вызвал он командующего флотом «Африка».

— Слушаю.

— Что скажешь?

Чиль Онте был старейшим адмиралом «Доминиона» и негласным главой адмиральского совета. В сущности, командовать обороной Солнечной системы предстояло ему, даже бо-

лее высокий статус командующего «Евразией» особой роли не играл: Чиль Онте был старше и опытнее.

— Базовый два, полагаю. — Голос у Онте был на удивление чистый и молодой. Белькевич знал, что многие органы старого адмирала искусственные. Наверняка звучит не настоящий его голос, наверняка Онте использует синтезатор речи.

Чиль Онте, по сути дела, был больше чем наполовину киборгом, это знали все флотские. Он и мыслил как машина — холодно, отстраненно и рационально, без ненужных эмоций, паники и спешки.

— Согласен, — кивнул Хемерсбрандт. — Коллеги?

— Гости только с одной стороны? — справился Геннадий Лесин, командующий «Антарктидой», недавно вернувшейся в Солнечную.

— Пока — да.

— Ну, тогда действительно второй. А если пожалуют еще одним вектором, придется выбирать который-нибудь из композитов.

— Пожалуют, тогда и выберем, — пресек дискуссию Онте.

Командующие «Америкой» и «Австралией» возражений не высказали.

Базовый оборонительный план за номером два предполагал двухэшелонную защиту с поддержкой стационарных спутников, активной энергоподпиткой кораблей, заградительными полями генераторов нелинейности, минными объемами и прочими сюрпризами для атакующих. В общем и целом, имперцам придется атаковать в плоскости эклиптики — остальное пространство было прикрыто все теми же генераторами нелинейности. Солнечная уже больше года ожидала вторжения, поэтому пришлось свернуть все перемещения вне плоскости эклиптики и наглухо закрыться. По сути дела, целая планетная система сейчас являла собой пару гигантских выпуклых защитных блинов, разделенных узенькой щелью нормального пространства. Подобная форма пассивной обороны была дорога и неудобна для астрогации, но выбирать не приходилось. Примерно половина энергии Солнечной тратилась на поддержание этих щитов. Относительная безопасность влетала налогоплательщикам в копеечку, однако дело себя оп-

равдывало: две пробные атаки имперцев в самом начале войны захлебнулись и Солнечная осталась неприступной.

Однако на этот раз имперцы задействовали силы не в пример бóльшие.

— Эвакуацию объявлять? — мрачно спросил оперативный дежурный с флагмана.

— А что, есть варианты? — Хемерсбрандт передернул плечами. — Внешним поселениям — немедленно. Всем, кто ближе орбиты Урана, — готовность. Так, Чиль?

Онте молча кивнул; оперативный дежурный тотчас принялся оповещать коллег по цепочке. Станции, рудники, поселения — все это обезлюдеет в ближайшие часы. Последний год периферийные обитаемые точки Солнечной жили как на пороховой бочке, в постоянной готовности собрать пожитки, нырнуть в катера и живо драпать поближе к Земле и Венере. Крысы драпают к спасительной норе, а поселенцы к защищенным местам. Всегда так было — и на Диком Западе, и при экспансии на Венеру, и когда человечество вырвалось к чужим звездам. Врагу достанутся пустые орбиталки, скупо освещенные мертвенным перекрестным светом искусственных микросолнц.

— Сколько у нас времени? — Чиль Онте так взглянул на Белькевича, что майора с «Ракши» аж озноб пробрал. Можно подумать, это Белькевич виноват в атаке имперцев!

— Финиширует вражеский флот часа через три. Гасить дрейф и перестраиваться, пожалуй, будет столько же. Потом пойдет в финальный прыжок, это еще около часа.

— Тим, — жестко сказал Онте. — И ты, Тобиас. Как только просчитаете область следующего финиша в пределах Солнечной — немедленно высылайте ульи на перехват. Без прикрытия, только с истребителями-одиночками и штурмовиками-двойками. Не крупнее. Пока шат-тсуры не перестроятся и не поставят заградительные поля — пусть наши жгут все, что получится.

Хемерсбрандт нахмурился.

— Но... это же потери, Чиль! Колоссальные!

— Когда флоты построятся в боевой порядок — потери будут еще бóльшие. А так мы их задержим не меньше чем на пол-

суток, а если повезет — кое-что еще и порушим. На выходе из-за барьера пара истребителей может угробить целый корвет. При определенном раскладе.

— Хорошо, — согласился Хемерсбрандт обреченно. — Сколько отсылать истребителей?

— Половину.

— Вернется процентов сорок от вылетевших, — наскоро прикинул Тобиас Блейзи, командующий «Австралией».

— Больше. Шестьдесят.

— Шат-тсуры в последнее время усилили защиту от сверхмалых кораблей, — заметил Блейзи. — Больше половины вряд ли вернется. Автоматы тоже посылать?

— Автоматы в первую очередь. Их не жалко.

— Ну что? — Блейзи безнадежно взглянул на Хемерсбрандта. К предполагаемому месту финиша по-любому успеют только истребители внешних флотов — «Евразии» и «Австралии», остальные три базировались совсем уж далеко, внутри астероидного пояса, за орбитой Марса.

— С ближней дуги отправляйте всех. Дальнюю дугу — перераспределяйте в зависимости от направления атак, — продолжал давать советы Чиль Онте.

— И... главное — не дрейфить. Отобьемся. Скелетики будут спешить. А мы это используем.

Хемерсбрандт несколько раз мелко кивнул и обернулся к пульту связи с оперативным дежурным флота.

— Ульям и палубникам — оперативная тревога! Двойной боекомплект!

Старт по боевому-два!

Краем глаза Тим Хемерсбрандт видел, как Тобиас Блейзи отдает аналогичные команды своему дежурному.

— Давайте, орлы! — прошептал Хемерсбрандт. — Зададим им жару! Чтоб по гроб запомнили и детям заказали соваться в Солнечную!

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

— Господин президент!

— Мне некогда, Шарль!

— Господин президент, осмелюсь настаивать: сообщение с грифом «трилистник». Прибыло только что. Я также имел смелость вызвать господина Байрамова, он прибудет с минуты на минуту.

— «Трилистник»? — Вернер Винцль, президент Солнечной системы, непроизвольно нахмурился.

Под этим грифом сообщения приходили чрезвычайно редко. «Трилистник» означал некие новые разведданные, не имеющие сиюминутного значения, но потенциально способные возыметь весьма серьезные последствия в будущем. Более того, гриф «трилистник» сообщениям могли присвоить всего несколько человек во всей доминанте и еще несколько за ее пределами.

— За чьей подписью?

— За подписью полковника Попова, господин президент.

— Давай!

В голосе Винцля сквозило нескрываемое раздражение — ему действительно было некогда отвлекаться. Худшие опасе-

ния оправдались: едва настало время «Ч», время транспортировки найденных генераторов к основным мирам союза, империя предприняла атаку, причем опоздала всего на парутройку часов. Это означало, что Унве информирован несравненно лучше, чем ожидали союзники, и что завеса секретности над деятельностью проекта «Квазар» отнюдь не так непроницаема, как хотелось бы.

Координация сил — вот и все, что оставалось союзникам, ибо империя бросила в бой блеск и гордость своих флотов. Армада, вывалившаяся из-за барьера вблизи Солнечной, превосходила группу «Доминион» и земные пограничные части минимум в два с половиной раза. Кроме всего прочего, имперцы имели в распоряжении более полусотни больших кораблей, ядро же земных сил составляли средние крейсера и мини-линкоры.

Не лучше обстояли дела и в других мирах доминанты: самый многочисленный офелийский флот «Магрибба» также уступал по численности атакующим имперцам; Пламмер-двенадцать собственного флота вообще не имел и до сих пор избежал вторжения только за счет прикрывавших его соседей и удобного расположения.

Если бы кто-нибудь прислал помощь, хотя бы вполовину сил Солнечной, от имперцев скорее всего удалось бы отбиться без особых потерь. Но на помощь рассчитывать не приходилось: соседи сами оборонялись и не прочь были принять поддержку. Собственно, сценарий будущих битв легко угадывался: затяжная позиционная возня с медленным взаимным истреблением. Однако у имперцев останутся силы в метрополии и резерве — примерно столько же, сколько сейчас готовится вступить в бой. А союзникам прикрывать свои миры будет уже нечем.

И в такую минуту приходит сообщение с пресловутым грифом «трилистник»! Страшная радость...

Вернер Винцль привычно подавил почти непреодолимое желание в голос выругаться.

Нет уж. Изрыгающий проклятия президент — это поражение еще до битвы. Президент обязан выглядеть сосредото-

ченным, уверенным в собственных силах и силах доминанты, должен служить примером и вдохновителем... А раз обязан и должен — значит и будет служить. И все, и точка.

— Давай, Шарль.

Референт бесшумно положил на рабочий стол раскрытую папку с одним-единственным листком распечатки.

«Срочно. Секретно. Гриф «трилистник». Начальник хозчасти проекта «Квазар» полковник Попов — министру внешних сношений Ильхану Байрамову.

Докладываю: операция «Фраггер» успешно проведена.

(Комментарий для президента В. Винцля: операция «Фраггер» проводилась на планете Тахир, галактика-2, базовой планете захоронения, и предполагала проникновение на секретную базу государства Клондайк, изучающую следы инопланетного присутствия на Тахире.)

В результате операции установлено, что аборигены Клондайка располагают трупом взрослой особи оаонс мужского пола, трупом особи Роя (малый рабочий), фрагментарными останками еще как минимум одного существа, предположительно — сенахе, а также рядом предметов из обихода рас союза. Особняком следует упомянуть предмет, имеющий форму, сходную с параллелепипедом размерами 4,2 х 2,1 х 1,75 ун. Поверхность предмета имеет чешуйчатую структуру. По всей вероятности, этот предмет идентичен пресловутому «саркофагу» (см. ссылку на дело за архивным номером NNNN), а возможно, является тем самым «саркофагом».

Упомянутые находки заставляют сделать следующие выводы:

галактика-2 посещалась выходцами из нашей галактики до обнаружения первого генератора искателями доминанты Земли, либо выходцы из галактики-2 посещали нашу галактику и вывезли ряд предметов и существ в галактику-2;

не исключено, хотя и очень маловероятно, что одним из свойств «саркофага» является возможность путешествия между галактиками, по крайней мере между нашей галактикой и галактикой-2;

отдельные представители расы ооонс и Роя скорее всего осведомлены об этих свойствах (см. упомянутый документ «Дело о саркофаге»);

наиболее вероятным представляется вывод, что поддержка расой ооонс имперского мятежа шат-тсуров обусловлена именно этим знанием или же надеждой им овладеть;

повышенный интерес разведслужб ооонс к проекту «Квазар» скорее всего объясняется в том числе и вышеперечисленными находками и соображениями.

В свете вышеизложенного считаю, что делать какие-либо выводы и предпринимать какие-либо действия пока преждевременно, но принять к сведению все факты и выводы в корне необходимо.

В качестве одной из мер, способной принести дополнительную информацию, считаю необходимым разработать и провести операцию по захвату и вывозу в пределы доминанты Земли шефа одного из разведподразделений ооонс на Иншуди.

(Комментарий для президента В. Винцля: с большой вероятностью именно этот ооонс крылся под именем Нути-Нагути среди клиентов печально известного «Экзотик-тура» на Табаске, Пронг-32).

Исследовательский модуль «Квазар», дата».

Вернер Винцль оторвал взгляд от документа и обнаружил, что перед столом стоит министр внешних сношений Ильхан Байрамов, а охранники министра столбами маячат в проеме дальней комнаты.

— Что скажешь? — Президент выразительно приподнял над столешницей рапорт Попова. Времени на расшаркивания и дипломатические экивоки не было — ни секунды.

— Пока рано делать выводы, там верно сказано. Но ручаюсь: в свое время это будет бомба.

— А с захватом этого... перевертыша?

— Я уже санкционировал.

— И думаешь получится?

— Раз Попов предлагает, значит, способ пленить перевертыша действительно существует.

— Понятно. Что ж, спасибо за информацию... Президент вздохнул, вернул лист обратно в папку и отодвинул на край стола. — Что там на подлете?

— «Евразия» и «Австралия» построились в боевую воронку, пояс заградительного огня в боевой готовности. «Африка», «Америка» и «Антарктида» группируются вторым эшелоном. Даже если кто-нибудь прорвется сквозь заслоны, дальше орбиты Марса им не пройти. По крайней мере Онте на это надеется. Области вне эклиптики прикрыты генераторами нелинейности, но имперцы, похоже, об этом знают.

— Сколько, по-твоему, до столкновения?

— Лучше спроси у Хемерсбрандта, ему виднее. Но, полагаю, не менее суток.

Вернер Винцль глубоко вздохнул.

Нет, все-таки не случайно давно ожидаемая лавинная атака имперцев совпала с «горячей неделей». Черти бы побрали этого Унве!

— Шарль! Открытый канал на Офелию! — потребовал президент и, не дожидаясь референтского «Слушаюсь, господин президент!», потянулся к старомодной трубке оперативного пульта.

КОСМОДРОМ

Сигма Чёрной Ресницы, спутник четвертой планеты, безымянной. Экс-территория на границах доминант Земли и Л'лато

К полудню хомо разгрузили корабль-холодильник Рин-Риду, перевели на счет оговоренную сумму, подписали все бумаги и угомонились. Рин-Риду облегченно вздохнул, запер входной шлюз и, насвистывая (чисто человеческая привычка), направился в космопорт, в бар. Действительно, куда еще может направиться поставщик продуктов после долгой разгрузки в захудалом порту на самой границе обитаемых территорий? Не посетишь бар — только подозрения ненужные возбудишь.

Тем более чаю хотелось совсем не понарошку.

Сегодня связной появится вряд ли; по крайней мере так говорят аналитики, а они в своем деле кое-что смыслят. Но успеть дозаправить свой бот-холодильник и подготовить к старту еще сегодня Рин-Риду все равно не удастся. Так и так торчать тут суток двое-трое. Куковать, как выражаются хомо, а Рин-Риду сейчас изображал именно человека, хотя на деле был перевертышем. Но тупоголовым обитателям спутника безымянной планеты знать об этом совершенно необязательно.

В баре Рин-Риду с видом завсегдатая кивнул незнакомому бармену (текучка тут у них, что ли?), заказал обед, чаю и новости на терминал, хотя сомневался, что новости удастся вдумчиво изучить: в углу шумно пировала компания хомо — космодромные рабочие, пограничники и толстый таможенник с округлой пурпурной ряхой, который утром едва не вынул из Рин-Риду душу на досмотре. Судя по тостам, праздновали чей-то день рождения — имелся у хомо нелепый обычай раз в цикл коллективно напиваться в зюзю по столь странному поводу.

Хорошо, что связной сегодня не придет. Вряд ли в это сборище нетрезвых рыл затесался соглядатай, но... осторожность превыше всего. Рин-Риду не стал бы заговаривать со связным на виду у пограничников.

А пока можно цинично пить чай и заодно морочить голову гипотетическому соглядатаю — пусть как следует попарит мозги над смыслом сидения Рин-Риду в баре!

«Однако эти олухи все равно могут мне помешать, — размышлял разведчик ооонс с неудовольствием. — Например, завтра похмеляться припрутся, жертвы несовершенного организма...»

Любой перевертыш без труда ликвидировал различные отравления легкой корректировкой метаболизма, но люди на подобное не способны, вот и мучаются похмельем поутру.

«Не перенести ли встречу на борт холодильника?» — подумал Рин-Риду, чувствуя, что сомнения одолевают его все сильнее и сильнее.

Подобный способ связи был предусмотрен, стоит лишь подать связному соответствующий знак. Но это вариант одноразовый, и, использовав его, Рин-Риду лишал себя возможности располагать им в дальнейшем, а вариантами разбрасываться тоже не дело. Настоящий разведчик связью дорожит. И правильно делает.

Подали обед; Рин-Риду успел неторопливо поглотить около половины и так и не пришел к однозначному выводу, стоит ли переносить встречу. И тут его отвлекли: от компании хомо отделился пограничник в чине капрала и, слегка поша-

тываясь, направился прямо к столу замаскировавшегося перевертыша.

Рин-Риду напрягся; импульсный бласт, казалось, сам шевельнулся под полой рыжей пилотской куртки.

— Эй, братан! Извини, у тебя сигарет нету? Наши кончились, а в баре только местное сено... Выручи именинника!

Курить табак, как хомо, за последние пару столетий приучились многие ооанс, но Рин-Риду не принадлежал к их числу. В свободное время он мог пожевать традиционный для Иншуди хош, вдохнуть дорогой селайи из метрополии или, в конце концов, засандалить универсального межрасового алкоголя — на кислорододышащие формы жизни этиловый спирт и его растворы действовали схожим образом. Но травиться никотином, капля которого, как известно, убивает лошадь, а хомяка просто-таки разрывает на части? Нет, как говорят хомо, — нема дурных!

Человеческие идиомы давно стали частью мыслей Рин-Риду — он был способным разведчиком.

— С собой нет, — ответил он сдержанно. — На корабле разве что.

В жилом отсеке холодильника действительно валялась упаковка селентинских сигарет «Житаника». Пожалуй, для местного сброда они чересчур хороши, но других у Рин-Риду все равно не было. Он даже помнил, где эта упаковка лежит — на камбузе, в крайнем слева шкафу, на верхней полочке.

— Слушай, не в службу, а в дружбу — давай сгоняем, а? Неохота приятелю праздник портить, день рождения все-таки! Выручай!

Рин-Риду нахмурился. Тащиться на летное поле совершенно не хотелось.

Но, видимо, придется — с этих станется и драку затеять. Или, что хуже, применить власть — младшие чины это особенно любят.

— Может, попозже, коллега? — предложил Рин-Риду уныло. — Дай хоть доесть, остынет же...

Говорил разведчик с легким офелийским акцентом, совершенно естественным.

Погранец тем временем плюхнулся на соседний стул:

— Не вопрос, рубай! Меня Лехой зовут! Держи краба!

Пришлось поручкаться.

— Значит, сгоняем, да?

— Сгоняем, — смирился Рин-Риду.

— Ну, спасибо! — Капрал на радостях саданул перевертыша ладонью по плечу. — Ну, выручил! Давай приканчивай пайку и побежали! Ща я тебе сто грамм налью. Выпьешь с нами? За здоровье именинника?

— Отчего же не выпить, — пожал плечами Рин-Риду. — Тем более за здоровье.

Отказываться бесполезно — подобные типы не отвяжутся, пока не опрокинешь с ними чарку, проверено. Х-хомо...

— Я ща! — Погранец еще раз ободряюще хлопнул Рин-Риду по плечу, покачнулся, чуть не столкнул его со стула, но все же в последний момент удержал равновесие и выпрямился. — Эх! Штормит сегодня!

По-свойски подмигнув, хомо по замысловатой траектории вернулся к столу и тут же загремел там стеклом. Спустя полминуты он вернулся, держа в одной руке сразу два стакана с водкой, а в другой вилку с наколотым грибком — традиционной закуской.

«Пожри тебя вакуум», — подумал Рин-Риду без особой, впрочем, тоски.

Действительно, если бы компания буйствовала и задирала окружающих, было бы хуже. А так тяпнешь с ними, выдашь сигарет — и мир навеки.

— Держи! — Капрал деловито вручил Рин-Риду один из стаканов, обернулся к своим и весело заорал:

— Зинетула! Твое здоровье!

Несколько человек в компании приветственно воздели над головами наполненные стаканы. Рин-Риду тоже приподнял стакан и вежливо кивнул.

«Хрен с вами... Сегодня можно», — решил он и одним глотком выпил водку.

В следующее мгновение лопатки ему свело мучительной судорогой, тело одеревенело и Рин-Риду изумленно сверзился со стула на керамическую плитку пола. Странно: водка была обычной, да и не отравишь перевертыша никакой гадостью,

особенно если перевертыш — разведчик, метаморфированный под задание связника-одиночки. Только в падении Рин-Риду рассмотрел невесть откуда возникшего за спинкой своего стула хомо с мощным биопарализатором в волосатой лапище.

Проклятие! Заболтал его окаянный пограничник со своей водкой, расслабился всего на миг, утратил контроль за окружением, и вот расплата.

Из последних сил Рин-Риду потянулся ртом к воротнику куртки, но шея не желала двигаться, будто и правда обратилась в неподатливое дерево.

— Не трудитесь, господин Йен-Ридт, — насмешливо сказал капрал совершенно трезвым голосом и залпом засадил свою порцию водки. — Хе! — выдохнул он спустя секунду. — Ампулу с цианидом я срезал. Такие дела.

Рин-Риду скосил глаза, но ворот куртки толком не рассмотрел. Впрочем, судя по тому, что его имя знают, и по тому, как чисто его спеленали, — можно не сомневаться: и вправду срезали.

Самым обидным было то, что даже оаонс-перевертыши не могли средствами метаморфоза убить себя: организм просто не выполнял губительные приказы. Осознанные команды в данном случае наглухо блокировались инстинктами. А значит...

А значит, контрразведка хомо вывернет его наизнанку и вынет все сведения об операции. Все связи, все данные... Манарра, как глупо... И ничего не сделаешь.

Он, разведчик оаонс со стажем, превышающим суммарный стаж всего окружившего человеческого быдла, попался. Влип — хуже не придумаешь. После форсированных методов допроса порою и метаморфоз не помогает, превратят в растение, в безмозглое, пускающее слюни существо без проблеска сознания.

Но это еще можно пережить. Личная смерть — ничто.

Рин-Риду боялся представить, что смогут натворить спецслужбы хомо, воспользовавшись выбитыми из него сведениями. Ведь знал он довольно много и именно сейчас это знание было особенно важно сохранить от противников империи.

Словно подслушав его мысли, хомо с парализатором в руке склонился над плененным и победно осклабился:

— Ну что, оборотень? Потолкуем о твоем папаше?

Рин-Риду не смог бы ответить, даже если бы захотел: мышцы лица и язык отказывались повиноваться.

— Упакуй его, Джарвис, — велел хомо спустя несколько секунд кому-то невидимому. — И вколи стан, не дай боже очухается — эти твари на многое способны.

— Хорошо, Равиль. Все сделаю.

Последнее, что увидел Рин-Риду, — это сбросивший фартук бармен, названивающий куда-то по портативному коммуникатору.

«Манарра! Даже новый бармен меня не насторожил...» — подумал напоследок Рин-Риду, с трудом ворочая извилинами, и провалился в черное забытье.

СТАЦИОНАРНАЯ ОРБИТА НАД ЗАГОРОДНОЙ РЕЗИДЕНЦИЕЙ СИНДИКАТ-КЛАНА ВАЙРА-САУТА

Оа-Дирати (Иншуди), доминанта Оа

1

Кораблик был крохотный и неудобный. Особенно если учесть, что в кабину набилось полтора десятка взрослых мужчин немаленького размера, а рассчитан он был на троих. Да плюс снаряжение...

То есть к Иншуди с Тахира летели более или менее солидно: на клипере «Черная хризантема». Правда, клипер тоже не образец избыточной обитаемости, но все же не десантный бот. И тем более не трехместный кораблик. В полупустом фуражном трюме клипера размером со средний спортзал и жили, и ежедневно тренировались. Жила вся рота (кроме офицеров, разумеется), а тренировались только пятнадцать избранных.

Избранных для... Впрочем, об этом ниже.

А вот в катерке летели уже словно маринованные сельди в банке. Противно жужжали приборчики на висках почти всех «сельдей» — трудилась защита от биосканирования. По легенде на кораблике обретались двое — сынок (он же подчиненный) будущей жертвы и абстрактный пилот, вряд ли имеющий отношение к конторе, на штурм которой шли. Натужно

урчали поглотители углекислоты — еле справлялись с перегрузкой. В плане температуры было проще: легко охлаждаться, когда вокруг вакуум. В смысле, есть куда сбрасывать излишки тепла, поэтому два климатических лазера чувствовали себя вполне комфортно. Привычные к «тяготам и лишениям воинской службы» [(с) «Боевой устав военно-космических сил»], вояки даже умудрялись сидеть и лежать не друг на друге, а более или менее равномерным слоем поверх столь же равномерно распределенного снаряжения.

В десантном боте было бы куда удобнее. А тут Скотчу даже не хотелось традиционно поорать перед операцией, хотя кораблик уже заруливал на посадку.

Это не осталось незамеченным.

— Эй, начальник! — весело обратился к Скотчу бывший подчиненный еще по гражданской работе Тамура. — Зачем молчишь? Где ваши десантные заклинания? «Никто, кроме нас!» и все такое?

На операцию из «родного» взвода Скотча шло трое: Солянка, Гаваец и сам Скотч. Остальные — уже привычный по «пиратству» винегрет, хотя лица большею частью знакомые еще по Табаске. Да и «пираты» успели примелькаться, тот же подремывающий в сторонке боевой пловец.

С пиратством, впрочем, было покончено, Скотч снова стал сержантом, командиром взвода. Правда, непонятным оставался статус сего взвода. Скорее всего нынче более уместным было бы название «боевая группа спецназа». По навыкам посланный в пекло осколок взвода на это вполне тянул.

На замену экипировки времени не нашлось, да и смысла в том было немного. Так что внешне все выглядели теми же пиратами — одеты кто во что горазд, снаряжение разномастное. Похоже, это уже стало фирменным знаком сколоченной на «Флажолете» дружины. Но сержантский ор перед высадкой был такой же неотъемлемой частью операции, обязательной и нужной бойцам, как «будь здоров!» после «апчхи!»

Скотч перехватил ироничный взгляд Мельникова.

— В самом деле, Скотч, — поддакнул «пограничник». — Я понимаю, нет былого запала, но хоть традиции-то соблюдать надо?

Скотч решил не ломаться, только орать не стал, сказал обычным голосом:

— Ну что, парни? Сунули нас, как обычно, в самую задницу. Глубокую, как каньон Колабрис на Дельте Росомахи, или даже глубже — хотя куда уж глубже? Не знаю, что там за кашу заварили на этот раз высокие адмиральские чины... Тем не менее постараемся эту кашу расхлебать, причем стараться будем по полной программе, без дураков. Ибо судьба наша такова... и более никакова. Если бы в нас не верили, не послали бы сюда, верно? Так что, давайте хором: никто, кроме нас! Ага?

— Никто, кроме нас! — дружно отозвались все. Почти все. Тоже нормальными голосами, без крика. Впервые на памяти Скотча в этой войне.

— А ты чего молчишь, ихтиандр? — Солянка поддал локтем под ребра дремлющему боевому пловцу. — Вон, даже Валти за штурвалом — и тот поддержал! Бери пример.

Пловец, не разлепляя век, степенно проинформировал:

— У нас в таких случаях говорят иначе.

— У кого — у вас?

— У подводников.

— И как же говорят у подводников?

— Нас мало, но мы в тельняшках.

Полосатый тельник действительно выглядывал из распахнутого ворота спецкостюма пловца.

— Ну, так говори!

Пловец разлепил один глаз и покосился на Солянку.

— Я уже сказал. А повторяться у нас не принято.

Глаз закрылся.

— Между прочим,— глубокомысленно заметил Костя Цубербюллер, — высказывание ничем не хуже. Извини, Скотч, я ведь тоже не десантник.

— Мне порой кажется, что десантником я был в прошлой жизни, — сокрушенно вздохнул Скотч. — Но сегодня мы все — точно десантники. Расчет помним, орлы?

Орлы помнили.

Уповать на личное знакомство с Нути-Нагути (какой-то шишкой во вражеской разведке, как шепнул по секрету Мель-

ников) явно не приходилось: перевертыш за время, прошедшее после «Экзотик-тура», явно успел не один раз метаморфировать, по внешнему виду не опознаешь. Однако вводная гласила, что на территории резиденции окажется не так уж много мужчин и что большинство из них — внешняя охрана. А вокруг резиденции на десятки килоун сплошная песчаная пустыня, раскаленное рыжее пекло умеренного пояса планеты Иншуди.

Что творится в экваториальном поясе Иншуди, Скотчу даже представлять не хотелось.

Задание выглядело сумасбродным и суицидальным по всем статьям. На крошечном кораблике сунуться в самое логово врага. Высадиться на одну из ключевых планет, в резиденцию разведки и захватить там главу резиденции. Силами одного отделения! В военное время! Каково, а?

Полгода назад Скотч расхохотался бы, слушая подобную вводную. А сейчас угрюмо выслушал и молча кивнул — понял, мол.

Впрочем, на задание шли Мельников и его неразлучный спутник-погранец. В одной компании с ними Скотч перестал удивляться, напрочь. На что-то же они надеются, черти их побери?

Кораблик не расстреляли на подходе к планете, чего втайне боялся Скотч. Даже запрашивать ничего не стали — передали посадочный коридор и перестали обращать внимание. Да и сядут десантники скорее всего без помех. А вот дальше...

Затем по идее должен был начаться форменный цирк. В жестко определенное время, практически в момент посадки десанта, из-за барьера должны были вывалиться шесть боевых роботов и сжечь стационарные спутники над резиденцией. Почему вводная полагала, что ломящихся из-за барьера роботов не заметят и тем более позволят им жечь спутники, Скотч тоже не понимал. Дальше у боевой группы оставалось примерно четверть часа на поверхности, чтобы смять охрану, перетряхнуть резиденцию и пленить Нути-Нагути, после чего группа с пленником должна была эвакуироваться на другом корабле, которому еще только предстояло сесть здесь же. Или,

как гласила вводная, «уйти иным способом». Причем иным способом — вероятнее.

Вот такая вот операция. Вероятно, выполнимая. И, вероятно, выполнить ее могли действительно только они: отмеченные Табаской и запечатленные на генераторе исчезнувших Исполинов. Они — и те немногие, кто имел несчастье повстречаться на их пути.

Они — и никто, кроме них.

2

— Касание! — выдохнул Валти, выбираясь из кресла и меняя пилотский шлем на боевой. — Открываю шлюз!

— Начали, орлы! — отрывисто скомандовал Скотч и первым незримой тенью выскочил в печной ад Иншуди.

Без сомнения, слабые блики включенного камуфляжа напрочь потеряются в «пляске призраков», как именовали перевертыши воздушное марево над раскаленными песками пустыни. Это плюс.

Странный десант на планету оаонс вошел в активную фазу.

Кораблик сел внутрь периметра резиденции, точно в центр круга из спекшегося и отвердевшего, словно пенобетон, песка. Никто из землян уже толком и не помнил, что такие вот круги (правда, не такие геометрически безупречные) оставались после посадки любого древнего космического корабля-прямоточника. Даже после того, как Земля была признана галактическим союзом и получила антигравитацию, ветераны-прямоточники еще какое-то время использовались весьма активно. Но с тех пор прошло больше пяти веков.

Метрах в трехстах от посадочной площадки виднелись невысокие строения, разбавленные реденькой, с отливом желтизны, зеленью, но на фоне окрестных дюн это место казалось сущим оазисом. Да оно и было оазисом, с запасами воды, климатическими установками, мощными охладителями и прочими прелестями цивилизации. Непокорная природа оказалась временно вытеснена за пределы огороженной террито-

рии, но при мимолетном взгляде на дюны сразу становилось понятно, сколь зыбко владычество разума на этом пятачке внутри периметра и насколько легко пустыня может ворваться сюда и мигом вернуть все на круги своя.

По дорожке к месту посадки катера направлялись двое местных; с такого расстояния было видно только то, что они облачены в светлые одежды.

Но оба вооружены, в этом можно не сомневаться ни секунды.

Десантники действовали по отработанному за две недели перелета на «Черной хризантеме» сценарию: почти все, кто в камуфляже, резво разбежались в разные стороны, но посадочную площадку не покидали — возникающие в сыпучем песке следы выдали бы их с головой. Мельников, камуфляжа не включавший, медленно вышел из корабля. Он шагал с трудом, держась рукой за все еще прохладную обшивку кораблика, и вдруг сполз на песок у самого шлюза, словно его оставили силы.

Двое на дорожке это видели и, естественно, обеспокоились: перешли с размеренного шага на бег. Добежали они быстро, примерно за минуту.

Хитрец Мельников упал так, что снаружи осталось туловище и ноги, а верхняя часть корпуса пряталась в шлюзе. Да к тому же упал он лицом вниз — максимально оттягивал момент узнавания. Точнее — неузнавания, момент, когда охранники поймут, что прилетел вовсе не сынок резидента. Второй бескамуфляжный, напарник-погранец, напялил пилотский шлем и склонился над Мельниковым — с понтом, помощь оказывал. Скотч с Гавайцем, которые невидимками стояли на подхвате, все это уже несколько десятков раз отрабатывали на тренировках и не могли не признать: выглядело сие представление очень правдоподобно.

Охранники так ничего и не заподозрили. И сообразить успели не больше. Скотчу с Гавайцем работы вообще не досталось: Мельников с товарищем синхронно взяли обоих, никто даже не пикнул. Секунда — и перевертыши с прожженными насквозь головами были втянуты внутрь корабля. Одежду с них моментально содрали; Мельников с напарником облачи-

лись, а Скотч с Гавайцем отключили боевой камуфляж — теперь прибывших пилота и резидента предстояло изображать им. Скотч, играя роль то ли уставшего, то ли раненого, шел подволакивая ноги и держался за плечо Мельникова, а Гаваец бурно жестикулировал на ходу, словно объяснял какие-то неожиданные маневры корабля. Движения его точь-в-точь напоминали пассы пилотов-истребителей, которые с одиночек.

Собственно, Гаваец и бормотал на ходу нечто пилотское: «Захожу я ему в хвост...»

Жучков с микрофонами и прочей дрянью на одежде охранников не было — проверили, поэтому Гаваец мог молоть любую чушь, любую рыбу, хоть детскую сказку в изложении старого пропойцы.

Остальная часть группы побежала вперед, стараясь не ступать на неспекшийся песок.

Когда одолели примерно полпути ко внутреннему периметру, Мельников негромко сообщил:

— Спутникам над нами хана. Роботам тоже.

Ему никто не ответил.

У антикварных ворот с механическим приводом поджидали еще два охранника; едва четверка актеров-импровизаторов приблизилась настолько, что подмену смогли бы распознать, охранников у ворот сняли ушедшие вперед невидимки. Сняли столь же быстро и безжалостно, ибо другого выхода попросту не было: война есть война, особенно если действуешь в глубоком тылу противника.

Теперь медлить и прятаться не имело смысла: за воротами наверняка велось видеонаблюдение. Вопрос лишь насколько тщательное. Десантники рванулись во внутренний дворик — к центральному входу, к двум боковым, через перила на веранду. Шарахнулся с дороги согбенный перевертыш с подносом в руках — его на бегу пристрелил один из Суондредов. Скотч, Гаваец и Мельников с напарником расстояние до ворот преодолели коротким спринтерским рывком.

Дальняя резиденция одного из влиятельнейших кланов доминанты Оа занимала довольно обширную площадь, но зато была малоэтажной: надземная часть практически везде имела

лишь один уровень, только кое-где возвышались округлые, похожие на половинки гигантских яиц, двухэтажные купола, каждый с отдельной лестницей. Подземная также имела один уровень, кроме центральной области: там крылись еще какие-то помещения уровнем ниже, но об их назначении вводная умалчивала. Логично было предположить, что там вход в какой-нибудь бункер. Именно этот бункер следовало отрезать в первую очередь: к лифту на подземный уровень прорвались четверо братьев-Суондредов, однако массивный силовой шлюз был уже заперт, и, судя по всему, изнутри.

Остальные десантники сражались с охраной. Довольно многочисленной: в самом начале операции были убиты четверо охранников; в фазе прочесывания — еще десятка два, а когда стало понятно, что главы резиденции на обследованных уровнях нет, отбиваться продолжали еще шесть-восемь. Волновой камуфляж перевертыши не использовали — видимо, чисто военное оборудование было у них не в чести. А напрасно: к моменту, когда пристрелили последнего ооонс в светлой униформе, все нападавшие были живы, хотя довольно неприятное ранение в бедро получил пилот Валти, да Мистеру Литтлу попали из плазменника в руку. Защита сработала, но сильнейший ожог Мистер Литтл таки схлопотал.

Хуже было другое: по сути дела, операция закончилась крахом. Да, они захватили объект; да, нейтрализовали охрану, а уцелевших перевертышей из обслуги и еще какой-то непонятный народ, включая женщин и детей, заперли от греха подальше в подвале. Нути-Нагути и шестерых его ближайших подчиненных не оказалось ни среди пленных, ни среди убитых. По крайней мере так сказал мрачный, как туча, Мельников. Перед тем как раздавить ногтем шарик пси-семафора.

Они застряли в самом логове врага и неизвестно было — успели охранники сообщить куда-нибудь о нападении или нет. Предполагать, ясное дело, следовало худшее. Из-за малонаселенности Иншуди десант получил некоторую фору: вряд ли кто мог поспеть в это дикое место раньше локальных двух часов. Однако над резиденцией наверняка соорудят силовой щит, да и парочку военных кораблей на орбиту подвесят. Второй раз трюк с туземным катером не пройдет, это яснее ясно-

го. Что оставалось? Ждать свой бот, который тоже скорее всего не выпустят, даже если бот умудрится прорваться и сесть? Так ведь Мельников уже отсемафорил: операция провалилась. Станет ли бот вообще садиться, подвергать экипаж неоправданному риску? Вряд ли. Значит, десанту остается только «иной способ», о котором издевательски умолчала вводная.

Все взгляды невольно скрестились на «пограничниках».

— И что теперь, а? — спросил Солянка. Вопреки ситуации уныние в его вопросе вовсе не сквозило. Скорее — любопытство школяра-игромана, завершившего очередной уровень квеста и теперь изучающего следующий.

— Первым делом — не паниковать, — ответил Мельников буднично. — Уж извини за банальность. У кого сканер? Давай сюда!

Боевой пловец подал Мельникову кругляш биосканера.

— Так... — Мельников принялся разбираться с приборчиком. — Где тут переход по высоте? Ага, вижу... А позиционирование?

— Снизу, — пробасил пловец.

Мельников перевернул плоский, как коробочка с леденцами, сканер дисплеем вниз.

— Ага, понял... Хм! А нас почему видно, у нас же защита?

— Прибор-то тоже наш, как и защита.

— Однако! Ладно, это мы, это пленные... Трупы как исключить?

— Пока никак, жарища тут, остынут не скоро. Смотри по положению — если продолговатый сигнал, значит, валяется. Если округлый — стоит.

Мельников некоторое время манипулировал с прибором.

— Зараза... Второй подземный уровень не берет.

— А что ты хотел? — пожал плечами пловец. — Это ж портативка.

— Боюсь, что нижний бункер и стационар не взял бы, — мрачно предположил Скотч. — Вы шлюз видали? Такие на пустотные десантовозы ставят, причем снаружи. А что ты, собственно, пытаешься выяснить?

Мельников вернул сканер пловцу и задумчиво поскреб небритый подбородок.

— Видишь ли, Скотче, — смилостивился и объяснил он. — Нижний бункер — это, собственно, жилой модуль на сверхмалом икс-приводе.

«Так вот что это за «иной способ»...» — запоздало догадался Скотч.

— ...и оттого, заперся ли там Нути-Нагути со своими прихвостнями или же нам круто подфартило и мы приперлись просто в его отсутствие, зависит наше дальнейшее поведение. Шлюз, я так понимаю, приступом не возьмешь?

— Правильно понимаешь! Хоть из десятка тазеров пали, — заверил Гаваец, оживленно прислушивающийся к разговору.

Пятнадцать десантников собрались в центральном холле резиденции, у лифта на нижние ярусы. Со стороны веранды неспешно втекал горячий сухой воздух Иншуди. Невидимость они отключили — переговоры с пустотой практически всем действовали на нервы.

— Так, братцы! — Мельников быстро справился с ситуацией — это был уже не разочарованный неудачей, хмурый, небритый и невыспавшийся тип, а хищник, идущий по следу, целенаправленно и холодно. — Комплекты отключить вообще, не только камуфляж. Экономим энергию.

— Так поджаримся же! — недовольно заметил Арнольд Суондред.

— Не карамелька, не растаешь, — оскалился Мельников. — Лучше прикинь, что будет, если мы сейчас вместе с этим особнячком скакнем куда-нибудь в открытый космос. Светолет эдак за двести.

Суондред умолк — аргумент был весомее некуда. Десантники гасили комплекты до режима тревожного ожидания — если они все действительно вдруг окажутся в вакууме, комплекты включатся раньше, чем люди погибнут.

— Тамура! Ты у нас вроде диспетчером на космодроме раньше подвизался? — продолжал руководить Мельников.

— Было такое, — подтвердил черноволосый малыш Тамура.

— Аппаратный зал у них во-он в том куполе! Давай туда, осматривайся пока.

— Понял!

Тамура с готовностью убежал к лестнице — здешние лифты ходили только под землю.

— Вы, мушкетеры! — Мельников звонко хлопнул в ладоши, глядя на близнецов. — Уж извините, я вас путаю. Бейтесь на две пары и в охрану — двое к подвалу с пленными, двое к шлюзу.

— Есть!

Братья Суондреды оставались военными даже на Тахире. Язык приказов — это был их язык, наиболее понятный и близкий.

— Кто из нас соображает в медицине хоть что-нибудь? Сойдет диплом ветеринара.

Соображающих оказалось достаточно: во-первых, Скотч — еще со времен работы гидом ему приходилось врачевать особо ретивых туристов. Аналогичные навыки имел и Солянка, ибо на Табаске был спасателем. Валти, как третий из «Экзотик-тура», в общем и целом отпадал — сам был ранен и до собственного бедра ему трудновато было добраться, ибо импульс пришелся аккурат под ягодицу. Зато кое-что в излечении ран соображал Костя Цубербюллер, в прошлом бывалый турист. Мистером Литтлом и Валти занялись совместно и безотлагательно, прямо в холле.

— Гаваец, Рагназь... Скотч, отдай аптечку соседу, ты мне нужен. И ты еще. — Мельников указал на пловца. — Давайте наружу, крестиком. Наблюдение — поверхность, небо.

Скотч кивнул, оставил раненых на попечение Солянки с Цубербюллером и подошел к остальным, назначенным во внешнее охранение. Хватило пары быстрых взглядов, чтобы разобрать направления, после чего четверка разошлась в разные стороны. Шаге на пятом Скотч услышал, как Мельников негромко обращается к своему безымянному напарнику:

— Ты в кораблик дуй... И чуть что...

— Знаю, — буркнул напарник. — Мухой...

Многословием он никогда не страдал.

Сам Мельников текучим аллюром хорошо тренированного человека взлетел по лестнице туда, где недавно исчез Тамура. Но любоваться его движениями было уже некому.

Вскоре Скотч с изумлением обнаружил, что растерянность его волшебным образом улетучилась. Чуть позже он догадался почему — когда личный состав при деле, теряться некогда. Первая сержантская заповедь. Даже странно, что он сам сначала растерялся, вроде как по чину не положено.

Но с другой стороны, когда не владеешь информацией в достаточной мере — командовать невозможно. Именно поэтому ситуацию быстро и жестко разрулил Мельников, больше разруливать было некому. А Скотч ощутил, в который уже раз, что просто подчиняться и выполнять приказы куда легче, чем самолично принимать решения.

Впрочем, к принятию решений его и не допускали, умело отсекая от информации.

Может, оно и к лучшему? Многие знания рождают большие печали. А если по-простому, по-солдатски — меньше знаешь, крепче спишь. Проверено временем.

Скотч не успел как следует обдумать все это, устроившись на веранде второго уровня и разглядывая серо-рыжие дюны, безжизненные и прожаренные сумасшедшим солнцем Иншуди. Минут через пятнадцать рысцой прибежал Костя Цубербюллер.

— Скотче! Тебя Мельников в аппаратный зовет. А я тут вместо тебя понаблюдаю.

С готовностью подцепив бласт за ремень, Скотч встал:

— Как там Валти с Литтлом?

Цубербюллер махнул рукой:

— Жить будут. Хотя если Литтл соберется на конкурс красоты — придется пересаживать кожу.

— Ну и ладно, — кивнул Скотч и поспешил к лестнице.

В аппаратном Мельников, Тамура и Валти сообща колдовали над стандартным диспетчерским пультом. Валти сидел на краешке кресла — усесться по-нормальному мешала рана. На штанине виднелись неопрятные потеки лечебной биопены.

— Не, — убежденно сказал Тамура, глядя в развернутый перед пультом видеокуб, — это не наши. Стопудово.

В видеокубе стремительно мелькали столбцы каких-то данных и периодически вспыхивали несложные символы, вроде обозначений на тактических картах.

— А это? — допытывался Мельников.

— А это мусор. Может, остатки спутников, может, наших роботов.

— А тут?

— Это орбитальный лазер, он аж над экватором, не обращай внимания.

— Ага... Вот дьявол! Они что, вообще не финишировали?

Вероятно, Мельников занимался поисками десантного бота, хотя зачем это было нужно, Скотч не брался предположить.

Его появление не внесло никаких изменений — Мельников все так же дотошно тыкал пальцем в куб, а Тамура шевелил пестиком позиционирования и объяснял. Изредка вклинивался Валти и что-нибудь комментировал.

Скотч довольно быстро заскучал и направился к свободному креслу. Но едва он уселся, Мельников неожиданно прекратил изыскания, взгромоздился на стол и проникновенно сообщил:

— А ведь это беда, братцы! Похоже, нас кинули.

Задавать вопросы было бессмысленно, все присутствующие это знали. А Мельников продолжал дозировать информацию наперстком:

— Такое впечатление, что нас сунули в заведомо пустую нору просто в качестве отвлекающего маневра! Причем вытаскивать нас отсюда с самого начала никто не планировал.

— И что? — едко спросил Скотч. — Твоя контора с тобой так поступает впервые?

— Сомневаюсь. — Мельников состроил сожалеющую гримасу — поджал губы, приподнял брови. — Собственно, уже в текущей фазе так поступали трижды, но как-то всегда удавалось выкрутиться. Да и раньше удавалось, раз жив пока. Но я тебя уверяю, Скотч: гробить таких бравых погранцов контора не стала бы. Достаточно было послать только вас. Нет, тут что-то другое.

— Да что другое? — взорвался Скотч. — Через час примчится глайдер с регулярной армией и нас тут перемешают с песком! Запекут! Десантура гриль — видал когда-нибудь?

— Ну, положим, это не так легко будет сделать... — Мельников машинально поскреб небритый подбородок. — Я тут

пару каких-то громыхалок на турелях видел. Внизу. Думаю, разберемся... если поднимем.

— Чего? В каком смысле — поднимем?

— В прямом. Здоровые больно. Можем не дотащить.

— А почему бы не поспрошать местных? — подал идею Валти. — С пристрастием?

— Да это шпаки, сразу видно. Канцелярщина какая-то или, что вероятнее, родственники. Судя по детям. Только изуродуем зря. Что они могут знать?

— Например, куда делся наш несостоявшийся пленник. Раз семью с собой не забрал, значит, никаких опасностей не предполагалось, верно?

Валти был довольно логичен, не отнять.

— Оно-то верно, — вздохнул Мельников без энтузиазма. — Да только мало нам поможет. Ладно, скажу, чтоб не маялись: групп, подобной нашей, высажено аж шесть. На различные одиночные объекты, судя по всему, проходящие по тому же ведомству. Нас должны подобрать — по идее — с шумом, помпой и фейерверками.

— Это на Иншуди-то? — не поверил Скотч. — На второй по значимости планете перевертышей? С помпой? Ой ли...

— Ага, на ней. Ты не знаешь, тут драчка была недавно, мы все тогда на Тахире куковали. Население эвакуировано на Оа, остался только боевой резерв да зондеркоманда. И эти... которые зараженные области деактивируют, как их? Скелетики, в общем.

Скотч недоверчиво покосился на видеокуб, словно и впрямь рассчитывал увидеть там фейерверк.

— Слушай, Мельников, — сказал он тягуче. — Из нас что, сознательно идиотов делают? Я вообще не представляю, в какой фазе сейчас война, трудно, что ли, сообщить?

— Идиотов из нас сделали в момент выдачи военной формы, — огрызнулся Мельников. — Думаешь, мне говорят больше твоего? Ага, щаз! Самому приходится вертеться. Откапывать, доходить...

— Ну и что ты, блин, накопал? Что вообще происходит? Можешь объяснить? И что, разрази гром эту Иншуди, нам делать дальше?

— А не знаю! — беспечно сказал Мельников. — Думаю, заранее вытащить эти хрени турельные на веранды. Авось пригодятся. Пошли, нечего тут больше делать. Ждем пси — авось дадут весточку.

Следующие полчаса пришлось попотеть не по-детски, тем более в таком климате, потому что Мельников категорически запретил пользоваться антигравами — те заметно сажали батареи, коих было немного. Турельные, как выразился Мельников, хрени оказались магнитодинамическими орудиями, малоэффективными в миниатюре, но имеющими попросту убойную мощь при укрупнении размеров, причем увеличение диаметра основной кольцевой спарки вдвое давало восьмикратный прирост мощности. Куб то бишь. Вот какие-то умельцы и не постеснялись, изобразили мастодонтов в ненатуральную величину — с укрупнением, не стесняясь. Пришлось мобилизовать рабскую силу — всех пленников-мужчин, даже двоих подростков. В процессе перетаскивания третьего орудия один из подростков попытался выхватить из кобуры Скотча бласт. Оторвать подростку голову помешал Мельников — иначе Скотч не стал бы сдерживаться.

Когда последнее орудие обратило жерло ствола в сторону пустыни, Тамура нашел в транспортном ангаре рабочий местный антиграв и десант минут пять увлеченно изрыгал проклятия на полудюжине языков.

Потом Мельников какое-то время изучал задраенный шлюз на второй подземный уровень — даже ухо прикладывал и вслушивался, как будто рассчитывал что-либо услышать. Скотчу его художества давно надоели, а поскольку Мельников больше ничего не рассказывал, сержант на все плюнул, реквизировал Солянку и пошел обследовать камбуз под предлогом, «если жрать не хочется прямо сейчас, значит, захочется очень скоро».

С момента атаки прошло почти три часа, а по их души так никто и не явился. Ни свои, ни чужие.

И неизвестно, что было обиднее.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «ОГАСТЕС ФЛИНН», ФЛАГМАН ФЛОТА СЕЯТЕЛЕЙ

Система Офелии, периферия, доминанта Земли

Адмирал Фисуненко не спал третьи сутки кряду. Глаза и щеки командующего миниатюрным союзным флотом ввалились, и сейчас он все больше напоминал умудренного годами старца, хотя был одним из самых молодых адмиралов доминанты.

Флот его по-прежнему выглядел игрушечным: после не слишком приглядного по меркам межзвездного права вторжения на Тахир и захвата тысяч генераторных пар количество подчиненных кораблей даже уменьшилось: один из четырех клиперов пришлось оставить вблизи разграбленной планеты. Фисуненко краем уха слышал, что надолго клипер «Черная хризантема» вблизи Тахира не задержался: опальных пиратов-десантников сначала вроде бы оставили в качестве экспедиционного корпуса (хотя больше все смахивало на попытку держать этот разномастный, но весьма боевитый сброд подальше от доминанты Земли). Однако едва флот Фисуненко отбыл по новому назначению, сменив заодно и название с флота вторжения на флот сеятелей, «Черная хризантема» спешно погрузила упомянутый сброд в плохо приспособленные для

этого трюмы и канула за барьер. Вроде бы сначала она направилась на базу «Флажолет», а потом еще дальше, в рейд по тылам перевертышей. Впрочем, Фисуненко полагал это скорее слухами: рейд на единственном клипере по тылам противника — фантастика та еще.

Вскоре после старта к флоту сеятелей присоединилась целая туча гражданских кораблей — большею частью человеческих, хотя довольно много было также кораблей свайгов и цоофт. Почему-то ни единого корабля не прибыло от а'йешей. Каждый из гражданских кораблей погрузил на борт несколько распарованных генераторов и отправился по индивидуальному маршруту. Никто из сеятелей не знал, на каком именно корабле едут комплиментарные погруженным генераторы и куда будет вести нуль-коридор, один конец которого им предстоит установить. Союз делал все, чтобы неизбежные утечки дали противнику как можно меньше информации. По всей видимости, даже захват непарного генератора шат-тсурами или перевертышами рокового значения уже не имел: счет пошел на дни. Если в течение ближайших земных недель сеть рабочих тоннелей будет успешно развернута, имперцам конец.

Но имперцы это понимают ничуть не хуже адмирала Фисуненко, поэтому предстоящие недели будут трудными.

Надо побеждать; к концу операции галактика-1 будет напоминать гигантский кусок сыра, испещренный дырами-коридорами, но союз пяти высших рас заведет совершенно новые отношения с пространством, временем и расстояниями. Отныне за несколько нуль-переходов можно будет пересечь галактику из конца в конец. Раньше на это уходило несколько недель. Теперь достаточно будет нескольких суток, причем основную часть времени сожрут переходы от финиша одного коридора к стартовому створу другого.

Дмитрий Фисуненко представлял и действия коллег-военных: в метрополию шат-тсуров и ооонс забрасывается одинокий кораблик с генератором на борту, подбирается максимально близко к планете противника, активирует коридор и в самом сердце империи начинает финишировать объединенный флот. Картина боевых действий настолько ярко развора-

чивалась перед мысленным взором адмирала, что впору было писать эпическое полотно «Закат империи». Лишь об одном сожалел Фисуненко: ему вряд ли доведется участвовать в разгроме скелетиков и перевертышей лично. Флот сеятелей, конечно же, останется в стороне, в тени, до полной победы. Разумеется, это оправданно. Разумеется, это неизбежно.

Но так хочется отдать команду: «К бою!» и прильнуть к тактическому пульту!

Адмирал вздохнул, потер раскрасневшиеся глаза и развернул в видеокубе очередной график. Работа сеятеля рутинна и с виду совсем не героична. Однако именно от сеятелей сейчас зависит судьба галактик — теперь уже двух. Империя или союз. Диктатура или свобода. Люди, свайги, цоофт, а'йеши и почти истребленные азанни — или поющие скелетики шат-тсуры и оаонс-перевертыши.

Кто кого?

НАУЧНАЯ СТАНЦИЯ «БОРО-БОРО», 329-й ПРОЕКТ

Гелиопауза, наветренный радиус, граница Солнечной системы

О приближении неприятеля инженер Нери Йонас узнал из утренней летучки. Всему исследовательскому комплексу предстояло эвакуироваться, поэтому никакой работы — только предотлетная суета, судорожные сборы и неприятная пустота в груди.

До сих пор война ученых и инженеров касалась мало — разве что тем, кто не занимался вооружениями напрямую, сильно урезали ассигнования и дотации, в остальном же приходилось как обычно пахать на науку. Йонас и пахал. На университетскую степень он в свое время не сподобился, зато стал очень неплохим инженером, за что его с охотой и взяли в проект, форпост человечества в открытом космосе, в место, где солнечное притяжение уравнивается и с давлением солнечного ветра, и с притяжением соседних звезд. Проект располагал несколькими научными станциями, на которых имелось достаточно капризной аппаратуры, чтобы Йонасу некогда было скучать. Станции растянулись цепочкой от зоны гелиопаузы до границы ударной волны.

Накануне Йонас прилетел на своем драндулете на самую дальнюю станцию, лабораторию холодного литья и синтеза «Боро-Боро», где весь день промаялся с забарахлившими конвекторами в базис-системе. Дальше «Боро-Боро» болтались только семь заброшенных, кое-как тлеющих микросолнц работы а'йешей, кое-какой земной мусор да древние орбитальные лазеры, вывезенные от греха подальше из Солнечной. Девать их было некуда, демонтировать накладно, вот и бросили там же, где в свое время бросили микросолнца и управляющий модуль к ним. На самой заре проекта кто-то додумался одно микросолнце активировать и разогреть процентов до тридцати пяти мощности — его светом и теплом и пользовались ученые проекта триста двадцать девять.

В принципе микросолнца а'йешей были неплохой задумкой — для своего времени, разумеется. Сами а'йеши прекратили их производить и пользовать тысячи три лет назад; со входом доминанты Земли в высший галактический совет люди получили много знаний, которые для галактов были днем вчерашним, а для людей — в лучшем случае послезавтрашним. Однако технологии будущего люди освоили на удивление быстро и натыкали в своих планетных системах этих микросолнц видимо-невидимо — практически каждое искусственное поселение зажигало миниатюрную звезду рядом с собой. Позже вопрос освещения и обогрева решился много удачнее и экономнее; многие микросолнца были погашены и демонтированы, однако многие просто брошены на произвол судьбы. Предоставленные самим себе, микросолнца постепенно угасали. Примерно на пятнадцати — двадцати процентах мощности они впадали в самоподдерживающуюся полосу стабильности и в таком состоянии просуществовали лет по пятьсот — восемьсот. Очень часто около брошенных микросолнц образовывались свалки; искусственные светила, случалось, поглощали мусор и бесплатно для человечества утилизировали. Эти комки управляемого мезовещества имели размеры примерно с километр в поперечнике и умели излучать в достаточно широком спектре.

Здесь, на границе родины человечества, рядом с семеркой микросолнц бросили много чего — и комплект орбитальных

лазеров вместе с централизованным управленческим модулем, похожим на здоровенный бублик, и десятка два древних прямоточных кораблей в совершенно убитом состоянии (прижимистый завхоз 329-го проекта долго донимал инженеров просьбой покопаться в этом хайтековском ломе и свинтить из многих хотя бы один действующий катерок, однако ничего путного из этой затеи так и не вышло). Остальной мусор носил невыраженный характер и легко описывался словосочетанием «разнообразная хрень» — от гроздьев отработавших свое батарей до использованных модулей жизнеобеспечения.

Так случилось, что армада имперцев перла прямо на эту свалку и, соответственно, на все станции проекта. На эвакуацию военные дали шесть часов; уже через полчаса после ее объявления в окрестностях «Боро-Боро» вынырнул малый конусный заградитель и принялся утюжить пространство вблизи — Йонас не уловил цели этого барражирования.

Мысли Йонаса были заняты совершенно иным. Во-первых, ему не хотелось уезжать, потому что работу свою Йонас любил, да и платили весьма прилично, а мечта купить домик где-нибудь в курортной зоне Венеры его не покидала последние года три. Чертова война расстроила все планы — платить стали ощутимо меньше, а теперь и вовсе, считай, лишали возможности заработать. Раздражение Йонаса было столь велико, что, объяви военные набор добровольцев, он взял бы в руки оружие и пошел бы кромсать скелетиков с превеликим удовольствием. Вражеская армада, по слухам, была довольно велика. Поэтому мысли о способах насолить агрессору одолевали Йонаса с самого утра.

Он был человеком последовательным, поэтому первым делом задумался: а что могло на «Боро-Боро» и соседних станциях послужить оружием? Да еще таким, чтобы оно представляло хоть какую-нибудь угрозу для агрессора — романтиком Йонас не был и фразу «взять в руки оружие» понимал вовсе не буквально и с шашкой на лучеметы ходить отнюдь не собирался. Ответ был, увы, неутешительным: оружием не могло служить ничего. Даже пресловутые орбитальные лазеры — чтобы накачать их до боевого состояния, требовалась пропасть энергии, которую нужно было откуда-нибудь взять. Насколь-

ко Йонас помнил, накачивали их близкими ядерными взрывами. Стало быть, лазеры эти почти наверняка были рентгеновскими. Увы, суммарная энергетическая мощь проекта вряд ли намного превосходила даже взрыв первой в истории Земли атомной бомбы, сброшенной в древности на Японию. Ну не занимался триста двадцать девятый энергоемкими процессами!

Однако довольно быстро Нери Йонас обратил взор на тлеющие неподалеку микросолнца. Эти косматые километровые шарики, в сущности, были сгустками энергии, в их недрах шел медленный синтез. Йонас сунулся в служебную сеть, нарыл документацию по лазерам и микросолнцам и прикинул мощности. Получался перекос: если запустить лавинную реакцию, микросолнце взрывалось и выделяло энергии просто дофигища, но, во-первых, освобождалась она бесконтрольно и, во-вторых, во всех направлениях. Если Йонас не ошибался, взрыв микросолнца вряд ли бы доставил много неприятностей даже среднему военному кораблю, например атмосферному крейсеру, особенно укутанному защитными полями. А вот малые корабли и сверхмалые одно-трехместные катерки пострадали бы сильно, правда, лишь в непосредственной близости от взрыва.

Лазеры умели концентрировать энергию в пучок и лупить по неприятелю прицельно. Но оперировали они несколько иными величинами, лавинные реакции микросолнц убили бы эти лазеры в момент импульса. Однако, вчитавшись в документацию, Йонас с некоторым изумлением осознал, что орбитальные лазеры, собственно, и делались конструктивно одноразовыми — они испарялись сразу же после залпа и вследствие его.

Впрочем, до Йонаса быстро дошло, что даже один солидный лазерный залп по врагу — тоже хорошо. Тем более единственным взрывом можно попытаться накачать сразу все лазеры — все тридцать две штуки. И управлялись они с центрального модуля, как автономно, так и синхронно.

Вокруг суматошно собирались-складывались коллеги, а Нери Йонас неподвижно сидел перед сетевым терминалом и

терпеливо вгрызался в необъятные файлы документации на лазеры и микросолнца.

В сущности, мысль его была проста и возникла только благодаря странному стечению обстоятельств: микросолнца и лазеры обнаружились бок о бок, на одной свалке. Накачивать орбитальные лазеры таким варварским способом не пришло бы в голову никому, как никому не приходит в голову забивать гвозди утюгом или подставкой настольной лампы, хотя на практике это вполне возможно.

Наверное, Йонас удивился бы, если бы узнал, что у физиков-оптиков уже несколько веков в ходу фразочка «забивать гвозди лазером». Но физиков-оптиков, дабы поведать об этом, рядом не случилось.

Йонас так увлекся, что не заметил, как прошли три часа из отпущенных на эвакуацию шести. Он выяснил, что система лазеров удивительно удачно сконструирована под его идею — возможно, Йонас, как и многие до него, просто стал очередным изобретателем очередного велосипеда.

В общем и целом, орбитальный комплекс походил на гигантское беличье колесо, по окружности которого располагались перекладинки стержней-лазеров. На некотором, очень небольшом, расстоянии от тыльной окружности располагались область взрывов и область обращения волнового фронта — еще одно колесо. Взрывы тщательно синхронизировались с каждым из тридцати двух лазеров. Центральный управленческий модуль обыкновенно удаляли на безопасное расстояние — камикадзе среди конструкторов комплекса явно не было.

В общем, вскоре Йонас понял, что теоретически он может даже попытаться взорвать одно микросолнце прямо внутри колеса, но так и не придумал, как его туда поместить. С беличьим колесом было проще — его так и не пограбили на стандартный модуль сопряжения с любым транспортником, имеющим на борту самый обыкновенный икс-привод. Однако икс-привод кораблика Нери Йонаса, понятное дело, был сверхмалым и категорически не годился в качестве транспортного. Да и рассчитать столь короткий прыжок тривиально не хватало времени — прошло уже три часа. Конечно, можно

было не заморачиваться — мощность взрыва, как известно, убывает с кубом расстояния, и рвануть микросолнце вообще черт-те где, мощности взрыва по идее должно было хватить — но тогда не получалось корректно накачать отдельные лазеры, в силу каких-то особенностей распределения пучков, сути которых Йонас не уловил, не хватило знаний. Зато он быстро прикинул граничное расстояние от взрыва до комплекса, соотнес его со сферой безопасного приближения к микросолнцу и в очередной раз удивился, насколько все опять гармонично срослось.

Тогда он потихоньку позвонил Гектору О'Риди — механику транспортника с «Боро-Боро» — и поинтересовался, как ведет себя его чертов катамаран с каким-нибудь грузом на буксире. О'Риди посмотрел на него, как на больного, и сообщил, что буксиры бывают только при ненулевом тяготении. Невзирая на антигравитацию. «А если очень надо?» — поинтересовался Нери Йонас.

Гектор О'Риди, пилот-ас по прозвищу Ювелир, до сих пор не угодил в боевой флот только по одной причине — у него не было левой руки и кораблем он управлял при помощи индивидуально напыленного нейрочипа в голове. Солнечная еще не дошла до той грани, когда на войну забирают даже инвалидов, а поработать на гражданке Гектор согласился сразу и легко. Возить людей ему было запрещено, поэтому О'Риди числился механиком. Однако, вопреки запретам, свой катамаран он пилотировал довольно часто (ибо пилотов обыкновенно катастрофически не хватает) и всегда — без единого человека на борту, кроме себя. Тем не менее Йонас знал, что это лишь до первой аварии или первой истерики со стороны начальства. Истерик пока не случалось. Аварий тоже.

— Что везем? — угрюмо спросил О'Риди. Похоже, он решил, что Йонас хочет эвакуировать какую-нибудь левоту вроде самогона и лома ценных металлов из запасников.

— Лазеры, — коротко сообщил Йонас. — Со свалки. Поближе к микросолнцам.

— Вес? — уточнил О'Риди.

Йонас сказал — довольно приблизительно.

— Ты псих. — О'Риди вздохнул, но было видно, что произнесенное слово «лазеры» уже сделало свое дело. Не одному Нери Йонасу хотелось хоть чем-нибудь помочь Солнечной.

Времени, конечно же, не хватило, невзирая на немедленный старт, и шеф лаял их по громкой связи, закатив-таки давно ожидаемую истерику. Долго лаял, изощренно и матерно.

— У вас хватает транспорта, — единственный раз огрызнулся О'Риди. — А у нас — дела.

— Дела!!! Какие, порази вас брочинг, дела??? Я обоих под трибунал отдам, сейчас же! — орал шеф, хотя наличие у него подобных прав имело под собой, мягко говоря, немного оснований. Выслать из проекта — это да, это сколько угодно. Но под трибунал? Пхэ...

— Ну и отдавай, — закруглился О'Риди. — Руки коротки.

Больше Ювелир на громкую не реагировал, хотя и не выключал ее.

Работали они в паре. Йонас указал на ближнее, самое разогретое микросолнце из всех, и показал, с какой стороны и на каком расстоянии от него нужно будет разместить беличье колесо. Потом Йонасу предстояло запрыгивать в свой драндулет и мчать в центр управления орбитальным комплексом, а О'Риди на катамаране — в дежурку головного модуля микросолнца.

В принципе при желании шеф мог вызвать военных с патрулирующего неподалеку заградителя, но понятно куда бы его послали с подобной просьбой в такое время. Поэтому Йонас с сообщником не спешили. К моменту, когда все необходимые эволюции были успешно завершены, вражеский флот еще толком не показался, зато «Боро-Боро» надежно обезлюдела, а шеф наконец соизволил заткнуться. Потом смылся и заградитель. Астрогатор катамарана рассчитывал пульсацию — к орбите Юпитера, а Йонас наводил последний лоск на нехитрую программку, которая управляла залпом по ближайшему скоплению масс, а не по цели на поверхности планеты, как это обыкновенно бывает с орбитальными лазерами. У орбитального оружия не существует спускового крючка — на этот раз сигналом подготовки залпа предстояло стать началу аварийного разогрева микросолнца.

А потом детекторы масс пронзительно заверещали — это перла вражеская армада, на досветовой, в режиме предпульсационного строя, когда корабли должны уходить за барьер в строгой очередности и с идентичными скоростями. Имперцы прекрасно знали, где ждет их объединенный флот Солнечной, и шли разделаться с ним, шли уверенно и без суеты. Сначала смять первый заслон, потом второй, а после начинать методично долбить защиту в сфере малых планет, пока Венера и Земля не лягут от истощения и Солнечная не падет к ногам их самозваного императора.

Йонас и О'Риди одновременно запустили таймеры, а спустя примерно час ушли в пульсацию.

Они давно уже тянули к Ганимеду-Интра, когда все и произошло — жаль, что наиболее достойные участники битвы за Солнечную систему не увидели этого воочию.

Громадный имперский флот, похожий на стаю диковинных рыб, уже начал лавиной проваливаться за барьер, когда обреченное микросолнце в последний раз вспыхнуло и взорвалось. Микросекундами позже плюнули и испарились лазеры — залп угодил в малый штурмовой крейсер шат-тсуров, готовый вот-вот уйти за барьер, угодил как раз в самое буйство нелинейности над лобастой нашлепкой ходовых генераторов; угодил, может быть, именно в тот неуловимый миг, когда икс-привод крейсера находился в режиме дупликации и обратного сдвига по времени — стартующий корабль успел возникнуть в финишной сфере, но не успел исчезнуть из стартовой. Практически одновременно с этим, совсем уж непонятно почему, в полную силу засветили шесть оставшихся микросолнц. Взрыв крейсера был не очень похож на взрыв — неяркая вспышка, и затем такие пространственные искажения, каких, наверное, не создал бы и икс-привод размером с Солнечную систему. Нечто, похожее на исполинскую стартовую сферу, поглотило и имперский флот целиком, и микросолнца, и всю космическую свалку, и обезлюдевшую станцию «Боро-Боро», сиротливо приткнувшуюся при гелиопаузе...

Тем не менее в районе предполагаемого финиша армады скелетиков никаких особенных катаклизмов отмечено не было: корабли головной заградительной воронки землян зафиксировали в фокусе множественный финиш и вскоре увидели вражес-

кие корабли, один за другим выныривающие из-за барьера именно там, где их и ждали. Наблюдатели отметили лишь необычно высокий разброс по направлениям дрейфа, который финиширующий флот почему-то не спешил гасить и выравнивать.

Хищная рыбья стая, медленно теряя строй, надвигалась на землян. Без блеска и мерцания защитных полей перед ударными сборами. Без обычной лавины поставленных помех. Без черных ям нелинейности, гонимых могучими генераторами больших кораблей. Вообще без единого огонька, темная, безмолвная и оттого еще более страшная.

«Евразия» и «Австралия» наспех выстроили оборонительную сеть под странный расползающийся строй неприятеля и даже успели дать несколько пристрелочных залпов.

Потом в глубине имперской армады столкнулись два дестроера, без взрывов и бешенства защитных экранов, словно пара обычных астероидов. Скорости и векторы их движения не слишком различались, поэтому никаких особенных визуальных эффектов наблюдающие так и не дождались — дестроеры, словно пара сцепившихся педалями велосипедистов в плотном пелетоне, встретились, вмяли друг другу бока и чуть изменили направление полета, а значит, стали задевать и расталкивать всех вокруг себя.

В пелетоне в таком случае возникают грандиозные завалы. Строя не стало вовсе. Корабли таранили друг друга, принимались сумбурно и беспорядочно вращаться, некоторые разрывало на части обыкновенной динамикой, некоторые протыкало чуть не насквозь, некоторые намертво сцеплялись — все это продолжалось более десяти часов, во мраке, безмолвии и хладе космоса.

К середине третьего часа недоумевающие земляне сумели отловить на периферии этого ада несколько малых кораблей шат-тсуров и убедиться, что армада мертва и что из-за барьера вывалилось лишь процентов около семидесяти имперских кораблей — остальные потерялись за барьером.

И что ни на одном корабле, от флагмана до последнего крошечного разведчика, не осталось ни единого живого скелетика. И ни одного работающего устройства.

Из имперцев словно выпили жизнь — всю, до последней капли.

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

Президент Вернер Винцль давно не видел растерянности на лицах своих сподвижников. Сторонний наблюдатель не увидел бы ее и сейчас, но президент слишком хорошо знал этих людей. Их выдавали не лица, а множество бесполезных и бесцельных действий — взгляды на часы, верчение коммуникаторов в пальцах, утирание лба платочками, быстрые взгляды.

Наверное, хорошо знающие своего президента люди тоже заметили, что первое лицо Солнечной системы слегка нервничает.

Неизвестность всегда заставляет чувствовать себя неуютно — и чем выше лежащая на тебе ответственность, тем неуютнее себя чувствуешь.

Зато военные выглядели как на подбор — бравыми, заслуженными и уверенными, не хватало только сверкающих галунов: парадные мундиры в очередной раз вышли из моды лет сорок назад. Даже полукерамический Чиль Онте поблескивал своими зеркальными линзами с весьма победным видом. Можно подумать это их, военных, заслуга, что атака имперс-

кой армады на родину человечества закончилась эдакой счастливой мистикой!

Политики, ученые и военные Солнечной ожидали прямого канала связи с Офелией. Лично в малой приемной «Гелиотропа» находились только сам Винцль, некоторые министры да бывший начальник Поисковой Базы Земли Джошуа Фергюсон. Остальные присутствовали в режиме видеоконференции — объемными изображениями.

Наконец в отведенном для представителей Офелии секторе сконцентрировалось несколько видеостолбов. Подключились президент системы Валерий Сытников, командующий флотом «Магрибба» адмирал Тонгусекав, шеф службы безопасности Рональд Рональд и еще несколько влиятельных лиц второго по значимости и первого по могуществу мира доминанты Земли.

С изображением не поздороваешься за руку, поэтому пышные дипломатические приветствия давно ушли в прошлое. «Прибывшие» на экстренный закрытый совет ограничивались кивками; лишь адмирал Тонгусекав отсалютовал рукой, в основном коллегам-военным.

— Доброе время суток, господа! Вы готовы? — Вернер Винцль не хуже других понимал: времени не то что нет — его нет совсем. Предсказать и упредить реакцию имперцев на произошедшее невозможно, а ведь придется это делать...

— И вам доброе время, господа! Да, мы готовы начать, — отозвался Сытников.

— Тогда начнем с вашей истории, если не возражаете. Пожалуйста подробности, и, полагаю, лучше в изложении военных.

— Адмирал? — Сытников чуть повернулся в сторону командующего сильнейшим из флотов человечества.

Аврелий Тонгусекав акцентированно кивнул и сделал быстрый знак кому-то невидимому. Из-за его спины, прямо из пустоты возник еще один военный в форме полковника. Он сделал несколько шагов вперед и застыл по стойке «смирно».

— Полковник Фоэ, начальник разведки одной из крейсерских групп «Магриббы», — представил его Тонгусекав. — Начинайте, полковник.

Тот кивнул и заговорил, пожалуй, чуточку суховато, но зато без отвлекающих подробностей, коротко и доходчиво:

— В задачу моего подразделения входил сбор полной информации по финишу армады шат-тсуров вблизи Офелии, как-то: примерная численность, состав, характер боевого строя, параметры ожидаемого ухода за барьер и тому подобные данные. Зону ожидаемого финиша мы спрогнозировали своевременно и не замедлили активировать локальные датчики; кроме того, были высланы разведчики-одиночки, почти тысяча катеров. С самого начала операция проходила в штатном режиме, ничего особенно необычного ни пилоты, ни датчики не зафиксировали...

— Простите, — вмешался один из научников с Венеры; кто-то из вновь назначенных, Винцль его еще не знал. — Что значит — особенно необычного?

Фоэ чуть приподнял брови, словно удивился, но ответил прежним тоном, ровным и благожелательным:

— Видите ли, космос велик, по-моему, это не нужно объяснять. Там всегда что-нибудь случается. На задание вылетела почти тысяча пилотов. Понятно, что были необъяснимые отказы техники, были рапорты о наблюдении несуществующих, как позже выяснилось, объектов — мы их называем миражами. Такое происходит сплошь и рядом. Я хотел сказать, что процент и общее распределение подобных случаев на этот раз не выходили за рамки средних значений.

— Спасибо, понятно, — поблагодарил настырный научник.

— Я продолжаю, — обратился Фоэ ко всем. — В течение примерно семи часов шла нормальная рутинная работа по сбору и обработке данных; произошло несколько столкновений с истребителями противника, но это тоже вполне обычное дело перед боем. В штатном режиме происходил и отход. Разведгруппа подобрала все катера и отступила в заданном направлении. Говоря «все катера», я имею в виду «все вернувшиеся катера».

— А были и не вернувшиеся? — снова вмешался научник.

Фоэ слегка развел руки в стороны:

— Мы на войне, господа. А на войне бывают потери. Потери бывают и в мирное время, они так и называются — небоевые потери. Любая военная операция в мирное время допускает до трех процентов потерь личного состава. Обычно бывает меньше, редко, когда больше одного.

— И каковы были потери в вашем случае? — Вернер Винцль решил переключить внимание на себя. Откровенно говоря, потери его интересовали мало. То есть он, конечно, жалел погибших пилотов и, будь его воля вернуть их к жизни — как и всякий нормальный человек, сделал бы это, не задумываясь. Но сейчас вопросы чрезмерно любопытного научника лишь отвлекали, поэтому Винцль изящно и тактично возвращал полковника к изложению подробностей офелийского феномена.

Второго за истекшие сутки.

— Мы потеряли десять кораблей. Чуть больше процента. Итак, мы подобрали всех вернувшихся пилотов и отступили, в срок передав собранные разведданные в штаб флота и в аналитический отдел. К тому моменту армада шат-тсуров справилась с дрейфом и перестроением и изготовилась к прыжку. Мы доложили о первой волне нелинейности в стартовых сферах, после чего получили приказ уходить в заранее заданную точку. Этот отход производился в досветовом режиме, без прокола барьера. Мы продолжали наблюдения до момента, когда около трех четвертей вражеской армады уже ушло в прыжок, внешне совершенно в штатном режиме. Однако уход арьергарда мы не зафиксировали, повторяю, покинув зону наблюдения в соответствии с полученным приказом.

Дальнейшее можно выразить несколькими словами, но, думаю, все присутствующие осведомлены, что из прыжка ни один корабль армады так и не вышел. Никаких намеков на финишные сферы в ожидаемых областях также не наблюдалось. У меня все.

Ни Вернер Винцль, ни остальные члены совещания (вопреки не очень уверенным ожиданиям) ничего нового не услышали. Всего лишь более развернутое изложение первой, ко-

роткой и растерянной депеши по дипканалу: «Сражение не состоялось. Противник исчез. Офелия». Несколько позже, разумеется, пришел аналитический комментарий, но особо аналитическим его назвать было трудно, ибо сводился он ко все тому же: «Вражеский флот ушел за барьер и не появился в расчетном объеме».

Интересно, получится ли у Солнечной удивить представителей Офелии? Вряд ли, хотя некоторые интересные факты, связанные с уходом вражеской армады от «Боро-Боро», действительно всплыли, однако о них у большинства присутствующих имелась также весьма скудная и непроверенная информация. В данный момент она уточнялась.

— Господа, прошу минутку внимания. Только что получено сообщение из аналитического отдела. — Фоэ вернулся на позицию оратора. — Меня попросили огласить. Неожиданно, но это касается того, что мы обсуждали буквально десять минут назад, а именно странностей в космосе. Так называемых миражей.

Во время возглавляемого мною разведрейда некоторые из пилотов докладывали о визуальном наблюдении малых скаутов Роя. Более мощная аппаратура мониторов, однако, в указанных точках ничего не сканировала. Сообщений было семь, от шести пилотов — один из них наблюдал скаут дважды. Я даже боюсь делать выводы, господа. Все шестеро не вернулись из рейда.

В малой приемной воцарилась безмолвная буря. На целых пять секунд.

— Стоп! У меня вопрос! — попросил слова Фергюсон, бывший глава искателей. — Разрешите?

Винцль коротко кивнул.

— Скажите, были ли скауты Роя единственными миражами, наблюдавшимися в этом рейде?

— Нет, что вы! Миражи видит примерно каждый сороковой пилот. Всего, включая эти семь, было доложено о двадцати восьми миражах, в основном о хорошо знакомых нам объектах «спираль» и «малая роза». Четыре миража идентифицировать не удалось.

— Понятно, — пробормотал Фергюсон и уселся.

— Кажется, у вас тоже есть вопрос, адмирал? — Президент Солнечной хоть и был ошарашен последним сообщением, наблюдательности все же не утратил.

— Докладывали ли о миражах остальные четыре не вернувшихся пилота? — спросил старый гриб Чиль Онте синтезированным молодым голосом.

Фоэ поднес палец к бусине коммуникатора в ухе, отстраненно повел глазами, прислушиваясь, и сообщил:

— Нет.

— Наблюдались ли подобные миражи в окрестностях Офелии ранее? — Чиль Онте умел вычленять самое существенное и задавать самые важные вопросы.

Фоэ снова потянулся к коммуникатору. Слушал он несколько секунд.

— Да, наблюдались. Три на прошлой неделе и один — полтора года назад.

И снова воцарилась звенящая, как селентинский хрусталь, тишина.

— Итак, Рой вернулся, — подытожил Тим Хемерсбрандт угрюмо.

— Подождем с выводами, — предостерег его Онте и поглядел на коллег-адмиралов. — Я запрошу циркуляр о наблюдении кораблей Роя, по всей доминанте.

Разумеется, никто не возразил.

С полминуты он, не раздвигая губ и остекленело уставившись в пустоту, просидел неподвижно. К этому времени присутствующие единодушно согласились принять информацию к сведению и немедленно оповестить субъектов доминанты, однако с выводами действительно повременить.

Фоэ уже исчез из видеостолба, его доклад закончился. Настала очередь Солнечной делиться информацией с соседями.

В качестве оратора выступил адмирал флота «Антарктида» Геннадий Лесин:

— У нас начиналось все примерно так же. Активация датчиков, разведчики, с той лишь разницей, что стычек с истребителями противника не произошло и, как мне только что сообщили, скаутов Роя никто не наблюдал, хотя об обычных миражах докладывали, большей частью о все тех же «спиралях» и

«малых розах». Разведчики передали наблюдения и отступили. Армада шат-тсуров готовилась к уходу за барьер, имея построение «верхний полуторный клин». Первые звенья, судя по всему, начали пульсацию штатно, однако в дальнейшем что-то у имперцев пошло не так. Нелинейность скачкообразно возросла до совершенно немыслимого уровня — ученые говорят, что считали подобное в принципе невозможным. Как мне объяснили, в месте старта армады сначала были зарегистрированы то ли две, то ли три вспышки, похожих на взрывы довольно большой силы, после чего мгновенно возникла стартовая сфера запредельно больших размеров и поглотила все, что находилось внутри нее, включая армаду, станцию «Боро-Боро», соседствующую с ней зону утилизации, а также ряд малых небесных тел. На финише картина была не столь аномальной, наблюдался только заметно бóльший, чем обычно, раздрай финишных векторов и паразитного дрейфа среди кораблей армады. Отсутствие силовых полей и техногенной активности в первые минуты вообще никто не отметил, как это странно ни звучит. Затем начались беспорядочные столкновения внутри построения, и стало очевидно, что корабли противника неуправляемы. Еще чуть позже выяснилось, что все живые организмы внутри кораблей, вплоть до бактерий, мертвы, а все техногенные изделия неработоспособны. По данным наблюдателей установлено также, что финишировало лишь семьдесят четыре процента кораблей армады, остальные из-за барьера не вышли. Захваченные небесные тела также вышли из-за барьера не в полном составе, кое-что потерялось. А теперь позвольте передать слово работнику подразделения «Оникс» — он как раз подоспел с докладом о... как там выразился полковник Фоэ? О странностях в космосе? Прошу вас, коллега!

Работник подразделения «Оникс», как нетрудно догадаться, был профессиональным дознавателем. Естественно, после финиша мертвой армады «Ониксу» была дана команда вынюхать малейшие подозрительные моменты, связанные с ее стартом. Копать начали с просмотра записей, высеянных и активированных как раз перед вторжением датчиков, — а с чего еще можно было начать? Незадолго до совещания Вернеру Винцлю доложили, что датчиками перед самой гибелью был

зафиксирован взрыв микросолнца, используемого работниками проекта 329 (какие-то научные исследования на самой периферии Солнечной), а также явление, удивительно похожее на залп системы орбитальных лазеров. Более подробных сводок пока не поступало, поэтому президент слушал наравне с остальными, не скрывая интереса.

— Я не займу много времени, господа, потому что наветренный радиус гелиопаузы удивительно безлюдное место, — деловито начал речь дознаватель. — Получив команду расследовать необычные случаи незадолго до атаки имперцев, мы проверили около двух десятков объектов, расположенных на разумном расстоянии от бывшего центра аномальной сферы нелинейности. Я не стану утомлять вас и перечислять все объекты, сообщу только, что внимание наше приковали всего два случая. Случай первый: один из объектов, которым полагалось пребывать в означенной сфере, по данным последней проверки, отсутствовал. Речь идет о небольшом зонде-регистраторе реликтового излучения, стабильно работающем в районе гелиопаузы уже более четырехсот лет. Вернее, работавшем. Поскольку зонд беспилотный, тики он отдавал только дважды в сутки. Последний тик зафиксирован четыре дня назад, в полдень. Если бы не мы, отсутствие зонда, боюсь, заметили бы очень не скоро. К сожалению, ничего, кроме самого факта исчезновения зонда, установить нам не удалось: наблюдение в тех местах ведется, только когда это действительно нужно.

Случай второй: проект триста двадцать девять, самая дальняя станция «Боро-Боро», исследовательский центр немагнитного холодного литья и некоторых сопутствующих научных дисциплин. Не могу сказать, что коллектив проекта и отдельные его представители могут служить образцами добродетели и светочами духа — мелкие грешки и нарушения отыщутся везде, где присутствует хотя бы один человек. Странно, если бы на «Боро-Боро» их не было. Наскоро изучив официальные сводки и опросив членов проекта, мы довольно быстро отбросили несколько чисто технических и одно чисто дисциплинарное чэ-пэ. Совершенно нормальный коллектив на пороге собственного дома, нудная работа и долгая изоляция. Можно понять.

Однако! Начальник проекта триста двадцать девять рапортовал о самовольной отлучке двоих подчиненных, механика Гектора О'Риди и инженера-ремонтника Нери Йонаса, уже после того, как на станции «Боро-Боро» была объявлена эвакуация. По его словам, двое работников проекта, не принадлежащих к числу постоянных обитателей «Боро-Боро», угнали транспортный катамаран класса «Минамбрес» и устаревший ремонтный скутер класса «Вивьен», после чего направились к брошенному более пяти столетий назад микросолнцу за номером МС-107-826, слегка разогретому с началом проекта триста двадцать девять. Катамаран должен был принимать участие в эвакуации имущества станции «Боро-Боро», однако О'Риди приказам прямого начальника не подчинился. Мы опросили работников «Боро-Боро»: по их свидетельствам, ни один из беглецов никогда не вызывал ничьих подозрений; в день эвакуации О'Риди практически до самого отлета находился на борту катамарана, а Йонас, как говорят его коллеги, вместо того, чтобы готовить имущество к эвакуации, все утро безвылазно просидел перед сетевым терминалом. Судя по отслеженным запросам, в это время он изучал техническую документацию на микросолнца а'йешей и орбитальные лазерные комплексы типа «Анубис». Один из таких комплексов, списанный некоторое время назад с Ио, был оставлен в местной зоне утилизации.

С учетом данных наблюдения и в соответствии с комментариями специалистов все это складывается в довольно стройную и последовательную картину. Инженер Нери Йонас, наверняка неоднократно снимавший разнообразные блоки и техмодули с брошенных на местной свал... простите, в зоне утилизации старых механизмов, о существовании лазерного комплекса явно знал. Тот факт, что он с утра изучал документацию на лазеры и микросолнца наводит на мысль, что инженеру Йонасу пришла в голову мысль встретить врага добрым залпом, а накачать комплекс перед залпом он, вероятнее всего, намеревался с помощью микросолнца. Видимо, у нас списывают неплохо сохранившиеся лазерные комплексы, поскольку, по данным наблюдения, залп действительно состоялся. Микросолнце в результате взорвалось. И соседние мик-

росолнца — я не упоминал, всего их в зоне утилизации насчитывалось семь, одно прогретое, остальные в стабильной постфазе — тоже, по всей видимости, разделили судьбу разогретого. По косвенным данным можно с большой долей уверенности сказать, что как минимум один корабль противника, скорее всего малый крейсер или что-то уровня эсминца, Йонас и О'Риди таки умудрились уничтожить...

— По-моему, — неожиданно прервал дознавателя Чиль Онте, — они умудрились уничтожить целый ударный флот.

Работник «Оникса» выдержал тактичную паузу, не слишком, впрочем, долгую, и сказал:

— Об этом, наверное, следует судить не нам, а ученым. Господа президенты, господа министры, уважаемые коллеги! На основании приведенных фактов я и мои соратники склонны считать Нери Йонаса и Гектора О'Риди не нарушителями, не подозреваемыми в шпионаже и подрывной деятельности, а настоящими героями и, возможно, спасителями Солнечной. Во всяком случае, наше расследование продолжается в этой тональности.

Задумчиво глядя в пустоту перед собой, Вернер Винцль произнес, чуточку скорбно, чуточку торжественно — как того и требовал момент:

— Полагаю, в любом случае следует их наградить. Отдать жизнь, пусть даже так безрассудно... И так и не узнать, что жертва их не была напрасной...

— Одну минуточку, господин президент, — вежливо прервал его дознаватель.

Винцль готов был вспыхнуть, по крайней мере взгляд у него стал серо-стальным — момент был пафосный и нужный истории, его наверняка потом крутили бы во всех новостях по всей доминанте, а его прерывает эта ищейка!

— Вы зря полагаете Йонаса и О'Риди погибшими. Свою машинерию они оставили работать в автоматическом режиме, а сами благополучно отбыли к Ганимеду, где их... — дознаватель взглянул на часы, — около четырех часов назад подобрал авральный рейдер службы. В данный момент, если ничего не произошло, рейдер готовится к пульсации и оба наших героя скоро будут здесь. Заодно узнаем, кто научил их накачивать лазеры от взрыва микросолнца...

— Живы? — Винцль умело скрыл неловкость. — Хм, ну что ж, прекрасно! Не придется награждать их посмертно! У вас есть их изображения? Наверняка ведь есть. Покажите, пожалуйста.

Дознаватель вынул персоналку-коммуникатор и сноровисто сотворил рядом с собой два вращающихся видеостолба. На президента Винцля и остальных участников совещания взглянули двое. Первый — невысокий усатый мужичонка совершенно негероической внешности, довольно хлипкий сутулый, небритый, с узким и острым лицом; второй — с фигурой крепыша, обритой наголо головой с явственно видимой имплантированной сшивкой на темени, и еще — без левой руки. Оба были одеты в простые рабочие комбинезоны и пустотные ботинки; однорукий, кроме того, прятал глаза за плотно сидящими на лице темными светофильтрами без дужек.

— Если армаду убили они, — задумчиво сказал адмирал Хемерсбрандт, — из них нужно делать символ. Символ нашей победы, победы вообще. Черт побери, представьте агитролики: эти двое, подобающая музыка, слоган какой-нибудь чеканный вроде «Солнце для всех», а потом секунд десять финиш мертвой армады — да наши парни-солдаты из любого подразделения, из любого угла доминанты, от Дабизиса до Черной Ресницы всех скелетиков и перевертышей вотрут в грунт и развеют по вакууму!

— А если с армадой разобрались не они, — с нескрываемой иронией поддакнул Чиль Онте, — из них все равно нужно делать символ. Кстати, я не шучу, господа. Это как раз то, чего сейчас не хватает. Идеи.

Идеи возрождения после ударов более сильного противника. Представьте, Солнечная и Офелия отбивают нападение империи, когда нас уже все заранее похоронили... Это перелом, форменный перелом в войне, в сознаниях людей! Я уже не говорю о союзниках — мы окончательно выйдем в лидеры...

— Мы и так давно в лидерах, Чиль. — Президент Сытников почему-то выглядел не слишком обнадеженным. — Время ли думать о символах?

Вам-то хорошо, вы уже видели свою мертвую армаду, поэтому можете рассуждать об идеях и о возрождении. А каково нам? Вдруг наша армада все-таки выскочит из-за барьера?

Вдруг шат-тсуры с таймингом что-нибудь начудили и ненадолго застряли на той стороне? Или Рой начудил? Вы можете поручиться?

— Валерий Георгиевич, — укоризненно, но вместе с тем уважительно обратился к президенту Офелии один из его земляков. — Ну какие чудеса с таймингом? Это же невозможно, физика...

— Физика называла невозможным икс-принцип Роя еще в прошлом веке, — раздраженно отмахнулся Сытников. — Я, конечно, не ученый, но прекрасно представляю, что во вселенной по-прежнему куда больше непознанного, чем познанного. Невзирая на ту пропасть, которая разделяет человека, охотившегося на мамонтов на старушке Земле, и человека сегодняшнего, побывавшего уже и в иных галактиках.

— Пока только в одной, помимо нашей, — проворчал Винцль. — Валерий Георгиевич, вы забываете о главном. Мы выиграли время, которого катастрофически не хватало. Еще сутки-двое — и между Солнечной и Офелией заработает нуль-коридор. «Доминион» и «Магрибба» в паре отразят любое нашествие! А когда подключатся еще и Селентина, Фелиция, Хобарт... Мы прошли по краю, это так, но все-таки прошли, не рухнули!

— Не накаркай, — вздохнул Сытников по-свойски. Похоже, он немного успокоился. Перестал хмуриться, поглядел на часы. — Все-таки еще долго...

— Задавить нас уже не успеют, — авторитетно заявил Чиль Онте. — На данном этапе даже если еще одна армада появится вблизи Солнечной или Офелии, с нуль-коридором мы ее сделаем. Я обещаю.

— А если появятся две армады? — с живейшим интересом спросил Байрамов, министр внешних сношений.

— Без разницы.

Байрамов глубоко вздохнул:

— Вот честно скажу... Я себя считаю неглупым человеком. Но все равно не пойму, почему две армады порознь побивают два обороняющихся флота, а если флоты объединить — не побивают.

Чиль Онте усмехнулся жутковатой улыбкой киборга.

— Потому что в космической войне, Ильхан Мансурович, главное — мобильность. За это, собственно, и воюем.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА СОЮЗА, ПРОЕКТ «КВАЗАР»

Галактика-2, окрестности финишного створа генератора нуль-перехода

1

Шулейко миновал охраняемый шлюз перед «Хозчастью», привычно кивнул охранникам и столь же привычно свернул к кабинету местного шефа. Черт возьми, как быстро этот путь стал для него обыденным! А ведь он не подписывал никаких бумаг, не заключал никаких соглашений — даже на словах. Однажды попав сюда (не по свой инициативе, разумеется) и побеседовав с «хозяйственниками», Вася как-то сразу и навсегда утратил желание задавать вопросы.

Перепонка в кабинет шефа была расслоена; шеф, склонившись над покрытым любимой зеленой скатертью столом, рассматривал в лупу какую-то тусклую распечатку.

— Вызывали? — спросил Вася с порога.

Шеф оторвался от распечатки, смерил колючим взглядом.

— Да, вызывал. Входи.

Шулейко вошел и, по уже сложившейся традиции, тут же взгромоздился на высокий трехногий табурет у стены. Возможно, таким образом Вася пытался компенсировать статус подчиненного — оседлав табурет, на шефа он смотрел сверху вниз. Шефа это нимало не смущало.

— Как там твой гений поиска? Не закис на поверхности?

— Да вроде нет, не закис. — Вася нервно передернул плечами. — Наоборот, пообщался со знакомыми по Табаске, отоспался. Правда, задумчивым каким-то стал.

— Задумчивым — это хорошо, — вздохнул шеф. — Ну что, как полагаешь, не пора ли его снова пускать по следу?

Вася подумал и уверенно ответил:

— По-моему, самое время. А что на этот раз ищем?

— Да все то же. — Шеф опять вздохнул. — Ветра в поле. Если конкретнее — я хочу, чтобы ваша команда поглядела на реконструкцию ухода имперских армад за барьер. Той, что вынырнула в Солнечной с трупами на борту, и той, что вообще не вынырнула у Офелии. Спокойно поглядите, вдумчиво. Я еще аналитиков пришлю — МакГрегори и Сориала.

— Сориала? Он же технарь, а не концептуалист.

— Ничего. Сориал и МакГрегори дружки, мож чего вспомнят. У Дейва этого тоже нюх... будь здоров. И... наблюдай за ними обоими, я имею в виду Веселова и МакГрегори. Должны же мы понять, как они раз за разом находят верные решения в абсолютной тьме, там, где данных вроде бы и нет? Вовсе нет.

— Ну, это в основном Веселова касается, — протянул Шулейко задумчиво.

— МакГрегори тоже выдает нестандартные ходы, пусть и реже. В общем... доминанта на тебя надеется, искатель Шулейко.

— Догадываюсь. — Слова Васи прозвучали довольно уныло; бывший кадровик Поисковой Базы Соломон Блюменфельд точно таким же тоном, помнится, вопрошал: «А деньги где?» после очередной объявленной благодарности. А еще он любил говорить: «Спасибо» не булькает».

— Не боись, Вася. Война не вечна. Ты никогда не пожалеешь, что работал на «Хозчасть».

— Война-то не вечна, — отозвался Вася, сползая с табурета. — Но и мы не долгожители. На наш век смертей хватит. Ладно, не волнуйтесь, сделаю все в лучшем виде, вы меня знаете.

Когда Шулейко вышел, шеф «Хозчасти» некоторое время сонно глядел ему вслед; потом встрепенулся, потер покрасневшие от недосыпания глаза и снова потянулся к лупе и распечатке.

2

К тому, что у военных семь пятниц на неделе, Саня Веселов давно привык. В самом деле: сначала на Тахире оставили «экспедиционный корпус» — взвод Скотча плюс нескольких экспертов. Смехота, а не корпус, даже Саня это сознавал. По всему выходило, что торчать им здесь придется долго, что одолеет всех скучища, и хорошо если аборигены не озлятся и не шарахнут по ним чем-нибудь мегатонным — такой вариант развития событий попросту напрашивался. Сомнительно, чтобы с корнями вырванный шмат побережья, улетучившийся в дальние дали, и последующая стихийная свистопляска улучшили отношение тахирцев к чужакам.

Однако за Скотчем, Солянкой, Мельниковым и еще несколькими «пиратами» буквально через пару дней пригнали тупорылый транспортный бот с клипера «Черная хризантема». Экспедиционный корпус сильно ужух в смысле численности. А еще через сутки безделья со второй попытки (погодка после старта захоронения разгулялась будь-будь) сел искательский бот с «Квазара». Когда между палатками и ботом навели силовой коридор, первым на землю Тахира ступил, к изумлению Сани, не кто иной, как Абсолют. В сопровождении своих мальчиков, понятное дело.

В общем, не пришлось торчать на Тахире, скучать и ждать безрадостных известий из атакованной Солнечной да ме́сти рассерженных тахирцев.

Бот увез всех на основную базу «Квазара». Через несколько часов Саня уже здоровался с Васей Шулейко и остальными подчиненными — формально он по-прежнему числился бригадиром искателей. Уже здесь Саня узнал, что Солнечная и Офелия так и не были в итоге атакованы — вражеская армада в Солнечной вышла из-за барьера в неполном составе и с мертвыми экипажами, а атаковавший Офелию флот и вовсе сгинул без следа. Известия были, что и говорить, радостными, но Саня прекрасно знал — бесплатный сыр можно отыскать только в мышеловках. И что за нежданные удачи приходится платить, порою непомерно дорого.

О мистике, спасшей от атак Солнечную и Офелию, Сане рассказал Абсолют. Но как-то вскользь, скупо, без подробностей. И все время выжидательно на Саню глядел. Саня, разумеется, клюнул:

— А модели какие-нибудь успели построить? Хотелось бы поглядеть на уход имперских армад в пульсацию. Режимы, там, нелинейности...

Абсолют, сразу ставший похожим на довольного кота, очень удачно расколотившего плошку со сметаной, сообщил, что модели как раз в данную минуту доводятся.

В общем, спустя два часа после возвращения на базу Саня уже сидел в лаборатории и слушал сжатые комментарии Васи Шулейко. По другую руку от Васи сидели Дейв МакГрегори и Жорж Сориал. МакГрегори слушал внимательно, а Сориал, не кроясь, зевал во всю варежку и, похоже, плохо понимал, зачем он здесь.

Но вскоре и Сориалу дело нашлось: Саня принялся сверять нелинейности с табличными, а для этого нужно было прикидывать массы покоя для каждого типа корабля. Конечно, легко было запросить данные по массам в сети, но Сориал барабанил цифры на память и ни разу не ошибся.

Старт имперской армады у Офелии ничем примечательным не порадовал и оставил на душе неприятный осадок, словно так и не разгаданная головоломка, а вот события в Солнечной протекали не в пример веселее и занятнее. Саня и МакГрегори напряглись и вылизали процесс чуть не поминутно — почти до самой катастрофы все шло в общем-то штатно.

Потом раз шесть подряд запускали мини-ролик, понятно, в условном масштабе; особо эффектно смотрелись взрыв микросолнца и лазерный залп. Корабль имперцев тоже бабахнул на загляденье. Саня прокручивал этот момент, бесспорно ключевой, и пытался поймать ускользающую мысль — что-то его смущало в рассматриваемой реконструкции.

— Чуть назад, — попросил он Васю Шулейко, манипулирующего видеостолбом. — Вот так... Стоп. Дай-ка мне.

Объемное изображение застыло, похожее на кадр из приключенческого фильма. Рисочки кораблей, выстроившихся в стартовый клин, могучий фронт нелинейности, видимый даже

без схематики, ослепительная точка — подогретое микросолнце. Шесть точек потусклее — остальные микросолнца, в пост-режиме, если верить комментариям. Впрочем, верить можно, простым взглядом видно — так оно и есть.

Саня отметил крошечный по человеческим меркам отрезок записи, закольцевал его и прокрутил пофрактально. Взрыв активного микросолнца, залп, взрыв корабля. На фоне разгораются остальные микросолнца.

— Черт! — сказал Саня, чувствуя в ладони хвост коварно ускользающей мысли. — Где-то я уже видел нечто... подобное.

МакГрегори вопросительно уставился на него:

— Ты о чем?

— Да вот посмотри сам! Конечно, это грубо и масштабы не соблюдаются. Да и по времени некоторый разброс. Но все-таки: шесть микросолнц. Зацени, как они расположены? И плюс две силовые точки — яркое микросолнце и взорвавшийся корабль имперцев. Ничего не напоминает?

Саня для наглядности залил описанный объем цветом. МакГрегори сообразил спустя пару секунд.

— Ух ты! Так это ж кварк-гравитонная сшивка! Грубо, но похоже, похоже, не отнять! И что это нам даст?

Сориал с сомнением пялился на застывший фрактал изображения.

— Че-то вы мудрите, други, — пробормотал он с сомнением. — Какая еще сшивка, мать ее? Это не менее похоже, например, на дохлого осьминога.

МакГрегори покосился на него, то ли неодобрительно, то ли оценивающе, однако смолчал.

— Ладно, — вздохнул Саня. — Запомним и смотрим дальше. Хотя... Чего там смотреть-то? Сплошная объемная нелинейность.

— Давай финиш теперь прокрутим, — предложил Шулейко. — Я уже дважды глянул — мороз по коже. Хотя, как подумаешь, что армада могла финишировать штатно... Кто знает, что стало бы с Солнечной?

Они вертели изображение и так, и сяк, и эдак; просматривали его линейно и враздрай; смотрели инверсно; и мысли

Сани то и дело возвращались к фракталу с залитым объемом, действительно до странности похожим на схематичное изображение пресловутой гравитонной сшивки, базисного понятия физики икс-привода, мгновенной почты, не говоря уж о банальной антигравитации. Разумеется, схема этой сшивки была весьма условной и напоминала реальное распределение полей не более, чем схема атома водорода (протон с вращающимся в некотором отдалении по орбите электроном) напоминает реальный атом водорода.

Но все-таки...

Что-то подсказывало Веселову — неспроста это сходство.

— Слышь, Вася... А никак нельзя узнать: эти микросолнца так и болтались кучкой или дрейфовали относительно друг друга? А?

Шулейко с сомнением двинул бровями:

— Да кто ж разберет теперь... Бросили их лет семьсот назад, если я ничего не путаю. Кто ж будет за свалкой следить? Кому это на фиг нужно?

Саня огорченно вздохнул.

— А база эта, рядом которая? Вели же они наблюдения хоть иногда? Наверняка по фону можно выяснить? А?

— Дело говоришь, — поддержал молодого бригадира МакГрегори. — На станции данные должны храниться. Вряд ли регулярные, но за последние лет десять несколько записей наверняка найдется. Персонал с базы вроде эвакуировался? Надо через «хозчасть» запросить, пусть раскопают.

Саня машинально потянулся к коммуникатору, но тут входная перепонка с чмоканьем расслоилась и в лабораторию ввалился Эдик Свирский — физик из основной команды «Квазара», больше года тщетно штурмующей тайны генераторов.

— Привет! — поздоровался он; взгляд у Эдика был диковатый. Отчасти оттого, что он слегка, почти незаметно, косил, отчасти потому, что Эдик являл собой образчик классического сумасшедшего ученого в молодости. Постоянное общение с а'йешами свело почти на нет остатки Эдикова человекоподобия, он уже и мыслил не вполне как человек, как-то иначе. Но физиком был, как слышал Саня, многообещающим.

— Здравствуй, Эдик.

— Мне тут сказали, будто вы накопали что-то интересное? Ы?

Саня переглянулся с МакГрегори — самое время было выдать что-нибудь вроде: «На ловца и зверь бежит». МакГрегори едва заметно кивнул.

— А кто сказал-то? — поинтересовался Саня.

— Да эти... Громилы из «хозчасти». Приперся один и грит: а не сходить ли тебе, яйцеголовый, в четвертую лабораторию? Я и пошел.

Саня задумчиво кивнул, подумав: «А не опережает ли Абсолют события?»; потом коротким движением раскрыл над пультом заветный фрактал с закрашенным «осьминогом» (тоже было, в общем, похоже) и вяло ткнул пальцем:

— Вот... Ничего не напоминает?

Эдик всмотрелся. Внимательно, цепко.

— Напоминает вообще-то. Каракатицу на мелководье. А что это?

Саня объяснил. Эдик задумался.

А потом с размаху уселся на пол.

— Ё-моё! Вы хоть сами соображаете, что это означает? Нет? Я так и думал...

3

Ведущий физик «Квазара» был инопланетянином. Разумным кристаллом с холодной планеты Са-А'Йеши. В вольном переводе это означало нечто вроде «Новая родина».

Впрочем, к полковнику Попову обратился все равно не он, и это было как нельзя кстати. Обратился лучший из физиков-людей, профессор Андрей Бекасов с Офелии, один из замов босса-а'йеша.

Андрей Бекасов выглядел на удивление импозантно — высоченный, широкоплечий, с совершенно седой шевелюрой и такой же бородой-эспаньолкой, в стильной, подчеркнуто-небрежно сидящей паре и начищенных штиблетах со встроенными в подошву пустотками. От него так и веяло породой и

голубыми кровями. Насколько Попов знал, Бекасов действительно происходил из знатного и богатого рода, а его совокупное состояние в пангала выражалось по крайней мере одиннадцатизначной цифрой.

Появился он неожиданно; во всяком случае вот так вот быстро полковник Попов научников в гости не ждал. С момента, когда искатель Шулейко покинул кабинет полковника и отправился охмурять безотказного Саню Веселова, прошло всего шесть часов с небольшим.

Сначала ожил коммуникатор. Один из восьми меченых, Дейв МакГрегори, попросил уточнить былое расположение микросолнц вблизи «Боро-Боро». Полковник распорядился — Райд помчался исполнять.

Потом вошел Ле Бурже — глаза на лбу. Он молча предъявил три голограммы, на которых красовались три схематических «ежика» — несколько точек, соединенных линиями. Точек везде было восемь, располагались они единообразно: две в центре, четыре — чуть в отдалении, наклонным ромбиком, и две — еще дальше, по обе стороны ромбика.

Попов внимательно рассмотрел голограммы и вопросительно уставился на Ле Бурже. Тот принялся объяснять:

— Это, — сказал он, указывая на первую голограмму, — схема расположения микросолнц и взорванного имперского корабля на окраине Солнечной. Это, — Ле Бурже указал на вторую, — схематическое изображение гравитационного диполя, оно же — кварк-гравитонная сшивка. И наконец, это, — рука зависла над третьей, — взаимное расположение звездных систем в галактике, на планетах которых родились наши меченые.

Попов еще раз взглянул на голограммы. Топологическое сходство расположения восьми точек на каждой из них было налицо.

— Масштабы кое-где соблюдены нечетко и мелкие погрешности, разумеется, есть. Но в целом схемы выдержаны очень строго, — добавил Ле Бурже.

— И? — Попов как всегда не спешил делать выводы.

Ле Бурже развел руками:

— Я не знаю, что думать, господин полковник. Но это определенно не может быть простым совпадением.

Попов на минуту задумался. Он пытался уловить связь между этими тремя системами.

— Давно ты это раскопал? — спросил он вскоре.

— Только что. Собственно, сходство диполя и расположения микросолнц заметили Веселов и МакГрегори. И еще научник один, из молодых, Эдуард Свирский. Сообщили мне. Я глянул — и смутился: больно знакомая фигура получается, я это совершенно точно уже видел раньше. Сунулся в базу — и почти сразу нашел: один из планов разработки «Лицо в небесах». Скопировал и сразу к вам.

Попов жестом попросил Ле Бурже помолчать, ненадолго задумался, а спустя буквально пару минут вошел ординарец и сообщил, что профессор Бекасов просит аудиенции. Полковник велел Ле Бурже оставить снимки и пойти проветриться, а сам принялся ожидать Бекасова.

Тот появился тотчас же, видимо, действительно ждал за перепонкой.

Бекасов, обыкновенно вальяжный и добродушный, на этот раз хмурился и подозрительно блестел глазами. Как студент. Умудренному годами и наукой профессору подобный блеск был несвойственен — и это еще мягко сказано.

— Уважаемый... э-э-э... коллега, — сказал Бекасов с порога.

Попов не приветствовал, когда его называли по имени-отчеству, предпочитал безличную форму обращения или нейтральное «господин полковник».

— Я вас слушаю, профессор. Проходите.

Бекасов продефилировал по кабинету и, поддернув штанины брюк, сел на стул.

— Скажите, это помещение прослушивается? — поинтересовался он довольно живо. Чувствовалось, что профессор не считает этот вопрос праздным.

— Посторонними — нет, — пускаться в пространные объяснения Попов не любил. Не стал и сейчас.

— Отлично. Для начала подчеркну: все, что я собираюсь изложить, пока не стоит принимать за достоверную информацию, это пока более или менее подкрепленные вычислениями догадки и гипотезы. Однако я счел необходимым сначала поставить в

известность вас, а уж потом делиться соображениями с физиками проекта — я имею в виду ученых иных рас.

— Весьма разумно, — скупо похвалил полковник. В самом деле: поделиться убойной информацией с чужими всегда успеется. Сначала нужно выжать из нее все полезное для родной доминанты.

— Итак... Вам уже, вероятно, приносили голограммы от Ле Бурже? Он запрашивал данные по гравидиполям не далее как пару часов назад. Легко понять зачем.

— Приносили.

— Я полагаю, ваш коллега вряд ли в состоянии адекватно интерпретировать обнаруженное сходство.

— А вы на это способны, профессор?

— Полагаю, да.

— Только прошу вас, не забывайте, я не ученый. В академии нам читали курс физики, но сомневаюсь, что вы сочтете мой уровень достаточным. Прошу вас делать скидку на мою научную эрудицию. Точнее, на отсутствие таковой.

— Ну-ну, коллега, не прибедняйтесь, — усмехнулся Бекасов, изящно выгнув ус. — Помнится, на предыдущих собеседованиях вы показали себя достаточно знающим человеком.

— И тем не менее. Об этих ваших диполях я знаю только то, что они существуют и что на использовании их физических свойств основана искусственная антигравитация.

— Не только антигравитация, — рассеянно заметил Бекасов. — Впрочем, не в этом дело. Ладно, когда будет непонятно — переспрашивайте, я постараюсь найти какие-нибудь несложные аналогии. Итак, первое... Кстати, это скорее вывод, чем объяснение. Высев генераторных пар, вероятнее всего, придется прекратить. Точнее, производить его по иной схеме.

— В каком смысле? — насторожился Попов.

Схема высева генераторных пар была выстрадана за двое суток специально сколоченной командой планировщиков. Большей головной боли у Попова и его коллег (а также у руководства доминанты) с начала войны еще не бывало. И вдруг заявляется Бекасов и недвусмысленно намекает, что схема никуда не годится?

— В прямом. Высевать нужно не пары.

— А что? — удивился Попов.

— Сшивки. Скорее всего из восьми генераторов. Увязанные и ориентированные по образу и подобию гравитационного диполя. Я попытаюсь объяснить, что это даст. Вы прекрасно знаете, что атомы различных веществ состоят из одних и тех же элементарных частиц, а разные элементарные частицы, в свою очередь, состоят из подобных типов кварков. Однако многочисленные комбинации одних и тех же кирпичиков в результате образуют более сотни химических элементов, обладающих совершенно различными свойствами. Примерно то же и с нашими генераторами: они ведь, строго говоря, состоят не из вещества. Помните, мы так и не сумели установить их глубинную структуру? Полагаю, по той простой причине, что у них нет структуры. Они — сами по себе являются элементарными частицами, монодоменами, квантами некоей пока несформулированной сущности, неволновой и некорпускулярной одновременно. Эдакие кирпичики мироздания.

— Не великоваты ли они для квантов? — проворчал Попов, недоверчиво поглядывая на профессора.

Бекасов деликатно улыбнулся:

— Коллега, боюсь, что видимые линейные размеры — это не более чем абстракция, данная нам в скудных ощущениях. Любой генератор легко может представлять собой идеальную точку и одновременно вмещать целую вселенную. Это тема для отдельного исследования, уверяю вас, сулящего немыслимые перспективы. Например, галактика-два, куда ведет обнаруженный нуль-коридор, вполне может не принадлежать нашей вселенной. А вселенная, где расположена галактика-два, вполне может крыться внутри одного из захваченных нами генераторов. И пропавший у Офелии флот имперцев вполне мог потеряться там — с нашей точки зрения, в одном из генераторов, а с их точки зрения — в новой вселенной.

Попов недовольно поморщился: с учеными всегда так — они удивительно быстро и весьма охотно съезжают с дел сугубо практических к чистому теоретизированию, которое на хлеб не намажешь и к делу не подошьешь.

— Погодите, Андрей Константинович, — прервал Бекасова полковник. — Давайте вернемся к нашим баранам. То бишь диполям и схеме высева. Развейте мысль.

— Охотно. Я пытаюсь вам объяснить, что простейшая система, которой является генераторная пара и нуль-коридор между ними, не является единственно возможной схемой взаимодействия между генераторами. Большее число генераторов скорее всего можно объединить в систему посложнее, и такая система будет обладать куда более причудливыми и разнообразными свойствами, нежели простая генерация примитивного двунаправленного коридора.

Попов про себя усмехнулся: нуль-коридор, еще совсем недавно казавшийся чудом на грани реальности и вымысла, уже обозван примитивным! Ну, дают эти рыцари от науки!

— Новыми свойствами? Например, какими? — уточнил он.

— Например, способностью транспортировать материальные объекты не в единственную точку пространства у финишного створа, а в любое место, где имеется неподалеку подобная же сшивка. Да и объемами-массами такая сшивка оперировать будет уже более впечатляющими: скорее всего появится возможность транспортировать не только какие-нибудь мегадестроеры, а и целые планеты.

Вот тут у Попова по спине прошелся неприятный холодок. Если все, что говорит Бекасов, — правда, то...

Перспективы действительно рисовались грандиозные. Но полковник Попов был прагматиком, закоренелым и неисправимым.

— Простите, Андрей Константинович. Это все, разумеется, безумно интересно, но меня смущают ваши формулировки. «Появится возможность» или «Скорее всего появится возможность»? Согласитесь, разница разительная.

— Без сомнений, выкладки нужно проверить экспериментально. Я не обсчитывал более сложные системы, чем дипольная, из восьми генераторов, на это просто нет времени.

— Вот-вот. Сколько времени уйдет на обсчитывание и практическую проверку?

— Ну... трудно сказать. Как все пойдет. И мне нужны будут еще генераторы — десятка два. Ле Бурже оставил нам только четыре.

— Генераторы будут, — заверил Попов. — Вы мне вот что скажите... Если эти ваши выкладки подтвердятся, простую систему из двух генераторов можно будет потом превратить в сложную из восьми?

— Безусловно, — не колеблясь, ответил Бекасов. — Мы научились инициировать пары, научимся инициировать и диполя, не думаю, что принцип окажется много сложнее.

— Это хорошо. — Попов потер подбородок. — Тогда не вижу смысла прерывать высев. Пусть заработает для начала простейшая сеть тоннелей. А потом уж будем ее по мере возможностей усложнять.

— Ну... можно и так. Да, пожалуй, сеть ведь наверняка будет использоваться для военных целей уже в ближайшее время.

— Конечно, будет!

— Тогда да. Продолжайте высев. Пары потом легко превратить в диполя, выборочные диполя — в более сложные системы, а лишние генераторы всегда можно снять и подмонтировать к другим системам.

— Лишние? Что вы имеете в виду?

— Видите ли, судя по всему при некоем граничном уровне сложности системы финишные генераторы вообще не понадобятся — стартовая будет забрасывать цель куда угодно, в любую вообразимую точку.

— Любой вообразимой вселенной? — не удержался и съязвил Попов, но Бекасов то ли не уловил сарказма, то ли проигнорировал его.

— Совершенно верно. Вы даже не подозреваете, насколько недалеки от истины, коллега. Дорогой мой, эти монодомены, которые кто-то недалекий обозвал генераторами, в идеале не только позволяют повелевать существующей вселенной. Они могут позволить творить новые вселенные, по своему вкусу и усмотрению. С заданными физическими законами. Простите меня, но транспортная функция — это крохотный побочный эффект. Монодомены — это истинно орудие демиургов, которыми мы, к сожалению, пока не являемся.

Наверное, Бекасов ждал, что полковник впечатлится. Однако тот, с непрошибаемостью толстокожего вояки, отшутился:

— Ну, раз на демиургов мы с союзниками не тянем, будем пока пользовать транспортную функцию. Надеюсь, наука не возражает?

4

— Господин президент!

— Господин полковник! Хочется верить, что у вас хорошие новости!

Полковник Попов секунду помедлил, прежде чем ответить.

В самом деле — поди пойми, хорошие новости или нет? Новости вообще чаще всего не бывают однозначно хорошими или однозначно плохими.

Впрочем, нет, однозначно плохими, к сожалению, бывают. Довольно часто.

— Во всяком случае, в свете этих новостей наши возможности могут существенно возрасти и расшириться, — уклончиво ответил Попов.

Закрытый канал передавал изображение президента в малый объем — фигурка высотой с городошную биту легко уместилась над рабочим столом полковника. Стол, конечно же, был покрыт знаменитой зеленой скатертью.

— Какие именно возможности? — сдержанно поинтересовался президент Солнечной.

— Наука утверждает, что генераторные пары — это простейший вариант использования нашей находки. По идее есть способ объединять несколько генераторов в единую сшивку; если разместить в нужных местах такие сшивки, тоннели откроются от каждой к каждой. Это существенно упростит передвижение по галактике, не нужно будет скакать по нескольким тоннелям — раз, и не нужно будет провешивать выборочные тоннели — этот на Офелию, этот на Селентину, этот на Хобарт. Единственная сшивка обеспечит доступность всех направлений. Это два.

— Хм. — Вернер Винцль опустил взгляд; на лице его отразилась напряженная работа мысли. — Это действительно уп-

ростит дело. Вы говорите, подобная возможность пока недостаточно изучена?

— Да, понадобятся дополнительные эксперименты. Бекасов пока не стал широко оглашать свои наработки; обнаруженное подобие гравитационных диполей со схемой расположения микросолнц перед катастрофой у «Боро-Боро» и расположением «лиц в небесах» — чисто наше открытие, союзники, надеюсь, еще не в курсе.

— Немедленно приступайте к экспериментам! И не в рамках «Квазара», а где-нибудь в уголке, понезаметнее.

Полковник понимающе кивнул.

— Кроме того, появилось первое более или менее правдоподобное объяснение феномену «лиц в небесах», — продолжал Попов.

— И какое же? Подсказка исполинов?

Ну конечно! У первого лица Солнечной весьма цепкий ум, он умеет быстро вычленять самое важное из любой информации.

— Совершенно верно, — подтвердил шеф «хозчасти». — Создатели генераторов попросту объясняют нам, как пользоваться их изделиями. Только не спрашивайте меня о способе — я понятия не имею, каким образом давно исчезнувшая раса сумела спрогнозировать взаимное расположение восьми планетных систем в отдаленном будущем и как выбрала людей, которым, с точки зрения исполинов, предстояло родиться через миллионы, если не миллиарды лет.

— И почему только людей, — пробормотал президент и в упор взглянул на полковника.

— Возможно, лишь людей исполины сочли достойными? — не очень уверенно предположил Попов.

— Ну-ну, полковник, патриотизм хорош в разумных дозах. А полагать свою расу достойнее прочих хоть и похвально, но все же весьма самонадеянно.

— Вы правы, господин президент. Однако на генераторе и в небесах восемь человеческих портретов и ни одного портрета союзников.

— Откуда вы знаете, может быть, те же свайги или а'йеши втихую изучают генератор, на котором проявились портреты их расы?

— У меня нет таких данных, — сухо сказал Попов.

Президент, не изменившись в лице, продолжил:

— Нет данных — еще не значит нет явления.

— Господин президент, с момента возникновения первого портрета ни один обнаруженный генератор не контролируется исключительно чужими. Рядом с каждым так или иначе вертится хотя бы один мой человек. Лица проявились только на самом первом обнаруженном генераторе, остальные не подверглись никаким изменениям.

— Ну, посмотрим. — Президент тактично сменил тему. — Итак, вам нужна моя санкция на дополнительные исследования? Я ее даю. Что еще?

— По линии «Рой» что-нибудь поступало? Я имею в виду закрытые дипломатические каналы, информацию по остальным я отслеживаю.

— Кое-что было. Сказать, чтобы отправили внеочередную сводку?

— Если это возможно. — Тон полковника отнюдь не звучал просительно.

Президент прекрасно знал, что разведка и контрразведка нуждаются в оперативной информации, приходящей по дипломатическим каналам. Собственно, эта информация по-любому попала бы на столы к Попову и его аналитикам, вопрос только, насколько своевременно. Нынче ситуация сложилась так, что каждый выигранный час мог изменить расстановку сил.

— Пожалуй, я велю, чтобы сводки вам отправляли не каждый час, а каждые полчаса, — задумчиво проговорил президент. — Устроит?

— Было бы просто здорово, — кивнул полковник. — И последнее. Вы намерены одобрить контрудар по имперцам на Пламмере-двенадцать или же станете возражать против оного?

— Еще не решил, — честно признался президент. — Откровенно говоря, я предпочту поддержать официальную позицию Офелии в этом вопросе.

— Понятно. — Попов снова кивнул. — Спасибо, господин президент. Я буду держать вас в курсе относительно... дополнительных исследований. Отчеты будут иметь гриф «Квазар-четыре».

— Удачи, полковник!

— Благодарю, господин президент. Удача понадобится.

МАЛЫЙ АТМОСФЕРНЫЙ КРЕЙСЕР «ОГАСТЕС ФЛИНН», ФЛАГМАН ФЛОТА СЕЯТЕЛЕЙ

Система Хоанги, периферия, доминанта Земли

«Огастес Флинн» готовился уйти за барьер.

Астрогаторы просчитали четырехкомпонентный пунктир к Пламмеру-12 около часа назад; передовые эскадры с Офелии, Фелиции, Пеломена, Солнечной и Тай-Томори вынырнули из нуль-коридоров в хорошо защищенной системе Хоанги с ее четырьмя населенными планетами и дюжиной гигантских орбитальных крепостей. Хоанга отнюдь не располагалась вблизи любого из Пламмеров — она вообще принадлежала к другому спиральному рукаву. Если глядеть на галактику «сверху» и вообразить, что ее окружность представляет собой циферблат исполинских часов, то захваченное имперцами скопление Пламмер соответствовало двенадцати часам, а Хоанга — восьми. Кроме того, Хоанга была существенно ближе к ядру; Пламмер же тяготел к окраине, практически точно с подветренной стороны.

Но теперь расстояния ничего не решали. Генераторной паре было все равно, на сколько светолет провешивать коридор — хоть на один, хоть на тысячу, хоть на сто тысяч — через всю галактику. Хоангу избрали по той простой причине, что в

случае неудачной атаки и захвата имперцами передового генератора воспользоваться им неприятелю будет чрезвычайно трудно: укрепленная Хоанга в состоянии блокировать створ своего конца коридора. Диаметр створа не так уж и велик, большие корабли и планетоиды с максимальными икс-приводами в него не проходят, а что бывает, если задеть границу створа, все прекрасно помнили — рассеченный на две части крейсер а'йешей, из-за которого и обнаружили первый генератор, красноречиво предостерегал от экспериментов и лихачества. Тактика обороны была предельно ясна: следует быстро давить поочередно выходящие из коридора вражеские корабли и можно считать Хоангу в безопасности.

Ситуацией же на мобильном конце коридора можно управлять. Генератор расположили на самом носу «Огастеса Флинна» — его даже не нужно будет перемещать наружу, финишный створ формируется чуть впереди корабля. Единственное неудобство — из отсека с генератором придется откачать воздух и отключить искусственную гравитацию. Генераторы сохраняли работоспособность только в условиях, близких к космическим: вакуум и невесомость. Именно поэтому их вывозили с Тахира посредством икс-привода и лишь потом воспользовались заранее активированной генераторной парой.

«Огастес Флинн» подкрадется к захваченной системе, выберет какой-нибудь не слишком оживленный вектор подлета и...

Адмирал Фисуненко живо представлял, как буквально из ничего выскальзывают корабли землян, быстро перестраиваются в смертоносный штурмовой клин и дальше идут уже на досвете, в боевом режиме и во всем блеске — окутанные заградительными полями, гоня перед собой фронт поставленных помех, а на траверзах оставляя области нелинейности.

Атака должна быть дерзкой и стремительной — освобождение Пламмера-12 планировалось как показательная операция, как проба сил в новой, мобильной космической войне. Как демонстрация нового оружия союза, оружия, которое само по себе не убивает, но зато отменяет преграды, до сих пор сдерживающие боевые корабли и разделяющие миры.

Отменяет мегаметры пустоты и время, необходимое для их преодоления.

В сущности, война за мобильность заканчивалась. Начиналась мобильная война. Война на истребление — после того, как имперцы уничтожили почти три четверти азанни и захватили бессчетное количество миров, они не станут сдаваться даже превосходящим силам союза. Не рассчитывают они на пощаду, их клич «Империя или смерть» слишком долго заставлял людей бессильно скрипеть зубами, свайгов — гневно топорщить гребни, азанни — в ненависти приоткрывать крючковатые клювы...

Око за око, самозваный император Унве. Подобная поговорка есть в языке каждой расы, даже у морозных кристаллов-а'йешей. Зуб за зуб, коварные оаонс-перевертыши. Не союз развязал эту чудовищную войну, в которой сгорают планеты и гаснут солнца. Так будьте же готовы, что гнев галактов обрушится на ваши мятежные головы. Гнев, подкрепленный знанием давно исчезнувших из галактики исполинов.

Адмирал Фисуненко почувствовал, как мир на неуловимый миг раздвоился, а сам он воскрес и умер. Воскрес на пути к Пламмеру и умер в Хоанге — именно в такой последовательности.

«Огастес Флинн» совершил первый прыжок и принялся готовиться ко второму.

ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК «ЖЕЛТАЯ ТЕНЬ»

Венеростационарная орбита, Солнечная система, доминанта Земли; частная территория

«Желтая тень» и впрямь официально считалась частной территорией. Правда, реальным владельцем этого небольшого, напичканного новейшей аппаратурой спутника в конечном итоге являлась контрразведка доминанты Земли, причем, как ни странно, не отделение Солнечной, а селентинское отделение. Впрочем, странным это обстоятельство показалось бы только стороннему человеку (или нечеловеку) — подобные «частные территории» Солнечная имела по всей галактике. Внутри конторы о таких спутниках тоже были осведомлены далеко не все, что и понятно. Так что о сторонних людях и нелюдях рассуждать можно было лишь гипотетически.

Райд уже светился здесь позавчера. Прибыл незадолго до того, как на «Желтую тень» доставили двоих героев обороны Солнечной — Гектора О'Риди и Нери Йонаса. Геройство геройством, но обоим чересчур расторопным труженикам проекта 329, которым по штату никакое особенное геройство не полагалось, вполне ожидаемо решили промыть мозги. Причем наличие в черепушке первого из героев напыленного нейрочипа делало подобную операцию практически неизбеж-

ной. Возможно, это было дутьем на воду после обжига на молоке, но проколоться на ровном месте никому не хотелось. Особенно в свете последних выводов о причинах катастрофы, укокошившей всех до единого имперцев армады еще до непосредственной атаки Солнечной.

Разумеется, никто не полагал О'Риди или Йонаса шпионами Унве — слишком уж велик был причиненный империи ущерб. А вот упорно маячащий на самой границе зоны достоверности Рой...

В самом деле. И в системе Офелии, и на пороге Солнечной вроде бы наблюдались скауты Роя. Результат — две имперские армады вычеркнуты из списка действующих. Одна так вообще сгинула без следа, а вторая превратилась во внушительный парк мертвых корпусов боевых космических кораблей — начинку оживить люди так и не сумели. Кто может поручиться, что Рой не обработал этих парней, О'Риди и Йонаса? Слишком уж натянутым кажется совпадение — семь расположенных нужным образом микросолнц, нетривиальное использование давно выброшенного в хлам лазера... Так и торчат отовсюду белые нитки. Кстати, проверка показала, что изначально брошенные микросолнца располагались вовсе не там и не так, как во время взрыва. Их кто-то передвинул и особым образом сгруппировал. Но кто и когда? Люди из проекта 329 этого попросту не заметили — ну кого, скажите на милость, может заинтересовать взаимное расположение хлама на свалке? Кто его вообще удосужится зафиксировать, расположение хлама? Последним документальным свидетельством о микросолнцах была стан-запись одного из малозначительных экспериментов на только что открывшейся «Боро-Боро», и эксперимент этот был проведен без малого тридцать четыре локальных года назад. Микросолнца попали в запись по счастливой случайности, в качестве периферийного фона. То есть с момента появления их на свалке почти восемь столетий тому и вплоть до этого эксперимента они просто дрейфовали вместе со всей свалкой, медленно разлетаясь от условного центра масс. За последние тридцать четыре года взаиморасположение их радикально изменилось: крайнее, ближнее к «Боро-Боро» микросолнце разбудили и слегка разогрели

сами земляне. А вот кто и когда перегруппировал остальные шесть? На это ответа найти не удалось.

Ситуация, в которой Рой группирует микросолнца, обрабатывает одного из будущих героев обороны (а возможно, и обоих) и сводит атаку имперской армады к катастрофе, вовсе не казалась экспертам-контрразведчикам высосанной из пальца. Контрразведка просто обязана расследовать подобные случаи; работа этой конторы, в сущности, и заключается в перелопачивании гор шлака и поиске реальных самородков, то бишь следов тайной деятельности инопланетян в пределах доминанты Земли. И не важно, что в данном случае вмешательство привело к позитивным результатам (а говоря более прямо и без обиняков — спасло Солнечную от неминуемой интервенции). Раз у инопланетян нашлись причины делать это тайно, значит, необходимо приложить все мыслимые усилия и узнать правду.

Вот и принялись за геройскую парочку. Чип в голове пилота-механика только укрепил подозрения контрразведки: наличие напыленных кристаллов в коре мозга существенно упрощает процесс обращения человека свободной воли в послушного робота.

Райда послали в качестве не то наблюдателя от «Квазара», не то в качестве почтальона: оперативная группа контрразведки должна была отчитаться перед ним, сообщить все результаты дознания. Устно. Райд, в свою очередь, должен был вернуться на «Квазар» и доложить все полковнику Попову.

Почему устно? Райд подозревал, что властные структуры доминанты всерьез озаботились присутствием Роя в галактике. Возможно, Рой никуда и не уходил. Он просто стал невидимым, незаметным для остальных разумных, базируясь на каком-то новом уровне знания. Но, похоже на то, вовсе не удалился от дел и продолжает влиять на события галактической политики.

Такое положение дел было неприятным, однако вполне вероятным. А значит... А значит, для спецслужб снова наступило время сплошной головной боли и пахоты без отдыха и передышек. Впрочем, за последний военный год об отдыхе говорить вообще не приходилось.

Катер медленно дрейфовал к шлюзу «Желтой тени».

Еще утром Райд находился в другой галактике, вблизи Тахира. Могучая все-таки штука эти генераторы исполинов — миг, и ты оказываешься в невообразимой дали. Расстояния стали ничем, просто абстрактной численной величиной. Мгновенный прыжок через световые годы, короткая пульсация от финишного створа, расположенного между орбитами Земли и Венеры, к спутнику «Желтая тень»... И все.

Стыковка. Выравнивание давлений. Биоконтроль. Финиш.

Райд стремительно сошел по пологой сходне. Встречал его, как и позавчера, молодой селентинский контрразведчик по прозвищу Гиви. Вряд ли это было настоящее имя — Райда тоже по документам звали совершенно иначе. Странно, но мелкая сошка разведок и подобных контор сплошь анонимна, а вот руководители, вроде того же полковника Попова, пользуются фамилиями достаточно открыто. Хотя поди узнай — реальные это фамилии или нет? Однако начальницкие имена в обиходе остаются долго, во всяком случае куда дольше, нежели псевдонимы оперативников. Года два назад Райда все знали как Карстена. А теперь поди разыщи кого-нибудь, помнящего этот псевдоним... Полковник Попов разве что.

— Здравствуй, Гиви.

— Здравствуй, Райд. Мы только что закончили, можешь даже пилотов не отпускать.

— Ага. Хорошо. — Райд обернулся к пилотам, как раз спускающимся по сходне. — Хлопцы, говорят, я быстро. Так что перекур-перекус — и назад. Не разбредайтесь.

— Добро, Райд, — кивнул старший — медноликий, черноволосый, с орлиным профилем. В среде пилотов он был известен как Вождь.

Гиви уже шагал к выходу из ангара и Райд поспешил следом.

Его снова привели в небольшую каюту, где местные проводили рабочие совещания. Аппаратуры тут было минимум; одна стена, несомненно, была односторонне-прозрачной. Последнее мало волновало Райда — перекрестные проверки и подглядывания давно стали обычным делом в его ремесле. Странно, если бы проверок не случалось.

Расслоив перепонку, Гиви приглашающе повел рукой, но сам в каюту не вошел, остался снаружи. Внутри обнаружился еще один знакомый контрразведчик, которого Райду позавчера представили как Эльдара. Он как раз тасовал в объеме видеокуба какие-то записи.

— Добрый день, — поздоровался Райд.

— Скорее вечер, — отозвался Эльдар. — Садитесь. Мне сказали, что у вас мало времени. Я буду краток.

— Прекрасно. Слушаю вас.

Райд опустился в вертящееся кресло.

— Так... Первый, Гектор О'Риди, который калека с чипом в голове. Как ни странно, чист, аки младенец. Ментосрезы у него хранятся в наружной механической памяти. Спецы говорят, что чип никто не перешивал с момента напыления. Вот данные по сканированию и тазиограмма. — Эльдар передал Райду мутно-серый инфокристалл с сеточкой активной защиты на поверхности. — Будьте осторожны, это второй экземпляр из двух.

— Разумеется, буду, — заверил Райд, пожалуй, излишне суховато. Эльдар все прекрасно понимает — не пришлют же за данными ротозея? Но предупредить и призвать к осторожности обязан. Заранее зная, что ответят ему вежливо, но... излишне суховато.

— А вот со вторым сложнее. — Эльдар вызвал в видеокуб несколько роликов и разместил их на фоне. — Во-первых, инициатором залпа по армаде выступал именно он, Нери Йонас, а О'Риди до последнего момента был ни сном ни духом о будущей акции. Во-вторых, Йонас действительно шел к идее накачки лазера от микросолнца последовательно и логично, используя общедоступные материалы. Ну, почти общедоступные: как работник научного проекта у него был доступ к большинству закрытых архивов. Не засекреченных, а закрытых, подчеркиваю. Собственно, до всего этого может додуматься любой достаточно грамотный инженер.

Нужен только первый посыл и некоторое упорство. Вот на посыле мы и сконцентрировались. Провели первое сканирование и сразу же уперлись в мощнейший блок. Наши спецы даже приготовились разочарованно вздохнуть, ан не тут-

то было: за блоком было чисто. То есть никаких воспоминаний, ни интересующих нас, ни прочих — вообще никаких. И определенно никаких следов коррекции памяти. Такое впечатление, что некто обратился к свободной области и поставил блок. Эдакий забор в чистом поле, непонятно, кого от кого отгораживающий. Дальше — больше: принялись вылизывать свежую память. Сразу же наткнулись на затертые области — затертые небрежно и поспешно, словно кто-то спешил освободить место на подоконнике и нетерпеливо смахнул на пол горшки с цветами — все разом.

Райд еле заметно усмехнулся — контрразведчик Эльдар мыслил образно, метафорически. Не совсем обычное дело для контрразведчика.

— Восстановить затертое оказалось несложно. Восстановили. Смотреть будем?

— А надо? — усомнился Райд. — Может, на словах?

— Ну, без просмотра много вы не потеряете. — Эльдар задумчиво почесал кончик носа. — Если на словах — то снова никакого криминала. Обычная бытовуха. А позже выяснилось, что два месяца назад Нери Йонас обращался к психокорректору. Легально. Сравнили — оно.

— Так я и думал. — Райд довольно кивнул. Он действительно сразу заподозрил нечто вроде этого. В противном случае Эльдар не стал бы спрашивать — смотреть, не смотреть. Включил бы и показал. Обычное дело.

— В общем, потрошили мы его долго и основательно. Чисто. И когда уже решили, что и этот чист, — на выходе поймали эхо. Вот этот кадр.

На этот раз Эльдар не стал ни о чем спрашивать, просто запустил один из роликов. Собственно, это был даже не ролик, а статичная голограмма. Восьмилапое существо, похожее на помесь термита с богомолом. Горизонтальное туловище с округлым брюшком, три кольца перед полувертикальной головогрудью, голова, похожая на спортивную гирю, две пары усиков-эффекторов, черные пятна глаз...

— Особь Роя, — опознал Райд, что было в общем-то несложно. — Только специализацию не скажу. Точно не рабочий и не солдат.

— Верно, — подтвердил Эльдар и уточнил: — Это толмач. Одна из шести разумных форм.

— Сопроводиловка есть? — нахмурившись, справился Райд.

Не нравилась ему эта нарочитость. Похоже на то, что Рой просто оставил нечто вроде послания: «Да, мы имеем к этому отношение. Но какое именно — не ваше дело».

— Нет сопроводиловки. Сдается мне, это просто визитная карточка. Рой осознал, что мы догадываемся о его присутствии в галактике и о вмешательстве в дела союза. Соответственно он дает знать, что действительно вмешивается.

— Вообще-то из союза Рой никто не изгонял, насколько я помню. Он сам ушел лет четыреста назад.

— Больше четырехсот. Но в общем верно — Рой и в самом деле не изгоняли, не исключали, не выводили из... — Эльдар смешно наморщил нос и лоб и глубоко вздохнул. Потом резко махнул рукой и закруглился: — Резюме аналитиков: визитная карточка. Нери Йонас в принципе чист, программ у него в голове нет. По крайней мере таких, какие мы в состоянии распознать и обезвредить. А если Рой все-таки вложил в него какую-нибудь программу... то горе нам, грешным. Мы все равно с ней не совладаем при нынешнем уровне знания.

— Понятно, — пробормотал Райд, протягивая руку. Через секунду второй кристалл присоединился к первому, очутившись в специальном кейсе. Кейс был, понятно, с приличной защитой и секретами. — Что-нибудь еще?

— Пожалуй, больше ничего. О новом циркуляре относительно наблюдения кораблей Роя у вас наверняка уже знают.

— Конечно, знают.

— Тогда честь имею.

Райд встал.

— Спасибо, Эльдар. Удачи. Держите тут тылы покрепче.

— Взаимно, Райд. А вы уж там на передовой стойте насмерть.

— Всенепременнейше!

Обратный путь в ангар Райд проделал снова в обществе Гиви. Пилоты цинично курили рядом с заправщиком и местные космодромные рабочие не посмели их прогнать, только неодобрительно зыркали. Еще бы: у Вождя на комбинезоне

красовались аж четыре нашивки от «Славы», две — от «Георгия» и матовая голограмма «100 сбитых». В свое время истребители империи шарахались от его «Могиканина», словно мухи от ласточки.

— Что, уже всё? — удивился Вождь при виде Райда.

— Наступило быстрое время, Вождь, — задумчиво произнес Райд. — Быстро летаешь — быстро живешь. Надо учиться быстрее думать.

— Нам даже жрать еще не принесли. О, вон несут как раз.

В ангар действительно вплыл робот-официант, серебристый куб на антиграве, уставленный сверху столовыми приборами. Он размеренно приблизился к боту, строго держась желтых линий палубной разметки.

— Возьмем сухпаем, — сказал Райд. — По дороге перекусим.

— Что, плохие новости?

Вождь никогда не пытался вникнуть в проблемы конторы, но общее настроение зубров «хозчасти» улавливал всегда верно.

— Хрен их разберет — хорошие, плохие... Но лучше бы никаких новостей не было, ни хороших, ни плохих.

Понимающе кивнув, Вождь повернулся к официанту:

— Привет, железяка! Чем попотчуешь? Синя, помогай!

Второй пилот взял в каждую руку по подносу со снедью, а Райд уже поднимался по сходне.

Теперь имело смысл торопиться — он доставит информацию из метрополии полковнику Попову уже сегодня, а не несколькими неделями спустя.

Жизнь в очередной раз утопила акселератор до отказа.

ЗАГОРОДНАЯ РЕЗИДЕНЦИЯ СИНДИКАТ-КЛАНА ВАЙРА-САУТА

Оа-Дирати (Иншуди), доминанта Оа

1

Шевеление началось только ближе к вечеру. До этого потерянные десантники Скотча успели перекусить и разбрестись по резиденции, медленно дурея от жары. Боевой пловец стал похож на выпрыгнувшую из аквариума рыбину — распластался на низком диване, широко разинув рот, и почти не двигался. На соседнем диване валялись раненые — Валти с Мистером Литтлом. Им тоже приходилось несладко.

Только часовые пытались бдеть.

Слабое пятнышко на самом горизонте заметил Гаваец, дежуривший на западной башне. Секунд десять он, щурясь на заходящее солнце Иншуди, вглядывался, потом поднял бинокль с волновым усилением.

После этого сомнений не осталось: к резиденции перевертышей приближались гости. А возможно, и хозяева.

Вот тут-то десант и зашевелился, словно и не бывало изнуряющего зноя.

Очнулся от раздумий Мельников. Встрепенулся Скотч. Подобрался Солянка. Даже боевой пловец прижал жабры, захлопнул рот и перестал соловеть от жары.

А ведь в помещении было куда прохладнее, чем снаружи...

— Платформа на антиграве, — докладывал Гаваец тем временем. — Здоровая. Если полная — внутри легко может прятаться душ двадцать. Прет с запада, точно к нам. Здесь будет минут через пять.

— Что делаем? — справился Скотч у «погранцов».

— Ховаемся, — сказал Мельников, ни секунды не колеблясь. — Исчезаем. И смотрим, что гости станут делать. Солянка, Суондреды — давайте вниз, к пленным. Ежли полезут туда, кладите всех, кроме одного, язык понадобится. Остальным — рассредоточиться по зданию, без команды ничего не предпринимать. Часовым укрыться на местах и по возможности не прерывать наблюдения.

Сборная доминанты Земли рассыпалась по резиденции и растворилась в интерьере. Без следа. Как умели только прирожденные диверсанты.

Скотч, готовый в любой момент задействовать камуфляж, присел на веранде первого яруса, как раз под наблюдательным пунктом Гавайца.

Глядя сквозь ажурное ограждение с перильцами, он ясно видел приближающуюся платформу, похожую издалека на гигантское пирожное эклер.

Во внешнем периметре ворот не было вовсе; ворота внутреннего были прикрыты, но не заперты. И, понятное дело, будочка охраны сейчас пустовала. Трупы перевертышей в белых одеждах от ворот и из катерка убрали еще днем, сразу после атаки, да и по помещениям прибрались — валяющихся тут и там покойников любой счел бы непорядком.

Платформа размеренно тянула к резиденции; по истечении указанных пяти минут она с ходу перемахнула первый периметр, потом второй — несколько в стороне от ворот — и, описав плавную дугу, застыла перед парадным входом. Сошли с нее всего двое.

— Ждем, — пискнула оперативная связь голосом Мельникова.

Приехавшие ооонс целеустремленно поднялись по лесенке и вошли в холл. Здесь они ненадолго задержались, озираясь и гортанно окликая кого-то, видимо, обслугу. Никто, понятное дело, не явился и не отозвался.

Тогда оба направились на нижний ярус, прямо к запертому шлюзу. По дороге они продолжали вертеть головами, но больше никого не звали.

По идее опустевшая резиденция должна была их насторожить, однако беспокойства перевертыши не высказали и никаких особых мер предосторожности не предприняли, даже оружие не сняли с поясов, хотя каждый был при довольно мощном однопотоковом бласте.

Похоже, они не были осведомлены о нападении.

«Может, они думают, что обитатели резиденции эвакуировались?

Мельников говорил, на планете мало кто остался, только военные да похоронная команда...» — подумал Скотч.

Однако, если рассуждать трезво, на таком важном объекте перевертыши не могли забыть никого из своих. Что-то за всем этим крылось.

К пленникам пришлые не полезли. Нет, они целенаправленно двинулись на самый нижний ярус, туда, где Мельников с приятелем совсем недавно колдовали над неприступным пультом шлюза — колдовали поочередно и вполне безуспешно. А вот гости открыли его меньше чем за минуту.

— Взять! — скомандовал Мельников, и у шлюза произошло короткое множественное движение; оба перевертыша мигом оказались схваченными, прямо в кессоне. Кто-то невидимый в камуфляже — кажется, Суондреды — ворвались в доселе запертую камеру за шлюзом. Скотч с Солянкой, а также боевой пловец остались с пленными на пороге.

— Пусто, — спустя пару минут доложил один из Суондредов (в камеру проникли действительно двое из четырех братьев и с ними Зденек Рагназь).

Невидимый Мельников коротко выругался. Потом спросил:

— Гаваец! Больше гостей не видно?

— Не видно. Горизонт чист.

— А с других сторон?

Часовые доложили — гостей больше не намечается, по крайней мере в ближайшее время.

Мельников снова выругался и снял камуфляж.

— Проверить, нет ли кого еще на платформе.

Бестелесная тень тотчас перемахнула через перила веранды и метнулась к «пирожному».

— Пусто, — донеслось спустя минуту. — Датчики движения тоже молчат.

— А биосканеры?

— Двое гостей, мы и пленные в подвале. Больше ни души.

Мельников что-то неразборчиво пробормотал, затем позвал:

— Тамура!

— Я!

— Ты где?

— На восточной башне.

— Пусть тебя кто-нибудь подменит и давай сюда!

Подменить вызвался раненый Валти — сказал, в свалке от него все равно сейчас немного толку, а глаза пока работают. Да, откровенно говоря, свалки и не намечалось.

Вскоре примчался Тамура — как всегда собранный и наэлектризованный. Казалось, маленький японец состоит сплошь из тугих пружинок, настолько он выглядел готовым к любым активным действиям. Только что не подпрыгивал на ходу.

— Скотч! Ступай со мной, — продолжал командовать Мельников.

Вчетвером — оба погранца, Скотч и Тамура — они миновали шлюз и оказались в стандартном центре управления сверхмалым икс-приводом, разве что отделанном с непривычной роскошью. Вместо тусклого углепластика стен в глаза бросались узорчатые ковры; пол также был устлан коврами. Привычные светопанели отсутствовали, зато под потолком виднелись замысловатые витые светильники, наверняка ручной работы. И наверняка дорогущие. Рядом с головным пультом стояла даже какая-то статуя наподобие античных греческих или римских, только совершенно целая. Статуя изображала слегка метаморфированного перевертыша, борющегося с незнакомой тварью весьма неприятной наружности. Перевертыш одолевал. Тварь в бессильной злобе скалила крокодилью пасть.

Внутри модуля действительно не нашлось ни единой живой души — ни в комнатах отдыха, ни на камбузе, ни в обширном санузле — нигде.

— Ну, что же, — процедил Мельников, после того как первый обход завершился. — По крайней мере мы получили транспорт. Тамура, оживляй автоматику.

— Там, поди, все на языке Оа...

— Разберемся.

Тамура кивнул и уселся в кресло перед клавиатурой.

А вот тут землян поджидал неприятный сюрприз: вход в управляющий комп был серьезно запаролен. Без нормального доступа невозможно было даже подогреть бутерброды на камбузе. А ломать пароль... Даже если это и возможно, потребует значительного времени.

Мельников хмуро поглядел сверху вниз на сидящего за пультом Тамуру. Тот беспомощно развел руками — в объеме видеокуба цвела строка приглашения ко входу в систему и мигал кубик курсора в поле ввода пароля.

— Так-так... — процедил Мельников и нехорошо покосился в сторону шлюза. — Эй, хлопцы! Пленных сюда!

И — чуть тише:

— Поглядим, много ли вы знаете...

Солянка и пловец втолкнули в модуль обоих пленных. Руки у них были схвачены силовыми наручниками — за спинами, как положено. И Солянка, и пловец держали наготове виброножи, штуку в ближнем бою весьма неприятную. Для противника.

— Раз вы сюда сунулись, — жестко сказал Мельников на интере, — значит, кое-чего знаете. Нам нужен пароль.

Пленники молчали.

— Учтите, — предупредил Мельников. — Жалость и сострадание не входят в число присущих нам добродетелей. А о галактическом кодексе можно на время и позабыть. Пароль!

Перевертыш повыше ростом оставался бесстрастным. Он отрешенно глядел в пустоту. А вот у второго глазки предательски бегали. Он и заговорил первым:

— Мы не знаем пароля.

— Да ну? — Мельников изобразил легкое удивление. А потом в его руке вдруг возник маленький ручной бласт.

Шихнул одиночный импульс.

Высокий перевертыш тихо охнул и неловко повалился на пол — в обувке его зияла прожженная дыра. Ступня, понятное дело, тоже была прострелена, насквозь. На ковре осталось темное обугленное пятно.

— А сейчас как? — поинтересовался Мельников. — Память не освежилась?

Высокий подавил стоны и снова умолк. Лицо его приобрело легкий синюшный оттенок — он явно собирался метаморфировать. Перевертыши были на редкость живучими созданиями.

— Мы не знаем паролей, правда, — с дрожью в голосе сказал второй ооонс. — Их знал только шеф.

— Так-так. — Мельников вдруг шагнул к разговорчивому пленному, сграбастал его за шкирку и поднес бласт к виску. — А если еще подумать? Повспоминать?

Пленный передернул плечами, но не проронил ни звука.

— Ну что? Не вспоминается?

Выдержав жутковатую паузу, Мельников убрал бласт от головы разговорчивого перевертыша, медленно-медленно перенаправил его на голову высокого и произнес:

— Пароль. Считаю до трех. Раз.

— Мы правда не знаем! — взвизгнул разговорчивый.

— Два.

— Нам не положено их знать! Приводом мог воспользоваться только шеф разведки, в экстренном случае!

— Три!

Сухо шихнуло и в голове высокого образовалась такая же дыра, как в ступне. Разговорчивый подавился очередной фразой. Секунд двадцать он судорожно дергал головой и глядел на землян чумными глазами.

— Это персональный привод, — обреченно добавил он. — Пароля недостаточно, для старта нужна генная идентификация.

Мельников бросил быстрый взгляд на Тамуру; тот поколдовал над пультом и действительно обнаружил сектор управления биопробами.

— Похоже на правду, — заключил Тамура после короткого осмотра.

— А ну возьми пробы с этого! — велел Мельников, указывая на труп. — Больно мужественно он молчал.

«Зачем? — удивился Скотч. — Пароля все равно нет...»

Тамуре помогли дотащить труп до пульта и опустить левую руку на панель папиллятора. Аппаратура послушно сделала соскоб и считала генную карту. В объеме куба вспыхнула оранжевая надпись.

— Не он, — заключил Тамура после секундного раздумья.

— Теперь ты! — Мельников качнул головой и разговорчивый перевертыш послушно сунулся к пульту, придерживаемый за шиворот боевым пловцом. Однако и его пробы модуль отверг.

— Дерьмо, — буркнул Мельников с видом человека, надежды которого не оправдались. — Значит, убраться отсюда с комфортом не удастся. На слежении есть кто-нибудь?

— Есть, — послышался голос безымянного «погранца».

— Векторы взлета все еще перекрыты?

— Перекрыты.

«Вот незадача, — подумал Скотч, молча внимающий происходящему, — катеру по-прежнему не судьба стартовать. Зачем спутники жгли, только отход завалили сами себе...»

— На платформе! — окликнул Мельников.

— Я!

Отвечал один из Суондредов.

— Проверь управление. Там, надеюсь, паролей и идентификации нет?

После недолгой паузы донеслось:

— Нет ничего. Управляется.

— Внимание всем! Уходим. Замки на подвале с пленными испортить. Взять воды и сухпай из запасника. Скотче, местный антиграв прихвати. Пять минут на все!

Скотч с готовностью встал.

— Прощай, — сказал Мельников разговорчивому пленному и застрелил его, так же равнодушно и холодно, как и первого. Вряд ли разведчик при этом испытал какие-нибудь чувства вроде жалости. С чего бы?

— Надеюсь, вы оба попадете в свой перевернутый рай...

2

Через пять минут команда собралась перед одним из входов в резиденцию. Пятнадцать человек в дремлющих пустотных комплектах, при оружии и груде припасов, сложенных в сетчатые торбы и принайтованных к мощному гражданскому антиграву.

Мельников критически оглядел команду.

— Так, братцы... Давайте-ка жратву и прочее — на платформу. Антигравом берите катер, и на буксир. Гаваец!

— Да?

— Дуй наверх, к орудию. Как катер с места сойдет, лупи по месту посадки и окрестностям. Желательно снести часть периметра. Типа, чтобы издалека казалось, будто тут война шла со скрежетом и взрывами. Мы тебя во-он там подождем, северо-восточнее.

— Понял, — уронил Гаваец и умчался.

Тамура и Цубербюллер закрепили антиграв в захватах катера и подцепились силовым лучом к приемнику платформы. Скотч проконтролировал — не вследствие недоверия, а по старой боевой привычке: по возможности дублировать любые действия. Две пары глаз всегда лучше одной.

— Грузимся! — скомандовал он Тамуре и Костику, когда убедился, что все в порядке.

На платформе, под сетчатой крышей, расположились десантники. Мельников изучал развернутую перед глазами карту местности. Дружок его поднялся в башенку и шарил окулярами волнового усилителя по близкому горизонту. Солнце садилось.

— Двинули! — предупредил Валти, конечно же, оккупировавший водительское кресло и уверенно держащийся за фрикционы.

Платформа плавно приподнялась над песком и скользнула вперед, к воротам. Едва успели отъехать метров на тридцать, Гаваец шарахнул по посадочной площадке из магнитодинамики. Раз, другой, третий. Потом по периметру. Песок и осколки забора вставали дыбом, чтобы секундой позже осыпаться сухим удушливым дождем.

Гаваец успел выстрелить раз тридцать, прежде чем Мельников оторвался на миг от карты и буркнул в переговорник:

— Довольно! На борт.

Выстрелы прекратились, а пять минут спустя на платформу запрыгнул довольный Гаваец — этот тип любил пострелять из чего-нибудь мощного.

— Поехали! — весело гаркнул он, и Валти тронул. Платформа с катером на буксире ринулась к дюнам, заскользила над пес-

ками стремительной керамической ящеркой. Грунта она, разумеется, не касалась и следов, стало быть, не оставляла.

— А зачем мы прихватили катер? — спросил Скотч. — Ты же говорил, что его не выпустят в космос.

— Говорил, — не стал возражать Мельников. — Видишь ли, к резиденции в течение двух-трех часов кто-нибудь стопудово явится, ибо пассажиров этой платформы хватятся в ближайшее же время. А теперь прикинь: много ли логики в наших действиях? Постреляли из пушки, прихватили катер, убили двоих, но не тронули остальных пленных...

— Откровенно говоря, — признался Скотч, — я вообще не улавливаю логики.

— И это здорово! — Мельников значительно указал на Скотча пальцем, а спустя пару секунд хитро подмигнул. — Логики в наших действиях просто нет. Пусть себе перевертыши ломают голову почем зря. А мы тем временем проскочим к ближайшему гражданскому космодрому, пошумим там слегка и двинем во-от сюда, к объекту «Лайзо». Знаешь, что это?

— Нет.

— Тоже космодром. Резервный.

С момента произнесения слова «космодром» Скотч наконец прозрел и в общих чертах расколол план разведчика. На резервных космодромах обыкновенно имеется хотя бы один законсервированный космический корабль. Если действовать быстро и решительно, на нем действительно можно успеть взлететь и уйти в пульсацию в аварийном режиме, прямо из стратосферы. Успеть раньше, чем орбитальная оборона сожжет опознанный корабль, не ответивший на стартовые запросы. Особенно если параметры пульсации уже просчитаны, а астрогационный диск заботливо уложен в драйв считывателя. Что касается шума на обычном космодроме, так это не что иное, как снова-таки отвлекающий маневр на пути к спасению. В целом Мельников был прав: если толком не знаешь что делать — делай любые глупости, не раздумывая и не теряя времени. Опережай противника на ход. Не дай ему перехватить инициативу.

— Интересно, откуда ты узнал о резервном космодроме? Во вводной, насколько я помню, ничего подобного не было.

— А из памяти вот этой самой платформы и узнал. Правда, информация еще довоенная. Так что... идем наудачу. Впрочем, иных вариантов у нас все равно пока нет.

Когда стемнело — как это бывает в пустынях стремительно, почти без сумерек, — чуть в стороне от зенита вдруг багрово полыхнуло и в землю уперлась ветвистая молния.

— Стоп! — чужим голосом скомандовал Скотч.

Валти рефлекторно тормознул.

— Всем прочь от платформы! Врассыпную! Как можно дальше!

Сержант-десантник прекрасно знал, что это такое, — орбитальный залп.

Если передвижение платформы отслеживается со спутников...

Полтора десятка фигур, врубив камуфляж, растворились в пустыне. Скотч отбежал метров на двести — пожалуй, беги он на довоенной Олимпиаде, спорткомитету доминанты Земли было бы за него не стыдно. Целых двести метров, и он был все еще жив. После этого Скотч упал и пополз.

Что такое двести метров для орбитального лазера? В сущности, ничто. Но под защитой работающего пустотного комплекта — это граница жизни и смерти.

Теперь можно было упасть и ползти, что Скотч и сделал. Боковым зрением он видел — справа на песке тоже чертится след: кто-то полз рядом с ним.

Через долгую минуту оглушительно громыхнуло и мазнуло свирепым шквалом по пескам. Шквал налетел и схлынул, словно шальная волна на берег. Позади за горизонтом, там где оставалась резиденция разведки перевертышей, разгорелось неяркое сияние, тоже багровое, как перед этим в небесах. Но его мало кто видел — десантники, сознательно не поднимая голов, ползли прочь от платформы.

Еще двести метров. Еще. По-пластунски. На пузе, локтях и коленях.

Вторично гром из поднебесья так и не грянул. На орбите почему-то решили уничтожить захваченную резиденцию, но окрестности отслеживать на предмет беглецов на платформах или катерках при этом не стали. Скотч поймал себя на мысли,

что в поступках перевертышей тоже совершенно не чувствует логики, и похоже на то, что противник, как и они, действует наобум, лишь бы не бездействовать.

— Твою мать, — сказала пустота справа голосом Мельникова. — У меня до сих пор поджилки трясутся.

— У меня аналогично, — буркнул Скотч, осторожно приподнимая голову над песком. — Что делать-то будем?

— Подождем, — решил Мельников. — Однако ты молодец, Скотче. Быстрее меня среагировал.

— Это не я, — признался Скотч. — Это... жопа. Рефлексы, одним словом. Я сначала заорал и только потом испугался.

— И это правильно. — Мельников хмыкнул. — Все-таки по общебоевым навыкам вас, фронтовиков, хрен обставишь. Сколько ни тренируйся.

Скотч только протяжно вздохнул в ответ.

— Что делать-то будем? — спросил он немного погодя, когда ноктовизоры сбросили шоковое затемнение, а глаза снова приноровились к ночному режиму.

— Думаю... — протянул Мельников и неожиданно спросил: — Мож, бросим эту платформу к чертям свинячьим?

— И пешком по пустыне? — усомнился Скотч. — Далеко не уйдем, точно говорю.

— Ты прав, припасы на себе тащить — дело кислое, а антиграв засекут с той же вероятностью, что и платформу. — Разведчик по обыкновению размышлял вслух.

— В платформе, между прочим, легко может стоять маячок, — заметил Скотч.

Мельников тихо фыркнул:

— Да он стопудово там стоит. Точно так же, как и в антиграве с базы. Нет, нельзя платформу бросать. На ней мы до «Лайзо» доберемся часа за два с гаком. А пешком... Короче, риск практически одинаковый, а по времени на платформе будет солидная фора.

— Ну, смотри... — Скотч кашлянул. — Ты сказал...

— Ты не согласен, что ли? — спросил Мельников настороженно.

— Почему не согласен... — Скотч хотел пожать плечами, но раздумал: при включенном камуфляже собеседник все рав-

но этого не увидит. — Согласен. Я сразу сказал, что пешком по пустыне топать не в радость.

— Ага. — Мельников, в свою очередь, воздержался от кивка, однако Скотч этого, понятное дело, не знал. — Пловец! — позвал разведчик по связи.

— Я, — отозвался тот.

— Сканер у тебя?

— У меня, — вмешался Тамура. — Я уже глянул, только мы и какая-то зверушка в полусотне ун к западу.

— Зверушка? Уверен?

— Ну... В данный момент она чешет прочь от взрыва. В нашу сторону, но проскочит мимо.

Воцарилась недолгая выжидательная пауза.

— Проскочила, — сообщил Тамура примерно через минуту.

В темноте поодаль действительно мелькнуло что-то продолговатое. Скотч пытался подстроить ноктовизор, но рассмотрел до смешного мало. Ему показалось, что зверушка была похожа на крупного варана или сухопутного каймана с Табаски, только передвигалась существенно быстрее.

— Тьфу ты, пропадь, — ругнулся Мельников. — Тамура, что сейчас?

— Убегает.

— Ладно... Давайте все помалу к платформе. Только не в рост, пригибайтесь хотя бы.

— Стоп! — зловещим шепотом предостерег Валти. — Радар! Лежать всем!

«Радар? — мысленно удивился Скотч. — Экая древность... Впрочем, тут и собака-ищейка пригодилась бы... Главное — результат».

В принципе включенный камуфляж не отражал радиоволн. Однако грамотный оператор теоретически мог засечь вторичную интерференцию от движущейся группы — идеальной системы камуфляжа в природе до сих пор не существовало, только более или менее удачные.

— Откуда следят? — Мельников тоже зачем-то перешел на шепот.

Переговоры десантников радаром не засечешь: радиосвязью люди перестали пользоваться вскоре после вступления в

союз, перейдя на существенно более действенную и экономичную мгновенку.

— Восток-юго-восток... Откуда-нибудь с дюн, например.

— Черт. — Мельников явно злился. — Ждем...

Однако злился он недолго. И отнюдь не ввиду покладистого характера. Дальнейшее произошло стремительно, неправдоподобно стремительно; сознание не успевало за событиями, будто землян-десантников опоили каким-нибудь дурманящим зельем.

Сначала стало светло, как днем. Правда, свет был нехарактерный для Иншуди — белый, а не зеленоватый. На дюны легли рубленые контрастные тени, а из поднебесья вдруг свалился округлый блин эскадренного штурмовика конструкции свайгов.

Потом разом отрубились пустотные комплекты и погасли огоньки готовности на бластах и лазерниках. Отказала даже связь, хотя обычно техноблокада мгновенку не затрагивала.

Ну а следом когорту Скотча и Мельникова взяли в кольцо высадившиеся из штурмовика солдаты-перевертыши. Они были метаморфированы под рукопашный бой и вооружены метательными сетками и кастетами. Скотч сотоварищи не могли воспользоваться даже виброножами — только обычными тесаками, а вот пневматические метатели сеток по конструкции были не сложнее ножниц, поэтому опять же работали в условиях любой техноблокады.

Боя не получилось. Здоровенные оаонс напористо атаковали, земляне просто не успевали кромсать ножами путы из поликерамики. Да и резались поликерамические шнуры плохо. Скотч споткнулся, когда сетка заплела ему ноги, получил кастетом в ухо и рухнул на песок; секундой позже на него навалились сверху. Мельников каким-то чудом умудрился вырубить двух перевертышей в партере, но третий все же достал его кастетом. Солянка успел куснуть кого-то за руку в бессильной злобе, рыча, как бешеный пес. Мистеру Литтлу дали по раненой руке. Дольше всех сопротивлялся боевой пловец, но и его в конце концов успокоили. Семеро из пятнадцати землян валялись на песке в крови и без сознания. Остальных скрутили и связали; однако все были живы. А перевертыши по-

несли потери: Мельников двоих, как выяснилось, зарезал, а пловец одного задушил. Но могло ли это кого-нибудь из землян утешить, если все угодили в плен?

Кровь заливала Скотчу лицо, однако он увидел, как откуда-то из-за спин боевиков появились четверо перевертышей начальственного вида. Одного сержант узнал сразу, хотя не видел его больше года.

— Нути-Нагути, — прохрипел Скотч еле слышно. — Вот ты где, собака...

Тот, на кого они охотились, провел их и нанес ответный удар. Коварный и непредвиденный. При этом он не выглядел ни торжествующим, ни даже просто удовлетворенным — лицо перевертыша было бесстрастным, как клановая маска.

Он тихо произнес что-то на незнакомом языке, указывая на Мельникова и его неразговорчивого напарника-погранца, также пребывающего в беспамятстве. Их тотчас подхватили боевики и поволокли куда-то в сторону.

А потом Нути-Нагути в упор поглядел на Скотча и медленно поднял руку, указывая на него тоже. И добавил пару отрывистых слов.

Удар по затылку зажег перед глазами Скотча ослепительную вспышку, сознание раскололось на мириады осколков и Вадим Шутиков погрузился в кромешную тьму.

Роковую или спасительную, он не успел задуматься.

СВОДНЫЙ ФЛОТ «НЕРИ ЙОНАС»

Пламмер-12, доминанта Земли, территория, временно оккупированная империей

1

Сначала нуль-коридором прошла пара тендеров, потом несколько малых заградителей, потом битый-перебитый полудредноут и лишь после этого появилась основа — клиперы и корветы. Ну а конусные заградители, ульи, малые крейсеры и гвоздь программы — два близнеца-мини-дестроера цоофт — вошли в пределы оккупированной планетной системы, лишь когда первая оборонительная воронка была уже полностью сформирована.

И пошло.

Боевые корабли один за другим проходили нуль-коридором, перепрыгивали через половину галактики, от Хоанги к Пламмеру. И занимали место в строю. Оборонительная воронка постепенно трансформировалась в ударный клин, который, в свою очередь, очень скоро распался на три поменьше.

К этому моменту имперцы заметили вторжение и лихорадочно маневрировали у орбитальных баз двенадцатой планеты. Однако любому мало-мальски опытному офицеру было очевидно: они не успеют перестроиться. Сводный флот «Нери Йонас» выскочил из ничего, будто чертик из коробки, близко-близко, ему даже не требовалась нырять за барьер, чтобы

подойти поближе, — и на досвете он успевал застать все еще празднующих победу имперцев врасплох.

Адмирал Ингвар Дамнер удовлетворенно глядел на боевой пульт. Потом покосился на помощников.

— Ну что, господа? Начнем? И да поможет нам космос...

Его слышали все офицеры и солдаты флота. Каждый из них прошептал несколько слов, тех, что разумные обычно шепчут перед боем, из которого могут не вернуться.

— Вперед! Да здравствует союз!

«И смерть империи», — мысленно добавил каждый.

Светящееся марево заградительных полей окутывало лавину кораблей, что строем неслись через пустоту. Строй гнал перед собой плотный фронт поставленных помех и в любой момент был готов задействовать генераторы нелинейности — тогда всему, что встретится на пути флота, будь то вражеский звездолет или шальной астероид, придется несладко.

Пузатые, похожие на бутылки коллекционного вина, ульи образовывали несколько правильных вертикальных колец, при этом «горлышки» были направлены примерно между вектором движения и внешним траверзом. Пилоты истребителей (двоек и одиночек) и команды штурмовиков давно заняли штатные места и готовы были в любой момент уйти в автоном. Кольца ульев прикрывали целые стаи заградителей, в свою очередь, прикрытые изящно выгнутой цепочкой крейсеров. Мониторы, лидеры и корветы образовывали перед всем этим своеобразный защитный зонтик, ось которого опиралась на строй линкоров и оба мини-дестроера.

Даже по меркам нынешней войны флот был большим. Планетные системы нередко захватывались куда меньшими силами, и имперцы это прекрасно понимали. Ну а у союза не было иного выхода: операция по освобождению Пламмера-12 рассматривалась как идеологически ключевая, а значит, права на ошибку союз не имел.

«Какое все-таки это великое дело — быстро оперировать всеми силами, невзирая на расстояния, — подумал Дамнер. — Еще вчера этот флот был разбросан по десяткам звездных систем во всей Галактике. Раньше, чтобы собрать его, потребовались бы недели, а то и месяцы. А теперь? Амба скелетикам и перевертышам... Я не завидую тебе, самозваный император

Унве; если ты не припас в рукаве какой-нибудь сюрприз — тебе конец. Причем очень, очень скорый. Но не надейся, что голос мой дрогнет, отдавая последний приказ...»

Адмирал Ингвар Дамнер был родом с Пламмера-12.

2

Четырехместным штурмовиком «Найтар» управлял смешанный экипаж. Пилотом был азанни по прозвищу Зу-Зу — кому еще повелевать пилотским пультом, если не прирожденному летуну? Целиком его звали Зау-зи-Айниц, но все кислорододышащие расы союза в обыденной обстановке предпочитали пользоваться сокращениями от полных имен или и вовсе прозвищами. Зу-Зу не был исключением.

Технарем-бортинженером ходил голенастый цоофт Хатолиламай; его обычно называли Хато. Как и все цоофт, он обладал феноменальным чутьем прирожденного механика, и очень часто ремонт забарахлившего узла или прибора в исполнении Хато сводился к почти мистическому наложению рук. То бишь крыльев.

А в боевой рубке хозяйничали самые свирепые существа галактики — люди. По крайней мере и Зу-Зу, и Хато в этом были свято убеждены: до тех пор как стали формировать смешанные экипажи и в боевой рубке не появились люди, на счету «Найтара» было всего четыре сбитых истребителя скелетиков и один слабо поврежденный монитор ооонс. Ныне счет уничтоженных экипажем «Найтара» малых и средних кораблей имперцев подбирался к полусотне, а сожженную мелочь вроде одиночек и двоек штурм-бригада давно перестала считать. «Найтару» тоже немало досталось: обшивка во многих местах была латаной-перелатаной, да и внутри тут и там виднелись разной свежести следы молекулярной сварки. Однако штурмовик исправно летал, принял участие во многих операциях и каждый из четверки от души желал ему долгого боевого пути.

Зу-Зу летал на «Найтаре» дольше всех. Собственно, он принимал штурмовик со стапелей ныне захваченной имперцами До-Ниамеи и успел похоронить троих канониров-азан-

ни, одного бортинженера азанни и одного бортинженера цо-офт. Потом, уже вместе с Хато, «Найтар» потерял одного канонира-свайга и одного человека. С тех пор в боевой рубке обосновались — надолго, больше, чем на полгода, — нынешние канониры. Две девчонки, Кира и Анжела. Похожие и непохожие. Блондинка Кира, в бою схватывающая роскошную гриву в конских хвост, и брюнетка Анжела, предпочитающая короткую, почти мужскую стрижку. Азартная и живая, как ртуть, Кира и уравновешенная Анжела. Прям классический лед и пламень. Или, если угодно, пламень и лед. Чуть не вся мужская часть бригады (человеческая, понятно) увивалась за ними — половина за сердцеедкой Кирой, половина за неприступной Анжелой. Лишь в одном мнение девушек сходилось: замужество — после победы.

Зу-Зу и Хато к ухажерам, вечно отирающимся у «Найтара», относились с раздолбайским юмором, но в случае чего готовы были постоять за родимый экипаж и физически, благо Хато был в среднем сильнее человека, хотя и менее выносливый, а малыш-азанни умел летать, а что такое пикирующий азанни, не дай боже кому узнать... Представьте себе сову ростом в метр. Представили? А теперь представьте, какие у нее когти и клюв... Даже со скидкой на цивилизованность.

Впрочем, сейчас канонирам «Найтара» было не до ухажеров. Штурмовик покоился в стартовом пазе улья бок о бок с такими же штурмовиками.

Улей был уцелевшим осколком разбитого флота азанни, который после разгрома метрополии птичек подобрали и доукомплектовали союзники.

Однако штурмовые бригады и по сей день придерживались традиционной для азанни тактики и построений. Предстартовая лихорадка с беготней, комплектацией, посадкой в корабли и контрольными тестами уже миновала: все заняли штатные места и ждали отстрела и перехода в автоном. Ну а после — ждали боя, чего еще ждать штурмовикам?

Зу-Зу щебетал по связи с пилотом соседнего корабля, Хато подстраивал автоматику под ожидаемый режим боя. Командование сулило стремительную атаку и это очень радовало экипаж: прежде все больше приходилось обороняться и — увы! — отступать.

Штурмовики с «Найтара», как, впрочем, и остальные союзники, изо всех сил надеялись, что отступать перед имперцами им больше не придется.

Никогда.

Команду: «Звено — отстрел!» им не пришлось ждать слишком долго. Зу-Зу моментально унял щебет и дал стартовый отсчет. Автоматика подхватила исходную синхронизацию — кораблям предстояло покидать стартовые пазы в строжайшей очередности. «Найтар» слабо завибрировал перед отстрелом, а потом пришло короткое мгновение перегрузки, тут же компенсированное антигравами. Штурмовик вырвался наружу, в открытый космос и занял подобающее место в строю.

Тысячи кораблей устремились в атаку — не беда, что большей частью это были малые и сверхмалые скорлупки. Люди лучше всего умели воевать именно так — полчищами малых кораблей, разрывая оборону гигантов в клочья и обращая их в слепые и глухие братские могилы. Не умеешь сжечь — ослепи, лиши возможности обороняться, сковырни с поверхности все, что в состоянии сковырнуть. Горькая галактическая шутка: что не сделает крейсер, сделают пяток миллионов хомо с отвертками.

В этой шутке содержалась лишь доля шутки. Когда доминанта Земли только набирала вес и силу в галактическом сообществе, она располагала всего несколькими средними кораблями; больших и гигантских не имела вовсе.

А небольшие корабли люди строили сами, пусть и монтировали туда купленные у галактов икс-приводы и еще кое-какое оборудование.

Поневоле научишься воевать роем и жалить гигантов — часто до смерти.

И недаром имперцы приходили в ужас вовсе не при виде дестроеров свайге или модульных крейсеров а'йешей, а в основном при появлении полчищ истребителей и штурмовиков хомо.

Зу-Зу что-то тоненько верещал в шлемофон — он всегда пел в полете. Кира с Анжелой не отлипали от ПУЛов — пультов управления лучеметами. Хато наводил оперативный глянец на последовательность режимов.

— Хорошо едем! — сказал Хато и азартно пощелкал клювом.

Волна штурмовиков начала распадаться на отдельные рои.

— Наша цель, — объявил Зу-Зу уже на интере, — опорная орбитальная база, как раз в захвате, любуйтесь. Первый заход, работа по антеннам и огневым точкам. Второй — то же самое. Третий — по обстановке. После нас ударят клиперы, так что отваливаться будем под горизонт, на форсаже. Кто не спрятался, я не виноват...

— Хато, что режимы? — крикнула Кира, натягивая управляющие браслеты. Браслеты были украшены селентинским бисером.

— Наводка есть, поля у них мощные. Авангард ломает, мы в прорехи, залпы по наводкам.

— У-у... — огорчилась Кира. — По наводкам...

Куда веселее стрельба в автономе, во все, что видишь, что успеваешь зафиксировать видоискателем. Но приказ есть приказ.

— Вижу наводки, — сухо сообщила Анжела. — Кирюха, давай не как в прошлый раз, а?

Кира вздохнула: в прошлый раз она действительно не удержалась и вместо управляемого наводкой залпа палила в автономе по особо настырному вражескому истребителю. А ведь могли и не вскрыть тогда внешнюю обшивку шат-тсуровского клипера...

— Да мне начальство уже все извилины запарафинило, — фыркнула Кира.

— Я тебе всю задницу запарафиню! — холодно пообещала Анжела.

А вот к этой угрозе следовало отнестись вполне серьезно: это только на людях тихоня Анжела выглядела скромницей. А напарнице-канонирке порой доставалось так, что «обильно летели бы перья, будь хомо птицами», как выразился однажды Зу-Зу в порыве откровенности.

Смешно, но хулиганистой Кире такие выволочки периодически бывали необходимы — возможно, потому, что она рано потеряла мать и старшую сестру.

— Буду умницей! — пообещала Кира, преданно выкатив глазищи.

— Смотри у меня, — закруглилась Анжела несколько мягче.

— Готовность раз, — буркнул Зу-Зу. В бою у него всегда прорезался сильный акцент, потому что мозг летающего создания использовал все резервы, в том числе частично загру-

жал те отделы, которые отвечали за речь. — Извините, конечно, что отвлекаю от воспитательного процесса...

— Не ехидничай, Зу-Зу! — отмахнулась Кира.

— Есть готовность, — на всякий случай проинформировала Анжела, тоже натянув браслеты — без всяких украшений, разве что изрядно потертые.

На обзорном экране маячил красный квадратик с точкой внутри: орбитальную базу, захваченную имперцами, было видно уже при штатном усилении.

— Форсаж!

«Найтар» рывком нарастил скорость; понятно, что не в одиночку, а в составе обоих крыльев строя. Остальные пары крыльев заходили каждая на свою цель. Где-то там впереди лихорадочно метались имперские истребители прикрытия, пытаясь понять, какие из векторов подлета истинные, а какие всего лишь результат поставленных помех.

Союзники выскочили на базу спустя несколько минут. Шарахнулся в сторону одинокий истребитель имперцев; его тут же сожгло звено верхнего прикрытия. Звено нижнего прикрытия красиво убралось с вектора атаки и построилось малым зонтиком над штурмовиками.

Штурмовики шли в десятке метров от обшивки базы и избирательно вколачивали залпы в уязвимые точки. Кира и Анжела давно были не здесь, а в иллюзорных мирах ментошлемов, дирижировали этой убойной симфонией огня и погибели. Зу-Зу вел «Найтара» по идеальной траектории, Хато оставался на подхвате и по-прежнему следил за соблюдением групповых режимов. Первый заход занял двенадцать секунд.

Крыло выскользнуло из плоскости атаки и пошло в разворот. Прикрытие уже снова было на месте: отгоняло пытающихся сопротивляться имперцев на двойках.

— Форсаж!

Второй заход длился на полсекунды меньше.

Третьего не понадобилось: Зу-Зу увел штурмовик в зенит, а откуда-то сбоку ослепительно шарахнуло с клипера, да, похоже, не с одного.

— Йо-хо!!! — крикнула Кира в порыве боевого веселья.

— Отход, маневровая готовность! — командовал Зу-Зу.

Канониршам можно было ненадолго сдвинуть шлемы и вернуться в реальный мир. В оперативном видеокубе роились цвет-

ные огоньки — свои зеленые, противник — красный. Судя по общей картине, красным приходилось несладко. Да что там несладко! Уже после первого темпа атаки штурмовиков и нескольких стартовых залпов с больших кораблей союза от строя имперцев остались лишь жиденькие лохмотья. Все семь орбитальных баз прикрытия потеряли возможность серьезно сопротивляться.

Штурмовики заходили на цели еще трижды. Между каждым темпом атаки наносились удары основных энергокалибров. Имперцев плющили и размазывали по пустоте с остервенением обреченных, которые вчера потеряли родных и надежду, а сегодня снова обрели надежду вместе с силой и безудержной жаждой мести.

«Найтар», вышедший из очередного маневрового штопора, выровнял положение в крыле; канониршы опять переводили дух в реальном мире, Хато колдовал над рабочим пультом, а Зу-Зу пристально изучал положение армады и обороняющихся имперцев в видеокубе.

— Глядите-ка! — прощебетал он вскоре, не скрывая удивления. — А скелетики-то сдаются!

Уцелевшие корабли имперцев отчаянно сигналили всеми возможными способами — по мгновенке, в оптическом диапазоне, галактическим модальным кодом. Аналогом их сигналов на Земле издревле служил выброшенный белый флаг.

— Значит, — довольно подытожил Хато, — четвертого темпа не будет!

— У-у-у... — Кира вовсе не обрадовалась окончанию боя. — Я только во вкус вошла. Что-то скелетик пошел хлипкий.

— Ага, — скептически ответила ей Анжела. — Хлипкий... Наша армада во сколько раз больше и сильнее, прикидывала?

— Ну, — пожала плечами Кира, — сильнее, конечно. Раз в двадцать, что ли. Так ведь не все же время ломаться под этими чертовыми имперцами! Пора и им переломиться, чем угодно клянусь!

— Четвертый темп! — неожиданно объявил Зу-Зу. — Работаем по шлюзам, предвариловка под наш десант. Два фронтальных захода, один полуконтрой, с петлей. Поехали!

— Ух ты... — растерянно протянула Кира, натягивая браслеты.

Анжела не сказала ничего.

3

— Они сдаются, господин адмирал! — повторил начальник штаба, тучный свайг, вице-адмирал сат-клана. Вице-адмирала звали Онис Оуи и пребывал он в легком замешательстве.

— Представьте себе, я вижу, — сухо ответил командующий флотом «Нери Йонас».

Минуту назад штаб флота убедился, что противник действительно сдается, что это не иллюзия от поставленных помех и не очередная имперская уловка. И тем не менее адмирал Ингвар Дамнер отдал приказ продолжать атаку, давно уже перешедшую в стадию разгрома.

— Я... Осмелюсь сообщить, что не понимаю вас, господин адмирал. Зачем атаковать сдающегося противника? Это противоречит...

— Это противоречит кодексу старших рас, я знаю, — перебил Дамнер так же сухо.

Интер — сам по себе небогатый эмоциональной окраской язык, он скорее подчеркнуто информативен. Однако Онису Оуи показалось, что кожа его от слов адмирала стала иссушенной и шелушащейся. Свайг чуть приоткрыл рот и втянул нижнее нёбо так, что горловой мешок стал почти не виден.

— Так почему же...

— Уважаемый коллега союзник. — Дамнер повернулся к начальнику штаба. Лицо командующего было строгим и невозмутимым. — Вы представляете, сколько имперцев в данный момент находятся на орбитальных базах и уцелевших кораблях? А на самом Пламмере и внешних сооружениях?

Свайг мигнул, соображая, к чему этот вопрос. Ответить он не успел, на помощь пришел начальник разведки, азанни по имени Виенни-па-Цитарис:

— С учетом наших атак, полагаю, осталось от сорока до шестидесяти пяти процентов личного состава.

— А теперь прикиньте, сколько понадобится галактов и средств, чтобы официально пленить, охранять и содержать пленных. Прикинули? Солдаты будут вынуждены стать тюремщиками и прислугой! А воевать кто будет? И что останется в итоге от флота? Который, как вы знаете, является сводным и набран из кораблей, прикрывающих основные миры и системы в том числе и ваших рас?

В штабе повисло тяжелое молчание.

Формально адмирал Ингвар Дамнер был прав. Пленить и содержать такое количество имперцев союз не мог себе позволить — иначе оголялись тылы и сокращались силы обороны. Не исключено, что имперцы именно поэтому и решили сдаться раньше, чем того требовала ситуация.

— Но кодекс... — попробовал напомнить Онис Оуи. Голос его звучал не слишком убедительно.

— Вспоминали ли о кодексе имперцы, когда захватывали миры вашей доминанты, адмирал? — жестко поинтересовался Дамнер у свайга.

Тот не нашелся что ответить.

— А когда шат-тсуры истребили больше трех четвертей ваших сородичей по всей галактике? — Дамнер повернулся к начальнику разведки.

И азанни не нашел что возразить командующему.

— Я понимаю ваши чувства, господа, — продолжал Дамнер. — Но, увы, не разделяю их. Да, мы не имперцы и должны руководствоваться кодексом старших рас, кодексом цивилизованной войны. Но сейчас ситуация такова, что мы вынуждены пренебречь кодексом, дабы союз выжил и победил. Я знаю, мои слова ужасны, а то, что я собираюсь совершить, — по сути дела, преступление. Но я пойду на него и возьму всю ответственность на себя, поскольку кто-то должен это сделать. Пламмер-двенадцать должен быть освобожден, флот сохранен и расформирован по местам постоянной дислокации. Мы не вправе дать империи даже крошечный шанс перейти в контрнаступление. Повторяю: это мое решение, решение командующего флотом и я принимаю на себя всю полноту ответственности. Приказываю: продолжать атаку и подготовить десант на все орбитальные базы, а также на поверхность планеты. Пленных не брать. Живых имперцев не оставлять. Уничтожить всех до единого, кроме разве что высшего руководящего звена числом до тридцати особей. Трупы аннигилировать или уничтожить иным способом, по обстановке. На все нам двое суток Пламмера-двенадцать. Приказ ясен?

Прижав гребень, начальник штаба прогудел:

— Приказ ясен, мой адмирал...

— Выполняйте!

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

1

«...После захвата Гвармиса, Суань-Бо и Эсперансы-4 отступление имперских сил из ранее захваченных систем и областей пространства стало носить массовый характер. Со времени операции у Пламмера-12 силами союза отбиты и освобождены тридцать шесть планетных систем категории «Прим», включая Месьер, Дабл-Дастин, Ману-Свайге, Азанни и Галило-Цо. Еще пятьдесят две системы (данные на 10.00 утра) имперцы покинули самостоятельно. По выкладкам аналитиков, имперцы пытаются сконцентрировать все оставшиеся в наличии силы около метрополий — Тсурры и Оа — и стратегически ключевых миров вроде Багуты или Файд-Зегу. Исключение составляет разве что Иншуди — ранее проведенная союзом операция вынудила ооонс покинуть планету и в данный момент штабом готовится тактический план по окончательной зачистке всей системы Иншуди.

В периферийных областях пространства нередки случаи добровольной капитуляции гарнизонов, укомплектованных шат-тсурами (ни одного случая сдачи в плен ооонс не зафик-

сировано). Оружие и техника, сложенные сдавшимися, осваиваются добровольцами из ополчения и заметно активизировавшимися партизанами. Пленные принудительно привлечены к работам на орбитальных заводах и рудниках. Несомненно, что необходимость уничтожать сдающихся отпала: их легко и охотно берут под контроль жители освобожденных миров.

Несомненно и то, что война входит в заключительную фазу: нам предстоит лишь спланировать и провести операции по окончательному разгрому метрополий Оа и Тсурры, сырьевого и экономического центра в системе Багуты и энергетического сердца доминанты Оа — Файд-Зегу. После захвата упомянутых систем и пленения самозваного императора Унве победу союза можно будет считать безоговорочной и необратимой».

Президент Вернер Винцль не удержался и прочел сводку еще раз. Давно ему не случалось читать документы, звучащие чуть ли не как музыка. И дело не в языке, не в скрытом ритме текста. Дело в содержании. Дело во вкусе победы, который все чаще стал появляться при чтении ежедневных сводок.

Произошло то, что и должно было произойти. Едва в войне стали активно использоваться генераторы исполинов — империя посыпалась. Даже простые нуль-коридоры привели бы точно к такому же результату. А уж внедрение многомерных сшивок и вовсе ускорило процесс освобождения ранее захваченных миров и стремительного отступления имперцев к бывшим границам своих доминант и даже дальше.

Финал войны начал вырисовываться необычайно четко. Осталось только нанести несколько сокрушительных ударов, выверенных и беспощадных. Один из них подсказал полковник Попов.

Поначалу президенту идея показалась невыполнимой. Однако только за последний год люди Попова совершили столько невыполнимого, что президент решил лично вникнуть в детали плана, а пока Попов готовил сжатый доклад, президент как раз успел прочесть ежедневную сводку.

Сводка улучшила его настроение, если такое вообще было возможно.

Легко было заметить, что на «Гелиотропе» стало гораздо больше улыбающихся лиц. А вспомнишь положеньице нака-

нуне пресловутой атаки имперской армады, которую Солнечная могла и не отразить...

Лозунги лозунгами, а все равно великое спасибо хитроумному простаку Нери Йонасу, наплевавшему на приказы болвана-шефа, и приятелю-инвалиду Йонаса Гектору О'Риди. Вернер Винцль в который раз подумал, что могло бы произойти, не вздумай эта парочка пальнуть из рогатки по линкору, то бишь из списанного лазера по уходящей за барьер армаде...

Но нет, нет, лучше и приятнее думать о том, что говорится в сегодняшней сводке. Гораздо приятнее!

2

— Разрешите, господин президент?

— Входите, полковник, входите! Жду вас с нетерпением.

Полковник Попов, не нарушая тиши президентского кабинета, тенью переместился к гостевому креслу. Рядом с креслом висел над покрывающим пол ковром небольшой столик для документов.

— Не правда ли, неизмеримо приятнее встречаться вот так, лично, и разговаривать не с изображением в видеостолбе, а с живым человеком? — усмехнувшись, спросил президент. Заполнить неизбежную паузу — святое дело!

— Не знаю, мне все равно, — равнодушно отозвался Попов. — Но теперь действительно можно позволить себе наносить персональные визиты вместо виртуальных. Перелеты перестали отнимать уйму времени. Это и в самом деле радует.

Попов и не думал рисоваться. Его пост подразумевал отрешенность от романтики, да и вообще от эмоций. Полукиборг Чиль Онте и то выглядел живее шефа контрразведки доминанты. Наверное, так и должно быть — если вдуматься как следует.

Президент терпеливо ожидал.

Полковник не любил ненужной спешки, поэтому он неторопливо уселся в кресло, неторопливо раскрыл тоненькую непрозрачную папочку с вакуумным замком, пристроил ее на столике и лишь после этого изобразил на лице готовность к диалогу.

— Итак, что вы снова затеяли? — оживился Вернер Винцль.

— Господин президент! Я в общих чертах знаком с выкладками аналитиков и с планом предстоящих чрезвычайных ударов по Тсурре, Оа, Файд-Зегу и Багуте. Однако я считаю, что перед этим следует провести еще одну операцию. Суперчрезвычайную, если не возражаете против подобной формулировки.

— Какую же?

— Непосредственный захват императора Унве и доставку его в контролируемую нами область пространства.

До сих пор президент слушал с живейшим интересом, подавшись к собеседнику. Однако последняя фраза заставила его откинуться на спинку кресла.

— Но полковник... Если вам не удалось на брошенной силами оаонс Иншуди захватить шефа их клановой разведки, то как...

Президент умолк, справедливо посчитав дальнейшие слова излишними. В самом деле — уж шеф-то контрразведки доминанты Земли прекрасно осведомлен, в какой неприступной крепости обитает главный баламут галактики и основная головная боль стратегов союза — самозваный император Шат Унве. От империи которого, к счастью, на сегодняшний день мало что осталось. Но чтобы додавить эту неуступчивую гидру, все равно придется изрядно попотеть и вложить немало средств, это уж без сомнений. А полковник Попов предлагает новую авантюру после того, как провалилась многообещающая прежняя, калибром пожиже!

— По поводу ваших последних слов у меня два комментария, господин президент. Комментарий первый: к моменту начала операции на Иншуди мы еще не располагали генераторной сшивкой достаточно сложной топологии. Сегодня мы ею располагаем. Дабы не вдаваться в ненужные подробности, скажу вам, что семнадцать часов назад физики «Квазара-четыре» успешно трансгрессировали в мой кабинет...

— Простите, — перебил президент. — Транс — что?

— Трансгрессировали, — невозмутимо пояснил Попов. — Новый, а точнее, хорошо забытый старый термин, означающий нетрадиционное перемещение вещества в пространстве.

С некоторых пор этим термином физики союза описывают транспортировку материальных тел посредством генераторных сшивок исполинов.

— Ага, понял, продолжайте.

— Так вот, — не меняя тона, вернулся к докладу Попов. — Семнадцать часов назад физики проекта «Квазар-четыре», испытывающие генераторную сшивку сложной топологии, трансгрессировали в мой кабинет вот этого крепыша.

Попов подал президенту плоскую голограмму, изображавшую рыжего хомяка, самозабвенно грызущего морковку.

— Крепыша зовут Сольдо; морковку он начал грызть в пятидесяти двух тысячах световых лет от моего кабинета. Так вместе с морковкой мне на стол и плюхнулся, прямо на скатерть. Погрешность трансгрессии — семь сантиметров. Чуть меньше.

Попов умолк, выжидательно глядя.

— То есть... — неуверенно начал президент, приглашая развить мысль.

— То есть для десантирования группы захвата не нужно засылать корабль с финишным генератором. Мы можем отправить группу непосредственно в помещение, где пребывает император.

Президент все еще недоверчиво глядел на Попова.

— Но ведь отправить группу — это всего лишь полдела...

Однако Попова трудно было смутить:

— Я еще не все вам рассказал, господин президент. Просидев у меня на столе пятнадцать минут, благополучно расправившись с морковкой и малость попутешествовав по скатерти, крепыш Сольдо отправился назад, в точку старта. За пятьдесят две тысячи световых лет. И вытащила его все та же сшивка сложной топологии. Безо всяких коридоров и финишных генераторов.

— Погодите... насколько я помню, генераторы работают только в вакууме и невесомости? Или на сшивки это правило не распространяется?

— Распространяется, господин президент. Сшивка, перемещавшая Сольдо, все время находилась именно в вакууме и именно в невесомости. Сольдо был помещен в специальный

сосуд с воздухом, а сосуд — в стартовую сферу. Так вот, сшивка вынула Сольдо и часть воздуха прямо из герметичного сосуда.

Президент, подавшийся было вперед, снова откинулся в кресле и провел рукой по враз покрывшемуся испариной лбу.

— Господи... Что же за джинна работы исполинов мы выпускаем на свободу? Что еще можно сотворить с этими вашими сшивками? — глухо промолвил он.

— Пока не знаю, господин президент. На сегодняшний день могу лишь сообщить, что у нас в распоряжении появился идеальный транспорт. Мобильность порядком выше я пока не могу себе даже представить. Мы выиграли эту войну, господин президент, осталось лишь несколько финальных штрихов.

Некоторое время президент молчал. Потом поднял тяжелый взгляд на полковника и устало спросил:

— И кого вы намерены послать на эту... суперчрезвычайную операцию?

На это у Попова имелся заранее приготовленный ответ:

— Да все тех же сорвиголов, которых посылал на Иншуди.

Президент удивленно вздернул брови:

— Но позвольте! Их ведь захватила разведка Оа!

— Прошу прощения, но этого как раз касается второй комментарий к докладу, господин президент. Операция на Иншуди представляла собой более сложную, с позволения сказать, сшивку, нежели казалось со стороны. Живы наши сорвиголовы, здоровы и свободны, чего им сделается? И шеф клановой разведки нами захвачен, по нему как раз сейчас работают молодцы из отдела дознания. Уж извините, но кое-какие детали операции я позволил себе скрыть даже от вас — исключительно для пользы дела. Главное, что эта матрешка блестяще сработала...

БАЗА РЕАБИЛИТАЦИИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ «ХОЗЧАСТИ»

Естественный спутник планеты Вузз, она же Кассандра-6, доминанта Земли

Скотч вынырнул из беспамятства, словно без минуты утопленник, внезапно глотнувший воздуха. За веками брезжил желтоватый свет.

Он помнил все, вплоть до момента, когда его хватили по голове.

«Плен», — подумал Скотч уныло и потерянно.

Продолжение мысли было отчетливо нецензурным.

— Давай-давай, отворяй очи, — насмешливо сказали рядом до боли знакомым голосом. — Веки все равно дрожат, не притворяйся. Мы тебе лошадиную дозу стимулятора вогнали.

Тотчас знакомо заныло плечо — действительно вроде как после инъекции.

— Ау, Скотче! Оживай давай, хорошие новости.

Голос принадлежал не кому иному, как Мельникову.

Скотч медленно открыл глаза. Он лежал на обычном топчанчике, какие составляют непременную часть обстановки любого медпункта. Рядом переминался с ноги на ногу румяный толстячок в белом халате; чуть дальше стоял Мельников

собственной персоной. Толстячок улыбался — рот до ушей, Мельников ухмылялся — с эдакой дружелюбной ехидцей.

— Ну что? Уже успел придумать способ самоубийства, а? Гвардия умирает, но не сдается, а?

— Кхе-кхе... — Скотч прокашлялся и поинтересовался: — Где это мы?

— Считай, дома! — Мельников снова ухмыльнулся.

Толстячок-врач (несомненно врач — над карманом белого халата красовалась эмблема медицинской службы флота и планочка медали «Воскреситель», которой награждали только военных медиков), не переставая улыбаться, вопросительно поглядел на Мельникова.

— Прошу вас, доктор! — Мельников картинно, будто актер во время спектакля, указал на приподнявшегося на локте Скотча.

В руках у кавалера «Воскресителя» имелся портативный диагност, каковой спустя пару секунд был приставлен к груди Скотча. Над прибором раскрылся маленький видеокуб, в котором замелькали циферки с данными и цветные графики.

— Угу, — удовлетворенно прогудел врач спустя еще несколько секунд. — Норма, пан офицер. Забирайте.

Говорил врач по-русски, хотя у военных чаще в ходу англик.

— Слыхал, Скотче? — осведомился Мельников. — Ты в норме. Вставай давай, будет валяться.

Скотч послушно сел, причем ноги сами попали в тапочки, будто он специально целился. Мельников критически наблюдал.

«Чего он издевается?» — подумал Скотч чуточку растерянно.

Вадим Шутиков по прозвищу Скотч по-прежнему не мог понять, как из имперского плена очутился в каком-то, судя по всему, своем госпитале.

Поднявшись на ноги, Скотч убедился, что и вправду живздоров, голова после удара не кружится, ничего у него не болит, если не считать слабо саднящего в месте инъекции плеча.

— Пошли! — Мельников взял его под локоток и увлек к двери. Румяный врач провожал их взглядом, улыбаясь еще

шире. Вид у него был как у человека, который хорошо поработал и теперь любуется результатами.

Когда отворилась дверь, Скотч чуть не споткнулся. Он ожидал освещенного дежурным светом коридора или какого-нибудь корабельного вестибюля. А дверь вела на поросшую травой лужайку. Ослепительно сияли сразу два солнца, желтое и почти белое, пели птицы, чуть поодаль шелестели на слабом ветерке деревья. Воздух полнился полузабытыми растительными запахами.

Словно оглушенный, Скотч замер на пороге. Со времен Табаски он обитал большею частью на кораблях и космических станциях, а если и высаживался на планеты, так исключительно для беготни, пряток и стрельбы. Там было не до запахов листвы — там пахло перегретой керамикой и озоном от множества импульсов, пахло потом, страхом, кровью и смертью.

— Чего встал, топай давай, — пихнул его в спину Мельников. — Вон, к тропинке. Налюбуешься еще, нам две недели реабилитации прописали.

«Так это реабилитационный центр, — запоздало осознал Скотч. — Причем из крутых, это реально поверхность, не имитация. Интересно, что за планета?»

— Слушай, хорош пихаться, — буркнул Скотч Мельникову и ступил на траву. Ощущения были непередаваемые, тем более что мягкие тапочки — это вам не пустотные десантные ботинки на толстой подошве. — Лучше бы объяснил в двух словах чего было.

— А, ничего особенного, — махнул рукой Мельников. — Оказалось, наши ловили Нути-Нагути на живца. И живцом, как теперь нетрудно догадаться, были мы.

Основное Скотч понял. Осталось выслушать частности.

— С-скоты, — процедил он с удовольствием, причем в данную минуту Скотч совершенно искренне ненавидел тех, кто так с их группой обошелся, кто все это затеял и реализовал. И вместе с тем Скотч знал: когда эти самые скоты прикажут лезть в очередное пекло — полезет как миленький. — Слушай, Мельников, у вас в конторе это что, в порядке вещей — кидать и подставлять своих?

— А ты еще не привык? — Мельников равнодушно пожал плечами. — И потом, никто никого не кидал на этот раз. Едва

орлы Нути-Нагути нас повязали, с неба крейсер с пустотниками свалился. И тут уж принялись вязать перевертышей.

— Крейсер? — У Скотча уже не осталось сил удивляться. — Откуда он вблизи Иншуди взялся?

— Вблизи Иншуди его и не было. Забросили издалека, прямо в точку зависания. Говорят, даже без дрейфа. Не зря, видать, мы на Тахире находочку колупали, многое теперь меняется. Особенно в плане межзвездных прыжков.

Скотч только вздохнул.

Тропинка вела к коттеджу, внешне неотличимому от того, из которого Скотч с Мельниковым недавно вышли и где остался румяный врач-воскреситель.

РЕЗЕРВНАЯ СТАВКА ПРЕЗИДЕНТА СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Орбитальный комплекс «Гелиотроп», Солнечная система, доминанта Земли

— Добрый день, полковник. Добрый день, господин Бекасов. Проходите, садитесь. Полагаю, нет нужды представлять вам собравшихся? Если вы кого и не знаете — это аналитики.

— Добрый день, господа!

Попов немедленно уселся в отведенное кресло; профессор Бекасов сперва вальяжно поклонился президенту, министрам и адмиралам и лишь потом занял место рядом с полковником.

— Вы готовы, полковник?

— Готов, господин президент.

— Отлично. Откровенно говоря, еще во время первой беседы меня так и подмывало задать несколько напрашивающихся вопросов по реализации вашего плана. Однако я решил не спешить и сперва обратиться к экспертам. Должен сказать, что сформулированные ими вопросы во многом совпали с теми, которые хотелось задать мне. Приятно сознавать, что голова у президента доминанты еще варит, не правда ли, господа?

Президент усмехнулся и поглядел на собравшихся. Он так и планировал — с самого начала придать совещанию легкий налет неполной официальности.

Натянутые до предела нервы закрепощают разум. Ковать победу нужно легко и непринужденно, смеясь. Вернер Винцль это прекрасно сознавал.

И правда: до сих пор сидящие, будто по струнке, эксперты малость расслабились; министр внешних сношений усмехнулся; Джошуа Фергюсон даже ногу за ногу закинул, чего за ним обыкновенно не замечалось.

— Итак, полковник! Раз уж вопросы все равно должны быть заданы, задам их я. Никто не возражает?

Никто не возражал.

— Если я что-нибудь упущу — дополняйте меня, поправляйте, если нужно, не стесняйтесь. В этом кабинете все имеют равные права. Только обязанности и ответственность у нас несколько... разные.

Никто почему-то не удивился некоторой фривольности, которая сквозила в поведении и словах президента. Вкус близкой победы расслабил всех — но не настолько, чтобы совсем уж размякнуть и упустить победу в последний момент.

— Насколько я понимаю, у нас появилась возможность транспортировать практически любое тело практически в любую точку нашей галактики с высокой точностью. Так?

— Так. Кстати, не только нашей галактики, господин президент. В отношении галактики-два утверждение также справедливо, эксперименты проводились и были успешными.

— И вы намерены забросить группу захвата непосредственно в апартаменты императора Унве, пленить президента и трансгрессировать, — последнее слово Вернер Винцль произнес с особенным удовольствием, — группу в точку старта. Так?

— В целом — так, господин президент.

— В таком случае, что мешает просто трансгрессировать императора Унве хоть бы и в этот кабинет? Прямо сейчас?

Попов и Бекасов переглянулись.

— Я отвечу, — баском сказал Бекасов и встал.

— Господа! Механизм трансгрессии посредством генераторной сшивки не позволяет перемещать любой предмет

произвольным образом. Некая стартовая область все-таки присутствует. Сшивка фиксирует перемещаемую массу, берет ее, условно говоря, в захват и только потом трансгрессия становится возможной. Как вы сами понимаете, император Унве находится вне стартовой области, посему сшивка не сможет трансгрессировать его.

— Но позвольте, — Вернер Винцль слегка наклонил голову, — полковник упоминал некоего крепыша Сольдо, который был перемещен за пятьдесят две тысячи световых лет и возвращен в точку старта. Как я понимаю, стол полковника Попова также находился вне стартовой области сшивки. Так ведь?

— Так, господин президент, — подтвердил Бекасов. — Однако вы не учитываете, что все время пребывания на столе у полковника крепыш Сольдо не выпадал из захвата сшивки. В сущности, это была одна трансгрессия, разбитая на два цикла — цикл «туда» и цикл «обратно». Сними мы захват — и обратная транспортировка крепыша Сольдо стала бы невозможной.

— Хм... — президент задумался.

— Чтобы было понятнее, могу привести не совсем верную, но чрезвычайно доходчивую аналогию. Представьте себе, что сшивка перемещает не тела как таковые, а стартовую область со всем ее содержимым. Причем размер и форма этой области могут слегка меняться в зависимости от ряда факторов, — сказал Бекасов. — И перемещения возможно совершать сколь угодно долго, цикл за циклом. Покуда не снят захват, то бишь контроль над перемещаемой областью — трансгрессия остается управляемой.

— Есть вопрос! — поднял руку один из аналитиков, молодой лейтенант с цепким пронзительным взглядом. — Разрешите?

— Прошу! — Вернер Винцль, похоже, продолжал обдумывать услышанное, но вместе с тем готов был и эксперта выслушать.

— Распространяется ли на все циклы трансгрессии закон сохранения масс? То есть второй раз перемещается только то, что было заброшено в первый? Или же столько, сколько было заброшено? Или механизм иной? Проясните, пожалуйста!

Полковник чуть заметно кивнул: видимо, он был готов к подобному вопросу. Однако ответил снова Бекасов:

— Механизм одновременно и прост, и замысловат, господа. Во-первых, трансгрессия органики и неорганики происходит по-

разному. Неорганика транспортируется по массе и объему, с небольшим зазором плюс-минус, то есть сшивка учитывает, что состояние и состав транспортируемых объектов могут изменяться; однако зазор при этом достаточно невелик. Что касается органики, тут ситуация пока не вполне ясная. Разумные существа сшивка транспортирует, условно говоря, «по головам». Есть предположение, что она фиксирует высшую нервную деятельность. Мы проводили эксперименты — как бы ни перемещались между циклами «туда» и «обратно» трансгрессированные существа, назад возвращается столько же, сколько стартовало. Независимо от массы и объема. Хотя последнее скорее всего просто результат более свободного зазора. Если один перемещенный в промежуточной точке удаляется от группы, по команде «возврат» перемещается остаток группы плюс любое существо, обладающее достаточно сложной нервной деятельностью, которое находилось ближе всего к группе в момент возврата. Причем характер и метод нервной деятельности не важен — вместо человека или свайга может переместиться а'йеш или какое-нибудь высшее животное, например собака. А вот крепыш Сольдо вряд ли бы смог заменить выбывшего в промежуточной точке человека.

— То есть, — оживился эксперт, — планируется заброска группы и замена одного из членов группы на императора?

— Именно так! — подтвердил Попов.

— Стало быть, один из наших людей вынужден будет остаться в резиденции императора и очутится в плену?

Полковник Попов удивленно взглянул на эксперта.

— Зачем один из наших? Включим в группу какого-нибудь пленного шат-тсура или перевертыша.

Эксперт, в первую секунду не подумавший о таком несложном ходе, смутился:

— В самом деле... Прошу прощения...

«Выскочка, — подумал президент об эксперте. — Занимает чужое место. Ход с разменом настоящий спец должен выдавать мгновенно и без напряга».

Президент заметил также, что шеф аналитического отдела хмурится и недобро глядит на пунцового от неловкости и злости на себя эксперта. Бедняга сам себе подписал приговор. Нет, не смертный. Всего лишь приговор об увольнении.

— Сыровато как-то это все, — недовольно проворчал министр внешних сношений Ильхан Байрамов. — Похоже,

наши доблестные ученые сами толком не понимают, как работает сшивка.

— Вы полагаете операцию слишком рискованной? — с некоторой иронией поинтересовался Попов.

— Нет, почему же? — Байрамов пожал плечами. — В любом случае мы ничего не теряем — разве что заброшенную группу. В конце концов принцип действия икс-привода и мгновенной связи мы тоже до сих пор не понимаем. Однако это не мешает пользоваться и тем, и другим на протяжении столетий.

— Резонно, — заметил президент, кивая. — Ладно, будем считать, что наука теоретическую часть обеспечила по максимуму возможного. Пару слов о практике. Полковник, проясните ход операции.

— Охотно, — отозвался Попов. — Накануне ближайшего праздника шат-тсуров, а это приблизительно через неделю, ожидается традиционное обращение императора к подданным. Унве не упустит возможности подбодрить свой народ. Практически всегда Унве выступает в прямом эфире, записи он не любит. Мы исходим из того, что и сейчас он поступит так же. Расположение императорской студии на стратегической базе Тсурра-два нам известно. Навестись туда будет несложно. Я планирую послать восемь групп. Одну группу захвата, одну дублирующую и шесть групп прикрытия. Каждая группа будет заброшена и возвращена отдельной сшивкой. Группы прикрытия забрасываются октаэдром, в каждый из шести вестибюлей вокруг студии. Группы захвата и дубля — в центр октаэдра. Первые наработки и тренировки показали, что для исполнения потребуется от полуминуты до минуты. Осталось отшлифовать графики каждой группы и скоординировать совместные действия.

— Черт возьми, полковник! Вы представляете себе политические последствия в случае успеха операции? — воскликнул президент, осененный внезапно пришедшей мыслью.

— Прекрасно представляю, господин президент, — невозмутимо подтвердил Попов. — Похищение императора, транслирующееся на всю галактику, это весьма серьезный идеологический и моральный удар по противнику. Я не мог упустить такую блестящую возможность приблизить нашу победу.

ОБЛАСТЬ ШТАТНОЙ ДИСЛОКАЦИИ ФЛОТОВ ГРУППЫ «ДОМИНИОН»

Патрульный монитор «Ракша», окрестности Солнечной системы, доминанта Земли

Когда-то в этом самом кресле сиживал капитан (впоследствии — майор) Белькевич. А теперь его занимал капитан Маримуца. Сегодняшний дежурный по сектору. Чуть меньше года назад он вызывал Высоту, теперь же сам откликался на этот вызов.

— Высота, я Флигель!

Дариуш протянул руку и включил микрофон громкой.

— Здесь Высота. Что там у вас?

Флигель — одна из многочисленных станций слежения вблизи Солнечной системы вышла на связь с центром обработки данных.

— Лейтенант Кваресма, смену принял. Представьтесь, пожалуйста.

Ага. Значит, уже восемнадцать ноль-ноль локального.

Маримуца поднял взгляд на часы, висящие между суточными таблицами перед пультом дежурного. Действительно шесть вечера. Пошла последняя четверть смены. Дежурный по сектору заступает на сутки, в то время как наблюдатели

дежурят по схеме «шесть через шесть», поэтому заступивший на Высоту Кваресма и не знает, кто дежурит.

— Маримуца, — буркнул Дариуш, вспоминая, как сам некогда будучи наблюдателем в случае какого-нибудь ЧП вносил в вахтенный журнал, что, мол, дежурному по сектору имярек доложено, старший смены Маримуца.

С шести утра дежурил другой лейтенантик, значит, смены по какому-то поводу перетасовали — обыкновенно с нуля и двенадцати ходила одна смена, с шести и восемнадцати — вторая. Изредка состав парных смен слегка менялся. Не то чтобы это была такая уж редкость, но и нормой замены тоже не считались.

В течение примерно четверти часа свежезаступившие на боевое дежурство офицеры-наблюдатели коротко докладывались Маримуце; представиться больше никто не просил, значит, на прочих постах все спокойно и вроде бы обошлось без замен.

— Высота, ответьте Константе...

Маримуца машинально включил микрофон и уже набрал в грудь воздуха, чтобы с ленцой отозваться, но тут же встряхнулся.

Константа! Флагман флота! Не какой-нибудь вам захудалый Флигель или еще более захудалая Линза...

— Здесь Высота, капитан Маримуца!

Начальству лучше представиться без напоминания.

— Маримуца? Как удачно. Сдавайте смену. Вместе с флаглеем Раджабовым приказываю немедленно отбыть на Константу. Девяткин уже оповещен.

— Есть! — отозвался Маримуца с максимально возможной бодростью в голосе.

И уныло подумал: «Опять! Вроде только вернулся на привычное место, пусть и с повышением, и снова вызов чёрт-те куда...»

Откровенно говоря, нештатные приключения ему уже надоели. Зачем была нужна командировка на Тахир и участие в довольно странном налете на научную станцию тахирцев, Дариуш не понял, да не слишком и пытался понять. И зачем потом сидел на Тахире, хотя «пиратскую» команду довольно

быстро из экспедиционного корпуса убрали, тоже не понял. Что-то за этим стояло, безусловно, но что — не сообщили ни Маримуце, ни его приятелю Рафику Раджабову. Перелом в войне, разумеется, не мог их не радовать, но так уж получилось, что бóльшую часть этого времени они бестолково пересидели на Тахире и чуть позже — на станции «Квазар». И личного вклада в будущую победу как бы и не внесли — во всяком случае, очевидного.

Капитан Маримуца был далек от завышенной самооценки, но даже привычные дежурства на «Ракше» считал маленьким, но нужным делом. Бестолковое же пребывание в галактике-два более походило на домашний арест, чем на службу.

Однако не им решать...

В рубку дежурного, прошелестев перепонкой, ввалился Лесли Шин, тоже капитан, коллега.

— Привет, Дари. Сменяю, Девяткин приказал.

— Ага.. — Маримуца встал из кресла. — С Константы уже распорядились. Извини, не знаю, с чего бы это.

— Да ладно, первый раз, что ли? Приказ есть приказ...

У Шина сегодня был свободный день — не выходной, выходных на войне не бывает, но свободный от вахты. Маримуца чувствовал легкую вину перед приятелем, которому свободный день испоганили. Впрочем, он понимал, что вина эта в общем-то ложная, и понимал, что Шин тоже это понимает. Однако сам на месте Шина, точно так же понимая все, испытывал бы легкую досаду, каковую Шин особо и не пытался скрыть.

— Тут спокойно все, — сообщил Маримуца напоследок. — Только на Флигеле смену перетасовали, вместо Дементьева с восемнадцати Кваресма заступил.

— Угу.

Шин приземлился в кресло и по-хозяйски переориентировал видеокубики над пультом на свой, привычный манер.

— Удачи, Дари!

— Бывай...

До каюты было меньше двух минут ходу. Так, кейс с вещами, документы. Вроде все. Военные издревле легки на подъем.

На выходе встретился Раджабов.

— Привет! Ты готов уже?

— А чего тут готовиться, — буркнул Маримуца. — Ну, флаглей? Поехали в очередной бестолковый вояж?

— Может, это по другому поводу? — усомнился Раджабов. — Мало ли?

— Наивный ты, Рафик, — фыркнул на ходу Маримуца. — Мы теперь меченые. Черт бы его побрал...

Техник в шлюп-камере уже приготовил капсулу. Маримуца угрюмо выслушал его доклад, вынул местный коммуникатор и вызвал капитана «Ракши» Николая Девяткина.

— Сэр! — перешел он на уставной англик. — Капитан Маримуца, флаг-лейтенант Раджабов! Разрешите отбыть согласно приказу с Константы?

— Отбывайте, капитан. Удачи вам и на этот раз.

— Спасибо, сэр...

Перелеты теперь стали до смешного короткими. Четверть часа до транспортного рейдера, коридором до ближайшей сшивки и заброс к флагману «Евразии». Финиш миниатюрных капсул также успели отработать до автоматизма — Маримуца и Раджабов не успели даже сочинить внятное обоснование новому вызову, а капсулу уже припарковали в промт-ангаре. На выходе терпеливо дожидался летающий робот-посыльный. «Follow me», — спроецировал он надпись на сетчатки глаз новоприбывших и неторопливо заскользил вдоль желтой пешеходной линии к одной из бесчисленных внутренних перепонок ангара.

Сначала Маримуца полагал, что их ведут к оперативному дежурному, однако посыльный еще перед поворотом к сети основных гравилифтов свернул в VIP-зону. Пост придирчиво сверил идентификационные номера с суточным напылением на гостевой карте, после чего пришлось сдать табельное оружие и коммуникаторы. У Раджабова отобрали даже антикварную гелевую авторучку. Потом прибывших с «Ракши» еще дважды просвечивали и единожды обыскали вручную — перед шлюзом в чьи-то немаленькие апартаменты.

Маримуца начал догадываться чьи.

— Входите! — велел отворивший толстую деревянную дверь ординарец.

Маримуца и Раджабов бесшумно прошли по ковру.

— Видал? — прошептал Раджабов. — Не перепонка! Дерево!

— Прошу! — Ординарец отворил еще одну дверь и наблюдатели с «Ракши» оказались не то в большом кабинете, не то в маленьком зале для совещаний. Человека, сидящего за необъятным столом, трудно было не узнать, хотя сейчас он был облачен не в мундир, а в свободный тренировочный костюм.

— Господин адмирал! — немедленно доложился Дариуш, отдавая честь. — Капитан Маримуца и флаг-лейтенант Раджабов, патрульный монитор «Ракша», по вашему приказу прибыли!

— Здравствуйте, господа офицеры, — поздоровался командующий флотом «Евразия» Тим Хемерсбрандт.

— Здравия желаю, мой адмирал! — в один голос проорали Маримуца и Раджабов и застыли перед столом по стойке «смирно».

— Вольно.

Нетрудно было узнать и второго человека, сидящего чуть поодаль в специальном кресле, хотя, строго говоря, человеком он был менее чем наполовину. Чиль Онте, старейший военный Солнечной системы.

Кроме адмиралов в кабинете находились также несколько людей в штатском и референты в служебном секторе — там рябило в глазах от множества открытых видеостолбов.

— У вас ведь имеется опыт командования на инопланетных кораблях вип-класса, так, капитан? — осведомился Хемерсбрандт, бегло проглядывая сброшюрованную мини-распечатку.

— Так точно, господин адмирал! Командовал кораблями класса «Оши-люкс», «Теомар» и «А'й-ени», а также парламентерским ботом Пика Пирамид Азанни, год назад. Лично пилотировал каждый из них. Аналогичный опыт имеется и у флаг-лейтенанта Раджабова, без него я командовал только «Теомаром».

— Отлично, капитан. Нечто сходное предстоит вам и на этот раз.

Готовы?

— Служу доминанте, господин адмирал! — не задумываясь, отозвался Маримуца и отсалютовал.

Раджабову по уставу отвечать не требовалось — он и стоял молча, только преданно выкатил глаза.

— Спецзадание, капитан. Снова бот азанни, но на этот раз не парламентерский, а разведывательный. Вводную получите в каюте — жилой каюте на флагмане, имеется в виду, на подготовку у вас неделя. Команде вас представят, как только она будет сформирована. Если справитесь — вы и еще кое-кто, — возможно, это будет последнее ваше спецзадание в нынешней войне. Если у вас или лейтенанта есть хоть малейшие сомнения в моральной или физической готовности — рекомендую отказаться сразу. На дальнейшей карьере это не скажется.

— Мы готовы, господин адмирал!

Никто не смог бы заподозрить капитана Маримуцу в сомнениях или мнительности. Он отвечал твердо и уверенно.

— А вы, лейтенант?

— Я также всецело готов к любому заданию, господин адмирал! — столь же уверенно отчеканил Раджабов.

— Что ж, отлично. Реджи, займись ими!

Подле стоящих навытяжку офицеров «Ракши» неслышно возник очкастый парень в парадном мундире с нашивками советника-референта.

— Господа офицеры, прошу следовать за мной.

Оба адмирала — Хемерсбрандт и Онте — одновременно отсалютовали (им, капитану и флаг-лейтенанту!), после чего Хемерсбрандт жестом отпустил обоих.

В холле перед кабинетом все еще висел робот-посыльный, однако референт вынул крошечный пульт и куда-то отослал летающего проводника. Наверное, провожать очередных визитеров на ковер к начальству — недаром же Хемерсбрандт упоминал еще «кое-кого», кому предстоит некое важное задание.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКО-ПОИСКОВАЯ БАЗА ДОМИНАНТЫ ЗЕМЛИ, ПРОЕКТ «КВАЗАР-4»

Глубокий космос, нейтральное пространство

1

Серега, правее! — с чувством рявкнул в переговорник бригадир искателей Саня Веселов. — Сколько можно говорить, ёлы-палы?

В нескольких мегаметрах от базы небольшой манипулятор-шунт послушно переместил продолговатый цилиндр генератора нуль-коридора в нужном направлении и снова замер в ожидании приказов.

— Стоп! Пока не трогай!

Взъерошенный Саня резво отлип от переговорника и взглянул в окуляр. Смотрел он долго и придирчиво.

— Вроде годится, — пробормотал он. — Вася, заводи картинку Свирскому.

Шулейко без возражений потянулся к пульту. Свирский по обыкновению молчал и не поправлял искателей-операторов — работая, он часто забывал обо всем на свете.

Прошло минуты три, не меньше.

— Ну, что там? — послышался устало-терпеливый голос Сергея Забирана, управляющего шунтом. Маневры с послед-

ним генератором успели ему изрядно надоесть. Чуть правее, чуть левее, переориентируй по продольной оси, компенсируй дрейф... Тьфу. Сами не знают, чего хотят эти научники!

— Эдик! Ау! — воззвал Веселов к физикам. — Что скажешь?

— Нормально, нормально, — ожил Свирский. — Убирайте шунт.

— Серега, ты пока все, — снова припал к переговорнику Саня. — Отползай!

Шунт, похожий на статую шестирукой индийской богини, медленно отдрейфовал прочь из очерченной зоны захвата и развернулся ребром к базе. Теперь он стал похож на застывшее среди звезд насекомое, освещенное желтоватым габаритным шлейфом. Красный габаритный огонек посреди ровного свечения шлейфа сигнализировал, что шунт обращен к окуляру видеозахвата правым бортом.

Метрах в четырех от Сани, за технарским пультом вышел из рабочего транса Дейв МакГрегори (до сих пор контролировавший общую топологию сшивки) и пихнул локтем Жоржа Сориала (до сих пор цинично спящего за соседним техпультом):

— Просыпайся, Жорж! Сейчас Бекасов пожалует, чтоб мне лопнуть.

МакГрегори как в воду глядел: через полминуты с чмоканьем расслоилась перепонка и в аппаратную пожаловал сам Мистер Импозантность — Андрей Бекасов, руководитель проекта.

— Ну что, коллеги? — пробасил он не без воодушевления. — Я вижу, вы закончили?

— Да, шеф, — подтвердил Саня. — Однако изобрели вы, господа физики, топологию — еле разобрались, что куда распихивать!

«Квазар-четыре», в отличие от просто «Квазара», был очень небольшим проектом, в нем были задействованы всего девять ученых плюс шестнадцать искателей, техников и рабочих-подсобников. Присутствовало также неизвестное число военных из батальона охраны и обязательные лбы в комбинезонах «Хозчасти», но эта публика редко показывалась на глаза, предпочитала отсиживаться в тени и исполнять прямые обязанности. Поэтому отношения в исследовательском коллективе сложились дос-

таточно семейные, свойские. Саня подозревал, что «Квазар-четыре» засекречен даже от союзников — все без исключения участники проекта были людьми, причем с достаточно высоким уровнем допуска. Наверняка здешние физики только ставят задачи да снимают результаты экспериментов и решающих испытаний — обсчитывается все на стороне, по частям, чтобы невозможно было вычислить целое. А занимался проект не чем иным, как топологией сложных сшивок. Выявлял новые свойства и испытывал возможности самых причудливых объемных комбинаций из генераторов работы исполинов.

— Отлично. — Бекасов удовлетворенно щелкнул пальцами. — Эдик, ты готов?

— Готов, шеф! — отозвался Свирский по громкой.

— Начинаем!

Саня предупредительно вывел контрольное построение в большой видеостолб посреди аппаратной. Все с интересом принялись наблюдать, даже заспанный Сориал.

— Ванька, давай на позицию «омикрон»! — скомандовал Саня в переговорник.

Ванька Танасевич, один на четырехместном боте, послушно потянул в область захвата. Данные его движения — скорость, курс, дрейф, ускорение, момент вращения, погрешности, скважность потока и тому подобное — выводились в видеокуб над пультом и дублировались в лабораторию, где орудовал Эдик Свирский с коллегами-физиками.

— Активирую захват, — предупредил окончательно оживившийся Эдик спустя несколько минут, а чуть позже сообщил: — Есть захват! Плотненький, шеф, на загляденье!

— Это хорошо, — величаво кивнул Бекасов. — Продолжайте.

Во время экспериментов он обыкновенно, заложив руки за спину, стоял посреди аппаратной или лениво разгуливал перед видеостолбом.

— Наведение норма. Тоже плотненькое. Вроде все штатно. Стартуем?

— Стартуем, — подтвердил Бекасов.

Все, не сговариваясь, поглядели на объемную масс-диаграмму. Там, в нескольких мегаметрах от базы, висела объемная сшивка и бот с Ванькой Танасевичем на борту.

— Старт! — выдохнул Свирский, активируя сшивку.

Бот пропал. И с диаграммы, и из окрестностей базы. Если и на этот раз все прошло, как задумано, он должен был возникнуть далеко-далеко, за тысячи световых лет, в зоне приема поблизости спутника «Желтая Тень», в Солнечной системе.

Ожил пульт мгновенной связи, также заведенный на громкую.

— База, я бот, — послышался довольный голос Танасевича. — Вижу Венеру! Вижу Солнце! Вижу контрольный тик «Желтой Тени»!

Бекасов счастливо заулыбался в бородку.

— Ы! — радостно сказал Саня и с размаху хлопнул по плечу сидящего рядом Васю Шулейко: — Ай да мы! Ай да молодчаги!

— Ну что же, коллеги! — Бекасов обернулся к искателям и технарям у пультов и величаво всплеснул руками. — Поздравляю! От души поздравляю всех с успешно проведенным испытанием! Сшивку «Омикрон-два» — в список активных. Возвращайте бот, подбирайте хвосты и на разбор.

— Йеп, шеф! — настроение у Сани, понятное дело, было лучше некуда.

— Кстати. — Бекасов вторично обернулся по пути к выходу, на этот раз персонально к Васе Шулейко. — Я слышал, у тебя «Розовое Фалькау» водится, Василий Евгеньич?

Шулейко смиренно потупил взор:

— Ну... Как вам сказать...

— Будь любезен, прихвати на разбор. Бокалы прихвачу я. — Бекасов усмехнулся и вышел.

2

В кабинете Бекасов действительно вынул из шкафа коробку с фамильными бокалами богемского хрусталя, по давней традиции мечтательно вздохнул, прикинув, сколько этим бокалам лет, поставил коробку на стол и уселся в любимое кресло. В отличие от бокалов — новое и весьма модерновое. Внимательно поглядел на дополнительный пульт мгновенной свя-

зи, настроенный всего на один адрес, и медленно, словно бы неохотно, коснулся сенсора вызова.

Над пультом тотчас раскрылся видеокуб. Сначала он был мутным и почти непрозрачным, однако вскоре посветлел и явил изображение.

— Добрый вечер, господин полковник, — поздоровался Бекасов.

— У меня утро, профессор, — проворчал Попов без особого, впрочем, недовольства. — Что у вас?

— У нас — всё, — вздохнул Бекасов с усталым облегчением. — Сшивка «Омикрон-два» готова к использованию. Только что завершилось финальное испытание. Разумеется, завершилось успешно, иначе я бы вас не тревожил.

— Отлично, — кивнул Попов с видом человека, который ничего иного и не ждал. — Должен сказать, ваша группа опередила самые смелые графики операции. Во всяком случае, моя группа еще не готова.

— Все равно еще придется обучать персонал управлению. — Бекасов пожал плечами. — Успеете, я думаю.

— А зачем обучать? — простодушно спросил Попов. — Разве уже обученные люди не надежнее?

На миг Бекасов нахмурился, потом многозначительно протянул:

— Хм... Так что? Испытаний больше не будет?

— В нынешнем виде — нет.

— А сколько людей вы отзовете из проекта?

— Четверых искателей, двоих технарей и вашего гения Свирского. Достаточно?

— Для операции — более чем. Однако Свирский был бы мне необходим для обработки накопленного материала, для общего мониторинга темы, для... В конце концов, он пишет фундаментальную работу по физике монодоменов, и я как научный руководитель...

— Андрей Константинович, — прервал Бекасова Попов. — Операция займет максимум сутки. После этого забирайте своего Свирского на здоровье, никто не возражает. Но на операции управлять сшивкой будет он, и только он. Потому что никто лучше него со сшивками не управляется, вы ведь сами говорили.

— Понятно, — вздохнул успокоенный Бекасов. — Что ж, мне остается лишь подчиниться и пожелать вам удачи. Когда придет транспорт за моими... хотя, наверное, теперь уже не моими людьми?

— Часа через два, полагаю. Намекните Веселову, Шулейко, Забирану, Танасевичу, МакГрегори и Сориалу, чтоб паковали вещички. Ну и Свирскому, разумеется.

— Понял, господин полковник. Это все?

— Все.

— До свидания.

— До свидания, профессор.

Бекасов уже протянул руку к сенсору, когда Попов неожиданно снова окликнул его:

— Профессор!

— Да, коллега?

— Спасибо вам. Вам и вашей группе.

Бекасов улыбнулся, шевельнув эспаньолкой и протяжно вздохнул:

— Служу доминанте...

3

Разбор закончили быстро, минут за сорок, и к великой радости не обнаружили никаких отклонений от загодя просчитанного графика. Впрочем, если Бекасов, не дожидаясь обратной переброски бота, дал команду вносить испытываемую сшивку в список активных, значит, он на двести, на тысячу двести процентов уверен в положительном результате.

После разбора с шутками-прибаутками ухнули две бутылки розового игристого вина с Фалькау. Сориал чуть не разбил фамильный бекасовский бокал какого-то древнего хрусталя — спасибо, Вася Шулейко среагировал, поймал на лету, у самого пола. Бекасов пообещал зашвырнуть Сориала куда-нибудь в хромосферу Регора или, например, Менкиба. Сориал ужаснулся — можно было легко подумать, что искренне.

Саня, приятно одурманенный шампанским, уже прикидывал, какой будет следующая сшивка. Практически все ва-

рианты усиленной октагональной схемы они отработали, так что можно переходить и к схемам позамысловатее. Эдик Свирский вполголоса толковал об этом же с другим физиком — Найджелом Вайнштейном. В общем, настроение у квазаровцев было приподнятое.

И только Бекасов казался печальным. Нет, он вел себя совершенно естественно, шутил, смеялся, чокался своим любимым хрусталем. Но глаза... Его выдавали глаза. Саня как заметил это — сердце ёкнуло.

«Та-а-ак! — подумал он, быстро трезвея. — Кажется, грядут перемены...»

И действительно: через полчасика Бекасов встрепенулся, отгоняя какие-то свои непостижимые мысли, и тихо, тише, чем обычно и чем требовала обстановка, объявил:

— Ну что, коллеги? Как выяснилось, мы сделали все, что от нас требовалось. «Квазар-четыре» расформировывают.

— То есть как? — не поверил Эдик Свирский. — Мы же только начали?

— Сейчас война, — напомнил Бекасов. — Исследования, конечно же, когда-нибудь будут продолжены, возможно, даже (и я на это надеюсь) кем-то из нас. Но это будет уже не «Квазар-четыре». За диссертацию, Эдик, не беспокойся, ничего, в сущности, не меняется и я тебя не бросаю. Только тебе, а также кое-кому еще, придется сначала выполнить еще одну миссию — очень важную, насколько я понимаю.

— Кое-кому — это кому? — пробасил Вайнштейн с нескрываемым подозрением.

— Не тебе, Найджел, — успокоил его Бекасов. — Искателям. Тоже не всем. Веселову, Шулейко, Забирану и Танасевичу. А также вам, Дейв и Жорж. Причем отбыть вам предстоит прямо сейчас — примерно через час придет бот. Дела сдавать не нужно, тут есть кому разобраться. Идите пакуйте вещи. Только очень прошу: без прощаний и объятий, я этого не люблю. Обнимемся, когда встретимся вновь. До свидания.

Бекасов по очереди пожал руки всем, кому велел отбыть, кивнул остальным и вышел, даже не забрав свой любимый хрусталь.

Часа хватило и на сборы, и на финальные посиделки с ребятами — правда, без Бекасова. Просто не решились его позвать, раз шеф предпочел попрощаться заранее.

А потом пришел бот и семеро из более не существующего проекта «Квазар-четыре» довольно быстро переместились на просто-таки огромный корабль. Еще на подлете МакГрегори, глядя в иллюминатор, впечатленно присвистнул:

— Ого! Флагман флота! Ничего себе!

— А откуда видно, что флагман? — спросил Свирский, который помимо физики и математики в жизни знал мало что.

— Огни, — снисходительно пояснил Серега Забиран. — Причем мы сейчас находимся где-то в тылу, иначе огней не было бы.

Он говорил сущую правду. Искатели в таких вещах разбираются не хуже военных.

— Братцы, — вдруг встрепенулся Вася Шулейко, до этого мирно дремавший в кресле. — Ё-моё! На созвездия взгляните! Мы же в Солнечной! Это «Евразия», не иначе!

И Вася не ошибся. Большой корабль действительно оказался флагманом флота «Евразия».

Им не дали даже толком разместиться — велели оставить вещи в отведенных каютах и привели в класс-кабинет, где предложили рассаживаться за изогнутые столики. В классе, кроме прибывших с «Квазара-четыре», было человек десять военных и четверо в штатском.

Едва экс-квазаровцы расселись, один из штатских вышел к небольшой трибуне, призванной скорее удобно раскладывать записи и трансляторы, нежели возвысить оратора над слушателями.

— Господа! — обратился он к присутствующим. — Война вступает в заключительную фазу и это не может не вселять в наши сердца оптимизм. Однако враг еще не разгромлен. Вы призваны союзом и доминантой нанести врагу один из решающих сокрушительных ударов. Для всех присутствующих в общем и целом не секрет, чем вы занимались еще сегодняшним утром, поэтому буду говорить без обиняков: ваша миссия состоит в управлении одной из последних отработанных объемных сшивок. Цель миссии — забросить группу из пят-

надцати человек и одного шат-тсура в указанную точку пространства, а в указанное время вернуть ее в стартовую область, то есть нужна типовая двухцикловая трансгрессия. Предварительно вы должны будете в исключительно сжатые сроки обучить еще семь групп, состоящих из инженеров и ученых, уже имеющих довольно богатый опыт работы с несложными объемными сшивками. Времени у нас в обрез, поэтому начинаем прямо сейчас. Учебные группы уже сформированы; группой А будет руководить Эдуард Свирский — это физики, группой В — Александр Веселов и Василий Шулейко, соответственно — головная наводка и позиционирование, группой С — Иван Танасевич и Сергей Забиран, оперативные работы и группой D — Девис МакГрегори и Жорж Сориал, техноконтроль и дубляж. Занятия...

— Простите, можно вопрос? — перебил оратора Свирский.

Тот поиграл желваками, видимо, не привык, когда его перебивают, но все же позволил:

— Только коротко.

— Сшивки какого типа предстоит использовать?

— Вам и еще одной группе — «Омикрон-два», остальным — «Омикрон-один-бис». Еще вопросы будут?

— Пока — нет, — ответил Свирский и чему-то заулыбался.

— С вашего позволения, я продолжу. Итак, занятия...

«Неужели все? — отрешенно подумал Саня. — Неужели конец войне? Неужели напряжемся еще разок и наконец-то расхлебаем эту кашу, которую заварили мы с Тахиром, мир его праху, Васькой и мымрами-научницами?»

Хотелось в это верить.

Веселов встряхнул головой, отгоняя назойливые мысли, и принялся внимательно слушать сурового, как и все силовики из начальства, мужчину в штатском.

ИСКУССТВЕННЫЙ СПУТНИК «СОЛЬПУГА»

Стационарная орбита у Чагды, она же Аморфис-2, доминанта Земли; частная территория

1

Чагда только-только начала оправляться от разразившейся на ней полвека назад чудовищной эпидемии. Заселенные территории занимали около семи процентов суши; в большую часть медленно ветшающих и разваливающихся городов после мора так никто и не совался. Выжившие и их потомки смыслом жизни сделали возрождение планеты, но колонисты упорно не желали сюда переселяться (что, впрочем, не вызывало особого удивления).

Не решились сунуться сюда и имперцы — война оставалась в восприятии чагдоров просто абстрактным словом да информационными сводками в новостях.

Однако кое-кто в окрестностях Чагды все же возник. Малопосещаемость этой звездной системы новоприбывшим была только на руку.

«Сольпуга» была родной сестрой «Желтой Тени», и по принадлежности, и по конструкции. И гнездилась здесь, как нетрудно догадаться, контрразведка.

Полковник Попов постукивал пальцами левой руки по столу, застеленному зеленой скатертью, и внимательно изу-

чал видеосводку, только что присланную Райдом. Сам Райд колдовал у кофейного аппарата в углу кабинета.

— Н-да, — пробормотал Попов, досмотрев сводку. — А сам-то ты что обо всем этом думаешь?

Райд как раз подходил к столу с двумя чашечками в руках. Одну он поставил на блюдце перед Поповым, другую продолжал держать в руке.

— А что я могу думать? — ответил он, усаживаясь напротив шефа. — Миражами мы занялись не так давно, мало материала.

Попов кивнул, рассеянно помешивая ложечкой кофе.

С некоторых пор контрразведка доминанты изучала и фиксировала наблюдения космических миражей всех типов. Понятно, что в первую очередь Земля пыталась отследить присутствие Роя в галактике; остальные миражи были в общем-то безобидны и контрразведке малоинтересны (ученым разве что, да статистикам). И тем не менее Попов распорядился регистрировать все миражи без исключения.

Картина складывалась почти ровная: график частоты наблюдений различных объектов колебался около средних величин с незначительными девиациями. Аномалий было ровно три: сразу несколько миражей в виде кораблей Роя, чаще всего скаутов; по времени эта аномалия совпала с исчезновением имперской армады у Офелии и гибелью экипажей и аппаратуры на кораблях другой армады в Солнечной. Спустя три недели в течение суток в семь раз больше обычного наблюдалось миражей типа «спираль»; спустя еще полторы недели начисто исчезли из виду объекты типа «девятка с хвостом» и «косая звезда». Оба объекта не появлялись пять с половиной суток, хотя ранее показывались раз по двадцать на дню. По истечении пяти с половиной суток число наблюдаемых объектов этого типа вновь вернулось к привычным цифрам.

И всё. Рой, который больше всех интересовал контрразведку, единожды отметился у Офелии еще до войны, трижды — незадолго до исчезновения армады, семикратно непосредственно перед исчезновением, а после примерно раз в неделю-две мелькал по всей галактике, совершенно бессистемно и без видимых последствий. В Солнечной в период всплеска

о кораблях Роя никто не докладывал, но в то время и наблюдения еще не велись. Вблизи прародины человечества Рой так и не проявился, зато было одно наблюдение в относительной близости — в полутора световых часах от общего центра масс двойной Центавра.

Объекты типа «спрут», «малая роза», «У зеркальное» и прочие вели себя на редкость стабильно. Не особенно много было открыто и новых типов миражей, также вполне стабильных. Однако Попов все-таки выбил у президента «добро» на учреждение специальной службы, о результатах работы которой Райд периодически и докладывал.

— Ну не случайным было внезапное появление Роя перед ударами по армадам, хоть убей — не случайным, — сказал Попов чуточку раздраженно.

— А я что, возражаю? — Райд пожал плечами. — Такое впечатление, что они сделали свое дело и затаились. Так, помаленьку контролируют ситуацию и не особо высовываются.

— Но почему не выйти на контакт? Почему не поговорить с нами? Зачем они вообще помогали союзу, а конкретнее — людям, Солнечной и Офелии?

Райд только печально вздохнул. Откуда он мог знать — почему?

В преддверии решающей операции эта неопределенная ситуация с бывшими союзниками стала головной болью не одного государственного мужа. И по мере приближения времени «Ч» боль только возрастала.

— Тьма их забери, этих термитов-переростков, — проворчал Попов. — Ладно, по этой теме я все понял. А что там наш бравый перевертыш?

— Упирается, шеф. Ему на родине столько ментоблоков понатыкали, что наши спецы только охают. Да и лет ему сколько — с возрастом, говорят, учишься контролировать даже мысли.

— Правду говорят. — Попов не собирался опровергать это довольно рискованное утверждение.

Райд тем временем продолжал:

— Его нейрошунтом — он закрывается. Его стимуляторами — он засыпает. И молчит, молчит. Не жре... в смысле — не ест даже. Внутривенно кормят, когда спит.

— Может, ему не позволять спать? — задумчиво проговорил Попов. — Хотя вряд ли поможет, будет спать, как дельфин, по очереди каждым полушарием. Черт возьми, людям бы такой организм!

— Да уж. — Райд мечтательно закатил глаза. — Жили бы лет по восемьсот...

Его прервал резкий зуммер тревожной линии.

Никто не дернулся, не уронил чашечку с остатками кофе. Попов всего лишь скосил взгляд на пульт, Райд повернул голову.

— Ответ, — сдержанно скомандовал полковник пульту. — На связи.

Послышался также довольно спокойный голос Ле Бурже, но знающие его люди моментально определили бы: новости он собирается сообщить важные и не терпящие отлагательств.

И Райд, и, разумеется, Попов знали Ле Бурже лучше, чем прекрасно.

— Шеф, на открытом канале свайги. Вершитель Аххо Тео, Галерея.

Глаза Попова стали похожи на щелочки. Ле Бурже продолжал:

— Он настаивает на личных переговорах. Что ответить?

— Переводи на закрытый канал и коммутируй на меня, — велел Попов внешне бесстрастно.

— Есть, шеф! — Ле Бурже временно отключился.

— Райд, — просто и без нажима обратился к подчиненному Попов. — Иди работай.

— Есть, шеф! — Райд послушно вскочил.

Он понял (еще бы ему не понять!), что аудиенции просит один из весьма влиятельных представителей расы свайгов. Не знал Райд только одного: что вершитель Аххо Тео на Галерее возглавляет службу, аналогичную контрразведке Земли.

В отличие от более молодого коллеги полковник Попов вершителя Тео знал, причем даже лично. Однако с ходу не мог вообразить ни единого мало-мальски правдоподобного повода, по которому шеф контрразведки Свайге мог бы вот так запросто обратиться к коллеге-человеку. А когда не можешь представить — просто жди и ни о чем не думай, все прояснится в ближайшее время.

Первым делом полковник погасил все видеокубы, кроме того, по которому устанавливали связь. Затем убрал в ящик стола все, что до этого находилось на знаменитой зеленой скатерти, даже обе чашечки и оба блюдца. На столе остался только личный пульт, настольная лампа и старинная стойка для распечаток.

Связь установили довольно быстро. Впрочем, операция была немногим сложнее надевания тапок — ее трудно было затянуть.

Из видеокуба на полковника взглянул серо-зеленый ящер с торжественно развернутым теменным гребнем. Ящер был облачен в нечто вроде хламиды — у тех, кто хвостат, штаны как-то не пользуются особой популярностью. Хламида была гражданской, но официального покроя, вроде костюма и галстука у людей.

— От имени Галереи Свайге приветствую уважаемого союзника! — поздоровался вершитель в формальном ключе и шевельнул гребнем. После чего добавил уже попроще: — Здравствуй, По!

— Да окрепнет союз! — не стал нарушать традиции галактов и полковник. — Будь здрав, Тео, да не иссохнут твои чешуйки!

Тео шевельнул горловым мешком, что означало легкое веселье — человек на его месте рассмеялся бы, запрокинув голову.

— По, я тебе много раз говорил, это приветствие устарело два-по-восемь веков назад.

— Ну и что? — ничуть не смутился Попов. — Можно подумать, тебе будет приятно, если твои чешуйки в самом деле иссохнут.

Свайг изобразил веселье вторично:

— Ну, тогда желаю тебе много вкусного мяса и хорошей погоды!

— Спасибо, Тео, — с самым серьезным видом поблагодарил Попов.

— Извини, По, в этот раз не удастся просто поболтать, времени мало. Я так полагаю, этот разговор прослушивается и пишется?

— Ну а ты как думаешь?

— В таком случае буду максимально краток: разреши мне прибыть на «Сольпугу» лично (название спутника свайг не произносил — вклеили запись речевого синтезатора). Со вполне официальным визитом.

— Хм... — Полковник Попов на мгновение задумался. — Но, дорогой Тео, ты ведь прекрасно знаешь — это спутник моей... службы и пускать сюда союзников как бы не принято. В конце концов вы даже не должны знать, где он находится.

— И тем не менее я настаиваю, а кроме того, еще и прошу в личном порядке. Дорогой По, дело исключительной важности, можешь считать меня посланцем своей расы, только не на уровне вершитель-президент, а на уровне лиц нашей профессии. Людей это касается не в меньшей степени, нежели свайгов и прочих союзников, а наш разговор может возыметь весьма далеко идущие последствия в общегалактическом масштабе. Разумеется, я не должен знать, где находится ваш спутник и кто на нем хозяйничает... Но так уж случилось, что я знаю. Ты меня поймешь, когда выслушаешь. Я не буду протестовать, даже если меня посадят по дороге в мешок или если ты решишь принять меня на продуктовом складе. Но поговорить мы должны с глазу на глаз и именно у тебя. Между прочим, мое начальство о визите не осведомлено.

— Хорошо, — принял решение Попов. — Но приходи один. Я пошлю бот к нуль-коридору на Чагду... ну, ты знаешь, куда именно. На ТУ сторону. Разумеется, я даю все гарантии твоего благополучного возвращения.

— Договорились. Спасибо, По, я верил в твое благоразумие и дальновидность!

— Глубины, Тео. Я жду.

Видеокуб погас. Полковник Попов подался вперед, к столу, оперся о столешницу локтями и крепко задумался, потирая виски. Так он просидел минуты две. Потом потянулся к селектору:

— Ле Бурже!

— Да, шеф?

— Выслать бот с охраной — четверых хватит. Без парада, «Хозчасть» и все, но при оружии и броне, по полному комп-

лекту. Кого — сам решай. К местному створу, на ту сторону, там принять на борт одного — подчеркиваю, одного! — свайга и доставить сюда, в мой кабинет.

— Есть, шеф... А как с ним обращаться?

— Как со мной. Выполняй.

— Есть, шеф!

Ле Бурже, неслышимый из кабинета, отдавал распоряжения. Полковник снова замер и задумался — на целых пять минут. Потом снова неторопливо потянулся к селектору, вызвал стюарда и попросил сервировать обед в малой приемной.

На одну персону.

2

Они сидели друг напротив друга, за столом, разделенные зеленой скатертью и самой природой: человек и свайг, гуманоид и рептилоид.

Два профессионала, связанные странной дружбой, в которой не можешь полностью доверять другу никогда и ни в чем. Но вполне доверяешь простому слову, обыкновенному обещанию, которое порою бывает неизмеримо крепче скрепленных десятками печатей пактов.

Попов сидел где обычно, в кресле; для вершителя Тео из запасника принесли специальный стул с гнутой трубчатой спинкой. Полковник пил чай, свайг — общепринятый в галактике напиток уклу, который не употребляли разве что а'йеши.

— Слушай меня внимательно, По, я сейчас говорю вроде бы неофициально, но... об очень официальных вещах. Галерея и Триада Цо в общих чертах осведомлена, что вы захватили шефа клановой разведки перевертышей Яскера. Вы наверняка знаете, что разведкой его деятельность не ограничивалась и что он занимает как минимум два министерских поста в правительстве доминанты Оа. Собственно, этот перевертыш, его знания и связи — ключ к обороне Оа и Файд-Зегу. И Галерея, и Триада крайне недовольны тем, что Земля до сих пор не поставила союзников в известность о факте пленения та-

кой важной особы. Триаду, как нетрудно догадаться, полностью поддерживают уцелевшие правители азанни.

— Но...

— Я знаю, что ты хочешь сказать. Вы еще не выпотрошили память Яскера. По, люди просто не в состоянии это сделать достаточно быстро, ментоманипуляции никогда не были вашей сильной стороной. Тем более следовало обратиться к союзникам — в особенности к нам. В нейрофизиологии высших позвоночных наша раса не имеет равных и ты не можешь это отрицать. В высших сферах готовы возобладать весьма шаткие настроения. Вот-вот будет высказано обвинение в том, что хомо почуяли победу над империей и пытаются урвать кусок пожирнее. Свяжись с президентом Солнечной, По, свяжись, еще не поздно.

Полковник Попов чуть заметно качнул головой (причем так, что не понять было — соглашается он или отрицает сказанное) и ответил:

— Ну, допустим. Допустим, я свяжусь. Что дальше?

— А дальше — там, откуда меня забирали, дрейфует готовая госпитальная станция. Мы даже не требуем отдать Яскера нам. Позвольте нашим специалистам поработать с Яскером прямо у вас — и добытая информация станет достоянием союза, в том числе и достоянием людей. Учти, время идет, и завтра все, что знает Яскер, может устареть.

— Хорошо. — Попов и сам понимал, что с президентом и военными придется связываться по-любому. Так чего понапрасну упираться? — Я свяжусь с президентом в ту же секунду, как бот с тобой на борту пройдет нуль-коридором в обратную сторону.

— Погоди, По, я еще не все сказал. Яскер — не единственный повод, по которому я сюда прибыл.

— Я слушаю. — Попов выглядел суровее, чем обычно. Его мозг привычно прокручивал всевозможные варианты и сочетания фактов и событий. Что реально стоит за визитом вершителя Тео? Кому это выгодно? Как извлечь выгоду из этого Земле?

— На Галерее известно также о том, что в скором времени Земля готовит еще одну операцию чрезвычайной важности и что

в этой операции будут задействованы результаты ваших последних экспериментов с генераторными сшивками. Это ведь опять будет точечная операция, вроде похищения Яскера, так?

— Возможно, — ответил Попов бесстрастно. — А возможно и нет.

— Я не пытаюсь выудить информацию, По. Я просто даю совет — тебе и всей твоей расе. Если операция точечная, предложи своему правительству включить в состав группы хотя бы по одному представителю высших рас. Азанни — пилотом, цоофт — технарем, и так далее. Никто не просит посвящать их во все детали, просто поставьте им посильную задачу и пусть они ее выполнят. Войну должен выиграть союз, а не хомо.

Теперь полковник Попов наконец-то кивнул:

— Я понял, Тео. Честное слово, я представляю, чем ты рискуешь, прилетев сюда. Я сделаю все, что смогу. Мне ведь тоже не слишком радостно видеть в свайгах врагов — это означает, что придется схлестнуться с тобой всерьез, а ты слишком сильный противник.

— Ты не слабее, По. Извини, мне пора. И помни: времени очень мало.

Вершитель Тео встал, аккуратно вынул хвост из отверстия в спинке стула и на пару секунд расправил гребень.

— Удачи, По.

— Глубины, Тео.

3

Полковник Попов закончил сжатый доклад первым лицам Солнечной, отложил транслятор с рабочими заметками и сложил руки с переплетенными пальцами на столе в ожидании официальной реакции правителей Солнечной.

Президент Вернер Винцль отвечать не спешил. Сначала взглянул в видеостолбы, где темнели изображения адмиралов Хемерсбрандта и Онте, Ильхана Байрамова и нового шефа разведки Изольды Крамер. Видеоконференция «большой шестерки» началась пять минут назад.

— Глупо было предполагать, что все останется в тайне, — проворчал Байрамов, насупившись.

— Никто и не предполагал, — сказал Попов. — У меня отработаны все варианты. Я всего лишь жду, какой вариант мы изберем.

Президент первым делом обратился к военным:

— Чиль?

Командующий «Африкой», не иначе тоже заранее был готов к подобному повороту событий:

— На сегодняшний день ситуация такова, что империю мы додавим и без союзников, — сказал он. — Однако после победы союзники не исчезнут и нам с ними жить бок о бок. И с этим фактом хочешь, не хочешь — а придется считаться.

— То есть вы за то, чтобы привлечь их? — уточнил Винцль.

— Да. У Тима можете не спрашивать, я огласил решение штаба. На случай... В общем, именно на наш сегодняшний случай.

— Ильхан Мансурович?

— Я — министр ВНЕШНИХ сношений. Если мы обидим союзников, после войны с ними трудно будет... гм... сношаться. Извините за невольный каламбур. В общем, я предпочитаю дружить со всеми, с кем возможно, и вы уже должны были к этому привыкнуть, господа.

— Мы привыкли. — Президент улыбнулся уголком рта. — Но если бы тебя не спросили, это было бы по меньшей мере невежливо. Ладно. Теперь вы, миссис Крамер. Кстати, очень жаль, что информация пришла не через вас, а через полковника Попова. Вообще-то первой узнавать об умонастроениях Галереи, Триады, Технократии и прочих союзных верхушек должны вы.

— А кто вам сказал, что я ничего не знаю? — невозмутимо ответила Изольда и вынула из серебристого кейса одноразовый диск. — У меня, конечно, нет приятеля в контрразведке Свайге, но, уверяю вас, ничего нового я сейчас не услышала. Можете удостовериться.

Президент чуть заметно нахмурил брови:

— Мисс Крамер, ничего нового ни один из нас не услышал. Считайте, что упрек был простым комментарием, не бо-

лее. Смотреть мы ничего не станем, ибо нужно принять решение, причем как можно скорее. Итак, ваше мнение?

— Мое мнение таково: привлечение союзников к ментоскопированию Йен-Яскера — оправданно. К операции «Группер» — нет.

— Позвольте поинтересоваться почему?

— Свайги действительно лучше нас владеют техникой ментоскопирования, что и неудивительно — у них фора в полторы тысячи лет исследований. Поэтому нужно как можно быстрее выпотрошить Йен-Яскера и добраться до кодов орбитальной обороны Оа и Файд-Зегу. Кстати, именно штурмом метрополии ооонс целесообразнее заняться союзникам — у них больше крупных кораблей, а ломать орбитальную оборону... Хорошо, хорошо, господин Онте, я не буду разжевывать очевидное. В общем, секреты доминанты Оа в области высоких технологий не идут ни в какое сравнение с уровнем Тсурры и Багуты, багаж перевертышей по определению выше. Именно поэтому союзники охотно ухватятся за возможность взять Оа и Файд-Зегу без нас, в первую очередь, конечно а'йеши, свайги и цоофт. Азанни по идее должны бы поддержать цоофт, птичьи расы всегда поддерживают друг друга, но сегодня не тот случай: три четверти их расы уничтожено шат-тсурами, бывшими сателлитами. Поэтому азанни предпочтут штурмовать более отсталые технологически Тсурру и Багуту в связке с нами. Но азанни осталось немного в смысле численности, поэтому бóльшая часть трофеев так или иначе попадет к нам. Если же допустить союзников к обеим операциям — нам как обычно достанется лишь то, что не подойдет старым расам.

Изольда на секунду умолкла и, коротко взглянув на президента, с едва ощутимой ехидцей добавила:

— Извините, если не сказала ничего нового, господа.

Чиль Онте даже поаплодировал:

— Браво, Изольда! Браво, девочка! Тебе бы не разведкой командовать, а генштабом.

— В разведке тоже полный порядок, можете верить. — Изольду Крамер нереально было смутить.

— Я не согласен, — возразил Попов. — К операции «Группер» нужно привлечь нескольких союзников, обязательно.

Двоих-троих. Но не в штурмовые группы, а в экипаж к Маримуце, например. Это и перед галактами нас оправдает, и, по сути дела, ничего не изменит. В штурмовые группы мы их не возьмем по той простой причине, что с людьми в лобовых столкновениях действительно не сравнится никто. А вот если мы не возьмем пилота-азанни... Тут нас могут, как говорится, не понять.

— Кстати, верно, — поддакнул президент. — По-моему, лучше нам ничего не изобрести. Как считаете?

— Флот согласен, — переглянувшись с Хемерсбрандтом сказал Чиль Онте.

— Согласен, — кивнул Байрамов.

— Предварительные резюме сравнивать будем? — поинтересовался президент, вставая.

— А чего их сравнивать? — Байрамов безнадежно махнул рукой. — Все равно ведь в целом совпадут. Мне давно уже кажется, что мы утрясаем только детали, а решения принимаются еще до совещания.

— Это и называется единством мышления, — пошутил напоследок президент. — Ну что, полковник? Пусть Йен-Яскером вплотную займутся свайги. И подберите Маримуце действительно достойный экипаж.

— Кстати, касательно экипажа у меня есть на примете очень интересный вариант! — оживился Чиль Онте. — Полковник, не изволите ли на отдельный канал?

ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ», ГРУППА ФЛОТОВ «ДОМИНИОН»

Солнечная система, орбиты Юпитера и Сатурна, противофазное состояние

1

Дариуш Маримуца и Рахмансулла Раджабов изучали вводную около часа. В принципе задание можно было описать несколькими фразами — скрытно прибыть в пределы системы Тсурры и с расстояния двести — триста мегаметров от светила осуществить предварительную наводку на стратегическую базу шат-тсуров, резиденцию императора Унве. Однако на каждый пункт вводной имелась масса комментариев и ссылок, так что разбираться пришлось дольше, чем казалось сначала.

Потом познакомились с ботом — удивительно ладным и совершенным кораблем вип-класса. Парламентерскому боту азанни, на котором Маримуца, Раджабов и десантники год назад летали на снежную Ухту, этот, увы, уступал и камуфляжный модуль имел не элитного, а только продвинутого класса. Но сравнивать с регулярными ботами его все равно было грешно — разница на несколько порядков.

С кораблем сживались почти трое суток.

К вечеру третьего дня на флагманском линкоре «Евразия» Маримуца знал вип-бот не хуже собственного кармана. За-

бавно, но именно в тот момент, когда Дариуш решил, что дальнейшее ознакомление будет пустой тратой времени — все довершит полет, — и прозвучал вызов Реджинальда Финнея, куратора процесса подготовки.

— Капитан?

— Да, сэр.

Реджи был немного моложе Маримуцы, но служил при штабе «Доминиона» уже восьмой год. Воинского звания не имел, выдвинулся по линии советников. Скорее всего Реджи происходил из богатой и знатной семьи — Маримуце иногда хотелось смачно зарядить ему в нос и удостовериться, что кровь польется голубая, а не как у всех. Держался советник сухо и подчеркнуто вежливо, но чувствовалось, что себя он считает неизмеримо выше каких-то там офицеришек. Однако дело Реджи Финней знал безукоризненно и по части подготовки Маримуца при всем желании не смог бы высказать ни единого нарекания.

— Капитан, прилетел ваш экипаж. Сейчас их расселяют, а через двадцать минут извольте прибыть на представление, палуба шестнадцать, учебные классы, аудитория маневрового пилотажа. Разумеется, это касается и флаг-лейтенанта Раджабова.

— Есть, сэр, через двадцать минут.

— Спасибо.

Это «спасибо» в конце каждого разговора особенно бесило Маримуцу. Видимо, и сейчас на лице отразилось нечто такое... сообразное моменту.

— Ничего. — Рафик похлопал приятеля по плечу. — Станем героями расы — непременно набьем ему рожу. По очереди и одной рукой, чтоб не трындел никто, что хлипких обижаем.

Маримуца только вздохнул:

— Ладно, пошли. Нам только топать минут десять. Опоздаем — начальству ведь настучит...

Маримуца лукавил: Реджи Финней, при всем его высокомерии, был не из стукачей. Однако при малейшей оплошности обдавал таким холодным и молчаливым презрением, что хотелось сначала удавить его, а потом застрелиться от осознания собственной неполноценности.

Из базис-ангара на общедоступные палубы вел всего один лифт. А вернее, Маримуца с Раджабовым знали только об одном — линкор-флагман даже им, флотским офицерам, повидавшим немало, глянулся неописуемо огромным. Это был даже не летающий город — нечто большее. Рукотворный жилой астероид, напичканный оружием, энергетическими установками и мириадами типов разнообразной машинерии. Маримуца, попавший на борт линкора впервые, боялся теперь вообразить, что же собой представляют дестроеры и мегадестроеры галактов. Флагман «Евразии» по галактическим меркам заметно превосходил средние корабли и немного не дотягивал до больших. Корабли существовали еще сверхбольшие; под гигантские икс-приводы галакты кораблей не строили, монтировали их прямо на специально подготовленные естественные небесные тела.

До указанной аудитории добрались за двенадцать минут. У перепонки дежурили двое пехотинцев-пустотников при лучеметах. Когда Маримуца и Раджабов подошли вплотную, пехотинцы синхронно щелкнули каблуками и вытянулись (ну, да, при оружии честь не отдается), потом один предупредительно расслоил перепонку, придержав ближний к себе край. Маримуца благодарно кивнул — ребята старались, да и вообще эти три дня все встречные действительно смотрели на них как на будущих героев.

Для подготовки операции «Группер» на флагмане выделили целый сектор, поэтому каждый, кто имел туда допуск, хотя бы смутно представлял себе: готовится нечто важное, если не эпохальное.

В аудитории (кто б сомневался!) уже пребывал Реджи, трое его помощников и несколько людей и галактов. Едва Маримуца миновал перепонку — все, кроме держащихся особняком советников, встали.

— Вольно, — скомандовал Маримуца как старший по званию и остановился между столами и проекционной стеной, внимательно рассматривая свой будущий экипаж.

Первый, на ком остановился взгляд, был не кто иной, как герой обороны Солнечной Нери Йонас — простой штатский инженер, чей лик недавно стал известен всей доминанте. Го-

лографий и плакатов с изображением Йонаса и Гектора О'Риди успели нашлепать несколько миллиардов и разместить буквально везде.

О'Риди, кстати, тоже присутствовал, только в отличие от плакатного образа он уже не был одноруким: то ли приживили бион, то ли сделали протез.

Реджи немедленно захватил инициативу:

— Господа! Имею честь представить вам командира корабля капитана Дариуша Маримуцу (Маримуца кивнул) и его заместителя Рахмансуллу Раджабова (Раджабов кивнул).

Тоном солидного конферансье Реджи начал церемонию представления — хоть она, говоря откровенно, на флотах с такой помпой редко когда проводилась.

— Господин капитан, господин флаг-лейтенант! Извольте, ваш экипаж! Первый пилот — Зау-зи-Айниц!

Поскольку маленький азанни не мог встать — даже во весь рост он едва доставал до пояса человеку среднего роста, — он, чрезвычайно изящно двигаясь, вспорхнул, сделал над столом мертвую петлю и мягко опустился на столешницу, на то самое место, где сидел перед взлетом. Его сальто было настолько выверенным и безукоризненным, что сразу пропадали малейшие опасения за пилотаж разведывательного бота.

— Боевой пилот-истребитель, более сотни вылетов, десятки уничтоженных и поврежденных кораблей противника, в том числе два легких клипера, монитор и полудредноут. Последняя машина — штурмовик-четверка, «Найтар», седьмая ударная группа флота «Африка».

Маримуца кивнул маленькой птице, как того требовал флотский устав и кодекс старших рас. Азанни отсалютовал крылорукой.

— Второй пилот, — продолжал представление Реджи, — Гектор О'Риди. Хоть Гектор и лицо гражданское, на время операции ему присвоено звание сержанта. После известных событий в Солнечной Гектор прошел курс лечения в вип-клинике на Лазурном Шёпоте, а также перенес замену напылённого нейрочипа. Кораблем он способен управлять в бинарном режиме, подключаясь напрямую к полетному интерфейсу. Смею заверить — довольно редкое умение. Кстати, еще в

старые времена Гектор заслужил звание пилота-аса и прозвище Ювелир.

Вопреки всем уставам и кодексам Гектору О'Риди Маримуца с удовольствием пожал руку:

— Как давно вы летаете с чипом, сержант?

— Живу двенадцать лет, летаю — полтора. С чипом старого типа мне было запрещено пилотировать корабли с людьми на борту, а на хайтековский не хватало денег... Спасибо, вот, поставили...

— Отлично. Полетаем! — Маримуца подмигнул и приблизился к следующему члену экипажа.

— Бортинженер. Хатолиламай. Как изволите видеть — цоофт. Последнее время воевал на том же «Найтаре». Как мне сообщили из техслужбы группы — сказать, что Хатолиламай опытный технарь, значит, ничего не сказать.

Инженеру Маримуца отсалютовал ладонью — большинство инопланетян избегало физических контактов с представителями иных рас.

— Боты вип-класса щупали, инженер? — поинтересовался Маримуца.

— Неоднократно. Разведчики этого типа неплохо знаю.

— Замечательно!

— Второй инженер — прекрасно всем известный Нери Йонас. Прошел спецкурс по кораблям вип-класса. Боевого опыта почти не имеет, зато блестяще доказал, что...

— Спасибо, господин Финней, — тихо перебил Реджинальда Нери Йонас. — Я уже столько раз слышал...

— Действительно, не будем, — поддержал Маримуца, пожимая Йонасу руку.

— Рад, что вы в моем экипаже, Нери.

Инженер скупо улыбнулся. Похоже, внезапно свалившаяся слава и известность его тяготили.

— Стрелки — Кира Стойкова и Анжела Андреюк. Воевали на «Найтаре»...

— Ага, «Найтар», значит, в полном составе?

— Именно так, капитан.

— Хорошо. Прикатанный экипаж — всегда хорошо.

Девчонки были — смерть мужикам! Одна длинноволосая блондинка, вторая брюнетка с короткой стрижкой. Но взгля-

ды у обеих были из разряда «не подходи», только разной полярности. Если подойдешь, Кира, вероятнее всего, тут же разорвет на части, а Анжела попросту заморозит, как а'йеш-десантник. Собственно, об этой парочке Дариуш даже слышал ранее: мол, есть в седьмой группе «Африки» две звезды, скелетиков колошматят в боях, а между боями раздирают сердца всему мужскому контингенту группы. Никогда бы не подумал, что придется ими командовать!

— Приветствую, дамы! Руку пожать можно, не пристрелите здесь же? — справился Маримуца.

Кира обворожительно улыбнулась, протягивая руку Дариушу, потом Рафику. У Анжелы во взгляде незначительно поубавилось льда — и только.

Из неназванных остались только коллеги Реджи да еще примостившийся в самом углу свайг в форме психолог-подклана. Какого именно из кланов Свайге, Маримуца не разобрал, их у союзников-ящеров было немыслимо много по всей доминанте, но эмблему психологической службы не узнать было трудно.

— Кроме полетного экипажа бот понесет еще спецгруппу, семь человек. — Реджи на секунду заглянул в записи. — Они сейчас заняты тренажами, могу перечислить фамилии. Нужно?

— Да лучше потом, что мне скажут фамилии? — усомнился Маримуца.

— Скажут, скажут. По крайней мере две должны сказать — Веселов и Шулейко.

— А, — слегка удивился Маримуца. — Искатели! Снова вместе, снова рядом...

«Если это совпадение — то из ряда вон выходящее, — подумал Маримуца. — По-моему, нас просто ведут параллельными курсами. Табаска, все Табаска, чтоб я позеленел, — все она виновата».

А впрочем — какая разница? Знакомые в экипаже даже лучше, особенно внятные знакомые. А оба искателя остались в памяти Маримуцы и Раджабова вполне внятными ребятами.

— Коллега Шхэ Суон, — Реджи указал на свайга, — назначен штатным психоаналитиком процесса подготовки. На за-

дание он с вами не пойдет, но весь процесс тренажей будет контролировать.

Свайг поднялся на ноги и развернул гребень — как оказалось, в двух местах гребень был поврежден, скорее всего из бласта или лучемета задело. Коллега-психолог явно успел понюхать боевых действий.

— Приветствую! — Маримуца привычно отсалютовал ящеру и обратился сразу ко всем с этой минуты подчиненным: — Господа! Рад приветствовать вас в качестве капитана экипажа. Мой зам также всех вас приветствует. Мы надеемся, что выполним возложенную на нас миссию наилучшим образом, поскольку тут собрались профессионалы из профессионалов, лучшие из лучших! Самое правильное, что мы можем сейчас сделать, — это немедленно приступить к курсу подготовки! А значит — за дело!

— Да окрепнет союз! — довольно дружно отчеканил на интере экипаж, включая свайга-психолога.

— За дело возьметесь несколько позже, — проинформировал Реджи Финней, перелистывая записи в маленьком видеокубе перед лицом. — По графику сейчас акклиматизация и сопряжение биоритмов. Если проще, то два часа свободного времени, вечерний чай и отбой. Подъем завтра в восемь по корабельному времени, кто не сверился — вон часы над перепонкой. Устраивайтесь, знакомьтесь. Завтра — ознакомление с кораблем и пробные вылеты. Есть вопросы? Нет? Тогда все свободны. Капитан, прошу вас задержаться на пару минут. Спасибо.

2

— Внимание! Три! Два! Один! Переход!

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Справа и слева кто-то уже остервенело палил короткими очередями из импульсника, хотя Скотч пока не успел вычленить ни единой цели. Да ему это и не полагалось, Скотч шел на задание безоружным, если не считать руч-

ной бласт в кобуре и вибронож на поясе. Руки его были заняты совершенно иным: правая — варежкой-пультом портативного поясного гравизахвата, а левой Скотч держал за шиворот пустотного комбеза ополоумевшего шат-тсура, разменного «болвана».

Группа, до момента перехода тесная и спрессованная, раскрылась, будто диковинный цветок. Гаваец, Тамура, Костя Цубербюллер, братья Суондреды, Рагназь — вся боевая десятка стреляла из бластов по охране, одновременно перемещаясь к объекту. Им пытались помешать, но слишком уж для скелетиков все быстро и неожиданно складывалось — многие в студии не успели толком сообразить, что же на самом деле происходит.

А происходил налет, дерзкий в своем безумии и безумный в своей дерзости.

Мельников и его молчаливый напарник, невзирая на стрельбу и сопротивление охраны, продрались к объекту и дружно повисли на нем, словно регбисты-защитники на атакующем форварде соперника.

— Отстрел! — рявкнул Скотч, снимая с «болвана» гравизахват и одновременно отвешивая ему увесистого пинка под твердый зад. Шат-тсур улетел к стене, кажется, попутно нарвавшись корпусом на импульс из лучемета. Солянка тем временем активировал второй гравизахват, в результате чего объект и висящих на нем Мельникова с напарником снова притянуло к группе.

— Уход раз! — скомандовал Скотч надсадно, так что заломило в висках и запершило в горле. Но надо было именно так, чтобы слышали все свои — невзирая на портативные переговорники на основе мгновенки, группа захвата мало что слышала, такой в студии стоял грохот и гам. Группа, прекратив стрелять, снова сжалась в тесный ком вокруг Мельникова, второго погранца и объекта.

— Уход два! — рявкнул Скотч чуть тише.

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Ком из людских тел развалился, на этот раз словно бы нехотя. Стрелки просто попадали на пол, тяжело дыша и пытаясь утереть лица — тщетно, мешала силовая за-

щита боевых комплектов. Мельников с погранцом держали под локотки объект — ничего не соображающего шат-тсура, уже другого.

— Ну что ж, — заметил Ле Бурже с помоста. — Одиннадцать секунд. Превосходно! Просто превосходно!

— Да ну, просто нас трансгрессировали очень близко — до объекта было всего семь метров, — проворчал Скотч для очистки совести. — Реально, думаю, будет дальше. Я бы все-таки забивался на полминуты.

Он обернулся к валяющимся на полу стрелкáм.

— Кого-нибудь задело?

— Меня убило, — мрачно сообщил Цубербюллер. — На девятой секунде.

— Шальным?

— Наверное. Не успел заметить.

— Меня ранило. — Боевой пловец меланхолично поднял руку. — Шальным.

Не похоже было, чтобы пловец сильно расстроился из-за тренировочного «ранения».

— Ура, я выиграл! — радостно возопил Гаваец. — Литтл, с тебя литр... э-э-э... ну, ты знаешь, в общем, чего.

— Та-а-ак! — Тон Ле Бурже стал необъятно начальственным, а сам он, сойдя с помоста, ступил в освещенный круг тренировочной зоны. — Литр, говорите? Позвольте поинтересоваться, литр чего?

— Томатного сока, — невинно и без малейших следов раскаяния на физиономии заявил Мистер Литтл.

Ле Бурже глядел на прирожденного завхоза с тем же выражением лица, что и матерый повар на таракана в супе.

— Сок, говоришь? Опять на спирт пари заключаете, так вас через это самое?

— Что вы, как можно? — холодно и вроде бы даже обиженно открестился Мистер Литтл.

«Придушу, — подумал Скотч. — Гавайца. За длинный язык и неумение сдерживаться...»

— Шеф, мы на сок спорили, честное слово! — горячо взмолился Гаваец. — Вы ж меня уже в прошлый раз проверяли — был чист!

Ле Бурже и впрямь как-то, рассвирепев, проверил Гавайца на алкоголь — тот, ко всеобщему удивлению, оказался трезв, аки младенец. К счастью, всех тогда проверять не стали, ибо Скотч с Мельниковым в то утро проверку однозначно провалили бы.

— На что спорили? — Ле Бурже решил придавить боевого пловца, но того давить было заведомо бесполезно.

— Откуда мне знать? — пожал плечами пловец. — Я ни с кем не спорил.

Некоторое время Ле Бурже гневно сверкал очами, но потом махнул рукой и обреченно убрел к помосту.

— Перекур десять минут и на просмотр записи, — объявил он из полумрака. — Скотч, ко мне.

«Ща песочить станут, — уныло подумал Скотч. — Ну что за люди, последнее задание, а у них все залеты да залеты. Поубиваю. Ей-ей...»

— Господин майор? Сержант Шу...

— Скотч! Ну что за... — перебил его Ле Бурже.

— Господин майор! Ну результат-то есть?

— Результат! Нечего мне на результат кивать! Вот в самый решающий момент напортачит кто-нибудь — что тогда?

— Эти, — с неожиданной уверенностью заявил Скотч, — не напортачат. Только если погибнут, да и то вряд ли. Точно вам говорю.

3

— Правее! Еще правее! Стоп!

Саня припал к визору, оценивая точность размещения муляжей на стартовой площадке.

— Номер одиннадцать опять криво, — крикнул он, не отрываясь от окуляра.

Щеголяя фиолетовым фингалом, Сергей Забиран пошел поправлять одиннадцатый муляж. Фингал Сергей заработал перед завтраком, когда что-то не то сказал Кире Стойковой, и в этот день несчастнее человека не было во всем флоте — только ленивый над ним не издевался. Впрочем, многие издева-

лись из чистого злорадства, ибо ранее получили тот же от ворот поворот, только без фингалов. Были и такие, кто Забирану симпатизировал и всячески ободрял: раз фингал, значит, решился на нечто такое, на что не решились прежние отшитые кавалеры. Мужик, стало быть!

— Стоп!

— Саня, — донеслось из логова заскучавших физиков. — Может, хватит муляжи двигать? Они все равно в захвате. Доставим как-нибудь.

— Ага, — мрачно уточнил Шулейко. — Доставите, знаю я вас. Ногами вперед. Не слушай их Саня, выставляй как след.

Саня, говоря начистоту, и не думал слушать физиков. Не дураки ведь просчитывали эту стартовую позицию, верно? Сшивка, никто не спорит, успешно доставит и муляжи, и живых десантников, но вычислили же умные люди, что именно при таком расположении группа выиграет несколько драгоценных секунд? И потом, нужно учитывать неизбежный дрейф. Это только кажется, что звезды и планеты в галактике неподвижны друг относительно друга. А сиганешь за пятьдесят светолет — так тебя перекукожит, мама родная не узнает. Нет уж. Инструкция есть инструкция. Физикам плевать, они ее не читали, может, даже вообще о таковой не слышали — исполнителям сообщают лишь то, что они обязаны непосредственно выполнит, и ничего о работе соседей.

И правильно. Чужие уши могут прятаться всюду. Лучше перестраховаться.

— Муляж номер два, Серега!

Серега переместился к муляжу номер два; через пару минут Веселов счел и его положение идеальным.

— Ну, вроде нормально. Эдик, твой выход!

За дело взялись физики. У них наверняка имелись свои индивидуальные инструкции, потому что Свирский возился с захватом минут двадцать, не меньше. Но в конце концов и он объявил:

— Готово!

— Внимание! — разнеслось по громкой. — Начинаем! Попытка шестнадцать, пошел отсчет!

Монотонный синтезированный голос принялся отсекать пункты, начав с пятидесяти. Когда отсчет дошел до нуля, из стартовой области разом исчезли все до единого муляжи.

Полковник Попов, Райд и Ле Бурже наблюдали за этим по выделенному видеоканалу мгновенки.

— Ну что? — ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Попов. — Как думаете? Получится в итоге?

Райд и Ле Бурже переглянулись и очень одинаково хмыкнули, словно репетировали этот номер заранее.

— Шеф! У других, может, не получилось бы. А у нас... Угадайте с одного раза.

СИМЕИЗ, ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ГОРОДОК

Офелия, Жемчужное побережье

Море накатывалось на белый кварцевый песок и оставляло у линии прибоя длинные языки пены. Пляж был почти пустынен, если не считать нескольких небольших компаний. Правительственная территория, сюда никого не пускали. Те, кто на пляже, — скорее всего жены и дети политиков и министров.

На вымощенном плиткой пятачке под тремя огромными пальмодендронами стоял столик на колесиках, рядом — два шезлонга. Поодаль маячили фигуры охранников, а в небе висело несколько роботов-кибердисков и пара патрульных гравипланов.

В шезлонгах сидели президенты Офелии и Солнечной. Валерий Сытников и Вернер Винцль. В доминанте существовали люди, способные посоперничать с этой парой по влиятельности, но по занимаемым ныне постам — вряд ли. Солнечная была и оставалась моральной столицей людей, тогда как Офелия давно стала самым населенным, богатым и экономически мощным миром межзвездного человеческого сообщества.

Обстановка была в меру неформальной, однако важность разговора вынудила Вернера Винцля покинуть Солнечную и отправиться к Офелии лично.

Конечно, власть президентов имела множество ограничений и оба служили скорее символами правительств, однако даже на личных контактах эти люди умудрялись делать очень много и достигали порой результатов, которых не удавалось достичь самыми длительными переговорами.

Нынче речь шла как раз об этом: о недавнем контакте шефов контрразведок Земли и Свайге.

Политические отношения практически всегда многослойны. Зачастую обе стороны прекрасно представляют и общую картину, и степень осведомленности друг друга. Однако на переговорах начинают все буквально с нуля, как будто никто ничего не знает.

И Сытников, и Винцль, равно как и их министерские кабинеты, и до визита свайга Аххо Тео на спутник у Чагды в целом представляли себе умонастроения союзников. И недовольство цоофт (в первую очередь именно их) спрогнозировали заранее, точно так же, как вероятную поддержку амбициозных птичек со стороны Галереи Свайге. И кажущееся спокойствие в среде технократов-а'йешей не стало для политиков доминанты Земли сюрпризом, и виноватое молчание азанни, которым очень хотелось примкнуть к давним друзьям-цоофт, да мешал совсем свежий моральный долг перед людьми, благодаря которым азанни сохранились как единая раса.

Никто особо не сомневался, что визит Аххо Тео на деле был вовсе не приватным. Послали его скорее всего по рекомендации Галереи, но мудрецы-свайги как всегда попытались облечь это в форму, которая не повлекла бы за собой серьезных официальных размолвок и нежелательной напряженности отношений. А так — тайный дружеский визит, осторожный дружеский совет, попробуй подкопайся. В крайнем случае шеф контрразведки Свайге просто вылетел бы из кресла. И без того не слишком-то уютного.

Да и сейчас президенты предпочли официальной встрече и аналитическим консультациям вот эту, внешне похожую на отдых, посиделку. Море, пальмы, стол с закусками, знаменитое офелийское вино и неспешная беседа, когда не приходится по нескольку раз взвешивать каждое слово.

Винцль, поднеся бокал с «Рубином Жемчужного Берега» к лицу, любовался насыщенным цветом вина и солнечным бликами в слое напитка. Желтое светило Офелии простреливало бокал навылет; на лице президента Солнечной подрагивал красноватый зайчик. Сытников высказывался:

— Меня только одно волнует, Вернер. Рекомендации свайгов, а значит, и цоофт, на удивление точно совпали с линией, которая наиболее устраивает нас — в случае компромисса.

— Не могли же они не учесть наших интересов, — отозвался Винцль, не отрываясь от созерцания солнца в бокале. — В конце концов они прекрасно понимают, что империю мы можем дожать и без их участия. И единым махом устранить оставшиеся между нами и галактами технологические пробелы. Они ведь специально держали нас на полуголодном пайке, с самых событий у Волги. Они боятся, Валерий, реально боятся. Люди давно показали, что могут обойти всех галактов вместе взятых. Вот нас и пытаются притормозить, изо всех сил пытаются. Но уже сейчас тормозить нас небезопасно, поэтому они рады и себя не обделить, и нас не рассердить.

Сытников недоверчиво покачал головой и пригубил вино.

— Не рано ли ты записал нас в фавориты?

— А что? — Винцль несколько оживился, шевельнулся в кресле, поставил бокал на столик. — Разве не все сколько-нибудь значимые сдвиги последнее время так или иначе связаны именно с людьми, с доминантой Земли? Если бы не мы, империя сейчас медленно доедала бы остатки союза. В сущности, союз должен быть нам благодарен.

— Да я не спорю, — проворчал Сытников. — Я просто хочу сказать: не перехвали.

— Я разве хвалю? Я рассуждаю. Вот скажи, на месте Триады ты бы посмел требовать чего-то большего?

— Я и этого требовать поостерегся бы...

— Это ты. А цоофт — старая раса, мы для них всего лишь дети, на глазах превратившиеся из подростков во взрослых. От нас еще можно требовать, но на нас уже опасно кричать. Вот они и подослали свайга.

— Ну, свайги тоже не простофили, просто так собой манипулировать они не позволят.

— Конечно, не позволят. Но цоофт подкинули решение, выгодное и свайгам тоже.

Сытников снова покачал головой:

— И все равно настораживает меня тот факт, что события совпали с прогнозом чуть ли не стопроцентно. Обязательно должна быть некоторая дисперсия. А тут ее нет.

— Может быть, мы просто научились делать точные прогнозы? — предположил Винцль.

— Точных прогнозов не бывает, Вернер. Информация имеет свойство устаревать.

— Не отменять же операцию из-за того, что отсутствует дисперсия в прогнозах. — Президент Солнечной снова взялся за бокал.

— Не отменять. Но задуматься надо.

— Собственно, аналитики уже озадачены, чего еще?

— Ещё? — Сытников в упор поглядел на коллегу. — Ещё нужно держать нос по ветру, а ушки на макушке, Вернер. Не забывай, существует также и Рой. Караулит где-то за кадром, выжидает. Спроси себя, готовы ли мы к его внезапному появлению на сцене?

Вернер Винцль подозрительно поглядел на Сытникова:

— Валерий... По-моему, у тебя есть какая-то идея. Я прав?

— Да, — отозвался Сытников. — Ты прав. Относительно Роя у меня действительно есть идея. Давай-ка ее сейчас не торопясь обмозгуем и только потом скормим аналитикам. Передай, будь добр, вон тот сыр.

ВТОРАЯ УДАРНАЯ ГРУППА, ФЛОТ «ЕВРАЗИЯ»

Глубокий космос, нейтральное пространство

1

Сам собой включился свет в каюте, секунду погодя прозвучал мелодичный сигнал побудки. Маримуца разлепил глаза и поглядел на часы посреди противоположной стены.

Было полпятого утра.

Он встал и побрел в санузел.

Через десять минут, сравнительно свежий и выбритый, он вернулся в каюту и принялся одеваться.

Стук в дверь не заставил себя ждать — когда Маримуца расслоил перепонку, на пороге возник капрал-вестовой.

— Господин капитан, до сигнала тревоги двадцать минут. Прикажете поднимать экипаж?

— А Раджабова ты уже поднял?

— Так точно, поднял.

— Поднимай и экипаж. И спецгруппу тоже буди.

— Есть!

Вестовой убежал.

Врасплох сигнал тревоги застает только при обороне. Так было в начале войны. А последние месяцы, когда союзные войска больше наступали, солдаты и офицеры, как правило,

просыпались до сигнала тревоги и в бой шли достаточно подготовленными.

Маримуца оделся, окинул взглядом каюту. Мелкие вещи вроде бритвы или зубной щетки решил не брать — плохая примета, возьмешь — вылет действительно может затянуться. Да и вообще, таскать вещи за собой флотские офицеры не любили — в этом подразумевалась неявная вероятность не вернуться.

К черту! Вылет обещает быть коротким, уже сегодня к вечеру, если повезет, войне конец.

Маримуца надел кепи. Десять звезд на начищенной кокарде загадочно блеснули в зеркале.

— Удачи, капитан! — пожелал сам себе Маримуца и шагнул к перепонке.

2

Скотч проснулся от тихого шевеления рядом.

Казарму освещал тускло-синий ночной фонарь. Рядом возился Мельников — одевался. Его безымянный приятель тоже уже не спал — зевая, сидел на кровати и тер спросонья глаза.

— Вставай, вставай, — подстегнул Скотча Мельников. — Все равно сейчас тревогу сыграют.

Просыпался и остальной народ — зашевелился на верхней полке Гаваец, прыгнул вниз Рагназь, будил братьев Клемент Суондред. Или не Клемент?

Хрен различишь этих четверняшек, если буквы над карманом не видно!

При необходимости группа экипировалась бы в считанные минуты. Но экипировка неспешная, вдумчивая — имеет массу преимуществ.

Когда сыграли тревогу, вся команда в пятнадцать человек успела надеть комплекты и вооружиться. Осталось только пробежать через тревожный рукав к скоростному катеру «Всплеск».

Скотч знал, что сейчас множество групп, похожих и непохожих на его группу, готовятся исполнить свою мини-задачу в большой и довольно сложной операции. Возможно — в одной из последних операций нынешней войны за ее величество Мобильность.

Отрешиться от всего, что остается за шлюзом «Всплеска». Просто проделать все, что отшлифовано до блеска на многочисленных тренировках последних дней. Кстати, а где «болван»? Ага, вон ведут. Накачанный какой-то одуряющей дрянью шат-тсур. Наверное, пленный. Двигаться может, соображать нет. И чудненько, не хватало еще от «болвана» дождаться какой-нибудь пакости.

Конвоиры сдали скелетика братьям Суондредам.

— Ну что, гвардия! — рявкнул Скотч на весь салон. — В который раз — никто, кроме нас?

— Никто, кроме нас! — с удовольствием проорала в ответ гвардия.

А боевой пловец при этом еще и потрогал тельняшку под комбинезоном.

3

Сане Веселову и его команде, так же как и команде Свирского, пока работы не было. Вип-бот готовился к старту. Где-то на соседних палубах точно так же готовились к старту и другие команды, в том числе недавно натасканные Саней с коллегами. В операции предстояло участвовать примерно трем десяткам объемных сшивок, и пусть советники-референты сколько угодно талдычат о восьми — их явно будет больше. Восемь — это основная группа и прикрытие. А ведь нужно еще навести шуму где-нибудь в местах скопления войск империи — дабы отвлечь и дезориентировать. Тут и сшивки в дело пойдут, и простые двунаправленные тоннели, и обычные прыжки-пульсации.

В общем, весело будет.

Вип-бот обладал размерами, достаточными для размещения и экипажа, и группы управления сшивкой. Сама сшивка оставалась где-то тут; после прыжка бота к Тсурре на нее должны были завести телеметрию по мгновенке. Процесс неоднократно отрепетировали, отработали и вылизали до мелочей, каждый знал свою роль назубок.

Саня все чаще ловил себя на ощущении, что разум ему теперь не очень-то и нужен — руки сами знали что делать. На-

верное, именно так устроен Рой — исполнители по определению безмозглы, но отменно натасканы на какую-нибудь несложную операцию, поэтому им трудно напортачить. Разум нужен тем, кто всем заправляет, к кому сходятся все нити, как к опытному кукловоду от десятков послушных марионеток. Высшим выводом из подобных размышлений служила на первый взгляд парадоксальная аксиома: разум — безусловное зло. Жизни лучше без разума. Как только живые обретают разум, они тут же принимаются убивать и угнетать себе подобных, и чем изощреннее разум — тем сложнее, беспощаднее и замысловатее методы убийств и подчинения.

В сущности, союз побеждал империю только потому, что сумел использовать обыкновенный транспорт в качестве оружия. Интересно, к этому ли стремились канувшие в Лету исполины духа, изобретатели генераторов нуль-коридора? Этого ли они хотели, подсказав землянам идею компоновать парные генераторы в сложные объемные сшивки? И если к этому — не предвидели ли они еще большего зла от воцарившейся в галактике империи?

Кто знает...

Транспортные корабли выходили на заданные позиции и готовились к прыжкам или ныркам в нуль-коридоры. Группы захвата и прикрытия занимали места в стартовых областях. Соединения боевых кораблей готовились нанести отвлекающие удары.

А империя готовилась к празднику — не очень веселому, поскольку за последнее время потеряла почти все, что сумела захватить ранее. Империя ждала слова верховного правителя в надежде обрести утраченную уверенность и исполниться новых сил в борьбе против старших рас — с их точки зрения, заносчивых и несправедливых.

4

— Господа президенты! Все готово.

Голос адмирала Тима Хемерсбрандта был сух и по-деловому лишен эмоций.

Президенты Солнечной и Офелии переглянулись.

— Что ж... — сказал Вернер Винцль. — Начинайте, адмирал! И да поможет нам... все, что может помочь!

— Слушаюсь, господин президент.

Секунду спустя Хемерсбрандт взглянул на изображение оперативного дежурного и коротко скомандовал по спецканалу:

— Нулевая фаза. Начали!

Дежурный открыл операцию.

Четырнадцать ударных групп четырех флотов доминанты Земли и около двадцати боевых соединений остальных рас союза ушли за барьер в течение следующих пяти минут. Системы Оа, Файд-Зегу и все еще захваченный имперцами Риан-он-2 собирались штурмовать всерьез. На остальных участках — пошуметь, заставить противника понервничать и попаниковать.

Под нулевую фазу стратеги отвели два часа. За это время вип-бот, ведомый пилотом-азанни Зу-Зу, в четыре пульсации и два прохода нуль-коридором преодолел расстояние до материнской системы шат-тсуров. Команда Свирского и Веселова приступила к расчетам скорых забросок.

За это время ударные группы глубоко вклинились в пределы оборонительных рубежей империи сразу во многих местах и завязали ожесточенные дуэли с флотами и укрепбазами противника.

За это время высокие чины многих союзных рас успели принять массу стимуляторов и успокаивающих лекарств, но вряд ли хоть кому-то из них это сильно помогло. Один из инструкторов «Хозчасти» скончался от внезапной остановки сердца и помочь ему не смогли. Один из вершителей Галереи Свайге ненадолго отлучился — решил посидеть в нише для отдыха, уснул и потом уже не проснулся. Двое представителей технократии а'йешей после того, как опекаемый ими модульный крейсер выпал из боя и вернуться в бой не сумел из-за неполадок технического свойства, предпочли саморазрушиться без каких-либо объяснений или заявлений.

Полковник Попов все это время провел в кабинете, за столом, покрытым зеленой скатертью. То и дело в развернутые над столешницей видеокубы стекалась свежая информация о ходе событий. Кроме того, в большой видеостолб посреди ка-

бинета был заведен общеимперский канал эс-ви-вещания. Именно по этому каналу должен был вскорости выступить император Унве.

Минут за пятнадцать до начала передачи союзные силы принялись потихоньку отступать — во всех точках, которые недавно атаковали, кроме упомянутых Файд-Зегу, Оа и Рианон-2.

Чуть ранее группа управления сшивкой под началом Веселова и Свирского доложила, что наведение завершено как на резиденцию императора, так и на эс-ви-студию в пределах станции. Остальные также успешно навелись — семь групп поддержки, четыре группы предварительного заброса и более десятка групп дублирования.

Сшивки и группы управления были разбросаны по разным мирам доминанты Земли; места их дислокации и развертывания были прикрыты значительными силами союзных войск от случайных и неслучайных ударов противника.

Президенты Солнечной и Офелии также наблюдали за имперским эс-ви каналом — специальной трансляции эксперты-планировщики нарочно не предусмотрели во избежание возможного перехвата. В самом деле, все должно быть прекрасно видно и по эс-ви, тем более что на это и делался основной расчет. В случае успеха операции «Группер» запись похищения императора планировали несколько раз показать по вещанию каждого из обитаемых миров союза, а имперцам так и вообще предстояло увидеть все в прямом эфире.

За две минуты до начала выступления императора, когда в видеостолбах и видеокубах уже появилась столь же знакомая, сколь и ненавистная заставка «Тсурра-новостей», на связь вышел наблюдатель на разведчике-одиночке, один из тех, кто патрулировал космос невдалеке от бота Маримуцы.

— Закат, я Ринго, вижу мираж «скаут Роя»... Поправка — два миража «скаут Роя»... Поправка... ой, йо!

— Ринго, здесь Закат, докладывайте! Что случилось?

— Вижу астероид Роя. Скауты сосчитать не могу, их навскидку несколько десятков, есть малые, средние и несколько больших. Кроме того, вижу миражи типа «малая роза» и «тюрбан».

— Обеспечьте видео!

— Момент...

Разведчик не лгал. Те, кому было положено, действительно увидели астероид Роя (их ни с чем не спутаешь) и россыпь малых кораблей.

— Чиль, Хемерсбрандт, что делаем? — нервно справился президент Винцль по закрытой мгновенке.

— Ждем, — невозмутимо ответил старый адмирал президенту и распорядился командующему резервом: — Двадцать шестую ударную на старт! Цель — область «Тсурра-подлет»! Старт только по команде!

— Есть, мой адмирал!

Рой, неожиданно появившийся на сцене, с ходу вмешиваться в события не стал. Большинство скаутов неожиданно порскнуло в разные стороны, как рой метеоров в ночном небе; спустя несколько секунд они исчезли из обычного пространства. Без каких-либо линейных возмущений, но теперь никто из посвященных в технологию трансгрессии и нуль-прыжков не рискнул бы сказать, что корабли Роя исчезли за барьером. Это раньше так думали, пока о генераторах исполинов никто ничего не знал.

То, что бывшие союзники вмешиваться не стали, было хорошо. Плохо было другое: к астероиду направилось несколько оборонных дредноутов Тсурры. Если они будут продолжать двигаться теми же курсами, вскоре смогут обнаружить бот Маримуцы и его жиденькое прикрытие.

— Ле Бурже! — позвал Попов помощника.

— Тут, шеф!

— Где еще появился Рой?

— Пока нигде, шеф... А должен?

— Не знаю! — Полковник Попов озабоченным не выглядел, но, безусловно, озабоченным был. Операция по большому счету еще не началась, а сценарий уже нарушен.

— Сколько у нас времени?

Ле Бурже собрался ответить, но тут зазвучал бравурный военный марш шат-тсуров и заставка в видеостолбе сменилась изображением эс-ви-студии. Повсюду знамена с гербом Тсурры, коричнево-синие цвета империи...

И император Унве на трибуне — привезенной, кстати сказать, из разграбленного исторического музея Проксимы Лан-

дыша, более известной как Оранта-1. Трибуна была красивая, вырезанная из цельной глыбы какого-то добытого на Багуте несколько веков назад минерала — полковник Попов названия минерала не помнил.

Император запел. То есть в общепринятом смысле он заговорил, но речь шат-тсуров казалась людям пением — за это мятежные сателлиты птиц-азанни и получили прозвище «поющие скелеты».

— Времени, шеф? — переспросил Ле Бурже. — Вы имеете в виду, сколько продлится речь императора? Минут десять.

Попов досадливо поморщился — он явно имел в виду что-то другое, но распекать Ле Бурже не стал, сразу склонился к переговорнику с координаторами:

— Опал, я Нельма! Начинайте немедленно! Без санкции с Линейного!

Полковник Попов опередил Линейного всего на полсекунды — приказ начинать прозвучал, когда полковник произносил слово «санкции»:

— Фаза один! — скомандовал Линейный, то бишь адмирал Хемерсбрандт.

Сработали первые три сшивки, забросившие шоковые гранаты, ослепители и капсулы с нервно-паралитическими препаратами в студию, где выпевал обращение к нации император Унве.

Это было красиво — в студии вдруг расцвело несколько ярко-белых роз, потом видеостолбы по всей галактике тоже стали ослепительно белыми, так что почти у всех зрителей (кроме тех, кто был к этому готов) резануло глаза. Те, кто был готов, отметили только срабатывание светофильтров на поверхности видеостолбов — опасная для зрения спектральная полоса была попросту вырезана из изображения.

Президент Вернер Винцль точно не знал, сколько секунд должно пройти между заброской «подарков» охране императора и заброской собственно группы захвата. Ему показалось, что возня в студии (а камеры продолжали исправно работать) началась еще во время вспышек, хотя на самом деле это было не так.

5

— Внимание! Три! Два! Один! Переход!

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Справа и слева кто-то уже остервенело стрелял из импульсника, хотя Скотч пока не успел вычленить ни единой цели. Да ему это и не полагалось, Скотч шел на задание безоружным. Если, конечно, не считать ручного бласта в кобуре и виброножа на поясе. Руки его были заняты совершенно иным: правая — варежкой-пультом портативного поясного гравизахвата, а левой Скотч держал за шиворот пустотного комбеза ополоумевшего шат-тсура, разменного «болвана».

Группа, до момента перехода тесная и спрессованная, раскрылась, будто диковинный цветок. Гаваец, Тамура, Костя Цубербюллер, братья Суондреды, Рагназь — вся боевая десятка палила из бластов по охране, одновременно перемещаясь к объекту. Им пытались помешать — шоковые гранаты и паралитик не взяли личную охрану императора, да и роботов-телохранителей повредить удалось далеко не всех. Зато остальная публика исправно валялась на полу.

Объект прятался под шикарной трибуной, задрапированной под крапчатый камень. Мельников и безымянный погранец упорно стремились туда, нарываясь на импульсы из бластов охраны, но тройная силовая защита лучевые удары пока держала.

Охранники тоже были облачены в защитные комплекты, но такой вариант был заранее предусмотрен: по ним били не лазерным оружием, а динамическим, из подствольников. Рослые шат-тсуры из личной гвардии императора Унве влипали в стены, оставляя в них заметные вмятины, и бессильно сползали на пол. Досталось и роботам, причем с ними возиться пришлось дольше, чем с живой охраной.

Все, Мельников с приятелем вот-вот возьмут объект... ан нет: оба с размаху натыкаются на какое-то препятствие и падают.

Дьявол! Похоже, вокруг трибуны тоже стоит защита — то ли силовая, то ли гравитационная.

Решение пришло мгновенно. Если не гора к Магомету, значит, наоборот, чего тут думать.

— Внимание! — заорал Скотч надсадно, так, что заломило в висках и запершило в горле. — Все к трибуне! Полукольцом!

Поняли, слушаются.

— Отстрел!

Скотч снял гравизахват с «болвана» и пнул ничего не соображающего скелетика так, что тот улетел к противоположной стене.

— Чужих — долой!

Понимают, молодцы — валяющихся работников студии хватают за что попало и расшвыривают в стороны. Пять — десять секунд — и вокруг трибуны остаются только свои. А под трибуной — объект.

— Уход раз! — проорал Скотч, и все как один прижались к невидимому защитному колпаку. Император злобно зыркал на происходящее из-под трибуны и шарил рукой на поясе...

— Уход два!

«Ах ты! — подумал Скотч, уже крикнув. — Он ведь вооружен!»

Хорошо, что изнутри защитный колпак проницаем в той же мере, что и снаружи. Но подготовиться надо!

Мир привычно схлопнулся и раскрылся уже иным. Мигнула, подстраиваясь под переменившееся освещение, изомерная линза у лица. Пол предательски саданул по ногам бойцам группы захвата — почти все попадали на пол. И в тот же миг защитный колпак исчез, хотя Скотч чувствовал его первые мгновения после перемещения.

Значит, защитой управлял сам император и генератор поля у него где-нибудь в кармане или на рукаве.

Впрочем, это в данный момент было не важно, куда больше Скотча занимало другое обстоятельство. А именно — бласт в руке Унве.

Распрямившись, будто пружина, Скотч прыгнул. Он был готов к этому прыжку, он начал к нему готовиться еще там, в отстоящей от точки старта и финиша на мегаметры и световые годы студии. И поэтому он успел.

У Скотча и впрямь не было оружия — только древний ручной бласт с надписью «Смерть или слава» на рукоятке да виб-

ронож. С самой Табаски Скотч никогда и никуда не ходил без ножа — даже в уборную. И сейчас верный и любимый SpyderEdge удобно лежал в ладони, а чуть изогнутое и зазубренное, словно коготь гигантского насекомого, лезвие было готово кромсать все, что попадет под руку.

Например, жесткий экзоскелет шат-тсура. В самом деле, не стрелять же в такого ценного пленника из бласта! А вот малость подпортить шкурку, то бишь экзоскелет...

Унве заорал и уронил бласт, так и не выстрелив, когда Скотч располосовал ему правую кисть.

— На пол, руки за голову! — рявкнул Скотч на интере, окончательно срывая голос. И, не выдержав, отвесил императору безжалостный подзатыльник.

Унве привык не подчиняться командам, а отдавать их, поэтому он не выполнил приказ так быстро, как хотелось бы похитителям. Но на полу все равно оказался мигом — рука у Скотча была тяжелая.

— Фаза два! — прошел сигнал Линейного.

Корабли с группами наведения торопливо уходили за барьер. Пустую космостанцию, где оборудовали стартово-финишную площадку группы захвата, медленно втягивал в грузовой трюм малый атмосферный крейсер «Огастес Флинн» под командованием адмирала Дмитрия Фисуненко.

Потрясенная галактика замерла у видеостолбов и эс-ви экранов, не зная, верить в случившееся или не верить, действительно империя лишилась головы или же это какая-то непонятная мистификация.

На миры шат-тсуров и оаонс немедленно начали трансляцию агитационных роликов с призывами к капитуляции. Союзные силы получили приказ атаковать Багуту и Тсурру — на этот раз всерьез, а не для отвода глаз.

Астероид Роя вместе с немногими оставшимися скаутами, так ничего и не предприняв, исчез.

Только Скотч ничего этого еще не знал. Он, как и вся группа захвата, знал лишь одно: они выполнили миссию, после чего началась фаза два.

— Кого-нибудь задело? — спросил Скотч, глядя на свою гвардию.

— Меня, — виновато держась за предплечье, сообщил Мистер Литтл. — Опять в руку! В ту же, представляешь?

— Везет тебе, — проворчал Скотч. — Жить будешь?

— А то!

Послышался далекий лязг; пол ощутимо дрогнул — космостанция утвердилась в грузовом трюме крейсера, а несколькими секундами позднее крейсер был переброшен в Солнечную загодя наведенной сшивкой.

Операция «Группер» завершилась: важная добыча была успешно проглочена. На глазах у всех обитателей галактики.

ЭПИЛОГ

Союз все рассчитал верно: лишенные предводителя скелетики окончательно потеряли боевой дух и сдались почти без боев. Оставшихся в меньшинстве перевертышей задавили банальным числом, для верности отправив вперед автоматы. Империя окончательно испустила дух по истечении земной недели после похищения Унве.

Конечно же, готовился громкий судебный процесс — повторного мятежа старшие галакты допустить не могли, поэтому старательно вколачивали в сознание более молодых, сплошь и рядом недовольных собственным положением рас, нехитрую мысль: смирение лучше бунта.

Скотч и его боевая группа, как ни странно, никаких особых почестей не дождались. Особенно Скотч: за нанесенную императору травму руки его основательно взгрели. Зато лица Нери Йонаса и Гектора О'Риди ежедневно мелькали на всех эс-ви-каналах; эту парочку носили чуть ли не на руках. Было еще несколько личностей, оказавшихся после победы в центре внимания, но их вклад в операцию «Группер» от глаз непосредственных исполнителей как-то ускользнул.

Вскоре стало понятно почему: группа Скотча в полном составе, а также Веселов, Шулейко, Маримуца с Раджабовым и МакГрегори с Сориалом получили предложение от настоящих коллег Мельникова-Семенова. Легко догадаться какое.

Произошло это на Кассандре-6, во все том же госпитале-санатории «Хозчасти».

Народ расслаблялся; даже на фляги со спиртным руководство теперь глядело сквозь пальцы. Победа...

Три типа в штатском заявились на шестнадцатый день после пленения Унве. Как раз накануне куда-то исчезли Мельников и его напарник; Скотч с ожесточением подумал, что эти двое вполне могут назавтра не узнать его, случайно встретив в коридоре. Что Мельников назовется другой фамилией, а его молчаливый приятель снова не назовется никак.

Скотч угадал; его вызвали первым.

Трое в штатском расположились в комнате для свиданий очень по-хозяйски — чувствовалось, что они везде ведут себя как дома.

— Добрый день, Вадим. Меня зовут Ле Бурже, его Райд, а его — Равиль. Мы представляем здесь одну из мощнейших структур доминанты, на которую вы с товарищами, собственно, и работали последнее время.

— Это какую же? Пресловутую «Хозчасть»?

— Именно.

— И как она зовется по-нормальному? Или мне пока не положено знать?

— Так вы согласны?

— Еще нет.

Ле Бурже улыбнулся — не то чтобы снисходительно, но как-то до жути уверенно, словно знал наперед все, чему суждено было произойти.

— Мы называемся генеральной службой контрразведки доминанты Земли. Вы с товарищами немало поработали в последнее время. И показали себя с наилучшей стороны. Вполне естественно было привлечь вас на регулярную работу, раз уж вы так много узнали и так хорошо себя проявили. Кстати, Мельников лично о вас очень высокого мнения.

Скотч злился все сильнее и сильнее.

— Скажите, а это обычное дело для вашей службы — все время подставлять своих?

Ле Бурже продолжал улыбаться:

— Вадим, мы не знаем слова «подставлять». Мы знаем только одно-единственное слово, точнее словосочетание — «обеспечивать безопасность доминанты Земли». Остальное —

частности. Если понадобится отдать жизнь за доминанту, любой из нас сделает это, не задумываясь. Вы ведь тоже такой, поэтому мы с вами сейчас и разговариваем.

— А зачем вы промываете память своим людям после каждого задания?

— Разумеется, исключительно для пользы дела. Ис-ключи-тель-но!

Скотч отвернулся и долго глядел в сторону.

— А если я откажусь? — спросил он глухо.

— Ваше право. — Ле Бурже чуть заметно пожал плечами и быстро переглянулся с Райдом. — Но я не советую. Некоторых из вас мы просто не сможем отпустить. Всем вам по-любому придется пройти через коррекцию памяти. Когда вы очнетесь, вы будете помнить только то, что нужно, причем будете твердо убеждены, что согласились работать на нас. Так же мы поступим со всеми, кто нам нужен безоговорочно. Вот видите, как я откровенен.

— То есть, — сказал Скотч холодея, — все уже решено за меня? И выбора, по сути дела, нет?

— Ну почему же нет? Работать в контрразведке лучше добровольно и осознанно. Так что соглашайтесь — в подсознании все равно остается слишком многое, чего никак не вытравишь никакими коррекциями памяти. Согласитесь сейчас — можете далеко пойти. Откажетесь... тогда вас ожидает скорая гибель на какой-нибудь пустячной миссии. Подсознание не обманешь.

Скотч снова отвернулся.

— А кого вы еще намерены... пригласить?

— Всех.

— Всех?

— Да, всех. Всю вашу группу. Искателей Веселова и Шулейко. Ваших приятелей по Табаске — МакГрегори и Сориала. Офицеров Маримуцу и Раджабова. Всех, кто не жалел себя для победы. А уж работы на наш век хватит, можете не сомневаться, каждому по умениям. Кстати, у нас работают только офицеры, так что можете подбирать новые нашивки.

Минуту спустя Скотч, все еще глядя в пол, дал ответ:

— Черт с вами... я согласен. Но могу я попросить, чтобы мне не терли из памяти абсолютно все? Ведь можно же кое-что оставить?

— Мы обсудим этот вопрос в индивидуальном порядке, Вадим. Спасибо, мы в вас не ошиблись. Будьте добры, пригласите сюда вашего зама, капрала Саксина.

Скотч, ощущая в голове и груди гулкую пустоту, вышел и поманил к себе Солянку.

— Иди, — сказал он.

— Покупают? — поинтересовался Солянка.

— Да.

— Задорого?

— За офицерское звание.

— Понятно. На шару, стало быть. Ты продался?

— Продался.

— Угу. Ну, тогда еще ничего. По крайней мере скучно не будет.

— Это уж точно. Поскучаем только после смерти.

Продались все — и Цубербюллер, и Тамура, и Суондреды, и боевой пловец, и Рагназь. С особой охотой продался Гаваец.

Отказались только Валти (по возрасту) и, к удивления Скотча, Мистер Литтл.

— Литтл? Ты отказался? Почему?

— Понимаешь, — вздохнул тот, баюкая дважды раненую руку, — у меня сын родился... Ромка. Куда мне?

— Сын? — Скотч опешил. — Когда ж ты успел, шельма?

— Да вот... — Литтл расплылся в характерной улыбке новоиспеченного папаши. — Вику Кузнецову помнишь? С «Дифферента»?

— Конечно, помню!

— Вот она...

Скотч, сцепив зубы и стараясь не думать о том, что скорее всего никогда не вспомнит ни этого момента, ни мистера Литтла, обнял своего бывшего завхоза и процедил, стараясь, чтобы это не прозвучало зло:

— Ну, будь счастлив, старик...

Примерно в это же время на Офелии в президентском дворце происходил торжественный прием, на который прибыли наиболее влиятельные лица пяти старших рас плюс приглашенные гости из рас второй волны.

Приглашены были и адмиралы флотов Солнечной, и адмирал Фисуненко, немало потрудившийся на ниве спецзаданий, и даже полковник Попов присутствовал, хотя его тут знали очень немногие — разве что свайг Аххо Тео.

Естественно, не обошлось без торжественных речей и тостов.

Адмирал Тим Хемерсбрандт, держа в руках бокал с офелийским вином, слушал очередную речь и потихоньку размышлял обо всем понемногу.

О недавней победе и о пропасти, по краю которой прошелся союз. О наступлении совершенно новой эпохи, когда воевать по-старому будет практически невозможно — операция «Группер» наглядно доказала, что изобретательность и быстрота мышления могут приспосабливать генераторы и сшивки для все новых и новых дел. О галактике-2, которую скорее всего предстоит исследовать им, военным, потому что куда-то нужно после войны применить силы миллионов солдат. О достигнутой почти абсолютной мобильности, когда расстояния утратили былое значение и в ту же галактику-два попасть не сложнее и не дольше, чем в соседнюю комнату.

— Уважаемые союзники! — говорил вершитель Орхуд с Галереи Свайге, торжественно развернув гребень. — Мы пережили ужасное время. Мы пережили смуту, попытку передела давно устоявшегося порядка вещей.

Свайг говорил витиевато и напыщенно, явно полагая, что именно здесь и именно так делается история.

— Однако мы сумели преодолеть это, сплотив ряды и объединив усилия. Союз в очередной раз доказал: он, и только он, является оплотом равновесия и стабильности в галактике. И теперь, когда мы впервые за многие и многие циклы прорубили окно в новую галактику, мы обязаны принести туда наши ценности и свободы.

Хемерсбрандт усмехнулся. Свайги явно нацелились расширить свою доминанту в галактику-два. Ну-ну!

— Агрессор наказан и посрамлен! Союзу — виват! Мы в очередной раз доказали, что дух и твердость — непобедимы! — Свайг завершал парадную речь. — Пирамиды Азанни, Триада Цоофт, Технократия а'йешей, доминанта Земли и Галерея Свайге сде-

лали все это вместе. Мы победили! И никто, никто, кроме нас, не справился бы с монстром по имени империя!

Хемерсбрандт все же не удержался — пафос самодовольной, практически лишенной юмора рептилии мог по-настоящему пронять разве что самих свайгов да обе расы птичек. Что до а'йешей с их малопонятной логикой и совершенно непостижимой моралью — их понять могли только они сами, с этим давно смирилась вся галактика. Но людям речь вершителя Орхуда, невзирая на формальную истинность, все равно казалась смешной. Поэтому Тим Хемерсбрандт коротко и сдержанно рассмеялся.

— Вы не согласны со мной, адмирал? — удивленно спросил вершитель и еще шире развернул над головой роскошный гребень.

Пришлось взять себя в руки, приосаниться, напустить серьезности на лицо и ответить именно так, как ожидали окружающие:

— Ну, почему же не согласен, уважаемый коллега? Совершенно с вами согласен! Действительно, победить империю не мог никто, кроме нас!

И закончил фразу мысленно:

«...кроме нас. Людей».

июнь 2003 — октябрь 2004
Николаев — Москва

Внимание! При написании этой книги
не пострадал ни один Семецкий-2!

Содержание

Наследие исполинов 5
Никто, кроме нас 371

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 17б, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытищи, Мытищи, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич

Наследие исполинов

Никто, кроме нас

Из цикла «Война за мобильность»

Фантастические романы

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.05 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

ООО «Транзиткнига»
143900, Московская область,
г. Балашиха, шоссе Энтузиастов, д. 7/1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ОАО «Издательство «Самарский Дом печати».
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-036177-7

9 785170 361779